История России с древнейших времен до конца XX века.
в 3-х книгах

Боханов А.Н., Горинов М.М.

Книга I.

История России с древнейших времен до конца XVII века

Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «История»

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для системы педагогических вузов России.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
член-корр. РАН А.Н. Сахаров (отв. редактор),
докт. ист. наук В.П. Дмитренко (зам. отв. редактора).
академик РАН И.Д. Ковальченко,
член-корр. РАН А.П. Новосельцев

Москва

АСТ

2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Раздел I. Древняя Русь

Глава 1. Древнейшие цивилизации на территории нашей страны
§ 1. Некоторые аспекты древнейшей истории
§ 2. Иранцы юга и греческие колонии в Северном Причерноморье
§ 3. «Черняховцы» и готы
§ 4. Гуннское нашествие и его последствия
§ 5. Наследники гуннов
§ 6. Хазарское государство
Глава 2. Восточные славяне и образование Древнерусского государства
§ 1. Происхождение славян
§ 2. Ранние политические объединения восточных славян
§ 3. Борьба Севера и Юга и образование Древнерусского государства
§ 4. Ранняя Древнерусская держава
§ 5. Кризис середины X в. и реформы Ольги
§ 6. Святослав — князь-воитель
§ 7. Новая смута на Руси и утверждение в Киеве Владимира
§ 8. Владимир и его реформы
§ 9. Принятие христианства и его последствия
Глава 3. Неславянские народы IX — начала XIII в.
§ 1. Степные кочевники
§ 2. Поволжье, Урал, Север
§ 3. Народы Северного Кавказа
Глава 4. Эпоха Ярослава Мудрого
§ I. Основные черты русской истории к началу XI в.
§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб — князья-мученики
§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси
§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром
§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские святители
§ 6. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия
§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту
Глава 5. Русь на перепутье
§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е годы XI в.
§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря
§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха
§ 4. Трагедия 1096—1097 гг.
§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г .
§ 6. Восстание 1113 г . и эпоха Владимира Мономаха
Глава 6. Политический распад Руси
§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты
§ 2. Начало политической раздробленности Руси
Глава 7. Образование на территории Руси княжеств - государств
§ 1. Киевское княжество
§ 2. Черниговское и Северское княжества
§ 3. Галицко-Волынское княжество
§ 4. «Господин Великий Новгород»

§ 5. Владимиро-Суздальское княжество
Глава 8. Культура Руси X — начала XIII в.
§ 1. Как зарождалась культура Руси
§ 2. Письменность, грамотность, школы
§ 3. Летописи
§ 4. Литература
§ 5. Архитектура
§ 6. Искусство
§ 7. Быт народа
Глава 9. Начало монголо-татарского вторжения на Русь
§ 1. Рождение монгольской державы
§ 2. Чингисхан
§ 3. Завоевания монголов
§ 4. Трагедия на Калке

Раздел II. Северо-Восточная Русь

Глава 10. Ордынское владычество
§ 1. Батыево нашествие
§ 2. Натиск с северо-запада
§ 3. Система ордынского господства
§ 4. Ордынские «рати» и восстания на Руси
Глава 11. Начало возрождения Руси
§ 1. Новые условия и рубежи
§ 2. Жизнь возрождается
§ 3. Города
Глава 12. Москва и объединение земель
§ 1. Младший сын Невского на уделе
§ 2. Политическая система. Борьба за первенство
§ 3. Собирание сил
§ 4. Куликовская победа
Глава 13. В борьбе за единство и независимость: Русь в конце XIV — середине XV в.
§ 1. Политическая карта Восточной Европы в конце XIV в. Два центра объединения русских княжеств
§ 2. Между Сараем и Вильно: внутренняя и внешняя политика Василия I
§ 3. Феодальная смута второй трети XV в. и кризис московской династии
§ 4. Северо-Восточная Русь в канун последней трети XV столетия

РАЗДЕЛ III. Становление Российского централизованного государства

Глава 14. Государь «всея Руси»
§ 1. Ханский «улусник» на пути к единому Российскому государству
§ 2. Как «улусник» стал «государем всеа Руси» и «Русьских стран христианским царем»
§ 3. Россия на периферии Европы и у ворот Азии
§ 4. Дела семейные, государственные, державные
Глава 15. Россия в XV — середине XVI в.: страна и общество
§ 1. Природная среда и хозяйственное пространство земледельца
§ 2. «Золотой век» российской пашни: крестьянин в контурах двора, деревни, общины
§ 3. Российский крестьянин: образы социального бытия
§ 4. «Гость» и ремесленник в российском городе

§ 5. Воины и управители: российская знать и дворянство на переломе эпох
§ 6. Молящиеся у престола: общественная роль русской церкви
Глава 16. Два лика грозного царя: Россия в эпоху реформ и контрреформы середины XVI в.
§ 1. В канун царского венчания: политическая борьба и кризис власти в 20—40-е годы XVI в.
§ 2. «Казанская война» и начало реформ
§ 3. «Избранная рада» и Российское централизованное государство
§ 4. Опричнина и «вражье разделение» общества
Глава 17. Русская культура второй половины XIII—XVI в.
§ 1. Просвещение. Накопление знаний
§ 2. Фольклор. Литература
§ 3. Живопись
§ 4. Архитектура
§ 5. Прикладное искусство
§ 6. Быт
Глава 18. Смута начала XVII в. и исторические судьбы России
§ 1. Россия на рубеже двух столетий: кризис общества и государства
§ 2. Была ли Смута первой гражданской войной в России?
§ 3. Политические центры эпохи Смуты и «конечное разорение Московского царства»
§ 4. Восстановление единой государственности в России и последние раскаты Смуты
§ 5. Последствия Смуты и международное положение России в канун Тридцатилетней войны
Глава 19. Государство после Смуты
§ 1. Первые Романовы
§ 2. Боярская дума и Земские соборы
§ 3. Приказы
§ 4. Местное управление
§ 5. Законы
§ 6. Государство и церковь
§ 7. Преемники царя Алексея
§ 8. Народное хозяйство — от упадка к подъему
Глава 20. Социальные противоречия и потрясения
§ 1. Сословия
§ 2. Народные восстания
§ 3. Восстание Степана Разина
§ 4. Восстания в Москве
Глава 21. Внешняя политика: войны, расширение границ
§ 1. Русско-польская (Смоленская) война
§ 2. Укрепление южных границ. «Азовское сидение»
§ 3. Воссоединение Украины с Россией
§ 4. Война России и Украины с Речью Посполитой
§ 5. Русско-турецкая война. Чигиринские походы
§ 6. Крымские походы
§ 7. Азовские походы
§ 8. Присоединение Сибири
Глава 22. Русская культура в XVII в.
§ 1. Просвещение
§ 2. Научные знания
§ 3. Фольклор. Литература
§ 4. Архитектура
§ 5. Изобразительное искусство
§ 6. Театр

Предисловие

Каждая эпоха нуждается в своем осмыслении истории Отечества в тесной связи с мировой историей. И происходит это вовсе не потому, как это кажется некоторым, что на смену одной идеологической конъюнктуре приходит другая, хотя и это нельзя не учитывать, а просто потому, что меняется сам мир, вместе с миром меняемся мы — поколение за поколением, и смена идеологических стереотипов является в конечном итоге лишь отражением исторического развития как всей мировой цивилизации, так и нашего Отечества. История дает этому многократные примеры. Так, вторая половина XVIII в. и начало XIX в. с революционными потрясениями во Франции и победой легитимизма на Востоке Европы ввели в жизнь идеологию Просвещения, тесно связанную в государственной сфере с идеалами просвещенного абсолютизма, которые отразились и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, и в концепции С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность», и в их понимании органического, эволюционного, не прерываемого революциями развития цивилизации. Бурное развитие буржуазных отношений во второй половине XIX в. вызвало к существованию, с одной стороны, концепции либерального, демократического обновления человечества в соответствии с идеалами гражданского общества, правового государства, а с другой — породило марксизм, ставший идеологией отторгаемых в этом обновляющемся мире низов. Это дало два совершенно различных исторических подхода к прошлому и настоящему. XX век сформулировал свое понимание общественного развития. Русская революция, семидесятилетняя практика сначала революционно-тоталитарного, а позднее тоталитарно-бюрократического государства породили понимание истории сквозь призму марксизма-ленинизма, адаптированного к практике устроителей новой жизни и. менталитету миллионных масс обездоленных, обделенных жизнью людей. Другая часть мира исповедовала и совершенствовала буржуазно-демократические концепции исторического развития, в том числе и России, далекие от резко классовых оценок адептов марксизма-ленинизма. Свое понимание российской истории, и образования на территории бывшей империи революционно-тоталитарного, а затем тоталитарно-бюрократического общества дали русская либерально-буржуазная эмигрантская историография, антисталинская революционная эмигрантская общественная мысль, а позднее диссидентское историческое видение. И вся эта оценочная мозаика стала феноменом именно XX века с его страшными войнами, противоборством различных общественных систем, острейшей идеологической непримиримостью. Исторические курсы, написанная история страны, в живейшей степени отражали этот полунаучный, полуидеологический феномен.

На конец XX в.— рубеж XXI в. пришелся в России и странах Восточной Европы еще один общественный излом.

И теперь в новых исторических условиях ученые могут спокойно оглядеться, провести ревизию всего исследовательского багажа прошлого, и с полным пониманием общественной закономерности появления тех или иных концепций, взглядов и даже заведомых фальсификаций истории, попытаться взять из него все действительно научно ценное и отбросить ненужную конъюнктурно-идеологическую шелуху.

Как раз эту цель и ставят перед собой авторы настоящей «Истории России» в трех книгах.

Мы надеемся, что наша «История России» благодарно отразит наиболее сильные, объективно значимые оценки истории нашей Родины, которые содержатся в русской дореволюционной, советской, эмигрантской, диссидентской историографии. Это не значит,

что мы за мешанину взглядов; опорой для исторической оценки в *первую очередь остается факт, источник, документ. Синтез мировых, в том числе отечественных, концепций истории России покоится как раз на введенных учеными разных школ, разных поколений и стран мощных источниковых, документальных пластах, которые по тем или иным причинам оказались прежде невостребованными.*

За последние годы значительный шаг вперед сделали современные российские историки, чьи труды вобрали новую и свежую источниковую базу, оригинальные, освобожденные от прежних, конъюнктурных доминант исследовательские подходы, лучшие достижения мировой историографии. Многие из этих работ послужили основой для создания как «Истории России» в целом, так и отдельных ее разделов. Некоторые разработки вошли в состав «Истории России» в их дискуссионных вариантах, что особо оговаривается в тексте издания.

Характерной особенностью настоящей «Истории России» является также освобождение ее от какой-то одной навязчивой идеи, которая якобы доминировала в истории страны. В прошлые века это была идея автократической власти, якобы оплодотворявшая страну и народ, или рассуждения о великой роли православия в истории России. В XX в. таковой стала мысль о примате материального, экономического производства и классовой борьбы в мировой истории, в том числе и истории нашего Отечества. Не отрицая значения ни того, ни другого, ни третьего, создатели трехтомника полагают, что на историю страны воздействует гораздо более богатая и разнообразная палитра факторов, нежели скудный набор из двух-трех схематических доминант. Причем эти факторы имеют различное значение в разные периоды истории страны. Наряду с уже отмеченными рассмотрено влияние географического фактора на жизнь страны, ее полиэтничность, региональные особенности, внешнеполитические обстоятельства, колонизационные процессы, личностный фактор, влияние духовных начал на эволюцию общества и ряд других специфических обстоятельств, воздействовавших в тот или иной период особенно активно на исторический путь страны. Все это позволяет не только воссоздать историю отдельных классов, но и подойти к эволюции всего общества в целом, со всеми его институтами, в его основных противоречиях и сцеплениях народа как такового, состоящего как из высших, привилегированных слоев населения, из «среднего» сословия, из обывателей, так и из низов общества, которые совместно, сцепленные друг с другом и находившиеся в отдельные периоды в остром антагонизме, созидали историю страны, выдвигаясь порой на ее авансцену, а. порой отходя в тень и затухая в своей общественной значимости.

В истории народа, страны, государства все и вся зависимы друг от друга, все связаны вековыми отношениями, все находились и находятся под воздействием одних и тех же исторических факторов. Ни один период в истории страны, ни одна значительная личность не выскакивает неожиданно и неподготовлено, как чертик из табакерки. И даже XX век, принесший России столько радостей и горя, небывалых взлетов и ужасающих исторических провалов, торжества и трагедий целых классов, сословий, групп, обусловлен природой всего общественного развития страны. Гири истории обычно точно взвешивают судьбу и цивилизационную значимость народа. И народ обычно платит за это сполна.

Наконец, возможно, настало время для того, чтобы попытаться выявить место и роль России в истории мировых цивилизаций Европы и Азии, определить ее влияние на развитие Евразии и обратное воздействие евразийских факторов на жизнь страны, показать общее и особенное в судьбах нашего Отечества по сравнению с другими народами и государствами сопредельных и дальних стран.

Мы не стремились унифицировать стиль изложения отдельных частей «Истории России». Каждый автор получил возможность отстоять не только свои творческие, но и стилистические особенности.

Некоторые противоречия в трактовке одних и тех же периодов истории, особенно спорных проблем Древней Руси, и объясняются этими предоставленными авторам возможностями.

Мы отдаем себе отчет в том, что наше поколение авторов и редакторов связано незримыми нитями со всей предшествующей историографией, с нашим индивидуальным исследовательским опытом, с определенными жизненными установками. Конечно, все это не может не отразиться на тексте издания. И все же время диктует новые подходы к истории, и мы полны желания ответить на этот вызов

Первая книга «Истории России» охватывает период от глубокой древности до конца XVII в.

В основу периодизации положен принцип хронологически-территориальный, а не социально-экономический, трудно поддающийся вычленению на этих ранних этапах российской истории, хотя ему и уделено должное внимание.

Уже в первых главах книги подчеркивается значимость духовных начал на ранних стадиях жизни России, поскольку примат производства и связанные с ним исторические компоненты были здесь зачастую стерты, стушеваны, замедлены геополитическими условиями и не могут выступать в качестве безусловного критерия периодизации. На основе новых археологических исследований воссоздается картина индоевропейской общности народов Восточной Европы, среди которых свое место занимают далекие предки славян, а позднее и сами восточные славяне. Впервые, пожалуй, столь подробно, в органическом пространственном единстве представлены основные окружающие славян народы, выявлены этнические, производственные, культурные, духовные, лингвистические и прочие связи и взаимопроникновения восточных славян, болтов, угро-финнов, тюрок, иранцев, осваивавших Восточно-Европейскую равнину.

Подробно рассказано о гуннах, Хазарском государстве, чье разнообразное влияние на судьбы славянства трудно переоценить. В разделах, посвященных происхождению восточных славян, использованы последние разработки археологов и подчеркнуто органическое единство славянства с окружающим иноязычным миром. Впервые столь определенно поставлен вопрос о двух основных политических центрах, консолидировавших восточных славян: северном (Новгород) и южном (Киев), о борьбе Севера и Юга, и о победе Севера, что послужило предпосылкой для образования единого Древнерусского государства.

Вопрос о призвании варягов и их этнической природе как скандинавов дается в книге традиционно, хотя существует и иная, прочная версия об их принадлежности к миру славянства южно-балтийского побережья.

В разделах, посвященных истории Древнерусского государства, сделана попытка рассмотреть эту историю на фоне всего евразийского региона. Постоянные смуты и междоусобицы на Руси показаны как закономерные явления, объясняющиеся региональными, этническими и, конечно, социальными особенностями страны.

По-новому решается в книге вопрос о роли и месте церкви, религии в системе древнерусского общества, о значении морального подвига первых русских религиозных подвижников и святых.

Проблема политической раздробленности Руси рассмотрена также с новых позиций, ее хронологическое начало определяется вопреки существующей традиции лишь с 30-х годов XII в., а не с середины XI в.

Прежние трактовки развития социально-экономического уровня Руси представлены в книге как завышенные. Больше, чем, прежде, внимания уделено портретным характеристикам видных деятелей Руси — Ольге, Святославу, Владимиру I, Ярославу Мудрому, Владимиру Мономаху. Подчеркивается, что древняя русская культура формировалась как уникальный мировой феномен на основе синтеза культуры языческой, влияния византийского христианства, полиэтнических культурных традиций.

В разделах, посвященных перемещению центра российской государственности с берегов Волхова и Днепра на северо-восток, в междуречье Волги, Оки и Клязьмы, поднят ставший в последнее время вновь дискуссионным вопрос о роли монголо-татарского нашествия в жизни Руси — России. В книге нашествие и последующее иго показаны как трагедия народа, страны, российской государственности.

Более взвешенно оценена борьба за политическое первенство в Северо-Восточной Руси XIV в., где лишь после больших усилий Москва оттеснила своих весьма достойных и изначально не обреченных соперников — Тверь, Нижний Новгород.

История России с конца XIV до середины XVI в. трактуется в известной степени по-новому, сквозь призму воздействия на судьбы страны геополитического фактора, когда наряду с растущим Московским великим княжеством большую роль в борьбе за первенство в регионе играли Великое княжество Литовское и слабеющая Золотая Орда. Равный статус ряда русских великих княжеств, постоянное противодействие экспансии Литвы, поддерживающей русский сепаратизм, предопределили насильственный характер объединения Северо-Восточной и Северо-Западной Руси под эгидой Москвы. Старомосковское служилое боярство стало той решающей силой, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть этой борьбы.

Нетрадиционно прозвучит и вывод о том, что становление государственных политических институтов, поземельных отношений объединяющейся и централизующейся России вбирало в себя различные модели ранее самостоятельных княжеств и, добавим, возможно, Орды.

Принципиально по-новому рассмотрен вопрос об освобождении от монголо-татарского ига. Это относится и к хронологии событий, и к их международному контексту, а главное — к выводу о стремлении Орды путем очередного нашествия поставить Русь на тот же уровень разгрома и политической зависимости, как это было во время Батыева нашествия.

Становление Русского централизованного государства более определенно, чем прежде, вписано в евразийскую систему политических и экономических связей. По-иному определена в этом процессе и роль русской православной церкви, чьи иерархи имели безусловно прогрессивное значение в формировании новой России. В этом плане в области как политической, так и экономической акцент сделан на объективные показатели, а не на атеистические стереотипы.

В разделе, посвященном социально-экономическому развитию страны, особое внимание обращается на природно-климатические условия и их влияние на возможность экономического развития России, ее военный потенциал, на активизацию колонизационного движения.

Для истории страны этого времени всегда был принципиально важен вопрос об эволюции положения крестьянства. Традиционно он решался в плане ухудшения его положения. В книге приводится иной материал, говорящий об унификации статуса разных категорий крестьян, улучшении их правоположения и сохранении приемлемых для них экономических условий. Суммированы выводы последних лет о сущности феодальной собственности этого времени, представлявшей собой сочетание отношений государственно-корпоративной собственности и частной, сеньориальной.

Новые оценки даны в изложении истории России первой трети XVI в. и особенно реформ середины века. Опричнина же рассмотрена как явление контрреформационного порядка, как тоталитарно-репрессивный режим самодержавной монархии, отнюдь не выражавший ее главного направления развития. Многие аспекты истории России 50 — 70-х годов XVI в. показаны в скрещении личных судеб, характерных черт главных деятелей эпохи.

Смута же, пожалуй, впервые в столь обобщающем издании показана как проявление глобального структурного кризиса страны и государства, как гражданская война, сопровождавшаяся ростом сепаратизма и политическим распадом страны.

Отсюда и новые оценки воссозданной российской монархии, которая во многом содействовала прекращению Смуты, «умирению» земли, налаживанию хозяйственной и государственно-политической жизни.

При анализе истории XVII в. авторы отказались от искусственного противопоставления новой, «петровской» *России дремотной России предшествующего столетия. Акцент, напротив, сделан на общности этих периодов, вторая половина XVII в. оценена как период*

предреформенный (протекавший в невероятно трудных внутри- и внешнеполитических условиях), что проявилось во многих областях жизни страны — в хозяйстве, внешней политике, культуре, отношениях между церковью и государством и т.д.

При обрисовке основных аспектов истории русской культуры внимание обращено на ее цикличность в связи сначала с потрясением и упадком, вызванным монголо-татарским нашествием, затем восстановлением и расцветом в предкуликовскую и послекуликовскую пору, расширением ее ареала, вовлечением в ее лоно все большего количества русских людей, наконец, в связи с новыми тяжелыми испытаниями периода Смуты и послесмутной поры.

Современные научные оценки даны истории становления многонационального Российского государства, в частности, воссоединению Украины с Россией, а также социальным противоречиям в обществе, доходившим порой до острейших коллизий и вооруженной борьбы, с которой, однако, снят определенный налет модернизации, свойственный некоторым обобщающим работам прошлых лет.

А.Н. Сахаров

Раздел I. Древняя Русь

Глава 1. Древнейшие цивилизации на территории нашей страны

§ 1. Некоторые аспекты древнейшей истории

Так уж сложилось, что из многотысячелетней истории человечества достаточно наглядное представление можно составить лишь о самых последних временах благодаря обретению исследователями, наряду с весьма своеобразными и односторонними археологическими данными, сведений письменных источников. Для нашей страны таковые появляются лишь с VIII—VII вв. до н.э. Весь огромный предшествующий период изучается археологами, чьи материалы касаются почти исключительно развития, эволюции сферы материального производства. Оно изменялось крайне медленно, и значительные рубежи в нем обозначались через тысячелетия.

Разумеется, историки, признавая примат производства над прочими сферами жизни, не могут вместе с тем не видеть реальности: во-первых, крайне медленное развитие производства в доиндустриальный период; во-вторых, все большую значимость появляющихся с эволюцией человека иных, в том числе и духовных областей его бытия. С развитием человека в мыслящее, живущее коллективно и творящее материальное и духовное благо существо возникает язык как главное средство межчеловеческих контактов. Немногочисленность человеческих объединений архаичных эпох, а также их крайне слабая связь друг с другом приводят ко все большему обособлению языков, а поскольку именно язык в ту пору в значительной мере определял то, что мы называем этническим лицом, разделение языковых семей на более дробные является также весьма существенной особенностью человеческой истории эпохи ранних цивилизаций или их становления

Эта сфера человеческой истории на ранних этапах находится в ведении лингвистов, которые на основе закономерностей развития языков и сохранившихся в известных древних наречиях элементов еще более архаичных лингвистических структур реконструировали ряд древних языков.

В отличие от материальной исследования в этой сфере не идут в слишком глубокую древность, но тем не менее позволяют в общих чертах восстановить процессы языкового дробления и взаимодействия приблизительно с IV тыс. до н.э. В дальнейшем сюда присоединяется и реальный лингвистический материал, уцелевший благодаря древнейшим системам письменности, возникшим в отдельных регионах земли.

Ныне установлено, что человек появился приблизительно два миллиона лет назад. Древнейшие остатки этого предка нынешнего «гомо сапиенс» обнаружены в Африке, более поздние реликты открыты в Азии и Европе. Длительная эволюция человека из животного царства была связана прежде всего с возникновением и развитием производства, различные этапы которого определяются в науке по материалу, из которого изготовлялись орудия труда (и оружие). Первоначально таким материалом был камень, а потому древнейшие стадии человеческой истории называются палеолит (древний каменный век), энеолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век). В нашей стране эти самые длинные периоды человеческой истории продолжались много тысячелетий и закончились где-то во II тыс. до н.э. Но даже это относится лишь к наиболее развитым районам, тогда как в остальных каменный век продолжался и позже.

Рассматривая историю человечества, мы ясно видим, что первые очаги, как мы говорим, цивилизации возникли сначала в нескольких районах (долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и других рек), затем как бы распространяясь на соседние области. Не случайно, если брать территорию России в ее старых границах, то наиболее ранние цивилизации появились в Закавказье и Южной Средней Азии и лишь позже к северу от Кавказских гор. По-видимому, ранние этапы общественных объединений не обязательно предполагали возникновение государства как такового. Последнее первоначально появилось там, где существовала настоятельная необходимость в создании централизованных форм организации производства, связанного с искусственным орошением. В других районах первоначально достаточно было появления относительно небольших объединений, способных защитить их членов от внешней опасности. Основной структурной ячейкой таких объединений служило племя, состоявшее из родственных коллективов более низкого порядка (родов). Затем происходило становление союзов племен.

Как бы то ни было, для истории человечества важнейшим этапом стало сначала возникновение производящего земледелия, а затем отделение от него скотоводства. Последнее случилось довольно поздно, на нашей территории не ранее рубежа II и I тыс. до н.э. При этом, вопреки распространенному мнению, обособление скотоводства и появление кочевого хозяйства как такового произошло относительно поздно. Если исходить из критерия применения того или иного материала для производства орудий труда (и оружия), то в эту пору значительная часть населения нашей страны жила уже в эпоху бронзового века. Бронза, как материал для производства, требует, однако, наличия, кроме меди, также и олова. Последнее же, в отличие от меди, встречается сравнительно редко. Показательно, что в областях, где раньше всего начался бронзовый век, олово почти отсутствует. Более того, известные в древности месторождения этого металла чаще всего были в стороне от районов производства бронзы и предметов из нее (Испания, Британия и некоторые другие). Это привело к возникновению торговли оловом, ареал которой уже в III—II тыс. до н.э. был весьма обширен. Олово везли из стран Западной Европы в области Ближнего Востока, а это в свою очередь стимулировало усложнение общественных структур и отношений, в частности, вело к возникновению особой категории населения — купечества, морской торговли, мореплавания. И в итоге — расширения сфер цивилизации в ее ранних формах.

Вместе с тем бронза не могла заменить камень или другие материалы (прежде всего кость, дерево), и вплоть до появления железа о полном торжестве металлического производства не могло быть и речи.

Железо же как таковое, хотя и было (в виде метеоритного) известно издавна, стало использоваться в производстве лишь с той поры, когда человек научился его добывать из руды. Месторождений железа в природе неизмеримо больше, чем меди. К тому же с использованием железа исчезает потребность в олове, а следовательно зависимость от импорта последнего.

Но добыча железной руды могла появиться лишь при наличии относительно богатых и близко расположенных к поверхности земли его месторождений. Очевидно, существовали и другие причины того, что древнейшим очагом добычи железа стал в Западной Евразии регион, приблизительно соответствующий современной территории восточной Турции. Именно там во второй половине II тыс. до н.э. появились очаги добычи и производства железа. В ту пору это был весьма дорогой продукт — он стоил в сорок раз дороже золота, и не случайно местные общины строго контролировали вывоз столь ценного металла в соседние, лучше организованные в военном отношении, общества, прежде всего ассирийское. Ассирийцы всячески стремились закрепиться в этих районах. Именно использование железа для производства оружия стало основой военных успехов Ассирийской державы, а затем и ее соседей, в том числе Урарту, частично расположенного на территории современной Армении. Более поздние античные источники сохранили сказания о железодельцах халибах, обитавших в пределах современной северо-восточной Турции. Отсюда, надо полагать, процесс железоделания продвинулся в районы Закавказья, а затем и Кавказа, т.е. на территорию нашей страны.

Но здесь начало железного века приходится уже на VIII и последующие века до н.э., т.е. на время, когда появляются первые письменные источники об областях Северного Причерноморья и Кавказа.

А эти источники позволяют нарисовать очень сложную этническую карту нашей южной территории, которая также имела свою предысторию, раскрываемую по данным лингвистики.

В наше время подавляющее большинство населения России, Украины и Белоруссии — восточнославянские народы (русские, украинцы и белорусы). На втором месте стоят тюрки, затем этносы, говорящие на кавказских языках, финно-угорские народы. Имеются калмыки и буряты, говорящие на монгольских языках, а также различные немногочисленные этносы севера, языки которых составляют особую группу. Из некогда доминировавших на юге нашей страны иранцев уцелел лишь один их потомок по языку — осетины. Такая этническая карта постепенно сложилась в основном в течение последних полутора тысяч лет. Прежде картина была иная. В первые века нашей эры на нашей территории совершенно отсутствовали тюрки. Зато, кроме иранцев, здесь гораздо шире были представлены угры и финны и относительно незначительным был ареал расселения праславян.

В древности доминантными этносами на нашей территории являлись индоевропейцы и угро-финны. Кроме того, на Кавказе обитали этносы, говорившие на кавказских языках.

Единая индоевропейская языковая общность начала распадаться в IV тыс. до н.э. К середине II тыс. до н.э. еще существовала так называемая индоиранская общность, западным соседом которой была балтославянская. Последняя распалась на балтскую и славянскую около середины I тыс. до н.э.

Ныне многие ученые полагают, что прародина индоевропейцев находилась как раз на юге современной России и Украины, хотя существует и гипотеза о том, что ее следует искать в Малой Азии. Говоря об индоевропейцах, затем об индоиранцах, балтах, славянах (праславянах) и т.д., следует подходить к этим понятиям исторически, поскольку в разные эпохи в эти понятия вкладывалось неадекватное содержание. Первоначально носители языка (например, праславяне) могли занимать очень небольшую территорию, которая затем в иных исторических условиях весьма расширилась за счет ассимиляции теми же праславянами различных других этносов (иранцев, балтов, финнов и т.д.). В этом плане все народы смешанного происхождения, но каждый из них объединяет язык и те элементы культуры, что связаны с последним.

Если процесс распада индоевропейской общности занял более двух тысячелетий, то то же самое можно сказать и об угро-финской (или уральской) языковой общности, которая распалась на собственно финскую и угорскую также приблизительно в середине II тыс. до н.э. Прародину этих языков скорее всего надо искать в Приуралье. откуда носители соответствующих языков распространялись на запад и восток. Особые сложности возникают с так называемыми кавказскими языками. В пределах современной России к ним относятся дагестанские, адыгские, нахские и один представитель абхазских (абазинский) языков. К югу от Большого Кавказского хребта обитают грузины (с подразделением на собственно грузин, менгрелов, лазов и сванов), собственно абхазы и остатки некогда многочисленных носителей дагестанских наречий Азербайджана (удины, крызы, хиналугцы и др.).

Вопрос о «прародине» кавказских языков особенно неясен. Известно, однако, что в древности (III—II тыс. до н.э.) на них говорили на большей части территории Малой Азии (нынешней Турции), а также в западном Иране и даже южнее. Позже эти языки сохранились лишь на севере в пределах нынешнего Кавказа.

При этом имели место весьма любопытные явления. Доказано, например, что отдаленным родственником современных вейнахских (чеченского и ингушского) языков были урартский и родственный последнему хурритский. Урартский язык исчез на протяжении I тыс. до н.э., вытесненный в основном так называемым протоармянским, носители которого пришли на Армянское нагорье после великих переселений с запада (Балкан) в XIII—XII вв. до н.э. Есть основания полагать, что ранее общие предки (по языку) урартов и вейнахов за-

нимали обширные территории центрального Закавказья. Еще древнегрузинские легенды рассказывали о том, что предшественниками картвелов (грузин) на значительной части Восточной Грузии были какие-то бунтурки, возможно вейнахи. В I тыс. на севере Кахетни известны цанары, которых скорее всего также надо относить к вейнахам. Позже они слились с грузинами. Наконец, еще до недавнего времени одна ветвь тушин (грузинских горцев) говорила на вейнахском наречии. Следовательно, есть основания полагать, что в древности и ареал распространения этих языков был весьма обширен и простирался от центрального горного Кавказа до районов к югу от озера Ван и даже исторической Сирии. Как и почему этот ареал затем весьма сузился — наука пока четкого ответа не дает. Абхазы и адыги некогда составляли единую этноязыковую общность, занимавшую не только западный Кавказ, но и часть восточной Малой Азии (так называемые протохеты). Предки грузин (по языку), очевидно, жили между абхазо-адыгами и вейнахами. Далее на восток, в современном Азербайджане и западном Иране, обитали племена, говорившие на языках, родственных дагестанским. Однако и область распространения абхазо-адыгских (а затем и адыгских) языков на севере не выходила за пределы южного Прикубанья. К северу от Кубани обитали индоиранцы, а затем и иранцы (после распада индоиранской общности). Этот распад произошел где-то к середине II тыс. до н.э., хотя лингвисты вроде бы обнаруживают общий индоиранский язык в степном Предкавказье и позже (в I тыс. до н.э.). В связи с этим, однако, надо сделать одно существенное замечание: по данным лингвистики, без иных (в основном письменных) материалов почти невозможно очертить ареал распространения того или иного языка. Можно лишь установить его наличие в приблизительных хронологических пределах.

Такой самой общей характеристикой и завершим обзор этнической истории нашей страны до I тыс. до н.э., когда в нашем распоряжении появляются первые письменные известия. Они, включая рассказ знаменитого Геродота, весьма далеки от совершенства и сами нуждаются в специальном скрупулезном изучении, с привлечением иных (археологических и лингвистических) материалов. Однако само их появление знаменует новый важный этап в развитии наших знаний о прошлом, этап, на котором на смену общим схемам, восстанавливающим факты со значительной долей предположительности, приходят вполне конкретные сведения очевидцев.

§ 2. Иранцы юга и греческие колонии в Северном Причерноморье

Согласно старейшим письменным источникам, древнейшим населением Северного Причерноморья были киммерийцы. Именно их называет «отец истории» Геродот, которому мы обязаны основным комплексом известий об этом регионе в древности. Согласно Геродоту, киммерийцы были вытеснены со своей территории скифами и, спасаясь от последних, бежали вдоль восточного берега Черного моря в Малую Азию. О киммерийцах и их приходе в Азию в VIII в. до н.э. упоминают и восточные (ассирийские, Библия) источники. Любопытно, что в грузинский язык их этноним в форме «гмири» вошел в значении «герой, богатырь».

Однако кто такие киммерийцы в этническом плане — мы не знаем, и ученые до сих пор высказывают разные точки зрения на этот счет, из которых наиболее вероятна их принадлежность к индоиранцам.

Скифы, победившие киммерийцев, преследовали их (согласно Геродоту), но поскольку маршрут скифов был иным (они прорвались в Закавказье по берегу Каспийского моря), можно полагать, что их походы в Закавказье и далее до Египта и Сирии не были связаны с исходом киммерийцев, тем более, что хронологически скифские походы относятся к VII в. до н.э. Известно, что скифы участвовали в разгроме Урарту, а затем и Ассирии. В армянском языке «ска» (скиф) имеет тот же смысл, что «гмири» в грузинском. На территории нынешнего Азербайджана ими было основано политическое объединение, известное как Скифское

царство. Очевидно, скифы частично расселились в степных районах Азербайджана и на дагестанском побережье.

Но основная масса скифов обитала в течение многих веков на обширных пространствах от Алтая до Дуная. Уже из этого можно сделать вывод, что скифы пришли в Северное Причерноморье с востока из-за Дона. Их самоназвание было саки (от «сака» — олень), и форма «скиф», зафиксированная У античных писателей, скорее всего множественное число от «сак» (сакта).

В Северном Причерноморье сложился мощный племенной союз, во главе которого стояли так называемые царские скифы, чьи кочевья располагались по левому побережью нижнего Днепра. Именно там Геродот указывал царские могилы. Этим скифам подчинялись прочие скифы. Однако, кроме скифов как таковых, в которых современная наука с полным основанием видит иранцев, в состав их политического союза (возможно союзов) входили и иные этносы. На западе это, очевидно, фракийцы и праславяне, на северо-востоке — финские племена, на западном Кавказе — предки адыгов, в горном Крыму обитали таври — народ неясного происхождения, приносивший человеческие жертвы. От тавров произошло одно из названий Крыма — Таврида. Скифы эпохи Геродота еще не знали государства как такового, хотя греческий историк и именует их правителей басилеями. Термин «басилей» прошел сложную эволюцию, В древнейших источниках — это главы отдельных производств (гончарного, оружейного и т.д.). У Гомера басилей — племенная знать. Во времена Геродота басилеями обычно называли царей, но применительно к менее развитым обществам и племенных вождей. Именно таковыми были басилеи скифов, у которых (скорее всего для V—IV вв.) есть основание видеть тот общественный строй, который называется «военная демократия» и который предшествует государству как таковому.

Скифы Северного Причерноморья находились в постоянных контактах со своими сородичами на территории современных Казахстана и Средней Азии. Античные писатели рассказывают, что во время пребывания Александра Македонского в Средней Азии (20-е годы IV в. до н.э.) к нему прибыло посольство от правителя Хорезма и предложило провести его войска в Македонию через степи нынешнего Казахстана и России, пояснив, что этот маршрут им (хорезмийцам) хорошо известен.

Чуть ли не за двести лет до этого персидский царь Дарий I, покорив среднеазиатских скифов, пытался подчинить и их европейских сородичей. Однако поход Дария в Скифию (ок. 513 г . до н.э.) окончился неудачей. Почти столь же безуспешными были военные экспедиции македонян в 30-е годы IV в. до н.э.

Описывая быт и нравы скифов (в широком смысле), Геродот поясняет, что не все скифы были кочевниками: часть их, особенно по правую сторону Днепра, по Южному Бугу и по нижнему Днестру, занималась земледелием. Возможно, речь идет не о скифах, а о фракийцах, там обитавших. Однако столь же допустимо, что часть скифов постепенно переходила к оседлости, тем более, что характер отношений между местным населением и греческими городами на побережье Черного моря, а также греческой метрополией, этому способствовал. Известно, что коренная Греция всегда испытывала острый недостаток в хлебе, и последний ввозился из ее колоний, в том числе и причерноморских.

Колонизационная деятельность греков началась еще в VIII в. до н.э., причем первоначально доминирующую роль в ней. по крайней мере в отношении Черного моря, играли не города собственно Греции, а эллинские полисы на побережье Малой Азии (Милет и др.). Кстати, и Геродот был выходцем оттуда. Греки вышли в Черное море, очевидно, именно в VIII в. до н.э. Любопытно, что первоначально они заимствовали скифское название этого моря. Скифы же именовали его Ахшайна. т.е. Черное, что у греков превратилось в Аксинский Понт (Негостеприимное море). Однако вскоре за этим водным пространством закрепилось название Понт Эвксинский (Гостеприимное море), и это название удержалось на века, порой, например, у арабов, как просто Понт или Понтийское море. Правда, в средние века Черное море приобретало и иные названия, из которых наиболее интересно Русское море, широко распространенное в X—XII вв. С XIII в. обычным постепенно стало древнее наиме-

нование Черное море (турецкое — Кара дениз, арабское — Бахр ал-асвад, русское — Черное).

Около 640 г . до н.э. возникло первое греческое поселение на северном побережье Черного моря — на острове Березань, а затем на протяжении второй половины VII—VI вв. были отстроены Ольвия в устье Буга, Пантикапей на Керченском полуострове, позже Херсонес в Крыму и др. Все они, исключая Херсонес, были основаны выходцами из малоазиатского Милета. От этих первоначальных поселений отпочковывались дочерние, например, пантикапейцы основали Танаис в устье Дона. Первоначально все причерноморские полисы представляли из себя аналоги собственно греческих. Это были аристократические или смешанные полудемократические города-республики, в которых все свободное население полиса являлось его гражданами. Эти полисы, однако, владели и какими-то землями вокруг города, где обитало и коренное население, с которым установились прочные, хотя и неоднозначные связи.

Как сказано, основную статью вывоза из областей Северного Причерноморья составлял хлеб. Так, в IV в. до н.э. около половины всего зерна, потребляемого в Афинах, привозилось с Босфора. Кроме того, в города метрополии поставляли отсюда рыбу, кожи, а также невольников. Впрочем, скифские рабы не пользовались большим спросом из-за их строптивости, а также потенциальной склонности к вину, которое скифы, в отличие от эллинов, пили неразбавленным.

В свою очередь, эллинские полисы изначально специализировались на ремесленном производстве товаров, необходимых аборигенам.

На юге России и Украины имеется множество курганов, значительная часть которых относится к скифо-сарматским временам. Это могилы знатных людей и вождей. Не случайно в украинском языке и в южнорусских диалектах слово «могила» означает и курган. Большинство последних было разграблено еще в древности, так как не было секретом, что с погребенными знатными людьми в могилы клались и различные ценные вещи, в том числе из золота и серебра. Однако отдельные курганы сохранили свое содержимое, и раскопки их позволили составить представление о характере скифского или смешанного эллинско-скифского искусства, а также о формах ремесленного производства греческих полисов, торговавших с местным населением. Греческие ремесленники специально работали на «варваров», а потому на найденных в курганах вазах имеются изображения не только традиционных сцен из греческой мифологии, но и из обыденной' жизни скифов. В 1831 г . был раскопан курган около Керчи (Кульобский), представлявший гробницу скифского вождя, датируемую IV—II вв. до н.э. Вождь и его супруга были положены в кипарисовые гробы, а с ними было помещено оружие и различные предметы, необходимые, по скифским представлениям, в загробной жизни. Среди них уцелела золотая ваза, на которой изображены сцены из скифской жизни, выполненные несомненными знатоками последней и с большим умением. Среди них мы видим скифа, натягивающего лук, а рядом — выдергивающего у своего друга больной зуб.

Встречаются сцены из военной жизни, изображение столкновений скифов и эллинов. Весьма популярен так называемый звериный стиль, присущий скифам-кочевникам на огромных пространствах от Алтая до Днепра (изображения грифонов и т.п.). Любопытно, что в процессе сближения местного населения с греческим в ремесленное художественное производство вовлекались и коренные жители. На металлической пластинке с изображением льва и других животных сохранилась надпись, очевидно, имени мастера Поранко (Фарнак), исконно иранское имя, известное и в Иране, и в Малой Азии. Такое постепенное сближение между пришлыми греками и аборигенами раньше всего началось в босфорских городах. Их центр Пантикапей, в отличие от более западных полисов, уже в начале V в. до н.э. стал столицей Босфорского царства, владения которого были в основном расположены на Таманском полуострове и в соседних ему районах. А основное население там составляли даже не скифы, а меоты, по-видимому, адыги. Именно такой состав населения Босфора стал причиной установления там царской власти, тогда как в западных полисах существовала республиканская

форма правления. Любопытно, что вторая из династий, правивших на Босфоре (Спартокиды), была по происхождению, очевидно, фракийской, хотя ни о каком компактном обитании здесь фракийцев не может быть и речи.

Раскопки на Босфоре, в частности около Пантикапея, позволили лучше представить структуру тамошних поселений. Обнаружилось, что кроме собственно города существовали пригородные усадьбы, специализировавшиеся на производстве сельскохозяйственной продукции. Цари Босфора не были абсолютными монархами и во многом зависели от городской знати, которая, очевидно, постепенно «варваризировалась». В меньшей мере это касалось низших слоев населения, которые еще долго делились на привилегированных членов полисной общины (очевидно, греков) и представителей местного (скифского, меотского) населения. Оно боролось за свои права, и именно это стало содержанием знаменитого восстания Савмака (107 г . до н.э.) против последнего представителя династии Спартокидов Перисада V. Перисад был убит, и царем провозглашен Савмак. Но местная знать призвала на помощь царя Митридата VI Евпатора с южного берега Черного моря. Полководец Митридата Диофант подавил восстание и присоединил Босфор, а затем и остальной Крым к Понтийскому царству.

Это была, однако, уже иная эпоха для Северного Причерноморья. В III в. до н.э. сюда с востока из-за Дона хлынули новые потоки кочевников — так называемых сарматов. То были племена, родственные скифам, но обитавшие прежде на востоке, в пределах нынешних Казахстана и Туркмении. Двинуться на запад их вынудило давление со стороны каких-то других кочевых племен. Большая часть скифов Северного Причерноморья подчинилась своим соплеменникам и постепенно смешалась с ними, остальные сохранили прежнее наименование. Эта часть скифов обосновалась в Крыму, где возникло так называемое Скифское царство со столицей на месте нынешнего Симферополя. Это небольшое политическое объединение постепенно еще больше сблизилось с греческими полисами, способствуя их «варваризации», которая достигла еще больших размеров к рубежу нашей эры. Описания Ольвии и других городов этого времени говорят о том, что местное греческое население почти слилось с «варварами», хотя, как уверяют источники, потомки эллинов еще знали наизусть целые пассажи из Гомера.

Митридат VI Евпатор оказался самым стойким врагом новой мощной политической силы — Рима, который уже с начала II в. до н.э. начал экспансию в Малой Азии. Понтийский владыка был побежден римскими полководцами и бежал на Босфор. Римляне договорились с сыном беглеца Фарнаком о выдаче престарелого царя. Митридат, видя неизбежность плена, покончил жизнь самоубийством (по преданию, на горе, что и по сей день именуется Горой Митридата). Фарнак позже пытался сопротивляться Риму, но был разбит Цезарем, и вскоре его владения, в том числе и на северном берегу Понта Эвксинского, попали под власть Рима.

Они превратились в отдаленную периферию, о которой даже такие любознательные писатели, как Страбон и Плиний Старший, рассказывали немногое. В 8 г . по Р.Х. мстительный император Август сослал одного из знаменитейших поэтов Рима Овидия в небольшой городок Томы (ныне Констанца в Румынии). Изгнанник прожил там почти десять лет, написал в Томах ряд своих известнейших произведений и часто жаловался на тяжелую жизнь в небольшом городке на границе с варварским миром.

На Босфоре по-прежнему правили собственные цари, подвластные Риму, но нам неизвестен даже их полный список. Интересы Рима лежали либо на востоке, на парфянской границе, либо на западе, вдоль Рейна и по Дунаю, где империя вела почти непрерывную борьбу с германцами, сарматами и прочими «варварами». О Северном же Причерноморье сведений становится все меньше и меньше.

§ 3. «Черняховцы» и готы

Но здесь на помощь приходит археология. Археологи в соответствии с типом обнаруженных памятников выделяют те или иные археологические культуры. Их идентификация с определенными этносами весьма затруднена, поскольку доказано, что одни и те же этносы могут в своих частях различаться по материальной культуре, тогда как у разных этносов могут быть общие черты в материальных памятниках. Еще в прошлом веке известный археолог В. А. Хвойко открыл на правобережье Днепра (Киевская губерния) своеобразную черняховскую культуру, получившую название от места первых открытий. Последующие изыскания позволили определить достаточно широкий ареал распространения этой культуры от Карпат до Северского Донца, а также хронологию «черняховцев» (II — IV вв.). Среди всех археологических культур эта представляется одной из интереснейших. Выяснилось, что черняховская культура была теснейшим образом связана с так называемой провинциальной римской культурой (культурой римских провинций Дакии, Паннонии и др.). В то же время она оказалась органически связанной с материальной культурой скифов и сарматов предшествующего времени. Наиболее аргументированный вывод: «черняховцы» в этническом плане — иранцы нашего юга, а на западе — фракийцы. Вместе с тем среди них могли быть и другие этносы, в том числе праславяне (на северо-западе).

Черняховская культура характеризуется высокой концентрацией населения, обитавшего в неукрепленных поселениях, а также достаточно высоким уровнем развития земледелия и раннего ремесла. Ученые сделали вывод, что «черняховцы» по своему уровню развития стояли на пороге государственности.

В связи с этим встает и так называемая «готская проблема». Готы — одно из восточногерманских племен, обитавших в первые два века н.э. на южном берегу Балтийского моря (нынешняя Польша), куда они, согласно их преданиям, переселились из Скандинавии. Эти предания, как и многие другие сказания о прошлом готов, записал в VI в. историк Иордан. Алан по национальности, он жил в Италии и там, уже в период крушения Остготского королевства, написал свой труд «О происхождении и деянии гетов». Поскольку очень многое у Иордана основано на устных сказаниях, не всем его рассказам можно доверять, однако многие из них, особенно относящиеся к IV—V вв., находят подтверждение в других, более близких или даже современных событиям источниках, а не верить в последние оснований нет.

Видимо, во II—начале III вв. готы, теснимые какими-то иными племенами (предположительно праславянами), вынуждены были уйти из южной Прибалтики. Но уходили они весьма необычным маршрутом — на юго-восток, через болота нынешней Белоруссии в степные пространства современной Украины. Там они и обосновались более чем на два столетия. Факт обитания на юге Украины и России готов в III—IV вв. подтверждается многими достоверными источниками, которые описывают походы готов (совместно с другими местными народами) на римские владения на Балканах, в Малой Азии и даже Эгейском море. Походы эти чаще всего совершались морем, на судах, но готы и их союзники воевали и на суше. Любопытно, что среди союзников готов, кроме северо-причерноморского населения, упоминаются, например, и франки, жившие на самом западе Европы. Очевидно, речь должна идти об определенном этапе так называемого Великого переселения народов, когда целый ряд племен Евразии сдвинулся с места и стал влиять на изменения этнической и политической ситуации в разных частях Старого Света.

Походы готов III в. наносили большой ущерб восточным областям уже начавшего слабеть Рима. Разорялись целые провинции, а некоторые из них римляне даже были вынуждены оставить. Так, в 50-х годах III в. они покинули Дакию (нынешняя Румыния), за сто пятьдесят лет до этого с таким трудом покоренную императором Траяном.

Местных союзников готов источники обычно называют скифаси, и есть основания утверждать, что это собирательное название применялось к разным народам Северного Причерноморья, хотя по большей части это были, очевидно, местные иранцы.

В 60-е годы III в. римлянам удалось одержать несколько побед над готами и их союзниками и закрепиться на дунайской границе, лишившись Дакии. В то же время к концу III в.

господство готов по левую сторону Нижнего Дуная окончательно утвердилось. Римско-готские столкновения происходили и в начале IV в. при императоре Константине Великом, а затем постепенно прекратились. Это дает основание утверждать, что в Северном Причерноморье имела место некая политическая стабилизация, связанная и с изменением системы отношений с римскими провинциями, т.е. с переходом к мирной торговле и товарообмену. Это совпадает и с данными археологии, подтверждающими интенсификацию экономических связей «черняховцев» с балканскими провинциями Рима. Кроме того, интенсифицировалась торговля через земли «черняховцев» в Европу с востока, по Каспию, Волге и другим рекам.

Но какую же роль во всем этом играли готы? Одно время многие ученые полагали, что и «черняховцы» были готами и прочими германцами. Более тщательные исследования подтвердили, что сколько-нибудь серьезных изменений в материальной культуре местного населения после появления готов и других германцев (герулов) здесь не произошло. Очевидно, основная масса населения осталась прежней, и пришлые германцы, стоявшие на более низком уровне цивилизации, не оказали на экономику и культуру Северного Причерноморья сколько-нибудь серьезного влияния. Иное дело политическая ситуация в регионе. В мировой истории известно немало случаев, когда сравнительно небольшая группа завоевателей или пришельцев закреплялась в той или иной стране, утверждая свое политическое господство, в то же время попадала под культурное местное влияние и постепенно ассимилировалась с местным населением. Примеры этого — различные «норманнские» государства в Европе (Франция, Сицилия и др.), держава Великих Моголов в Индии и т.д. В первом случае норманны сливались с французами или сицилийцами в последующих поколениях, во втором — процесс ассимиляции с местным (мусульманским) населением Индии шел быстро.

Нечто похожее с определенными отличиями неоднократно происходило на территории нашей страны, в частности в III – IV вв. Иордан в своем достаточно тенденциозном рассказе о готском владыке Германарихе создает легендарный облик некоей великой готской империи IV в. Отдельные факты Иордана подтверждает современник событий римский историк Аммиан Марцеллин, который знал Германариха и подтвердил существование возглавляемого им в 70-х годах IV в. большого политического объединения. Следовательно, есть все основания согласиться с существованием политического объединения в Северном Причерноморье, возглавляемого готами, хотя не они играли в нем доминирующую (экономическую и социальную) роль. Вероятно, это было довольно рыхлое и нестабильное объединение, в котором готы занимали пусть шаткий, но тем не менее реальный политический Олимп. Их роль сводилась именно к политической координации того обширного конгломерата местного населения, который мы вынуждены из-за отсутствия письменных определителей называть «черняховцами». Центр его находился в современной южной Украине, пределы на западе заходили в нынешнюю Румынию, а на востоке доходили до Северского Донца. Рассказы Иордана о Германарихе (а он прожил, по его сведениям, более 100 лет!) в какой-то степени отражают непрерывную борьбу за объединение многоплеменного населения региона, борьбу, не всегда успешную для готской верхушки, которая, однако, до поры до времени довольно умело использовала межплеменные распри, с одной стороны, и общую тягу к единству, обусловленную экономическими интересами, — с другой.

Но так продолжалось лишь до 70-х годов IV в., когда появился с востока новый страшный и до того не виданный враг, перед которым «держава Германариха» оказалась бессильной.

§ 4. Гуннское нашествие и его последствия

Уже давно в науке утвердилось понятие «Великое переселение народов», которое обычно датируется IV—VII вв. Очевидно, его хронологические рамки следует расширить в обе стороны, поскольку масштабные перемещения племен (преимущественно с востока),

приведшие к значительным изменениям этнической и политической карты Евразии, начались еще до н.э. (движение сарматов) и фактически прекратились лишь с переселением мадьяр на их современную территорию. К тому же, когда речь идет о гуннском нашествии, его истоки приходится искать еще до н.э., а перемещение гуннских орд на огромных пространствах от Монголии до Волги приходится на I—II вв. н.э. В понятие «Великое переселение народов», очевидно, следует включить и передвижение готов от Балтики до Черного моря, а также синхронные и последующие перемещения германских племен на запад, а вслед за ними славян до Эльбы на западе и по Восточно-Европейской равнине на востоке.

Однако среди всех этих миграций особое место занимает именно гуннское нашествие. Кто же такие гунны, откуда они появились и как они дошли из пределов Дальнего Востока до Западной Европы?

Племена хунну, или гунны, известны китайцам еще до н.э. Их воинственный кочевой союз сложился где-то на северных рубежах Китая еще в V — III вв. до н.э. В ту пору население нынешней Западной Монголии и Северо-Западного Китая говорило в основном на индоевропейских языках (иранских, тохарских и др.). Индоевропейцы обитали на западе в пределах нынешнего Казахстана. На север от них обитали угорские народы, от которых в наши дни уцелели лишь венгры и небольшие западносибирские этносы — ханты и манси. Прежде, однако, их сородичи обитали и на Южном Урале, и в Южной Сибири.

Хунну, или гунны, долгое время вели борьбу с китайцами с переменным успехом. Последний нередко сопутствовал кочевникам благодаря тому, что практически все мужское население у них являлось потенциальными воинами, а легкая конница позволяла маневрировать и одерживать верх над китайской пехотой. В то же время длительные контакты с китайцами не сводились только к войнам, но между кочевниками и оседлым населением существовал взаимовыгодный обмен товарами и навыками, в том числе и военными. В силу этого гунны издавна многому научились у китайцев, которые в ту пору были одним из самых цивилизованных народов земли.

Вопрос об этнической принадлежности гуннов до сих пор не ясен. Скорее всего, среди них были и прототюрки, точнее, общие для той поры предки тюрок и монголов, а также маньчжурские племена.

Во II в. до н.э. гунны потерпели серьезные поражения в столкновениях с китайцами и под их напором устремились на запад, воюя и побеждая соседние народы, среди которых главными были так называемые юэджи — родственные сакам-скифам. Юэджи, в свою очередь, должны были отходить на запад, в пределы Средней Азии и нынешнего Казахстана. В ходе такой борьбы гунны где-то ко II в. н.э. вышли к Волге, их и фиксируют для той поры некоторые античные авторы На большом пути от Монголии до Волги гунны увлекали с собой массу иных племен, прежде всего угорских и иранских. Так что пришедшие к порогу Европы кочевники уже не являли однородной этнической массы.

На берегах Волги гунны вынуждены были, однако, задержаться почти на два века, поскольку встретили мощное сопротивление со стороны алан, обитавших тогда между Волгой и Доном. Аланский племенной союз был сильным политическим объединением. Аланы, как и гунны, были кочевники, и не случайно авторы IV в., описывая гуннов и алан как совершенно разные по расовому типу племена, подчеркивают их почти одинаковый кочевой быт. И у тех, и у других основной силой была конница, причем у алан часть ее была тяжеловооруженной, где даже кони имели броню. Аланы бросались в сражение с криком «марга» (смерть) и стали достойными противниками для выпестованных в столетних сражениях с китайцами восточных кочевников.

Однако в 70-х годах IV в. исход двухвекового соперничества был решен в пользу гуннов: они разгромили алан и, перейдя Волгу, а затем Дон, устремились на поселение «черняховцев». Письменные источники пишут о поражении готов в войне с гуннами, отмечая, что уже сам необычный европейцам вид гуннов приводил готов и их союзников в ужас. Вот как описывал гуннов IV в современник римский историк Аммиак Марцеллин: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами у Ледовитого

океана и превосходит всякую меру дикости... все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесывают при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением. Они никогда не прикрываются никакими строениями... у них нельзя даже найти покрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду, и на чужбине они не входят в жилища, за исключением разве крайней необходимости... Головы они покрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому они плохо действуют в Пеших стычках; но зато, как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда сидя на них поженски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями... Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадается на пути. Иногда, угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на концы которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную, очертя голову, мечами рубятся и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком. У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужания. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше».

Наверное, в этом описании есть определенные преувеличения и гораздо большую роль играло превосходство гуннской конницы, которая после разгрома алан обрушилась на мирные поселения «черняховцев», где политически господствовали готы. Перед этим страна алан подверглась ужасному погрому. Часть алан была оттеснена в районы Предкавказья, другая должна была подчиниться завоевателям и затем вместе с ними двинуться в поход на запад. Наконец, немалая часть побежденных вместе с поверженными готами также устремилась на запад. В V—VI вв. мы встречаем алан и в Испании, и в Северной Африке. Сходная судьба постигла и готов. Так называемые визиготы ушли сначала на Балканы, в пределы Римской империи, а затем и дальше на запад (сначала в Галлию, а затем в Испанию). Другая их часть, так называемые остроготы, первоначально подчинилась гуннам и месте с ними воевала в Европе, в том числе и против своих соплеменников. Наконец, небольшая часть готов осталась в одном Крыму и на Тамани, где их потомки кое-где еще известны до XVI в.

Археологические данные показывают картины страшного разгрома страны «черняховцев». Была уничтожена весьма перспективная ранняя цивилизация, носители которой вынуждены были скрываться в лесостепной полосе, оставив степь в распоряжение пришлых кочевников. Гунны, однако, не остались в наших южных степях и пошли дальше на запад, сделав центральной областью своей «империи» Паннонию (нынешняя Венгрия). Эта историческая область издавна была прибежищем для многих племен и народов. В IV—V вв. там жили славяне, часть потомков сарматов, вероятно, кельты, германцы и другие племена. Гунны составили там только господствующую прослойку. Ученые полагают, что этнический тип

гуннов и их язык изменились за период их перекочевий из Монголии в Европу. Однако, что представляли из себя европейские гунны IV—V вв., также не вполне ясно. Описания очевидцев (прежде всего Приска, византийского посла в ставку гуннов в середине V в.) рисуют сложную этническую карту Паннонии. Сами гунны попали под цивилизационное влияние местного оседлого населения. Знаменитый Аттила уже имел дворцы и прочие атрибуты оседлого быта. Ныне доказано, что само имя Аттила переводится с готского языка и означает «батюшка».

Одним словом, Гуннская держава в Европе IV—V вв. была сложным конгломератом народов, в котором пришлые гунны уже составляли меньшинство. И когда Аттила двинулся в поход против Римской империи, в составе его орд были и готы, и аланы, и многие другие племена. Попытка Аттилы завоевать Западную Европу завершилась сражением на Каталуанских полях (северная Франция, Шампань) в 451 г ., где столь же многонациональные римские армии под предводительством Аэция преградили путь ордам Аттилы. Вернувшись в Паннонию, гуннский владыка вскоре умер (453).

Смерть Аттилы весьма колоритно описывает, ссылаясь на византийского историка V в. Приска, Иордан в своем труде «О происхождении и деянии гетов»: «Ко времени своей кончины, он взял себе в супруги, после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю».

Наследники Аттилы перессорились друг с другом. Покоренные народы использовали их распри и заставили основную часть гуннов уйти на восток в причерноморские степи

§ 5. Наследники гуннов

Здесь же в VI в. источники фиксируют ряд кочевых союзов, несомненно, преемников Гуннского. К таковым относились кутургуры и утургуры (в бассейне Дона и Приазовье), булгары в Прикубанье и савиры на восток от последних. Примечательно, что, судя по этнонимам, первые три первоначально состояли преимущественно из угров, относительно же угорской принадлежности савиров мы имеем ясные свидетельства достоверных источников.

Вместе с тем уже в составе Гуннского союза находились и прототюрки, хотя, по-видимому, их роль не была там доминирующей. Положение стало меняться в VI в., когда с востока, опять-таки из пределов нынешней Монголии, на запад устремился мощный поток прототюркских племен. В середине VI в. они возглавили сильную конфедерацию, названную Тюркский каганат. Глава этого объединения, кажется, впервые на территории нашей страны носил титул хакана, или кагана, который в кочевой иерархии означал правителя высшего ранга, «хана ханов» и приравнивался к крупнейшему из известных восточным кочевникам повелителю — китайскому императору. Вместе с тем принадлежность хакану тюрков этого титула означала, что под его началом находились другие правители, низшего ранга — просто ханы, и, следовательно. Тюркский каганат не был чем-то вроде Китайской империи, где император считался Сыном Неба, т.е. неограниченным правителем.

Тюркский каганат простирался на огромном пространстве от Монголии до Волги. Одним из его главных успехов было уничтожение в середине VI в. государства эфталитов в Средней Азии. Эфталиты — потомки юэджи, некогда вытесненных гуннами из Западной Монголии и обосновавшихся в Средней Азии. Их государство, используя контроль над «Великим шелковым путем», стало соперником сасанидского Ирана. Торговля шелком в ту пору давала огромные выгоды, и иранские шахи всеми силами стремились не допустить ее бесконтрольного выхода на запад, в Византию. Поэтому торговцы предпринимали попытки

найти обходные пути, в частности, через северные степи. Однако эти пути были не вполне безопасные из-за постоянных изменений там политической ситуации. Византия лихорадочно искала себе союзников в борьбе с Ираном. Есть известия, что незадолго до своей смерти такую роль взял на себя Аттила, но на практике вмешаться в войну с Сасанидами он не успел. В ирано-византийских войнах VI в. активное участие принимали северокавказские племена, прежде всего аланы и савиры, одни из которых выступали в качестве союзников Ирана, другие — Византии. Тюркский каганат до сокрушения им эфталитов был союзником Ирана, но затем превратился в его врага. В 60—70-е годы VI в. между тюркским хаканом, ставка которого находилась в предгорьях Алтая, и Византией происходил обмен посольствами с целью заключения союза против Ирана. Активизации такого рода действий помешали два обстоятельства. Во-первых, в середине VI в. византийские монахи в своих посохах принесли на запад личинки шелковичного червя, что создало возможность возникновения шелководства в византийских владениях. (Впрочем, шелководство, по-видимому, еще раньше появилось в Иране, где в последующие века выросло в значительную отрасль экономики.) Во-вторых, в 80-х годах VI в. сам Тюркский каганат распался на две части, из которых так называемый Западно-тюркский каганат властвовал на территории от Алтая до Волги, а затем распространил свою верховную власть и на часть Предкавказья.

Самым серьезным последствием существования этого политического объединения явился массовый приход на запад, в том числе и в Восточную Европу, тюркских или, точнее, прототюркских племен, которые довольно быстро ассимилировали ранее пришедших туда угров, прежде всего булгар и савиров.

Именно с этими племенными союзами связаны судьбы юга Восточной Европы VI—X вв. Постепенно население почти всей степной части Восточной Европы подверглось тюркизации, тогда как в лесостепной утверждался доминат славян, о чем речь пойдет ниже.

Только на центральном Кавказе сохранялся мощный массив аланского(иранского) этноса, который оправился после гуннского погрома и воссоздал свое политическое объединение — Аланский союз.

В западном Предкавказье в VI в. господствующее положение заняли булгары. После распада Тюркского каганата именно Булгарский союз стал играть главную роль на Северном Кавказе, а область обитания булгар получила наименование Великая Булгария. Она занимала приблизительно территорию нынешнего Краснодарского края, севернее реки Кубань. Возможно, булгарам подчинялась и часть адыгов, обитавших на левом берегу этой реки.

Булгары соперничали с западными тюрками, хотя это соперничество и было относительно скромным. Скорее всего, булгары стремились утвердить свое господство на запад, в степях нынешней Украины до Дуная, что им, кажется, в первой половине VII в. и удалось после гибели Антского союза. В то же время на протяжении VI—начала VII в. через эти степи периодически шли на запад различные орды смешанного происхождения, чаще всего именуемые аварами (обрами по славянским источникам).

Этническая принадлежность авар также не ясна. Скорее всего, это была какая-то угорская орда, прорывавшаяся на запад через враждебную тюркскую среду, господствовавшую в Тюркском каганате. На западе, в Паннонии возник Аварский каганат, правители которого стали вместе с булгарами союзниками Ирана в ирано-византийских войнах первой трети VII в. В 626 г . имела место знаменитая осада Константинополя аварами, в которой в качестве союзников последних участвовали и славяне.

§ 6. Хазарское государство

Вся первая половина VII в. проходила в борьбе за гегемонию в наших сегодняшних южных степях между булгарами и хазарами.

Кто же такие хазары? В отличие от булгар, которые передали свое название славянскому населению древней Фракии (нынешняя Болгария) и тем сохранили свое имя до наших дней, хазары исчезли с карты мира еще много веков назад, и до сих пор не вполне ясна их судьба. Великий Пушкин назвал их неразумными, возможно, имея в виду их действительно неразумные попытки удержать власть над русскими славянами в X в., когда хазары уже оказались на обочине истории. Однако целых три столетия до этого имя хазар не сходило со страниц летописей разных народов и не случайно, поскольку именно их держава (каганат) до возвышения Руси доминировала в Восточной Европе.

Первые реальные известия о хазарах относятся к середине VI в., когда они упоминаются одним сирийским писателем среди многих других племен, населявших необъятные просторы к северу от Кавказских гор. До начала VII в. сведений о хазарах почти нет. И лишь в связи с последней великой ирано-византийской войной (601—629) хазары явственно и ощутимо выходят на историческую арену. Именно они в качестве союзников Византии действуют в это время я Закавказье. Именно хазарский предводитель вел войска в Закавказье, где они совместно с отрядами византийского императора Ираклия разорили Кавказскую Албанию, Грузию и другие страны. В составе хазарского войска находились также местные жители Кавказа и другие народы, возможно, даже славяне.

Современные армянские источники дают подробное описание этих войн, детально характеризуя и самих хазар, которые предстают чем-то вроде гуннов, действовавших за два с половиной века до этого. Любопытна в связи с этим картина осады Тбилиси хазарами и Ираклием, описанная и армянскими и грузинскими хронистами. В Тбилиси находился иранский гарнизон, который, уповая на неприступность тбилисской цитадели, решил сопротивляться до конца. Более того, персидский военачальник совместно с грузинским правителем позволил себе выходку, стоившую им потом жизни. По их приказу из тыквы сделали изображение типичного монголоида с редкой бородой, такими же усами, узкими глазами, и с этой тыквой осажденные плясали на крепостной стене. Досталось и Ираклию, которого осажденные именовали козлом, намекая на его пристрастие к гомосексуализму. Разъяренные хазары и греки взяли крепость, а с виновных живыми содрали кожу, набили ее соломой и выставили на стене крепости. В этом рассказе интересно именно изображение хазарского вождя, по типу монголоида, что подтверждается и другими синхронными данными.

Есть основание говорить, что в формировании хазарского этноса участвовали три этнические группы: собственно хазары-тюрки, пришедшие из глубин Азии; угры-савиры, до этого превалировавшие на восточном Кавказе, и какие-то группы иранцев западного Прикаспия (массагеты и др.). И если для ранних хазар характерно преобладание монголоидного расового типа, то хазары VIII—X вв. имели уже иной облик с явным преобладанием европеоидного расового типа.

В ирано-византийских войнах хазары как бы подвластны тюркам Западно-тюркского каганата. Однако каганат был разгромлен (кем, точно не ясно) в начале 30-х годов VII в.. и после этого хазары становятся самостоятельными, а их глава принимает высший в кочевой иерархии титул хакана. Вероятно, это объясняется родственными связями между западнотюркскими владыками и главами хазар. Ранее последние носили титул джабгу или ябгу, который был вторым после хакана. А вот командующий хазарскими ополчениями, ближайший родственник хакана сохранил имевшийся у него и ранее титул шада.

На протяжении 30—70-х годов VII в. шла упорная борьба между хазарами и булгарами за гегемонию на Северном Кавказе и в южных степях. Хазарам удалось сделать своими союзниками алан и, возможно, славян. Когда в 60-х годах VII в. умер булгарский владыка Кроват, его сыновья разделились, и значительная часть булгар ушла на запад, главным образом на Балканы, но частично и в Центральную Европу к своим союзникам аварам. Этот исход был вызван победой хазар, заставивших большую часть побежденных уйти из западного

Предкавказья. Лишь часть булгар осталась в Прикубанье и далее вдоль побережья Азовского моря до Крыма, где и позже, вплоть до XI в., была известна как черные булгары. На Северном Кавказе гегемония перешла к хазарам, чья власть и влияние уже во второй половине VII в. настолько возросли, что в период смут в Арабском халифате (80-е годы VII в.) хазары временно подчинили восточное Закавказье. Однако через некоторое время положение в арабском государстве стабилизировалось, и арабы подготовились к реваншу. Начался длительный период арабо-хазарских войн, которые шли с переменным успехом, с большим перевесом сил, но на стороне мусульман. Как правило, эти войны были синхронны византийско-арабским, проходившим на территории Малой Азии.

Таким образом, хазары были союзниками Византии, и этот союз неоднократно подкреплялся брачными связями между императорами и хаканами. Когда в начале VIII в. византийский император Юстиниан II был свергнут с престола и сослан в Крым, именно хазары помогли ему вернуться на трон.

На Северном Кавказе обычной ареной для военных столкновений между арабами и хазарами был Дагестан. Центром Хазарской державы сначала был приморский Дагестан, где находились первые две столицы — Баланджар и Самандар. Точное их местоположение неизвестно, но мы знаем, что именно успехи арабов заставили хазар перенести столицу из более южного Баланджара в северный Самандар, который, скорее всего, находился в районе современной Махачкалы.

В 737 г . арабы решили нанести удар по Хазарии, чтобы надолго ослабить своего врага. Наместник халифа, позже сам халиф, Марван собрал огромные силы в Закавказье, к которым присоединились войска местных владетелей, и начал наступление на хазар с двух сторон: через Дербент и Дарьяльское ущелье. Победив хакана, Марван прогнал его войска далеко на север, предположительно до Дона. Начавшиеся затем новые смуты в халифате вынудили Марвана прекратить дальнейшие военные действия. Благодаря этому Хазарское государство было спасено. Однако хазары вынуждены были еще раз перенести свою столицу, на сей раз в устье реки Атиль (Волги), и этот город, названный по имени реки оставался центром Хазарии более чем два века.

Важнее были внутренние изменения в Хазарии, также вязанные с поражением в войнах с арабами. Мы, к сожалению не можем точно определить пределы Хазарии на севере и западе. Известно, что хазары, разгромив булгар, дошли на запад до Дуная. Русские летописи отмечают, что хазарам платили дань вятичи, северяне, радимичи и какое-то время поляне, т.е. восточная часть русского славянства. Арабские источники сообщают, что еще в IX в. транзитная торговля между Азией и Европой находилась в руках еврейских купцов, называемых рахданитами (знатоками путей). Крупные центры, в которых сосредоточилось это купечество, были расположены на территории Хазарии: в Крыму, на Тамани, на Северном Кавказе и затем на Нижней Волге. Еврейские колонии возникли здесь еще в глубокой древности и увеличились в результате гонении на евреев в Византии и других странах.

Области же Восточной Европы, подчиненные Хазарии, наоборот, в ту пору принимали гонимых, ставших затем огромной экономической и политической силой. Хазары долгое время были язычниками и поклонялись разным богам, как своим, так и заимствованным у местного восточноевропейского населения (например, иранцев). Противниками хазар были и христианская Византия (периодически), и мусульманский халифат. В силу этого, хотя в пределах Хазарии существовали мощные христианские и мусульманские колонии (особенно в Атиле), хазарская знать все больше склонялась к принятию в качестве более современной религии монотеистического характера (а именно таковая могла еще больше укрепить власть местных правителей) — иудаизма. По-видимому, именно поражение в войне с мусульманами окончательно подвинуло определенную часть хазарской знати к принятию этой религии. Здесь-то главными действующими лицами и стали крупные еврейские торговцы, которые могли и финансово подкрепить такого рода операцию. В конце VIII в. второе лицо Хазарии, командующий войском и верховный судья, носивший титул шад, или бек, узурпировал верховную власть в государстве, приняв титул царя и иудейскую религию. Затем к принятию

иудаизма был принужден и хакан. Первое время в Хазарии установилось своеобразное Двоевластие, при котором за хаканом еще оставалась значительная часть реальной власти. Так, в 30-е годы IX в., когда хазары попросили византийцев построить для них крепость Саркел (на месте нынешнего Цимлянского водохранилища), к императору обратились и хакан и шад (бек) Хазарии. Постепенно царь (шад-бек) все больше ограничивал власть хакана, и в последний период существования хазарского государства бывший «император» превратился в какое-то подобие жертвенного животного. Вот что об этом писал современник: «В хазарском государстве имеется правитель (хакан) и существует правило, согласно которому он должен находиться в распоряжении царя и в его дворце. Хакан пребывает там и не может ни выезжать, ни появляться перед ближними и народом, ни покидать свое местопребывание, где вместе с ним живет и его семья. Он не издает ни приказов, ни (каких-либо) запрещений и не принимает решений по государственным делам... Когда Хазарское царство постигнет голод или другое бедствие или когда начнется его война с другим народом или какое[то] иное несчастье обрушится на страну, знатные люди и простой народ идут к царю и говорят: «Мы рассмотрели приметы этого хакана и считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы убили его мы». Иногда он им хакана выдает, и они его убивают; иногда он убивает его сам, а порой жалеет его, защищает, в том случае, если он не совершал никакого преступления, за которое он заслуживал бы наказания и не повинен был ни в каком грехе».

Принятие иудаизма в качестве государственной религии не принесло Хазарии большой пользы. К тому же эту веру приняла только часть хазарской знати, а большинство населения исповедовало ислам, христианство и старые языческие культы. Постепенно хазары-иудаисты составили сравнительно небольшую группу, изолированную от иноверного и, следовательно, во многом чуждого ей народа. К тому же собственно хазары на протяжении VIII—IX вв. вынуждены были расселяться, образуя военные гарнизоны, в наиболее важных, часто окраинных пунктах державы (в Крыму, на Тамани, на Дону и т.д.). В коренной Хаэарии их число неуклонно сокращалось.

В покоренных же странах поднимались восстания. По-видимому, в первой трети IX в. освободились от власти хазар славяне-поляне. В конце IX—начале X в. попытки сбросить хазарскую власть предпринимались в Волжской Булгарии — небольшом государстве, возникшем на Средней Волге в VIII в. и долгое время подчиненном хазарам. И если поляне в борьбе с хазарами опирались на союз с северными варягами, то Волжская Булгария искала помощь у давних врагов хазар — мусульман. Поэтому в начале X в. булгарские правители приняли ислам.

В X век Хазария вступила ослабленной. Главным врагом ее теперь была Русь, которая разгромила Хазарский каганат.

Глава 2. Восточные славяне и образование Древнерусского государства

§ 1. Происхождение славян

В наше время восточные славяне (русские, украинцы, белорусы) составляют около 85% населения России, 96% Украины и 98% Белоруссии. Даже в Казахстане к ним относится около половины населения республики. Однако такое положение сложилось относительно недавно. Сам процесс расширения территории сначала древних русов (восточных славян), а

затем трех народов, их потомков, занял многие столетия сложного и изменчивого исторического развития.

Знакомясь с древнейшими описаниями нашей страны, мы вплоть до первых столетий нашей эры не найдем в них даже упоминания имени славян. И это не удивительно. Прежде всего восточные славяне возникли в результате слияния так называемых праславян, носителей славянской речи, с различными другими этносами Восточной Европы, так же, например, как южные славяне образовались в результате славянизации ряда балканских народов — фракийцев, иллирийцев и др. Этим объясняется тот факт, что при всей схожести языка и элементов культуры, с ним связанных, в остальном между славянскими народами имеются серьезные различия, даже по антропологическому типу. Это касается не только, например, южных и западных славян, но такого рода различия есть и внутри отдельных групп тех или иных восточнославянских народов. Не менее существенные различия обнаруживаются и в сфере материальной культуры, поскольку славянизированные этносы, ставшие составной частью тех или иных славянских народов, имели неодинаковую материальную культуру, черты которой сохранились и у их потомков. Именно в сфере материальной культуры, а также такого элемента культуры, как музыка, имеются значительные различия даже между такими близкородственными народами, как русские и украинцы.

Однако в глубокой древности существовал некий этнос, говоривший на языке, который мы условно называем праславянским, предке нынешних славянских языков. Арена его обитания не была, очевидно, обширна, вопреки мнению некоторых исследователей, которым кажется, что регион проживания праславян должен быть значительным и ищут подтверждение этому. Такое явление весьма обычно в истории. Достаточно вспомнить, что общим предком так называемых романских языков, на которых ныне говорит большинство народов Южной Европы, а также Южной Америки, был язык Лациума — небольшой области вокруг города Рима в центре Италии. Вся прочая Италия в древности говорила на множестве других языков, одни из которых (умбрский, Вольский, самнитский и др.) были близки к латинскому, другие (например, этрусский) не имели с ним ничего общего.

Есть все основания полагать, что ареал расселения праславян, которые, как доказано лингвистами, отделились от родственных им балтов в середине I тыс. до н.э., во времена Геродота, был весьма невелик. Учитывая, что никаких известий о славянах до первых веков н.э. в письменных источниках нет, а эти источники, как правило, исходили из районов Северного Причерноморья, из ареала расселения праславян приходится исключить большую часть территории современной Украины, кроме ее северо-запада. Первые упоминания о венедах, — а именно так называли наши ранние информаторы праславян (вендами и поныне именуют славян германцы), — появились только тогда, когда римляне в своей экспансии в Европе достигли Среднего Дуная, Паннонии и Норика (нынешних Венгрии и Австрии). Не случайно первыми о венедах упоминают Плиний Старший и Тацит (вторая половина I в. н.э.). Очевидно, только из этих областей были получены первые известия о народе — венедах. Но и эти известия были крайне смутными и неточными, поскольку римские и греческие писатели не могли даже точно определить, относить ли им венедов к германцам или к сарматам, склоняясь, правда, к большей близости венедов по их нравам и быту именно к германцам.

Паннония в I—II вв. н.э. была населена разными народами — германскими и сарматскими (иранскими), Богемия (нынешняя Чехия) получила название от кельтского племени бойев, однако во времена Тацита и позже здесь поселились германцы, а где-то за ними (на северо-востоке?) обитали венеды.

До настоящего времени существует историческая область Галиция, западная часть которой ныне населена поляками, а восточная — украинцами. Само название области, кажется, наводит на мысль, что здесь некогда обитали галлы, т.е. кельты, хотя ряд ученых это оспаривает. Предполагать же некогда наличие кельтов в этом районе, учитывая кельтскую принадлежность бойев, вполне возможно. В таком случае область древнейшего расселения славян приходится искать к северу от Чехословакии и Карпатских гор. Однако Славянской не была

и территория нынешней западной Польши – Средней Вислы, включая Поморье, где обитали восточногерманские племена готов, бургундов, вандалов и т.д.

Вообще, ретроспективный взгляд на этнические изменения в Центральной Европе показывает, что и германские племена некогда занимали какую-то весьма ограниченную территорию нынешней Восточной Германии и Западной Польши. Даже на запад современной Германии они пришли сравнительно поздно, буквально накануне проникновения туда римлян, а ранее там жили кельты и, возможно, какие-то иные народы.

Тацит, рассказывая о венедах, упоминает рядом с ними эстов и фенов, под которыми скрываются предки балтских народов (не финнов и современных эстов). Следовательно, венеды в ту пору занимали приблизительно территорию нынешней Юго-Восточной Польши, Юго-Западной Белоруссии и Северо-Западной Украины (Волыни и Полесья). А данные Птолемея (И в. н.э.) уже позволяют расширить пределы обитания славян, включив в них северное Прикарпатье и часть побережья Балтийского моря, известную в ту пору, как Венедский залив. Очевидно, уже на протяжении II в. славяне оттеснили или ассимилировали какую-то часть других этносов, скорее всего германцев и аборигенов Прикарпатья, чья этническая принадлежность точно не может быть установлена. Можно предположить, что данные Птолемея фиксируют уход готов с побережья Балтийского моря и продвижение на их место славян.

Вероятно, какое-то расширение этнической территории славян наблюдалось и в III—IV вв., но, к сожалению, источников для этого времени почти нет. Так называемая Певтингерова Карта, окончательная редакция которой относится к первой половине V в., включает, однако, и значительные элементы более ранней информации, восходящей еще к I в. до н.э., а потому пользоваться ее данными очень сложно. Венеды на этой Карте показаны на северо-запад от Карпат, вместе с какой-то частью сарматов, и, очевидно, эта локализация соответствует самому назначению Певтингеровой Карты — итенирария, на котором фиксируется внимание преимущественно к наиболее важным торговым путям, связывавшим римские владения с другими странами. Совместная фиксация венедов и сарматов в Прикарпатье, очевидно, отражает с элементами V столетия реалии II—IV вв. до нашествия гуннов.

Казалось бы, значительные корректировки в наши знания ранней истории славянства должна внести археология. Но в силу специфики ее материалов они не могут быть до появления письменных источников сколько-нибудь точно отождествлены с определенными этническими общностями. Археологи пытаются видеть славян в носителях разных археологических культур, начиная от так называемой культуры подклошных погребений (IV—II вв. до н.э., Верхняя Висла и бассейн Варты) до различных археологических культур первой половины I тыс. н.э. Однако в этих заключениях много спорного даже для самих археологов. Еще недавно довольно распространенная интерпретация принадлежности черняховской культуры славянам имеет не так уж много приверженцев, и большинство ученых полагают, что данная культура была создана разными этносами с преобладанием иранцев.

Гуннское нашествие привело к значительным перемещениям населения, в том числе и из степной и частично лесостепной полосы нашего юга. Более всего это касается степных районов, где после кратковременной гегемонии угров уже в VI в. возобладали прототюрки. Иное дело—лесостепь нынешней Украины и Северного Кавказа (Подонья). Здесь старое иранское население оказалось более устойчивым, но и оно стало постепенно подвергаться воздействию неуклонно двигавшихся на восток славян. Очевидно, уже в V в. последние вышли к среднему Днепру, где ассимилировали местных иранцев. Вероятно, именно последние основали городки на киевских горах, поскольку название Киева может быть объяснено из иранских наречий как княжеский (городок). Затем славяне продвинулись за Днепр в бассейн реки Десны, получившей славянское название (Правая). Любопытно, однако, что основная часть крупных рек на юге сохранила свои старые, дославянские (иранские) названия. Так, Дон — просто река, Днепр — объясняется как глубокая река, Рось — светлая река, Прут — река и т.д. А вот названия рек на северо-западе Украины и на большей части Белоруссии —

славянские (Березина, Тетерев, Горынь и др.), и это, несомненно, свидетельство весьма древнего обитания там славян.

К сожалению, и изменения гидронимики не всегда могут быть объяснены определенными закономерностями смены этноса. Например, нынешняя гидронимика Малой Азии почти сплошь тюркская, включая название крупнейшей реки регионов Кызыл Ирмак (Красная река), заменившее античное Галис. Однако известно, что тюрки в Малой Азии появились только в XI в. На нашем юге прослеживается некоторая закономерность в гидронимике: крупные реки, как правило, сохранили древние дославянские названия, тогда как мелкие часто их меняли на славянские или тюркские.

В целом есть основание утверждать, что именно гуннское нашествие дало значительный стимул и возможности к расширению территории славян. Едва ли не главными врагами ГУННОВ были германцы (готы и др.) и иранцы (аланы), которых завоеватели беспощадно преследовали, увлекая в своих походах на запад. Славяне же если не стали естественными союзниками гуннов (а для этого вывода есть определенные основания), то, во всяком случае, использовали сложившуюся ситуацию в свою пользу. В V в. продолжается движение славян на запад и оттеснение ими германцев к Эльбе, а затем и за эту реку. С конца V в. наблюдается и начало славянской колонизации Балкан, где они довольно быстро ассимилировали местных иллирийцев, далматов и фракийцев. Есть полное основание говорить и об аналогичном движении славян на восток, в области нынешних Украины и Великороссии. В лесостепной части после гуннского нашествия местное население значительно уменьшилось, в лесной же оно никогда многочисленным и не было.

При этом славяне первоначально как жители лесов (а именно таковыми рисуют их нам византийские историки VI в.) продвигались и расселялись преимущественно вдоль больших рек, служивших в ту пору едва ли не единственными транспортными артериями для лесных и лесостепных областей. Местное население (иранское, балтское, а затем и финское) довольно легко ассимилировалось славянами, как правило, мирным путем. Подавляющая часть нашей информации о ранних славянах черпается из византийских источников. Даже сведения, сохраненные с VI—VII вв. сирийскими и арабскими писателями, в целом восходят к Византии.

Византийская историография VI в., весьма богатая и плодовитая, фиксировала внимание почти исключительно на тех народах и странах, с которыми у империи имелись те или иные отношения. Поэтому мы тщетно будем искать у византийских писателей какие-либо сведения, например, о территории нынешней Польши или Германии: слишком далеки они были от ареала текущей имперской политики. А вот о Нижнем Дунае и Балканах византийцы писали много, поскольку эти районы находились в сфере непосредственных интересов империи.

То же, что происходило восточнее в наших южных степях, затрагивалось изредка и, как правило, мимоходом. К сожалению, это относится и к Крыму, где существовали остатки византийских владений, при Юстиниане I (527—565) Даже временно увеличенные.

А вот начиная со времени правления Юстина I (518— информация о славянах в византийских источниках начинает расти как снежный ком, хотя, очевидно, и до этого славяне были в Византии небезызвестны.

Особое, обостренное внимание к славянам именно с конца второго десятилетия VI в. объясняется прежде всего тем, что с этого времени они начинают активно внедряться на Балканский полуостров и уже через несколько десятилетий овладевают большей его частью. Сохранились здесь и греки, и остатки романского населения (волохи — предки румын), и предки албанцев, но о них пишется мало, так как главную роль в политической жизни Балкан все больше играют именно славяне, которые надвигались на Византию с двух сторон — с севера Балканского полуострова и с низовьев Дуная.

Целесообразно привести отрывок из описания славян VI в. византийцами: «Племена склавов и актов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они много-

численны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружественны, препровождают их с места на место, куда бы там ни было нужно; так что, если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом... У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы... Живут они среди лесов, болот и труднопроходимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ... Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями... Они опытнее всех других людей и в переправе через реки и мужественно выдерживают пребывание в воде, так что некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лежа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счет никакого подозрения... Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибирать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к [имперским] границам, а на других нападать».

Упоминаемые византийцами славянские вожди — это вовсе не цари или князья, а скорее предводители военных дружин стадии военной демократии. Дружины всегда шли впереди своего народа, нередко углубляясь в своих походах во вражескую территорию, как бы готовя ее к славянской колонизации.

Византийские писатели VI в. делят славян на две группы. Западная (точнее, северо-западная) часть славян, или собственно славяне, так и обозначались как славяне (склавины, склавии). Кажется, к ним относили и балканских славян, поскольку двигались те на Балканы с севера, из нынешних Австрии и Венгрии. Но, кроме того, византийские писатели VI-VII вв. упоминают антов, которых они считали особой (восточной?) группой славян. Анты обитали от низовьев Дуная, где с ними и сталкивались греки, на восток то ли до Днепра, то ли до Дона. Уже эта локализация вызывает ряд вопросов, хотя бы в связи с тем, что до VI в. в этом районе славян не было. Можно, конечно, предположить, что славяне очень быстро заняли эти огромные лесостепные пространства (в степи их не было) и либо быстро ассимилировали, либо куда-то вытеснили старое местное население. Археология на последний вопрос дает отрицательный ответ, не отмечая особых изменений в сфере материальной культуры.

В связи с этим очень любопытна новейшая лингвистическая расшифровка самого термина «ант», что в иранских языках означает «конец», «край». Грубо говоря, страна антов должна пониматься как Украина, т.е. окраинная область, разумеется, именно в этом значении, а не в аналогии с современным понятием Украина, что делали М. Грушевский и другие украинские историки. Но поскольку слово «ант» иранское, следует в его толковании идти дальше и предположить, что речь идет о существовании в VI в. на обширных пространствах лесостепи нынешней Украины какого-то раннего политического объединения, в котором доминировали именно славяне, но в состав которого входило и иранское население, постепенно сливавшееся со славянами.

Византийские писатели выделяли антов как храбрейших из славян. Обитали же анты на запад от Нижнего Дуная до утигуров, кочевавших вдоль берега Азовского моря. Любопытно, что анты и склавины, как правило, враждовали друг с другом и этим умело пользовались византийцы, еще более сталкивая своих северных соседей. К сожалению, конкретных сведений об антах немного и у писателей VI в. По большей части они связаны или со столкновениями на Нижнем Дунае, или с попытками стравить антов и склавинов друг с другом. Хронологические рамки существования Антского союза приходятся приблизительно на 30-е годы VI в. — первые оды VII в., когда союз был сокрушен аварами, натравлен-«ми Византией. С этого момента имя антов исчезает со страниц истории столь же неожиданно, как и появляется там. Это — свидетельство того, что термин «акты» вряд ли употреблялся среди самих славян и, строго говоря, не имел этнического смысла. По-видимому, он имел чисто

территориально-политический смысл и исчез после аварского разгрома. Авары к тому времени утвердили свое господство над славянами Паннонии, Норика и, возможно, иными. В связи с этим можно вспомнить рассказ древнерусской летописи, основанный на народных сказаниях, о тех тяготах, что причиняли славянам-дулебам обры (авары). Народная память сохранила предание об аварах как людях богатырского сложения, покоривших славян и всячески притеснявших их. В частности, если обрин хотел куда-либо ехать, то он запрягал в телегу дулебских женщин вместо скота. Летописец завершает сказание тем, что, по его словам, Бог разгневался на обров за их гордыню и истребил их, так что ни одного обра не осталось. Здесь возникает ряд интересных вопросов. Летопись говорит о славянах-дулебах, т.е. волынянах (часть восточных славян), хотя дулебы как племя известны и в Чехии, так что, возможно, перед нами очень древнее общеславянское сказание. Что касается гибели гордецов обров, то на самом деле их первоначально побил византийский император Ираклий, после того как авары «сделали свое дело», т.е. по его подстрекательству сокрушили Антский союз. Сделали они это, скорее всего, не в одиночку, но вместе со своими союзниками булгарами, обитавшими у Азовского моря. Однако Аварский каганат как политическое объединение существовал до конца VIII в., когда он был уничтожен Карлом Великим.

Итак, разгром Антского союза был делом авар и булгар, которые поделили гегемонию над славянскими землями (вместе с Византией). Можно полагать, что территория актов временно попала под власть Великой Булгарии, а после подчинения последней хазарам перешла под их влияние. Не случайно ряд старых историков само расширение славянской территории на восток связывали как раз со временем хазар, когда под их властью создались благоприятные условия для этого. Это, кажется, подтверждается и древнерусской летописью в той ее части, где речь идет о подчинении хазарам полян, северян, радимичей и вятичей. Хазария, как уже отмечалось, была своеобразной торговой державой, для которой жизненное значение имело господство над важнейшими торговыми артериями Восточной Европы, а потому хазары и стремились прибрать эти пути к своим рукам. Вначале это им удалось, и власть над упомянутой частью восточных славян позволяла хазарам контролировать не только Волжский путь, но и нижнеднепровский, связанный через земли северян и вятичей с Волгой. Однако такое положение существовало недолго. Важно отметить, что славяне к VIII в. продвинулись далеко на восток, вплоть до Северского Донца и Дона, разумеется, они там еще не были в большинстве, но факт существования славянского населения на Дону в первой половине VIII в. подтверждается наименованием Дона Славянкой рекой и наличием там славянских поселений. Как и когда попали эти славяне в столь отдаленный район — сказать пока трудно.

§ 2. Ранние политические объединения восточных славян

Кроме Антского союза источники позволяют предполагать существование некогда (в VI—VII вв.) какого-то политического объединения славян в районе Прикарпатья. Речь идет об известии, записанном арабским энциклопедистом ал-Масуди (ум. 956 г .), который, в свою очередь, пользовался сочинением побывавшего в византийском плену за сто лет до этого араба ал-Джарми. Тот написал специальный труд о славянах, основанный на сведениях, собранных им во время многолетнего пребывания в Византии. В частности, ал-Джарми (в передаче ал-Масуди) пишет о том, что некогда, т.е. задолго до его времени, у славян существовало единое политическое объединение, которое он называет Валинана. Прежде ученые, как правило, связывали это объединение со славянами-волынянами, жившими в северо-восточном Прикарпатье (современная северо-западная Украина). Однако несколько десятилетий назад возобладала точка зрения, высказанная польскими учеными, согласно которой Валинана — это город Волин в Поморье. Не учитывалось, что Волина в IX в., а тем более

раньше, еще не существовало, а потому логичнее вернуться к старой гипотезе, по которой речь идет именно о части территории нынешней Украины. Наличие здесь какого-то (очевидно, недолговременного) союза славянских племен вполне допустимо, имея в виду само географическое положение этой области — на перепутье к тем маршрутам, что вели славян на восток. Волынь — очевидно, можно отнести и к областям, как говорим, исконного расселения славян, и здесь как раз где-то в VI в. могло сложиться объединение, о котором знали в Византии еще в первой половине IX в., когда там находился ал-Джарми. Возможно, что Валинана погибла как раз в результате аварского нашествия еще до крушения Антского союза. Существование славянского союза в Прикарпатье допускали многие крупные историки (например, В.С. Ключевский, М. Грушевский и др.).

Все эти ранние известия о славянах VI—VII вв. во многом неясны и не поддаются точной географической и хронологической идентификации. Более точную и достоверную картину дает лишь древнерусская летопись, известия которой дополняются византийскими, арабскими и другими иностранными источниками. К сожалению, летописные известия были записаны не ранее XI в., т.е. уже в период, когда память о первоначальных славянских объединениях начинала стираться, поскольку все славянское население осознавало себя как русичи, русские. Тем не менее, этим известиям мы можем доверять.

Еще недавно полагали, что в делении византийскими писателями славян в VI в. на склавинов и антов можно видеть реальное разделение славянского мира на восточный и западный. Ныне большинство специалистов полагают, что о делении славян на три большие группы — семьи восточных, западных и южных — можно говорить лишь с VIII в. Вероятно, эту датировку можно несколько удревнить, распространив ее с некоторыми оговорками и на VII в., но не раньше

Картина же расселения восточных славян, зафиксированная в «Повести временных лет» (ПВЛ), может быть отнесена к VIII—IX вв., преимущественно к последнему столетию Другие источники, так называемый Баварский географ и Константин Багрянородный, дополняют эту картину также для IX—первой половины X в. «Баварский географ» первой половины IX в. Восточную Европу знает плохо, фиксируя в самой общей форме такие народы, как русы, хазары, а также некоторые южно-восточнославянские племена. Константин Багрянородный (40-е годы X в.) более детален, но он отнюдь не ставил целью нарисовать этническую карту Руси своего времени, а лишь отмечал наименования ряда групп восточных славян, подчиненных русам.

Заметим, что древляне, северяне и т.д. в ПВЛ племенами не именуются, хотя в современных переводах термин «племя» нередко фигурирует. Ряд ученых уже давно сделали вывод, что в древнерусской летописи речь идет не о племена но о союзах племен. Такое мнение подкреплялось и больше территорией таких «племен», как северяне, кривичи и др. Нет термина «племя» или подобного ему и в списках слав5 Константина Багрянородного, который ведет речь о славянах-древлянах, северянах и т.д. Вместе с тем перед нами еще несомненно, объединения догосударственного или предгосударственного порядка, скорее всего именно союзы близкородственных племен. В этих союзах, уже занимавших определенную, четко фиксируемую территорию, налицо переходные черты к политическому объединению типа раннеклассового общества. В этом плане древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским «племенам», как франки, саксы, бавары и т.д., которые на деле представляли же союзы племен, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени.

«Повесть временных лет» называет следующие восточнославянские объединения: поляне, северяне, древляне, радимичи, вятичи, кривичи (из которых западные имели и особое название — полочане), словене ильменские, дреговичи, волыняне (бужане или дулебы), белые хорваты, тиверцы и уличи. Из них уличей и тиверцев во времена составления летописи (XI в.) уже не существовало, хотя они фигурируют в событиях первой половины X в. Очевидно, уличи и тиверцы были разгромлены печенегами в период усиления последних во второй половине X в. В то же время, согласно ПВЛ, тиверцы и уличи некогда были весьма

многочисленны, а поскольку они обитали в низовьях Днестра, т.е. на границах с Византией, из них происходили толковины-переводчики (с греческого языка). Попытаемся представить карту расселения отдельных групп восточных славян, преимущественно по данным ПВЛ. Летописец считал, что пришли они в Восточную Европу с Дуная, «где теперь Угорская земля и Венгерская», но прежде славян называли норики. Это весьма загадочное место летописи, не расшифрованное до сих пор. Более того, как правило, толкователи ПВЛ вообще его обходят и начинают вести речь с обитания славян на Среднем и Нижнем Дунае и во Фракии. Между тем Норик — это название римской провинции, приблизительно соответствующей современной территории Австрии, где предки славян вполне могли обитать (равно как в других, более северных районах) до их расселения в указанных придунайских странах.

Вернемся, однако, к теории дунайской «прародины». Таковой эти страны не являлись, но в то же время летописец, очевидно, на основании комплекса своих знаний (византийских известий, славянских преданий) ведал, что славяне на территорию Восточной Европы пришли именно из этих областей. Сопоставляя с известиями о ранних славянах византийских писателей VI в., можно заключить, что основной поток славян на восток шел из карпатских и прикарпатских областей, и в этом рациональное зерно данного указания ПВЛ. В то же время автор летописи отмечает, что два восточнославянских «племени», радимичи и вятичи, пришли от ляхов, т.е. с запада. А современные лингвисты, изучая древнейшие пласты новгородского диалекта древнерусского языка, заключают, что он во многом подобен наречиям прибалтийских славян.

Наконец, северяне по летописи пришли в район их расселения не с запада, из-за Днепра, а с севера (от кривичей или славян ильменских?). Летописец ничего не говорит о том, откуда пришли кривичи, дреговичи, древляне, поляне и тем более волыняне, белые хорваты. Видимо, для него их поселение в соответствующих пределах происходило столь давно, что он не имел об этом никакого представления. И действительно, волыняне, дреговичи, несомненно, обитали на древнейшей территории праславян, а поляне, древляне и, вероятно, кривичи и словене ильменские пришли в свои места в очень далекие от времени жизни летописца времена. А вот северяне, вятичи и радимичи заняли районы своего обитания позже и осталась какая-то память об их туда эмиграции. Доказано, что область обитания северян, по данным археологии, еще в VIII и даже X в. не была чисто славянской и там жили остатки иранцев, постепенно славянизируемых. Районы же современной Восточной Белоруссии и прилегающие территории России, вплоть до Калужской и Тульской областей, сохранили остатки балтской топонимики, что доказывает обитание там некогда балтов, затем также слившихся со славянами. Труднее всего с областью славян ильменских или новгородских. Рядом с ними, в районе Пскова, обитали кривичи, и, очевидно, отрывать эти группы славян друг от друга оснований нет. Однако массовый приход в область Приильменья славян через районы сплошного балтского населения с запада вряд ли мог иметь место. Так что можно предположить, что ильменские славяне — это ответвление кривичей, возможно, совместно с какими-то более западными группами славян, прошедшими через кривичские территории (как могли пройти вятичи и радимичи через подобные массивы кривичей и дреговичей) и продвинувшиеся на северо-восток, где они сохранили за собой общее название «славяне» (словене), подобно тому, как это же имя уцелело и на других окраинах «славянского» мира (словенцы, словаки).

Сам термин «славяне» до сих пор удовлетворительно не объяснен. Возможно, он связан со «словом», и так наши предки могли себя именовать в отличие от иных народов, речь которых они не понимали (немцы). С таким явлением мы встречаемся не только в славянском мире. Известно, что арабы в VII—VIII вв. называли все прочие народы, не понимавшие их языка, аджамами, т.е. неарабами, буквально немыми, бессловесными (немцами). Позже такой термин стал применяться исключительно к иранцам. Сравните использование «немец» в русском языке. Любопытно, что согласно Прокопию Кесарийскому (VI в.), весьма эрудированному писателю славяне назывались прежде спорами, а у Иордана фигурирует какой-то народ сполы, с которым воевали готы. Расшифровать эти понятия невозможно при нашем

состоянии знаний, но, очевидно, термин «славяне» возник не сразу и не вдруг стал общеупотребительным. Возможно, древнейшее название было все-таки венеды: именно так именовали славян их древнейшие соседи с запада — германцы и, кажется восточные балты. Но так могла называться и часть предков славян, тогда как другие могли носить иные наименования. И только позже (V—VI вв.?) утвердилось общее название «славяне» (словене).

Но вернемся к расселению славян в Восточной Европе. Для древнерусского летописца важнейшей группой их были поляне, в чьей земле находилась столица Древней Руси — Киев. Обитали они, согласно летописи, по Среднему Днепру. Сколько-нибудь точно их территория не обозначена, отчего среди современных ученых на сей счет существуют разные точки зрения. Если внимательно изучить летописные данные о полянах, то на правобережье Днепра их территория не была обширна и располагалась от реки Тетерева на севере до реки Стугны южнее Киева или до реки Рось на юге. Дело в том, что пространство между Стугной и Росью во второй половине X—первой половине XI в. нередко находилось под властью печенегов, а позже здесь киевские князья селили подвластных им кочевников (тюрков, берендеев, черных клобуков), спасавшихся от своих же сородичей половцев. Однако сам термин «поляне» предполагает, что эти славяне некогда жили в полях, т.е. явно где-то южнее. Поэтому можно полагать, что поляне прежде занимали и значительную территорию (очевидно, по правому берегу Днепра и южнее Роси) и лишь потом были оттеснены мадьярами или печенегами на север. Скорее всего, речь должна идти о мадьярах, которые в первой половине IX в. по совету хазар продвинулись на запад от Днепра, о чем речь пойдет ниже. Известно, что мадьяры не только проходили около Киева, как отмечает ПВЛ, но какое-то время располагались в его районе, о чем есть свидетельства в венгерских преданиях, да и в местной топонимике (Угорская гора. Ольмин двор).

Но поляне, очевидно, уже рано обжили и часть левобережья Днепра, какую — сказать трудно, возможно, почти до Чернигова. Следовательно, они контролировали район, весьма значимый для торговли (слияние Десны с Днепром).

За Днепром, на северо-восток от полян, обитали северяне, одно из самых обширных восточнославянских объединений. Жили они, согласно летописи, по рекам Десне, Сейму и Суле, т.е. приблизительно в пределах Черниговской, Сумской, Полтавской, Курской и Белгородской областей. Вдоль притока Днепра Сожа обитали радимичи, по верхней Оке вятичи. Севернее радимичей были расположены земли другого большого «племени» кривичей, которые делились на восточных и западных. Последние жили по реке Полота и именовались еще и полочане (очевидно, это разделение относительно позднее). Поселения кривичей на восток доходили до нынешней Московской области, где смыкались с вятичскими.

Небольшая группа кривичей жила в районе Пскова. Ее соседями являлись словене ильменские или новгородские, жившие вокруг озера Ильмень и на севере до реки Невы и Ладожского озера.

Большую часть нынешней Белоруссии занимали дреговичи («болотные люди»). С запада от полян жили древляне («лесные люди»), а за ними еще одно из трех крупнейших восточнославянских «племен» — волыняне, которых называли бужане (от реки Буга) или дулебы.

В современной восточной Галиции жили так называемые белые хорваты, ответвление большой группы славян, сложившейся еще до четкого разделения последних на восточных, западных и южных. В ходе славянских расселений большая часть хорватов обосновалась на севере Балканского полуострова, но первоначально места их обитания были, вероятно, в Прикарпатье. Об этом пишет Константин Багрянородный, прямо указывая, что хорваты, ныне живущие в Далмации, происходят от хорватов, обитающих за страной венгров. И, наконец, по Днестру жили тиверцы и уличи, которых прежде (т.е., очевидно, до второй половины X в.) было множество, а города их, по словам летописца, сохранились и в его время. Впрочем, то были, очевидно, города, унаследованные славянами от предшествующего населения, скорее всего фракийского, о чем говорят их названия, упомянутые Константином Багрянородным.

Итак, территория, занятая славянскими племенами, по ПВЛ, обнимала приблизительно большую часть современной западной Украины, некоторых областей восточной (Черниговской, частично Полтавской, Сумской). Территорию большей части нынешней Белоруссии и ряда областей России (Курской, Брянской, Белгородской, Орловской, Калужской, частично Тульской, Московской, Новгородской, Тверской, Псковской). Уже это опровергает тезис польских и украинских националистических историков, будто восточные славяне раннего времени — предки украинцев и белорусов, а великорусы - ославянившиеся финны. В действительности на протяжении X—XI вв. шло движение славян на северо-востоке с ассимиляцией и ряда финских племен. Древний летописец отмечает, что на Белоозере сидела весь, на Ростовском озере — меря, по нижней Оке — мурома и т.д. Ко времени первого летописца значительная часть этих финнов слилась со славянами, другие — ославянились в XII в., но на севере финское, а кое-где и балтское население сохранялось еще довольно долго, лишь постепенно теряя свое этническое лицо.

В то же время происходили определенные изменения и на юге. Уже отмечено, что исчезли уличи и тиверцы. Менялась граница со степью южнее Киева. Наконец, за Днепром славяне довольно прочно освоили часть нынешней Полтавской области и другие регионы. Сюда, очевидно, шла полянская и северянская колонизация.

Уже упоминалось, что в VIII в. славяне достигли Дона, а во второй половине X в. после походов Святослава и Тамани, где они жили вместе с адыгами. В XI и особенно в XII в. с приходом половцев здешние поселения славян либо исчезли, либо значительно сократились, однако часть существовала вплоть до монгольского нашествия.

Селились славяне и в Крыму, где они известны еще в XV в., в период турецкого завоевания.

Как мы уже видели, ранние восточнославянские объединения носили либо старые племенные названия, аналогичные сохранившимся и в иных районах расселения славян (кривичи, хорваты, дулебы, северяне), либо получили новые имена, чаще всего связанные с характером занимаемой территории (дреговичи, поляне, древляне) или с реками, вдоль которых они расселились (бужане, полочане). Отдельные группы восточных славян связывались с их легендарными предками (вятичи — с Вятко, радимичи — с Радимом). На всех окраинах расселения славян они проживали совместно с другими этносами, по-разному с ними соотносившимися. На юге это были остатки иранцев, а также угров, и вновь пришедшие тюрки. На севере — разные финские племена, особенно тесно связанные со славянами политически еще в IX в. На северо-западе такими соседями являлись балты, славяне, и соседние им иные этносы взаимно влияли друг на друга. Пожалуй, особенно большое воздействие на славян оказали древние насельники нашего юга — иранцы.

Вспомним, что именно иранцы несколько столетий играли ведущую роль в цивилизациях юга нашей страны. Поэтому неудивительно, что слившиеся с ними славяне, передав им язык, одновременно получили в наследство немало хозяйственных навыков, элементов материальной и даже духовной культуры. Немало заимствований из иранских языков вошло еще в праславянский язык, так как соседями праславян на юго-востоке были скифы и сарматы. Еще больше таких заимствований наблюдается в восточнославянском (древнерусском языке) и его потомках — украинском, русском и белорусском языках.

По-видимому, от иранцев пришло к славянам (вероятно, еще праславянам) слово «бог», что в иранских языках означало «господин», «владыка». От этого же слова производные «богатый» и др. К иранцам, вопреки распространенному мнению, восходят такие термины, как «тархан» и «богатырь». В скифских наречиях тархан — судья. От скифов это слово взяли тюрки, а уже от них — восточные славяне (русские). Термин «богатырь» вовсе не восходит к тюркско-монгольскому багатур (батыр). Он в форме «багатар» засвидетельствован грузинскими источниками у алан (ясов, осетин) в X— XI вв. Эти ос-богатары являлись высшей прослойкой осетинской знати.

К иранским языкам восходит термин «боярин» (что-то вроде друга, ближнего бога, т.е. господина). Возможно, к иранскому «гарда» идет древнерусский термин «гридень» (иранское «гарда» — «раб», «слуга»), хотя есть и иные суждения на сей счет.

Наконец, слово «хата», существующее в украинском языке и южно-великорусских наречиях, — это иранское «катай» (дом).

Можно привести и другие примеры (собака, топор и т.д.). Но, пожалуй, наиболее примечательно иранское наследие в области славянской и особенно восточнославянской языческой религии. Из языческих богов, упомянутых летописью, иранскими являются Хоре (бог солнца), Симаргл (священная птица, неоднократно фигурирующая и в иранском эпосе, записанном великим Фирдоуси в «Шах-наме» — Симург), вероятно, Стрибог. Читая «Слово о полку Игореве», неоднократно встречаем некоего таинственного Дива, очевидно, почитаемого и нашими предками. Между тем, у иранцев дивы, дайвы — это темные божества, от которых многое зависело в жизни людей. Впрочем, сохранные производные от него в русском и украинском языках (дивный, дывытись и т.д.) могут навести и на иные толкования смысла «дива» У восточных славян.

Знаменитый Вий Н.В. Гоголя — это мрачное существо подземного царства Вайу у иранцев, заимствованное от них славянами и сохранившееся в украинском фольклоре еще в XIX в., и т.д.

Еще больше сходства являют памятники материальной культуры, особенно Украины и южнорусских областей, население которых и представляет продукт слияния иранцев со славянами.

Все это доказывает, что восточные славяне — наследники местного иранского населения древности, которое в массе своей никогда не исчезало, подвергшись славянизации. Разумеется, есть следы и балтско-славянского синтеза, тем более что первоначально балты и славяне составляли единую этническую общность еще тогда, когда индо-иранцы от них отделились. Например, знаменитый Перун, которому поклонялась княжеская дружина в Древней Руси, имеет аналогию в балтском Перкуне. Впрочем, это, очевидно, даже не общее славяно-балтское божество, но более древнее индоевропейское, поскольку аналогию ему можно найти у древних хеттов.

На первый взгляд, кажется странным отсутствие сколько-нибудь сильного влияния на северную ветвь даже восточного славянства финнов, с которыми славяне смешивались в ходе колонизации северо-востока Руси. Очевидно, дело в том, что финны этих районов находились, в отличие от иранцев, на гораздо более низком уровне социально-культурного развития, нежели славяне, и уже по этой причине следы финской лексики в древнерусском языке незначительны, если не отсутствуют вообще. К тому же необходимо иметь в виду, что финское население севера было крайне редким (в отличие от юга) и проще ассимилировалось славянами, оставив, разумеется, определенные черты в быту северных русских, вероятно, музыке, танцах.

Словом, все данные говорят за то, что в процессе движения славян на восток происходило их слияние с разноплеменным местным населением, в результате чего и вырабатывались те черты (в языке, антропологическом типе, материальной культуре), что отличают восточных славян от западных и южных. Уже в ту пору намечались и определенные различия между юго-западными частями восточнославянского мира, северными и северо-восточными, и западными, которые позже, в определенных специфических условиях XIII—XVI вв., привели к распаду единой древнерусской народности на три самостоятельных.

Однако искать отдельных предков для русских, украинцев и белорусов уже в эпоху Древней Руси, а тем более раньше, как это сейчас пытаются делать националистически настроенные истоки, нет никаких оснований. Например, северяне стали предками и русских, и украинцев, а кривичи и радимичи — единые пращуры русских и белорусов. Да и в более позднее время отмечаются переливы населения из разных областей Древней Руси, никак не связанные с обособленностью в ту пору ее отдельных частей.

§ 3. Борьба Севера и Юга и образование Древнерусского государства

Главным занятием восточных славян в известную нам эпоху было земледелие в сочетании с разведением скота и различного рода промыслами. Чем дальше на север, тем большее значение приобретали промыслы, тем более, что во внешней торговле, особенно с развитыми странами Востока и Византией, особую роль играл именно экспорт различного пушного зверя, которым в ту пору был богат не только славянский север, но и более южные земли.

Если на юге, в лесостепи, условия для земледелия были весьма благоприятны, и славяне здесь унаследовали навыки и многосотлетний опыт иранского (и фракийского) населения, то в северных районах земледелие было в основном подсечным и в целом малоприбыльным, однако столь же необходимым для повседневной жизни людей. В ту пору в качестве дорог в Восточной Европе чаще всего выступали речные пути (большие реки Волга, Днепр, Западная Двина, Дон и их ответвления), а поскольку как раз Восточная Европа являлась промежуточным пространством между развитыми странами Востока и Западной Европой, такие пути приобретали и международное значение. В то же время их освоение ускоряло процессы складывания государств и цивилизации. Именно на важнейших пунктах таких путей уже в VIII—IX вв., а возможно и раньше, возникали торговые фактории, из которых затем развивались первые города. Случалось, что такие города основывались и рядом с прежними факториями, по тем или иным причинам оставленным. Так, Гнездово возле Смоленска или Арское городище недалеко от Ростова Великого были затем покинуты, и города как таковые возникли в новых местах, неподалеку от заброшенных факторий. Наоборот, Киев с его тремя первоначальными крепостями так и остался важнейшим центром, затем превратившимся в столицу Русского государства.

Ведущую роль в транзитной торговле через Восточную Европу, как уже сказано, играли в VIII—IX вв. еврейские купцы, которые лишь в пределах халифата уступали ее местным мусульманским торговцам. Последние по Каспию и Волге доходили до небольшого городка Булгар (основан в IX в., недалеко от современной Казани), очевидно, по преимуществу сухопутным путем, тогда как Волжский путь контролировался хазарами и еврейскими купцами этого государства. В северные пределы славян арабские купцы в IX в. не заходили: хазары держали дороги под своим контролем и помимо чисто административных мер прибегали к простому запугиванию рассказами о диких северных людях, якобы убивавших всех чужеземцев.

В VIII-IX вв. именно Волжский путь играл основную роль в международной торговле того времени. Вдоль этого пути найдены, вплоть до Скандинавии, многочисленные клады арабских дирхемов (серебряных монет), число которых неизменно растет вплоть до конца X в., когда под влиянием разных обстоятельств, в том числе и кризиса серебра на Востоке, экспорт арабской валюты быстро и резко сокращается. В Древней Руси дирхемы именовались шелягами. очевидно через посредство хазар (шеляг — белый, серебряный). В довольно сложной системе денежного обращения на Руси использовался и арабский термин «ногата» (от арабского «нагд» — наличные деньги).

Вместе с тем уже в IX, но особенно в X в., все большее значение приобретает другой путь, связывавший европейский север с Черным морем. Вероятно, его функционирование было вызвано господством хазар на Волжском пути, где они ставили для всех торговцев, исключая еврейских, всякого рода заслоны.А освоение торгового тракта с Балтики к Черному морю неизбежно было связано с деятельностью варягов, которые уже в конце VIII в. проникали на восточноевропейский север, основывая там свои фактории. Первоначально и норманны стремились использовать Волжский путь, но затем их активность все больше направлялась в сторону восточнославянских земель, на юг. Древнерусский летописец прекрасно описал новый торговый путь, не случайно получивший название «Путь из варяг в греки», связав его с центром Руси, «землею полян». «Был путь из варяг в греки, из грек по

Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмен, озеро великое; из этого же озера вытекает р. Волхов и впадает в озеро великое Нево, а устье этого озера впадает в море Варяжское. И по тому пути можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река». Перед нами любопытное, хотя и очень краткое, описание большого пути вокруг Европы, который русский летописец начинал от Киева на север к Балтике, а затем продолжал по обычному маршруту норманнов вокруг Западной Европы в Средиземное море и далее в Византию, а уже оттуда через Черное море к Днепру и Киеву. Далее летописец специально отмечал, что три большие реки — Днепр, Волга и Западная Двина — берут начало из Оковского леса (Оковский лес с финских языков — это буквально Водный, речной лес), и далее упоминал и пути на восток по Волге и Двине — на запад. Данное описание, несомненно, XI в., но истоками своими восходит к X в. и даже более ранним временам. Именно в конце VIII—IX в. началась так называемая эпоха викингов, когда вследствие избытка населения в бедных скандинавских странах этот исток людей должен был искать себе применение в эмиграции на запад и на восток. Эмиграция имела на востоке свою специфику, поскольку там викинги, или, как их здесь называли,— русь, а затем варяги Северо-Восточной Европы сталкивались с местным населением, находившимся приблизительно на том же цивилизационном уровне, что и они сами; чаще всего руководители норманнских отрядов заключали союзы с местной знатью, выгодные обеим сторонам. Лучше всего это удавалось на севере, который был ближе к Скандинавии и ее опорным пунктам (прежде всего Ладоге) и имел в ту пору не только славянское, но и финское население. В то время как на севере активизировали деятельность скандинавы, юг все больше вовлекался в орбиту влияния или прямо под власть хазар. Давно уже доказано, что ни варяги, ни хазары славянам государственность не принесли, поскольку эта последняя как таковая возникает прежде всего в результате определенных процессов внутри самого общества с возникновением имущественного неравенства и социального расслоения. Вот и у восточных славян, очевидно, не позже VIII в. появились свои княжения, о которых помнил и древнерусский летописец. Правда, тот же летописец отмечает, что такие княжения существовали не у всех восточных славян — их, по-видимому, не было у тех, что были уже в VII в. подчинены хазарам (вятичи, северяне, радимичи) или попали под верховенство сильных соседних западнославянских объединений, прежде всего Великой Моравии, что можно предположить для волынян и белых хорватов. Но ПВЛ знает, что свои княжения до «призвания варягов» существовали у полян (хотя поляне какое-то время зависели от хазар), древлян, кривичей, словен ильменских и у дреговичей. В отношении полян летописец, уроженец Киева и его патриот, записал легенды о князьях, основателях города: Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди. Правда, в отношении Кия еще в XI в. существовали два варианта легенды, и по второму он был просто перевозчиком на Днепре. Однако летописец по вполне понятным причинам с негодованием отверг этот вариант сказания и даже старался обосновать его недостоверность.

Показательно, что все три имени «основателей» Киева могут быть объяснены из иранских наречий, что, вероятно, доказывает их связь с дославянским населением региона. Неудивительно, что память о них сохранилась как в названии Киева, так и в наименовании двух киевских гор — Щековицы и Хоривицы. Вероятно, в древности существовали аналогичные легенды и о других «прародителях» местной государственности, отголоски которых также сохранились в летописи (Тур — основатель Турова, Вячко и Радим — патриархи вятичей и радимичей).

Как бы то ни было, есть все основания считать, что у полян было свое княжение, которое было ликвидировано хазарами. Это могло произойти где-то в VIII в. Все эти местные княжения были мало друг с другом связаны и не могли противостоять ни хазарам, ни варягам. Из этих двух реальных угроз более сильной была хазарская, поскольку хазары представляли мощное политическое объединение, господствовавшее почти на всей Восточной Европе. Варяги же здесь никаких завоеваний не делали: все, что нам известно, говорит скорее за то, что

они утверждались в славянских землях как союзники местной знати — более самостоятельные на севере и зависимые от последней на юге. В таких условиях на просторах Восточной Европы начала складываться новая ведущая политическая сила — Древнерусское государство, или Русь, как его в ту пору именовали. Вопрос о происхождении термина «Русь» в нашей историографии, к сожалению, довольно искусственно запутан. Ныне, однако, в общем вполне доказано, что термин этот пришел с севера: так называли финские аборигены пришельцев из Скандинавии, а от них этот же термин стал использоваться и славянами первоначально в том же смысле. Правда, сходный термин (форма «рось») существовал издавна и на юге. В иранских языках он означал «светлый» и как таковой фигурировал в различных иранских же этнонимах (роксоланы — светлые аланы, роксамоны — светлые мужи и т.д.). Одно время ряд учений предполагал двойное происхождение термина «Русь» от своеобразного слияния северного «русь» и южного «рось». В принципе это могло случиться, однако нельзя забывать, что местная «туземная» форма этнонима, и от него — названия земли, страны, именно «рус, Русь», тогда как «Рос, Росия» появились первоначально в греческом языке по ассоциации с библейским северным народом Рос (древнеевр. «рош»), которым Библия запугивала цивилизованные народы Средиземноморья еще со времен ветхозаветных пророков. Любопытно, что на Руси форма «Рос» (Россия) появилась поздно (не ранее XVI в.) и стала общепринятой лишь с XVIII в.

Итак, можно исходить из того, что первоначальные русы (VIII—IX вв.) были скандинавы, пришедшие в страны Восточной Европы с севера, из областей, населенных финнами. Уже в конце VIII в. они основали свои северные фактории, из которых наиболее известна Ладога (Старая). Затем эти проторусы, как их правильнее именовать, установили связи со славянскими землями.

Наша древнейшая летопись, к сожалению, весьма скудно и неточно информирована о событиях IX в. Даже хронология ее вся неверна. Это относится уже и к событиям византийской истории, о которых, казалось бы, древнерусские историки должны были знать из известных им византийских сочинений. Например, в ПВЛ неправильная дата вступления на престол императора Михаила — 852 г. (следует — 842 г.). Точно так же неверна дата первого известного похода на греков, который совершенно точно датирован византийскими хрониками июнем 860 г. (тогда как в ПВЛ 866 г.). Впрочем, и хронология ПВЛ большей части событий X в. без тщательной проверки по другим источникам принята быть не может. Поэтому восстанавливать канву исторических фактов древнерусской истории IX — первой половины X в. приходится почти исключительно по иностранным памятникам. Но в ПВЛ на одной из первых страниц под 859 г. написано, что варяги из заморья брали дань с чуди, словен, мери и всех кривичей, а хазары с северян, полян и вятичей. Из этого очевидно, что до так называемого призвания Рюрика с братьями — «варяги в северной Руси» (применяем этот термин) властвовали над местными славянскими и финскими аборигенами. Затем сказано, что в 862 г. варягов прогнали, но вскоре призвали опять. Конечно, в полном виде сказание о призвании варягов принимать оснований нет, но элементы реальности в нем, несомненно, имеются. И главное — варяги появились до 859 г., что ясно видно из текста летописи. Когда — автор ее не знал, как он и вообще не был осведомлен о предыдущей истории восточных славян и их соседей, а потому совершенно намеренно начинал изложение с выбранной им даты — вступления на престол императора Михаила при котором был совершен поход русов на Константинополь.

Между тем привлечение иностранных источников может здесь не все, но многое разъяснить. В первой трети IX в. «Баварский географ» упоминает русов, а под 839 г. современные события Бертинские анналы (официальная каролингская хроника) отмечают прибытие ко двору Людовика Благочестивого (преемника Карла Великого) посольства хакана русов, которое до этого побывало в Константинополе, но, не имея возможности вернуться на родину обычным путем, вынуждено было это сделать через владения франков. Послы оказались шведами, которых на западе хорошо знали, и им удобно было через Балтику вернуться в страну, откуда они были отправлены. Эта страна находилась, однако, не в Прибалтике, но

где-то в пределах восточных славян, возможно, на Среднем Днепре. Кстати, через несколько лет один современный арабский писатель упоминает какого-то «владыку славян», в котором также можно видеть правителя Киева. То, что глава русов носил титул хакана, говорит в пользу того, что он принял его, демонстрируя тем самым свое равенство с повелителем Хазарин. Почему послы не вернулись на родину тем путем, каким они прибыли в Константинополь — объяснить нетрудно. Именно в 30-х годах хазарские хакан и бек попросили византийцев построить для них на Дону крепость Саркел (Белая Вежа) и в то же время двинули подвластную им венгерскую орду на запад, в область Атель-кюза (Междуречье), между Днепром и Днестром. Очевидно, именно венгры и преградили путь посольству хакан и русов обратно.

Но обратимся к ПВЛ. В ней рассказывается (рядом с другими событиями, которые должны были растянуться на много лет), что некие Аскольд и Дир, по летописи бояре Рюрика, властвовавшего на севере в земле славян ильменских, отпросились у него в поход на юг и, дойдя до Киева и узнав, что этот город платит дань хазарам, утвердились там, отказавшись эту дань платить. Имена Аскольд и Дир — безусловно скандинавские, но это вовсе не значит, что эти лица были боярами Рюрика. Возможно, они действовали вполне самостоятельно и, явившись в землю полян, поступили на службу в Киев, обязавшись со своей дружиной защищать город от Других врагов (прежде всего хазар). Давно вызывает сомнения не только датировка прихода Аскольда и Дира в Киев сути дела, в летописи ее нет), но и одновременность их жизни. Вполне возможно, что они и не были современниками и кто-то из них жил раньше, скорее всего Аскольд. В арабских источниках, кстати, сохранился рассказ о некоем ал-Дире, который выглядит как могущественнейший из славянских князей. Но рядом с ним назван и другой князь, имя которого можно прочесть как Олег. По-видимому, в Восточной Европе IX в. возникло несколько княжеств, во главе которых стояли «призванные» русские князья. Арабские источники называют Киев, Славию, т.е. землю словен ильменских, и некую Арсу, которую до сих пор идентифицировать не удается. Но из тех же источников видно, что важнейшими из этих политических объединений были Киевское и северное, в районе несколько позже возникшего Новгорода. Вероятно существование и Полоцкого княжества и, возможно, других. Закрепление в них пришельцев с севера диктовалось заинтересованностью в борьбе с хазарами, поскольку последние, в отличие от скандинавских конунгов, стремились полностью ликвидировать самостоятельность славянских земель. Есть основания полагать, что, подчинив земли северян, полян, вятичей и радимичей, хазары тем самым уже прибрали к рукам Волжский путь (булгары волжские им платили дань) и даже побочные трассы, типа пути по Десне и Оке. А затем должна была наступить и очередь северных земель с тем, чтобы полностью подчинить себе и выходы к Балтике. Поэтому славяне, как и финны, были заинтересованы в свержении хазарского ига и с этой целью и заключали разного рода союзы со скандинавскими конунгами. Эти союзы обозначались термином «ряд», византийцы переводили его термином «пакт», а подчинившееся население именовалось пактиотами (рядовичами).

Опираясь на вышеупомянутые известия, можно утверждать, что главная роль в борьбе с хазарами выпала на долю правителей Киева, которые уже в первой половине IX в. достаточно усилились, чтобы принять титул хакана. Однако, судя по всему, такое усиление не было стабильным, тем более, что южные князья довольно скоро вступили в противоречия с северными. Правил ли на севере Рюрик или его наследники — принципиального значения не имеет. Но о попытках южных князей закрепиться и на севере (в земле кривичей) известия есть. Имеются сведения и о бегстве с севера людей под руку южных князей. Еще более интересны сообщения (правда, в поздних летописях) о столкновениях Аскольда с причерноморскими булгарами. При этом погиб сын князя. Это, кажется, говорит о продолжавшейся борьбе с хазарами, которым эти булгары подчинялись.

И, наконец, поход на Византию 860 г. Можно полагать, что он был предпринят не только с целью захвата добычи, но, главным образом, чтобы показать силу и значимость южнорусского княжества. Однако поход закончился неудачей. Русский флот, состоявший из

однодеревок, был разбит бурей лишь остатки его вернулись на родину. Несомненно, поражение у Константинополя сказалось весьма отрицательно на южном княжестве. Попытка показать северу свою силу не увенчалась успехом. А тем временем на севере, по свидетельству летописи, положение стало более стабильным. Северным князьям, к тому же опиравшимся на новые отряды заморских варягов, был необходим доступ на богатый юг и палее для торговли в Византию. Южные князья сделали еще одну, отчаянную попытку: они приняли христианство, очевидно, в надежде на помощь со стороны греков. Это случилось около 867 г. Возможно, принятие христианства было связано и с миссией славянских просветителей Кирилла и Мефодия в Крым в 60-х годах IX в. Есть основания говорить и об улучшении отношений с Хазарией, которая в ту пору была союзницей Византии. Восточные источники (правда, поздние) упоминают о каком-то походе на Каспий русов где-то в это время, а такой поход не мог быть организован без благоприятной позиции хазар. Те же восточные источники и, что самое важное, IX в. отмечают оживление в это время торговли со странами халифата и упоминают участие в ней русских купцов, что также могло иметь место лишь при хороших отношениях с хазарами. Купцы, достигавшие Багдада, выдавали себя за христиан. Одним словом, после похода 860 г. произошло резкое изменение политики киевских князей, ставших теперь союзниками Византии и Хазарии. Но именно это явилось одной из причин их дальнейшего поражения в борьбе с северными князьями. Согласно ПВЛ, в 879 г. умер Рюрик, оставив малолетнего сына Игоря, вместо которого стал управлять родственник князя Олег. Дата эта, как и другие в ПВЛ, разумеется, условная. Но, в отличие от Рюрика, историчность Олега и Игоря никаких сомнений не вызывает. Вряд ли приходится сомневаться и в общей канве Дальнейших событий, описанных ПВЛ, прежде всего походе Олега на юг. По пути северный правитель закрепился в земле кривичей (Смоленске) и других пунктах вдоль «пути из варяг в греки». Уже это ясно показывает направленность действий Олега. По словам ПВЛ, Олег, достигнув Киева, обманом умертвил Аскольда и Дира, и сам закрепился в южном городе, объявив его «матерью городов русских». Несомненно, этот термин более позднего происхождения (он — калька с греческого), но сам факт захвата Олегом Киева сомнений не вызывает. Столь же закономерны (отвлекаясь от датировок) и дальнейшие действия Олега: он победил ближайших соседей полян – древлян и северян, из которых последние до этого платили дань хазарам. Древляне, согласно летописи, издавна были недругами Киева (по выражению летописца, «обижали полян»). Затем князь освободил от хазарской зависимости радимичей. По сути дела, есть основания говорить о русско-хазарской войне при Олеге, причем союзниками его выступали, согласно восточным известиям, печенеги. Союзниками хазар были мадьяры (венгры, угры). Еще в 30-х годах мадьяры обосновались в области между Днепром и Днестром и как союзники хазар неоднократно тревожили Киев и другие славянские земли. Война закончилась победой нового киевского князя. Мадьяры же под ударами печенегов вскоре ушли через Карпаты в Паннонию (см. подробнее гл. 3 § 1). Это случилось, по данным современного источника, в 889 г. Исходя из этого, надо и войну Олега с хазарами датировать 80-ми годами IX в., что приблизительно совпадает и с данными русской летописи.

§ 4. Ранняя Древнерусская держава

Именно с конца IX в. можно говорить о начале сложения большого государства, которое получило название Русь и появилось в результате прежде всего объединения двух главных политических центров восточных славян — южного с Киевом и северного с Новгородом. Последний, скорее всего, и возник в это время, сменив более старое поселение, возможно, на так называемом Рюриковом городище, возле Новгорода. Олег постепенно так или иначе присоединил к Киеву большую часть восточнославянских земель. Из летописи видно, что ему к концу правления подчинились поляне, словене (новгородские), чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, северяне, белые хорваты, дулебы и тиверцы. Впрочем, подчинение хорват и дулебов сомнительно, равно как и западных кривичей (полочан). В любом

случае под властью Киева оказался прежде всего «путь из варяг в греки» с его ответвлениями на Десну и Западную Двину. Олег получил прозвище Вещего, что, возможно, просто перевод на славянский язык его (скандинавского) имени Олег (ск. Хелги), что означает Святой, Вещий. О других событиях его времени нам почти ничего не известно, исключая рассказ летописи о походе на Царьград и договорах с Византией, из которых полностью до нас дошел текст договора 911 /912 гг., тогда как договор 907 г. летопись сохранила лишь в изложении. Это дало основание, наряду с повторением ряда статей, некоторым исследователям признавать существование лишь одного русско-византийского договора. Скорее всего, их было два и второй как бы подтверждал первый, который явился результатом похода Олега на Константинополь. Это было грандиозное предприятие, в котором, по летописи, участвовали 2 000 судов, т.е. около 80000 воинов (русский корабль вмещал 40 воинов). Летописец, очевидно, пользовался какими-то преданиями, к которым и восходит рассказ о том, как Олег поставил корабли на колеса и ветер погнал их к стенам византийской столицы. Испуганные греки запросили мира, в итоге которого русы получили огромную дань и, кроме того, оговорили очень выгодные условия торговли. Предание гласит, что победоносный князь прибил к воротам Царьграда свой щит. Более детально все это перечислено в полном тексте договора 911/912 гг. На Руси память об Олеге, очевидно, сохранялась долго, хотя о времени его смерти и даже месте погребения мы точно не знаем. Одна из версий смерти князя — укус змеи — была использована Пушкиным в «Песни о вещем Олеге». Но в XI в. были известны и другие версии кончины князя — в Ладоге или где-то за морем. В связи с этим порой устанавливают связь с сохраненным восточными источниками рассказом о походе русов на Каспий. Этот поход есть основания датировать 909/910 гг., т.е. вскоре после заключения договора Олега с греками. То, что мы знаем об этой военной экспедиции, позволяет утверждать, что она не была аналогична походам Олега на Византию. Последние преследовали обеспечение торговых интересов Руси, по каким-то причинам до этого нарушенных. Походы же на Каспий (времен Олега и другие) являлись политическими акциями, хотя не исключено, что и в них были замешаны торговые интересы. Уже последовательность походов на Византию и на восток заставляет предполагать их связь, скорее всего, какую-то договоренность между Киевом и Константинополем, заинтересованным в нанесении ущерба его мусульманским соседям. К этому же подводит и характер военных действий русов на Каспии. Согласно нашему основному источнику, арабу ал-Масуди, младшему современнику событий, который получил информацию о походе на южном берегу Каспийского моря, русы для прохода на Каспий заключили договор с хазарским правителем. По этому договору они обязались затем отдать хазарам часть своей военной добычи. Русское войско было весьма велико, что заставляет предполагать большую общегосударственную акцию, хотя вряд ли в походе участвовал сам великий князь. Пройдя столицу Атиль, русы затем рассеялись по западному и южному побережью Каспийского моря. Но у них было два главных направления: одно против Ширвана (территория современного Азербайджана), другое — на южно-каспийские области (Гилян и Табаристан). Участие в сопротивлении русам среднеазиатских Саманидов, верных вассалов халифа, позволяет предполагать, что поход русов был организован для поддержки византийцев в борьбе с арабами. Русы находились на Каспии несколько месяцев и одержали ряд побед. На обратном пути, однако, их ожидала засада в устье Волги. Атильские мусульмане, очень влиятельные при дворе хазарского царя, опиравшегося на придворную гвардию, состоящую из среднеазиатских мусульман, склонили его нарушить договор с русами. В засаде значительная часть русов погибла, и на родину вернулись немногие.

Держава, созданная Олегом, была весьма своеобразным политическим объединением. Олег и его ближайшее окружение были варягами, но на юге эти пришельцы быстро ославянились, очевидно, вступая в брачные связи с местным населением и сливаясь с ним уже в следующем поколении. Однако термин «русы» еще в первой половине X в. имел, скорее, социальное значение, охватывая княжескую дружину и его ближайшее окружение. Вместе с тем в это же время с утверждением постоянной столицы в Киеве складывается понятие «Русская земля, Русь» (у византийцев «Россия»). К середине X в. это понятие уже обнимало Ки-

евскую землю, кроме нее термин применялся и к Новгородской земле, именуемой Внешней Русью. Не случайно в договорах с греками русскими городами названы в первую очередь Киев, Чернигов и Переяславль, но, возможно, к ним причислялись и другие города, находившиеся под непосредственным княжеским управлением. Здесь мы подходим к важнейшей черте раннего Древнерусского или Киевского государства, которое по всем признакам представляло из себя своеобразную федерацию полунезависимых княжеств, подчинявшихся великому князю киевскому или русскому хакану. Последний титул имел значение в X в. до падения Хазарского каганата, хотя хаканом называли еще Владимира и некоторых его преемников. Позже этот титул использовался только для князей Тмутаракани, в числе подданных которых были хазары.

Киевскому же князю подчинялись местные князья, по терминологии летописи и договоров, находившиеся «под рукою великого князя». Но под его рукою находились и бояре, т.е. высшая знать государства, и они также фиксируются в договорах. Сколько было таких местных князей, мы не знаем. Но известно, что великий князь должен был действовать от их имени во внешнеполитических актах, а в посольство Ольги в Константинополь были включены их представители. Можно предположить, что Олег первоначально непосредственно подчинил себе большую часть земель вдоль «пути из варяг в греки», а также отнятую у хазар землю северян с центром в Чернигове. В остальных славянских землях (и, возможно, в части финских) сохранялись местные князья, с которыми заключался своеобразный договор (ряд, пакт) об условиях такого союза. Условия эти, очевидно, сводились, во-первых, к праву великого князя на полюдье в землях союзных князей; во-вторых, последние были обязаны поставлять военные ополчения в случае больших внешнеполитических акций, типа походов на греков или на восток. В остальном местные князья, по-видимому, еще долго сохраняли независимость.

Киевские правители стремились укрепить свою власть и при возможности ликвидировать такие местные княжения, но борьба за это была долгой и, видимо, растянулась почти на весь X в. Например, местное княжение у древлян было ликвидировано только Ольгой, в Полоцке — Владимиром и т.д. Раннее Киевское государство, с политической точки зрения представлявшее федерацию княжеств и непосредственно подчиненных великому князю территорий, с точки зрения социально-экономической являлось совокупностью территориальных общин с элементами родовых отношений. Понятие «род», часто фигурирующее в русских источниках, включало разные типы родственных связей, от собственно рода до большой семьи. В состав рода включались, однако, не только кровные родственники, но, как, например, в Древнем Риме, разного рода лица, не имевшие родства по крови. Славяне в ту пору жили не родовым строем, и объединяющим началом была сельская община или зарождающийся город. Употребляя термин именно «зарождающийся», мы имеем в виду, что, согласно новейшим исследованиям, города как такового, т.е. экономического центра, на Руси до конца X в., вероятно, еще не было. Древнерусский термин «град» означал огороженное место, укрепление, которое естественно являлось центром группы сельских общин, но далеко не всегда попадало под понятие города. Специалисты утверждают, что «только 18 городов возникли на поселениях IX— середины X в. (и более раннего времени), 15 — на поселениях второй половины X—начала XI в.». Даже Киев вплоть до Ярослава Мудрого был относительно небольшим городком, куда не включался даже район расположения Св. Софии. Расцвет древнерусских городов падает уже на XI—начало XIII в. Более же ранние города представляли из себя либо центры местных князей (типа древлянской столицы Искоростеня), либо торговые фактории, ставшие центрами так называемого полюдья.

Институт полюдья характерен не только для Древней Руси, но известен во многих раннеклассовых обществах разных эпох. Для ранней Руси он имел исключительно важное значение, по сути дела определяя социальное лицо этого государства. Наиболее полное описание полюдья, к тому же очень раннее (середина X в.), сохранилось у Константина Багрянородного. Вот что писал просвещенный император: «Зимний же суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты (кня-

зья. — Авт.) выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдье, что означает «кружение», а именно в земли славян древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками по договору. — Авт.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они затем, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом, взяв свои моноксилы (однодеревки. — Авт.), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию.—Авт.)». В другом месте Константин поясняет, что такие моноксилы собираются в Киев с разных мест (из Новгорода, Смоленска, Чернигова и т.д.). Но русы отправлялись для торговли и по Волге в Булгар и хазарскую столицу Атиль, где существовала большая русско-славянская колония. Функционировал и путь на запад через Чехию в германские земли, о чем говорят сохранившийся торговый так называемый Рафельштедский устав 907 г., а также хазарские источники. Таким образом, едва ли не главной задачей русских князей первой половины X в. была организация полюдья, а затем военно-торговых экспедиций с целью сбыта полученного в ходе полюдья добра. Эти экспедиции носили регулярный характер (по Константину — ежегодный), и их не следует путать с большими военными мероприятиями Олега и Игоря, результатом которых были заключения договоров, обусловливавших регулярную торговлю. Вместе с тем, утвердившись в Киеве, русские князья должны были постоянно бороться с местным сепаратизмом, поскольку местные князья стремились вернуть независимость. По летописи, уже после смерти Олега его преемнику пришлось подчинять отложившихся было древлян, уличей и других славян. С такого рода фактами мы сталкиваемся и позже на протяжении всего X в. Уже Олег пытался в ряде подчиненных городов поставить своих наместников («мужей»). Такую же политику проводили и его преемники. Сам великий князь опирался прежде всего на дружину, которая при преемниках Олега была значительно расширена за счет местной коренной знати. В договоре Игоря с греками есть имена скандинавские, славянские, болгарские, иранские, финские и даже тюркские. Наконец, великий князь все больше обязан был считаться со знатью Киева и его земли. На местах же тамошние князья опирались на местную знать и местные собрания общинников (вече). Местная знать была также заинтересована в военно-торговых мероприятиях Киева, но одновременно не упускала случая попытаться вернуть самостоятельность. Внешнеполитические мероприятия первых киевских князей выглядят двояко. С одной стороны, как уже говорилось, это обеспечение сбыта товаров, собранных во время полюдья, с другой — это уже чисто государственные акты, имеющие и политическую подоплеку. Именно такой характер носили походы Олега и особенно его преемника Игоря. Последний, согласно традиции, был сыном Рюрика, и Олег вроде бы являлся опекуном в период малолетства Игоря. Если Игорь родился в 70-х годах IX в., то под 903 г., когда, по летописи, он достиг совершеннолетия, ему было уже более 20 лет. Тем не менее в международных договорах Олег называется князем, из чего вроде бы можно сделать вывод, что в то время наследование не шло от отца к сыну, но переходило к старшему в роду, каковым был Олег. Нам не вполне ясен древний смысл термина «род». Великий князь выступал в своих актах от имени рода русского, который здесь, вероятно, означал, помимо князя и его ближайших родственников, обширный круг лиц, как бы подключенных к роду князя (типа древних римских клиентов). В то же время, несомненно, существовал и более узкий круг непосредственных родственников князя, причем, видимо, и с подключением, так сказать, новой родни, по бракам родственников с местными знатными людьми.

Возможно, русский род первой половины X в. включал и княжескую дружину со всеми ее представителями, которые все больше сближались и роднились с местной знатью, ославянивались. Уже дружина Олега клялась Перуном и Велесом. Последний именовался «скотьим» богом, от термина «скот», что в Древней Руси означало деньги, т.е. Белее был покровителем торговли. Словом, для Олега и его дружины главными были военный бог Перун и торговый Велес, что и олицетворяло сущность тогдашней великокняжеской власти и ее окружения. Кроме дружины в случае войны собирались ополчения со всех подвластных Киеву земель. Возглавлял их, по всей видимости, общерусский воевода, который в X в. был вторым лицом в державе после великого князя. Таким воеводой был при Игоре, а затем при Свято-

славе и его старшем сыне Ярополке Свенельд, о котором летопись рассказывает довольно много. Роль Свенельда вырисовывается из текста договора Святослава с греками, который заключался от имени великого князя и Свенельда. После Свенельда упоминается другой воевода с колоритным именем Блуд, а при Владимире воеводой был, кажется, дядя князя по матери Добрыня. Местные ополчения возглавлялись местными воеводами: примером может служить Претич, который исполнял такую роль, очевидно, в Северской земле при Святославе. Возможно, местные воеводы были идентичны посадникам, т.е. ставились великим князем из числа местной знати.

Древнерусское войско, состоявшее, помимо княжеской дружины, из свободных славян-общинников, славилось своей храбростью и неустрашимостью, о чем неоднократно писали очевидцы из разных стран. Вот конкретная оценка араба Ибн Мискавейха, современника похода русов на Бердаа в 40-х годах X в.: «Слышал я от очевидцев удивительный рассказ о храбрости русов и пренебрежении их к собравшимся против них мусульманам. Один из таких рассказов был распространен в той стране (Бердаа. — Авт.), и я слышал его от нескольких человек. Пять русов собрались в одном из садов Бердаа, и среди них был безбородый юноша, чистый лицом, сын одного из их вождей, а с ними несколько пленных женщин. Мусульмане узнали об этом и окружили сад. Собралось много дейлемитов (горцев с южного берега Каспийского моря, в ту пору одних из лучших воинов в странах ислама. — Авт.) и других, чтобы сразиться с этими пятью людьми. Они старались хотя бы одного из них взять в плен, но не могли к ним подступиться, так как ни один из них не сдавался. И не могли их убить до тех пор, пока они не прикончили в несколько раз больше мусульман. Последним оставался безбородый. И когда он понял, что его возьмут в плен, он забрался на дерево, которое было рядом с ним, и не переставал наносить себе удары кинжалом в разные смертельные места, пока не упал мертвым» (перевод мой. — Авт.). В древнерусском государстве X в. при всем его своеобразии имелись и другие атрибуты ранней государственной власти. Трудно сказать, действовали ли в Киеве X в. вече; об этом источники молчат. Поэтому можно предполагать, что роль этого института в столице в ту пору не была значительна, хотя в других землях (например, у древлян) вече функционировало. Источники упоминают некий Закон русский, на который ссылались князь и его окружение. Что это за закон, мы, однако, не знаем. Скорее всего, это местное право Киевской земли. Во всяком случае, усматривать в нем скандинавское право оснований нет. Обычное право русов (отдельное от славян?) упоминает и ал-Масуди. Рассказывая о русской и славянской колониях в хазарской столице Атиле, он отмечает, что их обитатели, как и прочие язычники (в отличие от иудеев, христиан и мусульман), судились по их обычаям, т.е. по «велению разума».

§ 5. Кризис середины X в. и реформы Ольги

Наследником Олега стал Игорь, которого летопись называет сыном Рюрика. Игорь в качестве предка киевских князей упоминается не только в летописи, но и у ранних писателей XI в. При нем Русь совершила большой поход на Константинополь, о котором пишут и арабские, и византийские источники. Поход был неудачным, и через три года Игорь решил совершить новый, для чего собрал большой флот и заключил союз с печенегами. Греки, узнав об этом, направили посольство, и в результате был заключен новый русско-византийский договор, текст которого сохранился. В нем, помимо чисто торговых статей, содержатся и политические, в частности, относительно безопасности византийских владений в Крыму и обязательства Киева не пропускать туда причерноморских булгар.

В эти же годы, согласно восточным источникам, состоялся большой поход русов в Закавказье. Вопреки мнению некоторых авторов, русы и на сей раз должны были пройти мимо столицы Хазарин, очевидно, получив сравнительно легко на это разрешение. Но направление похода не было аналогичным предшествующему. Русы оставили свои суда на реке Куре, а сами продвинулись дальше по ее притоку Тертеру и захватили богатейший город Бердаа,

столицу Кавказской Албании. Затем они предприняли попытку продвинуться на юго-запад в сторону города Марага (современный Иран). О результатах похода трудно судить, хотя мы имеем его подробное описание, исходящее от современников. В лагере русов началась эпидемия, произошли столкновения с местными жителями, и, несмотря на победы над местными феодалами, в конечном счете русы ушли с добычей на родину. Можно предполагать, что поход был связан с византийско-арабскими отношениями той поры.

Игорь погиб при своеобразных обстоятельствах. О них подробно, очевидно, на основании преданий, так повествует русская летопись. Дружинники Игоря пожаловались князю на то, что отроки Свенельда богаты, а они бедны. Свенельд как раз вернулся с полюдья в земле древлян, и теперь по настоянию дружины туда направился и князь. Ему удалось собрать дань, но при возвращении Игорю и какой-то части дружины показалось, что эта дань невелика. Князь отпустил большую часть дружины, а с оставшимися пошел по дань вторично. Очевидно, он нарушил пакт (ряд) о сборе полюдья, и на сей раз древляне не выдержали и, напав на князя, перебили его и его спутников. Согласно византийским источникам, древляне привязали Игоря к двум склоненным деревьям, а затем отпустили их, и князь был разорван на части.

Этот весьма колоритный рассказ сопровождается продолжением о так называемой мести Ольги. Вдова убитого князя жестоко отомстила убийцам. Истребив сначала послов древлян (их закопали живьем в землю или сожгли в бане), она предприняла поход на центр Древлянской земли — Искоростень (современный Коростень), хитростью овладела им и покарала жителей, частью убив, частью обложив тяжелой данью.

Согласно летописи, Ольга вроде бы стала править за своего малолетнего сына Святослава, который, по Константину Багрянородному, сидел в 40-х годах в Новгороде. Однако ряд фактов заставляет усомниться в части известий летописи. Ольга, судя по имени (Константин Багрянородный приводит и его скандинавскую форму — Хельга), была варяжка из Пскова. ПВЛ датирует ее замужество 903 г ., и, следовательно, во время гибели мужа это была старая женщина, которая никак не могла родить Святослава, ибо тот, по данным ПВЛ, в 40-х годах был совсем маленьким. И здесь опять приходится признать неточность летописной хронологии даже для первой половины X в. Тем более, что в некоторых поздних вариантах летописи указывается, что Святослав родился в 920 г ., и это, вероятно, точнее и лучше соответствует реальной биографии этого князя (у него в момент гибели были вполне взрослые сыновья), а также описанию Святослава греческими очевидцами во время его свидания с императором Иоанном Цимисхием.

Скорее всего, Ольга сумела прийти к власти благодаря недовольству неудачными внешнеполитическими мероприятиями покойного Игоря (массовой гибели людей в восточном и византийском походах) и, кроме того, возможно, благодаря отсутствию в ту пору обязательного наследования от отца к сыну. Кстати, личные отношения Ольги со Святославом были вполне нормальными.

Так или иначе, власть после гибели Игоря перешла к его вдове, и она оказалась вполне на уровне крупного государственного деятеля. Ольга провела ряд важных реформ, из которых самая значительная — административно-налоговая: есть основания полагать, что при Ольге архаичная система полюдья, повсеместно распространенная прежде, была отменена и заменена систематической уплатой дани, которая собиралась в административных центрах (погостах) специальными чиновниками правительства (тиунами). Кроме того, Ольга прекратила внешние походы, стоившие потерь людьми, а самый буйный элемент, заинтересованный в таких походах (прежде всего наемных варягов), отправляла в качестве вспомогательных отрядов в Византию, где они сражались с арабами и прочими врагами империи. Наконец, Ольга приняла христианство, но только лично, а не в качестве государственной религии. По всей вероятности, княгиня рассчитывала, что ее примеру последуют сын и другие знатные люди. Но этого не случилось. Святослав, любивший мать, наотрез отказался креститься, сославшись на свою дружину, которая в массе была языческой, хотя среди дружинников были и христиане.

Ольга ездила в Константинополь, возможно дважды, и описание ее поездки сохранил Константин Багрянородный. Приняв христианство из Византии, княгиня, однако, имела отношения и с западной церковью, которая в ту пору еще не порвала с Константинополем, но была на пути к этому.

Возможно, такого рода новаторские действия привели к тому, что, согласно летописи, в 964 г . Святослав «возмужал» и отстранил мать от власти.

§ 6. Святослав — князь-воитель

Из летописной характеристики Святослава: «...легко ходил в походах, как барс, и воевал много. В походах не брал с собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или дичь, или говядину, зажарив ее на углях, ел. Не имел шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, и таковы же были его воины. Посылал он в чужие земли, объявляя: хочу на вас идти». Византийский историк Лев Диакон, лично видевший князя, так обрисовал его: «умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода, крепкий затылок и широкая грудь... одежда его была белая и отличалась от одежды приближенных только чистотой... он сидел на веслах и греб вместе с приближенными».

Обращает внимание в этой характеристике не только стремление не отделять себя от воинов, но и привычность Святослава к степным походам, верхом на коне. Между тем известно, что русы той поры предпочитали сражаться пешими и ходили в походы на ладьях. Следовательно, Святослав приобрел эти необычайные привычки скорее всего в то время, когда он, пока его мать занималась государственными делами, «мужал» в степных походах. Тем самым он заранее подготовил себя к политическим актам, к которым приступил сразу после отстранения Ольги от власти.

Его устремления были направлены в степь, на восток, где еще господствовали хазары, взимая дань со славян-вятичей. В течение двух лет Святослав не только освободил вятичей от хазарской дани, но и разгромил войско хазарского кагана, занял столицу Хазарин Семендер и другие города, заставив хазарского кагана бежать в Хорезм, взял хазарскую крепость Саркел (Белую Вежу) на Дону, а затем воевал в Подонье и Прикубанье с ясами (аланами) и касогами (адыгами). Очевидно, в эти годы (965—966) он захватил Тмутаракань, крепость на Таманском полуострове, закрывавшую вход в Азовское море.

Однако такие действия не понравились и византийцам, которые к тому же рассчитывали использовать воинственного князя в своих интересах на Балканах. В Киев прибыло посольство во главе с уроженцем Крыма Калокиром, предложившее Святославу выступить в поход против дунайских булгар, с которыми греки сами справиться не могли. Святослав разгромил булгар, но... сам решил закрепиться на Балканах, перенеся центр своего государства на Дунай. Такой поворот событий, разумеется, не пришелся грекам по вкусу, и они натравили на Киев печенегов. Кочевники обложили русскую столицу, где находилась престарелая Ольга с внуками. С большим трудом удалось дать весть воинственному князю о грозящей его семье опасности. Святослав вернулся, разбил печенегов и некоторое время пребывал в Киеве, где его мать находилась при смерти.

Есть основания полагать, что по крайней мере Нижнее Поволжье какое-то время находилось под контролем Руси (до смерти Святослава?). Однако сам князь, похоронив мать, опять ушел на Балканы. Эта вторая война Святослава длилась более трех лет и, несмотря на доблесть русского войска, закономерно закончилась его поражением. Русские войска оказались далеко от родины, во враждебной среде (болгары большей частью оказались на стороне Византии). К тому же новый византийский император Иоанн Цимисхий оказался опытным полководцем, сумевшим собрать все военные силы империи (он был армянин и в составе его

войска были отряды соотечественников императора). В конечном счете Святослав был вынужден заключить почетный мир, который обеспечивал ему право увести остатки войска на родину. При возвращении князь не внял совету опытного Свенельда и с частью дружины решил пробираться на Русь по Днепру (Свенельд конным строем шел более западным путем). У днепровских порогов Святослава подстерегли печенеги, убили князя, а из его черепа печенежский предводитель Куря сделал себе, по обычаю кочевников, чашу и пил из нее на пирах. Так закончил свою жизнь князь-воитель, каковым выглядит Святослав (972 или 973).

§ 7. Новая смута на Руси и утверждение в Киеве Владимира

Деятельность Святослава на Балканах не принесла Руси ни успеха, ни пользы. Множество лучших воинов сложили там свои головы. Это, очевидно, способствовало известному повороту в политике его наследников. В качестве такого сначала выступил старший сын убитого князя Ярополк, которому отец, уходя на Балканы, оставил Киев. Другой сын, Олег, правил в Древлянской земле, третий, Владимир, — в Новгороде. Кажется, все они были от разных матерей. Древнерусские князья-язычники имели несколько жен, но нам по имени известна лишь мать Владимира славянка Малуша, брат которой Добрыня склонил новгородцев просить себе в князья ее сына.

События 972—980 гг. можно охарактеризовать как попытку Ярополка провести в жизнь ряд реформ, сходных с теми, что проводила его бабка Ольга. Сохранилось относительно немного известий о времени правления Ярополка. По-видимому, он довольно долго предавался политической анафеме, и только в 1044 г . по приказу его внучатого племянника Ярослава Мудрого прах этого князя и его брата Олега был перенесен в Киев, окрещен и погребен там.

Как и его бабка Ольга, Ярополк, кажется, принял христианство. Возможно, к этому его подвигнула супруга, греческая монахиня, подаренная Ярополку его отцом, привезшим ее из походов. Есть известия о сношениях Ярополка с Германией и Римом и не исключено, что именно туда тянулись христианские связи нового князя, тем более, что отношения с Византией со времен Святослава оставались более чем прохладными.

Но главной задачей, стоявшей перед Ярополком, стало объединение державы. Советником князя стал на первых порах престарелый воевода Свенельд. ПВЛ рассказывает, что сын Свенельда Лют поехал охотиться в древлянских лесах и был там убит Олегом. По наущению Свенельда Ярополк якобы пошел на Олега, который в этой смуте и погиб. Владимир же, находясь в Новгороде, убоялся за свою судьбу и, как это в ту пору часто бывало, бежал к своим родичам за море, т.е. к варягам, откуда вернулся с большим отрядом. Началась его война с Ярополком. Владимира, судя по всему, поддерживал не только север, закоснелый в своем язычестве, но и соответствующие круги юга. Перед походом на Киев Владимир покорил Полоцк, убив тамошнего князя Рогволода, дочь которого Рогнеда была предназначена в жены Ярополку (но теперь попала в гарем Владимира). Ярополк бежал в южные пределы Руси и укрылся в небольшом городке Родне в устье реки Рось. Там его и осадил Владимир с северной ратью. Ярополка предал его новый воевода Блуд (очевидно, Свенельд к тому времени умер). Во время встречи с победившим братом Ярополк был убит двумя варягами. Владимир остался единовластным правителем державы (980 г . по летописи).

§ 8. Владимир и его реформы

Даже беглый взгляд на историю второй половины X в. показывает, что на Руси шла борьба между старыми языческими кланами, которые в случае необходимости обращались на север страны, к варягам, и той частью знати (преимущественно южной, киевской), что давно поняла необходимость реформ, которые, как мы сказали, приобщили бы тогдашнюю Русь к наиболее цивилизованным странам эпохи. К этому вели и реформы Ольги и, очевид-

но, Ярополка. Однако время таких реформ тогда еще не наступило. Поэтому и Владимир, победив брата и утвердившись в Киеве, поначалу должен был следовать тем, кто помог ему утвердиться на великокняжеском столе — язычникам. Летопись дает любопытные характеристики этого князя, в которых, однако, ясно видно стремление хрониста-христианина XI в. показать, как некогда закоснелый язычник, гонитель истинной веры, затем принял Святое крещение и обратил в христианство свою страну. Вместе с тем вряд ли факты, относящиеся к первым годам правления Владимира, придуманы; очевидно, они также взяты из его биографии, хотя и соответствующим образом отображены.

Завершив рассказ о победе над Ярополком, ПВЛ отмечает: «и стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждь-бога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы те шли бесам и оскверняли землю жертвоприношениями своими». «Дядя же князя Добрыня направился во второй город державы Новгород и там воздвиг Перуна над Волховым».

Далее расписываются иные языческие пороки Владимира, который был ненасытен в любви к женщинам: летопись упоминает, что князь имел пять законных жен, из которых первой считалась Рогнеда, а второй была гречанка, вдова убитого Ярополка, кстати, беременная в момент гибели мужа будущим Святополком, усыновленным затем Владимиром. Но, кроме законных жен, у князя, по уверению летописи, было 800 наложниц, которых он разместил в разных окольных городках. «И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц».

Зачем летописцу были нужны такие подробности, явно не украшавшие великого князя? Возможно, и для того, чтобы таким жизнеописанием подать пример своим современникам, которые в XI в. если и не оставались официально идолопоклонниками, то, во всяком случае, еще сохраняли многие языческие обычаи.

Заметим, что список богов, составивших официальный языческий пантеон после первой религиозной реформы Владимира, включал в основном южных богов. В то же время в него не попал Белее. Очевидно, Владимир уже с самого начала имел в виду отказаться от старой практики своих предков — заморских походов, связанных с торговыми делами.

Но в самой Руси и на ее непосредственных границах Владимир стремился навести порядок. Под 981 г . летопись упоминает его войну с поляками, в итоге которой князь захватил западноволынские города Перемышль, Червень и др., «которые и доныне под Русью». Это значит, что до Владимира эти города к Руси не относились и зависели, возможно, не от поляков, а от чехов, зато к 980 г . перешли под польскую власть. Затем летопись отмечает войну Владимира с причерноморскими булгарами, подавление восстания в землях вятичей и радимичей.

Именно указания на эти действия князя дают основание утверждать, что объединение вокруг Киева восточнославянских «племен» не было устойчивым и необходимы были какие-то более действенные меры для сплочения державы.

§ 9. Принятие христианства и его последствия

Началось это, согласно летописи, с прибытия в Киев посольства волжских булгар, «веры бохмиче», т.е. мусульман, которое будто бы предложило князю стать почитателем Мухаммеда. Рассказ летописи и здесь сопровождается полулегендарными деталями, которые с той поры неоднократно цитируются не только специалистами. В частности, в ответ на соблазны со стороны мусульман узаконить многоженство Владимир, узнав, что их вера запрещает есть свинину и пить вино, якобы заявил: «Руси есть веселие пить, не можем без того жити!»

Затем в летописи приведен знаменитый рассказ об испытании вер Владимиром. Он, разумеется, дошел до нас в обрамлении разного рода легенд, но, возможно, имеет рациональное зерно. Последнее состоит прежде всего в том, что киевский князь действительно задумался над необходимостью принять какую-то монотеистическую религию, по своей сути укреплявшую власть единого государства. Это было тем более необходимо, что такие религии уже исповедовали почти все окружавшие Русь государства.

Еще в 962 г . крестился (от Рима) польский князь Мешко. Еще раньше христианской стала Чехия. На востоке преобладал ислам, но в остатках некогда могущественной Хазарии доминировало иудейство, последователи которого были и в Киеве: недавно найдено письмо, происходящее из иудейской общины (кагала) Киева. К тому же, роль еврейских купцов в Восточной Европе продолжала сохраняться. Даже в Скандинавии тамошние языческие конунги все больше склонялись к христианизации, и не за горами было время, когда шведские короли крестились. Разумеется, не следует преувеличивать влияние на Руси ислама, а тем более иудаизма. Можно даже сразу сказать, что Русь была обречена на христианизацию, и христианская религия пробивала себе дорогу вопреки всем препятствиям уже более ста лет. Однако все говорит за то, что Владимир был осторожным и умным политиком, который стремился прозондировать все варианты и избрать из них лучший для своего народа.

Подробно описанные летописью религиозные искания Владимира в деталях, разумеется, — плод ума позднейших христианских книжников, которые стремились доказать преимущества не только христианства как такового, но и византийской его формы. Уже это заставляет предположить, что эти рассказы сложились во второй половине XI в. после разрыва между греческой и римской церквами (1054). Вполне возможно, что инициаторами такого противопоставления двух ветвей христианской церкви стали внуки Ярослава Мудрого, а точнее — потомки его сына Всеволода, женатого на византийской принцессе (Мономаховичи). Это можно подкрепить и тем, что, например, в сказаниях о славянских просветителях Кирилле и Мефодии, включенных в самые первые разделы ПВЛ, не усматривается никакой вражды по отношению к Риму. Там, наоборот, подчеркивается благовидная роль папы Николая, который способствовал просветительской деятельности моравских братьев (и даже не препятствовал переводу Священных книг на славянский язык, что, в общем, в ту пору принято не было, особенно в Западной Европе, где каноническим текстом Библии считался латинский их перевод — Вульгата).

Иное дело иудаизм. Согласно ПВЛ, Владимир на диспуте выслушал раввина и задал ему один вопрос: где ваша земля? А получив ответ, что таковой нет, отказался вести с поклонниками иудаизма разговор.

Наконец, рассказы летописи о зондаже великим князем «в области исламской религии могли бы быть также отброшены в сторону, если бы в нашем распоряжении не существовало апокрифического рассказа, созданного в Средней Азии и сохраненного одним источником начала XIII в. Этот источник (автор — некий Ауфи) повествует о посольстве русского князя Валдемара (здесь это имя фигурирует как титул) в Хорезм. Дата такого посольства у Ауфи, разумеется, неверна (она на пятьдесят лет старше Владимира), неверно и утверждение о принятии русами после этого ислама. Однако и в русской летописи есть упоминание о посольстве в Волжскую Булгарию, откуда киевские послы могли направиться и в Хорезм, с которым у Поволжья были давние и прочные связи. Поэтому вполне можно допустить, что Владимир направил и посольство в мусульманские страны, а таковыми могли быть именно Волжская Булгария и Хорезм. Но что его послы могли там увидеть во второй половине 80-х годов X в.? Государство Саманидов, еще недавно цветущее и сильное (а ему подчинялся Хорезм), быстро приходило в упадок и было на краю гибели. И если Владимир искал религию, способную подкрепить сильную государственную власть, то на востоке такой власти он в эти годы найти не мог — ее там, в мусульманском мире, просто не было. А вот Византия являла пример не только внутренней стабильности. Она была могущественной державой, ведшей успешную политику как на востоке (против арабов), так и на западе, на Балканах. Власть императора была почти неограниченна, и греческая церковь ее подкрепляла. К тому же, эта церковь, в

отличие от римской, была, по сути дела, включена в общегосударственную систему и полностью зависела от императора.

Правда, отношения с Византией со времен Святослава оставались более чем прохладными, а по утверждению некоторых источников — и просто враждебными. Однако здесь именно в эти годы появились обстоятельства, которые должны были такие отношения улучшить.

В Малой Азии то и дело происходили восстания тех или иных мятежных военачальников. В августе 987 г . один из таких мятежников, Варда Фока, провозгласил себя императором, а в начале 988 г . его отряды двинулись на Константинополь. В этой ситуации старший из двух официально правивших тогда братьев-императоров Василий II обратился за помощью к Владимиру, и последний на этот призыв откликнулся, направив 6-тысячный отряд, с помощью которого мятежники были разгромлены. Этот отряд скорее всего состоял из варягов, с помощью которых Владимир за несколько лет до этого одержал победу в борьбе с Ярополком. Русская летопись в связи с этим пишет, что Владимир отпустил этих варягов в Константинополь, одновременно сообщив об этом императору. Князю был резон отделаться от буйных искателей военных приключений, а император получил сильную военную поддержку. К месту сказать, по-видимому, с этого времени такие пришедшие из Руси военные отряды становятся постоянными в Византии, и мы знаем об их использовании, например, в войне империи с грузинами в начале XI в. Состояли они не только из варягов как таковых, но, очевидно, и из славян. Кстати, как раз с этой поры в Византии функционирует так называемая варяжская дружина, также многонациональная по своему составу (позже в ней служили и выходцы из стран Западной Европы).

Помощь империи со стороны Руси была обговорена двумя важными условиями. Во-первых, императоры обязались отдать в жены князю свою сестру Анну. Во-вторых, Владимир обещал со своим народом принять христианство. Это был весьма редкий случай, когда гордые ромейские императоры согласились выдать византийскую принцессу за «варвара», каковым в их глазах был Владимир.

Однако восстание Варды Фоки было подавлено, а императоры тянули с браком Анны. И тогда Владимир с войском направился в Крым и осадил важнейшую византийскую крепость Херсонес (Корсунь). Это и решило вопрос. Анну прислали к Владимиру, а вместе с ней на Русь приехали епископы и митрополиты. Такое сообщение есть у современных арабских историков (христиан), хорошо знакомых с церковными событиями.

Как это ни странно, такое важное событие, как принятие христианства, в русских источниках освещено крайне смутно. Как ни странно, неизвестна даже точная дата крещения Руси. Летопись дает 988 г ., и именно с ней был связан тысячелетний юбилей принятия христианства Русью, отмеченный в 1988 г . Однако один ранний древнерусский памятник («Похвала князю Владимиру» Иакова Мниха) утверждает, что Владимир крестился на десятом году после гибели Ярополка, что приходится уже на 990 г . Христианские же восточные писатели XI—XII вв. позволяют отнести крещение Руси даже на время между 987 и 989 гг. Очевидно, трудно свести дело к одной точной дате, и сам процесс христианизации Владимира и его подданных растянулся по крайней мере на два-три года (987—989).

Неясно и где крестился князь, так как источники называют и Корсунь и Киев. Но вот о крещении киевлян, которых для этой цели загоняли в Днепр, летопись рассказывает весьма живописно, упоминая и крушение идола Перуна и прочих языческих богов. А в северном Новгороде сопротивление христианству было довольно упорным, и дядя Владимира Добрыня вынужден был использовать силу.

Как происходило принятие христианства в других частях Руси, мы не знаем. Очевидно, на юге оно проходило более спокойно и было сложнее на севере. Выступления против новой веры имели место в разных частях страны на протяжении, очевидно, всего XI в. Но можно сказать, что в целом в городах процесс христианизации шел успешно, тогда как в сельской местности, особенно в северо-восточной, да и в юго-западной Руси население упорно держалось за старых богов еще и в XIII—XIV вв.

Немногое мы знаем и об организации ранней русской церкви. До сих пор неизвестно имя первого митрополита Руси, и некоторые даже сомневаются в том, что он был поставлен изначально, хотя на это есть четкие указания источников (см. об этом ниже). После работы М.Д. Приселкова получило распространение мнение, что первоначально русская церковь подчинялась не Константинополю, но болгарскому иерарху в Охриде. Вряд ли это так. Однако, очевидно, при сильных киевских князьях шла борьба за митрополичью кафедру в Киеве, и, например, Ярославу Мудрому удалось в последние годы жизни поставить митрополитом русского человека — Илариона. Однако после смерти этого князя все митрополиты, исключая Клима Смолянича (середина XII в.), были греки. Тем не менее русская церковь изначально (по образцу греческой?) зависела от великого князя, и церковные иерархи были самостоятельны лишь в чисто церковных делах. Показательно, что по рассказам летописи (правда, поздних вариантов) Владимир обменивался посольствами с римским папой.

Принятие христианства Древней Русью стало значительным шагом в развитии восточнославянской цивилизации. Следствием его (равно как и иных факторов) стали существенные, хотя разновременные изменения в этническом, социально-экономическом, политическом и культурном развитии Руси.

В плане этническом принятие христианства ускорило консолидацию древнерусской народности, общего предка современных русских, украинцев и белорусов. Процесс этот начался раньше, но тормозился существованием местных политических объединений и локальных идеологических (языческих) центров. Еще для 80—90-х годов X в. русская летопись оперирует старыми местными этнополитическими понятиями: радимичи, вятичи, хорваты и т.д. Их в ту пору меньше, нежели, скажем, для первой половины X в., но они еще есть. Очень рано исчезают поляне, вместо древлян как этноса почти столь же рано появляется территориальное понятие «дереве», «Древлянская земля», вместо словен ильменских — Новгородская земля. Дольше всего в представлении киевских летописцев сохраняются понятия вятичи, дреговичи, что, возможно, объясняется их относительной отсталостью, сравнительно с такими центрами, как Киев, Новгород, Полоцк. В целом же к рубежу XI в. местные этнополитические единицы почти полностью исчезают, покрываясь терминами «Русь», «Русская земля», а ее обитатели именуются русичи, русины, в иностранных источниках — русы, росы, рутены.

Этому, несомненно, способствовало создание и единой государственности и единой церковной организации, заменившей разнообразные местные культы.

Нет сомнений, ускорилась и социальная дифференциация древнерусского общества, формирование господствующего слоя, группировавшегося вокруг киевского князя и его представителей на местах. Эта консолидирующаяся древнерусская знать отныне могла опираться и на многосотлетние церковные каноны, пришедшие из Византии и получившие свои дубликаты на Руси (церковные уставы Владимира, Ярослава и т.д.).

Следует отметить роль принятия христианства в возникновении и укреплении земельной собственности на Руси. То, что мы знаем о IX—X вв., позволяет констатировать только возникновение земельных владений (личных) великого князя и, возможно, местных князей. С XI в. можно говорить и о ранних ростках боярской земельной собственности, а также землях монастырей и церкви в целом. Это произошло не сразу, и первоначально церковь существовала за счет десятины от княжеских доходов, как определил еще князь Владимир. Кажется, церковная собственность на землю возникла раньше боярской и в определенной мере стимулировала появление последней. Перевод и распространение на Руси византийских сборников права должны были ускорить эти процессы.

Яснее вырисовывается влияние принятия христианства на политическую структуру Древнерусского государства. Но именно здесь отчетливо проявились противоречия между мероприятиями киевских князей, пытавшихся с помощью новой религии укрепить центральную власть, и, в конечном счете, реальным ходом социально-экономического развития, которое вело «державу Рюриковичей» к неизбежной победе раздробленности уже на новой основе.

Учение христианства о едином Боге, освящающем власть одного государя, несомненно помогло Владимиру окончательно ликвидировать местные княжения. Но затем князь еще при жизни рассадил своих двенадцать сыновей по важнейшим восточнославянским городам и землям, рассчитывая таким путем держать в повиновении недавно им же усмиренные области (вятичей, радимичей и т.д.). Однако некоторые основы местного сепаратизма сохранились, и опирались они на местную знать. В последние годы жизни Владимира против него составил заговор Святополк, сидевший в Турове, а буквально накануне кончины великого князя возмутился правивший в Новгороде Ярослав, который через свою мать Рогнеду был связан с убитым полоцким князем Рогволдом. Владимир начал готовиться к походу на Новгород, но умер. За всеми этими событиями стояла местная знать земель.

Тем не менее центральная власть была укреплена, о чем говорит и необычайно поднявшийся уже при Владимире международный престиж Киева. Об этом свидетельствуют ряд фактов, в их числе начавшиеся уже при Владимире брачные связи киевского дома с известнейшими правящими домами Европы. В конце X в. мы видим усиление влияния Руси на Северном Кавказе, где русы играли видную роль в событиях в Дербенте, что было, несомненно, связано с русскими владениями на Тамани (Тмутаракань).

Огромную роль сыграло принятие христианства в развитии и формировании единой древнерусской культуры. Прежде всего речь идет о возникновении, точнее распространении письменности и литературы. То, что письменность появилась на Руси еще раньше, ныне вряд ли кто будет оспаривать. Деятельность славянских просветителей Кирилла и Мефодия имела в ту пору практически общеславянское значение, тем более, что македонское наречие, на котором творили солунские братья, в ту пору было понятно всем славянам, и прежде всего южным и восточным. Известны единичные находки надписей на Руси дохристианской поры, а арабский библиограф ан-Надим, писавший буквально накануне христианской реформы Владимира, упоминает о переписке русского князя с каким-то кавказским владетелем, приводя даже образец этих письмен. (Кстати, выполненный, по-видимому, на бересте!)

Однако письмо, пришедшее на Русь от южных славян, не получило в дохристианской Руси сколько-нибудь широкого распространения, и нет никаких оснований говорить о появлении на Руси до Владимира литературы. Так что широкое внедрение письменности и появление литературы, сначала переводной, затем оригинальной, следует отнести только к христианскому времени. Кстати, и «Повесть временных лет» отмечает, что на Руси «не слышали прежде учения книжного». О том же говорят и все наши конкретные известия о древнерусской словесности. И в этом распространении славянского письма и появлении древнерусской литературы несомненна ведущая роль христианства и ранних деятелей русской церкви.

Если переводная литература поступала в основном первоначально из Болгарии, то первые оригинальные произведения принадлежат перу русских духовных лиц. Это митрополит Иларион с его «Словом о законе и благодати» — проповедью, произнесенной им на гробнице Владимира в Десятинной церкви. Это упомянутый Иаков Мних и другие. К сожалению, от ранней русской литературы сохранилось немногое, но, несомненно, и возникновение древнерусского летописания связано с христианской средой. Если мы посмотрим на «Повесть временных лет», то легко убедимся, что в росписи событий правления Владимира видное место занимают упоминания дат, связанных с рождением или кончиной членов княжеской семьи. Это говорит о том, что летописцы использовали скорее всего церковные записи, обычные в связи с подобного рода событиями.

Когда появилась ранняя русская летопись, сказать трудно, на сей счет существуют разные мнения. Скорее всего, однако, это следует отнести уже ко времени Ярослава Мудрого, когда изложение событий в «Повести временных лет» приобретает регулярный характер.

Владимир еще при жизни рассадил своих многочисленных сыновей по разным частям державы, надеясь таким путем сохранить ее единство. Жизнь показала, однако, что это было сделать нелегко. Народная память прочно удержала образ просветителя Древней Руси — из всех ее властителей лишь Владимир стал героем русских былин, где вместе с ним действуют

другие лица, также имеющие своих исторических прототипов (Добрыня Никитич, Путята и др.). Это показывает, пожалуй, лучше всех ученых рассуждений истинную историческую роль великого князя, хакана земли Русской, как его именовал Иларион, — Владимира Святого.

Глава 3. Неславянские народы IX — начала XIII в.

Древнерусское государство, включив в свой состав отдельные неславянские этносы, тем не менее оставалось по преимуществу славянским, и наряду с ним существовали различные народы, иной этнической принадлежности, находившиеся на разных стадиях исторического развития. В целях удобства изложения их можно разделить на три большие группы: 1. Степные кочевники. 2. Народы Поволжья, Урала и Севера. 3. Северный Кавказ.

§ 1. Степные кочевники

Огромные степные просторы Евразии на протяжении многих веков были населены кочевыми народами, сначала преимущественно иранцами, затем тюрками. Последние, придя в Европу из далеких пределов Азии, ассимилировали часть прежних обитателей степи, в основном иранцев и угров. Впрочем, последние больше жили в лесостепной и лесной зонах, и только о мадьярской орде известно, что она какое-то время обитала в степной полосе. Однако мадьяры уже до прихода в Европу впитали в себя значительное число иранцев, следы чего обильно сохранились в венгерском языке. Не менее мощным был и тюркский (более поздний) субстрат мадьярского этноса.

Мадьярские (угорские) племена явились в Восточную Европу где-то в VIII в., вероятно, под давлением теснивших их с востока тюрок, а также под влиянием хазар, которые стали союзниками и покровителями венгров. Под властью хазар венгры некоторое время обитали в области Леведия (на запад от Дона и его правых притоков). Согласно Константину Багрянородному, хазарский хакан даже породнился с венгерским главой, носившим славянский титул «воевода», что говорит о сильном влиянии славян на угров уже в это время. Венгры были нужны хазарам прежде всего как оплот в борьбе против тюрок-печенегов, которые уже в начале IX в., вопреки воле хазар, перешли Волгу и приблизились к Дону. В войне с печенегами венгры потерпели поражение и вынуждены были отойти дальше на запад, за Днепр в область Ателькюзу (Междуречье). Очевидно, это было выгодно и хазарам, так как здесь венгры временно стали оплотом хазар против русов. Случилось это в 30-х годах IX в. Несколько десятилетий спустя в результате большой войны хазар с русами Олега, союзниками которого стали печенеги, венгры опять были разбиты и вынуждены были отойти к Карпатам (ок. 889 г .), а через несколько лет уйти за Карпаты в Паннонию, где навсегда и обосновались.

Место их в наших южных степях заняли печенеги. То были тюрки, принадлежавшие к так называемой огузской группе тюркских племен, т.е. родственные (по языку) нынешним туркменам. Часть печенегов еще в первой половине X в., а возможно и позже, оставалась на востоке, в степях нынешнего Казахстана, но основная масса обосновалась в степной части Украины.

Печенежская орда никогда не была единой. В середине X в. существовало восемь печенежских объединений, которые греки называли фемами, а во главе каждой фемы стояли собственные архонты (князья, ханы). Эти восемь фем в свою очередь делились на сорок более мелких объединений со своими главами. Четыре фемы обитали по левую сторону Днепра, четыре — по правую.

На востоке печенеги граничили с хазарскими владениями (на Дону), на севере — с Русью, на юге — с крымскими владениями Византии (Херсонесом). Под их контролем находилось все нижнее течение Днепра, т.е. конечная часть «пути из варяг в греки». Константин Багрянородный красочно описывает, как русы вынуждены были у днепровских порогов обороняться от нападавших печенегов. Последние (возможно, речь должна идти о разных ордах) могли находиться в союзе с русами или, наоборот, являлись их врагами. Первые столкновения Руси с печенегами русская летопись датирует 915г.

Первоначально печенеги оставались врагами хазар, однако с ослаблением последних, а также под влиянием усиления Руси и подстрекательства греков, печенеги все чаще становились главными противниками русских на юге. Особенно явственно это обнаружилось при Святославе, когда в отсутствие князя печенеги даже пытались взять Киев. В это же приблизительно время с востока через печенежские кочевья прорвалась родственная печенегам орда гузов-торков, которая отдалась под покровительство Киева и заняла русско-печенежское пограничье на юге полянской земли.

Наибольшее усиление печенежских орд приходится на конец X—начало XI в., когда они временно заняли даже районы к северу от реки Рось до реки Стугны. Печенегами заинтересовались католическая церковь, чьи миссионеры направились в степь с целью обращения степняков в христианство. Любопытно, что им в этом содействовал и князь Владимир.

В 1036 г ., когда сын Владимира Ярослав находился в Новгороде, печенеги вновь осадили Киев и было их, по словам летописи, «без числа». Вернувшийся с новгородским войском князь разгромил кочевников на тогдашней окраине города, где вскоре был воздвигнут собор Св. Софии. По словам летописца, печенеги бежали куда глаза глядят, «остаток их бегает где-то и до сего дня». Последнюю фразу не надо понимать буквально. Судьба печенегов оказалась сложнее. Дело в том, что их с востока теснили новые тюрки, кочевники половцы или кыпчаки, и поражение от русских окончательно расстроило печенежские орды. Часть их подчинилась половцам, другая отдалась под власть русских и поселилась в Поросье и прочем пограничье, так что их затем называли «свои поганые» (т.е. язычники). Наконец, значительная орда печенегов ушла на Балканы, прельщенная посулами Византии. Там их в конце концов ожидал трагический конец: они были истреблены византийцами в 80-х годах XI в.

Занявшие южные степи кыпчаки, которых русские именовали половцами, а венгры — куманами, пришли с востока. Они были ответвлением большой тюркской орды, называемой кимаки, обитавшей в X в. на востоке современного Казахстана, имея соседями печенегов, обитавших западнее. Движение кыпчаков, отделившихся от прочих кимаков, на запад началось в первых десятилетиях XI в. В середине века они уже господствовали на огромном степном пространстве от Алтая до Дуная, получившем название Даште-кипчак или Половецкая степь. Но почти сразу обнаружилась разобщенность восточных и западных кыпчаков, которые никогда не составляли единого политического целого. Впрочем, это трудно сказать даже для европейских кыпчаков (половцев).

Порой отдельные орды объединялись, иногда враждовали друг с другом. Весьма сложными складывались отношения половцев с соседними странами и народами. На Северном Кавказе они заселили его степную часть и нередко враждовали с местным населением, особенно с аланами, горцами Дагестана и адыгами. В конечном счете кыпчаки в ряде предгорных районов смешивались с более старым населением, и в итоге такого смешения возникли этносы карачаевцев, балкарцев и кумыков, говорящие на языках — потомках кыпчакского, но являющихся одновременно и потомками части алан и некоторых других кавказских народов.

На протяжении XI—XII вв. половцы заселили и степные пространства Крыма, а на северо-востоке их этническое влияние распространилось на Волжскую Булгарию и Башкурт, хотя, как мы говорим, «кыпчакизация» булгар волжских и башкуртов имела место уже позже, в период Золотой Орды.

Больше всего мы знаем о сношениях половцев с Русью. Впервые половецкие орды нанесли страшное поражение трем сыновьям Ярослава Мудрого на реке Альте (недалеко от

Переяславля Южного) в 1068 г ., после чего в Киеве началось народное восстание и другие перемены. Затем последовал цикл русско-половецких конфликтов, для конца XI в. обычно неудачных для распадавшейся Руси. Только благодаря интенсивной деятельности Владимира Мономаха удалось сплотить большую часть русских князей и нанести половцам ряд тяжелых ударов. В итоге часть половецких орд даже оставила южные степи и по приглашению грузинского царя Давида Строителя откочевала в Грузию, где играла роль придворного царского войска, помогавшего в борьбе Грузии против родичей половцев турок-сельджуков.

После смерти Владимира Мономаха конфликты с половцами усилились, столкновения их с русскими носили разный характер, приводя к разным результатам. Имели место весьма успешные походы в степь, но наряду с ними и тяжкие поражения русских (знаменитый поход Игоря Святославича). Важнее здесь отметить другое. Длительное соседство половцев с Русью приводило не только к войнам, но и к системе мирных сношений разного вида. Русские князья и половецкие ханы роднились друг с другом, имела место постоянная торговля между кочевниками половцами и русскими. Под воздействием более культурной Руси в половецкую среду проникало христианство, и наследники половецких ханов принимали христианские имена (Юрий Кончакович, сын победителя Игоря Святославича). Еще важнее отметить наметившуюся тенденцию к частичному оседанию половцев на землю, что имело место и на востоке под влиянием среднеазиатских обществ и в Европе под воздействием Руси. Известны даже половецкие города (например, на месте нынешнего Харькова, или таинственного города Суджа, откуда был взят в Грузию для женитьбы на царице Тамар Юрий Андреевич). Такое сближение между половцами и русскими в разных сферах жизни было прервано монгольским нашествием в 20—30-х годах XIII в., которое для европейских половцев (в отличие от азиатских кыпчаков) стало, как и для Руси, национальной трагедией.

§ 2. Поволжье, Урал, Север

Эти обширнейшие регионы в раннее средневековье были населены множеством самых различных народов и племен, находившихся на весьма несходных стадиях развития. Если у одних (прежде всего булгар волжских) сложилась довольно сильная государственность, то другие пребывали на различных стадиях первобытного строя или даже в каменном веке.

Поволжье (исключая южную часть) с древнейших времен было обиталищем различных финских племен, населявших и вообще северную часть Восточной Европы. Однако уже в VII—VIII вв. сюда проникали и раннетюркские племена, в результате смешения которых с местными финскими и угрскими сложилась народность, именуемая, в отличие от булгар причерноморских и болгар балканских, волжскими булгарами. Их язык был близок хазарскому и, возможно, это были наречия одного языка. Булгарская лексика сохранилась в нескольких надписях, личных именах, а также в «Словаре тюркских наречий» ученого из Кашгара (современный Китай) XI в. Махмуда Кашгарского, написанном на арабском языке. Позже значительная часть волжских булгар попала под влияние кыпчаков и переняла их язык — это современные поволжские татары. Другая часть булгар сохранила, хотя и в сильно измененном виде, свой язык — это чуваши.

Государство, именуемое Волжская Булгария, как мы уже знаем, возникло в IX в. и первоначально представляло союз нескольких племен региона, возглавляемых сильнейшим из таковых — собственно булгарским. Центром стал тогда небольшой городок-пристань на Атиле (Волге) недалеко от впадения в нее Камы. Сюда часто приезжали с юга арабские и хазарские торговцы, а с севера варяжские (прарусские) и Древнерусские (купцы-воины). Здесь они обменивались товарами, и благодаря этому Булгар уже в X в. постепенно вырос в довольно значительный город. Политически Волжская Булгария первоначально зависела от хазар, в Булгаре сидел наместник последних (тудун), и булгарский царь вынужден был давать заложников в хазарскую столицу. Занимались булгары и земледелием, и ловлей ценного зве-

ря, и иными промыслами в богатой булгарской земле. Булгар очень рано, минуя Хазарию, установил (через степи нынешнего Казахстана) сношения с мусульманами Средней Азии, откуда на Среднюю Волгу стал проникать ислам. С помощью этой религии, не надеясь на поддержку мусульманских государств, булгарский царь Алмуш в 921 г . направил посольство в Багдад. Оттуда выехало ответное посольство, секретарь которого Ибн Фадлан оставил уникальные о нем записи. Это посольство через Среднюю Азию добралось до Волги, сделало все, чтобы укрепить ислам в Булгаре, но политической помощи не оказало, и Булгария осталась под властью хазар вплоть до разгрома каганата Святославом, когда она стала полностью самостоятельным, хотя в ту пору небольшим, государством. Усиление Булгарии приходится на XI — первую половину XII в., когда булгарские правители распространили свою власть и на Среднюю и Нижнюю Волгу. В частности, в городе Саксине, построенном на месте разрушенного Атиля, сидел в середине XII в. булгарский эмир, а в 20-х годах XIII в. булгарские заставы находились на берегах Яика (Урала). Выросло и число городов в самой Булгарии. Принятие ислама в какой-то мере приобщило булгар к мусульманской культуре: там стал использоваться арабский язык, существовала и официальная «История Булгара» (на арабском языке), к сожалению, утраченная очень рано: во всяком случае, татарские писатели XVI в. ее под рукой уже не имели. Власть Булгарии распространялась и на Южный Урал, в частности, на нынешнюю Башкирию, которую в ту пору именовали Башкурт. Предки нынешних башкир еще в начале XIII в. говорили на языке, понятном венгерским миссионерам, посетившим эту страну, и лишь позже были тюркизированы.

Западнее и южнее булгар по правобережью Атиля на территории современных Нижненовгородской, Ульяновской, Пензенской, частично Саратовской областей, Мордовской республики обитали многочисленные мордовские племена или, как их называли, булгары, а за ними и арабы буртасы. Эти племена долгое время пребывали на догосударственной стадии и легко подчинялись сначала хазарам, затем булгарам и русским. Лишь в конце XII в. наметилась тенденция к объединению части мордовских племен. Вторая половина XII в. была временем борьбы Владимиро-Суздальской Руси и Булгарии, в которой перевес был на стороне Руси. Великий князь Всеволод в 1184 г . даже осаждал булгарскую столицу. Один из преемников Всеволода Юрий совершил в 20-х — начале 30-х годов XIII в. ряд походов против мордовских князей, пытавшихся объединиться вокруг князя Пургаса. В итоге в 1221 г . в устье Оки был основан Нижний Новгород. Начавшееся монгольское нашествие в корне изменило ситуацию в Поволжье.

На севере Восточной Европы обитали племена, которые обычно назывались югрой (юрой) и вису (весь). Весь жила западнее югры, поселения которой переходили и за Уральский хребет. Ранние сведения об этих племенах, сохраненные преимущественно арабскими писателями, рисуют их полудикими, но опытными охотниками и звероловами, снабжавшими предприимчивых торговцев ценной пушниной, китовым усом и другим товаром.

За господство в богатых северных областях боролись и Русь и Волжская Булгария. Однако особенных успехов достиг здесь Великий Новгород в XII в. и позже, когда его влияние переходило за горы Каменного пояса (Уральского хребта). Летопись сохранила рассказ о новгородце Гюрате Роговиче, который в самом конце XI в. отправил в Землю югры своего «отрока». «Отрок», вернувшись, рассказывал о чудесах далеких земель и, в частности, об Уральских горах «высотою — до неба». Люди, которым Гюрата поведал о том путешествии, решили, что речь идет о воротах, закрытых Александром Македонским.. Сказания о великом Македонце к тому времени были переведены на славянский язык и известны на Руси, равно как и во всем тогдашнем цивилизованном мире.

Еще в IX в. багдадский халиф снарядил специальную экспедицию, которая должна была найти стену Гога и Магога, за которой Александр якобы и запер разные страшные народы. Экспедиция эта направилась через хазарские пределы на север... но вернулась через Среднюю Азию и принесла рассказы об обнаруженной стене. До сих пор ученые гадают, что же могли найти посланцы халифа, которых возглавлял некий Салман Переводчик. Полагают, что ему удалось сложными путями добраться до Великой Китайской стены.

§ 3. Народы Северного Кавказа

Населенный множеством племен и народов и в наши дни, горный Кавказ и отчасти предгорья в раннее средневековье представляли из себя еще большее скопление этносов. Можно подумать, что именно сюда после разрушения Вавилонской башни устремились разные племена. Нечто сходное с таким определением действительно есть: горный Кавказ издревле являлся убежищем для многих народов, оттесняемых с юга и севера и ассимилируемых там другими этносами. Однако в историческое время на западном Кавказе обитали в основном адыги, на восток от них аланы (осы, осетины), затем предки вейнахов, о которых реальных известий почти нет, и далее различные дагестанские народы (лезгины, аварцы, лакцы, даргинцы и др.). Этническая карта предгорий и отчасти горных районов менялась и до XIII в.: с приходом тюрко-половцев, а еще ранее хазар и булгар часть местного населения, сливаясь с ними, стала основой для таких народностей, как карачаевцы, балкарцы, кумыки.

Еще древние писатели называли на Кавказе местные царства, например, меотов в Приазовье, однако насколько эти названия соответствовали реалиям — сказать трудно. На восточном Кавказе в Дагестане (термин, кстати, поздний, от тюркского «даг» — гора) наиболее древние политические объединения упоминаются с первых веков нашей эры. Так, армянские источники называют «царей лезгин» применительно к IV—V вв. и даже ранее. Однако наибольшее число данных о политической структуре Дагестана связано с периодом иранских шахов Сасанидов (III—VII вв.), с которыми связывают и возникновение местных княжеств, и построение Дербентской крепости.

В центральном Предкавказье, а периодически и на более обширных пространствах уже на рубеже н.э. возник Аланский союз, который был разгромлен гуннами, но возродился после падения Гуннской державы.

Западная часть северного Предкавказья к югу от реки Кубань была издревле населена предками адыгов. Источники называли их либо кашаками (касогами), либо зиками. Термин «черкесы» — поздний, из иранских языков и означает просто воин (чере-кес, где «чери» — войско, а «кес» — человек). Адыгские (кашакские) племена были в раннее средневековье едва ли не самым многочисленным народом Кавказа, уступая, возможно, порой только аланам. Они всегда были раздроблены и враждовали не только с соседями, но и друг с другом. Вот что писал о них ал-Масуди: «За царством алаи находится народ, называемый кашак, живущий между горой Кабх и Румским (Черным) морем. Народ этот исповедует веру магов (т.е. язычников). Среди племен тех мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более выпуклой линией бедер и ягодиц. Наедине их женщины, как описывают, отличаются сладостностью... Аланы более сильны, чем кашаки... Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В таком случае ни аланы, ни какой другой народ не смогли бы их покорить».

Известия о кашаках X в. говорят об оживленной торговле их с Малой Азией через Трапезунд.

В X в. кашаки столкнулись с русами в районе Тамани. Это случилось при Святославе, который, готовясь к борьбе с Византией, разгромил союзников последней — хазар и закрепился на Таманском полуострове, где русским опорным пунктом надолго стала старая крепость Матарха, которую русские называли Тмутаракань. Владимир, сын Святослава, передал Тмутаракань одному из своих сыновей — Мстиславу, который позже в борьбе с братом Ярославом подчинил себе все русские земли по левую сторону Днепра. На Руси существовали сказания о войнах Мстислава, по своим нравам напоминавшего своего деда Святослава, с касогами и единоборстве русского князя с касожским богатырем Редедей, которого Мсти-

слав зарезал перед рядами касожскими. Очевидно, Мстиславу удалось подчинить себе еще какую-то часть кашакских племен, поставлявших ему храбрых воинов.

Затем степь заполонили половцы, отрезав Северный Кавказ от Руси. Тмутараканское княжество как-то незаметно исчезло в начале XII в. Усилились аланы и Грузия. Часть кашаков вынуждена была признать власть алан, и последние даже в XII в. закрепились в некоторых причерноморских крепостях на территории нынешнего Краснодарского края. Прибрежные кашаки, очевидно, признавали и власть грузинских царей, в XI—XII вв. тесно связанных с аланами.

Внесло изменение и появление на восточном берегу Черного моря итальянских (в основном генуэзских) торговых факторий, которые стали возникать по договорам с Византией уже в середине XII в. В это время в районе Керчинского пролива известен и город Росия, очевидно, связанный с какой-то уцелевшей русской колонией в этих местах.

На Центральном Кавказе доминировали аланы или осы (осетины). О вейнахах (предках чеченцев и ингушей) *мы* почти ничего не знаем. Они упоминаются в «Армянской географии» VII в., а также под названием «дурдзуки» в грузинских летописях.

Аланы же упоминаются на Кавказе с начала н.э, хотя пришли они сюда, несомненно, раньше, вместе с прочими сарматскими племенами. Аланский союз был разгромлен гуннами, но возродился после распада империи Аттилы. Долгое время аланы были верными союзниками хазар в их борьбе за гегемонию на Кавказе. Уже в силу этого они являлись врагами арабов и союзниками Византии. От Византии к аланам рано проникло христианство, хотя официально аланский царь стал христианином где-то в начале X в., после чего возникла и Аланская митрополия. Это, однако, вызвало недовольство хазар, и после неудачной войны *с* последними аланы вынуждены были официально отречься от христианства. После разгрома хазар Святославом ситуация изменилась, аланская знать вернулась в лоно христианской церкви. Когда это случилось, точно неизвестно, но поскольку в конце X в. Аланская епархия занимала в списке подчиненных Константинополю епископств 61-е место вслед за Русью, это, очевидно, произошло где-то в 90-х годах X в.

В XI—XII вв. Алания находилась в тесных отношениях с Грузией. Грузинские и аланские правители часто роднились друг с другом. Известно, что вторым мужем царицы Тамар был аланский царевич Давид Сослан, мать которого была грузинка. Поэтому в XI—XII вв. в Алании переплетаются и византийское, и грузинское влияние, особенно в архитектуре сохранившихся церквей. Возникло на греческой основе и аланское письмо, от которого до наших дней дошли лишь жалкие остатки. Однако ареал сношений правителей Алании был еще шире и доходил до Северо-Восточной Руси — жена Всеволода Большое Гнездо была аланка.

Алания XI—XII вв. выглядит как довольно сильное, хотя и не вполне централизованное государство. Власть царей была ограничена знатью или ос-богатарами, как их называют источники. Столицей Алании был город Магас (буквально Большой, Великий). Его точное местоположение неизвестно, хотя он упоминается даже китайскими источниками в связи с походами монголов.

Больше всего мы знаем о народах и ранних политических объединениях на территории Дагестана, который издавна был тесно связан через Закавказье с Ираном и семитскими цивилизациями Передней Азии. Здесь же в самом узком месте, где горы ближе всего подходят к Каспийскому морю, находился наиболее удобный проход на север в Предкавказье, известный под иранским названием Чола или Чора (узкое ущелье). Контроль над ним издревле был важен не только для небольших государств Восточного Закавказья, но и для мощных ближневосточных империй, типа Ахеменидской, Парфянской и Сасанидской. Заинтересованы были в укреплении этого прохода и Рим, а затем Византия, которые в период их мирных отношений с Ираном даже вкладывали средства для возведения и поддержания здесь в должном порядке укреплений. Археологические изыскания показывают, что древнейшие оборонительные сооружения здесь появились еще в VIII—VII вв. до н.э., т.е. были, очевидно, воздвигнуты местным населением против двигавшихся с севера скифов. Особое внимание этому району уделяли иранские Сасаниды (III—VII вв.), при которых в V—VI вв. и были

воздвигнуты те мощные крепость и стены, что в основе сохранились до наших дней, получив уже тогда иранское название Дербент (Закрытые ворота). В период арабо-хазарских войн Дербент обычно находился под арабской властью и халифы уделяли огромное внимание поддержанию и ремонту его укреплений. Сюда с VII—VIII вв. переселялись и арабы, даже в XII в. их потомки сохраняли свой язык. Естественно, сюда в первую очередь проникал и ислам. Однако проникновение ислама в горные районы шло очень медленно. и население горного Дагестана исповедовало либо местные языческие культы, связанные с поклонением силам природы, либо христианство. Последнее проникло в Дагестан из Кавказской Албании и Грузии и еще в IX—X вв. и даже позже занимало прочные позиции у аварцев, лезгин и других дагестанских аборигенов. Вместе с тем о глубоком проникновении христианства в народную среду здесь, как и на остальном Северном Кавказе, вряд ли можно говорить. К примеру, крупнейшим политическим объединением Дагестана в IX—XII вв. была так называемая страна владетеля золотого трона («сахиб сарир аз-захаб»), чаще всего именуемая, не совсем верно, в литературе Сарир. Мнения о ее пределах расходятся. Большинство исследователей считает, что это область аварцев, которые известны и под последним названием и как хундзы (в грузинских источниках). Однако можно предполагать, что под властью «владетеля золотого трона» находились и другие части горного Дагестана (области лакцев и, возможно, частично, даргинцев и даже лезгин). Сам титул «сахиб сарир аз-захаб» происходит от легенды, по которой некий сасанидский правитель пожаловал или подарил этот трон одному из владетелей Дагестана. В IX—X вв. глава этого государства и его окружение были христиане, а остальное население — язычники.

Кроме Сарира известны и другие политические объединения (Гумык, Хайтак и т.д.). Заметим, что и в древности, и в средние века Дагестан, особенно южный, был органически связан с северо-восточной частью нынешнего Азербайджана (Ширвана). Последний населяли родственные лезгинам и аварцам племена, которые очень поздно (в XVI—XVII вв.) были тюркизированы. Эту органическую связь Дагестана с Ширваном отчетливо видел местный историк Бакиханов (XIX в.), написавший исторический труд, посвященный именно прошлому Ширвана и южного Дагестана (одно из первоначальных его названий и было «История Дагестана»). Труд был написан Бакихановым на двух языках — персидском и русском. Хотя Бакиханов был потомком бакинских ханов, рассматривать его как историка только азербайджанского нет оснований.

До X в. значительная часть северного Дагестана находилась под хазарской властью, против которой боролись местные племена и арабы. Уже в середине X в. здесь отмечается определенное влияние Руси (поход на Бердаа совместно с лезгинами и аланами). Позже, с возникновением русского владения на Тамани, контакты русов с народами Кавказа еще более усиливаются, очевидно, нося разное содержание. В 80-х годах отмечается присутствие русов в качестве союзников одной из борющихся групп в Дербенте, где, судя по остаткам местных летописей, русы были хорошо известны. А в 30-х годах XI в. русы совершают походы в Восточное Закавказье и даже овладевают крупнейшим там городом Байлаканом (опять-таки в союзе с определенными местными силами). Это, несомненно, было связано с деятельностью Мстислава Владимировича (см. ниже). В XII в. с усилением Грузии укрепляется и ее престиж в Восточном Закавказье, куда грузинские цари совершают походы до Дербента. Однако о закреплении их там на сколько-нибудь продолжительное время известий нет. Тем не менее лозунг «Грузия от Никопсы до Дербента» (Никопса находилась приблизительно в районе нынешней границы Грузии и Российской Федерации) возник именно в XII—XIII вв. и позже был весьма популярен в определенных политических кругах Грузии (в частности, в период меньшевистского правительства 1918—1921 гг.).

Глава 4. Эпоха Ярослава Мудрого

§ I. Основные черты русской истории к началу XI в.

15 июля 1015 г . умер великий киевский князь Владимир I Святославич, четвертый в династии Рюриковичей, прожив немногим более 50 лет. Князь занемог уже давно. Болезнь с каждым днем усиливалась, и становилось ясным, что ближайшее время может породить на Руси очередной династический кризис. Рядом с собой в своем загородном дворце селе Берестове великий князь держал постоянно одного из младших сыновей, любимого Бориса, ростовского князя, родившегося, как и другой сын Глеб, от византийской принцессы Анны, т.е. в христианском браке. Именно поэтому он рассматривался некоторыми современниками как действительно легитимный наследник престола. Но у Владимира было к этому времени в живых 11 сыновей. Его старший сын от полоцкой княжны Рогнеды Ярослав не собирался отказываться от своих прав на киевский стол. Но был еще Святополк, по рождению старше Ярослава, пасынок Владимира, сын убитого им брата Ярополка.

У каждого из братьев и при дворе, и в тех местах, где они «сидели» на княжениях, была своя партия, были свои дружины, готовые поддержать претендентов на киевский стол. Но пока был жив Владимир, династические противоречия между его наследниками не проявлялись столь остро, хотя уже имелись некоторые признаки надвигавшейся драмы. Так, Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава I, организовал заговор против ненавидевшего его отчима. Вдохновителем заговора стал епископ колобжегский Рейнберн, который прибыл в Киев вместе с польской принцессой. Вероятно, заговор возник в пору обострения польско-русских отношений и упорной борьбы между Польшей и Русью за так называемые Червенские города — Перемышль, Червен и др. Но заговорщики, в том числе и Святополк, были схвачены и посажены в темницу, где епископ и закончил свои дни. Святополк же был выпущен на свободу и отправлен на княжение в недалекий от Киева Туров, где находился под постоянным присмотром отца. Болезнь и смерть Владимира вновь всколыхнули все приглушенные было противоречия.

Вместе с Владимиром уходила в прошлое целая эпоха — едва ли не поворотная — в истории Древней Руси. И как всякая поворотная эпоха с уходом ее вдохновителя и конструктора она обещала вылиться в новые тяжелейшие испытания и для династии, и для страны. Прошлое еще цепко держало настоящее и будущее Руси.

Ко времени смерти Владимира Русь, пережив немалые потрясения, превратилась в одну из сильнейших держав Восточной Европы. Владимир наследовал вместе с киевским столом по меньшей мере уже вековую и славную историю объединенного государства восточных славян. Четко определились внешние границы этого государства. К началу XI в. в состав Руси вошли практически все крупные восточнославянские союзы племен, а также населявшие Восточно-Европейскую равнину на севере, северо-западе и северо-востоке угрофинские и балтские племена, на юге и юго-востоке — тюркские. Русь к этому времени была уже полиэтническим государством, в котором иные, неславянские народы были и данниками, и союзниками, и полноправными жителями огромной страны. Сцепленные воедино государственной волей киевских князей, общими жизненными, хозяйственными, торговыми интересами, а также необходимостью обороняться от внешних врагов, многочисленные бывшие восточнославянские и иноязычные племена и племенные конфедерации уже несколько десятилетий существовали в составе единого государства, деля с ним его историю, достижения, успехи и неудачи.

Но это единство было еще непрочным, относительным, как и единство других европейских раннесредневековых государственных образований, скажем, сначала Франкского государства, с X в. Священной Римской империи, позднее — Франции, Германии, Англии, а также Польши, Чехии. Давали себя знать прежние племенные распри, стремление вновь присоединенных племенных конфедераций во главе со своими крупными городскими центрами

к былой самостоятельности. Иноязычные народы еще не стали органической частью страны, нередки были их волнения, колебания, особенно в критические для Руси периоды. Давало себя знать и старинное соперничество Киева и. Новгорода за политические влияния на Руси. В X в. одно за другим следовали восстания и подчиненных Киеву земель, бывших ранее племенными конфедерациями. Неоднократно брались за оружие древляне, приходилось подчинять силой «отлагавшихся» вятичей, радимичей. И, конечно, камнем преткновения для Киева оставался Новгород, Новгородская земля.

Сложилась парадоксальная ситуация: Новгород неоднократно в ходе становления объединенного государства диктовал свою политическую волю Киеву, но последний попрежнему оставался «матерью городов русских», как назвал Киев, согласно летописи, князь Олег, и посылал в северную столицу своих наместников. Действительно, в 80-е годы IX в. новгородский правитель Олег, собрав огромную армию из северо-западных восточнославянских, а также иноязычных земель, либо подчиненных Новгороду, либо союзных с ним, захватил весь восточный отрезок пути «из варяг в греки», подчинил себе поднепровские города и овладел Киевом. Однако Новгород не стал первым; он остался после этого на позициях второго русского центра и принял владычество Киева.

После смерти Святослава в ожесточенной междоусобной борьбе Новгород и княживший там от имени киевского князя Владимир Святославич вновь одержали верх над Киевом. Владимир овладел великокняжеским столом, опираясь на те же силы, что и несколькими десятилетиями ранее Олег, — на варяжскую помощь и войско, составленное из жителей северо-западных земель. И снова, добыв престол своему ставленнику, Новгород остался на вторых ролях. На княжение в Новгород Владимир послал сначала своего старшего сына Вышеслава, а после его смерти — третьего по старшинству сына — Ярослава. Посадив на княжение в Турове Святополка, Владимир тем самым как бы подчеркнул безосновательность династических притязаний пасынка.

Не случайным было это привилегированное положение Новгорода, куда со второй половины X в. посылался наместником старший из княжеских сыновей. Заметим, что определенное время, по некоторым данным, там правил и юный Святослав. И не случайно в объединенном государстве Новгород постоянно, уже в те ранние времена истории Руси был источником традиционного политического сепаратизма.

Стремясь связать воедино земли бывших племенных княжений и окончательно и бесповоротно подчинить их Киеву, Святослав первым из киевских правителей послал своих сыновей в различные земли восточных славян, заменив ими местных племенных князей. Эту же политику проводил и Владимир, отправивший своих сыновей править не только в Новгород и Туров, но и в Ростов, Муром, к древлянам, во Владимир-Волынский и даже в далекую Тмутаракань, куда был посажен Мстислав. Но единство существовало лишь при жизни могучего отца, который легко мог свести с княжений любого из своих сыновей, что он, впрочем, иногда и делал. Но как обернется этот новый порядок при новых правителях — этого не мог предугадать никто.

К началу XI в. четко обозначились границы Руси: на севере земли Новгорода вплотную подходили к владениям карелов по берегам Финского залива и озера Нево (Ладожского озера); на северо-западе новгородские и полоцкие земли граничили с владениями балтских племен по среднему течению Немана и Западной Двины. На западе русско-польская граница, по наблюдениям В.Т. Пашуто, стабилизировалась по среднему течению Западного Буга, а далее по линии Дорогичин — Берестье — Червен — Перемышль. «Червенские города» отошли к Руси, а по ту сторону простирались Мазовия и Малая Польша с городами Люблиным и Сандомиром, Далее граница шла по среднему течению Южного Буга, Днепра и Прута. Эта часть границы была скреплена «любами» (договорами) с польским королем. На юге владения Руси упирались в оборонительную систему городов и крепостей, основанных Владимиром в борьбе против печенегов. Эта часть границы была непостоянна, изменчива; здесь шла извечная борьба с кочевниками. На юго-востоке и востоке русские владения доходили до верховьев Дона, Сейма и Сулы, а далее от верховьев Дона упирались в рязанские леса. Юж-

нее и здесь шла степь, откуда постоянно осуществлялись набеги кочевников на черниговские земли. На северо-востоке владения Руси выходили в междуречье Оки, Клязьмы и Волги, где жили вятичи, и подходили к границам Волжской Булгарии. Здесь, в северо-восточном углу Руси, в суровых лесах вперемешку жили угро-финские племена, которые были своеобразной «исторической прокладкой» между Русью и Булгарией. К концу X в., несмотря на постоянную опасность с юга со стороны кочевников, Русь сумела отвоевать себе форпосты на Таманском полуострове, где появилось русское Тмутараканское княжество, и в устье Днепра, в районе Олешья, где зимовал перед роковым возвращением в Киев Святослав Игоревич.

К началу XI в. Русь, стабилизировав свои границы с соседями и обозначившись как единое, с централизованным управлением, восточнославянское государство, определило и свои долговременные интересы, которые просматривались сквозь первые нападения русских дружин на берега Пропонтиды (земли, расположенные у входа в Босфор) и южное побережье Малой Азии; их прорывы через хазарские посты на Волгу, на Северный Кавказ и в Закавказье, сквозь грандиозные походы Святослава на Восток и Балканы с попыткой закрепиться на Дунае, а также сквозь тяжелые и длительные войны Руси с Польшей за «Червенские города» и постоянное противоборство с карелами, чудью, балтскими племенами.

Из глубокой древности обозначилось стремление Руси к овладению восточной частью пути «из варяг в греки», стратегически важными землями в устье Днепра и всем юго-западным побережьем Черного моря, которое было ключом, открывающим торговые пути в сердце Европы по Дунаю и через земли Болгарии в Византию и на Балканы. Активную политику в этом направлении проводили Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир. Но если Днепровское устье было завоевано и русские владения порой простирались до подступов к Дунаю, то само Подунавье оставалось за семью печатями. В XI век Русь вступила, так и не решив этой своей внешнеполитической и военно-стратегической задачи.

Не удалось Руси поставить под свой контроль и торговый путь, идущий из Прибалтики через новгородские земли и далее в северо-восточные русские земли на Волгу и Каспий. Ключи от этого пути держали Волжские Булгары.

Кочевники контролировали торговый путь, осью которого были Дон, Азовское море, Волга и берега Каспия, — так называемый Восточный путь, по которому открывались дороги на Восток — в Хорезм, Бухару, к «железным воротам» — Дербенту, в Закаспий, в Хорасан. Хотя Хазария и государство Булгар и были значительно ослаблены Святославом, но постоянная опасность со стороны кочевников не дала возможность Руси закрепиться на восточных путях.

Со времени Владимира во внешней политике Руси четко обозначилось и новое направление — западное: борьба за русско-польское пограничье, позволявшее контролировать западные торговые пути, ведущие в Польшу, Чехию, Германию, и сохранять владычество над славянскими землями в междуречье Западного Буга, Прута, Днестра и Южного Буга. К началу XI в. Русь овладела этими землями, но Польша готова была продолжать противоборство.

Поэтому на всех этих внешнеполитических направлениях, за исключением северо-западного, где Руси противостояли отдельные балтские и угро-финские племенные союзы, для великих киевских князей вся борьба была еще впереди.

X век явился для Руси поворотным и в смысле развития социально-экономических отношений.

В рамках единого государства, чье мужание происходило в конце IX — начале X в. прежде всего под воздействием борьбы с сильными и опасными соседями, такими, как хазары, проходящие в Европу венгры, позднее — печенеги, социальные процессы развивались быстрее. Этому способствовало и то, что, несмотря на постоянное противоборство с Хазарией и со степью в IX—X вв., Русь не знала столь масштабных и опустошительных нападений со стороны степняков, как в прежние века. Древнерусская государственность стойко вырастала на основе развивающихся новых социальных явлений, под воздействием мощного, но не губительного Для Руси внешнеполитического фактора. И в рамках этой крепнущей госу-

дарственности проходили свою историческую эволюцию разложение родо-племенных отношений и появление первых знаков раннего феодализма. К началу XI в. этот процесс на Руси стал уже необратимым. Именно в это время общинные земли по существу становятся принадлежностью коллективного собственника — государства, которое начинает их отчуждать по своему усмотрению вместе с крестьянами. Процесс разложения общины и появления частной собственности, аллода, ведет к дальнейшему социальному расслоению общины; создаются предпосылки складывания феодальных вотчин.

От X в. доходят первые сведения о формировании земельных владений великих князей — княжеского домена. Аналогичные процессы происходят в отдельных землях Руси, где на верху социальной лестницы оказывается бывшая племенная знать, начинающая прибирать населенные земли к своим рукам. Появляются данные и о том, что княжеские дружинники также становятся владельцами земель. Зарождается и вассалитет, который, однако, в это время был связан не с земельными пожалованиями, а с предоставлением права получения дани с пожалованных великим князем земель. В X в. к сонму верхов Руси, стремящихся к овладению населенными землями, присоединяется и церковь, которая пока располагает лишь правом на государственную десятину — десятую часть сбора от даней, в том числе сельских миров, а также судебных и торговых пошлин.

Однако на рубеже X—XI вв. отдельные земельные приобретения великих князей, местных княжат, бояр и дружинников тонули в море свободного общинного землевладения; свободный, платящий дань лишь государству смерд был главной фигурой сельского мира Руси. Но факт есть факт: территории, на которых жили свободные смерды, были уже «окняженными», т.е. принадлежащими великому князю как верховному руководителю государства. Сколь скоро свободные общинники могли оказаться в поземельной зависимости от верхушки общества, как в быстро развивающихся западных странах, на этот вопрос могло ответить лишь время, в частности наступающий XI век.

Разложение общины, появление в ее рамках отчуждаемой частной собственности на землю открывало путь дальнейшему социальному расслоению общины, появлению на одном полюсе лиц, имеющих условия для привлечения в своем хозяйстве на добровольной или принудительной основе чужого труда, а на другом — людей, уже лишенных средств производства и попадающих в зависимость от земельных собственников.

В X в. молодая русская государственность решала в основном вопросы объединения страны, централизации власти, изживания племенного сепаратизма и архаичных форм отношений с подданными, вроде «полюдья». Что касается регулирования вновь складывающихся социальных отношений, то это оставалось уже на долю XI века, хотя определенные шаги в этом отношении уже сделали Ольга и Владимир.

Следует заметить, что в этом смысле Русь заметно отставала от передовых стран Западной Европы, но шла вровень (или даже опережая) со странами Восточной Европы, Скандинавии и Балканского полуострова. Скажем, Англия данную стадию раннефеодальных отношений и связанную с этим организацию господствующего класса прошла в VII—VIII вв. Однако темпы формирования феодальной земельной собственности были более быстрыми, а характер поземельных отношений, сложившийся в среде господствующего класса, — более определенный, четкий; поместная система сразу же заняла здесь ведущее место в системе поземельно-служебных отношений. Русские же «кормления» растянулись на долгий срок и лишь в XI в. стали уступать место вассалитету, основанному на земельном пожаловании.

Еще более резкие различия могут быть отмечены при сравнении развития феодальной земельной собственности на Руси и в раннесредневековой Франции. Здесь уже в VI—VII вв. короли, служилая франкская знать, вобравшая в свой состав и родовую и дружинную знать, становятся собственниками земель, скота, колонов, рабов. Расширяются судебные и административные права земельных собственников. Зарождается патронат служилой знати над обедневшими общинниками. Развивается практика отчуждения земельных владений оскудевших семей. Социальное могущество и земельные богатства магнатов увеличиваются. С

середины VII в. здесь уже складывается феодальная вотчина с разделением земли на господскую (домен) и крестьянскую (на правах держания).

Русь напоминала раннюю Францию по длительному существованию мощной крестьянской общины. Однако на Руси свободное крестьянство, хотя и являлось частью общерусского войска в масштабных походах, не стало постоянной основой армии, как у франков, поскольку эти походы были лишь эпизодическими. Между тем как франкское общество, так и германское взросли на перманентных завоеваниях. Именно завоевания и стали в известной мере, наряду с влиянием феодализирующейся античной социально-экономической структуры, материального производства и духовной культуры, доставшейся франкам, лангобардам от античного мира, мощным катализатором и ускорителем общественного прогресса западных «варварских» государств. Бурный мир Запада, полный социальных и политических катаклизмов, не мог не торопить события. Русь в этом смысле не имела экспансионистских стимулов таких масштабов. Потому и рост служилой знати шел здесь более медленными темпами, потому и поместье не было поставлено в повестку дня и крестьянство надолго оставалось в состоянии относительной свободы и не было охвачено так быстро феодальным поместьем, а потом вотчиной, как на Западе. Да и само формирование земельного фонда феодалов на Руси шло в основном за счет экспроприации социальной верхушкой земель разлагающейся сельской общины, а также за счет расхищения ее князьями, дружиной, церковью.

Переломным стал рубеж X—XI вв. и в отношении религиозном, в смысле духовного обновления восточнославянского мира.

Принятое Русью на исходе X в. христианство к началу XI в. затронуло лишь верхний слой древнерусского общества. Вековая борьба язычества против христианства закончилась формальной победой последнего, по это вовсе не означало, что с язычеством было покончено. Напротив, уже введение новой религии в Новгороде показало глубокую приверженность народа старой вере. И хотя на Руси утверждались новые епископства, множился церковный клир, возводились храмы и в селах, и в городах, большинство населения молилось еще старым языческим богам.

Языческие пласты были тем глубже, чем дальше отстояла та или иная земля от центров миссионерской деятельности — Киева, Новгорода, Переяславля, Чернигова.

Главная же трудность для поборников новой религии заключалась в том, что Русь пока еще усваивала лишь внешние формы христианства; овладение его философской сущностью, гуманистическим началом лишь начиналось. Поэтому древнеславянское язычество с его давно и тщательно разработанной системой взглядов, с его изощренной сказочной фантазией, отвечающей как природному окружению, так и натуре восточного славянства, еще гордо несло свою голову и не собиралось так быстро сдаваться. По мере утверждения новой религии и упорного сопротивления религии старой на Руси стал формироваться своеобразный духовный феномен — двоеверие, которое обещало не только вылиться в синтез двух религий, способствовать не только их взаимному духовному обогащению на чисто бытовом уровне, но и острому соперничеству и ожесточенной борьбе на уровне государственном, политическом. В XI век Русь вступала полная драматических религиозных и духовных коллизий, которые шли рука об руку с обостряющимися социальными процессами.

Десятый век оставил веку одиннадцатому неравномерность регионального развития страны в области социально-экономической, политической, культурной.

Подобное состояние страны, особенно на начальных этапах истории, было свойственно и другим государствам Европы и Передней Азии, скажем, Франции или Германским землям, но на Руси эта неравномерность углублялась в значительной мере благодаря огромным пространствам страны. Здесь соседствовали как бы государства в государстве. По сравнению со Средним Поднепровьем значительно отставали в своем цивилизационном развитии северо-восточные земли Руси в междуречье Оки — Волги — Клязьмы, а также северные районы с центром в Белоозере. восточные окраины. И это были не узкие полоски пограничных с соседями земель, а огромные регионы, чье население постоянно увеличивалось и за счет есте-

ственного прироста, и благодаря постоянным миграционным потокам, особенно бурным во время вражеских степных нашествий. Тогда население массами снималось с юга и уходило под прикрытие могучих северных лесов. Конечно, оно приносило с собой привычки, традиции, сноровку тех мест, где христианство, весь уклад жизни были на более высоком уровне, но сразу изменить общую цивилизационную ситуацию в обширных и глухих углах земли они не могли. Такие различия в уровне развития отдельных регионов Руси оказывали в X в. большое влияние на судьбы страны, но еще большее значение они должны были иметь в период постоянно развивающихся социально-экономических, политических, религиозных процессов уже в рамках XI столетия. Усложняющаяся с каждым десятилетием внутренняя политика Руси, ориентированность этой политики на передовые в экономическом отношении регионы Среднего Поднепровья и новгородской округи должны были неминуемо упереться в стену косности, традиционализма во всех сферах жизни в иных регионах страны.

Наконец, X век вывел Русь на путь международного признания. Особенно успешными в этом смысле были годы правления Ольги, Святослава и Владимира. Но это было лишь признание Византии, восточноевропейского мира. В орбиту отношений с Русью давно и прочно были втянуты Польша, Венгрия, Болгария, скандинавские королевства, Хазария, Волжская Булгария, т.е. страны, имевшие *с* Русью общую границу. Однако «большая» Европа и прежде всего быстро развивающиеся Франция, Германская империя, государства Аппенинского полуострова были еще вне сферы прочных международных связей Руси, и киевские правители по мере усиления Руси, возрастания ее роли в восточноевропейском и ближневосточном мире должны были расширять и далее свои внешнеполитические контакты, стремиться к возвышению европейского престижа и к участию в делах всего европейского региона. В этом плане на первое место постепенно выходили отношения с Германской империей, которая в ту пору являлась средоточием основных нитей европейской политики.

Но сумеречным представлялось будущее Руси в день смерти князя Владимира Святославича. Государство стояло на пороге новой большой междоусобицы, которая становилась традиционной не только для Руси, но и для других стран Европы и Передней Азии, где государственные раннесредневековые институты были еще не прочны и где многочисленные факторы еще отрицательно влияли на состояние государственной стабильности.

§ 2. Вторая междоусобица на Руси. Борис и Глеб — князья-мученики

Как уже говорилось ранее, в пору болезни Владимира выявились определенные династические противоречия, за которыми стояла большая политика, религиозные, княжеские, боярские и дружинные кланы.

Восстал Ярослав Владимирович.

Трудно сказать точно, когда это случилось, до болезни или уже в то время, как великий князь занемог; «Повесть временных лет» лаконично сообщает, что «хотящю Володимиру ити на Ярослава, Ярославъ же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего...». Но Владимир разболелся, «в се же время бяше у него Борисъ» сообщает далее летопись. В.Н. Татищев в своей «Истории Российской», опираясь на неизвестные летописные известия, расшифровывает последнее глухое упоминание Нестора таким образом: «Борис нареченный отцем на великое княжение», что в принципе не противоречит данным «Повести временных лет», сообщившей, что в это время Владимир приблизил к себе Бориса, посланного ранее княжить в Ростов. И еще одно событие происходит в эти дни: начинается очередной набег печенегов, и Владимир направляет против кочевников именно Бориса, предоставив ему свою дружину и «воев», т.е. народное ополчение. Затем летописец сообщает, что в момент смерти Владимира его старший приемный сын Святополк оказался в Киеве.

Таким образом, становится очевидным, что в последние недели жизни Владимира, возможно, уже во время его тяжелой болезни на Руси стал нарастать очередной политический кризис. Связан он был прежде всего с тем, что Владимир попытался передать престол, вопреки установившейся традиции, одному из своих младших и любимых сыновей, рожден-

ному в христианском браке — Борису, с чем не смогли смириться ни Святополк, ни Ярослав. Кроме того, оба имели все основания ненавидеть Владимира. Святополк не мог не знать, что его истинный отец, боголюбивый и мягкий Ярополк погиб от рук отчима. Ярослав же, как и другие сыновья от полоцкой княжны Рогнеды, не мог не знать о кровавой расправе Владимира со всем семейством полоцкого князя во время захвата в 980 г . Полоцка, о насильственном принуждении их матери к замужеству, а также о последующей ее опале и изгнании после появления византийской принцессы в великокняжеском дворце. Сохранилась легенда о попытке одного из сыновей Рогнеды еще в малолетнем возрасте вступиться за мать.

К 1015 г . оба старших сына Рогнеды — Вышеслав и Изяслав умерли и теперь старшим среди всех великокняжеских сыновей оставался Ярослав, княживший ранее в Ростове, а затем переведенный в Новгород.

Но вряд ли можно думать, что лишь личные мотивы побудили Ярослава выступить против отца. Дело было, видимо, и в том, что за Ярославом виделась новгородская верхушка, стоявшая на традиционно сепаратистских по отношению к Киеву позициях. Не случайно в источниках сохранилось свидетельство о том, что Ярослав отказался платить Киеву положенную ежегодную дань в 2000 гривен, а еще тысячу собирать с новгородцев для раздачи княжеским людям. По существу, Новгород отказывался нести свои прежние финансовые обязательства перед Киевом. Практически Ярослав повторял судьбу отца, поддержанного новгородцами и варягами против Киева. Его личные династические амбиции совпали со стремлением Новгорода вновь подтвердить свое особое положение в составе русских земель и, опираясь на варяжскую помощь, еще раз сокрушить Киев. Теперь у Ярослава, который при жизни своих старших братьев не имел никаких шансов на престол, появилась реальная возможность воцариться в Киеве. В этом смысле он также повторял судьбу Владимира, бывшего младшим и «неперспективным» сыном Святослава Игоревича.

Итак, в момент смерти великого киевского князя его официальный наследник был в походе против печенегов, старший из его сыновей Святополк, опирающийся на своих бояр и часть киевлян, ждал в Киеве развития событий, а действительно старший из его собственных сыновей Ярослав уже собрал в Новгороде рать, чтобы выступить против занемогшего отца.

К этому дню Святополку было 35 лет, Ярославу, родившемуся где-то в середине 80-х годов X в., было около 27 лет. Возраст Бориса установить трудно, но, по всем данным, он был намного моложе своих братьев, так как христианский брак Владимира состоялся лишь в 988 г . Великая княгини Анна умерла в 1011 г . Если принять версию о том, что Борис и Глеб родились от византийской принцессы, что косвенно может подтверждаться и стремлением Владимира сделать своим наследником именно Бориса, то можно признать, что в 1015 г . он был в возрасте 20-ти с небольшим лет. К тому же в ряде источников о нем и о Глебе говорится как об очень молодых людях.

Если Борис был, как бы мы сегодня сказали, «вполне благополучным ребенком», то Святополк и Ярослав несли в своей душе колоссальные личные комплексы.

Святополк был не только приемным сыном Владимира, т.е. человеком, не обладавшим даже формальными правами на престол. Его мать, многострадальная красавица «гречиня», была наложницей Святослава, а потом досталась как военный трофей его старшему сыну Ярополку. Судя по тому, что она была единственной женой Ярополка в то языческое время, можно предположить, что она была любима Ярополком и имела на него большое духовное влияние. Недаром в ряде источников говорится о том, что Ярополк не противился христианам, а некоторые историки предполагают, что и сам Ярополк под влиянием жены стал скрытым христианином, что и обрекло его среди киевской языческой стихии на поражение в борьбе с ярым язычником Владимиром. Затем «гречиня» досталась женолюбивому Владимиру. Можно лишь предположить, какие страсти кипели в детской и юношеской душе Святополка, как он относился к своим сводным братьям, к отцу. Не случайно он оказался в темнице вместе со своей женой-полькой. Теперь наступал его час и нетрудно было предугадать, что в начавшуюся борьбу он должен был вложить всю свою энергию, весь пыл души, все свои явные и мнимые обиды.

Под стать ему был и Ярослав, обладавший железным характером отца и бешеной неукротимостью Рогнеды, потерявшей из-за Владимира и свою полоцкую родню, и честь. Не случайно дальнейшая ветвь полоцких князей — Изяслав Владимирович, Брячислав Изяславич, Всеслав Брячиславич — на целых сто лет стала противником Киева. «Рогволдовы внуки» (убитого Владимиром отца Рогнеды Рогволда) в течение долгого времени отливали Киеву свои родовые обиды, которые, конечно, были подкреплены и сепаратистскими тенденциями самой Полоцкой земли, державшейся, как и Новгород, несколько обособленно в составе Руси.

Святополк, бывший в час смерти Владимира либо в Киеве, либо в Вышгороде, оставался ближе всех к Берестову. Однако близкие к Владимиру люди, видимо, сторонники Бориса, поначалу решили скрыть смерть великого князя, выиграть время и послать гонцов к Борису. Гонцы еще были в пути, а Святополк уже овладел инициативой. Он приказал везти тело Владимира в Киев и по существу взял бразды правления в свои руки. Ярослав, как известно, обретался на севере, а Борис скакал по степи во главе княжеской дружины в поисках печенегов. Все данные говорят, за то, что Святополк умело распорядился выгодами своего положения. Тело великого князя было доставлено по древнему обычаю на санях в столицу. Его смерть привела народ в горесть и замешательство. Тут же Святополк начал раздавать горожанам «имение», т.е. по существу подкупать их, привлекая на свою сторону. Но уже гонцы дочери Владимира и сестры Ярослава Предславы гнали коней в Новгород. Предслава, бывшая скрытой союзницей Ярослава, именно ему спешила сообщить весть о смерти отца и о захвате Святополком в Киеве власти.

Гонцы из Киева нашли в степи, на реке Альте дружину Бориса, который, не обнаружив печенегов, готовился вернуться обратно в Киев. Близкие к Борису люди уговаривали молодого князя повести дружину на Киев и взять власть, завещанную ему отцом. Однако Борис отказался сделать это, то ли руководствуясь нравственными мотивами и не желая нарушать порядок престолонаследия, установленный ранее (именно на этом настаивают древние источники, подчеркивая безупречный, истинно христианский облик Бориса), то ли опасаясь штурмовать Киев, где Святополк уже успел собрать достаточно сил и сплотить своих сторонников.

Говоря о характере Бориса, следует заметить, что он не был таким непротивленцем, каким его рисуют позднейшие источники, созданные уже после канонизации Бориса и Глеба русской православной церковью. Отец поручил ему командование войском, доверял свою дружину, и уже сам этот факт говорит о многом, во всяком случае может представить нам Бориса, который к тому же долгое время сидел на княжении в Ростове, как решительного и опытного князя.

Получив от Бориса отрицательный ответ, дружина разошлась по домам: для опытных воинов и политиков было ясно, что отныне все люди, близкие к Борису, да и он сам, будут обречены.

Святополк не сразу пошел на организацию заговора против Бориса, а лишь после того, как до него дошли сведения, что дружина и «вой» покинули Бориса и он остался на Альте лишь с небольшим отрядом телохранителей, «съ отроки своими». Святополк собрал в вышгородском дворце своих сторонников; там же и был сформирован отряд убийц во главе с боярином Путшей, которые обещали князю сложить за него голову.

Когда отряд Путши поздним вечером появился на Альте, Борис уже был извещен о намерении Святополка убить его. Однако он либо не мог, либо не стал сопротивляться. Убийцы застали его в шатре, молящимся перед образом Христа.

Борис был убит, когда лег спать: нападавшие бросились к шатру и пробили его копьями в том месте, где находилась постель князя. Затем они разметали малочисленную охрану, завернули тело Бориса в шатер и повезли к Святополку. В Вышгороде убийцы обнаружили, что Борис еще дышит. По приказу Святополка верные ему варяги добили Бориса. Так Святополк убрал со своего пути самого опасного соперника, действуя решительно, быстро и жестоко.

Но оставался еще муромский князь Глеб, рожденный, как и Борис, в христианском браке Владимира от византийской принцессы и бывший теперь единственным законным наследником престола. Святополк направил к Глебу гонцов с просьбой прибыть в Киев, так как отец тяжело болен. Ничего не подозревавший Глеб с небольшой дружиной отправился в путь — сначала на Волгу, а оттуда к Смоленску и затем в ладье в Киев. Уже в пути он получил известие о смерти отца и убийстве Бориса. Глеб остановился и пристал к берегу. Здесь, на полпути к Киеву, на Днепре и застали его люди Святополка. Они ворвались на корабль, перебили дружину, а потом по их приказу повар Глеба зарезал его ножом.

Смерть юных братьев поразила древнерусское общество. Борис и Глеб со временем стали символами непротивления злу, праведности, добра и мученичества во славу светлых идей христианства. Оба князя были в XI в. объявлены православной церковью первыми русскими святыми, намного ранее княгини Ольги и князя Владимира.

Святополк уничтожил и еще одного из братьев — Святослава, который правил в Древлянской земле и, спасаясь от беспощадного Святополка, бежал в Венгрию. Убийцы настигли его в пути.

Теперь друг против друга вновь встали Киев, где окончательно утвердился Святополк, получивший в народе прозвище «Окаянного», и Новгород, где оставался Ярослав Владимирович. Теперь он вел на Киев сорокатысячную рать. Перед тем, как выступить в поход на юг, Ярослав, по свидетельству летописи, рассорился с новгородцами. Варяги, появившиеся по его призыву еще до смерти Владимира, начали чинить насилия и притеснения новгородцам, и те «иссекли» часть варягов. В ответ Ярослав расправился с «нарочитыми мужами», т.е. видными новгородцами. Каково же было чувство соперничества Новгорода по отношению к Киеву, если даже после этого, получив известие о смерти Владимира и узнав о вокняжении в Киеве после убийства других братьев Святополка, новгородцы откликнулись на призыв Ярослава и собрали значительную рать. Поистине Север вновь поднялся против Юга, как это было уже не раз в истории Руси. Святополк выступил навстречу Ярославу с киевской дружиной и нанятой печенежской конницей.

Противники встретились на Днепре ранней зимой 1016г. близ города Любеча и встали на противоположных берегах реки.

Ярослав атаковал первым. Ранним утром на многочисленных ладьях его рать переправилась на противоположный берег. Зажатые между двумя уже замерзшими озерами воины Святополка пришли в замешательство и вступили на тонкий лед, который стал ломаться под их тяжестью. Печенеги, ограниченные в своих маневрах рекой и озерами, никак не могли развернуть свою конницу. Разгром Святополковой рати был полным. Сам великий князь бежал в Польшу.

Ярослав в 1017 г . занял Киев. В том же году он заключил союз с германским императором Генрихом II против Польши. Однако борьба на этом не кончилась. Святополк Окаянный вернулся на Русь вместе с Болеславом I и польским войском. Решающая схватка произошла на берегу Буга. Ярослав потерпел поражение и бежал в Новгород с четырьмя дружинниками. А Святополк с поляками занял Киев.

Польские гарнизоны были поставлены в русских городах. Поляки начали «чинить насилия» над людьми. В ответ население стало браться за оружие. В этих условиях Святополк сам призвал киевлян выступить против своих союзников. Тем самым князь пытался спасти собственный авторитет и сохранить власть.

Вскоре против поляков вспыхнуло восстание горожан. Поднялся каждый дом, каждый двор, поляков избивали повсюду, где они попадались вооруженным киевлянам. Осажденный в своем дворце Болеслав I принял решение оставить столицу Руси. Но уходя из Киева, поляки ограбили город, увели с собой в плен массу людей, и впоследствии вопрос об этих пленных не на один год станет камнем преткновения в отношениях между двумя государствами. Среди тех, кого Болеслав увел с собой, была и Предслава, сестра Ярослава Владимировича. Она стала наложницей польского короля. Ушел вместе с поляками и верховный иерарх русской церкви, знаменитый сподвижник Владимира грек Анастас, оставшийся верным закон-

ному правителю. Ушел, взяв с собой все ценности и всю казну Десятинной церкви. В прошлом он являлся херсонесским церковным иерархом, который в период осады Владимиром Херсонеса перешел на его сторону и помог русским овладеть городом. Как известно, после взятия Херсонеса Анастас перебрался в Киев и стал там иерархом главного собора Руси — Десятинной церкви, церкви Святой Богородицы («и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы корсунские пристави служити в ней»).

Поразительно, что русские летописи, сообщив, пусть и противоречиво, о крещении Руси, кроме этой неясной фразы не обмолвились ни словом о том, какова же была организационная основа русской церкви, ее взаимоотношение с греческой патриархией, кто был первым русским митрополитом после крещения Руси. Все, что мы имеем, — это глухую фразу об Анастасе как главном священнике Десятинной церкви.

Это породило двухвековую полемику в мировой исторической литературе по поводу статуса русской церкви в первые годы после ее образования. Обращалось внимание на отсутствие известий о поставлении митрополита на Руси в эти годы и на то, что лишь под 1039 г . в летописи упоминается первый русский митрополит — грек Феопемт, освятивший Десятинную церковь. В дискуссии отмечалось, что позднейшие русские источники называли в качестве первых русских митрополитов, поставленных после крещения Руси разных греческих церковных деятелей. Все это были лишь гипотезы. Но никто из историков прошлого не обратил внимания на запись в «Повести временных лет» о бегстве и Киева с поляками Анастаса и по существу об ограблении им главной русской православной святыни. А в этом факте кроется, возможно, ключ к разгадке и статуса русской церкви в первые годы ее существования.

В период утверждения христианства на Руси, как мы видели, Владимир был в значительной степени озабочен тем, чтобы вместе с новой религией на Русь не пришло византийское политическое влияние. Во многом именно поэтому он предпринял военную акцию против Византии на Крымском полуострове, именно поэтому широковещательно крестился в поверженном Херсонесе (что не исключало его первоначального индивидуального крещения и ранее), именно поэтому русы связали воедино крещение и женитьбу Владимира на прибывшей в захваченный Херсонес византийской принцессе Анне. В этой же связи следует рассматривать вопрос и о первом высшем русском церковном иерархе. Им не мог быть митрополит, поставленный из Византии на византийских же условиях. И не случайно на сцене появляется Анастас, который в течение всей жизни Владимира и был, вероятно, главой вновь организующейся русской церкви. Во всяком случае известно, что он являлся главой Десятинной церкви с момента ее появления еще в деревянном варианте в 989 г . и до бегства в Польшу в 1017 г . Это без малого 28 лет.

Однако его бегство за рубеж, к врагам Руси, да еще «латинянам», какими воспринимались поляки уже после раскола церквей и, конечно, в пору создания «Повести временных лет» в начале XII в., являлось тяжким обвинением против первого русского прелата. Вполне возможно, именно поэтому его имя как первого русского митрополита, или во всяком случае епископа, поставленного Владимиром в Киеве и имеющего статус независимого от Византии иерарха, оказалось скрытым позднейшими летописцами. Митрополит изменник и вор — это было невыносимо для русского православного сердца. Так и возник в русском летописании вакуум сведений о первом русском митрополите на исходе X и в начале XI в.

Покинув Русь, оставив Святополка в Киеве без поддержки, поляки одновременно захватили и «Червенские города». Таким образом, новый узел острых противоречий завязывался в отношениях между двумя странами. В это время Ярослав в Новгороде набирал новую рать. Богатые горожане оказали ему поддержку, пожертвовав большие средства на наем войска. Собрав достаточно сил, Ярослав вторично двинулся на юг. Святополк не стал искушать судьбу. Слишком велико было против него негодование киевлян, не простивших ему привод в Киев поляков. Он бежал в степь к дружественным печенегам.

Соперники вновь встретились в открытом бою в 1018 г . Сражение произошло на реке Альте, неподалеку от того места, где был злодейски убит Борис. Это придало войску Яросла-

ва дополнительные силы. Битва закончилась победой Ярослава. Святополк бежал в Польшу, а потом двинулся далее, в землю чехов, но умер в пути.

Любопытный штрих дает летопись по поводу последних дней Святополка уже во время его бегства за рубеж. Когда беглецы достигли пограничного с Польшей Берестья и остановились передохнуть, Святополк начал подгонять их: «Побегнете со мною, женуть (т.е. гонятся) по нас». Когда же бывшие с ним дружинники возразили, что погони нет, князь настаивал на своем, и путники вновь двинулись в дорогу. В конце концов, Святополк полностью обессилел и был взят на носилки, но и в этом положении он, привставая, продолжал твердить: «Осе женуть, о женуть, побегните» (т.е. «Вон гонятся, ой гонятся, бегите»). Так беглецы «пробежали» всю Польшу, Чехию и лишь смерть тяжелобольного, психически надломленного князя остановила этот сумасшедший бег.

В позднейших русских источниках, а также в знаменитом «Слове о полку Игореве» немало досталось проклятий на долю Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого, который не раз во время междоусобных войн конца XI — начала XII в. приводил на Русь верных себе половцев. Однако эти печальные лавры Олег «Гориславич», как называет его «Слово», получил в истории незаслуженно. Первым в этом смысле был, конечно, Святополк, который не раз в борьбе с Ярославом Владимировичем водил на Русь печенегов. И позднее, задолго до Олега, этим сомнительным средством в междоусобных войнах пользовались дети и внуки Ярослава Мудрого, и Олег Святославнч был лишь один из них.

Эта одиозная традиция сохранилась на Руси и позднее, когда в XII в. русские князья боролись друг с другом, опираясь на половецкую силу, и в XIII — XIV вв., когда половцев сменили татары, которых не раз водили друг против друга князья уже Северо-Восточной Руси.

§ 3. Борьба Ярослава с Мстиславом Тмутараканским и новое объединение Руси

В 1019 г . Ярослав Владимирович, новгородский князь, четвертый сын Владимира I, вторично и теперь уже навсегда вступил в Киев и сел на русском престоле. Ему было в ту пору немногим более 30 лет.

Но не сразу. удалось Ярославу восстановить единство Руси. Смута начала XI в. надолго потрясла страну. И если за четыре года удалось вновь объединить Север и Юг страны, то некоторые окраины оказались неподвластны Киеву, и в первую очередь Полоцкая земля, где правил внук Рогволда Брячислав, и далекое Тмутараканское княжество, где «сидел» один из сыновей Владимира, рожденный в браке от «чехини», — Мстислав Владимирович.

Если с мятежом полоцкого князя, который на короткое время захватил Новгород, Ярослав справился быстро, то отношения с Мстиславом складывались не столь благополучно. Во время междоусобицы Мстислав Владимирович держался в стороне и укреплял свои позиции на Таманском полуострове. Он проявил себя смелым рыцарем и талантливым полководцем. Пока Ярослав дрался со Святополком, усмирял мятеж Полоцка и пытался, пока безуспешно, вернуть Руси «Червенские города», Мстислав прославился своими победами над северокавказскими народами. В летописи даже отложилась поэтическая легенда (которая, возможно, имеет под собой и некоторые реальные исторические факты) о том, как во время похода на касогов (черкесов) Мстислав вызвал на боевой поединок касожского князя Редедю, сумел одолеть его, обратившись к помощи Богородицы, и, согласно договору между бойцами, овладел землей и «имением» Редеди. По возвращении в Тмутаракань он заложил храм в честь Святой Девы, который стоял в городе и ко времени появления легенды в летописи. Летописец рисует Мстислава красивым, высоким, храбрым, щедрым человеком, который больше всего на свете любил свою дружину.

В 1023 г . между братьями вспыхнула открытая война, которая по существу являлась продолжением большой междоусобицы 1015—1019 гг. Мстислав двинулся на север, собрав большую рать и включив в нее отряды из подвластных ему народов, в частности хазар и касогов. Он выбрал удобное время для похода: Ярослав находился в своем любимом Новгоро-

де. Тмутараканская рать подошла под самые стены Киева, но горожане «затворились» и не приняли Мстислава. Не решившись штурмовать столицу, Мстислав отошел к Чернигову и занял этот стольный город огромной земли, куда входила чуть ли не половина страны, включая всю Северо-Восточную Русь.

Ярослав вновь обратился за помощью к варягам. Он послал к ним гонцов, и вскоре в Новгород вошел варяжский отряд.

Встреча противоборствующих сторон произошла в 1024 г . под г. Листвином, неподалеку от Чернигова, в кромешной тьме, в дождь и грозу. Характерно, что против ударной силы Ярослава — варягов Мстислав выставил в «челе» войска, т.е. в центре, черниговскую дружину северян. Именно северяне и приняли на себя удар варягов, а потом при поддержке дружины самого Мстислава стали одолевать их. Ярославова рать не выдержала натиска Мстиславовых полков, и Ярослав вместе с предводителем варягов бежал с поля боя, минуя Киев, в Новгород. Русь снова раскололась надвое. Ярослав сохранил за собой Новгород, Мстислав остался властителем Черниговской и Тмутараканской земель. В Киеве сидели Ярославовы «мужи». Мстислав не решился на захват русской столицы.

Через два года Ярослав, собрав дружину на севере, появился в Киеве. На этот раз братья воздержались от дальнейшего «кроворазлитья» и заключили мир. Русь по этому миру была разделена на две части. Все левобережье Днепра с Северской землей, Черниговом, Переяславлем и другими городами отошло к Мстиславу. За ним оставалась и Тмутараканская Русь. Своей резиденцией Мстислав, ставший по существу правителем соседнего государства, сделал Чернигов. Под управлением Ярослава остались Киев с правобережными землями, весь Север Руси во главе с Новгородом.

Русь вновь оказалась расколотой. Поэтому фактически о едином государстве применительно к этому времени можно говорить лишь условно, хотя в последующие годы братья жили мирно друг с другом.

В начале 1030-х годов Польшу, как и Русь, потрясла междоусобица. К тому же новый польский король Мешко II ввязался в войну с Германией, не имея надежного тыла внутри страны. Ярослав использовал сложившуюся ситуацию. Как когда-то Болеслав I отнял у Киева во время междоусобных войн на Руси «Червенские города», так теперь Ярослав в союзе с Мстиславом нанес удар по польским землям. Практически Русь выступила союзником Германии. Братья собрали большое войско, «повоевали» польские земли, заняли вновь «Червенские города», захватили огромный полон.

В 1036 г . Мстислав умер, не имея наследников, а его часть Руси отошла к Ярославу. Так через двадцать с лишним лет после смерти Владимира I Русь снова стала единой, а Ярослав, как отметил летописец, наконец стал «самовластием».

§ 4. Расцвет Руси при Ярославе Мудром

Междоусобица показала, сколь непрочным еще было объединение Руси, сколь сильны были стремления некоторых земель к отделению от Киева. Эти стремления не могли притушить и сыновья Владимира. Напротив, сами они попадали под влияние той среды, в которой жили и правили.

На Руси, которая отличалась своими огромными территориями, по существу никогда не было и не могло быть прочного единства, как впрочем и в других государствах Европы. Уровень различия земель во всех отношениях, но в первую очередь в развитии хозяйства, культуры во многом содействовал постоянной борьбе окраин против центра, децентрализации страны. Кроме того, к началу XII в. на ее территории проживало 22 различных народа. Они вносили неповторимый национальный колорит в жизнь страны, содействовали интернационализации ее культуры, но они же постоянно вели к обособлению отдельных ее земель от центра, стремились к сохранению национальной самобытности, что часто порождало острые

конфликты в древнерусском обществе, поскольку Киев рассматривал их как своих подданных и не хотел мириться с волеизъявлением этнических меньшинств.

Став «самовластием», Ярослав пошел по пути отца. Он послал в крупные города и земли своих сыновей и требовал их беспрекословного повиновения. В Новгород отправился старший сын Владимир, а после его смерти — следующий по старшинству сын Изяслав. Святославу он отдал под управление Черниговскую землю, Всеволоду — выросший к этому времени в сильную крепость Переяславль. И другие его сыновья были посланы в Ростов, Смоленск, Владимир-Волынский.

Воссозданное единство Руси, сосредоточение власти в руках великого князя, подчинение Киеву отдельных русских земель посредством направления туда великокняжеских сыновей-наместников стало той политической основой, на которой развились новые хозяйственные процессы, расцвели города, усложнилась общественная жизнь, двинулась вперед культура страны. Этому способствовало и то, что с середины 30-х и до начала 60-х годов Русь не видела на своей территории вражеских нашествий, а если и вела войны, то вдали от родных очагов.

Последнее крупное нападение кочевников-печенегов произошло в 1036 г . (до этого Русь уже более десяти лет жила в мире и покое). В это время Ярослав оставил Киев и находился в Новгороде. Видимо, этим обстоятельством, а также тем, что не стало великого воителя Мстислава, и решили воспользоваться печенеги.

Известие о нашествии врагов и о том, что они обступили Киев со всех сторон, пришло к Ярославу в Новгород в то время, когда он был занят обустройством своей земли. Именно в это время он «поставил» в Новгороде сына Владимира, назначил и нового епископа. Великий князь срочно собрал войско, и снова это были варяги, новгородская дружина и новгородские «вой» — ремесленники, смерды. Ярослав сначала пробился в Киев, а затем уже вышел в чистое поле для решающего сражения. Как обычно, в центре княжеского войска встали ударные силы — варяги, а на фланге выступали Киевляне и новгородцы. Весь день длился бой, и лишь к вечеру русы стали одолевать печенегов и те побежали «разно», т.е. кто куда. Многие из них были убиты, многие утонули в окрестных реках, спасаясь от преследователей вплавь. От этого поражения печенеги так и не смогли оправиться. После 1036 г . их набеги на Русь практически прекратились. В 1037 г . Ярослав в ознаменование блистательной победы над печенегами на месте битвы заложил храм — собор Святой Софии. Он был наименован так же, как и главный собор Константинополя, и в этом была своя политическая символика: Русь как бы подчеркивала свое государственное равенство с великой империей и одновременно свою религиозную и духовную преемственность по отношению к ней.

Этот год стал знаменательным и в другом смысле: по мнению ряда исследователей, в первую очередь А.А. Шахматова, в это время зарождается русское летописание, создается Древнейший летописный русский свод. Его связывают со строительством Софийского собора, который сразу становится не только религиозным, но и духовным центром страны. Правда, существует и иная точка

зрения, что первый летописный свод появился на исходе X в. и вобрал в себя древние сказания о походах Олега, крещении княгини Ольги и т.п. Нам представляется, что если такой свод и существовал ранее XI в., то это вовсе не исключает появления его новой наиболее полной редакции именно после 1036 г . в связи с объединением Руси, с установлением нового государственного порядка, который нуждался в идеологическом обрамлении. К тому же, вероятно, в это время появился и первый свод законов «Русская Правда» Ярослава Владимировича. Время возникновения этого памятника исследователи датируют довольно широко: от 1015— 1016 г . (М.Н. Тихомиров, С.В. Юшков) до 30-х годов XI в. (Б.Д. Греков, А.А. Зимин, Л.В. Черепнин).

Полагаем, что исторически более обоснована вторая точка зрения. Дело в том, что до 1036 г . в связи с расколом Руси фактически на два государства не мог быть принят общерусский свод законов, так как распространение его норм упиралось бы в политические перегородки. Но это был свод не Ярослава и Мстислава, а одного Ярослава, и нормы

распространялись на все государство, а таким оно стало лишь после смерти Мстислава в 1036 г . Относительно того, что там в значительной мере преобладают нормы взаимоотношений жителей Руси с варягами и колбягами. т.е. лицами пришлыми, которые, по мнению приверженцев более ранней даты «Русской Правды», буйно проявили себя именно во время новгородских событий 1015—1016 гг., и жители Новгорода получили от Ярослава в благодарность за поддержку эту грамоту, заметим, что варяги и далее активно участвовали в междоусобице на Руси; они входили в войско Ярослава и во время последующих военных событий сражались на стороне Ярослава против Мстислава. Так что регулирование их отношений с местными жителями касалось не только Новгорода, но и других местностей Руси. Кстати, это подтверждается и самой «Русской Правдой», нормы которой относятся ко всей территории Руси и не ограничены каким-то одним регионом и действуют на всей ее территории как единого государства, каким Русь и стала после 1036 г . К тому же сомнительно, что в период, наиболее сложный для Ярослава, т.е. в 1015—1016 гг., у него и у его соратников было время и желание для кодификационной работы.

Таким образом, и в этом смысле вторая половина 30-х годов стала переломной.

Наконец, следует обратить внимание и на то, что в летописи под 1039 г . упоминается впервые имя митрополита Руси Феопемта.

После горделивой позиции Владимира I, не желавшего мириться с политико-церковным давлением Византии, а потому пытавшемся утвердить собственного ставленника на высший церковный пост в стране, после длительной междоусобицы 10—20-х годов XI в. и раскола страны единого иерарха для двух ее равноправных частей просто не могло быть по политическим соображениям. После 1036 г . объединенная Русь смогла, наконец, обрести собственного митрополита. Однако в это время положение великого князя было несколько иным, нежели Владимира, поставившего, по существу, в 987—989 гг. Византию на колени. Ярослав Владимирович лишь утверждался как великий князь Руси, он нуждался не только в широкой идеологической поддержке внутри страны, но и в благожелательном политическом климате за рубежом. Поэтому и последовало приглашение из Константинополя митрополита, что сразу же нормализовало русско-византийские отношения в «послесмутное время» и стабилизировало международные связи Руси.

Все указывает на то, что объединение Руси Ярославом стало поворотным пунктом во многих отношениях. Принятие первого на Руси свода законов, упорядочение церковной организации, начало составления нового летописного свода — были теми чертами государственной, религиозной, культурной жизни Руси, которые как бы подчеркнули этот знаменательный поворот.

«Русская Правда», если говорить точно, не являлась абсолютно первым российским сводом законов. До нее существовал «Закон Русский», который упоминается в договорах Руси с Византией X в. Отечественные историки неоднократно обращались к сопоставлению норм «Закона Русского» и «Русской Правды» и выявили, что так называемый Закон Русский предшествовал «Русской Правде» и питал ее своими идеями. Делались попытки сопоставить нормы «Закона Русского» не только с «Русской Правдой» Ярослава, но и с византиискими правовыми нормами, а также с некоторыми ранними судебниками «варварских» европейских государств, в частности, с Солической Правдой франков времен короля Хлодвига (481—511), с германскими правдами — Саксонской, Фризской, Тюрингской, Баварской, Алеманской (начало IX в.), а также с англосаксонскими правдами (VII—VIII вв.). Специальное исследование в этой области истории Древней Руси предпринял петербургский ученый М.Б. Свердлов, который путем реконструкций и сравнений выявил, что «Закон Русский», отразившийся в договорах Руси с Византией в 911 и 944 гг., воспроизводил нормы обычного устного права восточнославянских племенных конфедераций, которое регулировало общественную жизнь возникшего на исходе IX в. единого государства Русь. Эти нормы, однако, одной ногой еще стояли на почве разлагающихся родо-племенных отношений, но другой сделали уже шаг в развивающееся раннефеодальное общество с его начавшейся социальной дифференциацией населения, усилением центральной власти. Так, в договорах

нашли отражение нормы наказаний за те же преступления, что позднее появились в «Русской Правде». Любопытно сравнение наказаний за убийство. В договоре 911 г . говорится, что, если кто-либо убьет «христианина» (т.е. грека) или русина (т.е. жителя Поднепровской Руси), «да умреть» там, где сотворил убийство. Если же убийца убежит, то его имущество (в случае, если это будет «имовитый», т.е. зажиточный человек) получают ближние родственники убитого, кроме той части, что останется его жене. Если же убийца будет «неимовит» (бедный человек), то его надлежит искать и по нахождении придать смерти. Эта же норма повторяется и в договоре 944 г . В этом случае совершенно очевидно, что договоры воспроизводят нормы кровной мести за убитого, свойственные родо-племенным отношениям, но уже появляется возможность для богатого человека после бегства откупиться своим имуществом. Это черта уже нового нарождающегося общества, где имущественное расслоение дает богатому человеку определенные выгоды. В «Русской Правде» аналогичная статья идет первой; она, естественно, не упоминает греческую сторону, дает обобщающую характеристику русского общества: «Убьеть мужъ мужа...», также допускает кровную месть, но ограничивает ее лишь близкими родственниками (брат, отец, сын, дядя). Если мстителей не окажется, то убийца должен заплатить 40 гривен «за голову». Таким образом, традиция, пришедшая из родоплеменного быта и зафиксированная в «Законе Русском» первой половины X в. (который также уже допускал возможность откупа за убийство), трансформировалась и подверглась законодательному ограничению в XI в. Любопытно, что лишь в наиболее древней германской Правде — Саксонской сохраняется право кровной мести за убийство, хотя наряду с этим допускается и «вергельд» — штраф; между тем как в позднейших германских Правдах речь идет лишь о денежном штрафе. И другие статьи «Закона Русского» и германских Правд во многом близки по своим значениям, как близки им и статьи «Русской Правды» Ярослава, восходящие к 30-м годам XI в. За увечье, побои также следовало наказание вирами — штрафами. Первый русский писаный закон, как и Правды других народов, касался прежде всего вопросов общественного порядка, защищал людей от насилий, бесчинств, драк, которых было так много на Руси, особенно в смутные годы.

Сравнение с германскими Правдами было предпринято потому, что и Русь, и германские земли развивались в замедленном по европейским масштабам темпе, что было обусловлено рядом общих причин, в том числе отсутствием прямой преемственности с общественными институтами, культурой, юриспруденцией античного мира, о чем уже говорилось выше. И все же по некоторым параметрам германские Правды отразили более высокий уровень общественных отношений, чем на Руси, что кстати нашло место и в статьях о кровной мести, которая оказалась сохраненной лишь в наиболее архаичной по своим нормам Саксонской Правде.

Но в целом «Закон Русский» X в. и древнейшие германские Правды IX в. весьма близки по духу. И этот дух близости норм права восточных славян и германцев перешел и в «Русскую Правду» Ярослава.

Характерно, что во всех сравниваемых документах заметна общность подхода к вопросам о зависимом населении: челяди и холопах — в «Законе Русском», сервах и зависимых людях — в германских Правдах. Укрывательство бежавшего челядина, серва строго наказывалось во всех законодательных актах и германцев, и Руси. В этих статьях просматриваются черты развивающегося социального неравенства, которое быстро обгоняло само законодательство.

Но заметим здесь, что на Руси с самого начала челяди, холопам законы предоставляли признание определенных прав, в частности, право давать показания в суде. Это указывало на то, что общественные отношения в русских землях развивались, как и на Западе, не по сценарию старых рабовладельческих обществ, а по иным законам, законам раннего средневековья, которые эволюционировали в сторону феодальных отношений. В центре этих отношений стояли зависимый смерд, крестьянин и феодал, фактический пользователь земли, а не раб и рабовладелец.

Общность норм «Закона Русского», «Русской Правды» Ярослава и западных Правд, пожалуй, является одним из наиболее весомых аргументов в пользу того, что Ярослав создавал свою «Правду», имея в виду не Новгородское общество, а всю Русь, объединенную после 1036 г . «Закон Русский» и западные Правды также апеллировали ко всему обществу. Но уже в момент создания нового свода законов, состоявшего из 17 статей, было ясно, что общество стремительно уходило вперед. Нужен был новый правовой кодекс, который бы защитил быстро складывающуюся собственность «сильных мира сего» на землю и связанные с этим материальные приобретения и разного рода общественные преимущества. И такой новый свод законов начал создаваться еще при жизни Ярослава Владимировича.

С большим .упорством и настойчивостью Ярослав Владимирович продолжал внешнюю политику своего отца и деда. Но он расширил ее масштабы, совершенствовал методы проведения в соответствии с растущей хозяйственной, военной, политической мощью государства. Он утвердил власть Руси на западном берегу Чудского озера и вывел русские границы к Прибалтике. Здесь был основан город. Юрьев (нынешний эстонский Тарту). Город получил свое название в честь Георгия-Юрия, таково было христианское имя Ярослава. Ярослав предпринимал неоднократные походы на воинственное балтское племя ятвягов; в летописях упоминается и его поход на Литву. Тем самым Ярослав стремился обеспечить выход Руси к Балтийскому морю, укрепить безопасность ее северо-западных границ.

Еще в 30-е годы XI в. Русь продолжала успешное противоборство с Польшей. Но после того, как были отвоеваны «Червенские города», Польша, испытывая давление со стороны Германской империи и Чехии, а также прибалтийских славянских языческих племен, теперь нуждалась в поддержке со стороны Руси. Союз двух государств был укреплен династическими браками, польский король женился на сестре Ярослава Добронеге (христианское имя Мария), а старший сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира I. Русь оказала Польше помощь в войнах с Чехией и прибалтийскими славянами.

На севере Русь связывали тесные дружественные отношения со Швецией. Ярослав был женат на дочери шведского короля Ингигерде. Добрыми были отношения и с Норвегией, куда была выдана замуж за норвежского короля младшая дочь Ярослава Елизавета.

После долгого периода мирных отношений с Византией Русь при Ярославе начала новую войну с великой империей. Поводом послужила расправа с русскими купцами в Константинополе.

Большая русская рать под началом старшего сына Ярослава Владимира двинулась на ладьях к Константинополю. Но около западных берегов Черного моря флот попал в бурю, которая разметала и потопила часть русских судов. Около шести тысяч воинов во главе с воеводой Вышатой высадились на сушу, другие морем двинулись обратно.

Узнав об этом, император Константин Мономах приказал преследовать русский флот и уничтожить сухопутное войско. Но в морском сражении русы нанесли поражение грекам и лишь после этого двинулись на родину.

Судьба сухопутной рати была трагичной. Греки окружили и взяли в плен отряд Вышаты, многих из них ослепили и отпустили восвояси для устрашения Руси. Долго еще по русским селам и городам брели несчастные слепцы, пробираясь к родным очагам.

Лишь в 1046 г . Русь заключила новый мирный договор с Византией. В знак возобновления дружеских связей между двумя странами был устроен брак византийской принцессы, дочери Константина Мономаха, и четвертого сына Ярослава — Всеволода. В 1053 г . у молодой четы родился сын, которого назвали в честь деда Владимиром, а в христианстве дали ему, как и деду, имя Василий. Это был будущий великий киевский князь Владимир Мономах.

Этот брак лишь подчеркнул, как вырос за последние десятилетия международный авторитет Руси. Русь поистине стала европейской державой. С ее политикой считались Германская империя, Византия. Швеция, Польша, Норвегия, Чехия, Венгрия, другие европейские страны. На востоке вплоть до низовьев Волги у нее теперь практически не было соперников. Ее границы простирались от Карпат до Камы, от Балтийского моря до Черного.

Периметр территории Древней Руси равнялся 7000 км . К середине XI в. там жило около 4 млн. человек.

Рост международного престижа Руси подтверждали и династические браки киевского княжеского дома. Все сыновья Ярослава были женаты на владетельных принцессах — Византии, Польши, Германии. Его дочери были выданы замуж за правителей разных стран. Старшая Анна — за французского короля Генриха 1, Анастасия — за венгерского короля Андрея, младшая красавица Елизавета — за норвежского короля Гарольда.

Интересна судьба этих женщин. После смерти мужа Анна Ярославна во время малолетства сына была регентшей Франции, Елизавета после гибели на войне короля Гарольда вторично вышла замуж за короля Дании и играла большую роль в европейской политике.

§ 5. Церковь и религия при Ярославе. Митрополит Иларион. Печерские святители

Во времена Ярослава христианская церковь получила на Руси более широкое распространение и приобрела определенный вес в обществе. Этому способствовал и сам великий князь, который, по отзывам современников, отличался большой набожностью, знанием церковных сочинений. При жизни он получил прозвище «Мудрого».

Ярослав заложил великокняжеский монастырь святых Георгия и Ирины — в честь христианских святых, своего и своей жены. Монастыри стали появляться повсеместно и в больших городах, и в сельской местности, знаменуя собой дальнейшее распространение христианства и упрочения роли церкви в обществе.

В середине 50-х годов XI в. под Киевом возник знаменитый Печерский монастырь. У истоков его создания стоял Иларион, священник великокняжеской церкви в селе Берестове, загородной резиденции великих князей. Иларион был глубоко верующим человеком. Свои молитвы к Богу он возносил в уединении. С этой целью он уходил на берег Днепра, где выкопал себе пещеру в горе, и проводил там долгие часы в молитвах, размышлениях и посте. «Мужъ благь, и книжникъ, и постникъ», — говорит о нем древний источник.

Именно Илариону принадлежит ряд произведений, написанных в 40—50-е годы. Первое место среди них занимает блестящий памятник идеологии и культуры XI в. «Слово о законе и благодати». По существу в этом произведении Иларион излагает государственно-идеологическую концепцию Древней Руси, концепцию, которая повлияла на мировоззрение других русских авторов XI в. Совокупно они создали идеологическое обоснование места Руси в мировой истории, определили роль киевской великокняжеской власти в системе мировой государственности, ее значение для русских земель, подчеркнули значение русской церкви.

По наблюдению ряда авторов, «Слово» было написано между 1037 и 1050 гг. Чтобы понять смысл этого памятника и последующих произведении русской письменности второй половины XI в., следует хотя бы коротко охарактеризовать тот исторический фон, в рамках которого возникло «Слово» Илариона.

Начинается «золотой век» Ярославова правления. И закладка нового Ярославова города в Киеве, строительство монументальной Софии, обращение к реформам в области культуры, составление Древнейшего летописного свода, появление «Русской Правды» стали замечательным проявлением этого «золотого века». Восторженная похвала Ярославу Мудрому, помещенная в летописи под 1037 г ., как бы венчает эту первую крупную русскую летопись. В 1039 г . закончена постройка Софийского собора, и уже в этом году упоминается первый киевский митрополит Феопемт. Начиная с этого времени резко активизируется внешняя политика Древней Руси, быстро развиваются ее политические, экономические, культурные, династические (см. выше) связи со странами Запада. Она поддерживает регулярные контакты с папской курией, Польшей, Венгрией, Данией, Чехией, Скандинавскими странами, становится участницей крупных международных акций. Новый взлет междуна-

родных связей Киева относится ко времени правления Всеволода — Владимира Мономаха, чьи матримониальные связи охватывали буквально всю Европу. М.А. Алпатов справедливо отметил, что «в эту пору с днепровских круч Западная Европа была видна достаточно отчетливо». Но одновременно именно с конца 30-х годов XI в. нарастали острейшие противоречия между Киевом и Константинополем, вылившиеся в 1043 г . в кровопролитную войну между двумя странами.

Отношения между двумя государствами и прежде, в IX— X вв., складывались не просто. Парадоксальность этих отношений заключалась в том, что со времени известных нам противоборств русов с греками каждое новое военное предприятие, каждый новый мирный договор между ними был буквально пронизан вопросами политического престижа. Русь настойчиво старалась приблизиться по уровню своих политических претензий к политическим вершинам империи; Византия тщательно оберегала свое исключительное политическое положение в тогдашнем мире, держа Русь на почтительном расстоянии, как и другие «варварские» страны. Договоры Руси с греками, заключенные в 860, 907, 911, 944, 971, 987—989 гг., отражают весь драматизм этих отношений. Каждое такое политическое завоевание давалось с боя. Именно благодаря Византии, политическим, экономическим, культурным, религиозным, династическим связям с нею Русь могла восходить к вершинам международного политического признания. Но именно Византия в течение столетий свято оберегала это свое право, поступаясь политическими прерогативами лишь в крайних случаях, как это было во время походов русов на Константинополь в 860, 907, 941—943 гг., войны 970—971 гг., во время похода Владимира I на Херсонес в 989 г .

Конечно, во всех этих случаях дело вовсе не сводилось лишь к престижно-политическим вопросам. Острые противоречия между странами возникали на почве территориальных притязаний в пограничных регионах (Северное Причерноморье, Крым, Таманский полуостров, Нижнее Подунавье), в сфере торгово-экономической, в области церковно-политической (вопрос об организационных основах русской церкви и ее взаимоотношениях с константинопольским патриархатом), но во всех случаях неизменно присутствовала проблема греческой гегемонии и русского суверенитета, в которых как бы аккумулировались все остальные вопросы. И закономерно, что один из византийских историков, рассказавших о русско-греческой войне 1043 г ., Михаил Пселл в «хронографии» среди проблем, вечно разделяющих Русь и Византию, называет следующую: «Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами». И дело здесь не в конкретном политическом отношении Руси к Византии, не в борьбе против церковно-политической зависимости от Византии, а в широком историческом взаимоотношении двух стран. Стеснение прав русского купечества, убийство знатного руса, о чем сообщают греческие хроники, стали лишь поводом к войне. Говоря о беспричинности войны, Пселл пишет тем не менее о том, что русы «вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущей войне».

Мы лишь отметим, что назревание этой «беспричинной» вражды, затем обострившейся в результате конфликта между русами и греками в Византии, падает на истечение срока так называемого глубокого 50-летнего мира, который нередко заключали греки со своими противниками (существовали и 30-летние «глубокие» миры). Так, после похода 860 г . новый конфликт Руси и Византии произошел по истечении 47 лет, следующий — 34 лет. Русско-византийская война 970 г . возникла по прошествии 26 лет после Игорева договора, а война 1043 г . — по истечении 44 лет после соглашения, заключенного в Херсонесе Владимиром. И каждый раз на исходе действия срока такого мира отношения между странами обострялись: Русь, медленно, но верно, наступая и отступая, побеждая и терпя поражения, от договора к договору продвигалась вперед в своих политических, территориальных, экономических, церковно-политических, династических требованиях.

Взлет Руси в конце 30-х годов XI в. совпал с окончанием действия последнего мирного договора с Византией, заключенного в конце 80-х годов X в., и это, естественно, накаляло обстановку. Этот накал стал отражением общего хода развития отношений между двумя го-

сударствами в течение веков — глубоко противоречивого, порой драматичного. Наступила новая полоса обострения отношений между продолжающей набирать силу Русью и Византией; и это обострение не было снято ни последующим мирным договором 1046 г . между бывшими противниками, ни браком Всеволода Ярославича с византийской принцессой. Поступательный шаг Руси лишь высвечивал политическое высокомерие империи, ее раздражающую близость. Поставление в 1051 г . Ярославом без ведома константинопольской патриархии, а лишь «собравъ епископы», митрополитом русина Илариона лишь подчеркнуло общую ситуацию. К этому следует добавить и стремление русских властей канонизировать Владимира и тем самым еще раз подтвердить суверенитет и русской церкви, и русского государства, чему противился Константинополь.

Именно тогда, в 40-е годы XI в., на Руси впервые возникла концепция о закономерной связи Руси с мировой историей, с мировыми державами. Вся обстановка XI в. требовала создания таких государственно-идеологических концепций.

Представляется, что в «Слове» Илариона концепция о связи Руси с «мировыми державами» и трактовка Руси как наследницы Римского величия, Римского царства прозвучали совершенно слитно. Сквозь церковную фразеологию Иларион проводит мысль о равенстве и тождестве действий Владимира I с римскими апостолами. Если Рим хвалит «похвалными гласы» апостолов Петра и Павла; Азия, Эфес и Патмос — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка, то Русь славит и хвалит своего учителя и наставника великого кагана Владимира, внука старого Игоря, сына славного Святослава. Языческие князья и «русский апостол» Владимир объединяются здесь не случайно, так как они, правя Русью «въ своа лета», действовали храбро и мужественно, прославились во многих странах своими победами и крепостью духа. А далее следует патетический пассаж о Руси: «Не в худе бо и неведоме земли владычъствоваша, нь в Руськe, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли».

Как видим, о Византии в этом ряду нет ни слова, но Русь, Владимир сопоставлены с великими римскими вероучителями, а хвала Владимиру идет на фоне прославления подвигов его предков — языческих князей, не раз ставивших Византию на грань катастрофы, и это тоже нельзя признать случайным упоминанием.

Иларион сравнивает Владимира I с римским императором Константином Великим («подобниче великааго Коньстантина»), потому что киевский князь, как и он, утвердил веру во всей земле, а «не въ единомъ съборе». Как Константин со своей матерью Еленой принес свой крест из Иерусалима и утвердил веру в Римской империи, так и Владимир со своей «бабою» Ольгой принес крест «от нового Иерусалима» — града Константина и утвердил веру в Русской земле. Его дело продолжал сын — «благоверный каган» Ярослав, укрепивший силу и могущество Руси.

Следует обратить внимание и на такую антивизантийскую тенденцию «Слова» Илариона, как стремление подчеркнуть самостоятельность и независимость решения Владимира крестить Русь. Не Византия, не ее церковные иерархи побудили Русь к принятию христианства, хотя в действительности оно стало одним из условий межгосударственного соглашения Руси с Византией в 987 г ., а побуждение свыше, божественное озарение Владимира. В этой версии столь же мало религиозного, сколь и в версии о равнозначности Владимира первым римским апостолам, хотя вся фразеология чисто церковного свойства: «Приде на нь посещение всевышнаего, — пишет Иларион.— И си слыша, въжделъ сердцемъ».

Эта концепция совершенной самостоятельности решения Владимира принять новую веру лежит в общем русле отвержения византийского приоритета в столь важном для государства деле и апелляции к римским первоучителям. Здесь уже слышится настойчивая мысль о святости Владимира, его «блаженности», виден прозрачный намек на необходимость канонизации русского первокрестителя.

Не случайно Иларион называет и Владимира, и Ярослава Мудрого каганами, обращаясь к высокому титулу восточного происхождения, равному по своему значению титулу царя, и тем самым подчеркивая высокие политические претензии Руси XI в.

Таким образом, историю Руси, деятельность ее властителей Иларион рассматривает на широком, поистине всемирном фоне. В основе политических и религиозных импульсов Руси находятся римские образцы. Эти же идеи отражались в Древнейшем русском летописном своде, вошедшем составной частью в начальную русскую летопись. Думается, что эта близость русского летописания 30—50-х годов XI в. к кругу Илариона и определила ту идеологическую направленность, которую летопись сохранила применительно к пониманию места Руси в тогдашнем мире и ее соотношению с историей Рима и Византии. Иларион давал ответ на ключевые запросы времени, запросы развивающейся русской государственности.

Эту линию продолжил позднейший современник Илариона, другой видный автор XI в. Иаков Мних. В своей «Памяти и похвале Владимиру» он, как и Иларион, сравнивает Владимира с римским императором Константином, а Ольгу — с его матерью Еленой. Так же, как Иларион, Иаков Мних характеризует Владимира как «апостола», «господня апостола» «в князехъ», называет его в соответствии с явной тенденцией к канонизации «божественным» и «блаженным». Он, как и его предшественник, настаивает на абсолютной самостоятельности Владимира в принятии решения крестить Русь — «разгорешася святым духомъ».

Те же мотивы относительно княгини Ольги, Владимира мы видим в других произведениях XI в. Источником их также, видимо, является «Слово» Илариона и летописный рассказ о крещении Руси. В принадлежащем перу Нестора «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» Владимир также объявляется вторым Константином, самостоятельно принявшим решение крестить Русь.

Итак, все первые известные русские авторы едины в своей концепции преемственности Руси с «великими державами» и прежде всего с Римом, сопоставлении Владимира и Ольги с римскими первокрестителями-апостолами, императором Константином, императрицей Еленой. Создается впечатление, что, разделенные немногими годами, они черпали свое идейное оружие либо последовательно друг у друга вплоть до фразеологии, либо, как это предположили историки, и Иларион, и И. Мних, и Нестор пользовались Древнейшим сводом, восходящим, как уже отмечалось, к концу 30-х годов XI в. и принадлежащим, возможно, перу Илариона. Как бы там ни было, но задолго до «Повести временных лет» в Киеве уже существовала концепция о месте Руси в мировой истории и о связи русской церкви и русской государственности с «первым», но не со «вторым» Римом. И, конечно, неправ был Н.М. Карамзин, когда, характеризуя культурно-политические усилия Ярослава, записал, что великий князь стремился превратить Киев во «вторый Царьград». Нет, не о Царьграде грезили в то время русские государственные деятели, идеологи; их волновали более значительные политические мотивы, более древние и глубокие мировые связи.

В полной мере эта тенденция проявилась через несколько десятилетий в «Повести временных лет», вобравшей в себя все ранние русские письменные источники. «Повесть временных лет» не изменила уже сложившейся идеологической традиции прошлого. Она лишь развила, обогатила, укрепила ее.

С именем Илариона связан и первый церковный Устав Ярослава, т.е. система церковной юрисдикции, отнесение к ведомству церкви ряда дел, связанных с семейным и брачным правом. Это были нормы, которые помогали формированию семьи, укреплению моногамии в противовес языческому многоженству, освещению частной собственности, повышению авторитета центральной власти. Устав вводил запрет на умыкание невест, защищал честь девушки, строго наказывал родителей за принуждение детей к вступлению в брак. Новый церковный судебник защищал честь женщины, давал ей более широкое представительство в суде. Церковь выступала в Уставе защитником христианской нравственности, призывала к гуманизму, умеряла жестокости тех ранних веков русской истории.

В 1051 г . на общем собрании русских епископов Иларион был избран митрополитом. Он покинул свою пещеру, и она некоторое время пустовала. Но затем в ней появился новый отшельник. Это был монах Антоний.

Еще молодым человеком некто Антипа родом из Любеча побывал в Византии в знаменитом своей святостью и премудростью монастыре на горе Афон. Там он принял монаше-

ский постриг и под именем Антония вернулся на родину с твердым намерением продолжить служение христианской вере и содействовать распространению монашества. Антоний поселился в покинутой Иларионом пещере на крутом берегу Днепра, проводя дни и ночи в молитве. Питался он черствым хлебом, который запивал ключевой водой. Слава о святости и подвижничестве Антония быстро распространилась по округе, и к пещере началось паломничество. Люди приносили отшельнику пищу, просили благословения. Приходил к святому угоднику и великий князь Ярослав, а позднее сменивший его на престоле старший сын Изяслав Ярославич.

Вскоре около Антония собрался круг отшельников, которые, выкопав большую пещеру, поселились в ней. Это было начало Печерского (от слова «печора» — пещера) монастыря. Монахи добывали собственным трудом пропитание, проводили время в молитвах. Все новые и новые верующие приходили в монастырь. Антоний же ушел из начавшей жизнь обители, выкопал себе новую пещеру, где продолжал жить в уединении до самой смерти, прожив в пещере около 40 лет.

Печерский монастырь продолжал расти, отстраиваться. Монахи перебрались из пещер в кельи, появились церкви. Монастырь завел большое собственное хозяйство, где применялся труд зависимых людей. Ему уже принадлежали окружающие земли, подаренные монастырю великим князем. Слава монастыря особенно возросла, когда его игуменом стал отец Феодосии.

Феодосии отличался ревностным благочестием, глубокой верой в Бога, в христианское учение. В то же время он выделялся твердостью характера, нетерпимостью к инакомыслию. Юношей он ушел из богатого дома в Курске и стал вести отшельнический и подвижнический образ жизни. Никакие уговоры матери, угрозы, попытки посадить его под домашний арест не имели успеха. Как только Феодосии выходил на волю, он сразу же превращался в религиозного пилигрима; одетый в лохмотья и питаясь подаянием, он бродил по Руси. Его появление в пещере Антония было закономерным итогом его странствий и идеалов.

При игумене Феодосии Печерский монастырь стал сильной церковной, мощной хозяйственной организацией, он приобрел большой общественный вес. Феодосии выступал за единство Руси, против влияния «латинства», т.е. западной церкви. Великие князья считались с авторитетом игумена. Уходя на войну, князь и воеводы просили благословения святого отца.

Такие религиозные подвижники, как Антоний и Феодосии, становились со временем гордостью русской церкви. Из их среды и формировался первый состав русских святых.

Ярослав Мудрый вошел в русскую историю не только как крупный государственный деятель. Он показал себя и как человек, сумевший преодолеть самого себя. Не обладая физической силой, будучи хромым, Ярослав был смелым воином и бесстрашно вел войско в бой. Родившись еще в языческой среде, он стал истым христианином. Отодвинутый историей на задворки, являясь всего лишь четвертым сыном Владимира, он сумел пробиться к великокняжескому престолу и сохранить его в течение почти тридцати пяти лет. Имея полуграмотного язычника-отца и мать, которую Владимир вскоре вместе с детьми отослал из Киева и заставил жить в глуши, он стал одним из образованнейших людей своего времени.

Великий князь в то же время показал себя человеком исключительно разносторонним.

Ярослав остался в истории как крупный градостроитель. При нем в Киеве был построен новый «Ярославов город» и Киев намного расширил свои пределы. Были воздвигнуты многочисленные церкви. В то время в Киеве уже числилось около 400 церквей. В честь побед над врагами Ярослав выстроил так называемые «Золотые ворота», поражавшие иностранцев своим великолепием. Его строительный размах выходил далеко за пределы русской столицы. Он основывал города на Волге и берегах Балтики, на южных границах Руси. Мы уже упоминали и Ярославль, и Юрьев.

Великий князь был ревностным поборником образования, открытия школ, развития грамотности. При нем были созданы первые библиотеки, получила признание и поддержку

переводческая деятельность. Многие книги древних авторов, сочинения византийских отцов церкви и историков были переведены на славянский язык.

Сам Ярослав любил беседовать со знающими и грамотными людьми, охотно встречался со священнослужителями, вел с ними долгие разговоры на богословские темы. Его не случайно называли «Книгочеем» и «Мудрым».

Ярослав Мудрый умер в 1054 г . на 76-м году жизни в ореоле русской и международной славы, почитаемый тогдашним древнерусским обществом, любимый своими многочисленными сыновьями и дочерьми. Перед смертью он сам разделил русскую землю между сыновьями, оставил свой престол старшему сыну Изяславу и наказал остальным не вступаться во владения других братьев.

Вторым по значению становился князь, получивший в управление Чернигов, третьим — Переяславль; были поделены и другие стольные города. За каждым из них стояла округа с другими городами и селами.

Кажется, теперь была выработана новая и прочная система единства Руси — передача великокняжеской власти по старшинству. Старший в роду становился великим князем. Наследие по прямой линии отступило перед патриархальным, чисто семейным принципом. Однако и такой подход к престолонаследию имел свои серьезные изъяны. Великие князья старались передать свой престол не старшим после них братьям, а своему старшему сыну. К тому же передвижение князей из владения во владение по старшинству не всегда совпадало с желанием населения, что порождало острые общественные конфликты. Наконец, пока были живы сыновья Ярослава, все было ясно. Но после их смерти старший в роду порой вовсе не являлся сыном великого князя. Династия дробилась, что создавало невероятно запутанные ситуации с наследием великокняжеского престола.

А пока же Русь хоронила Ярослава Мудрого, которого Иларион назвал «великим каганом». Ярослава похоронили в его любимом Софийском соборе, на стене которого была сделана многозначительная надпись о смерти «царя нашего». Впервые царский титул прозвучал в применении к русскому властелину.

§ 6. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия

С начала X до середины XI столетия Русь развивалась в сравнительно благоприятных условиях. Создание мощного государства, объединившего большинство восточнославянских земель и, в первую очередь, Среднее Поднепровье во главе с Киевом и Северо-Западную Русь во главе с Новгородом, способствовало освобождению части восточнославянских земель из-под власти хазар. Укрепилась оборона границ. За Русью были прочно закреплены спорные с Польшей «Червенские города». Активизировалось наступление Руси на юго-западе, западе, юго-востоке, временами границы Руси подходили к Дунаю. Хазария была сокрушена, а русские поселения появились на Дону и Таманском полуострове.

Стабилизировалась экономика страны, осваивались новые пахотные земли, совершенствовалось земледелие, развивались ремесла, торговые связи внутри страны и с ближайшими зарубежными соседями, появлялись новые городские центры, а многие старые города быстро набирали силу.

Складывающаяся государственная власть способствовала всем этим переменам. В свою очередь прогрессивное развитие страны содействовало стабилизации власти, ее развитию и совершенствованию в связи с запросами времени.

В XI в. во главе Руси, как и прежде, стояли великие киевские князья, которые были уже не первыми среди других князей, а полноправными правителями страны. Прежних мужей племенных княжений именовали боярами. Они составляли верхушку дружинного слоя, старейшую дружину. Низшим слоем была младшая («молодшая») дружина, где состояли люди менее знатные, более молодые. Но и те и другие являлись слугами великого князя. Они

исполняли его различные поручения — в военном деле, управлении страной, суде и расправе, сборе даней и податей, в области дипломатических отношений с другими государствами.

В услужении князя были и личные слуги, личная дружина, так называемые отроки и детские. Все они были членами младшей дружины и в то же время оказывали различные услуги как в великокняжеском дворце, так и в княжеских делах. Дружины старшая и младшая, прежде выполнявшие чисто военные функции, с конца X в. и в течение всего XI в. все более сливаются с аппаратом управления, превращаясь в рычаг государственной власти.

В городах князь опирался на бояр-посадников, в армии — на воевод, тысяцких, которые также являлись, как правило, представителями видных боярских родов. Так, воеводой был известный боярин Вышата, который командовал пешим русским войском во время русско-византийской войны 1043 г . Позднее воеводой стал и его сын Ян Вышатич.

Сам же великий князь пользовался большой властью. Он руководил войском, организовывал оборону страны и направлял все завоевательные походы, нередко как верховный военачальник шел впереди своего войска. Великий князь руководил всей системой управления страной и судопроизводством. Его власть была разнообразной и комплексной. И чем больше распадались, исчезали остатки старого родоплеменного строя, тем более возрастала роль великого князя и его аппарата управления в центре и на местах.

В чьих интересах действовал князь? Конечно, прежде всего он выражал интересы верхушки общества — бояр, младших дружинников, богатого купечества, духовенства. Эти люди, эти слои были наиболее близки к княжеской власти, были прежде всего заинтересованы в ней для защиты своих привилегий и доходов. Но эти люди были одновременно наиболее жизнеспособной, динамичной частью общества. Его прогресс осуществлялся в основном их организаторскими усилиями, их личными способностями. Поэтому их союз с властью был естественным и закономерным.

В то же время княжеская власть выражала интересы всего общества в целом, так как осуществляла оборону страны от иноземных вторжений, поддерживала порядок внутри страны, карала за уголовные преступления, насилие против личности, защищала права собственности, на которых держалось и прогрессировало общество. К тому же, несмотря на развитие в обществе социальной розни, в нем еще четко не обозначились отдельные классы, социальные слои. Основная часть общества состояла из лично свободных людей, и княжеская власть выражала их интересы в целом.

На Руси XI—XII вв. одновременно сохранялось еще немало остатков старого строя. Так, в городах при решении важнейших вопросов традиционно собиралось вече, куда приходили все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого князя или его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств. Вече были продолжением старых народных собраний. И хотя на них заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты. Судебные разбирательства в сельской местности производились непременно в присутствии представителей местных крестьянских общин. А это тоже говорило о сильных корнях родо-племенного быта.

Да и в самой великокняжеской власти, в порядке ее передачи от одного властелина к другому не было еще стройности и четкого порядка: несмотря на завещание Ярослава власть в период XI—XII вв. передавалась и по старшинству, и по завещанию, и по наследованию от отца к сыну, и благодаря призванию князя жителями того или иного города — центра княжества. Порой княжеская власть захватывалась и надолго удерживалась силой. Все это свидетельствовало об отсутствии прочного и строгого ее регламентирования, говорило о переходном неустойчивом характере всего общества.

И все же государственная власть в XI—XII вв. значительно отличалась от первых лет правления Олега и Игоря.

Именно в этих условиях прежние качественные изменения, происходившие внутри родоплеменных отношений, привели к дальнейшему развитию всего строя русской жизни.

Прежде всего все большую ценность приобретала в глазах общества земля с работающим на ней населением. Обладание такими землями сулило получение больших для того

времени доходов, усиление личного богатства, мощи, процветания, политической власти, к чему постоянно стремились люди, не только имевшие объективные возможности для этого (княжеская, боярско-дружинная среда, зарождающееся духовенство, богатые верхи городов), но и наделенные от природы определенными свойствами характера — энергией, напористостью, умением быстро ориентироваться в обстановке, способностями к получению знаний, честолюбием, хитростью, жестокостью.

Первым этапом подчинения князем, боярами, дружинниками населения, работающего на земле, было, как уже говорилось выше, полюдье, а позднее регулярный и упорядоченный сбор дани с подвластного населения. Лично люди были еще свободны, но они уже попадали в определенную зависимость от государственной власти.

Дань являлась первой известной на Руси формой зависимости населения от государства. Облагались ею и вновь завоеванные и присоединенные к Киеву княжества, и собственное население — свободные жители сельских общин. Все эти земли превращались в даннические, а жившие на них люди — в данников. Происходило так называемое окняжение подвластных земель великому князю, государству, так как получаемые дани шли на нужды не только князя, но и всего складывающегося государства. Государство тем самым утверждало свою верховную собственность на все подвластные земли. Таким образом, политические права на территорию выражались в притязаниях чисто хозяйственных.

Основу принципа обложения данью составляло наличие в крестьянском хозяйстве пахотной земли. Земля — вот что было главным объектом обложения, земля и хозяйствующий на ней крестьянин.

Одновременно с установлением власти великого киевского князя над всеми восточнославянскими землями шел и другой процесс, о котором уже говорилось выше и который начался еще в период «военной демократии»: обогащение одних и обеднение других, появление в общине богатых землевладельцев и людей, потерявших землю, нищенствующих, вынужденных идти на работу к своим разбогатевшим соседям.

К середине XI в. этот процесс продвинулся далеко вперед. На огромных пространствах Руси, но особенно ощутимо в Среднем Поднепровье, в новгородских землях все чаще земли попадают в частные руки. Первыми здесь, конечно, были великие князья, представители княжеской семьи. Пользуясь силой, влиянием, они в одних случаях откровенно присваивали себе общинные земли, в других — «сажали» на свободные земли пленных и превращали их в своих работников, строили в личных владениях хозяйственные дворы, собственные хоромы, охотничьи дома, поселяли в этих местах своих управителей, начинали организовывать здесь собственное хозяйство. С ужасом и страхом смотрели рядовые свободные общинники, связанные ранее с князем, с государством лишь тонкой ниточкой ежегодной дани, как все плотнее окружают их владения княжеские земли, как в княжеское хозяйство переходят лучшие пахотные участки, луга, леса, озера, рыбные ловли; как многие из них, обедневшие и не могущие вести собственное хозяйство, оказываются под покровительством князя и превращаются в зависимых от него работников.

Создается, как и в других странах Европы, княжеский домен, т.е. комплекс населенных земель, принадлежащих непосредственно главе государства, главе династии. Такие же владения появляются у братьев великого князя, у его жены, у других княжеских родственников. В XI в. таких владений было еще не много, но их возникновение знаменовало наступление новых порядков, основанных на зарождении земельной собственности и появлении зависимых людей, живущих и работающих на земле, принадлежащей уже не им, а господину.

К этому же времени относится образование собственных земельных владений, личных больших хозяйств бояр и дружинников. Как складывались первые такие земельные приобретения богатой родоплеменной верхушки, мы показали выше. Теперь же, с созданием единого государства в руках близких к князю бояр, старшей дружины, а также рядовых или младших дружинников, бывших оплотом военной силы князей, появилось больше возмож-

ностей для присвоения как населенных крестьянами земель, так и пустующих участков, которые, заселив, можно было быстро превратить в процветающие хозяйства.

Одним из путей обогащения древнерусской верхушки стало предоставление великими князьями в первую очередь местным князьям, а также боярам права на сбор дани с тех или иных земель. Мы помним, что свою дань с древлян собирал видный деятель времен князей Святослава, Игоря и Ольги, знаменитый воевода Свенельд. Эти земли с правом сбора с них дани давались князьям и боярам как бы в кормление. Это было средством их содержания и обогащения. Позднее в разряд таких «кормлений» перешли и города. А далее вассалы великого князя передавали часть этих «кормлений» уже своим вассалам, из числа собственных дружинников. Так зарождалась система феодальной иерархии. Слово «феод» (от лат. «feodum») означает наследственное земельное владение, которое сеньор жаловал своему вассалу за разного рода службу (военное дело, участие в управлении, судопроизводстве и т.д.). Поэтому одной из главных черт феодализма как системы является наличие отношений между сеньором и вассалом на многих уровнях. Такая система как раз и зарождалась на Руси в XI—XII вв. В это время появляются первые вотчины бояр, воевод, посадников, старших дружинников.

Вотчиной (или «отчиной») называлось земельное владение, хозяйственный комплекс, принадлежащие владельцу на правах полной наследственной собственности. Однако верховная собственность на это владение принадлежала великому князю, который мог вотчину пожаловать, но мог и отнять ее у владельца за преступления против власти и передать ее другому лицу. К концу XI—XII в. многие младшие дружинники также обзаводятся своими земельными владениями.

С XI в. отмечены и появления церковных земельных владений. Великие князья предоставляли эти владения высшим иерархам церкви — митрополиту, епископам, монастырям, церквам.

С течением времени правители стали жаловать своим вассалам не только право владения землей, но и право суда на подвластной территории. По существу, населенные земли попадали под полное влияние своих господ — вассалов великого князя, которые затем жаловали часть этих земель и часть прав на них уже своим вассалам. Выстраивалась эдакая пирамида власти, в основе которой лежал труд работающих на земле крестьян, а также живущего в городах ремесленного люда.

Но по-прежнему на Руси многие земли оставались еще вне притязаний феодальных владельцев. В XI в. эта система лишь появлялась. Огромные пространства были заселены свободными людьми, жившими в так называемых волостях, над которыми был лишь один хозяин — сам великий князь как глава государства. И таких свободных крестьян-смердов, ремесленников, торговцев было в то время в стране большинство.

Что представляло собой феодальное хозяйство какого-нибудь крупного боярина, который сам жил на своем богатом дворе в Киеве, находился на службе близ самого великого князя и лишь изредка наезжал в свои сельские владения?

Деревни, населенные крестьянами, пахотные земли, луга, огороды самих крестьян, хозяйственные земли, принадлежащие владельцу всей этой округи, в состав которых также входили поля, луга, рыбные ловли, бортные леса, сады, огороды, охотничьи угодья, — все это составляло хозяйственный комплекс вотчины. В центре владений находился господский двор с жилыми и хозяйственными постройками. Здесь были хоромы боярина, где он жил во время приезда в свою вотчину. Княжеские и боярские хоромы как в городах, так и в сельской местности состояли из терема (высокого деревянного здания-башни), где находились отапливаемое помещение — изба, «истобка», а также холодные горницы-повалуши, летние спальни-клети. Сени соединяли избу и летние неотапливаемые помещения, примыкающие к терему. В богатых хоромах, в том числе в княжеских дворцах, на городских боярских дворах была еще гридница — большая парадная горница, где хозяин собирался со своей дружиной. Иногда для гридницы строилось отдельное помещение. Хоромы не всегда представляли со-

бой один дом, нередко это был целый комплекс отдельных зданий, соединенных переходами, сенями.

Дворы богатых людей в городах и в сельской местности были окружены каменными или деревянными оградами с могучими воротами. На дворе же находились жилища господского управителя — огнищанина (от слова «огнище» — очаг), тиуна (ключника; кладовщика), конюхов, сельских и ратайных (от слова «орать» — пахать) старост и других людей, входящих в состав управления вотчины. Неподалеку располагались кладовые, зерновые ямы, амбары, ледники, погребы, медуши. В них хранились зерно, мясо, мед, вино, овощи другие продукты, а также «тяжкий товар» — железо, медь изделия из металла. В хозяйственный сельский комплекс вотчины входили поварня, скотный двор, конюшня, кузниица склады дров, гумно, ток.

От конца XI в. до нас доходят сведения о княжеских и боярских замках, которые представляют собой центры вотчинных владений и являются настоящими крепостями, напоминающими английские и французские баронские земли. Одним из таких замков, который принадлежал внуку Ярослава Мудрого князю Владимиру Мономаху, тогдашнему черниговскому князю, был знаменитый Любечский замок, исследованный и воссозданный в макете академиком Б.А. Рыбаковым.

Замок стоял на высокой горе близ старинного города Любеча, бывшего одной из ключевых крепостей в верховьях Днепра. Несколько месяцев строил князь свой замок. Он прислал сюда лучших каменщиков, плотников, кузнецов из своих сел и городов. Тяжкой повинностью легло строительство замка на любечан. От них требовались телеги с лошадьми, землекопы и другие работники. Надзор за строительством князь поручил своему любечскому огнищанину.

Все строительство размещалось на площади в тридцать пять на сто сажен с небольшим (одна сажень = 2,1 м). Стены любечского замка состояли из огромных дубовых бревен, которые укладывались в могучие срубы и забивались глиной. Эту глину притискивали к стенам тяжелыми колодками, которые едва поднимали четверо человек. Между срубами вкапывали в землю сторожевые башни из камня и дубовых бревен.

Въехать или войти на гору можно было лишь по крутому подъему, обращенному в сторону города. Здесь-то и были построены въездные ворота, перед которыми через ров строители перекинули подъемный деревянный мост. За воротами въездной башни шел узкий проезд вверх, огороженный с обеих сторон поднимающейся уступами крепостной стеной. А дальше шли главные ворота крепости и начиналась основная крепостная стена. Если бы враги сумели овладеть первыми воротами и ворваться внутрь прохода, им пришлось бы продвигаться к основным воротам крепости под ударами обороняющихся, которые располагались на уступах стены по обеим сторонам прохода, а дальше они наткнулись бы на могучие бревна основной стены.

Следующие ворота с двумя башнями, стоящими по бокам от них, пройти тоже было непросто. Выход внутрь замка шел через глубокий и длинный крытый проход с тремя заслонами, каждый из которых, опускаясь, мог преградить путь врагам. Проход кончался небольшим двориком, где размещалась замковая стража. Отсюда был ход на стены. На этом дворике располагались каморки с очагами для обогрева стражи в холодное время. В стенах, огораживающих дворик, было прорезано множество отверстий — клетей, в которых хранились различные съестные припасы — вяленая и сушеная рыба, мед, вина, зерно, крупы. В глубине дворика стражи стояла самая высокая, массивная четырехъярусная башня замка — вежа. Если бы враг все-таки прорвался через замковую стражу, ему пришлось бы миновать на пути к княжескому дворцу эту башню. В ее глубоких подвалах располагались ямы — хранилища зерна и воды. Только миновав вежу, можно было попасть к клетям с едой, заделанным в стене, только через нее шел путь внутрь замка. Именно в этой башне жил огнищанин — управляющий замка. За вежей шел парадный двор, ведущий к княжеским хоромам. На этом дворе стоял шатер для дворцовой стражи. Отсюда же был проложен тайный спуск к стене.

Сам дворец князя весьма походил на настоящую крепость. Он был трехъярусный, с тремя высокими теремами. В нижнем ярусе находились печи, жилье для челяди, клети для всяких запасов. Во втором ярусе располагались княжеские хоромы. Здесь были выстроены широкие сени для летних сборов и пиров, рядом находилась гридница, где могли поместиться за столами до ста человек. Около дворца была срублена небольшая церковь с кровлей, крытой свинцовыми листами. С плоских крыш дворца можно было по бревенчатым скатам спуститься прямо на подходящие вплотную замковые стены.

Замок был приспособлен для мощной и долговременной обороны. Вдоль его стен, кроме клетей с припасами, стояли вкопанные в землю медные котлы для горячей смолы, кипятка, которые опрокидывали на врагов, идущих на приступ стен крепости. Из дворца, из церкви, а также от одной из клетей в стене шли подземные ходы, уводившие в стороны от замка. В тяжкий час по этим глубоким, скрытым от неприятеля ходам можно было тайно покинуть замок.

В таком замке его хозяин и 200—250 человек защитников могли продержаться только на своих припасах более года.

А за стенами замка шумел многолюдный город, где жили торговцы и ремесленники, холопы, разная челядь, стояли церкви, кипел торг. Здесь было все, что нужно, для существования княжеской семьи, если бы ей потребовалось укрыться в Любече, в своем родовом гнезде.

Феодальное владение, кроме своей вассальной подчиненности, имело еще одну характерную черту. Оно было неотделимо от труда зависимого населения. На господской земле, будь это земли князя, бояр, дружинников, церковных собственников, трудились жители сел и деревень, на которые распространялась

владельческая власть феодала. За право пользоваться собственными участками пахотной земли, лугами, лесами, реками, которые были отданы великим князем своему вассалу со всеми правами на эти территории, они должны были платить владельцу земли определенные платежи натурой. Дело в том, что торговое и денежное обращение в сельской местности было еще не развито и хозяйство являлось натуральным, т.е. оно потребляло в основном то, что производило. Вот эту «натуру» — зерно, пушнину, мед, воск и другие продукты жители и должны были предоставлять в виде платежей своему господину. Они также обязаны были исполнять подводную повинность — предоставлять по требованию господина телеги летом и сани зимой, запряженные лошадьми, исполнять различные работы, связанные с починкой дорог, мостов и т.д. Все обязанности, которые ранее население выполняло на великого князя, на государство, теперь выполнялись на нового господина — боярина, дружинника, церковь, монастырь.

Но оставались и общегосударственные поборы и повинности.

Постепенно в сельской местности появлялся слой людей, которые по различным причинам (неурожай, засуха, военные разорения) теряли собственное хозяйство и либо за взятые у господина в долг деньги, либо за помощь в поддержании своего пошатнувшегося хозяйства (ссуда семенами, предоставление тяглого или молочного скота) обязывались выполнять сельские работы на своего господина — обрабатывать землю, косить сено, собирать урожай, ухаживать за скотом, выполнять другие работы. Такие люди назывались «рядовичами», так как заключали с хозяином «ряд» — договор, или «закупами», так как брали у хозяина «купу» — долг. Они не могли уйти от господина ранее, чем выполнят условия договора.

На господской земле трудились и пленники, отрабатывавшие свой выкуп, «наймиты», нанимавшиеся за плату; на Церковных землях трудились «прощеники» — те, кому были прощены их долги или преступления, или те, кого церковные организации выкупали у государства, скажем, воров, заплатив за них необходимые штрафы.

Наиболее неполноправными людьми как в городе, так и в сельской местности были холопы, о которых уже шла речь выше; в XI—XII вв. их стали привлекать к сельским работам, «сажать» на землю и заставлять работать на своего господина. Холопами становились все больше и больше людей: свободный человек мог продать себя в холопы от великой нуж-

ды; он превращался в холопа, если женился на холопке, заранее не оговорив свою свободу; если поступал на службу к господину без специального договора. Холопами становились также дети холопов; проворовавшиеся и нарушившие договор «рядовичи» и «закупы»; в состав холопов попадали и пленники. Сельские усадьбы и городские дворы светской и духовной знати были полны такими людьми, которые исполняли многие работы по дому и в поле. И все же русские холопы отличались от рабов в античном мире. Они имели кое-какие права. Их убийство каралось законом. Иногда, в случае отсутствия иных свидетелей, холопы могли давать показания в суде. Церковь стремилась смягчить бесправное положение холопов, что ей и удалось сделать к концу XI— началу XII в.

Новые явления в хозяйственной жизни страны, в становлении новых отношений между людьми нашли отражение в развитии городской жизни на Руси.

Города у восточных славян зародились задолго до возникновения единого государства. Но поначалу это были либо центры племенных княжений, либо места, где стояли языческие боги и находились языческие капища, где славяне-язычники внимали своим жрецам — волхвам и приносили жертвы Перуну. Уже в это время зарождались города как центры наиболее оживленного торгового обмена и ремесленного производства, как укрепленные «детинцы» (замки), стоящие в неприступных для врагов местах — на высоких горах, речных кручах, куда население близлежащей округи сбегалось в случае нашествия врагов.

По мере развития хозяйственной жизни на Руси, совершенствования ремесла, торговли, сельского хозяйства, по мере создания единого государства и затухания прежних родоплеменных порядков городская жизнь стала заметно меняться. Зачахли прежние городки, где жила племенная знать. Так случилось с центром древлянских земель городом Искоростенем, который еще во времена Игоря и Ольги политически соперничал с Киевом. С принятием христианства многие священные языческие места оказались в запустении, а люди, селившиеся вокруг них и обслуживавшие потребности жрецов и верующих, разбрелись по другим краям. Зато набирали силу города, которые стояли на оживленных торговых путях, где оседали купцы, куда тянулись ремесленники, стремящиеся выгодно продать свои изделия.

Однако наибольшую экономическую мощь, богатство, известность приобрели города, которые сочетали в себе целый комплекс наиболее важных городских черт. Они были политическими и административными центрами. Там жили князь, его бояре, размещалась княжеская дружина. Там князь со своими помощниками правил суд, отсюда управлял подвластными землями. Одновременно города росли и расширялись как торговые и ремесленные центры. Здесь же сосредоточивалась религиозная жизнь, стояли наиболее важные храмы княжества, жили и исправляли свои христианские службы митрополит и епископы, стояли крупные монастыри.

В то же время эти города, как правило, занимали весьма выгодные военно-стратегические позиции. Они заключали в себе качества неприступных замков-крепостей, но масштабы их были неизмеримо больше. Такие города были и центрами культуры. В них расцветало искусство, создавались летописи, организовывались библиотеки. Все это с самого начала формирования крупных городов Руси и определяло городскую жизнь.

Точно так же возникали известные города Западной Европы. Однако развитие их городской жизни определялось еще одной весьма важной чертой, которой не знала Русь. Многие западные города возникали на месте старых римских городских поселений или римских крепостей. Таким центром римского владычества в Британии был, например, Лондон. В таких центрах сосредоточивалось наиболее подготовленное в хозяйственном отношении население, наиболее грамотные люди, военные, юристы. С переходом римских городских центров под власть варваров весь экономический и культурный потенциал этих городов был поставлен на службу новым властям. И хотя варвары в ходе завоеваний, грабежей, разрушений значительно затормозили городскую жизнь прежнего римского общества, все же со временем эта жизнь, даже то, что от нее осталось, вошла в плоть и кровь наиболее крупных западных городских Центров — таких как Лондон в Англии, Кельн в Германии, Арль, Мар-

сель во Франции и, конечно, многие города на территории Италии, включая последнюю столицу Римской империи город Равенну, да и сам «вечный город» Рим.

Русь не имела этого великолепного наследства и питалась в основном лишь собственными силами, что во многом замедляло русскую городскую жизнь по сравнению с ведущими странами Запада. Но все же города на Руси возникли ранее, чем в ряде стран Восточной Европы, скажем, в Венгрии, Польше, Скандинавии (Швеции и Норвегии).

IX век, время складывания государства на Руси, изЖивания родоплеменных отношений, стал и рубежом появления всех наиболее крупных древнерусских городов. В X — начале XI в. на Руси насчитывалось уже около 30 крупных городских центров с укрепленными «детинцами», кремлями, площадь которых была свыше 2,5 га . В середине XI — первой половине XII в. таких городов было уже 42, а к середине XIII в. — 62. Среди них выделялись те, которые обладали всеми характерными чертами городской жизни, — Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Суздаль, Ростов, Ладога, Любеч, Переяславль, Перемышль и др. Все они сложились, как крупные городские центры, именно в IX—X вв., т.е. в период укрепления и развития экономики восточнославянских земель, становления восточнославянской государственности. Все они были обнесены мощными стенами, имели сложную систему укреплений, являлись княжескими резиденциями. Там были княжеские дворцы, административные постройки. Сюда свозились дани, военные контрибуции. Здесь князь творил «суд и расправу», здесь собирались судебные и торговые пошлины. В городах стояли дворы знати, привилегированных богатых горожан.

Значительную часть жителей городов составлял различный торговый люд — от богатых купцов, «гостей», ведущих торговлю с другими странами, до мелких торговцев-разносчиков. В городах зарождались купеческие объединения, имевшие свои уставы, общие денежные фонды, из которых оказывалась помощь купцам, попавшим в беду.

В Киеве, Новгороде, Чернигове, других крупных городах Руси находились дворы иноземных купцов. Существовали целые районы, где жили торговцы из Хазарии, Польши, Скандинавских стран. Большую общину составляли купцы и ростовщики армяне и евреи, в руках которых был значительный торговый и ростовщический капитал. Еврейское купечество, пользуясь своими постоянными контактами с сородичами и партнерами-единоверцами в других странах, связывало русские торговые центры не только с ближними, но и с отдаленными частями Европы, включая Англию и Испанию. Армянские купцы осуществляли торговые связи Руси со странами Кавказа и Передней Азии. Немало в русских городах было и торговцев из Волжской Булгарии, стран Востока — Персии, Хорезма и др. И русские купцы были желанными гостями на рынках Константинополя и Кракова, Ренсбурга и Будапешта, в Скандинавии, в прибалтийских и немецких землях. В Константинополе существовало русское подворье, где постоянно останавливались торговцы из Руси. Зная задиристость русских купцов и сопровождавшей охраны, их буйный нрав, византийские власти одновременно допускали в город не более пятидесяти человек, тщательно следя за тем, чтобы с ними не было оружия.

По многим большим и малым городам Руси шумели торги. По широким степным шляхам, по тенистым лесным дорогам, в зимнюю стужу — по ледяной глади замерзших рек к крепостным воротам русских городов тянулись нескончаемые купеческие караваны. В Новгород, вокруг которого было мало плодородных земель, шли возы с зерном; с юга, из Волыни, по всем русским городам везли соль. С севера на юг шла рыба всех видов. Из Киева, Новгорода и других больших городов коробейники развозили по весям и градам изделия искусных ремесленников. В окрестные страны русские «гости» везли воск, скору (пушнину), льняное полотно, разные поделки из серебра, знаменитые русские кольчуги, кожи, пряслица, замки, бронзовые зеркальца, изделия из кости. Нередко вместе с караванами купцы гнали на продажу и челядь — захваченных русскими дружинами во время военных походов пленников, которые высоко ценились на невольничьих рынках Херсонеса, Булгара, Константинополя.

На Русь же отовсюду иноземные купцы везли свои товары: из Византии — дорогие ткани, оружие, церковную утварь, драгоценные камни, золотые и серебряные утварь и украшения; из стран Кавказа, Персии, Прикаспия — благовония и пряности, бисер, который так ценили русские женщины, и вино; из Фландрии — тонкие сукна. Торговали русские купцы с прирейнскими городами, венгерскими, чешскими, польскими землями, откуда шли изделия из металла, а также оружие, вина, кони. Большие мыта (пошлины) собирали с этой разнообразной торговли как великие киевские князья, так и местные. В торговых делах участвовали и представители княжеских домов: они либо доверяли свои товары купцам, либо имели своих торговых представителей в многочисленных торговых караванах, которые под усиленной охраной шли из русских земель во все концы света.

Каждый город был к тому же центром торговли всей близлежащей округи. К нему тянулись ремесленники из окрестных городков и смерды из сельской местности, чтобы продать плоды своих трудов, купить что-либо необходимое в хозяйстве.

В Киеве главный торг располагался на Подоле, под горой, у впадения реки Почайны в Днепр. У причалов Почайны белели паруса многочисленных кораблей, сновали лодки-однодеревки. В торговых рядах сидели греки и болгары, евреи и поляки, немцы и чехи, армяне и арабы, варяги и скандинавы. Товары лежали на причалах и в амбарах, ими были завалены лавки на площадях Красной и Житной, на улицах, идущих от воды вверх по Подолу. На жердях купцы с севера развешивали песцовые, собольи, куньи меха, греки и арабы развертывали паволоки (дорогие ткани), прямо на земле, на тряпицах раскладывали драгоценные камни, браслеты, ожерелья.

Весь торг был заполнен изделиями киевских умельцев. Сияла на солнце посуда из серебра, отделанная чеканным узором, радовали глаз тисненые серебряные колты (подвески к серьгам), золотые украшения с перегородчатой эмалью, украшенные тончайшей сканью серьги, изделия из черненого серебра. Рядами стояли гончарные поделки — кувшины, черпаки, амфоры, корчаги. Сюда же приносили труды своих рук кожевенники и кузнецы, косторезы и плотники, прочий ремесленный люд, чьи слободы, состоящие из рубленых деревянных изб, глинобитных домиков, полуземлянок, сплошным муравейником спускались вдоль склонов Старокиевской горы к берегам Днепра и Почайны. Сотни ремесленных профессий давали на рынки русских городов самую разнообразную продукцию.

На рынках Руси звенели различные монеты. Здесь были и собственной чеканки серебряные гривны и куны, и арабские диргемы, и византийские золотые номисмы, и немецкие талеры. Но в северной глуши и на степном юге, как и в старину, еще использовали в качестве денежных единиц шкурки ценных зверей, скот. Недаром ведь деньги на Руси с древности назывались кунами, т.е. мехом куниц, что говорило о том времени, когда не металл, а пушнина была в этих краях денежным эквивалентом.

Описание древнерусского города было бы неполным, если бы мы не упомянули о находящихся там храмах и монастырях. В каждом городе стояли свои главные городские соборы. В Киеве это были сначала Десятинная церковь, а потом храм Святой Софии, в Чернигове — храм Спаса, в Новгороде — также по киевскому образцу — рано умерший старший сын Ярослава Мудрого Владимир построил Софийский собор.

В XI в. в Киеве уже существовали кроме Печерского монастыря Выдубицкий, принадлежавший княжеской семье, а также женский монастырь. Монастырская жизнь тесно вплеталась в общий городской уклад.

Помимо главных, кафедральных соборов, где церковную службу вели главы местных церковных приходов — архиепископы и епископы, подчинявшиеся киевской митрополии, или митрополичьей кафедре, в каждом крупном городе стояли десятки других церквей, которые строились князьями, боярами, богатыми купцами, а то и ремесленниками на собственные деньги. Богатые люди близ собственных хором и даже внутри этих хором нередко строили свои домовые церкви, где отправляли религиозный культ только члены их семьи.

Армия, военные люди являлись неотъемлемой частью древнерусского общества, неотделимой чертой жизни русских городов, органической частью уклада великокняжеского дворца, дворцов других князей и бояр.

Прошли те времена, когда против врага поднималось все племя или когда великие киевские князья вели с собой в далекие походы десятки тысяч своих соплеменников, ставя под свои боевые стяги значительную часть мужского населения различных княжений во главе со своими князьями. На долю этих временных боевых формирований приходилась часть военной добычи и ежегодной дани, уплачиваемой побежденным врагом. На их долю приходились и тяжкие поражения и тысячи смертей, обескровливающие развивающуюся страну.

С созданием сильного и относительно единого государства военное дело оказалось в руках профессиональных воинов, для которых война стала смыслом жизни. Профессиональные воины служили князю и находились на его содержании. Для старшей дружины это, как уже говорилось ранее, была раздача «кормлений», позднее земель, для младшей — содержание на довольстве, выплата денег, части захваченной добычи и т.д.

Дружина отныне становилась ядром армии, наиболее сильной и хорошо вооруженной частью княжеского войска. У киевского великого князя дружина насчитывала от 500 до 800 человек. Эти воины передвигались либо на конях, либо в быстрых и легких ладьях по рекам и морям. Вооружены они были мечами, копьями, саблями. На голове у них были «шишаки» — изящные остроконечные шлемы, щит, броня или кольчуга защищали их тела. Каждая дружина дралась рядом со своим князем, а князь или боярин сам руководил во время боя своей дружиной. Во время рукопашных схваток специальные телохранители оберегали князя, защищали его своими щитами и телами от вражеских сабель и стрел.

Но дружина была лишь частью древнерусского войска. Другой его частью был «полк», простые «вой» — смерды и ремесленники. Великий князь и другие князья привлекали их к военной деятельности либо тогда, когда государству, всему населению грозила смертельная опасность, как это бывало во время страшных набегов печенегов, а позднее половцев, либо тогда, когда вся Русь поднималась на большой поход, как это было во время войн с Византией, Польшей, Хазарией. В этом случае горожане приходили в «полк», где они делились на десятки и сотни во главе со своими десятскими и сотскими. Сельские жители являлись в «полк» во главе со своими старостами и тоже затем делились на десятки и сотни. Всем «полком» командовал, как уже говорилось выше, тысяцкий. Вооружение «воев» было попроще: лук, колчан со стрелами, копье либо тяжелый боевой топор, который пробивал насквозь крепкую броню, у каждого на поясе был нож на случай рукопашных схваток. Броню «вой» не носили. Она была слишком дорогой. Кольчуга была тоже редкостью. Зато щиты имелись в руках у каждого.

Войско выступало в поход под княжескими знаменами. Трубачи трубили поход. Впереди ехал князь, за ним гарцевала дружина, далее шли пешие «вой». Следом тянулся обоз, в котором находилось сложенное до времени вооружение воинов и съестные припасы. Незадолго до битвы воины разбирали оружие, готовили его к бою.

Сражения нередко начинались с поединка богатырей, которых выставляла каждая сторона. Успех своего богатыря исторгал из уст войска восторженный крик, и воодушевленные воины бросались в атаку. Таким был поединок Мстислава с касожским князем — богатырем Редедей. В одной битве с печенегами в период Владимира Святославнча русский богатырь, простой кожемяка, во время поединка броском наземь убил печенежского силача. После этого русичи ударили на врага и победили.

Во время боя все войско, как правило, разделялось на «чело» — центр, где находились самые надежные воины, могущие выдержать удары вражеской конницы: пешие, вооруженные щитами, копьями и топорами. На правом и левом «крыльях» располагались конные воины, княжеская дружина. Задача «крыльев» заключалась в окружении противника и нанесении ему ударов с флангов после того, как «чело» выдержит удар врага.

Нередко поодаль от основного войска вместе с русами в поход выступали наемные или союзные иноплеменные войска: варяги либо отряды дружественных кочевников — тор-

ков, берендеев. Привлекали киевские князья на службу также печенегов, а позднее половцев. Летописец с осуждением писал о тех случаях, когда русские князья водили в походы кочевников против своих же соотечественников.

Наемники и союзники, как правило, не сливались с русским войском, подчинялись своим командирам. В случае неудач они нередко бежали с поля боя, оголяя фронт.

Если русское войско отправлялось на штурм вражеской крепости, то в обозе находились специальные осадные приспособления — тараны (огромные бревна, обитые железом), камнестрелы, приступные лестницы, вежи (передвижные деревянные башни).

§ 7. От языческих мятежей к социальному протесту

Вторая половина IX и X век в русской истории стали временем грандиозных перемен и в первую очередь в сфере социально-экономической и политической. Наступление частной собственности и частного собственника на свободный мир прошлого круто менял судьбы людей. Принятие Русью христианства означало начало крушения старой языческой веры, которая долгими веками господствовала в душах и думах людей.

Все эти перемены проходили почти синхронно, хотя их темпы по сравнению с рядом западноевропейских стран были замедленными в силу общих геополитических причин развития восточнославянских земель. Но к концу X — началу XI в. они становились все более и более ощутимыми, вносили совершенно иные краски в жизнь сотен тысяч людей. Особенно болезненно эти перемены выявлялись в периоды острых общественных потрясений — тяжких княжеских междоусобиц, иноземных нашествий, стихийных бедствий — засух, голода, пожаров. В эти дни обострялись обычные беды, всплывали старые обиды, несчастья сплачивали людей на почве общих интересов, ненависти к тем, кого они считали виновными за все свои горести и унижения.

Долгое время в нашей науке господствовал классовый подход к общественным явлениям, выдвинутый на первый план марксизмом. Именно этот подход призван был объяснить течение истории борьбой антагонистических классов в обществе, хотя, думается, что основоположники марксизма, как подлинные диалектики, вовсе не стремились найти простейшую логическую отмычку, которая объясняла бы все сложнейшие перипетии общественной жизни от глубокой древности до современности. И такую отмычку спроецировали уже их так называемые последователи, которые борьбу сделали смыслом и своей жизни. И как объяснить нарастание общественного противоборства в Древней Руси в то время, когда классовая структура феодального общества лишь складывалась и когда совсем иные мотивы поднимали людей на общественное противоборство. Причем социальный мотив был лишь одним из многих, что влиял на общественное поведение людей.

Человеческая природа, человеческая жизнь и человеческое общество устроены так, что противоречия между отдельными людьми, между спаянными одними интересами группами людей, между целыми сословиями и классами неизбежны. Неизбежность этих противоречий объясняется многими причинами. Во-первых, тем, что люди от рождения отличаются разными способностями. Это не позволяет им одинаково воспринимать мир и при равных условиях обретать равные возможности. Во-вторых, неравенством самих этих условий, определяемых социальным положением людей (князь, дружинник, смерд), в которых даже более одаренные по рождению вынуждены занимать низшие ступени общественной лестницы. В-третьих, сочетанием различных жизненных ситуаций, в которых люди проходят свой жизненный путь. По существу, судьба каждого человека неповторима, как неповторим и он сам. Человек весьма редко осознает свою истинную ценность, которая определяется как е. врожденными способностями, так и объективными услови ми его существования и тем самым объективными возмог костями его самовыражения. Зато каждый человек, даже весьма ограниченных умственных способностей, прекрасно понимает и ощущает превосходство другого и, в первую очередь, в сфере общественного положения. Именно это во многом сближает весьма разных людей в большие группы по интересам: в одном

случае по ущемленным интересам, в другом — по защите своего уже завоеванного привилегированного положения. Так было всегда, во всех обществах, так будет и впредь, пока будет жив человеческий род.

Но это вовсе не значит, что люди находятся в постоянной борьбе друг с другом. Люди, группы, сословия, классы нуждаются друг в друге и в то же время индивидуальные интересы людей, их общественные интересы порой прямо противоположны. Личные интересы человека — двигатель общества, но интересы людей одновременно являются взрывоопасным «материалом», который может это общество взорвать, если накал противоречий переходит в накал страстей, которые усиливаются в том случае, если они овладевают большими массами, чьи интересы совпадают. Древняя Русь не была в этом смысле исключением.

Людские интересы, людские противоречия выражались на всем протяжении ее истории и вполне соответствовали материальному и духовному уровню развития тогдашнего общества.

Первые крупные общественные схватки в зарождающемся государстве возникли тогда, когда Киев подминал под себя другие племенные княжения. Древлян, вятичей, членов других племен сплачивало желание отстоять свою независимость и свободу. И здесь сходились интересы, скажем, древлянского князя Мала и безвестного древлянского смерда. Несколько раз поднимали в X в. восстание против Киева древляне, вятичи; самостоятельный путь исторического развития искали полочане. Племенной сепаратизм был главным общественным чувством, которое сплачивало людей и поднимало их на борьбу.

К концу XI в. Русь, кажется, более не тревожили племенные или региональные распри и ничто не нарушало ее внутреннего государственного покоя. Но это было обманчивое впечатление. Да, пожаров, вроде племенных восстаний, больше не было, но угли политического сепаратизма, который уходил еще в прошлую племенную жизнь, тлели постоянно. Это чувствовалось в постоянной угрюмой настороженности вятичей, в особой позиции Полоцка, который десятилетиями из поколения в поколение своих князей Рогволдовичей вел нескончаемую войну с Киевом, и в извечной оппозиции Новгорода, не забывшего свои былые вольности еще варяжской поры.

По мере развития общественных отношений на Руси, появления богатых и бедных, складывания княжеско-боярско-дружинной верхушки, начала ее наступления на земли свободных крестьян племенной сепаратизм отступал в тень. Но Другие противоречия выходили на первый план.

С конца X в., со времени введения христианства на Руси появились противоречия между теми, кто был предан старой языческой вере, и носителями идей христианства. Язычество было сильно, как уже говорилось, на севере и северо-востоке страны. Именно на новгородском севере, на вятичском северо-востоке вспыхнули первые пожары неповиновения. Нежелание принять христианство в качестве новой религии шло Рука об руку со старыми племенными традициями. А обострявшиеся социальные отношения, потеря частью населения свободы, повышение налогового гнета со стороны государства и частных владельцев лишь осложняли общую обстановку в этих частях страны.

Ряд мятежей произошел в связи с введением христианства на Новгородской земле.

В 1024 г . на северо-востоке страны, в Суздальской земле произошло новое выступление народа. Это было время большого голода. Среди населения прошел слух, что богатые люди скрывают хлеб. Люди бросились во дворы богачей, стали избивать их и разыскивать хлеб. Во главе движения встали волхвы — языческие жрецы. Так в этом мятеже сплелж мотивы социальные, религиозные и племенные. Потребовалось вмешательство самого великого киевского князя Ярослава. Он явился в Суздальскую землю с дружиной, схватил и казнил руководителей мятежа — волхвов, утихомирил край.

В 1068 г . в Русской земле произошло еще одно крупное общественное потрясение.

Все началось с поражения от половцев русского войска, которым командовал сам великий князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, и его братья Святослав и Всеволод. Разгромленная и потрепанная в открытом бою княжеская дружина заперлась за киевскими стенами и

со страхом ждала появления врагов. Именно в это время началось брожение сред горожан. Они требовали у князя оружие и были готов защитить город. На горе горожане собирались кучками, толпе говорили, что князья их предали, что воевода Кос нячко нарочно не дает им оружие, опасаясь, что оно повернется против богатых людей. Ремесленно-торговый Подол гудел. Там шло нескончаемое вече. Люди требовали освободить из тюрьмы вероломно захваченного сыновьями Ярослава их соперника, неустрашимого воина и талантливого полководца полоцкого князя Всеслава. Народ требовал поставить его во главе войска в борьбе с половцами. Одновременно раздавались голоса о злоупотреблениях княжеских воевод и управителей, о притеснении народа, несправедливых поборах. На Подоле восстали холопы и растерзали бывшего в Киеве новгородского епископа Стефана, который пытался их унять. С Подола сотни людей двинулись к княжескому дворцу, ко двору ненавистного воеводы Коснячко. Другая часть направилась к тюрьме, где томился полоцкий князь Всеслав.

Восставший народ захватил и разгромил многие дворы княжеских бояр и воевод. Княжеский дворец был окружен возбужденной толпой. Близкие к Изяславу люди советовали князю послать воинов к тюрьме и убить Всеслава, но князь колебался. Время было упущено. Народ пошел на приступ дворца. Великий князь, его брат Всеволод со своими чадами и домочадцами, среди которых был и будущий великий киевский князь пятнадцатилетний Владимир Всеволодович Мономах, бежали.

Толпа разгромила и разграбила княжеский дворец. Оттуда было унесено много золотых и серебряных изделий, дорогие меха. Князь Всеслав был освобожден из тюрьмы и возведен восставшим народом на киевский стол. Изяслав бежал в Польшу.

Семь месяцев правил в Киеве Всеслав — избранник народа. Но прежние правители Киева не сдавались. К этому времени Святослав Черниговский, брат великого князя, разгромил половцев и обезопасил на время русские границы. Изяслав собрал в Польше большую рать и двинулся на Киев, вместе с ним шли польские отряды. Всеслав с киевлянами выступили навстречу. Войска сошлись близ самого Киева. Но битва не состоялась. В канун ее. ночью Всеслав тайно покинул киевлян и бежал к себе в Полоцк. Оставшееся без вождя войско побежало. Вскоре войско Изяслава было уже около стен Киева. Восставший город открыл ворота великому князю и повинился.

Но Иэяслав не сразу вошел в город. Сначала он послал туда своего сына Мстислава с дружиной. Тот учинил жестокую расправу над мятежниками, убил около 70 горожан — зачинщиков бунта, тех, кто участвовал в освобождении и возведении на престол Всеслава, часть мятежников он приказал ослепить, иных же наказал, даже не проведя расследования. Город был повержен. Лишь после этого

Изяслав вступил в Киев. Тут же он послал войско в Полоцк и занял его. Всеслав бежал из города в леса.

Так закончилось это первое крупное восстание на Руси, в котором уже просматриваются социальные мотивы. Новые заботы начинают оттеснять на второй план прежние племенные и религиозные интересы.

Пламя мятежа, охватившее Киев, распространилось и на другие русские земли. Бунтовали смерды вокруг самого Киева. Отказывалось платить дани и налоги население Смоленской земли. Поднялся народ в далеком Белоозере. Оттуда смятение перекинулось в Ростово-Суздальскую землю, в край вятичей. Мятеж возглавили здесь два волхва, которые призывали простых людей к расправе над имущими.

Были разграблены житницы, амбары, медуши богатых людей. Отряд восставших насчитывал около 300 человек. Потребовались немалые усилия со стороны властей для подавления мятежа. Волхвы были схвачены и убиты великокняжеским воеводой Яном Вышатичем.

В Новгороде в 1071 г . начался мятеж, направленный против епископа, христианской веры. И снова волхв встал во главе восставших. По существу, город разделился надвое. На епископском дворе стояла княжеская дружина. Весь остальной город оказался в руках вос-

ставших. И только убийство волхва во время переговоров помогло обезглавить восстание и рассеять восставших.

Лишь к 1072 г . на Руси был восстановлен порядок и трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод предприняли меры по успокоению земли. Жестокие кары, обрушившиеся на мятежников, были лишь частью этих мер. Другой частью стала разработка нового законодательства, так как старая Ярославова «Русская Правда» уже не отвечала запросам времени.

Вопрос о том, когда возникли статьи, продолжающие и дополняющие «Древнейшую Правду» Ярослава, является спорным. Большинство исследователей полагали, что эти статьи появились на свет именно после восстания 1068 г . Основой для этого послужила запись перед статьей 18 о том, что последующие статьи, вплоть до статьи 41. — это Правда, «уставленная русской земле», когда собрались три сына Ярослава Мудрого — Изяслав, Святослав и Всеволод, а также видные киевские вельможи и среди них воевода Коснячко. Обращалось внимание на то, что Ярославичи могли собраться вместе не позднее 1072 г ., когда младшие братья, согласно летописи, выступили против киевского князя Изяслава. Триумвират распался. А это значит, что крайней датой создания «Правды Ярославичей» является 1072 г . Таким образом, дальнейшая разработка «Русской Правды» связывалась именно с событиями 1068—1071 гг. Но имеется и иная точка зрения, которая утверждает, что продолжение и развитие «Древнейшей Правды» состоялось еще при жизни Ярослава Мудрого, т.е. до 1054 г . На это, в частности, указывает то, что следующая за статьей 41 статья 42, «Покон вирный», т.е. закон вирникам, княжеским сборщикам штрафов, определяющий их содержание, во-первых, уставлен самим Ярославом («то ти оурок Ярославль»), а во-вторых, она близка по духу предыдущей статье, где также говорится об отчислениях от штрафов на содержание других княжеских слуг. Что касается записей о собрании Ярославичей, то они, возможно, попали в Правду ошибочно. Но вполне вероятен и еще один вариант времени появления «Правды Ярославичей»: она была замыслена и разработана при самом великом князе Ярославе, а получила завершение уже после его смерти. Тем более мы тщетно искали бы в ее тексте прямое отражение грозных событий 1068 г .

В то же время среди аналитиков «Правды Ярославичей» нет разногласий в том, что она отражает защиту княжеской домениальной собственности, о которой говорилось выше, так как наказания и штрафы положены именно за действия против княжеских слуг — огнищанина, тиуна, княжеского сельского старосты и др. Но в то же время новая Правда карает за нарушение имущественных прав и личной безопасности жителей страны в целом. Статьи нового Закона носят обобщающий характер, они имеют в виду вовсе не экстремальную ситуацию — восстание горожан против князя и его близких людей, а ситуацию, так сказать, повседневную, обыденную. Суровые наказания устанавливались за разбой, поджог, убийство, увечья, кражи, нарушение межевых знаков. Но это были случаи, связанные не с какими-то уникальными общественными явлениями, а с постоянным функционированием господского хозяйства. Государство стремилось поддерживать порядок, защищать собственность состоятельных людей. Характерно, что вторая «Русская Правда» уже не имеет норм, отражающих право кровной мести. Убийство почти во всех случаях заменяется высокими вирами. В этом смысле новый Закон был значительно ближе западным Правдам, где также кровная месть заменялась штрафами. За убийство княжеских огнищанина и тиуна полагался штраф в 80 гривен, за убийство княжеского сельского или ратайного старосты — 12 гривен. Но если огнищанин будет убит у клети, у конюшни или у скотного двора, т.е. при защите собственности, убийцу следовало убить «в пса место» (как собаку). Вора можно было убить лишь в ночное время на месте преступления. Любопытно, что в Баварской Правде и в Саксонской Правде германцев также разрешалось убивать вора на месте преступления в ночное время. Штрафы были установлены за покражи собственности, скота, птицы, нарушение бортных владений, запашки чужой земли и т.д.

Особо оговаривались, как и в Салической Правде франков, в германских Правдах, наказания за кражу и укрывательство холопов. Но не надо думать, что новая «Русская Правда»

заботилась лишь о власть имущих. В ней были и статьи, защищавшие право на жизнь и собственность любого жителя Руси. Так, за убийство смерда или холопа полагался штраф в 5 гривен. Наказание назначалось не только за убийство княжеского коня (3 гривны), но и за убийство коня смерда (2 гривны). Вводился новый порядок судопроизводства, появился институт свидетелей и свидетельских показаний.

Новый государственный закон отразил не только развитие новых социально-экономических отношений в стране, но и возросший уровень самой русской государственности.

Глава 5. Русь на перепутье

§ 1. Междоусобица на Руси в 70-е годы XI в.

Наступил 1073 г ., и новая междоусобная борьба за власть началась на Руси. На этот раз распря произошла между сыновьями Ярослава Мудрого. Период их мирного совладения Русской землей длился с 1054 по 1072 г . Народные волнения конца 60-х — начала 70-х годов XI в., появление на киевском престоле полоцкого князя, бегство Рюриковичей из Киева нарушили государственную стабильность, которая существовала на Руси в последние годы жизни Ярослава и в течение двух десятков лет правления его сыновей.

Общая политическая ситуация обострялась и в связи с новой серьезной внешнеполитической опасностью: место печенегов заняла новая волна половцев. Они пришли в причерноморские степи из глубин Азии тем же путем, что и некогда печенеги. Половецкие орды перевалили через Волгу, появились на Дону, заняли бескрайние степи между Доном и Днепром. Половцы отогнали печенегов на Запад и, преследуя их, дошли до византийских сторожевых крепостей на Дунае.

В 1061 г . половцы впервые подошли к русским границам. К этому времени их напор на Запад ослабел и они принялись обживать огромные пространства, раскинувшиеся между Доном и Дунаем. Главные их кочевья расположились между Дунаем и Днепром. Но были еще и причерноморские половцы, кочевавшие от Днепра до нижнего Дона. Другие половецкие орды кочевали по рекам Донец и Тор и по обоим берегам Дона.

От пастбища к пастбищу, от одной земли к другой передвигались половецкие орды, все сокрушая на своем пути.

Зимой они уходили к югу, поближе к теплым черноморским берегам, а летом постепенно перемещались на север; их стада тучнели в ковыльных степях, и половцы подходили к самой кромке южнорусских земель. Осенью же, когда кони были сыты, начиналась пора набегов. В поход поднимались все взрослые половцы. Их конные лавины внезапно возникали перед изумленным и испуганным врагом. Вооруженные луками и стрелами, саблями, арканами, копьями, половецкие воины с пронзительным криком бросались в бой, стреляя на скаку из луков, засыпая врага тучей стрел. Сокрушив противника, они мгновенно исчезали, на месте набега оставались развалины и пожарища, а за кочевниками тянулись следы многочисленных пленников, которых гнали на невольничьи рынки юга.

Тактика кочевников состояла в том, чтобы напасть врасплох, смять численно слабого противника, подавить его, разъединить вражеские силы, заманить их в засаду, уничтожить — так они вели свои войны. Но если половцы сталкивались с сильным противником и вынуждены были отступать, они умели и обороняться: быстро составляли свои телеги в несколько

кругов, накрывали их бычьими шкурами, чтобы враг не мог поджечь лагерь, и, укрывшись внутри, отчаянно отбивались от неприятеля. Через проходы между телегами вырывались они порой конными отрядами на вылазки, сея ужас среди осаждавших.

Со временем, уже прочно осев в южных степях, некоторые половецкие орды перешли на полуоседлый образ жизни, у них появились постоянные становища и возникли небольшие городки, огороженные земляными валами. Столицей донских половцев позднее стал город Шарукань, который так был назван в честь всесильного половецкого хана Шарукана.

В течение долгих десятилетий половцы вели постоянные войны с Русью. Но в отношениях Руси с половцами были и долгие периоды мирных отношений, когда народы вели торговлю, широко общались в приграничных районах. Русские князья и половецкие ханы нередко заключали династические браки между своими сыновьями и дочерьми. Известно, что вторая жена Всеволода Ярославича была половецкой княжной.

Постоянное половецкое присутствие вблизи русских границ создавало на Руси внутреннее напряжение, особенно в южных районах страны. Князья в борьбе друг с другом нередко обращались к помощи половцев. Русские земли с последних десятилетий XI в. периодически стали превращаться в кровопролитные поля междоусобных битв.

Мир на Руси рухнул в то время, когда два младших Ярославича — Святослав и Всеволод выступили против старшего брата — киевского князя Изяслава. Еще не так давно в 1071 г . братья совместно устраивали перенесение мощей Бориса и Глеба и провозглашение убитых Святополком братьев первыми святыми русской церкви. Мощи были перенесены из деревянной церкви в Киеве в новый каменный вышгородский храм. На перенос мощей собрался весь княжеский, боярский, дружинный мир Руси: трое Ярославичей, их сыновья, митрополит грек Георгий, который до последнего противился признанию Бориса и Глеба святыми и сдался лишь под натиском властей, а также епископ Переяславский, игумены крупных русских монастырей, в том числе знаменитый руководитель Печерского монастыря Феодосии. Затем, после торжественного богослужения был обед, на котором братья-князья восседали со своими боярами. Кажется, все обещало мир и покой на Руси, осененной святостью Бориса и Глеба. Но «котора» (распря, ссора) была уже близка.

Поводом стал слух, возникший в княжеской среде, будто Изяслав заключил союз против братьев, решив стать самовластием на Руси по примеру Владимира и Ярослава, что он пошел на союз с Всеславом Полоцким против братьев. Братья со своими дружинами подступили к Киеву, и Изяслав вместе с сыном вновь бежал в Польшу. Киевский князь вывез с собой много золота, серебра, дорогих вещей, стремясь нанять на них войско. Но польский король Болеслав II, приняв от Изяслава дорогие дары, не оказал ему помощи.

Несколько лет скитался Изяслав по Европе, прося помощи у германского императора и даже у папы римского. Изяслав преподнес в Майнце богатые дары Генриху IV, германскому императору. В те дни один из немецких хронистов писал в своем труде: «Явился русский князь по имени Дмитрий (христианское имя Изяслава. — *Авт.),* принеся ему (Генриху IV. — *Авт* .) неисчислимые богатства, состоящие из золотых и серебряных сосудов и драгоценных тканей, и просил у него помощи против своего брата (Святослава. — *Авт* .) , который силой изгнал его из княжения». Генрих IV взялся быть посредником в противоборстве между братьями и направил Святославу послание с просьбой вернуть трон Изяславу. Послание повез в Киев трирский пробст Бурхард — сводный брат Оды, второй жены Святослава Ярославича. Итак, межкняжеский конфликт на Руси стал событием европейского масштаба. В дальнейшем в эту борьбу включился знаменитый папа Григорий VII Гильдебрант, соперник германского императора. Папа, стремящийся к распространению влияния римской церкви, получил обещание от русских беглых князей верно служить церкви св. Петра и оказал воздействие на польского короля, заставив его вернуть взятые у Изяслава ценности и помочь ему в снаряжении войска. На имя Изяслава была прислана папская булла, что означало принятие вассальной зависимости русского великого князя от папы римского.

А в это время на Руси правил Святослав Ярославич. Он рассадил своих сыновей по всем крупным русским городам, отодвинул третьего Ярославича — Всеволода в тень, отправил его сына — Владимира Мономаха на далекую пограничную Волынь.

В 1076 г . Святослав, помогая Польше, которая не приняла Изяслава, снарядил большой поход в Центральную Европу. Русская рать пошла войной на чехов, союзников Германии и противников Польши. Командовали ратью два молодых князя, два друга, двоюродные братья — Владимир Мономах, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, не ведая, что скоро жизнь разведет их в жестокой борьбе за власть. Поход русских князей был успешным. Они одержали ряд побед над объединенными чешско-немецкими войсками и заключили почетный мир. Впервые Русь стала участницей крупных политических событий в центре Европы.

В 1076 г . Святослав внезапно умер. Власть на короткое время принял Всеволод, но к границам Руси уже подходило войско Изяслава. Всеволод добровольно сдал ему Киев и отправился в Чернигов, второй по значению город на Руси,

Теперь на Руси на первое место выдвинулись два Ярославовых сына — Изяслав и Всеволод. Соответственно выдвинулись вперед и их сыновья, ставшие уже взрослыми князьями: наследник Изяслава — Святополк и наследник Всеволода — Владимир Мономах. Сыновья же третьего Ярославнча — Святослава после смерти отца остались не у дел: действовал установленный Ярославом Мудрым порядок передачи власти по старшинству, а не от отца к сыну. Старший сын Святослава — деятельный и честолюбивый Олег продолжал жить в родном городе своего отца Чернигове, но здесь уже правил князь Всеволод. Все другие крупные и славные русские города были поделены между Изяславом и Всеволодом.

Через два года, в 1078 г . Олег Святославич бежал из города, уведя с собой верных ему людей и свою личную дружину, в далекую Тмутаракань, где укрылся его младший брат Роман. Олег поклялся вернуться и отвоевать отцовский Чернигов. Так на Руси началась новая большая междоусобица.

По существу в течение всего X и XI вв. междоусобная борьба в Киевской Руси не прекращалась. Но если Владимиру I и Ярославу Мудрому удалось в течение долгого времени сохранять после захвата власти единство Руси, то сыновьям и внукам Ярослава Мудрого сделать это оказалось труднее. Это объяснялось, во-первых, самим порядком престолонаследия, установленным Ярославом. Сыновья не хотели отдавать власть старшим по возрасту князьям, своим дядьям, а те не пускали племянников к власти, ставя на их место своих сыновей, хотя те и были помоложе. В этом случае распри были неизбежны.

Во-вторых, среди преемников Ярослава Мудрого не нашлось такой яркой, целеустремленной и волевой личности, какой были Владимир 1 и сам Ярослав. Его старший сын Изяслав был правителем вялым, ограниченным и скупым. Выгнанный своими братьями, он с трудом вернулся в Киев и теперь всеми силами стремился сохранить мир.

Святослав был невероятно честолюбив, деятелен, стремился занять киевский престол в обход существующего порядка. В конце концов он этого добился, сокрушил Изяслава, подавил своих противников, принялся за решительное управление страной, послал рать в Европу, готовился к войне с Византией, покровительствовал культуре. Но судьба отвела ему слишком мало времени. Как известно, он умер в 1076 г .

Третий брат Всеволод, женатый на византийской принцессе, дочери императора Константина Мономаха, был человеком образованным, он знал пять языков, слыл знатоком книг, но был больше склонен не к решительным действиям, а к размышлениям, покойной неторопливой жизни. Многие дела он передоверял своему способному и деятельному сыну Владимиру Мономаху. Но когда наступал час решительных испытаний, Всеволод преображался, он становился расчетливым полководцем и бесстрашным воином, за которым без колебаний шла дружина, и в этом смысле он напоминал своего отца Ярослава Мудрого.

В-третьих, в последние десятилетия XI в. после мирного и созидательного времени Ярослава Мудрого стали набирать еще большую силу крупные русские города и земли. На днепровском пути выделялись Смоленск, Любеч, в Средней Руси — Чернигов, Переяславль, на юго-западе — Владимир-Волынский, Перемышль, на северо-востоке — Ростов, Суздаль.

Набирали силу Минск, Ярославль и другие неизвестные ранее или основанные совсем недавно городские центры. Появление крупных вотчинных хозяйств, в том числе церковных и монастырских земельных владений, с их концентрацией рабочей силы, материальными возможностями способствовало общему прогрессу хозяйственной жизни отдельных земель, питало их стремление к независимости от Киева, особенно с учетом находившихся там посредственных правителей.

В-четвертых, дезорганизации политической жизни Руси способствовало и постоянное вмешательство половцев в ее внутренние дела.

§ 2. Мятеж Олега Гориславича и новая распря

Итак, Олег Святославич поднял мятеж против Киева и Чернигова, требуя принадлежащий отцу черниговский княжеский стол. Тмутараканская рать братьев Святославичей была подкреплена половцами. Летописец писал позднее, что Олег привел «поганыя на Руськую землю, и пойдоста (т.е. пошел) на Всеволода с половци».

За этот союз Олега с половцами, постоянными врагами Руси, за инициативу в начавшейся распре, за последующие междоусобицы и несогласия, связанные с именем Олега Святославича, автор «Слова о полку Игореве» назвал его «Гориславичем», т.е. человеком, принесшим горе Руси. Но разве дело было в одном Олеге? Междоусобицу вели все ее участники. Олег, возможно, был среди них наиболее решительным и бескомпромиссным, но унижений и обид он, возможно, испытал больше остальных князей.

Натиск Олега был стремителен. На реке Сожице, близ Чернигова, 25 августа 1078 г . он при помощи половецкой конницы разгромил черниговское войско. Всеволод и Владимир Мономах бежали в Киев. Победители, как сказано в летописи, овладели Черниговом и «земле Русской много зла сотворили, пролили кровь христианскую».

Общая опасность сблизила недавних соперников: Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с Владимиром Мономахом выступили против Олега во главе рати, собранной со всех русских земель. Олег вновь бежал из Чернигова за подмогой на юг.

Братья Ярославичи осадили Чернигов. Восточные ворота города штурмовал Владимир Мономах вместе со смоленским полком. Во время штурма войска союзников подожгли Чернигов. Весь город выгорел. Осажденные заперлись в «детинце» и ждали решающего приступа. Такова была тяжелая плата не только этого, но и других русских городов за княжеские междоусобицы. В момент осады князьям донесли, что войско Олега стремительно приближается к городу.

Войска противников встретились в решающей битве 3 октября 1078 г . на Нежатиной Ниве. В упорном сражении старшие князья одолели Олега и его союзников. Но во время боя погиб великий киевский князь Изяслав, пораженный копьем в спину. Олег бежал на юг. Власть в Киеве взял единственный из оставшихся в живых Ярославичей — Всеволод. Своего старшего сына Владимира Мономаха он теперь посадил править в Чернигове — в наследственной «отчине» Олега. Отныне между двоюродными братьями завязался тугой узел вражды на всю оставшуюся жизнь.

Удивительна и драматична была судьба Олега. После поражения на Нежатиной Ниве он укрылся в Тмутаракани. Но на этот раз Олег был почти один — ни дружины, ни друзей. Родной брат Роман погиб, пытаясь доискаться своей черниговской «отчины»: его предали и убили союзники половцы. Сам Олег был схвачен в Тмутаракани хазарами и увезен в Константинополь. Только через четыре года, в 1083 г ., он вернулся в родные края. За это время Олег пожил на острове Родосе, женился на знатной гречанке, сумел выкупиться из плена и вместе с женой оказался опять в Тмутаракани. Там он укрепился, снова собрал дружину, выгнал тамошних правителей. Десять лет провел Олег в Тмутаракани в качестве полноправного правителя. Но он никогда не оставлял мысли вернуть себе отцовский город Чернигов, отнятый у него Всеволодом и Владимиром Мономахом.

В 1093 г . положение на Руси резко осложнилось. В этот год умер последний из князей Ярославичей Всеволод. В последние годы жизни он резко постарел, много болел, все дела передоверил Владимиру Мономаху и окружавшим его молодым соратникам. Старые киевские бояре роптали.

§ 3. Начало военной деятельности Владимира Мономаха

Именно в 80-е годы XI в. молодой Владимир Мономах, бывший черниговский князь, выдвинулся на Руси как один из самых талантливых и удачливых полководцев. Молва связала с его именем успешный поход против Чехии. Но особенно прославился он в борьбе с половцами. Уже в ту пору Мономах, воюя с кочевниками, не медлил ни часа, если рать была готова, если выступать можно было, не откладывая поход на завтра. Кочевники быстры, а значит, надо быть еще быстрее, они хитры и коварны, значит, надо быть еще хитрее, иначе побед не видать. В 1080 г . он отбил набег половцев на черниговские земли, причем ударил половцам в тыл в то время, когда те, нагруженные добычей, уходили к себе в степь. Позднее разгромил вышедших против Руси кочевников-торков. Затем Мономах отличился, подавив новый мятеж вятичей и выступление против отца владимиро-волынского князя Ярополка, сына умершего Изяслава. И везде он действовал смело, решительно. Затем была новая сеча с половцами под Прилуками, и снова Мономах взял верх. И тут же, не давая врагу передышки, он сам углубился в половецкую степь и около Белой Вежи разгромил еще одно половецкое войско. До 900 половцев было убито, а два видных половецких хана взяты в плен. И снова битву за битвой проводит Мономах, одерживая одну победу за другой. Видимо, в это время у Мономаха появилась мысль о необходимости самому идти все глубже в степь, искать половецкие становища, наносить упреждающие удары, а не гоняться за быстрыми степняками. К началу 90-х годов XI в. Владимир Мономах стал по существу самым сильным и влиятельным князем на Руси, самым опытным и удачливым полководцем. В народе он слыл как князь-патриот, который не жалел ни сил, ни жизни ради обороны русских границ. К этому времени он был женат на Гите, дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в битве с норманнами при Гастингсе в 1066 г .

После смерти Всеволода любой из внуков Ярослава Мудрого мог занять киевский престол: и старший сын Всеволода Владимир Мономах, и старший сын Святослава Олег, и, наконец, старший сын погибшего на Нежатиной Ниве Изяслава — Святополк, которому при Всеволоде была уготована незавидная участь — княжение в Турове.

Все решила киевская боярская группировка: опираясь на неотмененный порядок наследования престола по старшинству, киевские бояре передали престол Святополку, хотя Владимир Мономах, как старший в семье правившего князя, также имел определенные права. Но Мономах так и остался в Чернигове.

Святополк был человеком заурядным, слабым политиком, нерешительным, отличался мелким интриганством, чувством зависти. К тому же был заносчивым, жадным, подозрительным и мстительным. В нем, казалось, отразились все наиболее отрицательные черты человека власти. Но это открылось со временем. А пока же он держался в тени и бояре, видимо, рассчитывали, что могут направлять действия Святополка по своему усмотрению. Несомненно, что по части хитрости он превзошел их. А это говорит о том, что на вершину власти люди поднимаются вовсе не случайно.

Теперь на Руси образовались три враждующие политические группы: одна во главе со Святополком в Киеве, другая — во главе с Владимиром Мономахом в Чернигове, третья — во главе с Олегом в Тмутаракани. Олег был сыном среднего Ярославича, а Владимир — младшего. Поэтому Олег вполне обоснованно претендовал теперь по старшинству на Черниговское княжество и все земли, находившиеся под властью Чернигова — Смоленск, Ростово-Суздальскую землю, Белоозеро и др. Но для того, чтобы доказать свое право на Чернигов, ему надо было потягаться с могучим Владимиром Мономахом.

В 1093 г . половцы осуществили большой набег на Русь. А все началось с того, что после смерти Всеволода они, подступив к русским границам, потребовали у вставшего на киевский престол Святополха подтверждения мирного договора, который заключил с ними осторожный Всеволод, использовав родственные связи своей второй жены половчанки. За мир половцы требовали много золота, драгоценных подарков. Жадный, легкомысленный Святополк не нашел ничего лучшего, как бросить послов в темницу. Это означало войну. Половцы двинулись в глубь Руси, а Святополк начал готовиться к противоборству. Однако собрать большое и сильное войско было трудно. За год до этих событий Русь поразил неурожай и голод. Население обнищало. Советники убеждали Святополка не рисковать и договориться с половцами по-хорошему, отдать им деньги и подарки. Наконец Святополк согласился, отпустил послов и запросил мира, но было уже поздно: половцы отказались вести переговоры после такого неслыханного оскорбления.

Тогда Святополк обратился за помощью к Владимиру Мономаху. Тот прибыл в Киев и стал убеждать двоюродного брата покончить дело миром. Но теперь уже упорствовал Святополк, не желающий лишаться своих богатств. В княжеской гриднице между братьями началась перебранка. И бояре заявили князьям: «Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую. Последи ся уладита (после договоритесь. — *Авт.*) , а ноне поидита противу поганым — любо с миром, любо ратью». Владимир настаивал на мирных переговорах, учитывая тяжелое положение Руси и недостаток сил. Святополк выступал за войну и настоял на своем. Объединенная киевско-черниговско-переяславская рать (переяславцами командовал младший брат Мономаха от второй жены Всеволода, половчанки, Ростислав) выступила навстречу половцам.

Войска сошлись неподалеку от города Треполя 26 мая 1093 г . Лишь река Стугна разделяла враждующие войска. Надвигалась гроза. Киевляне рвались в бой и предлагали перейти реку и ударить на половцев. Мономах предпочитал стоять на своем берегу и продолжал уговаривать брата начать мирные переговоры. Но победили сторонники сражения. Русская рать с трудом перешла взбухшую от половодья реку и изготовилась к бою. В центре стояла переяславская дружина Ростислава, на правом крыле — Святополк с киевлянами, слева — Мономах с черниговцами. Пошел проливной дождь. Вода в Стугне прибывала на глазах.

Первый конный удар половцы нанесли по дружине Святополка. Киевляне не выдержали натиска и побежали. Затем всей массой половцы смели левое крыло Мономаха. Русское войско распалось. Воины бросились назад к бурлящей реке. Во время переправы Ростислава снесло с коня и он, отягощенный доспехами, начал тонуть. Владимир попытался подхватить брата, но того уже отнесло в сторону. Начал тонуть и сам Мономах, которого вытащили из воды дружинники. Лишь небольшая часть русского войска выбралась на противоположный берег реки и укрылась за крепостными стенами своих городов. Это было единственное поражение, которое Мономах потерпел в своей жизни.

Гибель Ростислава, трагедия русского войска заставляют задуматься над тем, что не так легка была княжеская доля, сама власть и борьба за нее. Защищая русские границы, князья и дружинники нередко получали тяжелые ранения, а порой и расставались с жизнью.

В тот год половцы нанесли огромный ущерб Руси. Они разграбили многие города и села, взяли большую добычу, увели много пленников. Пленники эти, как говорил летописец, «стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, въ алчи и в жажи и в беде, опустневши лици, почерневше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвещеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бехъ сего города», и други: «Язъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, род свой повадающе и въздышюче...» («страдающие, печальные, измученные стужей, скованные, в голоде, жажде и несчастиях, с осунувшимися лицами, почерневшие телом, в чужой стране, с языком воспаленным, голые и босые, с ногами, израненными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я жил в этом городе», а другой: «Я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, называя свое происхождение, вздыхая»).

1093 год стал началом последующей большой междоусобицы, в которую оказались втянуты все русские земли.

Пользуясь слабостью киевского и черниговского князей, летом 1094 г . в русские пределы вошел Олег Святославич, князь Тмутараканский. Олег внимательно следил за событиями на Руси, готовился к реваншу и теперь вел на Русь, на свой родной Чернигов тмутараканскую дружину и половецкую конницу. Вот этот приход Олега с половцами в самое сердце Руси не могли простить ему ни современники событий, ни потомки, обвиняя Олега в предательстве интересов родины, хотя и другие князья до него и позже использовали половцев в своих междоусобных бранях.

Олег подошел к Чернигову, за стенами которого с малым числом дружинников укрылся Мономах. Помощи ему было ждать неоткуда. Киев сам в это время залечивал раны прошлогоднего нашествия. До Ростова, где в это время правил его старший сын Мстислав, было далеко, и тот все равно не успел бы на помощь.

Олег приказал жечь вокруг Чернигова пригороды и монастыри; половцы, не встречая сопротивления, учинили грабеж всей Черниговской земли. Восемь дней штурмовал Олег Чернигов, дружинники Мономаха и верные ему жители отбили все штурмы Олега, но положение было безнадежным. Тогда Мономах пошел на переговоры: он уступает Олегу его родовое гнездо — Чернигов, возвращается в Переяславль, а Олег обещает пропустить невредимыми самого Мономаха, членов его семьи, оставшуюся дружину.

2 мая, в день гибели святого Бориса, Мономах вышел из города. Как описал он это позднее: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова, и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля». Вместе с Мономахом ехали его жена, английская принцесса Гита, уже взрослые дети Изяслав, Ярополк, Вячеслав, девятилетний Святослав и совсем маленький Юрий, будущий великий князь и «основатель» Москвы Юрий Владимирович Долгорукий.

На время Русь успокоилась. Ни у кого из князей недоставало сил нанести другому решающий удар. Святополк Киевский играл на противоречиях между Владимиром Мономахом и Олегом и тем самым чувствовал себя в относительной безопасности. Владимир Мономах, приняв переяславский престол, оказался на самой границе с половецкой степью. Сама географическая ситуация сделала его защитником всех русских земель. В этом краю не проходило года, чтобы то одна, то другая половецкая орда не выходила на Русь.

В феврале 1095 г . большое половецкое войско во главе с ханами Итларем и Китаном подошло к Переяславлю. Этик походом половцы нарушили мир. который заключил с ними Святополк, откупившись богатыми дарами. Ханы требовали от Мономаха дорогих даров, денег в обмен за новый мир. В противном случае новая война была неизбежна. Они были убеждены, что их давний недруг Владимир Мономах после ухода из Чернигова еще не создал новую сильную дружину и не имеет достаточно оружия. Олег ему не союзник, а Святополк едва ли оправился после поражения под Треполем. Мономаха ханы собирались взять голыми руками.

Владимир, как и ожидали ханы, согласился на переговоры и пригласил хана Итларя с отборными воинами войти в Переяславль. Остальная часть войска во главе с ханом Китаном расположилась лагерем неподалеку от города. Для пущей безопасности ханы запросили заложников, и Мономах отправил в половецкий стан своего десятилетнего сына Святослава. Хана Итларя с дружиной разместили на дворе воеводы Ратибора.

В это время из Киева прибыл гонец князя Святополка Славята, который вместе со старым мономаховым воеводой Ратибором начал уговаривать князя убить Итларя с телохранителями, а затем перебить и войско Китана. Мономах поначалу отказывался, так как не осмеливался нарушить клятву, данную послам. К тому же он опасался за судьбу заложника-сына. Но старшие дружинники ему отвечали: «Князь! Нет тебе в том греха: они, ведь, всегда, дав клятву, разоряют землю Русскую, и кровь христианскую проливают беспрестанно» (дано

в переводе). Дружинники обещали ему ночью незаметно выкрасть сына из половецкого стана. Лишь после этого Мономах дал согласие.

В ту же ночь из Переяславля во главе со Славятой тайно ушел вооруженный отряд, ведомый кочевниками-торками. хорошо знающими половецкий язык. Несколько человек лазутчиков подобрались к шатру, где содержался Святослав, и, перебив половецких охранников, освободили княжича. И тут же княжеская дружина обрушилась на ничего не подозревающих половцев. Хан Китай был убит, его войско перебито и рассеяно.

Наутро воины Ратибора снарядили для половцев Итларя специальную избу. Хорошо истопили ее, расставили по столам яства. Мономах прислал к Итларю гонца, который передал слова князя о том, чтобы половцы позавтракали в теплой избе, а потом пожаловали к Мономаху на переговоры. Как только половцы вошли в избу и расселись за столы, двери избы оказались запертыми. В тот же миг воины Мономаха во главе с сыном воеводы Ратибора молодым Ольбегом с чердака подняли вверх заранее подрезанные потолочные доски и стали расстреливать половцев из луков. Ольбег Ратиборович поразил самого хана Итларя. Вскоре все половцы были перебиты.

Стремясь развить успех, Владимир Мономах направил гонцов в Киев и Чернигов, предлагая братьям организовать поход в степь. Олег обещал привести дружину, но не пришел в назначенный срок. Настрадавшийся от половцев Святополк принял предложение Мономаха, и объединенная киевско-переяславская рать углубилась в степь и разгромила несколько половецких становищ. Князья захватили богатую добычу — скот, коней, верблюдов, пленников. Это был первый большой успех на вражеской территории.

Война с половцами продолжалась. На Русь приходили и донские, и причерноморские половцы. Что ни год, то новый набег, новая опасность. Мономах настойчиво стремился объединить силы Руси в борьбе с половецкой опасностью, но он мог рассчитывать лишь на Киев. Одновременно он укреплял и собственные позиции в русских землях: его сыновья сидели в Новгороде, Смоленске, Ростове, Суздале. Его сын ростовский князь Изяслав выбил Олегова посадника из Мурома. Весь северо-восток Руси объединил под своей рукой Владимир Мономах.

Враждуя с Мономахом, Олег и его братья отказывались принимать участие в походах против половцев, которые были их верными союзниками.

§ 4. Трагедия 1096—1097 гг.

В течение долгих лет в исторической науке как дореволюционной, так и послереволюционной России существовало мнение, что после смерти Ярослава Мудрого Русь необратимо встала на путь феодальной раздробленности и как следствие этого — политической децентрализации. Поводом для такого заключения стали факты многочисленных и масштабных междоусобиц, которые сотрясали Русь на протяжении второй половины XI в. и которые, приобретя еще большие масштабы с 30-х годов XII в., окончательно развалили страну как политическое целое.

Однако эта традиционная точка зрения в последние годы стала оспариваться. Действительно, если внимательно всмотреться в исторический путь Руси со второй половины XI в. до второй трети XII в., то окажется, что смуты перемежались в ней с длительными периодами политической стабилизации, когда политическое единство возрождалось. Более того, в эти годы стабилизации Русь набирала еще большую силу, чем во времена Владимира I и Ярослава Мудрого. Это касалось внутренней целостности русских земель и их внешнеполитической безопасности. Так, после междоусобицы 1073—1078 гг. наступило время, когда к власти на долгие годы пришел Всеволод Ярославич, поддержанный своими сыновьями и, в первую очередь, молодым, но уже снискавшим себе всерусскую славу Владимиром Мономахом. До 1093 г . «дом Всеволода» владел всей Русью. В его воле были и Новгород, и Чернигов со всей Северо-Восточной Русью, и далекая Волынь. Лишь в Тмутаракани отсиживался мятежный Олег Святославич, но и сама тмутараканская Русь благодаря тому, что половцы

заняли все причерноморские и приазовские степи, стала для «большой Руси» неким политическим образованием, которое отдалялось все более и более, переходя под контроль иных, иноязычных сил.

Восемнадцать лет сидел Всеволод в Киеве. Это ровно столько, сколько провел на троне в качестве единственного властелина его знаменитый отец Ярослав Владимирович. Это было время, когда Русь, снова сплоченная и единая, мощно противостояла центробежным тенденциям, властной рукой отстраняла от своих границ внешнюю опасность.

Всеволод и Мономах организовали успешную оборону страны от половцев и торков, подавляли мятежи племянников Всеволода.

При Всеволоде продолжалось строительство городов, создавался новый летописный свод, обустраивалось монастырское хозяйство. При нем связи Руси со странами Европы, Передней Азии, с Византией стали более масштабными, чем это было даже при Ярославе Мудром. Евпраксия Всеволодовна, его дочь, стала женой германского императора Генриха IV и играла заметную роль в европейской политике, его внуки были женаты на особах из видных владетельных домов Европы. Генрих IV просил помощи Всеволода в войне с венгерским королем, дочь Всеволода Янка, ставшая игуменьей Киевского женского монастыря, играла большую роль в церковных связях Руси и Византии. Именно ей было доверено вести переговоры о посылке из Константинополя на Русь нового митрополита, взамен умершего. К Всеволоду приходило посольство от папы римского.

Время сменившего его Святополка не было столь впечатляющим в истории Руси. Связано это скорее не с ее политическим закатом, а с тем, что великий князь был государственным деятелем весьма посредственным, ограниченным в своих взглядах и действиях, а наиболее яркие фигуры тех лет — Владимир Мономах и Олег Святославич — занимали второстепенные места в политической иерархии и истощали силы и таланты в борьбе друг с другом.

И все же, когда Мономах занял великокняжеский престол в 1113г. после смерти Святополка Изяславича, Русь очень скоро предстала во всем своем блеске сильного и единого государства с динамично развивающимся хозяйством, с современным для той поры законотворчеством, с новым масштабным летописанием, основанием новых городов и масштабными походами в степь против половцев, которые прогремели на весь тогдашний мир.

А пока, в 1096 г . Святополк и Мономах вновь предложили ОлеГу объединить силы в борьбе с половцами и приехать в Киев на всерусский княжеский съезд, чтобы разобраться во всех обидах в присутствии духовенства, видных бояр и горожан и заключить договор о порядке на Руси. Однако Олег высокомерно ответил: «Не вместно меня судить епископам, игуменам или смердам». На это князья ответили Олегу: «Это ты потому ни на поганых не ходишь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — пусть Бог рассудит нас» (дано в переводе).

Напряжение между братьями нарастало, и, наконец, объединенное киевско-переяславское войско двинулось на Чернигов. В пути к ним присоединился волы иски и князь Давыд Игоревич, также внук Ярослава Мудрого.

Не надеясь на верность черниговцев, которые осуждали Олега за постоянную связь с половцами, князь бежал в город Стародуб. После долгой осады, полной блокады города и нескольких приступов горожане потребовали от Олега пойти на мировую с двоюродными братьями.

Смирив гордость, Олег явился на переговоры. Приговор братьев был суров: Олег был лишен Чернигова, ему определили жить в лесном Муроме, подальше от половецкой степи, а пока же обретаться у брата в Смоленске, потому что в Муроме находился сын Мономаха Изяслав. Чернигов же оставляли за другими братьями Олега. От Олега потребовали также явиться на общий съезд русских князей для объединения сил против половцев.

К этому времени против Руси объединились две мощные половецкие орды — хана Тугоркана и хана Боняка. Их набеги происходили почти одновременно. Не помогало и то, что Святополк Изяславич женился на дочери Тугоркана, тесть продолжал свои опустоши-

тельные набеги на владения зятя. В 1096 г . Тугоркан напал на переяславские земли. Святополк и Мономах вышли навстречу половцам и разгромили их. В битве был убит и сам Тугоркан. Хан, по приказу Святополка, был похоронен близ княжеского села Берестово под Киевом. А в это время орда Боняка осадила Киев, захватила Печерский и Выдубицкий монастыри, забрала там ценные вещи — драгоценные оклады икон, серебряные кресты, разный скарб, ограблены были монашеские кельи. Братья бросились назад к Киеву, но не смогли догнать Боняка.

Пока Святополк и Мономах проводили время в изнурительной и жестокой борьбе с половцами, Олег снова подал о себе дурную весть. Он ушел из Смоленска, двинулся на Рязань, взял ее и направился к Мурому, где еще княжил Изяслав Владимирович. Дядя шел на племянника, считая Муром своей «отчиной». А племянник поднимал против дяди весь северо-восточный край. Поскакали гонцы в Ростов, Суздаль, Белоозеро, Новгород: Изяслав просил у братьев помощи против Олега.

Около Мурома войска Олега и Изяслава встретились в решающей битве. Олег одолел муромскую дружину малоопытного и молодого Изяслава. Сам муромский князь пал в бою. Мономах лишился в междоусобной борьбе первого сына. Олег взял Муром и двинулся на Суздаль. Не имея достаточных сил для сопротивления и не получив помощи ни от Мономаха, ни от его старшего сына Мстислава, княжившего теперь в Новгороде, суздальцы сдались Олегу. Затем Олег так же легко взял Ростов. Везде он назначил своих посадников.

Но вскоре из Новгорода от старшего сына Мономаха Мстислава к Олегу пришел посол с требованием покинуть земли, принадлежащие Мономахову дому. В обмен Мстислав обещал помирить Олега с отцом. Но Олег ответил отказом. В эти же дни Олег получил письмо от Владимира Мономаха. Тот взялся за перо, когда узнал из письма Мстислава о гибели сына. «О я, многострадальный и печальный! — писал потрясенный Владимир Мономах своему заклятому врагу. — Много борешься душа с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собой». Мономах обращался к Олегу со словами мира и страдания. Он предлагал не губить Русскую землю, сам же не собирался мстить за сына, полагая, что смерть воина в бою — естественное дело. «А мы что такое, люди грешные и худые? — философски размышлял Владимир, — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят». Мономах призывал Олега положить конец кровопролитию, договориться о всех взаимных обидах. Мономах признавал свою неправоту и говорил, что он простой смертный человек. Говорил он и о несправедливостях и жестокости Олега. В заключение он писал: «Не от нужды говорю я это, не от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но Душа своя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю» (дано в переводе).

Это письмо, написанное рукой отца, тяжело переживающего смерть сына, являет собой образец высокого гражданского мужества, способности человека перешагнуть через личное несчастье, через попранные амбиции ради интересов Родины. В этом письме Владимир Мономах показал себя истинным христианином, которому, несмотря на жестокости времени, не чужды высокие гуманистические христианские идеалы.

Олег и на этот раз ответил отказом. Более того, он начал готовиться к походу на Новгород, чтобы выбить оттуда старшего сына Мономаха, своего крестника Мстислава. Теперь против Олега поднялось все Мономахово племя во главе с самим князем Владимиром. Против Олега выступила новгородская рать. В подмогу ей Мономах направил другого сына Вячеслава, дав ему свой родовой стяг.

Новгородцы быстро выбили отряды Олега из северных городов. Уходя из Суздаля, Олег поджег город. Укрылся он в Муроме. Здесь неподалеку от города Мономаховичи при поддержке дружественных половцев одолели войско Олега. В решающий момент битвы юный Вячеслав приказал вынести вперед стяг Мономаха и воины Олега дрогнули, полагая, что это сам Владимир пришел отомстить за смерть сына. Сдав Муром, а потом Рязань, Олег

запросил мира и поклялся на кресте прибыть на княжеский съезд для решения всех общерусских дел.

В 1097 г . Русь стала свидетелем необычайного события: впервые в ее истории все наиболее крупные и известные русские князья Рюриковичи, внуки и правнуки Ярослава Мудрого, съехались в родовой замок Мономаха — г. Любеч — для того, чтобы устроить порядок на Руси. На съезд прибыли Святополк Киевский, Владимир Мономах, князь Переяславский, братья Святославичи Олег и Давыд, Давыд Игоревич из Владимира-Волынского, Василько Ростиславич, князь Теребовльский, враждовавший на Волыни с Давидом Игоревичем, другие князья, их бояре и дружинники. По словам летописца, князья сказали на съезде: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей» («каждо да держить отчину свою»).

Князья договорились, что за каждым из них сохраняются земли их отцов — детей Ярослава Мудрого. За нарушение этого порядка князьям-отступникам надлежало держать ответ перед всей землей. Им грозило наказание со стороны остальных князей. На этом договоре участники Любечского съезда целовали крест в знак верности соглашению.

В советской исторической науке сложилось твердое убеждение, что Любечский съезд стал той гранью, которая ознаменовала начало политического распада Руси, узаконила его. Это виделось в знаменитой летописной фразе «каждо да держить отчнну свою». Данная точка зрения нашла отражение в школьных и вузовских учебниках.

Однако при этом не только выпадали из рассмотрения факты о последующем могучем единстве Руси времен Владимира Мономаха и Мстислава, но и безусловное укрепление этого единства даже при относительно слабом великом князе — Святополке. А ведь это был период довольно значительный в истории Руси, почти тридцать лет. Следует также заметить, что акцент всего летописного пассажа делается как раз не на обособлении отдельных княжеских «отчин», а на другом. «Да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдемъ Рускые земли» — так передает летописец основной смысл договоренности князей, а далее и следует известная фраза об «отчинах». Но о каких же «отчинах» идет речь?

Святополк держит за собой все владения, принадлежащие Изяславу Ярославичу, Владимир Мономах — владения Всеволода Ярославича, а за детьми Святослава Ярославича закреплялись владения их отца. Закреплялся и порядок, установленный великим князем Всеволодом: за Давыдом Игоревичем оставался Владимир-Волынский, за Володарем Ростиславичем (правнуком Ярослава Мудрого) — Перемышль, а за его братом Васильком — Теребовль в той же Волынской земле.

Эта запись появилась именно потому, что потомки Ярослава Мудрого начали рушить его завет о том, чтобы каждый его сын сохранял за собой определенную часть Руси. И теперь надлежало вновь вернуться к этому завету и нерушимо держаться заповедей великого предка.

Но ни в этих записях, ни позднее, нигде не оспаривался основной смысл предсмертного распоряжения Ярослава о том, что во главе Руси остается его старший сын («Се же поручаю в собе место столъ старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене»). Любечский съезд не только не отменил этот порядок, но и закрепил его своим решением о единстве Русской земли. Необходимо помнить, что весь пафос съезда был направлен на выработку таких решений, которые помогли бы объединить Русь в борьбе с половцами («А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати»).

Итак, князья возвращались к порядку, установленному Ярославом, и подтверждали его крестным целованием. Ничего иного, а тем более узаконенного политического распада русских земель, здесь прочитать невозможно. И хотя дальнейшие события поколебали этот порядок, но их преодоление и последующее единство Руси при том же Святополке и особенно при Владимире Мономахе и Мстиславе лишь подчеркивают ошибочное традиционное

толкование значения Любечского съезда в историографии прошлых лет. Что касается немедленного нарушения крестного целования некоторыми князьями, то ведь известно, что моральные категории в борьбе за власть не имеют обязательной и долговременной силы. Но это уже другой разговор.

Едва князья разъехались по домам, как из Киева пришло ошеломляющее известие: Святополк и Давыд Игоревич в Киеве схватили, а затем ослепили смелого и независимого князя Василька. Тот приехал в русскую столицу помолиться в храме св. Михаила в Выдубицком монастыре. Его зазвал к себе в гости Святополк, у которого Васильке и был схвачен. Пойти на это злодеяние уговорил Святополка Давыд Игоревич, опасавшийся на Волыни предприимчивого Василька. Он запугал великого князя тем, что Васильке и Мономах замышляют против него заговор.

Давыд отвез Василька в Белгород, где в деревенской избе слуга Давида ослепил князя. Затем Василька отвезли на Волынь во владения Да вы да и заключили в темницу. Город Теребовль и близлежащие земли, принадлежащие Васильку, были захвачены Давыдом.

Этот поразительный по жестокости и вероломству случай показал, чего стоят в действительности клятвы князей жить в мире и согласии. Там, где нет крепкой власти, где безудержное властолюбие диктует свои законы, — там не может быть и крепкого мира. В период непрочности государственных структур раннего средневековья такое положение становилось для них обычным. Буйство феодальных кланов в X—XI вв. надолго разорвало на части Францию, где образовалось 14 крупных феодальных полугосударств. Такая же судьба постигла и Германию, которая с конца X в. стала разваливаться на самостоятельные феодальные княжества, владетели которых на своих съездах избирали германских императоров. В связи с общим замедлением по сравнению с Западной Европой темпов социально-экономического и политического развития на Руси эти процессы стали набирать здесь силу лишь с конца XI в., но особенно быстро со второй трети XII в.

Мономах решил наказать князей-отступников. Большое войско, состоявшее из дружин самого Мономаха, его сыновей, Олега и Давыда Святославичей, которые на этот раз подчинились Любечскому договору, двинулось на Киев. Вот где сработал основной пафос любечских договоренностей: единство, а не раскол. Город был осажден. В самой столице начались выступления населения против Святополка, и тот был вынужден принять ультиматум Мономаха — отправиться в совместный поход против владимиро-волынского князя Давыда Игоревича.

Поход начался. Но Давид упросил князей не наказывать его, так как сообщил, что он освободил Василька и они договорились миром. Это подтвердил и посол от самого Василька. Соединенное войско русских князей повернуло назад.

Но долго еще гроза, разразившаяся в 1097 г ., грохотала по русским просторам. Освободившись из-под стражи, Василько вскоре начал вместе со своим братом войну против Давыда. Братья вернули себе все свои земли. Давыд был осажден во Владимире-Волынском и по требованию изнемогающих от осады горожан выдал Васильку тех, кто организовал его похищение и увечье. Все они были по приказу Василька повешены прямо перед городскими стенами на специально сколоченных виселицах, а затем их расстреляли из луков.

§ 5. Крестовый поход в степь 1111 г .

И все же, несмотря на долго еще продолжающуюся смуту среди князей, Мономзху удалось добиться главного: Любечский съезд положил начало объединению русских военных сил против половцев. В 1100 г . в город Витичев, неподалеку от Киева, князья съехались вновь для того, чтобы окончательно прекратить междоусобицу и договориться о совместном походе против половцев. Зачинщик смуты Давыд был наказан — у него отняли город Владимир-Волынский. Святополк послал туда своего наместника. Лишь после этого Мономах вновь выдвинул свою идею об организации общерусских сил против половцев.

К этому времени Руси противостояли две наиболее сильные половецкие орды — приднепровские половцы во главе с ханом Боняком и донские половцы во главе с ханом Шаруканом. За каждым из них стояли другие ханы, сыновья, многочисленные родственники. Оба хана были опытными полководцами, дерзкими и смелыми воинами, старинными противниками Руси; за ними десятки сожженных русских городов и деревень, тысячи угнанных в плен людей. За мир русские князья платили ханам огромные выкупные деньги. Теперь Мономах призывал князей освободиться от этого тяжкого налога, нанести половцам упреждающий удар.

Половцы словно почувствовали назревающую угрозу: по их предложению в 1101 г . в городе Сакове состоялся съезд ведущих русских князей и половецких ханов, который рассмотрел отношения Руси со степью. На этом съезде стороны снова заключили мир, обменялись заложниками. Кажется, что это соглашение поставило под вопрос все усилия Мономаха, но правильность его линии подтвердилась уже на следующий год. Осенью, когда он был в Смоленске, гонец принес ему весть из Киева о нападении войска Боняка на переяславские земли. Получив после встречи в Сакове год передышки, половцы сами перешли в наступление.

Святополк и Владимир Мономах тщетно гнались за войском Боняка. Тот, разграбив переяславские земли, вышел к Киеву. Братья поспешили за ним, но половцы уже ушли на юг. И снова все более ощутимой становилась задача предупредить дальнейшие половецкие набеги.

В 1103 г . русские князья съехались к Долобскому озеру, где договорились, наконец, о совместном походе против половцев. Мономах настаивал на немедленном весеннем выступлении, когда половцы еще не вышли на летние пастбища и вволю не накормили своих коней. Но возражал Святополк, который не хотел отрывать смердов от весенних полевых работ и губить их лошадей. Кое-кто из князей поддержал его. Мономах выступил с короткой, но яркой речью: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей его и все его имущество? Так лошади вам жаль, а самого смерда не жаль». Выступление Мономаха положило конец спорам и колебаниям.

Вскоре русское войско, в которое вошли дружины всех видных русских князей (не пришел лишь, сославшись на болезнь, черниговский князь Олег, старинный друг половцев), а также пешие полки, выступило в весеннюю степь. Решающая битва с половцами произошла 4 апреля близ урочища Сутень, неподалеку от Азовского побережья. На стороне половцев в ней принимали участие более 20 видных ханов. Летописец позднее записал: «И поидоша полкове, аки борове, и не бе презрети ихъ. И Русь поидоша противу имъ» («И двинулись полки половецкие как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу»). Но на истомленных долгой зимой конях половцы не сумели нанести своего знаменитого стремительного удара. Их войско было рассеяно, большинство ханов убито. Хана Белдюзя взяли в плен. Когда он предложил за себя огромный выкуп, Мономах сказал ему, что хан предлагает просто вернуть награбленное на Руси, и приказал зарубить его в назидание другим. А затем русские дружины пошли по половецким «вежам», освобождая пленников, захватывая богатую добычу, отгоняя к себе табуны коней, стада.

Это была первая большая победа русов в глубине степи. Но до основных становищ половцев они так и не дошли. На три года прекратились половецкие набеги. Лишь в 1105 г . половцы потревожили русские земли. Они воспользовались тем, что русские князья были втянуты в этот год в войну с полоцким князем. На следующий год половцы нагрянули снова. Через год объединенное войско Боняка и Шарукана опять появилось на Руси, разоряя киевские и переяславские земли. Объединенное войско русских князей неожиданным встречным ударом опрокинуло их на реке Хорол. Русы зарубили брата Боняка, едва не пленили Шарукана, захватили огромный половецкий обоз. Но основные силы половцев ушли восвояси.

И снова затихли половцы. Но теперь русские князья не стали ждать новых набегов. Дважды русские дружины наносили удары по половецкой территории. В 1111 г . Русь организовала против половцев грандиозный поход, который достиг сердца их земель — города Шаруканя вблизи Дона. С ближними же дружественными половцами закреплялись мирные отношения. В эти годы Мономах и Олег женили своих сыновей, Юрия Владимировича (будущего Юрия Долгорукого) и Святослава Ольговича, на дочерях союзных половецких ханов. Так в семье Рюриковичей кроме славян, шведов, греков, англичан появилась и половецкая династическая линия.

Этот поход начался необычно. Когда в конце февраля войско подготовилось к выходу из Переяславля, то впереди него выступили епископ, священники, которые с пением вынесли большой крест. Его водрузили неподалеку от ворот города, и все воины, в том числе и князья, проезжая и проходя мимо креста, получали благословение епископа. А затем на расстоянии 11 верст представители духовенства двигались впереди русского воинства. В дальнейшем они шли в обозе войска, где находилась и вся церковная утварь, вдохновляя русских воинов на ратные подвиги.

Мономах, бывший вдохновителем этой войны, придал ей характер крестового похода по образцу крестовых походов западных властелинов против мусульман Востока. Инициатором этих походов выступил папа римский Урбан II. А в 1096 г . начался первый крестовый поход западных рыцарей, закончившийся взятием Иерусалима и созданием рыцарского Иерусалимского королевства. Священная идея освобождения «гроба Господня» в Иерусалиме от рук неверных стала идеологической основой этого и последующих походов западных рыцарей на Восток.

Сведения о крестовом походе и освобождении Иерусалима быстро распространились во всем христианском мире. Было известно, что во втором крестовом походе принимал участие граф Гуго Вермендуа, брат французского короля Филиппа I, сын Анны Ярославны, двоюродный брат Мономаха, Святополка и Олега. Одним из тех, кто принес эти сведения на Русь, был игумен Даниил, побывавший в начале XII в. в Иерусалиме, а потом оставивший описание своего путешествия о пребывании в крестоносном королевстве. Даниил был в дальнейшем одним из сподвижников Мономаха. Возможно, ему и принадлежала идея придания походу Руси против «поганых» характера крестового нашествия. Этим и объясняется та роль, которую отвели духовенству в этом походе.

В поход вышли Святополк, Мономах, Давыд Святославич с сыновьями. С Мономахом находились его четыре сына — Вячеслав, Ярополк, Юрий и девятилетний Андрей.

Достигнув реки Ворсклы, перед выходом в половецкую степь Мономах снова обратился к духовенству. Священники воздвигли на холме большой деревянный крест, украшенный золотом и серебром, и князья целовали его на глазах всего воинства. Крестовая символика похода продолжала соблюдаться.

Половцы отступали в глубь своих владений. Вскоре русское войско подошло к Шаруканю — это были сотни глинобитных домов, кибиток, опоясанных невысоким земляным валом. Ни хана Шарукана, ни его войска в городе не было. Перед приступом Мономах снова выдвинул вперед духовенство и оно освятило русскую рать. Но депутация горожан вынесла русским князьям на огромных серебряных блюдах рыбу и чаши с вином. Это означало сдачу города на милость победителей и желание дать выкуп за сохранение жизни горожан.

Жители города Сугрова, к которому русское войско подошло на следующий день, отказались сдаться. Тогда под прикрытием подвижных «веж» русы подошли к городу и забросали его горящими факелами, засыпали стрелами с подожженными смоляными наконечниками. Пылающий город был взят приступом. Пленных в этом бою не брали: Мономах хотел надолго выбить орду хана Сугрова из общеполовецких воинских сил.

На следующий день русская рать вышла к Дону, а 24 марта встретилась с большим половецким войском на речке Дегей. Перед битвой князья обнялись и попрощались друг с другом и сказали: «Убо смерть намъ зде, да станемъ крепко». Половцы, не готовые сражаться с хорошо организованным и многочисленным войском, не выдержав натиска, отступили.

27 марта основные силы сторон сошлись на реке Сольнице, притоке Дона. По словам летописца, половцы «выступиша яко борове (лес) велицин и тмами тьмы», они со всех сторон обступили русское войско. Мономах не стал, как обычно, стоять на месте, ожидая натиска половецких всадников, а повел войско им навстречу. Воины сошлись в рукопашной битве. Половецкая конница в этой толчее потеряла свой маневр, а русы, в рукопашном бою начинали одолевать. В разгар битвы началась гроза, усилился ветер, пошел сильный дождь. Русы так перестроили свои ряды, что ветер и дождь били в лицо половцам. Но те сражались мужественно и потеснили чело (центр) русского войска, где дрались киевляне. Им на помощь пришел Мономах, оставив свой «полк правой руки» сыну Ярополку. Появление стяга Мономаха в центре битвы воодушевило русов, и они сумели преодолеть начавшуюся было панику. Наконец половцы не выдержали яростной схватки и бросились к донскому броду. Их преследовали и рубили; пленных и здесь не брали. Около десяти тысяч половцев полегло на поле боя, остальные бросали оружие, прося сохранить жизнь. Лишь небольшая часть во главе с Шаруканом ушла в степь. Другие ушли в Грузию, где их взял на службу Давид IV.

Весть о русском крестовом походе в степь была доставлена в Византию, Венгрию, Польшу, Чехию и Рим. Таким образом, Русь в начале XII в. стала левым флангом общего наступления Европы на Восток.

§ 6. Восстание 1113 г . и эпоха Владимира Мономаха

После 1111г. донские половцы надолго потеряли способность к ведению активной войны против Руси, затихли и приднепровские половцы. Покой надолго воцарился на южных границах. Но нарастало внутреннее напряжение в русских землях, особенно в крупных городах. С каждым годом происходило усиление социального напряжения в обществе, вызванного наступлением князей, бояр, дружинников, духовенства на крестьянские земли, на доходы смердов, ремесленников в виде повышения налогов, поборов. Все больше людей не имело возможности самостоятельно вести свое хозяйство в сельской местности и в городах; они шли в кабалу к богатым, брали деньги, семена, орудия труда в долг. Потом не могли вернуть этот долг своим заимодавцам, задерживали выплату процентов. Особенно отличались городские, в первую очередь киевские, ростовщики, которые ссужали нуждающихся людей деньгами, но брали с них высокие проценты. Ростовщичеством занимались князья, бояре, монастыри. Большим сребролюбцем и жестоким ростовщиком слыл и сам великий князь Святополк.

Положение простого люда особенно ухудшилось со времени большой общерусской смуты — с начала 90-х годов XI в. Междукняжеские битвы сопровождались пожегом городов, разорением сел, поборами у крестьян и горожан продовольствия, коней, фуража. Порой смердов, ремесленников, торговцев насильно гнали на войну, а вернуться они могли и к пепелищам. Дело довершали и нескончаемые половецкие набеги. На бесконечные сечи с половцами уходили народные силы и средства. Деньги для откупа брались все с тех же городов и смердов. Походы князей в степь также ложились тяжким бременем на русское хозяйство.

Эти невзгоды давно уже давали о себе знать. В 1111 г . осенью неожиданно погорел Подол в Киеве, сгорели ремесленные слободы в других русских городах.

Среди народа пополз слух, что это богатые люди специально запугивают бедноту, дабы помешать ей поднять руку на богачей, как это было в 1068 г .

Ситуация обострилась, когда в Киеве 16 апреля 1113 г . неожиданно умер великий князь Святополк. Загадочной осталась эта смерть. За два дня до смерти он отстоял всю пасхальную службу, а потом сидел за праздничным столом. После обеда князь внезапно занемог, а на следующий день скончался в своем загородном дворце. И сразу в Киеве начали борьбу за власть сторонники трех могучих княжеских кланов. На власть мог претендовать старший из Рюриковичей — Олег, но он к этому времени был постоянно болен, другой его брат Давыд отошел от политических дел и ни на что не претендовал. Затем по старшинству шел Владимир Мономах. Были свои сторонники и у сыновей покойного Святополка.

Киевский тысяцкий Путята начал уговаривать киевлян пригласить на великокняжеский трон Олега, но против Святославичей сплотилась партия Мономаха. Их представители поскакали в Переяславль звать Владимира на киевский престол. А в это время загудел торгово-ремесленный Подол. Там прошел слух, что ненавистный Путята сносится со Святославичами, что он держит сторону ростовщиков, угнетателей народа, что именно по его указу спалили Подол. Не исключено, что эти слухи разносили по городу сторонники Мономаха.

Сотни людей с топорами, косами, вилами, палками в руках двинулись на гору. Толпа разгромила двор Путяты, дворы богатых ростовщиков, удар пришелся и по богатым еврейским купцам и ростовщикам, которые заперлись в киевской синагоге. В Софийском соборе по зову митрополита Никифора сошлись бояре и старшие дружинники, епископы, игумены монастырей. Их решение было однозначным: немедленно звать в Киев Мономаха, только он мог унять начавшееся выступление народа. Но поначалу переяславский князь не внял этому призыву. Он боялся вновь ввергнуть страну в междоусобицу, если бы вдруг Святославичи, бывшие старше его в роду, опротестовали его решение. Страшился он и киевской верхушки, которая долгие годы служила его скрытому противнику Святополку. У него также не было желания противопоставлять себя восставшим киевским низам.

Восстание ширилось. На следующее утро народ снова высыпал на улицы. В осаде оказался уже княжеский дворец. Большая толпа бросилась в сторону Печерского и Выдубицкого монастырей, грозясь расправиться с монахами — плутами и мздоимцами. Мятеж нарастал, вовлекая в свой водоворот все новые и новые сотни людей; пробудились окрестные слободы и деревни, поднялись против своих господ смерды, закупы, рядовичи. Должники отказывались выплачивать проценты и расправлялись с наиболее ненавистными заимодавцами, холопы вышли из повиновения господам.

И вновь митрополит собрал верхушку города. Вновь было принято решение пригласить Мономаха в Киев. Теперь этот шаг диктовался уже не междукняжескими расчетами, а необходимостью спасти существующий порядок в стране. Гонец вез Мономаху отчаянное письмо, в котором говорилось: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, или евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою (великую княгиню, жену Святополка), и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят монастыри» (дано в переводе).

20 апреля Владимир Мономах во главе переяславской Дружины вступил в Киев. Сторонники Мономаха разнесли весть, что теперь князь проведет правый суд и накажет мздоимцев. Это несколько успокоило людей. Но более всего на них произвело впечатление появление грозного князя во главе отборного войска. Мятеж в Киеве стал стихать.

Через несколько дней после совещания с боярами Владимир Мономах дал Руси новую «Русскую Правду», названную «Устав Владимира Всеволодича». Отныне расчеты за взятый долг были изменены. Если человек, взявший долг, заплатит в виде процентов его сумму, то он обязан был вернуть и сам долг, но если проценты в полтора раза превышали сумму долга, то он автоматически погашался. Отныне нельзя было брать более 20% годовых за предоставленный долг. Эти статьи освободили от долгов многих должников, ограничили произвол ростовщиков. «Устав» включал новые статьи об облегчении участи смердов, закупов, рядовичей, холопов. Так, четко определялись источники холопства: самопродажа в холопство, превращение в холопа человека, женившегося без специального договора на холопке, а также вступление на службу к господину в качестве тиуна без специально оговоренной в этом случае свободы. Холопом становился и бежавший от господина закуп. Но если он уходил в поисках денег, чтобы отдать долг, то в этом случае его нельзя было превращать в холопа. Во всех остальных случаях попытки холопить свободных людей пресекались. Нельзя было обращать в холопа человека, получившего в долг хлеб или какую-либо другую «дачу».

Все это на некоторое время сняло социальное напряжение в обществе. Вот уж действительно, «Устав» Владимира Мономаха был самой прямой и непосредственной реакцией на восстание 1113 г .

По существу, Мономах выступил в истории Руси как первый серьезный реформатор. Он сумел устранить наиболее откровенные язвы складывающегося строя. Тем самым на время был достигнут социальный мир и упрочены основы самого этого развивающегося строя русской жизни.

Незадолго перед этим Владимиру Мономаху исполнилось 60 лет. Для того времени это было немало. Он овладел верховной властью в таком возрасте, когда люди уже расстаются и с властью, и с жизнью. Впереди у него еще было 12 лет правления.

За это время Владимир Мономах показал себя сильным и волевым правителем. Он сумел на время не только приостановить естественный процесс распада Руси на отдельные земли, но значительно укрепил русскую государственность. Во-первых, он сокрушил своеволие отдельных князей, заставил подчиняться себе братьев Олега и Давыда Святославичей, которые послушно исполняли его просьбы о помощи в борьбе с половцами. Своих сыновей он, как Владимир I и Ярослав Мудрый, рассадил по крупным городам. Они управляли Новгородом и Смоленском, Ростовом и Суздалем. Он подавил мятеж своего племянника, сына Святополка — Ярослава, который правил на Волыни.

В 1115г. умер Олег Святославич и на время ослаб клан Святославичей, но уже поднимались к власти его дети — Ольговичи, которых тоже надо было держать в узде.

В 1116г. Мономах организовал новый большой поход против половцев. Затем посылал на Дон своих сыновей. Он нанес удар по Полоцкому княжеству, где сидели вечно мятежные потомки князя Всеслава, который умер в 1101 г ., так и не смирившись с властью Киева. Попытался Мономах продолжить балканскую политику своих предков и утвердиться на Дунае. На юг было направлено русское войско, но Византия поспешила прислать Мономаху богатые дары, греки предложили обручить внучку Мономаха, дочь Мстислава Добронегу с сыном византийского императора. Это была высокая честь. Русское войско было отозвано.

При этом великом князе Русь восстановила свое единство, свою мощь. Другие князья беспрекословно выполняли указания Мономаха.

Он проявил себя не только как видный полководец и властный политик, но и как рачительный хозяин. Его «Устав» был направлен на то, чтобы не только уберечь бояр, дружинников, духовенство, богатое купечество от народного гнева, но и поддержать хозяйство смерда и ремесленника, которое составляло основу государственного благосостояния.

Много внимания он уделял строительству, развитию культуры. При нем был создан новый летописный свод, в котором были подчеркнуты все заслуги Всеволодового дома. Автором свода явился Сильвестр — игумен домового мономахова Вьщубицкого монастыря. За составлением свода следил старший сын Мономаха Мстислав.

На закате жизни Владимир Мономах создал свое знаменитое «Поучение», в котором не только рассказал о своей трудной, полной опасностей жизни, но и поделился размышлениями о смысле жизни, об отношениях между людьми, дал практические советы о том, как вести вотчинное хозяйство. Он писал, что рано или поздно зло будет наказано, а добро восторжествует: «Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте Изобильную. Это ведь — начало всякого добра», «не соревнуйся с лукавым, не завидуй творящим беззаконие, — продолжал он, — ибо лукавые будут истреблены, а богопослушные — те будут владеть землей». «Молод был и состарился, — писал он далее, — и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба». Отрокам он наказывал: «Еде и питью быти без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь, не свирепствовать словом, не хулить в беседе; не многое смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать н избегать их, глаза держать к низу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет». «Всего же более убогих не забывайте, — продолжал он, — но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его».

Ставит Мономах и нравственно-философские вопросы: «Более всего гордости не имейте в сердце своем и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на малое время» (дано в переводе).

Многое в его личной жизни, полной драм и жестокостей, расходилось с этими заповедями, тем более удивительна была эта исповедь, высказанная человеком на склоне лет.

Владимир Мономах умер 19 мая 1125 г . на реке Альте, в небольшом доме, который был выстроен рядом с часовней на месте убийства святого Бориса. Он уехал туда, когда почувствовал приближение смерти.

Один древний источник сохранил такое описание Владимира Мономаха: «Лицом был красен (т.е. красив), очи велики, ростом не весьма велик, но крепкий телом и силен».

После смерти Владимира Мономаха, вопреки Ярославовой традиции старшинства в ооду, на престол вступил его старший сын Мстислав, хотя были еще живы его дяди, двоюродные братья, старшие его по возрасту. Но в последние годы жизни Мономаха Мстислав, находясь постоянно около стареющего отца, по существу вел все управление государством. Черниговские князья, считая себя старейшими в роду, были, естественно, недовольны, но на этот раз смолчали, так как слишком велика была власть в руках Мстислава, могучими его военные силы. Да и сам князь, проделавший с отцом не одну военную кампанию, слыл способным и решительным военачальником.

Поначалу Мстислав урегулировал отношения в княжеской семье. Он сохранил за своими братьями их владения. Наиболее деятельные из них Ярополк Владимирович и Юрий Владимирович Мономаховичи заняли соответственно престолы в Переяславле, который стал со времени пребывания там еще Владимира Мономаха, по существу, вторым по политическому значению городом на Руси, и в Ростове. Своего старшего сына Всеволода новый киевский князь «посадил» в Новгороде, другому сыну отдал Смоленск. Таким образом, «племя» Мономаха по существу продолжало владеть всей русской землей. Лишь Полоцк да Чернигов, где правил сын Олега Всеволод, непосредственно не входили в Мономахову «отчину».

С черниговскими князьями Мстислав заключил компромисс, оставив черниговский престол за Всеволодом Ольговичем, хотя был еще жив брат Олега Ярослав, старший в этом роду. Но тем самым Мстислав добился лояльности со стороны Чернигова. На Полоцк же вскоре было послано войско, которое овладело полоцкой землей. В полоцкие города были направлены посадники Мстислава.

Сын Мономаха продолжал проводить энергичную политику наступления на половецкую степь. Ударной силой здесь продолжало выступать Переяславское княжество, которое испытало немало бед от половецких нашествий.

Все попытки половцев воспользоваться смертью Владимира Мономаха и вернуть утраченные позиции натолкнулись на мощь объединенных киевско-переяславских сил. Руководил русским войском, как правило, смелый и решительный полководец Ярополк Владимирович, очень напоминавший на поле брани своего отца Владимира Мономаха. Недаром современники говорили про него: «благоверного князя корень». Половецкое нашествие 1129 г . было отбито, а позднее Мстислав и Ярополк в ходе масштабных походов в степь сумели оттеснить часть половцев за Дон и Волгу, некоторые из них откочевали даже к реке Яик.

Мстислав обезопасил и северо-западные границы Руси. Он предпринимал походы против чуди и литовских племен, которые не раз тревожили русские границы. По словам летописца. Мстислав «много пота утер за землю Русскую».

Глава 6. Политический распад Руси

§ 1. Смерть Мстислава Великого и начало очередной смуты

В 1132 г . Мстислав Владимирович умер. На киевский престол взошел старший из Мономаховичей Ярополк, бывший до этого переяславским князем. На первый взгляд казалось, что все идет своим чередом, что могучее Киевское государство просто переживает очередную смену князя. Но, начиная с 1132 г ., события на Руси стали приобретать такой характер, что становилось ясным: страна вступила в новый исторический этап, который готовился исподволь в течение предшествовавших десятилетий.

Внешне это выразилось в том, что на Руси разгорелась очередная междукняжеская смута. Ее главными действующими лицами снова были Мономаховичи и Ольговичи.

Вначале произошла ссора между сыновьями и внуками Мономаха. Попытка великого киевского князя Ярополка отдать Переяславль своему племяннику Всеволоду Мстиславичу, как он пообещал Мстиславу перед его кончиной, встретила сопротивление Юрия Владимировича Ростовского и Андрея Владимировича, который правил на Волыни. Сыновья Мономаха не без оснований заподозрили, что бездетный Ярополк намеревается подготовить передачу киевского престола сыну Мстислава Великого. Их отпор привел к тому, что Переяславль был отдан Юрию Долгорукому.

Распрю среди Мономаховичей использовал Всеволод Ольгович Черниговский, который при поддержке половцев и нейтралитете ростовского и волынского князей атаковал Киев. Три дня стоял Всеволод под городом; половцы учинили в это время разгром поднепровских земель. Но взять город черниговскому князю не удалось и он ушел восвояси.

Наступление черниговского князя сплотило сыновей Мономаха — Ярополка, Юрия и Андрея. Теперь они начинают дружно выступать против Всеволода Ольговича, но тот заключает союз с внуками Мономаха, сыновьями Мстислава, которых их дядья активно начали оттирать в тень.

В середине 30-х годов XII в. эта вражда вылилась в серию войн, в которых на стороне черниговского князя традиционно выступали половецкие отряды.

В 1139 г . Ярополк умер. После его смерти престол в Киеве занял старший из оставшихся в живых детей Мономаха Вячеслав, но через несколько дней он был изгнан из города Всеволодом Ольговичем. Наконец-то черниговские князья реализовали свое право старшинства и заняли Киев. Ни у Юрия, ни у Андрея Владимировичей не было веских оснований вмешаться в борьбу: оба они были лишь младшими в большой семье правнуков Ярослава Мудрого.

Вокняжение черниговского князя не покончило с междоусобицами, а лишь сделало их более упорными и масштабными. Отныне постоянными врагами киевского князя стали сыновья и внуки Мономаха и наиболее активный из них Юрий Владимирович Долгорукий.

После смерти Всеволода Ольговича в 1146 г . киевский престол ненадолго перешел к его брату Игорю. Но вскоре вспыхнуло очередное восстание «меньших» людей и испуганная киевская верхушка послала ходоков, как когда-то в 1113 г ., в Переяславль, где княжил внук Мономаха Изяслав Мстиславич. Тот с войском подошел к Киеву, и бояре сдали ему город. Так династия Мономаха вновь вернула себе киевский престол. Однако это было сделано снова в обход старших в роду. На этот раз племянник обошел своих дядьев и в первую очередь ростовского князя Юрия Долгорукого. Тот ответил войной.

В ходе почти десятилетней междоусобной борьбы Киев несколько раз переходил из рук в руки. В нем правили то черниговские князья, то дети и внуки Мономаха. Активную роль в этой распре играл ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий. Дважды в эти годы он воцарялся в Киеве. Второй раз он занял киевский престол в 1156 г ., потеснив из Киева черниговского князя. Но киевская верхушка не благоволила к Юрию, считая его чужаком с севера.

В мае 1157 г . Юрий Долгорукий внезапно умер. Еще утром он пировал на дворе у одного из киевских бояр, а в ночь занемог и через пять дней скончался. Современники предположили, что великий князь был отравлен киевскими боярами, не желавшими делиться своими привилегиями и доходами с выходцами из Ростово-Суздальской Руси. В день похорон Юрия Долгорукого его противники разгромили двор ненавистного им князя, перебили ростовских и суздальских бояр и дружинников и разграбили их имущество.

И снова киевский престол перешел к представителям черниговского княжеского дома.

В ходе этой ожесточившейся борьбы за Киев князья-претенденты, занимая киевский престол, тем не менее, сохраняли за собой и свои прежние владения. Так, Юрий Долгорукий, став великим киевским князем, продолжал жить на своем любимом северо-востоке, в городе Владимире на Клязьме, куда он перенес свою резиденцию. На Чернигов опирались и Ольговичи, оставаясь прежде всего черниговскими князьями, а потом уже князьями киевскими.

В чем же смысл этого нового положения, в котором оказалась столица Руси в XII в.?

§ 2. Начало политической раздробленности Руси

Начиная с 30-х годов XII в. Русь необратимо вступила в полосу феодальной раздробленности, которая стала закономерным этапом развития всех крупных государств Европы в период раннего средневековья. Если ее ранние проявления еще гасились силой инерции, волей таких выдающихся государственных деятелей, как Владимир Мономах и Мстислав, то после их ухода с исторической арены новые экономические, политические, социальные тенденции властно заявили о себе.

К середине XII в. Русь раскололась на 15 княжеств, которые были лишь в формальной зависимости от Киева. В начале XIII в. их стало уже около 50. В течение XII в. Русь политически стала похожа на лоскутное одеяло.

Конечно, одной из причин такого состояния государственности на Руси были постоянные княжеские разделы земель между Рюриковичами, их бесконечные междоусобные войны и новые переделы земель. Однако не политические причины лежали в основе этого явления. В рамках единого государства за три века сложились самостоятельные экономические районы, выросли новые города, зародились и развились крупные вотчинные хозяйства, владения монастырей и церквей. В каждом из этих центров за спиной местных князей встали выросшие и сплотившиеся феодальные кланы — боярство со своими вассалами, богатая верхушка городов, церковные иерархи.

Становление в рамках Руси самостоятельных княжеств проходило на фоне бурного развития производительных сил общества, прогресса сельского хозяйства, ремесла, внутренней и внешней торговли, усиливавшегося обмена товарами между отдельными русскими землями.

Усложнилась и социальная структура русского общества, более определенными стали его слои в отдельных землях и городах: крупное боярство, духовенство, торговцы, ремесленники, низы города, включая холопов. Развивалась зависимость сельских жителей от землевладельцев. Вся эта новая Русь уже не нуждалась в прежней раннесредневековой централизации. Земли, отличавшиеся от других природными, экономическими данными, в новых условиях все более обособлялись. Для новой структуры хозяйства нужны были иные, чем прежде, масштабы государства. Огромная Киевская Русь с ее весьма поверхностным политическим сцеплением, необходимым прежде всего дли обороны от внешнего врага, для организации дальних завоевательных походов, теперь уже не соответствовала нуждам крупных городов с их разветвленной феодальной иерархией, развитыми торгово-ремесленными слоями, нуждами вотчинников, стремящихся иметь власть, близкую их интересам, — и не в Киеве, и даже не в лице киевского наместника, а свою, близкую, здесь на месте, которая могла бы полно и решительно отстаивать их интересы.

Зарождалось дворянство, в основу жизнедеятельности которого была положена служба сюзерену в обмен на земельное пожалование на время этой службы. Эта система еще более укрепляла позиции местных князей. Они также нередко опирались в борьбе со своеволием боярства на возросшую политическую активность горожан. Городские слои стали превращаться в определенный противовес в отношениях между князьями и боярством. Все это определило смещение исторических акцентов с центра на периферию, с Киева на центры отдельных княжеств.

Потеря Киевом своей исторической роли была в известной мере связана и с перемещением основных торговых путей в Европе и Передней Азии. В связи с 'бурным ростом итальянских городов и активизацией итальянского купечества в Южной Европе и Средиземноморье теснее стали связи между Западной и Центральной Европой, между Византией и Малой Азией. Крестовые походы приблизили Ближний Восток к Европе. Эти связи развивались, обходя Киев стороной. В Северной Европе набирали силу германские города, на которые все более стал ориентироваться Новгород и другие города русского северо-запада. Померк былой блеск некогда славного «пути из варяг в греки».

Не могли для Киева и Русской земли пройти бесследно и столетия напряженной борьбы с кочевниками — печенегами, торками, половцами. Эта борьба истощала народные силы, замедляла общий прогресс края, обрекала его в новых экономических, социальных и политических условиях на отставание. Преимущество получали те районы страны, которые, хотя и находились в менее благоприятных природных условиях (Новгородская земля, Ростово-Суздальская Русь), не испытывали такого постоянного и изнуряющего давления со стороны кочевников, как Среднее Поднепровье.

Все это вместе взятое и определило ослабление Киева, власти великих князей и обусловило начало политического распада Руси.

Ожесточенная борьба князей друг с другом, нескончаемая междоусобица являлись лишь внешним выражением глубинных процессов развития русских земель. Если раньше междоусобицы являлись отражением тенденций либо племенного сепаратизма, либо были связаны с кризисами власти после смерти великих князей, то теперь эти войны были следствием новых обстоятельств русской жизни. В них отстаивалось право князей решать судьбу своих владений. А за князьями стояли выросшие, сформировавшиеся общественные миры. Как образно сказал один историк, Киевская Русь вынянчила и вырастила другие русские княжества и теперь они как самостоятельные птенцы разлетелись по свету.

В сознании последующих поколений политический распад Руси на отдельные части понимался как большое несчастье, как откат общества назад. Тем более, что такой распад привел к активизации противников Руси — половцев. В дальнейшем раздробленная Русь не смогла противостоять полчищам монголо-татар. Все это так. Но история меряет не годами и даже не десятилетиями, а столетиями. С точки зрения общеисторического развития политическое дробление Руси — лишь закономерный этап на пути к будущей централизации страны и будущему экономическому и политическому взлету уже на новой цивилизационной основе. Об этом говорит и бурный рост городов и вотчинного хозяйства в отдельных княжествах, и выход этих практически самостоятельных государств на внешнеполитическую арену: собственные договоры с прибалтийскими землями, с немецкими городами заключали позднее Новгород и Смоленск; Галич активно вел дипломатические сношения с Польшей, Венгрией и даже с папским Римом. В каждом из этих княжеств-государств продолжала развиваться культура, строились замечательные архитектурные сооружения, создавались летописные своды, расцветала литература, публицистика. Знаменитое «Слово о полку Игореве» родилось как раз в пору этого политического распада некогда единой Руси.

В рамках княжеств-государств набирала силу русская церковь. Из кругов духовенства вышло в эти годы немало замечательных литературных, философско-богословских творений. А главное — в условиях становления новых экономических районов и оформления новых политических образований шло неуклонное развитие крестьянского хозяйства, осваивались новые пахотные земли, происходило расширение и количественное умножение вотчин, ко-

торые для своего времени стали наиболее прогрессивной формой ведения крупного комплексного хозяйства, хотя и происходило это за счет подневольного труда зависимого крестьянского населения либо отданного князем вотчиннику вместе с землями, либо попавшего по бедности в кабалу к богатому землевладельцу. Но таковы парадоксы истории, где прогресс порой основывается на страдании и где будущий расцвет страны порой проходит через ее великие трудности.

К тому же политический распад Руси никогда не был полным. Сохранялись центростремительные силы, которые постоянно противостояли силам центробежным. В первую очередь, это была власть великих киевских князей. Пусть порой призрачная, но она существовала и даже Юрий Долгорукий, оставаясь на дальнем северо-востоке, именовал себя великим киевским князем. И позднее: среди других русских княжеств существовало Киевское княжество, которое пусть и формально, но цементировало всю Русь. Недаром для автора «Слова о полку Игореве» власть и авторитет киевского князя стояли на высоком политическом и нравственном пьедестале.

Сохраняла свое влияние и общерусская церковь. Киевские митрополиты являлись руководителями всей церковной организации. Церковь, как правило, выступала за единство Руси, осуждала междоусобные войны князей, играла большую миротворческую роль. Клятва на кресте в присутствии церковных деятелей являлась одной из форм мирных договоренностей враждующих сторон.

Противовесом силам распада и сепаратизма была и постоянно существовавшая внешняя опасность для русских земель со стороны половцев. С одной стороны, соперничающие княжеские кланы привлекали половцев в качестве союзников и те разоряли русские земли, с другой — в общерусском сознании постоянно жила идея единения сил в борьбе с внешним врагом, сохранялся идеал князя — радетеля за русскую землю, — каким были Владимир I и Владимир Мономах. Недаром в русских былинах образы этих двух князей слились в один идеальный образ защитника русской земли от злых врагов.

Всем этим противоречивым силам русского общества еще предстояло пройти испытания временем. Но этого времени история отвела удивительно мало — всего несколько десятков лет, с Востока надвигалась новая грозная опасность — монголо-татары.

Глава 7. Образование на территории Руси княжеств – государств

Среди полутора десятков княжеств, которые образовались в XII в. на территории Руси, наиболее крупными были Киевское с центром в Киеве, Черниговское и Северское с центрами в Чернигове и Новгороде-Северском, Новгородское с центром в Новгороде, Галицко-Волынское с центром в Галиче, Владимиро-Суздальское с центром во Владимире-на-Клязьме, Полоцкое с центром в Полоцке, Смоленское с центром в Смоленске. Каждое из них занимало обширные земли, ядром которых были не только исторические территории еще старых племенных княжений, но и новые территориальные приобретения, новые города, которые выросли в землях этих княжеств за последние десятилетия.

§ 1. Киевское княжество

Оно хотя и утратило свое значение политического центра русских земель, однако Киев сохранил свою историческую славу «матери русских городов». Оставался он и церковным центром русских земель. Но главное, Киевское княжество продолжало оставаться средоточием наиболее плодородных земель на Руси; Днепр по-прежнему оставался крупнейшей водной артерией восточных славян, хотя и потерял свое значение «европейской дороги». Здесь сосредоточивалось наибольшее количество крупных владельческих вотчинных хозяйств и находилось наибольшее количество пахотных земель. В самом Киеве и городах Киевской земли — Вышгороде, Белгороде, Василеве, Турове, Витичеве и других по-прежнему трудились тысячи ремесленников, чьи изделия славились не только на Руси, но и далеко за ее пределами. Киевское княжество занимало обширные пространства на правобережье Днепра, почти весь бассейн реки Припяти, на юго-западе его земли граничили с Волынским княжеством. С юга, юго-запада и юго-востока Киев по-прежнему охранялся полосой городов-крепостей.

Смерть Мстислава Великого в 1132 г . и последующая борьба за киевский престол между Мономаховичами и Ольговичами стала поворотным пунктом в истории Киева. Именно в 30—40-е годы XII в. он безвозвратно потерял контроль над Ростово-Суздальской землей, где правил энергичный и властолюбивый Юрий Долгорукий, над Новгородом и Смоленском, боярство которых само начало подбирать себе князей.

После очередной борьбы киевский престол переходит к князю Святославу Всеволодовичу, внуку Олега Черниговского. Именно его описывает автор «Слова» как могучего и властного князя, бывшего авторитетом для всех русских земель. Именно он урезонивал своего двоюродного брата молодого северского князя Игоря, героя «Слова о полку Игореве», повременить с походом на половцев и дождаться сбора общерусских сил. Однако Игорь Святославич, сын Святослава Ольговича и внук знаменитого Олега Черниговского, не внял голосу осторожных князей и без подготовки двинулся в степь, что и обрекло его на поражение.

Для Киевской земли остались в прошлом большая европейская политика, дальние походы в сердце Европы, на Балканы, Византию и на Восток. Теперь внешняя политика Киева ограничивается двумя направлениями: продолжается прежняя изнуряющая борьба с половцами. Кроме того, новым сильным противником становится мужающее с каждым годом Владимиро-Суздальское княжество, которое при Юрии Долгоруком захватило Переяславль и теперь угрожало Киеву и с северо-востока, и с юго-востока.

Если половецкую опасность киевским князьям удавалось сдерживать, опираясь на помощь других княжеств, которые сами страдали от половецких набегов, то справиться с северо-восточным соседом было труднее. После смерти Юрия Долгорукого владимиро-суздальский престол перешел к его сыну Андрею Юрьевичу Боголюбскому, который в 60-е годы уже предъявил права старшего князя на Киев, где правил в то время один из потомков Мономаха. Владимиро-суздальский князь подступил к Киеву в 1169 г . со своими союзниками, другими князьями. После трехдневной осады дружины осаждавших Киев князей ворвались в город. Впервые в своей истории Киев был взят «на щит» и не внешними врагами, не печенегами, торками или половцами, а самими же русскими.

Несколько дней победители грабили город, жгли церкви, убивали жителей, уводили их в плен, грабили частные дома и монастыри. Как говорил летописец, были тогда в Киеве «на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

Однако гроза миновала и Киев, несмотря на этот жестокий разгром, продолжал жить полнокровной жизнью столицы крупного княжества. Здесь сохранились прекрасные дворцы и храмы, сюда, в киевские монастыри сходились паломники со всей Руси. Киев отстроился после пожара и поражал приходящих сюда людей своей красотой. Здесь писалась общерусская летопись. Наконец, именно здесь было создано «Слово о полку Игореве».

Известной стабильности и благополучия Киевское княжество добилось при уже упомянутом Святославе Всеволодовиче, который делил власть в княжестве со своим соправителем Рюриком Ростиславичем. Так киевские бояре иногда объединяли на престоле представителей враждующих княжеских кланов и избегали очередной междоусобицы. Когда

умер Святослав, то Рюрик Ростиславич до начала XIII в. делил власть с претендовавшим на киевский трон Романом Мстиславичем Волынским, праправнуком Мономаха.

Затем между соправителями началась борьба. И снова в киевские дела вмешался владимиро-суздальский князь, на этот раз знаменитый Всеволод Большое Гнездо, брат убитого к этому времени Андрея Боголюбского. В ходе борьбы враждующих сторон Киев несколько раз переходил из рук в руки. В конце концов победивший Рюрик сжег Подол, разграбил Софийский собор и Десятинную церковь — русские святыни. Его союзники половцы грабили киевскую землю, уводили людей в плен, в монастырях изрубили старых монахов, а «юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в свои становища». Так грабил город его недавний правитель. Затем Роман захватил Рюрика в плен и постриг его и всю его семью в монахи. А вскоре погиб и новый победитель: он был убит поляками во время охоты, так как заехал слишком далеко во время пребывания в своих западных владениях. Это было в 1205 г . В огне междоусобной борьбы один за другим гибли русские князья, горели русские города.

§ 2. Черниговское и Северское княжества

Попытки обособиться Чернигов делал еще при Ярославе Мудром, когда его брат Мстислав, одержав над Ярославом победу, провел границу по Днепру и стал владыкой земель от Чернигова до Тмутаракани. После его смерти Русь вновь воссоединилась, новая попытка обособить Чернигов была сделана при Святославе Ярославиче, а затем при его сыне Олеге. Но в ту пору Киев еще крепкой рукой держал бразды правления. Когда же хозяином там стал Владимир Мономах, а потом его сын Мстислав, Чернигов покорно шел в фарватере общерусской политики. И все же с каждым годом Черниговское княжество все более обособлялось. И здесь дело было не столько в личных качествах, честолюбии Олега Святославича и его энергичных сыновей, сколько в общих экономических и политических особенностях края. Сам Чернигов стал одним из крупнейших русских городов. Здесь сформировалось мощное боярство, опиравшееся на вотчинное землевладение. Здесь был свой епископ, в городе возвышались величественные храмы и, в первую очередь, кафедральный собор Спаса, появились монастыри. У черниговских князей были сильные, искушенные в боях дружины. Торговые связи черниговских купцов простирались по всей Руси и за ее пределами. Есть известие о том, что они торговали даже на рынках Лондона. Черниговское княжество охватывало огромную территорию от Таманского полуострова до границ со Смоленским княжеством, от вятичских лесов, от пограничного ростово-суздальского городка Москвы до половецкой степи. В состав Черниговского княжества входило немало крупных и известных городов. Среди них — Новгород-Северский (т.е. новый город, основанный в земле северян), Путивль, Любеч, Рыльск, Курск, Стародуб. Позднее здесь стали известны Брянск, Козельск, Мосальск, Воротынск, Мценск. К Черниговскому княжеству также «тянули» в течение ряда лет, т.е. входили в его подчинение, Муром и Рязань. В 40—50-е годы XII в. Северская земля во главе с Новгородом, что стоял на реке Десне, частично обособилась от Чернигова. Там утвердилась одна из ветвей князей Ольговичей, но все равно князь Черниговский был верховным сюзереном северских князей.

Особые отношения сложились у Черниговского княжества в пору владычества там Ольговичей с половцами. Выше не раз говорилось о том, что Олег Черниговский дружил с половцами, что они нередко помогали ему в борьбе с двоюродным братом — Владимиром Мономахом. Авторы XII в. не раз ставили в вину Олегу связь с половцами, хотя дружеские и даже союзные отношения с ними (как и войны) были характерны для политики многих русских князей. И дело здесь не только в личных симпатиях Олега и его потомков. Черниговское княжество издавна включало в свой состав земли вплоть до Таманского полуострова, которые затем стали местом половецких кочевий. Курск, а позднее Курское княжество в составе Великого Черниговского княжества было пограничным с половецкой степью. Степь, половцы были традиционными соседями черниговских князей, и те традиционно не столько

воевали, сколько дружили со своими соседями. Но, конечно, этому сближению помогало и постоянное соперничество черниговских князей с Мономаховичами, захватившими верховную власть в Киеве.

После смерти Олега, а затем и его братьев власть в Чернигове перешла в руки его старшего сына Всеволода; другие сыновья Олега «сидели» в иных городах Черниговского княжества. Тогда-то в Северской земле утвердился Святослав Ольгович, отец знаменитого новгород-северского князя Игоря, неудачного героя «Слова о полку Игореве».

В течение всей второй половины XII в. черниговские князья активно боролись с потомками Мономаха за киевский престол, который, правда, все более утрачивал свое былое значение. Поначалу успех в этой борьбе сопутствовал Мономаховичам. Но позднее старший в роду Рюриковичей Всеволод Ольгович утвердился в Киеве, и теперь черниговские князья надолго закрепились в Киеве, уступив лишь на некоторое время престол знаменитому ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому.

В 80-е годы XII в. сын Всеволода Ольговича Святослав занял по старшинству киевский престол, сохранив за собой титул великого князя Черниговского. Именно к этому времени относится воспетый в «Слове» поход северского князя Игоря на половцев в 1185 г ., который раскрывает весь смысл политики тогдашних черниговских и северских князей в отношении и Киева, и половецкой степи.

Еще в 1180 г . Игорь вместе с другими черниговскими и северскими князьями в союзе с половцами «повоевал» Смоленскую землю. Затем он же вместе с половецкими ханами Кончаком и Кобяком направился на Киев, где княжил в то время один из потомков Мономаха. Черниговские и северские князья стремились возвести здесь на престол старшего в их роду — Святослава Всеволодовича. В ходе боев за Киев черниговские князья потерпели поражение, союзники Игоря половцы были разбиты киевской ратью, а сам князь Игорь вместе со своим будущим противником ханом Кончаком в одной лодке переплыли Днепр и тем спаслись от гибели. Но через некоторое время Святослав, заключив мир с тогдашним правителем Киева, все же овладел киевским престолом. В Киеве появились два князя — один из рода Мономаха, другой из рода Олега.

Теперь уже двоюродные братья — Святослав и Игорь — один в Киеве, другой в Новгород-Северском — ведут противоборство с половцами, которые ежегодно предпринимают походы на русские земли. В ответ киевский князь Святослав вместе с переяславским, волынским и галицким князьями осуществил нападение на половцев, кочевавших во главе с ханом Кобяком близ днепровских порогов, и разгромил их. Одновременно Игорь вместе со своим братом курским князем Всеволодом предпринял поход против донских половцев, во главе которых стоял его недавний союзник хан Кончак. Северские князья одержали победу. А в 1185 г . ранней весной Кончак двинулся в ответный поход. Против него выступила киевская рать и снова одержала победу. Затем Святослав Киевский углубился в половецкую степь и нанес половцам еще одно поражение, захватив много добычи и пленников.

В этих боях весной 1185 г . черниговские и северские князья не принимали участия, соблюдая нейтралитет. Но позднее, когда половцы были сокрушены киевским князем, Игорь Новгород-Северский решил, что теперь и он может ударить по ослабленным половецким силам и взять свою долю добычи. Так родилась идея нового похода в степь силами лишь северских князей.

В то время как киевский князь Святослав отдыхал после победоносных походов в степь, Игорь начал самостоятельный поход против половцев. 23 апреля 1185 г . северские князья выступили в степь. Между Северским Донцом и Азовским морем русское войско натолкнулось на первые половецкие кочевья и, разбив половецкое войско, овладело большой добычей. Но на следующий день на помощь своим сородичам подоспели основные силы во главе с самим Кончаком. Три дня на берегу реки Каялы, неподалеку от Азовского побережья, кипел бой между русскими и половецкими войсками. Русская рать была почти полностью уничтожена, князь Игорь и некоторые другие князья и бояре были взяты в плен.

Теперь половцы двинулись на Русь — во-первых, на северские земли, во-вторых, на Переяславль, в-третьих, на Киев. Неподготовленный и проведенный малыми силами поход Игоря лишь спровоцировал это масштабное нашествие. Только большим напряжением сил русским княжествам удалось противостоять половцам.

В дальнейшем князь Игорь бежал из плена. А в 1198 г ., оставшись старшим в роду Ольговичей, он стал великим князем Черниговским. Князь Игорь умер в Чернигове в 1202 г . (род. в 1150 г .).

§ 3. Галицко-Волынское княжество

Галицко-Волынское княжество сформировалось на основе земель бывшего Владимиро-Волынского княжества, которое располагалось на западных и юго-западных границах Руси. В XI—XII вв. во Владимире-Волынском правили второстепенные князья, направляемые сюда великими киевскими князьями. Свою службу здесь в качестве наместника великого князя Святослава Ярославича прошел и молодой Владимир Мономах.

Галицко-Волынская земля располагалась в местах, исключительно благоприятных для хозяйства, торговли, политических контактов с окружающим миром. Ее границы подходили с одной стороны к предгорьям Карпат и упирались в течение Дуная. Отсюда было рукой подать до Венгрии, Болгарии, торгового пути по Дунаю в центр Европы, до Балканских стран и Византии. С севера, северо-востока и востока эти земли обнимали владения Киевского княжества, которое, потеряв свою былую мощь и не претендуя на контроль над Галицко-Волынским княжеством, в то же время ограждало его от натиска могучих ростово-суздальских князей.

В здешних местах за время существования единого государства Русь выросли и расцвели многие крупные города. Это Владимир-Волынский, названный так по имени Владимира I. Город был долгие годы резиденцией великокняжеских наместников. Здесь же располагался выросший на солеторговле Галич, где в середине XII в. сформировалось мощное и независимое боярство, активные городские слои. Заметно выросли центры местных удельных княжеств, где «сидели» потомки Ростислава — сына рано умершего Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого. Ростиславу Владимировичу дали в пожизненное владение малозначительный Владимир-Волынский. И теперь Ростилавичам принадлежали Перемышль, Дорогобуж, Теребовль, Бужеск, Турийск, Червей. Луцк, Холм. Эти города были богатыми и красивыми, в них было немало каменных зданий, почти все они были хорошо укреплены, имели мощные детинцы-крепости. Когда-то многие из этих городов были отвоеваны у Польши сначала Владимиром, а потом и Ярославом Мудрым. С тех пор они и вошли сначала в состав Руси, а затем стали основой создания независимого Галицко-Волынского княжества с опорой на два крупных города — Владимир-Волынский и Галич.

На рубеже XII и XIII вв. князь Роман Мстиславич Волынский объединил воедино Волынское и Галицкое княжества и создал большое и мощное княжество в юго-западном углу Руси — Галицко-Волынское. Но прежде чем это произошло, галицко-волынские земли пережили немало драматических страниц, наполненных междоусобицами князей, боярскими заговорами, воинственной активностью горожан, вмешательством в политические конфликты иностранных государей и, в первую очередь, ближайших соседей — венгров и поляков.

Во второй половине XII в. наиболее примечательными фигурами на политическом горизонте Галицко-Волынской Руси были все те же потомки Ростислава и Мономаха. Назовем здесь пятерых князей: галицких князей — внука Ростислава Владимира, его сына, знаменитого по «Слову о полку Игореве» Ярослава Осмомысла, двоюродного брата Ярослава — Ивана Берладника, а также волынских князей, потомков Мономаха — его праправнука Романа Мстиславича Волынского и его сына, участника битвы на Калке с монголо-татарами Даниила Романовича Галицкого.

В середине XII в. в Галицком княжестве, которое к этому времени стало самостоятельным и отделилось от Волыни, началась первая большая княжеская смута, за которой просматривались интересы как боярских группировок, так и городских слоев. В 1144 г . горожане Галича, воспользовавшись отъездом своего князя Владимира Володаревича на охоту, пригласили на княжение его племянника из младшей ветви Ростиславичей, Ивана Ростиславича, который княжил в небольшом городке Звенигороде. Судя по позднейшим делам этого князя, он выказал себя правителем, близким к широким городским слоям, и его приглашение вместо взбалмошного и драчливого Владимира Володаревича было вполне закономерным. Владимир осадил Галич, но горожане встали горой за своего избранника. Лишь неравенство сил и отсутствие у горожан военного опыта склонило чашу весов в пользу галицкого князя. Иван бежал на Дунай, где обосновался в области Берлади, отчего и получил в истории прозвище Берладника. Владимир занял Галич и жестоко расправился с мятежными горожанами.

После долгих скитаний Иван Берладник еще раз попытался вернуться в Галич. Летопись сообщает, что «смерды» открыто переходили на его сторону, но он столкнулся с сильной княжеской оппозицией. К этому времени его противник Владимир Володаревич уже умер, но галицкий престол перешел к его сыну — энергичному, умному и воинственному Ярославу Осмомыслу, женатому на дочери Юрия Долгорукого Ольге. О Ярославе Осмомысле «Слово» говорит, что он «подпер своими железными полками» горы Угорские, т.е. Карпаты. Против Ивана поднялись владетели Венгрии, Польши; его головы домогались и черниговские князья. Поддержку он получил от киевского князя, стремившегося в те годы ослабить своего противника Ярослава Осмомысла, активно поддерживаемого Юрием Долгоруким. Осмомысл одержал верх в борьбе за галицкий престол и надолго сохранил его за собой. Именно при нем Галицкое княжество достигло наивысшего расцвета, славилось своим богатством, развитыми международными связями, особенно с Венгрией, Польшей, Византией. Правда, далось это Ярославу Осмомыслу нелегко. Автор «Слова о полку Игореве», рассказывая о его успехах и мощи, опускает те политические трудности, которые привелось испытать этому князю в борьбе с боярскими кланами. Сначала он боролся с претендентом на престол Иваном Берладником, за которым стояли все его враги. Позднее против него поднял мятеж его сын Владимир, который вместе со своей матерью Ольгой и видными галицкими боярами бежал в Польшу. За этим мятежом ясно читается противоборство своевольного галицкого боярства политике Ярослава Осмомысла, стремившегося, как и в Ростово-Суздальской земле Юрий Долгорукий и его сын Андрей Боголюбский, к централизации власти с опорой на «молодшую дружину» и горожан, натерпевшихся от своеволия бояр.

Галицкие бояре, оставшиеся в городе, уговорили Владимира вернуться и пообещали помощь в борьбе с отцом. И действительно, в ходе боярского заговора Ярослав Осмомысл был взят под стражу и освободился лишь после того, как «целовал крест» на том, что он проявит лояльность в отношении жены и сына. Однако борьба между Ярославом и Владимиром продолжалась еще долго. Владимир бежал, оказался в Новгород-Северском у своей сестры Ефросиньи Ярославны, жены Игоря, участвовал в неудачном половецком походе северского князя. Он вернулся в Галич лишь после смерти отца в 1187 г ., но был вскоре изгнан оттуда боярами.

Если Галицкое княжество прочно находилось в руках Ростиславичей, то в Волынском княжестве, в городе Владимире, так же прочно сидели потомки Мономаха. Здесь правил внук Мономаха Изяслав Мстиславич. Затем Мономаховичи разделили Волынское княжество на несколько уделов, т.е. еще более мелких княжеств, входивших в состав княжества Волынского.

К концу XII в. и в этом княжестве, как и других крупных русских княжествах-государствах, стало просматриваться стремление к объединению, к централизации власти. Особенно ярко эта линия проявилась при князе Романе Метиславиче. Опираясь на горожан, на мелких землевладельцев, он противостоял своеволию боярских уланов, властной рукой подчинял себе удельных князей. При нем Волынское княжество превратилось в сильное и относительно единое государство. Теперь Роман Мстиславич стал претендовать на всю За-

падную Русь. Он воспользовался раздорами среди правителей Галича после смерти Ярослава Осмомысла и попытался воссоединить Галицкое и Волынское княжества под своей властью. Вначале ему это удалось, но в междоусобную борьбу включился венгерский король, который захватил Галич и изгнал оттуда Романа. Его соперник, сын Осмомысла, неудачливый друг и деверь северского князя Владимир Галицкий был схвачен, выслан в Венгрию и там заточен в башне. Но вскоре предприимчивый князь бежал из плена. Он появился в Германии у императора Фридриха Барбароссы и при поддержке немецких и польских войск вновь воцарился в Галиче. Лишь после его смерти в 1 199 г . Роман Мстиславич вновь объединил и теперь уже надолго Волынь и Галич. В дальнейшем он стал и великим князем Киевским, владетелем огромной территории, равной Германской империи.

Роман, как и Ярослав Осмомысл, продолжал политику централизации власти, подавлял боярский сепаратизм, содействовал развитию городов. Подобные же стремления были видны в политике зарождающейся централизованной власти во Франции, Англии, других странах Европы. Правители крупных русских княжеств в этом смысле шли тем же путем, опираясь на растущие города и мелких землевладельцев, зависимых от них в поземельном отношении. Именно этот слой стал и в Европе, и позднее на Руси основой дворянства — опоры центральной власти. Но если в Европе этот процесс шел естественным путем, то на Руси он был прерван в самом начале опустошительным монголо-татарским нашествием.

Политику Романа Мстиславича продолжал его сын, Мономахович в пятом колене, Даниил Романович. Он потерял отца в 1205 г ., когда ему было всего лишь четыре года. Галицко-волынское боярство тут же подняло голову. Княгиня с малолетним наследником бежала из княжества, найдя приют в Польше. Боярство пригласило в Галич, ставший теперь стольным городом объединенного княжества, сыновей Игоря Северского. В ходе междоусобицы княжество вновь раскололось на ряд уделов, что позволило Венгрии завоевать его. Князья Игоревичи продолжали борьбу за власть, в ходе которой погибло немало боярских фамилий, богатых горожан. Но больше всего от междоусобицы страдали простые люди, чьи хозяйства разорялись, а сами они гибли на полях сражений.

В 1211 г . Даниил вернулся в Галич, но ненадолго — боярство снова изгнало его вместе с матерью из города. Бояре поставили во главе княжества ставленника из своих родов, что вызвало недовольство среди всех Рюриковичей. Лишь в 1221 г . Даниил Галицкий вернул себе сначала волынский престол, а за несколько лет до монголо-татарского нашествия в 1234 г . утвердился и в Галиче. Он прослыл смелым и талантливым полководцем. О его личной храбрости ходили легенды.

В годы борьбы со своевольным и богатым галичским боярством Даниил опирался на горожан, «молодшую дружи-, ну», как и другие русские князья-централизаторы. Один из его помощников советовал Даниилу: «Господине, не погнетши пчел — меду не едать», т.е. не удержать власти, не расправившись с боярством.

Но и после утверждения Даниила в княжестве боярство продолжало борьбу против его политики централизации власти, вступало в сговор то с Венгрией, то с Польшей, расшатывало политическую и военную мощь княжества.

§ 4. «Господин Великий Новгород»

«Господин Великий Новгород», как называли его современники, занимал особое место среди других русских княжеств.

Новгородские земли простирались на огромные расстояния — от Балтики до Уральских гор, от Белого моря и берегов Ледовитого океана до междуречья Волги и Оки.

Получив известность уже в IX в. как центр славянских земель в северо-западном углу Руси, Новгород с тех пор быстро набирает силу и к концу IX в. становится соперником Киева (см. § 1 главы). Киевские князья смотрели на Новгород как свой северный форпост.

Он не стал, как, скажем, Чернигов, Полоцк, Переяславль, позднее Ростов или Владимир-Волынский, «отчиной» какой-нибудь княжеской ветви — Мономаховичей, Ольговичей

или Ростиславичей. Присланные сюда князья были временными людьми, и их власть не укоренилась здесь, как в других центрах различных княжеств.

Причина особого положения Новгорода кроется во всем строе жизни древнего города.

Новгород с самого начала вырос не столько как резиденция варяжских князей, но, в первую очередь, как торговый и ремесленный центр. Он располагался на знаменитом пути из «варяг в греки». Отсюда шли пути в Южную Прибалтику, в немецкие земли, в Швецию и Норвегию. Через озеро Ильмень и реку Мету пролегал путь на Волгу, а оттуда в Волжскую Булгарию, Аазарию, страны Востока. По днепровскому пути новгородские купцы доходили до Западного Причерноморья, Балкан, Византии. Новгородцам было чем торговать. Они вывозили прежде всего пушнину, которую добывали в северных лесах, ремесленники поставляли на внутренний и зарубежный рынки свои изделия. Славился Новгород своими мастерами кузнечного и гончарного дела, золотых и серебряных дел, оружейниками, плотниками, кожевенниками. Улицы и «концы» (районы) города зачастую носили названия ремесленных профессий: Плотницкий конец, улицы Кузнецкая, Гончарная, Щитная. На пушном промысле, искусных и разветвленных ремеслах взрастала торговля Новгорода. Здесь ранее, чем в других городах Руси, появились объединения крупных купцов, развилась кредитная система. Богатые торговцы имели не только речные и морские суда, но и склады, амбары. Они строили богатые каменные дома, церкви. В Новгород приходило немало иноземных купцов. Здесь располагались «Немецкий» и «Готский» дворы, что указывало на тесные торговые связи города с немецкими землями. В торговлю включались не только купцы, ремесленники, отдававшие свою продукцию скупщикам, но и бояре, представители церкви, в том числе новгородский «владыка» — архиепископ.

Уверенное хозяйственное развитие Новгорода во многом объяснялось не только выгодными природными и географическими условиями, но и тем, что он со времени варяжских нашествий в IX в. не знал более внешней опасности. Ни печенеги, ни половцы не доходили до здешних мест. Немецкие рыцари появились здесь позднее. Это оберегало народный труд, создавало благоприятные условия для развития края.

Большую силу в Новгороде со временем получили крупные бояре-землевладельцы. Именно их земельные владения, леса, рыбные угодья давали основную торговую продукцию — пушнину, мед, воск, рыбу, другие продукты земли, леса, воды. Именно бояре и крупные купцы нередко организовывали дальние экспедиции «ушкуйников», речных и морских мореплавателей, в целях овладения новыми промысловыми землями, добычи пушнины. Интересы боярства, купечества, церкви сплетались здесь воедино; вот почему верхушка города, так называемая аристократия, опираясь на свои несметные богатства, играла такую большую роль в политической жизни Новгорода. И здесь она вела за собой ремесленников, прочий люд. Новгород выступал единым фронтом против постоянного политического давления то со стороны Киева, то со стороны Ростово-Суздальского княжества. Все новгородцы были заодно, защищая свое особое положение в русских землях, свой суверенитет. Но во внутренней жизни города такого единства не было: нередки были острейшие столкновения интересов простых горожан и городской верхушки, что выливалось в открытые столкновения, восстания низов против боярства, богатого купечества, ростовщиков. Не раз врывались восставшие горожане и на архиепископский двор. Городская аристократия также не представляла собой единого целого. Остро соперничали между собой отдельные боярские и купеческие кланы. Они боролись за земли, доходы, привилегии, за то, чтобы поставить во главе города своего ставленника — князя, посадника или тысяцкого.

Подобные же порядки складывались и в других крупных городах Новгородской земли — Пскове, Ладоге, Белоозере, Изборске, где были свои сильные боярско-купеческие кланы, своя ремесленная и работная масса населения. Каждый из этих городов, являясь частью Новгородского княжества, в то же время претендовал на относительную самостоятельность, боролся за свои права и привилегии с новгородской аристократией.

Новгород соперничал с Киевом не только в смысле хозяйственном, торговом, но и по части внешнего облика города. Здесь рано на левом берегу Волхова, на взгорье появился

свой кремль, обнесенный каменной стеной, в отличие от многих других русских детинцев, огороженных деревянно-земляными укреплениями. Сын Ярослава Мудрого Владимир выстроил здесь свой Софийский собор, который соперничал по красоте и монументальности с киевской Софией. Напротив кремля располагался торг, где обычно проходило городское вече — сход всех политически активных новгородцев. На вече решались многие важные вопросы жизни города: выбирались городские власти, обсуждались кандидатуры приглашаемых князей, определялась военная политика Новгорода.

Между левобережным и правобережным Новгородом был выстроен мост через Волхов, который играл важную общественную роль в жизни города. Здесь нередко происходили кулачные бои между различными новгородскими враждующими группировками и их сторонниками. Отсюда по приговору городских властей сбрасывали в глубины Волхова осужденных на смерть преступников.

По берегам Волхова стояли многочисленные пристани. У причалов теснились речные и морские суда. Они стояли так тесно, что в случае пожаров огонь порой по судам переходил с одного берега на другой. На окраинах города располагались богатые монастыри, чьи стены служили как бы дополнительными оборонительными укреплениями. На берегу озера Ильмень, к югу от города стоял Юрьевский монастырь. В северной части располагался Антониев монастырь.

Новгород был для своего времени городом высокой культуры быта. Он был мощен деревянными мостовыми, власти внимательно следили за порядком и чистотой городских улиц. Признаком высокой культуры горожан служит повсеместная грамотность, которая проявлялась в том, что многие новгородцы владели искусством письма на берестяных грамотах, которые в изобилии находят археологи при раскопке древних новгородских жилищ. Берестяные грамоты посылали друг другу не только бояре, купцы, но и простые горожане. Это были долговые расписки и просьбы о займах, записки к жене, приглашение на похороны, челобитные грамоты, завещания, любовные письма и даже стихи.

Особый хозяйственный, политический, социальный и культурный облик города, а также городов Новгородской земли, которые во многом копировали свой город-сюзерен, привел к тому, что и после воссоединения Севера и Юга страны Новгород постоянно боролся за свою «особность» от Киева. Не случайно, зная это стремление Новгорода, киевские князья зорко следили за политической жизнью города. Не случайно они направляли туда своих старших сыновей-наместников, которым со временем надлежало не укореняться в оппозиционном Новгороде, а возвращаться в Киев и принимать родительский престол.

И все же даже в этом случае наместники-сыновья киевского князя силой обстоятельств, силой всей обособленности Новгорода от общерусской жизни входили в противоречие с Киевом, даже в том случае, когда там сидел отец или старший князь. Так, как мы уже знаем, новгородское общество сплотилось вокруг Владимира в его борьбе со своим братом Ярополком. Позднее против Владимира I выступил его сын Ярослав, который был послан в Новгород наместником киевского князя. Во времена Владимира II Мономаха в Новгороде в 1118г. созрел боярский заговор против центральной власти. Лишь вызов в Киев новгородских бояр и их арест сорвал намерение новгородской аристократии обособиться и на этот раз от власти Киева, утвердить на новгородском столе своего ставленника.

Уже в течение XI в., принимая от киевских князей наместников-сыновей, местная аристократия тем не менее стремилась «выкормить» своего князя, который бы прежде всего отстаивал интересы «господина Великого Новгорода». Так своим «вскормленником» новгородцы считали сына Мономаха Мстислава Владимировича. И когда Святополк, заняв киевский стол, отодвинул в Чернигов, а затем в Переяславль Владимира Мономаха, а потом попытался сместить Мстислава из Новгорода и послать туда своего сына, то новгородцы выразили резкий протест и заявили, что если у него два сына, то пускай посылает своего кандидата на верную смерть. Киевский князь отступил перед угрозой новгородской аристократии. В 1118 г . новгородцы воспротивились присылке сюда вместо Мстислава, которого Мономах

перевел на юг, его сына и своего внука Всеволода Мстиславича. Всеволод не был с малолетства «выкормлен» в Новгороде, поэтому город выступил против него.

В дальнейшем во времена Владимира Мономаха и его сына Мстислава Новгород вел себя более или менее лояльно. Тем более, что на киевском престоле сидел «его» князь — Мстислав Владимирович, благоволивший к Новгороду.

Но затем, по мере ослабления власти киевских князей, развития политического сепаратизма Новгород стал проявлять все больше независимости от Киева. Особенно ярко это проявилось после смерти Мстислава Великого. На киевский престол, как мы помним, встал другой сын Мономаха Ярополк, а в Новгороде продолжал «сидеть» Всеволод Мстиславич. Когда же он выехал из Новгорода и попытался неудачно добыть себе более почетный в княжеской семье престол Переяславля, новгородцы не пустили его обратно и выгнали из города. Но Новгород нуждался в княжеской руке — для командования войском, для обороны новгородских границ. Считая, видимо, что Всеволод Мстиславич получил хороший урок, бояре вернули его назад, но Всеволод, выросший в традициях сильной киевской власти и чувствуя себя представителем Киева, вновь попытался, опираясь на Новгород, проводить собственную династическую политику, ввязавшись в межкняжескую борьбу за власть, за «столы». Он втянул Новгород в противоборство с Суздалем, которое закончилось поражением новгородской рати. Это переполнило чашу терпения новгородского боярства. Против князя выступили и «черные люди», не поддержали его ни церковь, ни купечество, которое он ущемлял в правах. 28 мая 1136 г . Всеволод с семьей по приговору веча, в котором приняли участие представители от Пскова и Ладоги, был заключен под стражу в архиепископском дворце, где он находился под охраной 30 вооруженных воинов два месяца. Затем Всеволода выслали из города, обвинив его в том, что он «не блюдет смерд», т.е. не выражал интересов простых людей, плохо руководил войском во время противоборства с суэдальцами, втянул Новгород в межкняжескую борьбу на юге.

После событий 1136 г . к власти в Новгороде окончательно пришла городская аристократия — крупное боярство, богатое купечество, архиепископ. В Новгород в качестве наемного военачальника был приглашен Святослав Ольгович из Чернигова, отец Игоря Северского, героя «Слова о полку Игореве». Так после событий 1136 г . Новгород вышел на дорогу полной независимости от других русских княжеств, стал своеобразной аристократической республикой, где несколько крупных боярских и купеческих фамилий, посадник, архиепископ определяли всю политику Новгородской земли.

Со временем Новгород в своих хозяйственных связях все менее ориентировался на юг, теснее становились его связи с южно-балтийским миром, скандинавскими и немецкими землями. Среди русских земель наиболее прочные связи Новгород сохранял со своими ближайшими соседями Полоцким и Смоленским княжествами и Ростово-Суздальской Русью.

§ 5. Владимиро-Суздальское княжество

Северо-Восточная Русь в течение долгих веков была одним из самых глухих углов восточнославянских земель. В то время, когда в X—XI вв. Киев, Новгород, Чернигов и другие города Среднего Поднепровья и северо-запада благодаря своему выгодному географическому положению, хозяйственному и политическому развитию, сосредоточению здесь основной части восточнославянского населения стали видными экономическими, политическими, религиозными и культурными центрами, вышли на международную арену, стали основой Создания единого государства, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы, там, где позднее возникло Владимиро-Суздальское княжество, царили еще первобытные нравы.

Лишь в VIII—IX вв. здесь появилось племя вятичей, передвинувшееся сюда с юго-запада, из района Воронежа. До этого здесь обитали угро-финские, а западнее — балтские племена, которые были основными жителями края. Славянская колонизация этих мест шла по двум направлениям — с юго-запада и запада, из района Среднего Поднепровья и с северо-запада, из новгородских земель, района Белоозера, Ладоги. Здесь пролегала старинная торго-

вая дорога из Новгородской Руси на Волгу; следом за торговцами шли по этой дороге поселенцы, которые вместе с местным племенем вятичей, а также жившими неподалеку кривичами, угро-фин-нами начали освоение этих мест.

Почему же славянское население так упорно шло в эти, казалось, забытые Богом места? Во-первых, в междуречье Оки, Волги, Клязьмы было немало пригодных для земледелия пахотных земель, особенно в будущей Суздальской Руси; на сотни километров простирались здесь великолепные заливные луга. Умеренный климат давал возможность развивать и земледелие, и скотоводство; густые леса были богаты пушниной, здесь в изобилии росли ягоды, грибы, издавна процветало бортничество, что давало столь ценимые в то время мед и воск. Широкие и спокойно текущие реки, полноводные и глубокие озера изобиловали рыбой. При упорном и систематическом труде эта земля могла вполне накормить, напоить, обуть, согреть человека, дать ему материал для постройки домов, и люди настойчиво осваивали эти неприхотливые места.

К тому же Северо-Восточная Русь почти не знала иноземных нашествий. Сюда не доходили волны яростных нашествий степняков в первом тысячелетии н.э. Позднее сюда не достигал меч предприимчивых балтийских завоевателей — варягов, не добиралась в эти дали и половецкая конница, разбивавшаяся о непроходимые лесные чащи. Жизнь здесь текла не так ярко и динамично, как в Поднепровье, но зато спокойно и основательно. Позднее Владимиро-Суздальская Русь, держащаяся на отлете, хотя и принимала активное участие в междоусобных битвах XII в., сама редко становилась ареной кровопролитных схваток. Чаще ее князья водили свои дружины на юг, доходили до Чернигова, Переяславля, Киева и даже до Владимиро-Галицкой Руси.

Все это содействовало тому, что пусть и в замедленном ритме, но жизнь здесь развивалась, осваивались новые земли, возникали торговые фактории, строились и богатели города; позднее, чем на юге, но также зарождалось вотчинное землевладение.

В XI в. здесь уже стояли крупные городские центры — Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром, Рязань. При Владимире Мономахе возникли построенный им и названный в его честь Владимир-на-Клязьме и Переяславль.

К середине XII в. Владимиро-Суздальская Русь обнимала огромные пространства восточнославянских, угро-финских, балтских земель. Ее владения простирались от таежных лесов севера, низовьев Северной Двины, побережья Белого моря до границ с половецкой степью на юге, от верховьев Волги на востоке до смоленских и новгородских земель на западе и северо-западе.

Еще в XI в. земли Ростова и Суздаля с их отсталыми хозяйственными порядками, где преобладали охота и промыслы, с населением, упорно державшимся своих племенных традиций и старых языческих верований, представляли собой постоянный оплот племенного, позднее языческого сепаратизма. И Киеву стоило больших усилий держать в своей узде непокорное племя вятичей, преодолевать сильные восстания, руко одимые языческими волхвами. В борьбе с вятичами испытали свои военные таланты и Святослав, и Владимир I, и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах.

Но едва at от северо-восточный угол окончательно вошел в орбиту влияния Киева, как заработали новые центробежные силы, которые как бы вдохнули новую жизнь в стремление Северо-Восточной Руси к обособленной от Киева жизни.

Возвышаться Владимиро-Суздальская Русь, которая тогда называлась Ростовским, а позднее Ростово-Суздальским княжеством по названию главных городов этих мест — Ростова и Суздаля, стала при Владимире Мономахе. Сюда он попал на княжение в возрасте 12 лет, посланный своим отцом Всеволодом Ярославичем. С тех пор Ростово-Суздальская земля прочно вошла в состав «отчины» Мономаха и Мономаховичей. В пору трудных испытаний, в пору горьких поражений дети и внуки Мономаха знали, что здесь они всегда найдут помощь, поддержку. Здесь они смогут набраться новых сил для жестоких политических схваток со своими соперниками.

Сюда в свое время Владимир Мономах послал на княжение одного из своих младших сыновей Юрия Владимировича, потом, заключив мир с половцами, женил его на дочери союзного половецкого хана. До поры до времени Юрий, как младший, оставался в тени других своих братьев. Да были властелины на Руси и постарше — его дядья и черниговские Ольговичи.

Но по мере мужания, по мере того, Как уходили из жизни старшие князья, голос ростово-суздальского князя звучал на Руси все громче и его претензии на первенство в общерусских делах становились все основательней. И дело было не только в его неуемной жажде власти, стремлении к первенству, не только в его политике захвата чужих земель, за что он и получил прозвище Долгорукого, но и в экономическом, политическом, культурном обособлении огромного края, который все более стремился жить по своей воле. Особенно это относилось к большим и богатым северо-восточным городам. Слов нет, они были меньше, беднее, неказистей, нежели Киев, Чернигов, Галич, но в здешних местах они все более становились средоточием экономической мощи и независимости, предприимчивости и инициативы. Если «старые» города — Ростов и особенно Суздаль были, кроме того, сильны своими боярскими группировками и там князья все более чувствовали себя неуютно, то в новых городах — Владимире, Ярославле они опирались на растущие городские сословия, верхушку купечества, ремесленников, на зависимых от них мелких землевладельцев, получавших землю за службу у великого князя.

В середине XII в. усилиями в основном Юрия Долгорукого Ростово-Суздальское княжество из далекой окраины, которая прежде покорно посылала свои дружины на подмогу киевскому князю, превратилось в обширное независимое княжество, которое проводило активную политику внутри русских земель, расширяло свои внешние границы.

Юрий Долгорукий неустанно воевал с Волжской Булгарией, которая в пору ухудшения отношений пыталась блокировать русскую торговлю на Волжском пути, перекрывала Дорогу на Каспий, на Восток. Вел он противоборство с Новгородом за влияние на смежные и пограничные земли. Уже тогда, в XII в., зародилось соперничество Северо-Восточной Руси и Новгорода, которое позднее вылилось в острую борьбу Новгородской аристократической республики с поднимающейся Москвой. В течение долгих лет Юрий Долгорукий упорно боролся также за овладение киевским престолом.

Участвуя в междукняжеских усобицах, воюя с Новгородом, Юрий имел союзника в лице черниговского князя Святослава Ольговича, который был старше ростово-суздальского и ранее него предъявил свои права на киевский престол. Юрий помогал ему войском, сам же предпринял успешный поход на новгородские земли. Святослав не завоевал себе киевского престола, но «повоевал» смоленские земли. А потом оба князя-союзника встретились для переговоров и дружеского пира в пограничном суздальском городке Москве. Юрий Долгорукий пригласил туда, в маленькую крепостицу своего союзника и написал ему: «Приди ко мне, брате, в Москов». 4 апреля 1147 г . союзники встретились в Москве. Святослав подарил Юрию охотничьего гепарда, а Юрий отдарился «многими дарами», как отметил летописец. А потом Юрий устроил «обед силен» и пировал со своим союзником. Так в исторических источниках впервые была упомянута Москва. Но не только с этим городом связана деятельность Юрия Долгорукого. Он построил ряд других городов и крепостей. Среди них — Звенигород, Дмитров, Юрьев-Польский, Конятин.

В конце концов в 50-е годы XII в. Юрий Долгорукий овладел киевским престолом, но вскоре умер в Киеве в 1157 г .

В.Н. Татищев, в руках которого находилось немало старинных русских летописей, не дошедших до нас, так описывал внешность и характер Юрия Долгорукого: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицем белый, глаза не вельми великий, нос долгий и накривленный, брада малая; великий любитель жен, сладких писч и пития; более всего о веселиах, нежели о разправе (управлении. — *Авт.*) и воинстве прилежал, но все оное состояло во властии и смотрении вельмож его и любимцев». Известия о пирах в Москве и в Киеве как будто подтверждают эту характеристику, но в то же время нельзя не видеть и ее некоторую

односторонность. Юрий Долгорукий был одним из первых крупных государственных деятелей Северо-Восточной Руси, при котором этот край прочно занял ведущее место среди других русских земель. И даже то, что он передоверил все дела своим помощникам и советникам, никак не умаляет его некоторых достоинств: князь умел подбирать людей, которые проводили его политику в жизнь.

В 1157 г . на престол в Ростово-Суздальском княжестве вступил сын Юрия Долгорукого Андрей Юрьевич (1157— 1174), рожденный от половецкой княжны.

Андрей Юрьевич родился около 1120 г ., когда еще был жив его дед Владимир Мономах. До тридцати лет князь прожил на севере. Отец отдал ему в удел город Владимир-на-Клязьме, где провел Андрей свои детские и юношеские годы. Он редко бывал на юге, не любил Киева, смутно представлял себе все сложности династической борьбы среди Рюриковичей. Все его помыслы были связаны с севером. Еще при жизни отца, который после овладения Киевом наказал ему жить рядом в Вышгороде, независимый Андрей Юрьевич против воли Юрия уехал на север в свой родной Владимир.

В юности Андрей Юрьевич проделал с отцом не одну военную кампанию на юг и прослыл смелым воином и умелым военачальником. Он любил начинать битву сам, врубаться в ряды врагов. О его личном мужестве ходили легенды.

После смерти Юрия Долгорукого бояре Ростова и Суздаля избрали своим князем Андрея, стремясь утвердить в Ростово-Суздальской земле собственную династическую линию и прекратить сложившуюся традицию великих князей посылать в эти земли на княжение то одного, то другого из своих сыновей.

Однако Андрей сразу же спутал все их расчеты. Прежде всего он согнал с других ростово-суздальских столов своих братьев. Среди них был и знаменитый в будущем владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Затем Андрей удалил от дел старых бояр Юрия Долгорукого, распустил его поседевшую в боях дружину. Летописец отметил, что Андрей стремился стать «самовластием» Северо-Восточной Руси.

На кого же опирался Андрей Юрьевич в этой борьбе? Прежде всего на города, городские сословия. Подобные стремления проявили в это время и властелины некоторых других русских земель, например, Роман, а потом Даниил Галицкие. Укреплялась королевская власть и во Франции, Англии, где городское население также начало активно поддерживать королей и выступать против своеволия крупных землевладельцев. Таким образом, действия Андрея Боголюб-ского лежали в общем русле политического развития, европейских стран. Свою резиденцию он перенес из боярских Ростова и Суздаля в молодой город Владимир; близ города в селе Боголюбове он построил великолепный белокаменный дворец, отчего и получил прозвище Боголюбский. С этого времени и можно называть Северо-Восточную Русь Владимиро-Суздальским княжеством, по имени ее главных городов.

В 1169 г . вместе со своими союзниками Андрей Боголюбский взял штурмом Киев, выгнал оттуда своего двоюродного племянника Мстислава Изяславича и отдал город на разграбление. Уже этим он показал свое небрежение по отношению к прежней русской столице, всю свою нелюбовь к югу. Андрей не оставил город за собой, а отдал его одному из своих второстепенных родственников, а сам же вернулся во Вла-димир-на-Клязьме, в свой пригородный белокаменный дворец в Боголюбове. Позднее Андрей предпринял еще один поход на Киев, но неудачно. Воевал он, как и Юрий Долгорукий, и с Волжской Булгарией.

Действия Андрея Боголюбского вызывали все большее раздражение среди ростово-суздальского боярства. Их чаша терпения переполнилась, когда по приказу князя был казнен один из родственников его жены, видный боярин Степан Кучка, чьи владения находились в районе Москвы (в отличие от угро-финского, она носила и древнерусское название Кучково). Захватив владения казненного боярина, Андрей приказал построить здесь свой укрепленный замок. Так в Москве появилась первая крепость.

Брат казненного, другие родственники организовали заговор против Андрея Боголюбского. В заговор были вовлечены также его жена и ближайшие слуги — осетин Анбал, дворцовый ключник и слуга еврейского происхождения Ефрем Моизевич.

Накануне заговора Анбал выкрал из спальни меч князя, а в ночь на 29 июня 1174 г . заговорщики вошли во дворец и приблизились к княжеским покоям. Однако их обуял страх. Тогда они спустились в подвал, подкрепились там княжеским вином и уже в воинственном и возбужденном состоянии вновь подошли к дверям княжеской спальни. Андрей отозвался на их стук, и, когда заговорщики ответили, что это пришел Прокопий — любимец князя, Андрей Боголюбский понял, что ему грозит беда: из-за двери прозвучал незнакомый голос. Князь приказал постельничьему отроку не открывать дверь, а сам тщетно пытался найти меч. В это время заговорщики взломали дверь и ворвались в спальню. Андрей Боголюбский отчаянно сопротивлялся, но силы были неравны. Заговорщики нанесли ему несколько ударов мечами, саблями, кололи его копьями. Решив, что Андрей убит, заговорщики вышли из спальни и уже покидали хоромы, когда вдруг его ключник Анбал услыхал стоны князя. Они вернулись и добили князя внизу у лестницы, куда ему удалось добраться. Затем заговорщики расправились с близкими князю людьми, ограбили его сокровищницу.

На следующее утро весть об убийстве Андрея Боголюбского облетела стольный град. Во Владимире, Боголюбове и окрестных селах начались волнения. Народ поднялся против княжеских посадников, тиунов, сборщиков налогов; нападениям подверглись и дворы богатых землевладельцев и горожан. Лишь через несколько дней бунт утих.

События во Владимиро-Суздальской земле показали, что центр политической власти окончательно переместился с юга на север Руси, что в отдельных русских княжествах-государствах стали крепнуть централизаторские тенденции, которые сопровождались отчаянной борьбой за власть между различными группами верхов населения. Эти процессы осложнялись выступлениями низших слоев городов и деревень, которые боролись против насилий и поборов со стороны князей, бояр, их слуг.

Гибель Андрея Боголюбского не остановила процесса централизации Владимиро-Суздальской Руси. Когда боярство Ростова и Суздаля попыталось посадить на престол племянников Андрея и управлять за их спиной княжеством, поднялись «меньшие люди» Владимира, Суздаля, Переяславля, других городов и пригласили на владимиро-суздальский престол Михаила — брата Андрея Боголюбского. Его конечная победа в нелегкой междоусобной борьбе с племянниками означала победу городов и поражение боярских клик.

После смерти Михаила его дело взял в свои руки вновь поддержанный городами третий сын Юрия Долгорукого Всеволод Юрьевич (1176—1212). В 1177 г . он, разгромив своих противников в открытом бою близ города Юрьева, овладел владимиро-суздальским престолом. Мятежные бояре были схвачены и заточены в тюрьму, их владения конфискованы. Поддержавшая мятежников Рязань была захвачена, а рязанский князь попал в плен. Всеволод III стал великим князем (вслед за Всеволодом I Ярославичем и Всеволодом II Ольговичем). Он получил прозвище «Большое Гнездо», так как имел восемь сыновей и восемь внуков, не считая потомства женского пола. В своей борьбе с боярством Всеволод Большое Гнездо опирался не только на города, но и на мужающее с каждым годом дворянство (в источниках к ним применяются термины «отроки», «мечники», «вирники», «гриди», «меньшая дружина» и т.д.), социальной чертой которого является служба князю за землю, доходы и другие милости. Эта категория населения существовала и прежде, Но теперь она становится все более многочисленной. С увеличением значения великокняжеской власти в некогда заштатном княжестве их роль и влияние также вырастали год от года. Они, по существу, несли всю основную государственную службу: в войске, судопроизводстве, посольских делах, сборе податей и налогов, расправе, дворцовых делах, управлении княжеским хозяйством.

Укрепив свои позиции внутри княжества, Всеволод Большое Гнездо стал оказывать все большее влияние на дела Руси: вмешивался в дела Новгорода, овладел землями в Киевской земле, подчинил полностью своему влиянию Рязанское княжество. Он успешно противоборствовал Волжской Булгарии. Его поход на Волгу 1183 г . закончился блестящей победой.

Тяжело заболев в 1212 г ., Всеволод Большое Гнездо собрал своих сыновей и завещал престол старшему Константину, сидевшему в то время в Ростове в качестве наместника отца.

Но Константин, уже крепко связавший свою судьбу с ростовским боярством, попросил отца оставить его в Ростове и туда перенести престол из Владимира. Поскольку это могло нарушить всю политическую ситуацию в княжестве, Всеволод при поддержке своих соратников и церкви передал престол второму по старшинству сыну Юрию, наказав ему оставаться во Владимире и отсюда управлять всей Северо-Восточной Русью.

Всеволод умер в возрасте 58 лет, «просидев» на великокняжеском престоле 36 лет. Его преемнику Юрию не сразу удалось взять верх над старшим братом. Последовала новая междоусобица, продлившаяся целых шесть лет, и только в 1218 г . Юрий Всеволодович сумел овладеть престолом. Тем самым была окончательно нарушена старая официальная традиция наследования власти по старшинству, отныне воля великого князя-«единодержавца» стала сильней, чем былая «старина».

Северо-Восточная Русь сделала еще один шаг к централизации власти. В борьбе за власть Юрий, однако, вынужден был пойти на компромиссы со своими братьями. Владимиро-Суздальская Русь распалась на ряд уделов, где сидели дети Всеволода III. Но процесс централизации был уже необратим. Монголо-татарское нашествие нарушило это естественное развитие политической жизни на Руси и отбросило его назад.

Глава 8. Культура Руси X — начала XIII в.

§ 1. Как зарождалась культура Руси

Культура народа является частью его истории. Ее становление, последующее развитие тесно связано с теми же историческими факторами, которые воздействуют на становление и развитие хозяйства страны, ее государственности, политической и духовной жизни общества. В понятие культуры входит, естественно, все, что создано умом, талантом, рукоделием народа, все, что выражает его духовную сущность, взгляд на мир, природу, человеческое бытие, на человеческие отношения.

Культура Руси складывается в те же века, что и становление русской государственности. Рождение народа шло одновременно по нескольким линиям — хозяйственной, политической, культурной. Русь складывалась и развивалась как средоточие огромного для того времени народа, состоящего поначалу из различных племен; как государства, жизнь которого развертывалась на огромной территории. И весь оригинальный культурный опыт восточного славянства стал достоянием единой русской культуры. Она складывалась как культура всех восточных славян, сохраняя в то же время свои региональные черты — одни для Поднепровья, другие — для Северо-Восточной Руси и т.д.

На развитие русской культуры влияло также то, что Русь складывалась как равнинное государство, открытое всем как внутриплеменным отечественным, так и иноплеменным международным влияниям. И шло это из глубины веков. В общей культуре Руси отразились как традиции, скажем, полян, северян, радимичей, новгородских славян, других восточнославянских племен, так и влияние соседних народов, с которыми Русь обменивалась производственными навыками, торговала, воевала, мирилась, — с угро-финскими племенами, балтами, иранскими племенами, другими славянскими народами и государствами.

В пору уже своего государственного становления Русь испытывала сильное влияние соседней Византии, которая Для своего времени была одним из наиболее культурных госу-

дарств мира. Таким образом, культура Руси складывалась с самого начала как синтетическая, т.е. находящаяся под влиянием различных культурных направлении, стилей, традиций.

Одновременно Русь не просто слепо копировала чужие влияния и безоглядно заимствовала их, но применяла к своим культурным традициям, к своему дошедшему из глубины веков народному опыту, пониманию окружающего мира, своему представлению о прекрасном.

Поэтому в чертах русской культуры мы постоянно сталкиваемся не только с влияниями извне, но с их порой значительной духовной переработкой, их постоянным преломлением в абсолютно русском стиле. Если влияние иноземных культурных традиций было сильнее в городах, которые сами по себе являлись центрами культуры, ее наиболее передовых для своего времени черт, то сельское население было в основном хранителем старинных культурных традиций, связанных с глубинами исторической памяти народа. В селах и деревнях жизнь текла в замедленном темпе, они были более консервативны, труднее поддавались различным культурным новшествам.

Долгие годы русская культура — устное народное творчество, искусство, архитектура, живопись, художественное ремесло — развивалась под влиянием языческой религии, языческого мировоззрения. С принятием Русью христианства положение резко изменилось. Прежде всего новая религия претендовала на то, чтобы изменить мировоззрение людей, их восприятие всей жизни, а значит и представлений о красоте, художественном творчестве, эстетическом влиянии.

Однако христианство, оказав сильнейшее воздействие на русскую культуру, особенно в области литературы, архитектуры, искусства, развития грамотности, школьного дела, библиотек — на те области, которые были теснейшим образом связаны с жизнью церкви, с религией, так и не смогло преодолеть народных истоков русской культуры. Долгими годами на Руси сохранялось двоеверие: официальная религия, которая преобладала в городах, и язычество, которое ушло в тень, но по-прежнему существовало в отдаленных частях Руси, особенно на северо-востоке, сохраняло свои позиции в сельской местности Развитие русской культуры отразило эту двойственность в духовной жизни общества, в народном быту Языческие духовные традиции, народные в своей основе, оказывали глубокое воздействие на все развитие русской культуры раннего средневековья.

Под влиянием народных традиций, устоев, привычек, под влиянием народного мировосприятия новым содержанием наполнялась и сама церковная культура, религиозная идеология. Суровое аскетическое христианство Византии на русской языческой почве с ее культом природы, поклонением солнцу, свету, ветру, с ее жизнерадостностью, жизнелюбием, глубокой человечностью существенно преобразилось, что нашло отражение во всех тех областях культуры, где византийское, христианское в своей основе культурное влияние было особенно велико. Не случайно во многих церковных памятниках культуры (например, сочинениях церковных авторов) мы видим совершенно светские, мирские рассуждения и отражение чисто мирских страстей. И не случайно, что вершина духовного достижения Древней Руси — гениальное «Слово о полку Игореве» все пронизано языческими мотивами, о чем мы еще скажем ниже.

Эта открытость и синтетичность древнерусской культуры, ее мощная опора на народные истоки и народное восприятие, выработанные всей многострадальной историей восточного славянства, переплетение христианских и народно-языческих влияний привело к тому, что в мировой истории называют феноменом русской культуры. Ее характерными чертами являются стремление к монументальности, масштабности, образности в летописании; народность, цельность и простота в искусстве; изящество, глубоко гуманистическое начало в архитектуре; мягкость, жизнелюбие, доброта в живописи; постоянное биение пульса исканий, сомнений, страсти в литературе. И над всем этим господствовала большая слитность творца культурных ценностей с природой, его ощущение сопричастности всему человечеству, переживания за людей, за их боль и несчастья. Не случайно опять же одним из любимых образов русской церкви и культуры стал образ святых Бориса и Глеба, человеколюбцев,

непротивленцев, пострадавших за единство страны, принявших муку ради людей. Эти особенности и характерные черты культуры Древней Руси проявились не сразу. В своих основных обличьях они развивались в течение столетий. Но потом, уже отлившись в более или менее устоявшиеся формы, долго и повсеместно сохраняли свою силу. И даже тогда, когда единая Русь политически распалась, общие черты русской культуры проявлялись в культуре отдельных княжеств. Несмотря на политические трудности, на местные особенности, это все равно была единая русская культура X — начала XIII в. Монголо-татарское нашествие, последующий окончательный распад русских земель, их подчинение соседним государствам надолго прервали это единство.

§ 2. Письменность, грамотность, школы

Основой любой древней культуры является письменность. Когда она зародилась на Руси? Долгое время существовало мнение, что письмо на Русь пришло вместе с христианством, с церковными книгами и молитвами. Однако согласиться с этим трудно. Есть свидетельство о существовании славянской письменности задолго до христианизации Руси. В 1949 г . советский археолог Д.В. Авдусин во время раскопок под Смоленском нашел глиняный сосуд, относящийся к началу X в., на котором было написано «горушна» (пряность). Это означало, что уже в это время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. Об этом же говорит и свидетельство византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла. Во время пребывания в Херсонесе в 60-е годы IX в. он познакомился с Евангелием, написанным славянскими буквами. В дальнейшем Кирилл и его брат Мефодий стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации.

Надо вспомнить и о том, что договоры Руси с Византией, относящиеся к первой половине X в., имели «противени» — копии, также написанные на славянском языке. К этому времени относится существование толмачей-переводчиков и писцов, которые записывали речи послов на пергамент.

Христианизация Руси дала мощный толчок дальнейшему развитию письменности, грамотности. На Русь со времени Владимира стали приезжать церковные грамотеи, переводчики из Византии, Болгарии, Сербии. Появились, особенно в период правления Ярослава Мудрого и его сыновей, многочисленные переводы греческих и болгарских книг как церковного, так и светского содержания. Переводятся, в частности, византийские исторические сочинения, жизнеописания христианских святых. Эти переводы становились достоянием грамотных людей: их с удовольствием читали в княжеской, боярской, купеческой среде, в монастырях, церквах, где зародилось русское летописание. В XI в. получают распространение такие популярные переводные сочинения, как «Александрия», содержащее легенды и предания о жизни и подвигах Александра Македонского, «Девгениево деяние», являющееся переводом византийской эпической поэмы о подвигах воина Дигениса.

Таким образом, грамотный русский человек XI в. знал многое из того, чем располагала письменность и книжная культура Восточной Европы, Византии.

Кадры первых русских грамотеев, переписчиков, переводчиков формировались в школах, которые были открыты при церквах со времени Владимира I и Ярослава Мудрого, а позднее при монастырях. Есть немало свидетельств о широком развитии грамотности на Руси в XI—XII вв. Однако она была распространена в основном лишь в городской среде, особенно в кругу богатых горожан, княжеско-боярской верхушки, купечества, зажиточных ремесленников. В сельской местности, в дальних, глухих местах население было почти сплошь неграмотным.

С XI в. в богатых семьях стали учить грамоте не только мальчиков, но и девочек. Сестра Владимира Мономаха Янка, основательница женского монастыря в Киеве, создала в нем школу для обучения девочек.

Ярким свидетельством широкого распространения грамотности в городах и пригородах являются так называемые берестяные грамоты. В 1951 г . во время археологических раскопок в Новгороде сотрудница экспедиции Нина Акулова извлекла из земли бересту с хорошо сохранившимися на ней буквами. «Я двадцать лет ждал этой находки!» — воскликнул руководитель экспедиции профессор А.В. Арциховский, давно предполагавший, что уровень грамотности Руси того времени должен был найти отражение в массовом письме, каким могли быть в отсутствии на Руси бумаги письмена либо на деревянных дощечках, о чем говорили иностранные свидетельства, либо на бересте. С тех пор в научный оборот введены сотни берестяных грамот, говорящих о том, что в Новгороде, Пскове, Смоленске, других городах Руси люди любили и умели писать друг другу. Среди писем деловые документы, обмен информацией, приглашение в гости и даже любовная переписка. Некто Микита написал своей возлюбленной Ульяне на бересте «От Микиты ко Улианици. Поиде за меня...».

Осталось и еще одно любопытное свидетельство о развитии грамотности на Руси: так называемые надписи граффити. Их выцарапывали на стенах церквей любители излить свою душу. Среди этих надписей размышления о жизни, жалобы, молитвы. Знаменитый Владимир Мономах, будучи еще молодым человеком, во время церковной службы, затерявшись в толпе таких же молодых князей, нацарапал на стене Софийского собора в Киеве «Ох тяжко мне» и подписался своим христианским именем «Василий».

§ 3. Летописи

Летописи — это средоточие истории Древней Руси, ее идеологии, понимания ее места в мировой истории — являются одним из важнейших памятников и письменности, и литературы, и истории, и культуры в целом. За составление летописей, т.е. погодных изложений событий, брались лишь люди самые грамотные, знающие, мудрые, способные не просто изложить разные дела год за годом, но и дать им соответствующее объяснение, оставить потомству видение эпохи так, как ее понимали летописцы.

Летопись была делом государственным, делом княжеским. Поэтому поручение составить летопись давалось не просто самому грамотному и толковому человеку, но и тому, кто сумел бы провести идеи, близкие той или иной княжеской ветви, тому или иному княжескому дому. Тем самым объективность и честность летописца вступали в противоречие с тем, что мы называем «социальным заказом». Если летописец не удовлетворял вкусам своего заказчика, с ним расставались и передавали составление летописи другому, более надежному, более послушному автору. Увы, работа на потребу власти зарождалась уже на заре письменности и не только на Руси, но и в других странах.

Летописание, по наблюдениям отечественных ученых, появилось на Руси вскоре после введения христианства. Первая летопись, возможно, была составлена в конце X в. Она была призвана отразить историю Руси со времени появления там новой династии Рюриковичей и до правления Владимира с его впечатляющими победами, с введением на Руси христианства. Уже с этого времени право и обязанность вести летописи были даны деятелям церкви. Именно в церквах и монастырях обретались самые грамотные, хорошо подготовленные и обученные люди — священники, монахи. Они располагали богатым книжным наследием, переводной литературой, русскими записями старинных сказаний, легенд, былин, преданий; в их распоряжении были и великокняжеские архивы. Им подручней всего было выполнить эту ответственную и важную работу: создать письменный исторический памятник эпохи, в которой они жили и работали, связав ее с прошлыми временами, с глубокими историческими истоками.

Ученые считают, что, прежде чем появились летописи — масштабные исторические сочинения, охватывающие несколько веков русской истории, — существовали отдельные записи, в том числе церковные, устные рассказы, которые поначалу и послужили основой для первых обобщающих сочинений. Это были истории о Кие и основании Киева, о походах русских войск против Византии, о путешествии княгини Ольги в Константинополь, о войнах

Святослава, сказание об убийстве Бориса и Глеба, а также былины, жития святых, проповеди, предания, песни, разного рода легенды.

Позднее, уже в пору существования летописей к ним присоединялись все новые рассказы, сказания о впечатляющих событиях на Руси, вроде знаменитой распри 1097 г . и ослеплении молодого князя Василька, или о походе русских князей на половцев в 1111 г . Летопись включила в свой состав и воспоминания Владимира Мономаха о жизни — его «Поучение детям».

Вторая летопись была создана при Ярославе Мудром в пору, когда он объединил Русь, заложил храм Святой Софии. Эта летопись вобрала в себя предшествующую летопись, другие материалы.

Уже на первом этапе создания летописей стало очевидным, что они представляют собой коллективное творчество, являются сводом предшествующих летописных записей, документов, разного рода устных и письменных исторических свидетельств. Составитель очередного летописного свода выступал не только как автор соответствующих заново написанных частей летописи, но и как составитель и редактор. Вот это-то его умение направить идею свода в нужную сторону высоко ценилось киевскими князьями.

Очередной летописный Свод был создан знаменитым Иларионом, который писал его, видимо, под именем монаха Никона, в 60—70-е годы XI в., после смерти Ярослава Мудрого. А потом появился Свод уже во времена Святополка в 90-е годы XI в.

Свод, за который взялся монах Киево-Печерского монастыря Нестор и который вошел в нашу историю под именем «Повести временных лет», оказался, таким образом, по меньшей мере пятым по счету и создавался в первое десятилетие XII в. при дворе князя Святополка. И каждый свод обогащался все новыми и новыми материалами, и каждый автор вносил в него свой талант, свои знания, эрудицию. Свод Нестора был в этом смысле вершиной раннего русского летописания.

В первых строках своей летописи Нестор поставил вопрос «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и откуда Русская земля стала есть». Таким образом, уже в этих первых словах летописи говорится о тех масштабных целях, которые поставил перед собой автор. И действительно, летопись не стала обычной хроникой, каких немало было в ту пору в мире — сухих, бесстрастно фиксирующих факты, но взволнованным рассказом тогдашнего историка, вносящего в повествование философско-религиозные обобщения, свою образную систему, темперамент, свой стиль. Происхождение Руси, как мы об этом уже говорили, Нестор рисует на фоне развития всей мировой истории. Русь — это один из европейских народов.

Используя предшествующие своды, документальные материалы, в том числе, например, договоры Руси с Византией, летописец развертывает широкую панораму исторических событий, которые охватывают как внутреннюю историю Руси — становление общерусской государственности с центром в Киеве, так и международные отношения Руси с окружающим миром. Целая галерея исторических деятелей проходит на страницах Несторовой летописи — князья, бояре, посадники, тысяцкие, купцы, церковные деятели. Он рассказывает о военных походах, об организации монастырей, закладке новых храмов и об открытии школ, о религиозных спорах и реформах внутрирусской жизни. Постоянно касается Нестор и жизни народа в целом, его настроений, выражений недовольства княжеской политикой. На страницах летописи мы читаем о восстаниях, убийствах князей и бояр, жестоких общественных схватках. Все это автор описывает вдумчиво и спокойно, старается быть объективным, насколько вообще может быть объективным глубоко религиозный человек, руководствующийся в своих оценках понятиями христианской добродетели и греха. Но, прямо скажем, его религиозные оценки весьма близки к общечеловеческим оценкам. Убийство, предательство, обман, клятвопреступление Нестор осуждает бескомпромиссно, но превозносит честность, смелость, верность, благородство, другие прекрасные человеческие качества. Вся летопись была проникнута чувством единства Руси, патриотическим настроением. Все основные события в ней оценивались не только с точки зрения религиозных понятий, но и с позиций

этих общерусских государственных идеалов. Этот мотив звучал особенно значительно в преддверии начавшегося политического распада Руси.

В 1116—1118 гг. летопись снова была переписана. Княживший тогда в Киеве Владимир Мономах и его сын Мстислав были недовольны тем, как Нестор показал роль в русской истории Святополка, по заказу которого в Киево-Печерском монастыре и писалась «Повесть временных лет». Мономах отнял летописание у печерских монахов и передал его в свой родовой Выдубицкий монастырь. Его игумен Сильвестр и стал автором нового Свода. Положительные оценки Святополка были поумерены, а подчеркнуты все деяния Владимира Мономаха, но основной корпус «Повести временных лет» остался неизменным. И в дальнейшем Несторов труд входил непременной составной частью как в киевское летописание, так и в летописи отдельных русских княжеств, являясь одной из связующих нитей для всей русской культуры.

В дальнейшем по мере политического распада Руси и возвышения отдельных русских центров летописание стало дробиться. Кроме Киева и Новгорода появились свои летописные своды в Смоленске, Пскове, Владимире-на-Клязьме, Галиче, Владимире-Волынском, Рязани, Чернигове, Переяславле-Русском. В каждом из них отражались особенности истории своего края, на первый план выносились собственные князья. Так, Владимиро-Суздальские летописи показывали историю правления Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо; Галицкая летопись начала XIII в. стала по существу биографией знаменитого князя-воина Даниила Галицкого; о черниговской ветви Рюриковичей повествовала в основном Черниговская летопись. И все же и в местном летописании четко просматривались общерусские культурные истоки. История каждой земли сопоставлялась со всей русской историей, «Повесть временных лет» являлась непременной частью многих местных летописных сводов. Некоторые из них продолжали традицию русского летописания XI в. Так, незадолго до монголо-татарского нашествия, на рубеже XII—XIII вв. в Киеве был создан новый летописный свод, в котором отражались события, происходившие в Чернигове, Галиче, Владимиро-Суздальской Руси, Рязани и других русских городах. Видно, что автор свода имел в своем распоряжении летописи различных русских княжеств и использовал их. Хорошо знал летописец и европейскую историю. Он упомянул, например, III крестовый поход Фридриха Барбароссы. В различных русских городах, в том числе в Киеве, в Выдубицком монастыре, создавались целые библиотеки летописных сводов, которые становились источниками для новых исторических сочинений XII—XIII вв.

Сохранение общерусской летописной традиции показал Владимиро-Суздальский летописный свод начала XIII в., охвативший историю страны от легендарного Кия до Всеволода Большое Гнездо.

§ 4. Литература

Общий подъем Руси в XI в., создание центров письменности, грамотности, появление целой плеяды образованных людей своего времени в княжеско-боярской, церковно-монастырской среде определили развитие древнерусской литературы. Эта литература развивалась, складывалась вместе с развитием летописания, ростом общей образованности обще ства. У людей появилась потребность донести до читателей свои взгляды на жизнь, размышления о смысле власти и общества, роли религии, поделиться своим жизненным опытом. Литература вызывалась к жизни также потребностями времени: нуждами церкви, заказами княжеской верхушки. На этом общем благоприятном культурном фоне появлялись оригинально и независимо мыслящие писатели, средневековые публицисты, поэты.

Нам неведомы имена авторов сказаний о походах Олега, о крещении Ольги или войнах Святослава. Первым известным автором литературного произведения на Руси стал священник княжеской церкви в Берестове, впоследствии митрополит Иларион. В начале 40-х годов XI в. он создал свое знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором в яркой пуб-

лицистической форме изложил свое понимание места Руси в мировой истории. О нем уже шла речь.

Во второй половине XI в. появляются и другие яркие литературно-публицистические произведения: «Память и похвала Владимира» монаха Иакова, в котором идеи Илариона получают дальнейшее развитие и применяются к исторической фигуре Владимира I. В это же время создаются «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», «Сказание о Борисе и Глебе», святых покровителях и защитниках Русской земли.

В последней четверти XI в. начинает работать над своими сочинениями монах Нестор. Летопись была его завершающей фундаментальной работой. До этого он создал знаменитое «Чтение о житии Бориса и Глеба». В нем, как и в «Слове» Илариона, как позднее в «Повести временных лет», звучат идеи единства Руси, воздается должное ее защитникам и радетелям. Уже в ту пору русских авторов беспокоит эта нарастающая политическая вражда в русских землях, в которой они угадывают предвестие будущей политической катастрофы.

Литература XII в. продолжает традиции русских сочинений XI в. Создаются новые церковные и светские произведения, отмеченные яркой формой, богатством мыслей, Широкими обобщениями; возникают новые жанры литературы.

На склоне лет Владимир Мономах пишет свое знаменитое «Поучение детям», ставшее одним из любимых чтений русских людей раннего средневековья.

В начале XII в. один из сподвижников Мономаха игумен Даниил создает свое, не менее знаменитое «Хождение игумена Даниила в святые места».

Богомольный русский человек отправился к гробу Господню и проделал длинный и трудный путь — до Константинополя, потом через острова Эгейского моря на остров Крит, оттуда в Палестину и до Иерусалима, где в это время было основано первое государство крестоносцев во главе с королем Болдуином. Даниил подробно описал весь свой путь, рассказал о пребывании при дворе иерусалимского короля, о походе с ним против арабов. Даниил молился у гроба Господня, поставил там лампаду от всей Русской земли: около гроба Христа он отпел пятьдесят литургий «за князей русских и за всех христиан».

И «Поучение», и «Хождение» были первыми в своем роде жанрами русской литературы.

XII — начало XIII в. дали немало и других ярких религиозных и светских сочинений, которые пополнили сокровищницу русской культуры. Среди них «Слово» и «Моление» Даниила Заточника, который, побывав в заточении, испытав ряд других житейских драм, размышляет о смысле жизни, о гармоничном человеке, об идеальном правителе. Обращаясь к своему князю в «Молении», Даниил говорит о том, что настоящий человек должен сочетать в себе силу Самсона, храбрость Александра Македонского, разум Иосифа, мудрость Соломона, хитрость Давида. Обращение к библейским сюжетам и древней истории помогает ему донести свои идеи до адресата. Человек, по мысли автора, должен укреплять сердце красотой и мудростью, помогать ближнему в печали, оказывать милость нуждающимся, противостоять злу. Гуманистическая линия древней русской литературы и здесь прочно утверждает себя.

Автор середины XII в. киевский митрополит Климентий Смолятич в своем «Послании» священнику Фоме, ссылаясь на греческих философов Аристотеля, Платона, на творчество Гомера, также воссоздает образ высоконравственного человека, чуждого властолюбию, сребролюбию и тщеславию.

В своей «Притче о человеческой душе» (конец XII в.) епископ города Турова Кирилл, опираясь на христианское миропонимание, дает свое толкование смысла человеческого бытия, рассуждает о необходимости постоянной связи души и тела. В то же время он ставит в своей «Притче» вполне злободневные для русской действительности вопросы, размышляет о взаимоотношении церковной и светской власти, защищает национально-патриотическую идею единства Русской земли, которая была особенно важна в то время, как владимиро-суздальские князья начали осуществлять централизаторскую политику накануне монголо-татарского нашествия.

Одновременно с этими сочинениями, где религиозные н светские мотивы постоянно переплетались, переписчики в монастырях, церквах, в княжеских и боярских домах усердно переписывали церковные служебные книги, молитвы, сборники церковных преданий, жизнеописания святых, древнюю богословскую литературу. Все это богатство религиозной, богословской мысли также составляло неотъемлемую часть общей русской культуры.

Но, конечно, наиболее ярко синтез русской культуры, переплетение в ней языческих и христианских черт, религиозных и светских, общечеловеческих и национальных мотивов прозвучало в «Слове о полку Игореве». Это поэма эпохи. Это ее поэтическое образное выражение. Это не только взволнованный призыв к единству Русской земли, не только горделивый рассказ о мужестве «русичей» и не только плач по погибшим, но и размышления о месте Руси в мировой истории, о связи Руси с окружающими народами. Века «Траяна» и Херсонес, венецианцы, немцы, греки — все они связаны с судьбой Русской земли, где славен лишь тот, кто выражает ее подлинные интересы.

А ведь эти произведения XII в., звучавшие на всю Русь, были созданы в период самой большой политической раздробленности страны.

§ 5. Архитектура

Недаром говорят, что архитектура — это душа народа, воплощенная в камне. К Руси это относится лишь с некоторой поправкой. Русь долгие годы была страной деревянной, и ее архитектура, языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. В дереве русский человек, прежде всего как и народы, жившие рядом с восточными славянами, выражал свое восприятие строительной красоты, чувство пропорций, слияние архитектурных сооружений с окружающей природой. Если деревянная архитектура восходит в основном к Руси языческой, то архитектура каменная связана с Русью уже христианской. Подобного перехода не знала Западная Европа, издревле строившая и храмы, и жилища из камня. К сожалению, древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, но архитектурный стиль народа дошел до нас в позднейших деревянных сооружениях, в древних описаниях и рисунках. Для русской деревянной архитектуры была характерна многоярусность строений, увенчивание их башенками и теремами, наличие разного рода пристроек — клетей, переходов, сеней. Затейливая художественная резьба по дереву была традиционным украшением русских деревянных строений. Эта традиция живет в народе. и до настоящей поры.

Мир Византии, мир христианства, стран Кавказа привнес на Русь новый строительный опыт и традиции: Русь восприняла сооружение своих церквей по образу крестово-купольного храма греков: квадрат, расчлененный четырьмя столбами, составляет его основу; примыкающие к подкупольному пространству прямоугольные ячейки образуют архитектурный крест. Но этот образец греческие мастера, прибывшие на Русь, начиная со времени Владимира, а также работающие с ними русские умельцы применяли к традициям русской деревянной архитектуры, привычной для русского глаза и милой сердцу. Если первые русские храмы, в том числе Десятинная церковь, в конце X в. были выстроены греческими мастерами в строгом соответствии с византийскими традициями, то Софийский собор в Киеве отразил сочетание славянских и византийских традиций: на основу крестово-купольного храма были поставлены тринадцать веселых глав нового храма. Эта ступенчатая пирамида Софийского собора воскресила стиль русского деревянного зодчества.

Софийский собор, созданный в пору утверждения и возвышения Руси при Ярославе Мудром, показал, что строительство — это тоже политика. Этим храмом Русь бросила вызов Византии, ее признанной святыне — константинопольскому Софийскому собору. В XI в. выросли Софийские соборы в других крупных центрах Руси — Новгороде, Полоцке, и каждый из них претендовал на свой, независимый от Киева престиж, как и Чернигов, где был сооружен монументальный Спасо-Преображенский собор. По всей Руси были построены монументальные многокупольные храмы с толстыми стенами, маленькими оконцами, свидетельства мощи и красоты.

В XII в. традиции древнерусской архитектуры не утрачивают свою связь. По образному выражению одного искусствоведа, по всей Руси прошагали русские однокупольные храмы-богатыри, сменившие прежние пирамиды. Купол возносился вверх на мощном, массивном квадрате. Таким стал Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме, собор святого Георгия в Юрьеве-Польском.

Большого расцвета архитектура достигла в годы правления Андрея Боголюбского во Владимире-на-Клязьме. С его именем связаны постройка Успенского собора во Владимире, красиво расположенного на крутом берегу Клязьмы, белокаменного дворца в селе Боголюбове, «Золотых ворот» во Владимире — мощного белокаменного куба, увенчанного златоглавой церковью. При нем же было создано чудо русской архитектуры — храм Покрова на Нерли. Князь построил эту церковь неподалеку от своих палат после кончины любимого сына Изяслава. Эта небольшая однокупольная церковь стала поэмой из камня, в которой гармонично сочетаются скромная красота природы, тихая грусть, просветленная созерцательность архитектурных линий.

Брат Андрея — Всеволод III продолжал эту строительную деятельность. Его мастера оставили потомству замечательный Дмитриевский собор во Владимире — величественный и скромный.

Одновременно строились храмы в Новгороде и Смоленске, Чернигове и Галиче, закладывались новые крепости, сооружались каменные дворцы, палаты богатых людей. Характерной чертой русской архитектуры тех десятилетий стала украшающая сооружения резьба по камню. Удивительное это искусство мы видим на стенах соборов во Владимиро-Суздальской Руси, Новгороде, других русских городах.

Другой чертой, роднящей всю русскую архитектуру той поры, стало органическое сочетание архитектурных сооружений с природным ландшафтом. Посмотрите, как поставлены и доныне стоят русские церкви, и вы поймете, о чем идет речь.

§ 6. Искусство

Древнерусское искусство — живопись, скульптура, музыка — с принятием христианства также пережило ощутимые перемены. Языческая Русь знала все эти виды искусства, но в чисто языческом, народном выражении. Древние резчики по дереву, камнерезы создавали деревянные и каменные скульптуры языческих богов, духов. Живописцы разрисовывали стены языческих капищ, делали эскизы магических масок, которые затем изготовлялись ремесленниками; музыканты, играя на струнных и духовых деревянных инструментах, увеселяли племенных вождей, развлекали простой народ.

Христианская церковь внесла в эти виды искусства совершенно иное содержание. Церковное искусство подчинено высшей цели — воспеть христианского Бога, подвиги апостолов, святых, деятелей церкви. Если в языческом искусстве «плоть» торжествовала над «духом» и утверждалось все земное, олицетворяющее природу, то церковное искусство воспевало победу «духа» над плотью, утверждало высокие подвиги человеческой души ради нравственных принципов христианства. В византийском искусстве, считавшемся в те времена самым совершенным в мире, это нашло выражение в том, что там и живопись, и музыка, и искусство ваяния создавались в основном по церковным канонам, где отсекалось все, что противоречило высшим христианским принципам. Аскетизм и строгость в живописи (иконопись, мозаика, фреска), возвышенность, «божественность» греческих церковных молитв и песнопений, сам храм, становящийся местом молитвенного общения людей, — все это было свойственно византийскому искусству. Если та или иная религиозная, богословская тема была в христианстве раз и навсегда строго установлена, то и ее выражение в искусстве, по мнению византийцев, должно было выражать эту идею лишь раз и навсегда установленным образом; художник становился лишь послушным исполнителем канонов, которые диктовала церковь.

И вот перенесенное на русскую почву каноническое по содержанию, блестящее по своему исполнению искусство Византии столкнулось с языческим мировосприятием восточных славян, с их радостным культом природы — солнца, весны, света, с их вполне земными представлениями о добре и зле, о грехах и добродетелях. С первых же лет византийское церковное искусство на Руси испытало на себе всю мощь русской народной культуры и народных эстетических представлений.

Выше уже шла речь о том, что однокупольный византийский храм на Руси XI в. преобразовался в многокупольную пирамиду, основу которой составляло русское деревянное зодчество. То же произошло и с живописью. Уже в XI в. строгая аскетическая манера византийской иконописи превращалась под кистью русских художников в портреты, близкие к натуре, хотя русские иконы и несли в себе все черты условного иконописного лика. В это время прославился печерский монах-живописец Алимпий, про которого современники говорили, что он «иконы писать хитр бе [был] зело». Про Алимпия рассказывали, что иконописание было главным средством его существования. Но заработанное он тратил весьма своеобразно: на одну часть покупал все, что было необходимо для его ремесла, другую отдавал беднякам, а третью жертвовал в Печерский монастырь.

Наряду с иконописью развивалась фресковая живопись, мозаика. Фрески Софийского собора в Киеве показывают манеру письма здешних греческих и русских мастеров, их приверженность человеческому теплу, цельности и простоте. На стенах собора мы видим и изображения святых, и семью Ярослава Мудрого, и изображение русских скоморохов, и Животных. Прекрасная иконописная, фресковая, мозаичная живопись наполняла и другие храмы Киева. Известны своей большой художественной силой мозаики Михайловского Златоверхого монастыря с их изображением апостолов, святых, которые потеряли свою византийскую суровость; лики их стали более мягкими, округлыми.

Позднее складывалась новгородская школа живописи. Ее характерными чертами стали ясность идеи, реальность изображения, доступность. От XII в. до нас дошли замечательные творения новгородских живописцев: икона «Ангел Златые власы», где при всей византийской условности облика Ангела чувствуется трепетная и красивая человеческая душа. Или икона «Спас Нерукотворный» (также XII в.), на которой Христос со своим выразительным изломом бровей предстает грозным, все понимающим судьей человеческого рода. В иконе «Успение Богородицы» в лицах апостолов запечатлена вся скорбь утраты. И таких шедевров Новгородская земля дала немало. Достаточно вспомнить, например, знаменитые фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (конец XII в.).

Широкое распространение иконописной, фресковой живописи было характерно и для Чернигова, Ростова, Суздаля, позднее Владимира-на-Клязьме, где замечательные фрески, изображающие «Страшный суд», украшали Дмитриевский собор.

В начале XIII в. прославилась ярославская школа иконописи. В монастырях и церквах Ярославля было написано немало превосходных иконописных произведений. Особенно известна среди них так называемая «Ярославская Оранта», изображавшая Богородицу. Ее прообразом стало мозаичное изображение Богородицы в Софийском соборе в Киеве работы греческих мастеров, запечатлевших суровую властную женщину, простирающую руки над человечеством. Ярославские же искусники сделали облик Богородицы теплее, человечнее. Это прежде всего мать-заступница, несущая людям помощь и сострадание. Византийцы видели Богородицу по-своему, русские живописцы — по-своему.

На протяжении долгих веков на Руси развивалось, совершенствовалось искусство резьбы по дереву, позднее — по камню. Деревянные резные украшения вообще стали характерной чертой жилищ горожан и крестьян, деревянных храмов.

Белокаменная резьба Владимиро-Суздальской Руси, особенно времени Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, в украшениях дворцов, соборов стала примечательной чертой древнерусского искусства вообще.

Прекрасной резьбой славились утварь и посуда. В искусстве резчиков с наибольшей полнотой проявлялись русские народные традиции, представления русичей о прекрасном и

изящном. Знаменитый художественный критик второй половины XIX — начала XX в. Стасов писал: «Есть еще пропасть людей, которые воображают, что нужно быть изящным только в музеях, в картинах и статуях, в громадных соборах, наконец, во всем исключительном, особенном, а что касается до остального, то можно расправляться как ни попало — дескать, дело пустое и вздорное... Нет, настоящее, цельное, здоровое в самом деле искусство существует лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простерлась уже на сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь». Древние русичи, окружая свою жизнь постоянной скромной красотой, давно подтвердили справедливость этих слов.

Это касалось не только резьбы по дереву и камню, но и многих видов художественных ремесел. Изящные украшения, подлинные шедевры создавали древнерусские ювелиры — золотых и серебряных дел мастера. Они делали браслеты, серьги, подвески, пряжки, диадемы, медальоны, отделывали золотом, серебром, эмалью, драгоценными камнями утварь, посуду, оружие. С особенными старанием и любовью мастера-искусники украшали оклады икон, а также книги. Примером может служить искусно отделанный кожей, ювелирными украшениями оклад «Остромирова евангелия», созданного по заказу киевского посадника Остромира во времена Ярослава Мудрого.

До сих пор вызывают восхищение сделанные киевским ремесленником серьги (XI—XII вв.): кольца с полукруглыми щитами, к которым припаяны по шесть серебряных конусов с шариками и 500 колечками диаметром 0,06 см из проволоки диаметром 0,02 см . На колечках закреплены крошечные зернышки серебра диаметром 0,04 см . Как делали это люди, не располагая увеличительными приборами, представить себе трудно.

Составной частью искусства Руси являлось музыкальное, певческое искусство. В «Слове о полку Игореве» упоминается легендарный сказитель-певец Боян, который «напускал» свои пальцы на живые струны и они «сами князьям славу рокотали». На фресках Софийского собора мы видим изображение музыкантов, играющих на деревянных духовых и струнных инструментах — лютне и гуслях. Из летописных сообщений известен талантливый певец Митус в Галиче. В некоторых церковных сочинениях, направленных против славянского языческого искусства, упоминаются уличные скоморохи, певцы, танцоры; существовал и народный кукольный театр. Известно, что при дворе князя Владимира, при дворах других видных русских властелинов во время пиров присутствующих развлекали певцы, сказители, исполнители на струнных инструментах.

И, конечно, важным элементом всей древнерусской культуры являлся фольклор — песни, сказания, былины, пословицы, поговорки, афоризмы. В свадебных, застольных, похоронных песнях отражались многие черты жизни людей того времени. Так, в древних свадебных песнях говорилось и о том времени, когда невест похищали, «умыкали» (конечно, с их согласия), в более поздних — когда их выкупали, а в песнях уже христианского времени шла речь о согласии и невесты, и родителей на брак.

Целый мир русской жизни открывается в былинах. Их основной герой — это богатырь, защитник народа. Богатыри обладали огромной физической силой. Так, о любимом русском богатыре Илье Муромце говорилось: «Куда не махнет, тут и улицы лежат, куда отвернет — с переулками». Одновременно это был очень миролюбивый герой, который брался за оружие лишь в случае крайней необходимости. Как правило, носителем такой неуемной силы является выходец из народа, крестьянский сын. Народные богатыри обладали также огромной чародейской силой, мудростью, хитростью. Так, богатырь Волхв Всеславич мог обернуться сизым соколом, серым волком, мог стать и Туром-Золотые рога. Народная память сохранила образ богатырей, которые вышли не только из крестьянской среды, — боярский сын Добрыня Никитич, представитель духовенства хитрый и изворотливый Алеша Попович. Каждый из них обладал своим характером, своими особенностями, но все они были как бы выразителями народных чаяний, дум, надежд. И главной из них была защита от лютых врагов.

В былинных обобщенных образах врагов угадываются и реальные внешнеполитические противники Руси, борьба с которыми глубоко вошла в сознание народа. Под именем Тугарина просматривается обобщенный образ половцев с их ханом Тугорканом, борьба с которым заняла целый период в истории Руси последней четверти XI в. Под именем «Жидовина» выводится Хазария, государственной религией которой было иудейство. Русские былинные богатыри верно служили былинному же князю Владимиру. Его просьбы о защите Отечества они выполняли, к ним он обращался в решающие часы. Непростыми были отношения богатырей и князя. Были здесь и обиды, и непонимание. Но все они — и князь и герои в конце концов решали одно общее дело — дело народа. Ученые показали, что под именем князя Владимира не обязательно имеется в виду Владимир I. В этом образе слился обобщенный образ и Владимира Святославича — воителя против печенегов, и Владимира Мономаха — защитника Руси от половцев, и облик других князей — смелых, мудрых, хитрых. А в более древних былинах отразились легендарные времена борьбы восточных славян с киммерийцами, сарматами, скифами, со всеми теми, кого степь столь щедро посылала на завоевание восточнославянских земель. Это были старые богатыри совсем древних времен, и былины, повествующие о них, сродни эпосу Гомера, древнему эпосу других европейских и индоевропейских народов.

§ 7. Быт народа

Культура народа неразрывно связана с его бытом, повседневной жизнью, как и быт народа, определяемый уровнем развития хозяйства страны, тесно связан с культурными процессами. Народ Древней Руси жил как в больших для своего времени городах, насчитывающих десятки тысяч человек, так и в селах в несколько десятков дворов и деревнях, особенно на северо-востоке страны, в которых группировалось по два-три двора.

Все свидетельства современников говорят о том, что Киев был большим и богатым городом. По своим масштабам, множеству каменных зданий-храмов, дворцов он соперничал с другими тогдашними европейскими столицами. Недаром дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна, вышедшая замуж во Францию и приехавшая в Париж XI в., была удивлена провинциальностью французской столицы по сравнению с блистающим на пути из «варяг в греки» Киевом. Здесь сияли своими куполами златоверхие храмы, поражали изяществом дворцы Владимира, Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича, удивляли монументальностью, замечательными фресками Софийский собор, Золотые ворота — символ побед русского оружия. А неподалеку от княжеского дворца стояли бронзовые кони, вывезенные Владимиром из Херсонеса; в старом городе находились дворцы видных бояр, здесь же на горе располагались и дома богатых купцов, других видных горожан, духовенства. Дома украшались коврами, дорогими греческими тканями. С крепостных стен города можно было видеть в зеленых кущах белокаменные церкви Печерского, Выдубицкого и других киевских монастырей.

Во дворцах, богатых боярских хоромах шла своя жизнь — здесь располагались дружинники, слуги, толпилась бесчисленная челядь. Отсюда шло управление княжествами, городами, селами, здесь судили и рядили, сюда свозились дани и подати. На сенях, в просторных гридницах нередко проходили пиры, где рекой текло заморское вино и свой родной «мед», слуги разносили огромные блюда с мясом и дичью. Женщины сидели за столом на равных с мужчинами. Женщины вообще принимали активное участие в управлении, хозяйстве, других делах. Известно немало женщин — деятельниц такого рода: княгиня Ольга, сестра Мономаха Янка, мать Даниила Галицкого, жена Андрея Боголюбского и др. Гусляры услаждали слух именитых гостей, пели им «славу», большие чаши, рога с вином ходили по кругу. Одновременно происходила раздача пищи, мелких денег от имени хозяина неимущим. На всю Русь славились такие пиры и такие раздачи во времена Владимира I.

Любимыми забавами богатых людей были соколиная, ястребиная, псовая охота. Для простого люда устраивались скачки, турниры, различные игрища. Неотъемлемой частью древнерусского быта, особенно на Севере, впрочем, как и в поздние времена, являлась баня.

В княжеско-боярской среде в три года мальчика сажали на коня, затем отдавали его на попечение и выучку пестуну (от «пестовать» — воспитывать). В 12 лет молодых князей вместе с видными боярами-советниками отправляли на управление волостями и городами.

Внизу, на берегах Днепра шумел веселый киевский торг, где, кажется, продавались изделия и продукты не только со всей Руси, но и со всего тогдашнего света, включая Индию и Багдад.

По склонам гор к Подолу спускались разнообразные — от хороших деревянных домов до убогих землянок — жилища ремесленников, работных людей. У причалов Днепра и Почайны теснились сотни больших и малых судов. Были здесь и огромные княжеские многовесельные и многопарусные ладьи, и купеческие усадистые насады, и бойкие, юркие лодочки.

По улицам города сновала пестрая разноязыкая толпа. Проходили здесь бояре и дружинники в дорогих шелковых одеждах, в украшенных мехом и золотом плащах, в епанчах, в красивых кожаных сапогах. Пряжки их плащей были сделаны из золота и серебра. Появлялись и купцы в добротных льняных рубахах и шерстяных кафтанах, сновали и люди победнее, в холщовых домотканых рубахах и портах. Богатые женщины украшали себя золотыми и серебряными цепями, ожерельями из бисера, который очень любили на Руси, серьгами, другими ювелирными изделиями из золота и серебра, отделанными эмалью, чернью. Но были украшения и попроще, подешевле, сделанные из недорогих камешков, простого металла — меди, бронзы. Их с удовольствием носили небогатые люди. Известно, что женщины уже тогда носили традиционную русскую одежду — сарафаны; голову накрывали убрусами (платками).

Похожие храмы, дворцы, такие же деревянные дома и такие же полуземлянки на окраинах стояли и в других русских городах, так же шумели торги, а в праздники нарядные жители заполняли узкие улицы.

Своя жизнь, полная трудов, тревог, текла в скромных русских селах и деревнях, в рубленых избах, в полуземлянках с печками-каменками в углу. Там люди упорно боролись за существование, распахивали новые земли, разводили скот, бортничали, охотились, оборонялись от «лихих» людей, а на юге — от кочевников, вновь и вновь отстраивали сожженные врагами жилища. Причем, нередко пахари выходили в поле вооруженные рогатинами, дубинами, луком и стрелами, чтобы отбиться от половецкого дозора. Долгими зимними вечерами при свете лучин женщины пряли, мужчины пили хмельные напитки, мед, вспоминали минувшие дни, слагали и пели песни, слушали сказителей и сказительниц былин, а с деревянных полатей, из дальних углов за ними с любопытством и интересом наблюдали глаза маленьких русичей, чья жизнь, полная таких же забот и тревог, была еще впереди.

Глава 9. Начало монголо-татарского вторжения на Русь

§ 1. Рождение монгольской державы

В начале XIII в. на Русь стали доходить смутные слухи о появлении где-то на Востоке новой мощной державы степных кочевников. Эти сведения доносили купцы из Индии и Средней Азии, путешественники. А вскоре новая грозная опасность встала уже у русских границ. Это были монголо-татары.

О зарождении и развитии монгольского государства надо сказать особо, потому что на долгие годы его история трагически сплелась с судьбой русских земель, стала неотделимой частью российской истории.

Во второй половине XII — начале XIII в. на огромных пространствах от Великой Китайской стены до озера Байкал жили многочисленные монгольские племена. Собственно монголы были одним из этих племен. Именно это племя дало потом обобщенное имя всему монгольскому государству. Татары были другим здешним племенем, кочевавшим в районе озера Буир-Нур. Они враждовали с монголами, но позднее объединились под их началом. Но случилось так, что во внешнем мире и особенно на Руси именно это название — «татары» закрепилось за новым государством.

Во второй половине XII в. среди монгольских племен, с учетом кочевой специфики, происходили примерно те же социальные процессы, что и в Западной Европе в V—VII вв., у восточных славян в VIII—IX вв. Шло разложение первобытнообщинных отношений, появлялась частная собственность; хозяйственной основой монгольского общества стал уже не род, а отдельная семья. Это изменило весь уклад жизни монголов. Одно лишь большое различие имелось в жизни монгольского общества и народов Западной и Восточной Европы, проходивших тот же путь на несколько веков ранее. Основная часть монгольских племен, в первую очередь те, кто жили на юге, в степных районах, были кочевниками-скотоводами. Основой их хозяйства были несметные табуны коней, стада рогатого скота, овец. Северные племена, жившие в лесостепной и лесной полосе, в основном занимались охотой, звероловством, рыбной ловлей. На огромных пространствах монгольских земель не было равномерного развития отдельных племен. Южные племена были наиболее развиты в хозяйственном отношении, наиболее богаты. Кочевое скотоводство, превосходные пастбища давали здесь возможность отдельным семьям выделяться в хозяйственном отношении. В первую очередь такую возможность получали племенные вожди-ханы, племенные старейшины-нойоны. Появились семьи, в руках которых сосредоточивались тысячи голов скота, которые либо путем насилия, либо путем купли, заклада захватывали себе лучшие, наиболее удобные пастбища. Так формировалась племенная знать, племенная верхушка во главе с ханом. Основная часть скотоводов-аратов все чаще попадала в зависимость от богатой верхушки монгольского общества.

Раньше монголы кочевали общинами — «куренями» или «кольцами», которые насчитывали до тысячи кибиток. В центре такого кочевья находилась кибитка вождя. Теперь стали появляться кочевья семьями-айлами, хотя в период военных противоборств старая куренная система организации войска еще сохранялась. Ханы, нойоны получили возможность за счет накопленных богатств нанимать к себе на службу дружинников-нукеров. У ханов-вождей появилась собственная гвардия из нукеров, которые помогали осуществлять контроль над собственным племенем, являлись ударной силой племени во время войн. И в этом смысле монгольское общество напоминало европейцев.

С самого начала развитие государственности у монголов, т.е. появления власти ханов, знати, нукерской гвардии, носило военизированный характер. Это не зависело от психологии народа, а объяснялось закономерностями складывания хозяйства, развития монгольского общества.

С раннего детства вся жизнь монголов была связана с лошадью. Один из путешественников, побывавший в их среде, писал: «Татары родятся и вырастают в седле и на лошади; они сами собой приучаются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проходит на

охоте». Лошадь была не только средством передвижения скотоводов, но и верным другом на охоте и войне, она давала мясо и молоко. Монголы вырастали крепкими, ловкими, смелыми. Начало социального расслоения общества, появление всесильных и богатых ханов, нойонов, складывание нукерских дружин в полной мере использовало бытовые особенности жизни монголов — их военную сноровку, неприхотливость, способность к быстрым и стремительным передвижениям в седле, их кибиточный транспорт, способный покрывать огромные расстояния.

Во второй половине XII в. между монгольскими племенами, как и в раннее время среди германских племен, восточных славян, началась межплеменная борьба за первенство. Создавались союзы племен, племенные конфедерации. Лидерами здесь стали степные, более развитые, лучше снаряженные и вооруженные племена. Те, кто побеждал, подчиняли своих противников, часть из них обращали в рабство, других заставляли служить своим военным интересам. Дух дружинного предпринимательства в эту пору перехода от первобытнообщинного строя к государству захватил монгольское общество. Точно так же, как рождение государства Русь сопровождалось кровопролитными войнами между племенами и союзами племен, возвышением вождей, их отчаянными схватками между собой (вспомним убийство князем Олегом киевских князей Аскольда и Дира, войны полян против северян, радимичей, древлян, вятичей), такие же процессы протекали в монгольской среде второй половины XII — начала XIII в.

§ 2. Чингисхан

В конце 50-х — начале 60-х годов XII в. одному из монгольских вождей богатуру (герою) Есугэю из племени тай-чиутов удалось объединить под своей властью большинство монгольских племен. В ту пору в его семье в 1162 г . родился старший сын Тэмучэн, будущий Чингисхан. Однако Есугэй не долго был наверху. Враждовавшие *с* ним татары сумели отравить его. После этого улус Есугэя распался. Его дети были малолетними, не нашлось крепкой руки, чтобы поддержать его непрочную власть. Нукеры Есугэя разошлись к другим вождям.

Долгое время вдова Есугэя с детьми бедствовала, скиталась по монгольским степям, но потом подросшему Тэмучэну удалось собрать новую дружину и приступить к воссозданию отцовских завоеваний. К 1190 г ., когда ему не было и тридцати лет, Тэмучэну в отчаянной борьбе с другими вождями племен — ханами удалось подчинить своему влиянию основную часть монгольских племен и занять трон «Хамаг монгол улуса», т.е. всех монголов. В эти годы он показал себя исключительно отважным воином, смелым до безрассудства. Современники рассказывают, как, будучи еще совсем молодым человеком, он бежал из плена с тяжелой деревянной колодкой на шее, а затем, скрываясь от врагов, просидел долгое время под водой, ухитрившись дышать ртом, чуть выступавшим над водной гладью.

Уже в то время Тэмучэн отличался беспощадностью и коварством в борьбе с врагами, умением стравливать их между собой, лавировать, отступать, когда этого требовали обстоятельства. Известно, что он участвовал в убийстве одного из своих братьев, заподозрив его в политической интриге против себя. Комплексом таких же качеств обладали и другие вожди — объединители племенных конфедераций и создатели единых раннефеодальных государств на необозримых просторах Евразии — от франкского короля Хлодвига, убившего всех своих родственников, и чешского короля Болеслава III, искалечившего одного своего брата и удушившего в бане другого, до Владимира I, по приказу которого был заколот родной брат, и Святополка, пытавшегося уничтожить всех своих братьев.

Подчинив себе большую часть монголов, Тэмучэн провел ряд реформ: ввел десятичную систему организации общества и армии — все взрослое население делилось на «тьмы» (10 тыс.), тысячи, сотни и десятки. Причем десяток, как правило, совпадал с айлой, т.е. семьей. Во главе этих отрядов, которые действовали и в мирное, и в военное время, стояли командиры, строго подчинявшиеся друг другу по служебной лестнице. Тэмучэн создал личную

гвардию, которую разделил на «ночную» и «дневную», окружил себя прочной охраной, ввел управление своим личным имуществом, дал большие привилегии своим нойонам и нукерам, освободив их от всяких налогов. Одновременно он продолжал подчинять себе монгольские племена, не вошедшие в его государство. Одним из последних было подчинено племя татар, убившее его отца.

На курултае (общем съезде монгольских вождей) в 1204—1205 гг. Тэмучэн был провозглашен Чингисханом — «великим ханом». Тем самым ему удалось объединить монголов в единое централизованное государство. Таким образом, в ту пору, когда Русь раздиралась политическими усобицами, за тысячи километров от нее ковалась новая могучая централизованная империя с сильной подвижной армией, с талантливым, решительным, беспощадным властелином.

§ 3. Завоевания монголов

Государственно-военная машина монголов заработала на полные обороты в 1211 г ., когда Чингисхан обрушился на Северный Китай. В течение нескольких лет монголы завоевали Северный Китай ив 1213 г . захватили его столицу Пекин.

Завоевание Северного Китая имело большое значение для развития самого монгольского государства. Как сказал впоследствии один из китайских советников Чингисхана, «хотя мы империю получили, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, невозможно». Захват Китая Чингисхан использовал для того, чтобы поставить на службу монгольскому государству огромный научный, культурный потенциал империи. Оказалось, что для монголов Китай с его древней цивилизацией сыграл во многом такую же роль, как Римская империя для западных «варварских» племен и «варварских» государств, образовавшихся на ее развалинах, как Византия АЛЯ Руси, Болгарии, других близлежащих стран. Чиигисхан ввел в своем государстве уйгурскую письменность, использовал в управлении опыт китайских чиновников, привлек к себе на службу ученых, военных специалистов. Известно, что монгольская армия была сильна не только своей могучей и быстрой конницей, где всадники были вооружены луками со стрелами,саблями, копьями, арканами, но и китайскими осадными стенобитными и камнеметными машинами, метательными снарядами с горючей смесью, в состав которой входила нефть.

Чингисхан располагал превосходной разведкой. Прежде чем отправиться в военный поход, монголы через купцов, путешественников, через своих тайных агентов тщательно собирали сведения о своих будущих противниках, о состоянии политического положения в их землях, об их союзниках и врагах, оборонительных сооружениях. Нередко роль разведчиков играли монгольские посольства, засылаемые в ту или иную страну перед ее завоеванием. В короткий срок Чингисхан создал большую армию, вооруженную и оснащенную с помощью китайских специалистов по последнему слову тогдашней техники. В армии была строгая дисциплина. За бегство с поля боя смертью наказывался весь десяток, вся айла-семья, в которой служил этот воин. Угнетающее воздействие на врагов оказывали жестокие расправы монголов с противниками. Непокорные города они уничтожали — жгли, разрушали, а жителей либо уводили в плен (ремесленников, женщин, детей), либо, если это было мужское население, способное к сопротивлению, убивали.

После похода на Китай монголы повернули на Запад острие своей мощной, хорошо организованной военной машины, способной к масштабным и долговременным войнам.

В 1219—1220 гг. они захватили Среднюю Азию. Под их натиском пали Бухара, Самарканд. Несколько месяцев Чингисхан осаждал главный город государства Хорезма Ургенч и в конце концов взял его, разгромил, а жителей увел в плен. Государства Средней Азии, расколотые, как и Русь, политическими распрями, действовали в одиночку и не могли противостоять монголам.

Захватив Среднюю Азию, монголы использовали в своих интересах ее искусных ремесленников, многовековой культурный и хозяйственный опыт. Из Средней Азии монголь-

ское войско продвинулось в Северный Иран, вышло через Южный Прикаспий в Азербайджан, захватило город Шемаху и появилось на Северном Кавказе. Там они сломили сопротивление алан (осетин), которые тщетно обращались за помощью к половцам. Преследуя алан, монголы появились и в землях половцев, в Приазовье, Крыму и овладели старинным византийским городом Сурожем (Судаком). Теперь перед ними расстилались половецкие кочевья и южнорусские степи.

§ 4. Трагедия на Калке

В половецких степях и на границах Руси появились два ударных корпуса Чингисхана — молодого талантливого полководца Джэбэ и умудренного опытом старого Субэдэ. Половецкий хан Котян, в пределы которого вступили монголы, обратился к русским князьям за помощью. Он писал своему зятю князю Мстиславу Удалому, который в это время княжил в Галиче, придя туда по просьбе своевольных бояр: «Нашу землю суть днесь (сегодня) отняли, а вашу заутра (завтра), пришедше, возьмут». Однако в русских княжествах с сомнением встретили просьбу половцев о помощи. Во-первых, князья не доверяли своим старинным степным противникам, во-вторых, появление на русских границах новой, невиданной доселе монгольской армии было воспринято вроде еще одного выхода из степи очередной орды кочевников. Были печенеги, потом торки, потом половцы. Теперь появились какие-то татары. Пусть они и сильны, но русские рати громили всех степняков. Была уверенность, что русские дружины одолеют и новых пришельцев. Такие настроения отразил и съезд князей в Киеве, который собрался по инициативе Мстислава Удалого. Там галицкий князь призывал к единству сил с половцами, к выступлению против неведомого и страшного врага. Но на призыв Мстислава Удалого откликнулись не все. Дали согласие участвовать в походе против татар киевский князь Мстислав Романович, Мстислав Святославич Черниговский, Даниил Романович, княживший в это время во Владимире-Волынском, а также князья помельче. Но самое главное, в помощи отказал могущественный русский князь, сын Всеволода Большое Гнездо Юрий Всеволодович Владимиро-Суздальский. Он, правда, пообещал прислать ростовский полк, но тот не явился.

Узнав о выступлении русского войска им навстречу, монголы, верные своему принципу раскола врагов, послали к русским князьям посольство, которое заявило:

«Мы слышим, что вы идете против нас, послушав половцев; а мы ни вашей земли не заняли, ни городов ваших, не на вас мы пришли, но на холопов и на конюхов своих на поганых половцев. А вы возьмите с нами мир...». Но уже наслышанные о коварстве и жестокости монголов русские князья отказались вести с ними переговоры, перебили монгольских послов и двинулись навстречу неприятелю.

Первая схватка с монголами оказалась удачной. Передовые монгольские отряды были частью перебиты, частью бежали к своим главным силам. Русские дружины продолжали продвигаться далее в степь, стремясь, как во времена противоборства с половцами, решить дело на вражеской территории, подальше от родных земель.

Решающая битва между объединенным русским войском и туменами (от слова «тьма») Джэбэ и Субэдэ произошла 31 мая 1223 г . на реке Калке неподалеку от побережья Азовского моря.

В этом сражении еще раз проявился сепаратизм и политический эгоизм русских князей. В то время как дружины Мстислава Удалого и Даниила Волынского и некоторых других князей при поддержке половецкой конницы устремились на монголов, Мстислав Киевский огородился валом на одном из близлежащих холмов и не участвовал в битве. Монголы сумели выдержать удар союзников, а затем перешли в наступление. Первыми дрогнули половцы. Они бежали с поля боя. Это поставило галицкую и волынскую рати в тяжелое положение. Южные дружины мужественно сражались, но общий перевес сил был на стороне монголов. Они сломили сопротивление русичей, те побежали. Мстислав Удалой и Даниил Романович

дрались в самой гуще бойцов, вызвав восхищение монгольских полководцев. Но их мужество не могло устоять перед военным искусством и силой монголов. Оба князя с немногими дружинниками спаслись от погони.

Теперь наступила очередь самой мощной среди русского войска киевской рати. Попытка взять русский лагерь приступом монголам не удалась, и тогда они пошли на очередную хитрость. Джэбэ и Субэдэ пообещали Мстиславу Киевскому и другим бывшим с ним князьям мирный исходдела и пропуск их войска свободно на родину. Когда же князья раскрыли свой лагерь и вышли из него, монголы бросились на русские дружины. Почти все воины были перебиты, князья во главе с Мстиславом Киевским были захвачены в плен. Их связали по рукам и ногам, бросили на землю, а на них положили доски, на которые уселись во время победного пира монгольские военачальники.

Во время битвы на Калке погибли шесть видных русских князей, из простых воинов вернулся домой лишь каждый десятый. Только киевская рать потеряла около 10 тыс. человек. Это поражение оказалось для Руси одним из самых тяжелых за последнее время. Становилось очевидным, что на своих границах Русь получила еще одного грозного долговременного противника.

После битвы на Калке монголы повернули на северо-восток, вышли в пределы Волжской Булгарии, но ослабленные потерями в южнорусских степях потерпели на Волге ряд поражений. В 1225 г . они вернулись обратно в Монголию.

Теперь монголы овладели огромной территорией — от Китая до Средней Азии и Закавказья. Чингисхан поделил захваченные земли между своими сыновьями. Западные земли достались старшему сыну Джучи (умер в один год с отцом в 1227 г .). После его смерти во главе Западного улуса встал сын Джучи молодой энергичный Бату. В 1235 г . на курултае монгольских ханов, который проходил под руководством нового великого хана Угэдэя, третьего сына Чингисхана, было принято решение о новом походе на Запад в страну Волжских Булгар и на Русь, которые, по сведениям монголов, славились своими богатствами.

Над Русью нависла новая страшная опасность.

Раздел II. Северо-Восточная Русь

Глава 10. Ордынское владычество

§ 1. Батыево нашествие

Страшный урок Калки русские князья не поняли, не усвоили. И наказание, еще более гибельное по последствиям, последовало менее полутора десятилетни спустя после их поражения в Приазовье. Зимой 1237 г ., после погрома в землях волжских булгар, буртасов, мордвы, учиненного год назад, несметные полчища Бату-хана (по русским источникам, Батыя), внука Чингисхана, обрушились на Северо-Восточную Русь, если действия на Волге, а еще раньше в Приазовье были своего рода разведкой боем, то русский поход конца 30-х годов стал результатом обширного плана, давно и тщательно обдуманного, подготовленного.

Перейдя Среднюю Волгу, Батый повел свои тумены на запад, по водоразделу между северными и южными реками. Стал на Воронеже, левом притоке Дона, на границе Рязанского княжества. Ханские послы, самоуверенные и наглые, появились в его столице, и великий князь Юрий Игоревич выслушал их. От имени своего господина они передали требование: все рязанские князья, от великого до удельных, должны дать ему десятину (десятую часть) — «во князех и в людех, и в конех, и в доспесех». Князь Юрий созвал совет с участием муромского и пронского князей. Он и сформулировал ответ хану: «Только когда нас не будет, все то ваше будет».

Всем было ясно — грядет война. Юрий Игоревич шлет гонцов к Юрию Всеволодовичу, великому князю владимиро-суздальскому, молит о помощи. Но тот, как и в годину Калки, предпочитает остаться в стороне. Тем же ответили и черниговские князья; их довод — сами рязанцы отвернулись от них во время несчастной битвы на Калке. Князья по-прежнему на первый план ставили свои разногласия и личные обиды, свою выгоду; «ни один из русских князей, — горюет летописец, — не пришел другому на помощь, все не соединились... каждый думал собрать отдельно рать против безбожных».

Рязанцы выступили в поход только со своими слабыми силами. Встретились с монголами на Воронеже, битва закончилась полным поражением, гибелью большинства рязанских воинов. По всему княжеству прошли ордынские тумены, все разорили, пожгли, пограбили. 21 декабря, после шестидневной осады, взяли Рязань; здесь повторилось то же самое. Некоторые города (Пронск и др.) сдались, но и их постигла та же печальная участь. «Град и земля Рязанская изменися, — записал позднее (XIV в.) автор «Повести о разорении Рязани Батыем», — и отыде слава ея и не бы что в ней было ведати, токмо дым и земля и пепел».

В другом сочинении, сказании о Евпатии Коловрате, сохранена легенда об этом «рязанском вельможе». Вернувшись из Чернигова и увидев разоренные родные очаги, он с отрядом в 1700 человек нагнал ордынцев, ушедших из рязанских пределов, уже на Суздальщине. Бесстрашно налетели малочисленные полки Евпатия на врагов, начали их «немилосердно истреблять». Все храбрецы погибли, но перебили немало ордынцев. Сами военачальники Бату-хана удивлялись их отваге: «Мы со многими царями, — так говорит об этом предание, — во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвецов не видали и отцы наши не рассказывали нам. Ибо эти люди крылатые, не знающие смерти, так крепко и мужественно, ездя, бились: один с тысячей, а два с тьмою. Ни один из них не может уехать живым с побоища».

Разорив рязанские места, ордынцы подошли к Оке. Под Коломной разбили еще один рязанский полк — во главе с князем Романом Ингваревичем, а также владимирский сторожевой отряд. По течению Москвы-реки дошли до Москвы. Ее защитники во главе с воеводой Филиппом Нянко сражались мужественно, но устоять не смогли. Город и селения в московской округе лежали в развалинах, их обитателей, «от старца и до младенца», враги убивали без пощады.

Захватчики разорили многие города и селения Владимиро-Суздальской Руси в зимние месяцы 1238 г . К ее столице они подошли в начале февраля. Встали перед Золотыми воротами, окружили город тыном, поставили стенобитные орудия — пороки. Князья и все жители сдаваться не собирались: «Лучше нам умереть перед Золотыми воротами, чем быть в их воле».

Начался штурм. Ордынцы, разрушив часть городской стены, ворвались в город, начались расправы. Все кругом пылало и дымилось. Многие жители, в том числе семья князя, укрылись в кафедральном Успенском соборе. Но это их не спасло — вездесущий огонь погубил их и здесь. По улицам и площадям лежали погибшие. Других, босых и «беспокровных», победители приводили в свой стан, и они гибли от стужи.

Затем последовали штурмы и погромы других городов, вплоть до отдаленного Галича Мерского (здесь издавна обитало угро-финское племя меря) на северо-востоке княжества. 4 марта завоеватели настигли войско Юрия Всеволодовича, собиравшего дружины по своему княжеству. Битва произошла к северо-западу от Углече-Поля (Углича) на р. Сити, притоке Мологи, впадавшей с левой, северной стороны в Волгу. Сеча носила ожесточенный характер: «Была битва великая и сеча злая, и лилась кровь, как вода». Превосходящие силы ордынцев окружили русское войско, и оно почти полностью погибло вместе со своим князем-предводителем Юрием.

После этой победы Орда вступила в пределы Новгородской земли. На две недели задержал их Торжок, упорно и мужественно оборонявшийся. Взяли его 15 марта, жители разделили печальную судьбу других русских людей: Захватчики же двинулись дальше, их цель — богатый, манивший добычей Новгород Великий. Но началась весенняя распутица, силы ордынцев после больших потерь в сражениях заметно ослабли. Не дойдя верст с сотню до Новгорода, они повернули на юг. Снова грабили, убивали, насиловали.

В верховьях Оки неожиданно застряли на семь недель у маленького Козельска. «Злой город» — так они его прозвали из-за долгих и бесплодных штурмов, больших потерь. Это их унижало и гневило. Козельчане же, от мала до велика, сражались с врагом, отбивали их яростные приступы. Когда ордынцы проломили крепостную стену, защитники города взялись за ножи. Все козельчане погибли — одни во время схваток, других, вплоть до младенцев, Батухан приказал убить после захвата города.

Один из ордынских отрядов встретил столь же стойкое сопротивление под стенами Смоленска. Здесь, по преданию, отличился некий юноша Меркурий — «прехрабро скакал по полкам, как орел летает по воздуху». Монголо-татарский отряд потерпел поражение.

Бату-хан увел свои обескровленные тумены на юго-восток, к низовьям Волги. Большая часть этого года и весь следующий прошли для Руси без потрясений. В 1239 г ., отдохнув и собрав новых воинов, хан снова ведет их на Русь. В северо-восточной ее части он бесчинствовал недолго — в районе Гороховца и Мурома, которые сжег, и р. Клязьмы. Скоро повернул на юго-запад, запад. Обрушил удар на южнорусские земли — Глухов, Чернигов, Переяславль-Южный и иные города пали под натиском врага. Осенью следующего года лучшие полководцы Батыя стояли под стенами древней столицы Руси — некогда «матери градов русских». Начались обстрелы из пороков, приступы к стенам и воротам города.

Русичей поражали численность и мощь Батыева войска, хитрость и коварство хана и его военачальников, дисциплина и слаженность действий воинов. Летописцы сообщают, что армия хана в своем неуклонном движении вперед поднимала пыль, застилавшую свет солнца. Люди не слышали друг друга из-за ржания лошадей и рева верблюдов, скрипа телег и криков ордынцев. Все сметала на своем пути бесчисленная и неудержимая монгольская кон-

ница. А пороки обрушивали на крепостные стены такие камни, что каждый из них едва могли поднять четыре человека. Стрелы лучников затемняли небо.

Все это испытали на себе и киевляне. Оборонялись они с отчаянной храбростью. Ими руководил воевода Дмитр, князь же Михаил бежал из города. Осаждающие разбили в конце концов стены у восточных Лядских ворот, ворвались на них; «и тут было видно, как ломались копья и щиты разбивались в щепки и стрелы помрачали свет».

Целые сутки шло жаркое сражение внутри города. Монголы одолевали. Многие жители, прихватив что-то из имущества, укрылись в Десятинной церкви. Скопилось их столько, что рухнули своды. Дело довершили завоеватели. Все русичи погибли. Навсегда исчезли и многие рукописные книги, хранившиеся здесь издавна или принесенные киевлянами в последние дни; среди них, очевидно, имелись ценнейшие летописи и другие памятники, подобные, возможно, «Слову о полку Игореве».

Примечательно, что Батыевы воины, по-видимому, по указанию самого хана, израненного воеводу Дмитра «не убили ради его храбрости». Даже такой жестокий враг умел ценить беззаветное мужество воина.

Батый после взятия Киева (ноябрь или декабрь 1240 г .)' снова стремится на запад. Берет все новые города, «им же нет числа», чаще с помощью штурмов, иногда — обманом, обещая жителям сохранить жизнь и тут же нарушая слово. Только Каменец, хорошо укрепленный, не поддался, и ордынцам пришлось ни с чем уйти от его неприступных стен.

В следующем году они вторглись в земли Молдавии и Валахии, Венгрии и Польши, Трансильвании и Чехии. Еще год спустя приводили в страх жителей Хорватии и Далмации. Но дальше продвигаться уже не было сил. Монголо-татары выдохлись окончательно — большие потери, особенно в русских землях, сильно их ослабили. Бату-хан заплатил за свои победы-немалую цену. Хотя, как и все тираны, за ценой не стоял.

Хан повернул на восток, к степям Нижнего Поволжья. Здесь, на Волге, в нескольких днях пути от Каспийского моря, основал свою ставку Сарай-Бату, столицу огромного государства — Золотой Орды. Земли ее тянулись от Иртыша до Дуная, от Северного океана до Кавказа.

Смерч Батыева нашествия отбросил далеко назад Русь в ее развитии, хозяйственном и культурном. Грады и веси лежали в развалинах, десятки тысяч жителей пали под ордынскими саблями; других на арканах увели в плен, и они попали на невольничьи рынки, в услужение новым хозяевам, в ремесленные мастерские или в ордынские тумены, чтобы обогащать ханов, мурз и простых ордынцев, служить их честолюбивым целям, украшать их жилища и города.

Русь своей трагической борьбой и подвигом спасла Западную Европу от погрома, подобного тому, что потерпела сама. Когда русские земли лежали в развалинах, там, далеко на западе, продолжали накапливать богатства, создавать шедевры. Когда, к примеру, в Киеве рушилась Десятинная церковь, в Париже заканчивали возведение изумительной, воздушной Святой Капеллы (Sainte-Chapelle) на о-ве Сите, что и сейчас поражает своей красотой всех, кто увидит ее во Дворе Дворца правосудия.

«России, — по проникновенным словам Пушкина, — определено было высокое предназначение, ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

Трагедийное величие совершенного Русью подвига несомненно для цивилизации Европы. Она же отплатила ей тем, что послала своих завоевателей к ее рубежам.

§ 2. Натиск с северо-запада

С той годины Русь захирела, ее хозяйство, основа всей жизни, было подорвано настолько, что, казалось, она была отброшена назад, к первым векам Киевской Руси. И это —. надолго. «Недоумение в людех», уныние и безнадежность воцарились повсюду.

Ордынские ханы не правили на Руси непосредственно, лично. Оставили на княжеских столах тех из прежних их обладателей, кто был им угоден, тасовали их как карточную колоду, стравливали и убивали. Ослабляли и обирали Русь, как только могли, а делать это они умели.

О серьезном сопротивлении не могло быть и речи. Речь шла о,том лишь, чтобы выжить, не погибнуть окончательно. И в такой ситуации с северо-западных границ, со стороны Тевтонского ордена и Швеции, последовал еще один удар. Новым агрессорам, столь же алчным, хотя и не таким сильным, как восточная Орда, казалось, что обескровленная Русь станет их легкой добычей.

Первыми начали шведы. Берега Финского залива, где проживало угро-финское племя сумь, стали исходной базой их дальнейших устремлений. Захватили они эти места еще в последней четверти прошлого столетия. С конца 1230-х годов, используя благоприятную ситуацию — Русь в это время терзали ордынцы, они готовят вторжение в район Невы, на новгородские земли.

В «Господине Великом Новгороде» княжил тогда Александр Ярославич, внук Всеволода Большое Гнездо. Военачальник смелый и расчетливый, он, несмотря на молодые годы, предусмотрел все. Его разведка, узнав заранее о приготовлениях шведов, предупредила князя, и он укрепляет границу. По его указанию «новгородцы срубили городки по шелони». Расставил сторожи по финским и невским берегам.

Шведское войско появилось летом 1240 г . Его цель — овладение Невой, Ладогой в низовьях Волхова. Захватчики плыли на кораблях вверх по Неве. С устья Ижоры, впадавшей в нее с южной стороны, их военачальники послали вызов Александру:

— Если можешь противиться мне, королю, то вот я уже здесь и пленю землю твою.

Князь с «малой дружиной», не дожидаясь полного сбора людей, немедля выступил навстречу врагу. Левым берегом Волхова спешил на север; не доходя Ладоги, повернул на запад. Подошел к Ижоре, пополнив дружину местным ополчением. «Старейшина» Ижорской земли Пелгусий, несший по поручению князя «морскую стражу», все время наблюдал за шведами, их «ратными силами», «станами». Обо всем становилось известно Ярославичу.

На рассвете 15 июля он подошел к ижорскому стану захватчиков и с ходу напал на него. Момент был весьма удобен — одна их часть сошла на берег и разбила стан, другая оставалась еще на судах. Князь Александр с конницей ударил по центру шведского лагеря. Началась кровопролитная сеча. Поначалу с трудом преодолевая сопротивление шведов, русские последовательно усиливали напор.

Летописи описали смелые действия и князя Александра, и его воинов. Похвалу полководца заслужил бесстрашный Яков-полочанин. Другой, Сбыслав Якунович, из новгородцев, сражался в самой гуще вражеских воинов и, «не имея страха в сердце», многих из них поразил. Гаврила Олексич, которого Пушкин гордо считал своим предком, преследовал шведского королевича, спасавшегося бегством на корабль, по сходням. Гаврилу вместе с конем сбросили в воду, но он сумел выплыть и снова орудовал мечом «посреди полка шведов». Новгородец Миша с отрядом разбил три легких корабля. «Молодой» Савва, врубаясь в шведские ряды, добрался до шатра их предводителя, «подсек его столи». Падение шатра еще больше воодушевило новгородцев и, наоборот, сломило моральный дух их противников.

Потеряв многих воинов, остатки шведского войска ночью бежали на своих кораблях. Королю не удалось осуществить свой план — отрезать Русь от Балтийского моря. Александр Ярославич, получивший после этой блестящей победы прозвище «Невский», проявил себя выдающимся полководцем, подтвердив вскоре, что его военный талант — дар Божий. Высшей похвалы оказались достойны и его храбрые воины, патриоты земли Русской.

Попытки шведских завоевателей продолжили немецкие рыцари. Они еще за четыре десятилетия до этих событий захватили земли ливов, латышей и эстов. Не раз битые русски-

ми и литовцами, упорно рвались на новые земли Восточной Прибалтики. В 1237 г ., когда началось нашествие Бату-хана на Русь, рыцари объединили свои силы — слились два их ордена: Ливонский (Орден меченосцев) и Тевтонский. К ним на помощь шли крестоносцы из разных европейских стран. Их поддержала и благословила папская курия.

В год Невской битвы они овладели Изборском, крепостью во Псковской земле. Сюда подоспели ополченцы-псковичи. Но потерпели поражение, потеряв и своего воеводу. Немцы, окрыленные первыми успехами, двигались, разоряя по пути Русские селения, к самому Пскову. Сожгли его посад, но попытки взять город успеха не принесли. Удалось им это сделать с помощью изменников из псковской верхушки — посадника Твердилы Иванковича и иных бояр. В ходе тайных переговоров они согласились признать власть Ордена и впустить рыцарский гарнизон в город. В нем появились немецкие фогты-управители. Вместе с Твердилой они и властвовали. Часть псковичей, не согласных с изменнической политикой бояр, бежали в Новгород.

Аппетиты рыцарей разгорались. Они уже замышляли захват новгородских земель. Начали нападать и разорять их. Отряды захватчиков появлялись уже в 30—40 верстах от Новгорода Великого. Александр Ярославнч, надежда и гордость новгородцев, не поладил с их боярами и уехал в Переяславль-Залесский, свое родовое гнездо, к отцу. Но нужда в князе-воителе заставила вельмож новгородских смирить гордыню и отправить депутацию к Александру. Тот, не помня зла, поспешил в Новгород и сразу же (1241) направился к Копорью — базе крестоносцев. Штурмом взял ее, разрушил, а ободренные новгородцы увидели на улицах своего города пленных рыцарей. Помимо прочего, эта победа предотвратила совместные выступления немцев и шведов против Руси.

В зимние дни следующего года Александр и его брат Андрей ведут против крестоносцев новгородские и Владимире-суздальские полки. Подошли ко Пскову, выбили из него немцев, и снова пленники-чужеземцы шествуют по Великому Новгороду. Александр же, не удовлетворившись достигнутым, следует с войском к орденской границе. Обходит с запада Псковское озеро, подходит к южной оконечности озера Чудского. Наступала весна, но лед еще не сдвинулся. Сюда, по древней земле эстов, шло рыцарское войско, уверенное в себе: «Покорим славянский народ, возьмем в плен Александра». Снова княжеская разведка следит за неприятелем, шлет вести полководцу. Правда, дозорщики не уберегли себя, попали в засаду: одни погибли, других взяли в плен.

Рыцари приближались. 5 апреля 1242 г . оба войска встали друг против друга. Битва произошла у Вороньего камня, что в урочище Узмень, на льду озера. Взошло солнце, и рыцарский клин («свинья» — так называют этот воинский строй русские летописи) двинулся к восточному берегу. В центре «свиньи» шли пехотинцы, в голове и на флангах — закованные в броню рыцари-конники.

Невский умело построил свои боевые порядки: в центре, не очень мощном, пехота, на флангах же — главные, самые крепкие полки. Немцы ударили, как и ожидал князь, в центр, смяли его — «пробились свиньей сквозь полк». Но получили сокрушительные удары русских флангов; оправился и центр, тоже перешел в атаку. Рыцарей окружили, и началось их избиение. «Была тут сеча великая» — лед покрылся потоками крови, треснул (летописец выразился красочно: «озеро аки бы двинулось»), и многие рыцари тонули в ледяной воде. Сотни убитых, пленные, бегство остальных по ломавшимся льдинам — таков итог новой блистательной победы Невского. Его полки семь верст гнали на Запад немцев-завоевателей. Пленники, привязанные к конским хвостам, увидели так желанный им Новгород, но не в качестве победителей.

Целую серию побед Невского нельзя не считать спасительными для Руси. В случае успеха двойного натиска — с востока, северо-запада — она наверняка оказалась бы в еще худшем положении. К ордынским разорениям, игу восточных властителей добавились бы потери богатых земель Новгорода и Пскова, не затронутых ордынским нашествием. Кроме того, политика «Drang nach Osten» («натиска на Восток») грозила и другими последствиями — окатоличиванием Руси, окончательным ее развалом, потерей национальной самобытно-

сти.

§ 3. Система ордынского господства

Великий историк и писатель Н.М. Карамзин, описавший и осудивший ордынские насилия на Руси, в то же время ошибочно полагал, что ханы все-таки помогли ей — мешали сворам князей, усилению удельной раздробленности, привели русские земли к единодержавию. Подобные суждения, нередкие и раньше, можно услышать подчас и в наши времена.

Ошибочность подобных взглядов очевидна. Ханы не только не способствовали единению русских людей; наоборот, разжигали рознь, раздоры. Старый прием — «разделяй и властвуй» — исстари использовался правителями везде и всюду, и ордынские правители не были, конечно, исключением.

Батый управлял Русью с помощью привычных для нее князей, ставших теперь его вассалами. Жители Руси также теперь подчинялись Орде. Их обязали платить «дани-выходы ордынские», и русские люди получили двойное ярмо: помимо своих князей и бояр, их дружинников и челядинов, нужно было ублажать, обогащать и иноземных господ, жадных и нетерпеливых. Угодным князьям ханы давали ярлыки (грамоты) на право княжения, неугодных — лишали их, наказывали, убивали.

Год спустя после западных походов Батый затребовал (1243) в свою ставку Ярослава Всеволодовича, брата князя Юрия, убитого в битве на р. Сити. Отец Невского унаследовал великокняжескую власть в Северной Руси. Но теперь этого было недостаточно — требовалась санкция Бату-хана. И князь Ярослав ее получил — хан принял его «с великой честью», и тот стал властителем не только Северной, но и

Южной, Киевской, Руси. На киевское наследство претендовал и Михаил Всеволодович, черниговский князь. Два года спустя после поездки в Орду Ярослава туда прибыли Михаил Всеволодович и галицкнй князь Даниил Романович. Первого из них, отказавшегося перед встречей с ханом пройти через огонь (в Орде царили языческие, шаманские, порядки), убили по его приказу. Князь же Даниил остался живым, но признал себя вассалом Орды — до тех пор его земля, как и Черниговская, не хотела подчиняться хану.

Великий князь Ярослав Всеволодович правил «из руки» Бату-хана три года. Он стал жертвой интриг и противоречий в монгольской верхушке. Дело в том, что огромная Монгольская держава (от Тихого океана до Дуная, от Северного океана и сибирской тайги до монгольских степей и закаспийских, закавказских гор) довольно быстро распалась на улусы: великого хана на востоке, со ставкой в Каракоруме, в собственно Монголии; Чагатайский (Средняя Азия и соседние земли), Хулагу (к югу от Каспия, Закавказье), улус Джучи, старшего из сыновей Чингисхана (иначе — Золотая Орда).

Верховным правителем выступал хан, сидевший в Каракоруме, остальные ему подчинялись. Но вскоре начались распри, усобицы, и правители улусов все более обособлялись от главной ставки, превращались в самостоятельных распорядителей своих обширных владений.

Ярослава вызвали в далекий Каракорум. Здесь его считали ставленником Бату-хана, а того не жаловали ни новый великий хан Гуюк, ни его мать Туракина, вдова покойного царевича Угэдэя. Русского князя отравили, и влиятельная ханша послала на Русь гонцов за его сыном Александром Невским. Здесь, во всемонгольской столице, были наслышаны о нем. Считали не только знаменитым полководцем, но и осторожным, осмотрительным политиком. На него рассчитывали в будущем как на собственного ставленника. Но тот не спешил, опасался участи отца.

В Золотой Орде долго ждать не собирались — великое княжение Русское вручили попечению дяди Александра Святославу Всеволодовичу. Но Каракорум снова показал, что недоволен самовольными действиями Бату-хана. Здесь все-таки появился Александр

Ярославич с братом Андреем (1247). Первому из них, за промедление, очевидно, дали ярлык на Киевское княжение; второй стал великим князем Северной Руси.

Бату-хан не смирился. Пять лет спустя он утвердил «старейшим» над всеми русскими князьями Александра Ярославича, приехавшего к нему на поклон. Это случилось за несколько лет до смерти первого золотоордынского правителя (1256). Ему наследовал Берке, а сам улус разделился на 14 уделов — таков был неизбежный феодальный порядок. При Берке началась исламизация правящей верхушки, позднее широко распространившаяся. А монголы, смешавшиеся с половцами и другими тюркоязычными народами и племенами, усвоили их язык, обычаи, культуру. Жителей Золотой Орды уже устойчиво именовали татарами — по имени одного из забайкальских племен, в свое время враждебного Чингису и покоренного им. Воинов-татар его полководцы ставили во время сражений в передние ряды атакующих, и покоренные народы быстро стали считать все разношерстные тумены победителей татарскими.

Берке, порвавший связи с Каракорумом, распорядился провести перепись покоренных земель. На Руси ее проводили несколько лет (1257—1259) монгольские писцы — «численники» («число» — перепись). Жителей «клали в число» по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч, с них брали налоги по этим спискам. Освободили только лиц духовного звания — с помощью русских священников, как рассчитывали татарские правители, легче будет управлять их христианской паствой.

Не все соглашались на перепись. Заволновались новгородцы, убили даже своего посадника Михаила Степановича, очевидно, сторонника ее проведения (1257). Сюда явились татарские послы вместе с великим князем Александром. Приняли меры — непослушникам резали носы, выкалывали глаза. Князь Василий, сын Невского, тоже не хотевший, вместе с новгородцами, «числа», предпочел, не слушая отца, уехать во Псков. Но Александр Ярославич, понимавший, что плетью обуха не перешибешь, а Русь надо уберечь от нового и неизбежного погрома, был неумолим к сыну — востребовал его к себе и отправил не в Новгород, а подалее — во Владимирское княжество. В конце концов перепись провели и в Новгородской земле (ранее — в северо-восточных княжествах). Сюда для этого, и снова в сопровождении Невского, прибыли Беркай и Касачик, ордынские «численники».

С! населения брали разные налоги — дань, поплужное (подать с плуга), ям (на ямскую гоньбу — почтовую службу; ям — почтовая станция на дороге). Нужно было кормить ордынских послов, численников, баскаков — командиров воинских отрядов, обеспечивавших поступление налогов и послушание их плательщиков, поставлять воинов и подводы для ханских войск; русские вместе с другими подневольными людьми вынуждены были участвовать в походах Орды, помогать ей в войнах, захватах. Невский пытался, вероятно, и не единожды, упрашивать хана — не требовать новых воинов. Нет необходимости, как это делают некоторые публицисты, утверждать, что Невский и другие русские князья добровольно шли на подобное, даже заключали чуть ли не контракты с ханами на поставку им русских ратников. Наоборот, они, как могли, предотвращали подобное, и сам Невский доказал это ничем иным, как собственной смертью. Его просьбы в Орде не брать с Руси очередную партию ратников закончились тем, что Невского, в отместку и за это, несомненно, отравили, как некогда и его отца во всемонгольской ставке. Умер он по дороге домой, в Городце на Волге. Его привезли во Владимир и здесь похоронили. Оплакивала Александра Невского вся Русь.

§ 4. Ордынские «рати» и восстания на Руси

Недовольство «числом», ордынскими насилиями выказывали не только новгородцы. Противостояли татарам на юго-западе, во владениях Даниила Галицкого. Две орды — одна во главе с Куремсой, другая с Мауци (Могучим) — кочевали в Приднепровье, постоянно угрожали здешним и соседним землям, карали жителей. Первый из них прошел огнем и мечом по Галичине. Выступивший против него Даниил Романович освободил от его власти Межи-

божье, Болохов и другие города. Жители Владимиро-Волынского и Луцка сами отстояли свои города от Куремсы.

Кара последовала пять лет спустя. Бурундай, новый ордынский полководец, по пути в Польшу сделал остановку на Галичине. Потребовал покорности от местных князей. Все, за исключением Даниила, склонили голову перед грозным Бурундаем. Романович же предпочел уехать в Венгрию, но не подчиняться Орде. Без него по требованию Бурундая вы нуждены были собственными руками разрушить, срыть крепостные стены и земляные валы жители Львова, Луцка *У* других городов. Только жители Холма, несмотря на угрозы и уговоры, отказались это сделать. Галиция и Волынь тоже стали вассалами Орды. Сыграли свою роль несогласия князей, главное же — явное неравенство сил. Приходилось терпеть, подчиняться и надеяться на будущее, что вынуждены были делать и Александр Невский, и другие правители Руси.

В северо-восточных пределах Руси народ тоже бросил вызов власти Орды. Это произошло за год до мученической смерти Невского. Организаторами и зачинателями движения стали жители Ростова, потом присоединились Ярославль, Владимир, Суздаль, Устюг. Один из летописцев из Устюга пишет даже, что восстания начались «во всех русских городах». Их участники выступили против откупщиков-мусульман, по воле ханов собиравших налоги по Руси. Помимо тяжести поборов, русичей-христиан возмущали насилия иноверцев-басурман. В Ярославле, что вызвало яростный гнев его жителей, в мусульманство перешел местный священник Изосима и стал «поспешником» Титяма, одного из ненавистных откупщиков. Ярославцы расправились с изменником.

Восстания, прокатившиеся по Северо-Восточной Руси, тоже, конечно, сыграли свою роль в печальной судьбе Невского. Для Руси же они имели, среди прочих причин, и положительное значение — сбор податей ханы передали в руки самих русских князей; откупную систему отменили. Произошло это, правда, не сразу, постепенно. Но достижением для Руси это было несомненным.

В целом же дела шли не очень гладко. Более того, княжеские усобицы, подогреваемые Ордой, продолжались, порой получали острые, кровавые формы. Причастными к ним оказались и дети Невского, его наследники. Дмитрий Александрович, старший из них, князь переяславский, добился великого княжения Владимирского (1277). С претензией на него же выступил брат Андрей Александрович, князь городецкий (1281), — побывав в Орде, сумел получить желанный ярлык и к тому же привести на Русь ордынское войско на тот случай, если Дмитрий окажет сопротивление.

Татары выжгли, опустошили десятки городов и селений, захватили много пленников и имущества, в том числе ценных вещей из монастырей и церквей. Андрей и татары взяли и Переяславль, Дмитрий же перебрался в Новгород, затем во Псков. Ордынцы ушли, князь Андрей, ставший великим князем, «много зла учинил в земле Суздальской». За борьбу между братьями-князьями расплачивалась Русь, особенно за неразумие Андрея.

Орда, с одной стороны, карала князей-ослушников; с другой, — старалась привлечь некоторых из них на свою сторону. Так, их послушными «служебниками» и даже родственниками (женились на ханских дочках) становились князья ростовские. А в их и другие княжеские владения выезжали вельможи из Орды, становились основателями новых владетельных фамилий; их потомки в последующие столетия приобретали известность, влияние и власть (к примеру,, Годуновы, Сабуровы, Баскаковы, Карамзины и др.).

В отличие от ростовских князей, некоторые их собратья из других земель имели смелость противостоять татарским карательным отрядам. В самом конце столетия курский князь Святослав напал под городком Ворголом на слободу татар баскака — насильника Ахмата. Тогда отряд, прибывший из Орды, перебил многих курян. На новое восстание поднялись простолюдины из Ростова, изгнали татар (1289). Ярославцы не приняли посла от самого хана.

Новую экспедицию против брата Дмитрия вызвал Андрей Александрович (1293). В тех же местах, что и за восемь лет до этого, бесчинствовали ордынцы Тудаиа (Дюденя, по

русским летописям), их сопровождал Андрей. Дмитрий снова искал убежище во Пскове. «Дюденева рать» закончилась разорением 14 городов. Только Тверь, хорошо подготовившуюся к встрече с тудановцами, они не отважились тронуть. Несколько позднее рать царевича Токтомеря («Токтомерева рать») обрушилась и на Тверь. Он «причинил людям много бед, одних перебил, а других забрал в полон». В 1297 г . — еще одна «татарская рать».

Сопротивление на Руси, то скрытое, приглушенное, то открытое, продолжалось. Крупное восстание произошло в Твери тремя десятилетиями позднее. Связано оно было с ожесточенной борьбой Москвы и Твери за политическое первенство на Руси. Верх брали то московский кйязь, Юрий Данилович, то тверской, Михаил Ярославич и его сын Дмитрий. Всех их в конечном счете казнили в Орде. В Твери возмущение жителей вызывали бесчинства ордынцев во главе с баскаком Чол-ханом (Шелканом Дудентьевичем, в русских старинных сказаниях):

Брал он, млад Шелкам,
дани, невыходы, царевы невыплаты.
С князей брал по сту рублей,
с бояр по пятидесять,
с крестьян по пяти рублев.
его беспощадность к людям надолго запомнилась тверичам:
У которого денег нет,
у того дитя возьмет.
У которого дитя нет,
у того жену возьмет.
У которого жены-то нет,
того самого головой возьмет.

Тверской князь Александр Михайлович, имевший в то время (1327) ярлык и на великое княжение Владимирское, в ответ на частые жалобы подданных отвечал: терпите, мол, что тут поделаешь... Но однажды на торгу татарин вырвал уздечку из рук какого-то дьякона. Тот не хотел терять коня, обратился к толпе: пособите на злодея этого! К тому и другому бросились на помощь — татары, с одной стороны, горожане и крестьяне, с другой. Завязалась рукопашная драка. Вскоре зазвучал набат. Все побежали на вечевую площадь. По решению веча началось восстание. Чол-хан спрятался в княжеском дворце в надежде спастись от разъяренной толпы. Но тверичи подожгли дворец с ордынцами. Александр Михайлович, опасаясь ханской мести, бежал во Псков. Тверичей жестоко наказало карательное войско, приведенное из Орды Иваном Калитой московским, одним из главных собирателей Руси.

Тверское восстание, несмотря на его беспощадное подавление Ордой, еще раз показало ей, причем с силой небывалой, что Русь не смирилась, способна противостоять ее владычеству и террору. И это не могло не вдохновлять русских людей, укреплять их веру в свои силы, в то, что придет время и проклятая Орда получит заслуженное возмездие, еще более мощное и грозное.

Глава 11. Начало возрождения Руси

§ 1. Новые условия и рубежи

По замечанию В.О. Ключевского, вероятно, не во всем справедливому, монгольское нашествие не положило резкой грани в истории Северо-Восточной Руси, поскольку новый политический порядок завязался в ее землях до появления Батыя с его полчищами. Вторая часть этой формулы верна. Но о первой ее части этого сказать нельзя — «Батыево нахождение» оказало такое сильное воздействие на русские земли, судьбы их жителей, что нередко говорят о домонгольской и ордынской эпохах отечественной истории.

Ко времени ордынского нашествия Русь примерно столетие жила в новых условиях. Захирело Киевское княжение — некогда политический, хозяйственный, религиозно-идейный центр большого государства. Некогда многолюдные города и села пустели — их жители уходили на запад, к Галичине и Волыни, в Польшу, и еще более на северо-восток, в Залесскую землю, как тогда южане именовали места вокруг Ростова, Суздаля и других городов на севере. Причины называют современники-летописцы: бесконечные княжеские усобицы, половецкие набеги. Наконец, страшный удар нанесли монголо-татары.

Полтора десятилетия спустя после ордынского погрома по Южной Руси проезжал Плано Карпини. Направлялся он, как миссионер папы римского, на Волгу к монголам-завоевателям, не так давно приведшим в трепет и Западную Европу. По пути видел он бесчисленные черепа и кости на полях и вдоль дорог; русских людей осталось мало — их перебили или увели в плен. В самом Киеве осталось не более 200 домов. И так повсюду.

Южные, юго-западные и часть западных земель Руси постепенно включаются в состав Литвы и Польши. И уже в XIV в. документы начинают называть Юго-Западную Русь Малой Россией.

Восточные кочевники не менее страшный погром учинили и в Руси Северо-Восточной. Но здесь, несмотря на все тяготы иноземного владычества, запустение, которое в Руси Юго-Западной продолжалось до XV в., начали преодолевать значительно раньше. Волжско-Окское междуречье, новгородско-псковские пространства стали базой развития великорусского племени. Великой России. Удаленность от обычных, степных, путей вторжений кочевников, укрытость за лесами и топями влекли сюда людей со всех сторон. Не было столько плодородной земли, как в южных пределах, но зато реже высверкивала ордынская сабля или свистел аркан над головой. Да и землица, то малыми островками среди дебрей, то большими опольями, как под Суздалем, давала возможность прокормить худо-бедно семью. К тому же вокруг — леса необъятные, реки и речки, озера и пруды бесчисленные; ставь срубы, искушайся во всяком рукоделии, лови зверя и птицу, пользуйся бортями и бобровыми ухожаями, вари соль и железо, дери лыко и кури смолу.

Славяне-русичи с Днепра и Новгородчины, появляясь в этих местах, встретились с угро-финскими племенами, с неким оттенком добродушной иронии прозвали их чудью. Это — меря, весь, мордва и проч. Смешивались с ними, в значительной степени их ассимилировали. Причем не завоевывали, не насильничали, а селились рядом, женились между собой (отсюда нередко — скуластость великороссиянина, темный цвет кожи и волос). Хотя подчас случались и столкновения, прежде всего на религиозной основе — аборигены-чудины не хотели принимать веру Христову. Но подобное бывало и среди русских. И те и другие долго сохраняли свои языческие обряды, в том или ином виде, масштабе; их остатки подчас дожили до нашего времени (элементы вышивок, резьбы, танцев и проч.).

Утверждение князей Мономашичей, Юрия Долгорукого и его потомков, на северо-востоке имело важные политические последствия. Во-первых, уже его сын Андрей Юрьевич Боголюбе кий, став со временем старейшим среди всех русских князей, отнюдь не захотел сидеть великим князем в Киеве. Сажал туда правителей «из своей руки», по своей воле. Сам же прочно обосновался на далекой окраине Древней Руси, ставшей с тех пор политическим центром, главным нервом жизни, расчетов и устремлений разросшегося рода Рюриковичей.

Во-вторых, раньше вся Русь была как бы общим владением всех князей, и каждый из них занимал стол, начиная с великокняжеского в Киеве и кончая каким-либо захолустьем в припятских лесах, по старшинству переходил с места на место. Теперь, на смену «генеалогической федерации» (В.О. Ключевский), приходит система княжеств с постоянными правителями-монархами. Они ломают систему старшинства, передают власть сыновьям, минуя братьев, или младшим братьям, минуя старших. Главное здесь — утверждение в княжествах постоянных династий. А их представители были гораздо больше заинтересованы в обустройстве своей земли-владения, чем временный ее правитель. Да и жителям это было лучше. Характерно, что раньше, в киевскую эпоху, князья свои временные владения звали волостями, наделками, а теперь, в суздальскую и владимирскую эпохи — вотчинами, уделами, т.е. владениями постоянными, идущими от отцов, выделенными ими своим наследникам.

Русь Северо-Восточная, вместе с Северо-Западной, входившей, так или иначе, в сферу ее влияния, становилась в УСЛОВИЯХ удельного дробления центром нового собирания народных сил, новой централизации в изменившихся условиях. То же намечалось и на юго-западе, в Галицко-Волынской Руси. Прерванный ураганом вторжения Бату-хана, карательными экспедициями его преемников, процесс этот мало-помалу возобновляется на севере к концу XIII—началу XIV столетия.

Жизнь продолжалась, племя Рюриковичей, их ветвей, в том числе и Мономашичей, разрасталось. Всем князьям требовались земли, и старшие из них выделяли младшим их доли, уделы. Русь разделялась на все более мелкие уделы, и, помимо великих и славных князей, воспетых в «Слове о полку Игореве» и других сочинениях, появляются князья мелкие и мельчайшие, вплоть до каких-нибудь моложских, андожских, юхотских, бохтюжских и многих других.

В условиях ускоренного удельного дробления и иноземного ига, которое консервировало такое положение, еще более пышным цветом расцвели княжеские усобицы, мелкие свары, взаимные нападения и разорения. Однако сквозь этот беспорядок начал проглядывать и порядок. Местные князья с удовольствием занялись в своих отчинах-дединах строительством городов и храмов, заселением пажитей людьми. Покровительствуют культурным начинаниям — в составлении летописных сводов, других памятников, переписке книг, в развитии ремесел; многие мастера дали великие образцы в искусстве — иконы, разные прикладные изделия (посуда и проч.).

§ 2. Жизнь возрождается

Измельчание уделов и обеднение их владетелей, ужасы чужеземного владычества и разорение трудового люда на десятилетия распростерли над Русью то «недоумение в людех», о котором с горечью пишут тогдашние летописцы. Исчезают некоторые ремесла, прекращается каменное строительство. Лишь к концу XIII в. в Новгороде Великом появляются новые каменные церкви. Возрождение ремесла, медленное и трудное, продолжалось, как выяснил Б.А. Рыбаков, многие десятилетия, иногда же происходило только к исходу XIV и даже в XV в. М.Н. Тихомиров в одной из своих филигранных работ показал, как в XIV в. восстанавливается на Руси рукописная традиция, переписка рукописей.

Корень этих сдвигов — культурных, политических и прочих — в успехах на хозяйственном поприще. Сельские и городские жители, не уведенные в «проклятую Орду», возвращались на дымные пепелища и, как исстари делали их пращуры, рубили новые избы, распахивали заброшенные нивы. Помимо старых полей и участков, заводили новые. Источники все чаще упоминают «росчисти», «сечи», «чисти» — участки земли, освобожденные от деревьев и кустарника. В эти местах возникают починки — новые деревни, обычно в один-два двора.

В обработке земли крестьяне применяли разные методы. При подсеке выжигали участок леса, и земля, обогащенная золой, давала неплохие урожаи несколько лет подряд; потом

ее надолго забрасывали, и она снова, как тогда говорили, «порастала лесом». Земледелец же переходил на другой, еще нетронутый, лесной участок. При переложной системе поле тоже засевали несколько лет подряд, потом оставляли его, тоже на несколько лет, незасеянным; наконец, возвращались к нему, и снова все повторялось. Наконец, и это очень важно, применялась трехпольная система — с ярью, озимью и паром, что давало урожаи более устойчивые и большего размера. К сохам и плугам приделывали железные приспособления — сошники и лемехи.

Увеличение поголовья лошадей, волов и коров давало навоз для полей. Сеяли, как и раньше, рожь и пшеницу, ячмень и овес, гречиху и просо, лен и коноплю. В огородах выращивали капусту и репу, лук и чеснок, огурцы и тыквы, реже — свеклу и морковь. В садах росли яблони, вишни, сливы.

В лесах много было всякого зверья, и охотники добывали кабанов и медведей, лосей и оленей, диких коз и белок, горностаев и соболей. Ели и рыбу разную, и мед диких пчел из бортей.

Земледелие и животноводство, промыслы, уже в силу неотложных естественных потребностей населения, довольно быстро встали на прежний уровень, затем и превзошли его. Труд пахаря и ремесленника давал средства существования и им самим, и господам — князьям и боярам, дворянам и церковникам. Все эти властители-феодалы, светские и духовные, крайне интересуются землей и сидевшими на ней работниками. В их руки попадали земли, пожалованные великими и удельными князьями, купленные, а то и попросту захваченные силой. Монастырям и иерархам церкви владения дарили те же князья, бояре, отказывали на помин души земли н другое имущество.

Больше всего земель накапливалось, естественно, у князей, прежде всего великих. Иван Калита имел, к примеру, в разных местах до 50 сел с угодьями; его преемники — еще больше. Бояре тоже богатели землями и прочим имуществом. Все они владели зависимыми от них, крепостными крестьянами. В новгородских и псковских пределах их, как во времена «Русской Правды», именовали смердами. В других местах — иначе: «люди», «сироты», «христиане». Последний термин, изначала имевший окраску религиозно-национальную, подразумевая людей, верующих в Христа, начал в эти времена приобретать значение иное, социальное — под «христианами» стали иметь в виду жителей сел и городов, которые выступали против «басурман»-ордынцев; потом только сельских тружеников — «крестьян». Их положение не было одинаковым. Средний крестьянин имел 5 десятин земли в поле, всего же 15 десятин при трехпольной системе земледелия. Более богатые уже тогда дополнительно арендовали землю, эксплуатировали труд обедневших односельчан. На противоположном полюсе — безземельные крестьяне и даже бездворные (подворники, захребетники, проживавшие на чужих дворах). Та же самая картина — и с обеспечением лошадьми, прочим скотом.

Крестьяне исполняли для господ барщинные работы, вносили оброки натурой, несли разные повинности. Их перечень можно увидеть, например, из грамоты митрополита Киприана, главы русской церкви, Царево-Константиновскому монастырю (1391).

Крестьяне в ту пору имели право поменять своего владельца — уйти от старого к новому, в расчете на льготы у нового боярина (освобождение на год или несколько лет от повинностей и платежей, уменьшение их, получение ссуды на обзаведение хозяйством). Но право это владельцы стремились стеснять, договаривались о том между собой.

Значительная часть земледельцев оставалась незакрепощенной. Это — черносошные крестьяне, жившие на черных землях, принадлежавших не отдельным феодалам, а государству, казне в лице великого князя. В пользу казны они и платили разные взносы, начиная с дани, несли разные повинности. Считали себя людьми свободными, владельцами и даже собственниками своих земельных наделов: «Земля великого князя, а владение наше». Более того, в некоторых местах, например, в Поморье, они свою землю покупали и продавали, передавали по наследству. Тем не менее, имея в виду черносошное землевладение в целом, нельзя не видеть, что положение черносошных крестьян было зависимым, неустойчивым. По

воле великокняжеской власти они попадали вместе *с* землями в собственность боярам, монастырям. А последние не гнушались и откровенными захватами их угодий. Так что размеры черносошных земель уменьшались, как шагреневая кожа, особенно в центральных волостях.

Бояре и дворяне получали земли с крестьянами в вотчины (безусловное владение) и поместья (условное владение). Крестьян, издавна живших у них, владельцы рассматривают как старожильцев (в отличие от новоприходцев), стараются удержать их у себя, «не перепустить» к соседу, иному хозяину, сопернику в борьбе за рабочие руки, без которых ценность земли понижается весьма заметно.

Важнейшая черта крестьянской жизни — наличие общины («погост», «волость»). Давно и верно историки отмечают двойственность ее функций, сущности. С одной стороны, она с ее круговой порукой использовалась владельцами, государством для контроля над крестьянами — взимания поборов, организации работ, поддержания порядка. С другой — подобное сообщество сплачивало крестьян, позволяло организовать все стороны их жизни, от хозяйственной до духовной, нравственной, защищать свои интересы от эгоистичных поползновений всяких господ и управителей. В общине заметную роль играет выборное начало — своих старост, сотских, десятских, управлявших мирскими делами, крестьяне выбирают на сходах.

Крестьяне-общинники владеют участками земли под усадьбами и пашнями; леса, луга для пастбищ, вода — не в индивидуальном, а общем пользовании.

Помимо крестьян, в княжеских, боярских и дворянских хозяйствах имелось немало холопов. Это — «полные люди», принадлежавшие господину по праву собственности. Он мог их продать, подарить, купить, передать по наследству; их убийство — не уголовное преступление, а грех перед Богом. Естественно, холоп не мог, как крепостной крестьянин, поменять по своей воле хозяина. Они работали на его дворе, в поле («страдники»), занимались ремеслами.

Несвободными, но привилегированными людьми выступают представители барской администрации — тиуны, ключники, посельские; это — помощники господ по управлению их хозяйством и подневольными людьми, нередко люди приближенные и в своем кругу влиятельные.

Нередко владельцы к концу жизни завещали отпустить холопов, всех или их часть, на волю. Так вотчина или поместье освобождались от ненужной дворни; некоторые из тех, кто постарательней, переходили в крестьянство. Подобная практика говорит об известной гибкости феодальных владетелей, что позволяло им регулировать, в своих интересах, конечно, численность и качество рабочей силы в вотчинах и поместьях.

Жизнь крестьян и холопов была нелегкой, и источники (акты, летописи, жития святых) сообщают об их протестах против захвата земель боярами и монастырями, борьбе за сохранение старинных размеров барщины и оброка, против их увеличения. Подавали о том челобитья князьям, судились с владельцами. Бежали от них. Они же и холопы убивали ненавистных бояр-мучителей, монахов. «Разбойники», о которых довольно часто говорят те же источники, громили имения господ, отбирали у них документы на землю и крестьян.

Поводом для открытых выступлений становился и голод. Так случилось, например, в новгородских и псковских землях в 1314 г ., когда беднота из сел и городов громила амбары, дворы бояр и иных богачей. Власти приняли меры, и в ходе подавления восстания погибло до пяти десятков его участников.

Крестьяне поджигали монастырские постройки, брали себе имущество духовных пастырей, избивали их. Происходило это в Прионежье, вологодских и иных пределах.

§ 3. Города

Восстанавливалась после Батыева разорения и городская жизнь. Отстраивались дома в старых городах, появлялись новые города, крепости. Росли торгово-ремесленные предместья — посады. «Список русских городов», составленный в конце XIV в., перечисляет 55 го-

родов залесских, т.е. владимиро-суздальских, 35 новгородских и листовских, 10 смоленских, 30 рязанских.

После довольно долгого перерыва возобновляется искусство скани, черни, чеканки, литье колоколов. А под 1382 г . летописи впервые упоминают пушки, обстреливавшие ордынцев Тохтамыша под стенами Московского Кремля, к тому времени уже каменного, возведенного в 60-е годы (деревянный появился еще при Калите, в 1339 г .).

Развивалось кузнечное и слесарное дело. Отлично работали мастера-бронники, лучники, пищальники, и действия ратников на поле Куликовом хорошо это показали. Живописцы писали иконы, украшали стены храмов. В XIV столетии в княжествах начали чеканить собственную монету из серебра. Появляется бумага, переписка рукописных книг получает новые возможности; продолжают для этого употреблять и тщательно выделанную телячью кожу — пергамент.

Ремесленники десятков специальностей вносили свою, и немалую, лепту в хозяйственное и культурное возрождение Руси. Среди них, как и среди крестьян, были и бедные, и богатые. Некоторые из них, ростовщики, давали в долг деньги даже самим князьям. То же — и купцы. Наиболее богатые из них, например, суконники (торговали с западными странами), «гости-сурожане» (со странами Причерноморья; Сурож — нынешний Судак в Крыму), имели немалые капиталы, тоже давали деньги «в рост», покупали земли, строили храмы. Ремесленники и купцы объединялись в профессиональные организации — дружины и артели, сотни и ряды. Имели свои патрональные храмы, при которых их сообщества — «братнины», «общины» — разбирали спорные дела, в том числе судебные.

Как и в сельской местности, города становились ареной социальных потрясений. Вызывали их противоречия между беднотой и богатой верхушкой, между посадом и боярами. В XIV в. чередой проходят восстания по городам Руси — Великом Новгороде и Торжке, Нижнем Новгороде и Костроме. Выступления против своих бояр переплетаются с борьбой против угнетателей-ордынцев (восстания в Нижнем Новгороде, Ростове, Твери, Москве).

Заметное развитие получили торговые операции городов и монастырей. На рынках появляются изделия ремесленников, продукты из сел и духовных обителей. Сеть мелких торгов, господствовавших в обмене, дополняется и некоторыми городскими рынками, получившими уже областное значение (Новгороды Великий и Нижний, Псков, Тверь, Рязань, Москва).

Внешней торговле, в особенности по Волге, мешала Орда. Однако и торговля постепенно увеличивала обороты — с той же Ордон, другими прикаспийскими странами, Крымом, Византией, Литвой, Прибалтикой, западноевропейскими странами.

По разным направлениям, сначала медленно, затем все быстрее, хозяйственная деятельность жителей Руси не только подняла ее из руин, но и позволила накопить силы и средства, материальные и духовные, для великого дела объединения ее земель, постепенно подтачивать заносчивое могущество ордынских ханов и баскаков, чтобы, наконец, бросить ему открытый и смелый вызов.

Глава 12. Москва и объединение земель

§ 1. Младший сын Невского на уделе

«Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти?» — голос неподдельного изумления слышится в этом вопросе безвестного повествователя. Он писал сочинение о зачале Москвы, захудалого боярского села, ставшего к его времени, столетия четыре с половиной спустя, столицей обширного государства. А тогда, в середине века XII-го, всего лишь, по его же словам, «стояли на Москве-реке села красные боярина хорошего Кучка Степана Ивановича». Сказание это, своеобразным былинным ладом, отразило событие, для истории Руси весьма значительное, знаменательное, судьбоносное.

Великий князь владимирский Александр Ярославич Невский перед кончиной разделил свои владения между сыновьями. Старшие из них, Дмитрий и Андрей Александровичи, насмерть схлестнулись в борьбе за владимирский стол, дававший первенство во всей Руси. Младшему же, Даниилу Александровичу, досталась та самая захолустная Москва с округой на западном пограничье Владимиро-Суздальской земли. Заботу об ее устройстве, укреплении, превращении собственно в город, точнее — городок, взял на себя пращур Даниила — великий князь, тогда еще — суздальский, Юрий Владимирович Долгорукий.

Московские места в те времена — перепуток по дороге из суздальских к черниговским и киевским землям. Память об их первоначальном владельце еще долго хранили московские старожилы — территорию по Лубянке и Сретенке они звали Кучковым полем. Поначалу в Москве сидели, переменяясь, разные князья, младшие сыновья суздальско-ростовских, владимирских князей. Как и многие другие города и городки, Москву опустошили воины Батыя. И позднее в ней не всегда даже бывал князь-правитель: до того она, вероятно, захирела. Лишь с 1270-х годов, с появлением Даниила, Москва — собственно стольный град хотя и небольшого, но все-таки княжества. Его правитель стал основателем московской династии Даниловичей.

Необъяснимость, загадочность дальнейшей судьбы Москвы, действительно, вызывает удивление. В самом деле, в те времена и до них блистали на политическом небосклоне Суздаль и Ростов, на смену которым пришел Владимир-на-Клязьме, оба Новгорода и Псков, Тверь и Смоленск, Рязань и Муром. Одни из них задолго до Москвы вступили в схватку за первенство; другие, как Смоленск и более западные земли, попали в орбиту влияния Литовского государства; третьи, став не княжествами, а республиками (Новгород Великий и Псков), стояли «особно» в отношениях с «Низом», как они именовали земли владимиро-суздальские.

бесперспективное в видах на высшую власть на Руси, преобладание над сонмом других князей, гораздо более сильных и влиятельных. Но обстоятельство это, наоборот, подстегивало, воодушевляло московских правителей, начиная с Даниила. Их честолюбие и дальновидные расчеты, естественные для любого из собратьев, прикрывались хитростью и изворотливостью, терпением и коварством. Ключевский, не скрывавший иронии относительно мелкого скопидомства и посредственности московских князей, недооценивает все же их политические способности, волю. Но, отдадим должное мудрому историку, — он в конце концов признавал и объективные основы их устремлений и успехов, и важные их последствия для судеб Руси.

Московские места незаметно, но довольно быстро стали центром притяжения народных сил уже по своему местоположению. Ее обширные лесные дебри, реки и речушки давали людям из мест, лежавших к востоку и юго-востоку, возможность скрыться от ордынских «ратей». Они заводили пашню на полянах, чистили лес, ставили починки. Вот один из примеров: боярин Кирилл, не раз испытавший, как и все ростовские жители, разорительные набеги ордынцев, к тому же ездивший со своим князем в саму Орду с богатыми дарами, вконец охудал, решил перебраться с домочадцами в глухие леса, к городку Радонежу. Здесь принял постриг сын его Варфоломей, жил с полтора десятка лет рядом с лесными зверями в дебрях.

Но, как замечает биограф монаха, ставшего впоследствии знаменитым Сергием Радонежским, в местах этих, нежилых и нехоженых, откуда-то появлялись крестьяне, рубили лес, ставили деревни, заводили хозяйство; короче говоря, — «исказили пустыню». То же происходило во всей округе, ближней и дальней. Сюда шли со всех сторон, даже с юго-запада, из Чернигова, Киева и Волыни.

В районе Москвы скрещивались пути водные и сухопутные. Они шли во все стороны к верховьям Волги и Днепра, к Оке и Волге. Располагаясь в центре Волжско-Окского междуречья, Москва и соседние земли вбирали в себя, смешивали разнородные этносы — славянский, балто-литовский, угро-финский, тюркский, стали ядром района вызревания великорусской народности.

Московские князья умело использовали и труд все увеличивавшегося населения, и удобные торговые пути (то и другое давало немалые доходы), и относительную безопасность от Орды, которая часто громила места рязанские и нижегородские, владимирские и суздальские, но до московских доходили лишь изредка. Летописи сообщают о хищнических и смелых действиях московских князей. Михаил Ярославич Хоробрит, брат Невского, неожиданно набросился на великого князя владимирского Святослава, своего дядю, лишив его престола (1248). Так же поступает Даниил Александрович с рязанским князем Константином — «некоей хитростью» (обманом) отхватил у него Коломну (1300), в устье Москвы-реки, при впадении ее в Оку. Это был крупный успех. А сын его, Юрий Данилович, овладел Можайском, пленив его князя (1303). В итоге Москва-река от истоков до устья вошла в его удел. Иван Дмитриевич, князь переяславль-залесский, умирая, передал свой удел Даниилу, который сумел завоевать дружбу племянника, внука Невского.

Другой сын Даниила Иван Калита продолжил дело отца и брата. В начале его правления Московское княжество нельзя было назвать большим — пять десятков с лишним сельских волостей, четыре десятка дворцовых сел да несколько городов с уездами: помимо Москвы, Коломны и Можайска, еще Серпухов, Руза, Звенигород, Радонеж и Переяславль-Залесский. Но, имея средства, и немалые, Калита прикупает земли, к примеру, Углич, Галич и Белозерск с их округами. Не гнушается и селами, деревнями в уделах князей-соседей. Его преемники прибавляют к ним новые «примыслы» — Боровск и Верею, Волоколамск и Медынь, Стародуб-на-Клязьме и Дмитров, Тарусу и Муром и т.д. Переходили в их руки целые княжества (Нижегородское, например, при сыне Донского), десятки сел и деревень.

Покупки, захваты, дарения увеличивали московские владения и, что не менее важно, приближали их к землям князей-соперников, окружали их с разных сторон. Тверских, рязанских, ярославских владетелей уже тогда, очевидно, бросало в дрожь от недобрых предчувствий. Некоторые из них, выходцы из того же родового гнезда, что и московские Даниловичи, не могли мириться, размышляя о будущем, с участью московских подручников.

§ 2. Политическая система. Борьба за первенство

XIV столетие, ставшее эпохой зримого усиления экономического и политического могущества Москвы, пережило и столь же честолюбивые расчеты, надежды других центров великих княжеств — Твери и Суздаля, Нижнего Новгорода и Рязани. Правда, противники были неодинаковы по мощи и влиянию, выделялась среди них Тверь, где сидели старшие родичи Даниловичей, пошедшие от Ярослава Ярославича, одного из сыновей Ярослава Всеволодовича и внуков Всеволода Большое Гнездо. Они-то и стали главными претендентами на владимирский стол, который давал главенство над Русью, преимущественное право сношений с мощным еще сюзереном — Золотой Ордой. Иногда вступали в борьбу и другие владетели, например, суздальско-нижегородские, но, как правило, их достижения в подобных поползновениях выглядели недолговечными и неубедительными.

Князья великие и удельные, их родственники в более мелких владениях каждого из княжеств, будучи монархами по своему статусу, делили земли, судили и рядили подданных. Между собой заключали договоры о границах и таможнях, торговле и порубежных спорах,

выдаче беглых крестьян и холопов. Давали клятвы в вечной дружбе, тут же их нарушали. Все зависело от наличия сил и средств, расчетов и просчетов, личных достоинств и недостатков. Разоряли владения друг у друга, и от того страдали прежде всего их питатели — пахари, ремесленники, купцы. К своим разорителям добавляли долю несчастий и страданий иноземные пришельцы — ордынцы с юго-востока, немцы-рыцари и польско-литовские паны с запада и северо-запада. И тут князья русские договаривались действовать сообща, но соперничество, «нелюбье» брали свое, и внешний враг разорял их же собственные владения, истощал казну, уводил в плен толпы их работников.

В делах управления князья опирались на совет из бояр — Боярскую думу. «Бояре введеные» — это ближайшие, постоянные их советники. «Бояре путные» возглавляли отдельные отрасли хозяйства, управления — «пути»; таковы сокольничий путь (княжеская охота), конюший, ловчий, стольничий, чашничий. В черных городах и волостях, принадлежавших казне, т.е. не входивших в княжеский домен (дворцовое хозяйство, принадлежавшее непосредственно князю и его семье, — земли, села, деревни), сидели княжеские наместники («на место», «вместо» самого князя, как управителя) и волостели, из бояр и слуг. Звали их и «кормленщиками», поскольку, год-два пребывая в управляемых ими землях, «кормились» за счет местных жителей. Те несли им в установленные сроки всякие продукты, фураж. В пользу же «кормленщиков» шла часть пошлин — судебных, торговых, свадебных (другая часть — в княжескую казну).

Особое место в системе русских земель занимали Новгород Великий и Псков. Будучи не княжествами-монархиями, а республиками (их именуют то феодальными, то боярскими, аристократическими), они выработали у себя своеобразные формы государственно-политического бытия. На примере первой из них это выглядит весьма рельефно.

Сам Новгород Великий делился на две «стороны» — Софийскую (здесь кремль с храмом Софии Премудрости Божией), на левом берегу Волхова, и Торговую, на противоположном, с главным рынком и Ярославовым, или Княжим, двором, площадью рядом с ним (здесь в начале XI в. стояло подворье князя-наместника Ярослава, будущего Мудрого, сына Владимира I Святого). Со степени, или помоста, стоявшего на площади, новгородские власти обращались к народу на вече — именно оно, как считалось и полагалось, имело решающий голос во всех важнейших делах республики. На вечевой башне внизу располагалась канцелярия веча, а вверху висел вечевой колокол. Его звон сообщал вольным новгородцам, что нужно идти на общую сходку и выносить решения — криками: какая «партия» кричит громче, той — и правда. Доходило дело и до потасовок, схваток на самой площади или на Великом мосту, перекинутым через Волхов недалеко от нее и соединявшим обе стороны.

Город делился на пять концов (городских кварталов), а его обширнейшие владения (они простирались вплоть до «Душучего моря» — от Кольского полуострова до Северного Урала) — на пять пятин (Водская, Обонежская, Бежецкая, Деревская, Шелонская). Имелись еще волости, не вошедшие в пятины (Волоколамск, Ржев, Торжок, Великие Луки и др.). Далеко лежали обширные волости на северо-востоке — Заволочье (Двинская земля), Пермь, Печора, Югра (это уже — за Северным Уралом).

Не счесть богатств в новгородских владениях. Промыслы и торговля полнили добром хоромы бояр и купчин; не хватало только, и это постоянно терзало новгородцев, хлебушка. Отсюда идет зависимость от «Низа» — зерно везли с Суздальщины — Владимирщины. Когда же случались неурожаи и там, приходилось совсем плохо. То же происходило и при «розмирьях» — князья не пропускали хлебные караваны к «господину Великому Новгороду». Приходилось искать пути примирения, идти на компромисс, на уступки. Иначе — мечи из ножен, и, как говаривали тогда, «пусть Бог нас рассудит».

О новгородских вольностях много спорили и спорят до сих пор. Нередко считают, что Новгородская республика — чуть ли не фикция, всем правили бояре, сидевшие в Совете господ (господа) во главе с архиепископом. Он собирался в местном детинце. Слов нет, бояре и богатые купцы новгородские имели большой вес, поскольку многое зависело от их богатства и влияния. Из них же выходили местные политические руководители — посадники (нечто

вроде премьер-министров) и тысяцкие (руководители ополчения). Но и их, и даже духовных владык новгородцы выбирали «всем городом», т.е. на том же вече. Князя-монарха они не завели, но для обороны рубежей от внешних врагов, а их было немало, приглашали князей с дружиной, но по «своей воле». Права их и обязанности строго оговаривались по «ряду» — договору. Нарушение «ряда» могло закончиться для князя-наемника плохо — ему указывали «путь чист из города», т.е. попросту выгоняли вон: «Ты нам еси не надобен». Столь же сурово они обходились подчас и с посадниками, тысяцкими из своих земляков, сбрасывали их со степени или с Великого моста в волховскую пучину, громили подворья, а то и кончали с ними самими еще более круто.

Политическую жизнь Новгорода постоянно лихорадила вражда боярских «партий», династий, новгородцев и служивших им князей, более же всего — «меньших», «мизинных» людей (беднота) и «больших» (вельмож и их нахлебников). Вмешивались в нее и силы, для республики посторонние, — князья из соседних земель, особенно из тех, кто посильней. Они стремились держать под контролем богатую республику, посадить в ней князем своего ставленника, сына или брата. И новгородцы соглашались, не всегда, правда, добровольно; бывало, что и под нажимом; главное для них — чтобы князь «держал Новгород в старине по пошлине». Тем более, что князь, помимо дел военных, занимался еще управлением и судом, но с участием посадника («без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот ти даяти»). Чиновников низших рангов мог назначать только из новгородцев, а не из своих дружинников. Получал доходы, строго оговоренные; не мог приобретать на Новгородчине земли и зависимых людей. Лишили его права вмешиваться во внешнеторговые дела, а они велись Новгородом с большими размахом и выгодой.

Новгородская господа имела громадное влияние в управлении республикой. Но все же голос новгородского люда был всегда слышен и заметен, особенно в моменты острых схваток на вече. Так что республиканский строй в Новгороде Великом, как и во Пскове, — не фантасмагория, а реальность, и с ней приходилось считаться и местным влиятельным «партиям», и «низовым» политикам. Обе республики неизбежно присутствовали в их расчетах, взаимной борьбе за первенство на Руси. Социальная рознь, военная слабость, экономическая зависимость от «Низа» постепенно подтачивали устои обоих республик, и потребности централизации, импульсы которой исходили отнюдь не от новгородских и псковских правителей, предопределили судьбу этих земель.

§ 3. Собирание сил

Опираясь на выросшие возможности княжества, не стесняясь в средствах и уловках, московские князья вступили в борьбу за великокняжеский стол во Владимире. Первый вызов бросил Юрий Данилович. Его тверской родич двоюродный дядя Михаил Ярославич получил в Орде ярлык на Владимирское княжение (1304). Юрий Данилович начал тяжбу и в конце концов, женившись в Орде на сестре хана Узбека, добился своего, стал великим князем владимирским. Его же происками хан казнил дядю-соперника (1318). На Русь привез князь Юрий молодую жену-ордынку и ханский ярлык. Началось его правление на Руси, первое для выходца из московской династии.

Продолжалось оно семь лет. Но пришла очередь и самому Юрию Даниловичу испить горькую чашу. Дмитрий Михайлович, тверской князь, его троюродный брат, сын казненного по вине Юрия Михаила Ярославича, нажаловался в Орде. Вскоре по воле Узбека туда вызвали Даниловича и убили. Та же участь, впрочем, постигла вскоре и Дмитрия. Так ордынские сюзерены стравливали между собой своих русских вассалов-князей, убирали неугодных, ослабляя тем самым Русь. Распри князей, их жалобы в Орде, призыв на помощь военных отрядов из нее разоряли города и селения. Каратели убивали людей, грабили все и вся.

Великим князем владимирским стал Александр Михайлович, тверской князь, брат погибшего в Орде Дмитрия. Московский же стол Юрия наследовал его брат Иван Данилович (1325). Он сыграл такую роль в истории Руси, складывании ее государственности, что мос-

ковскую династию позднее стали именовать по его прозвищу — Калитовичами (калита — кошель с деньгами на поясе).

Князь Иван не примирился с поражением и гибелью брата. Представился и случай, более чем подходящий. Восстание в Твери против насилий татар баскака Чол-хана (1327) закончилось их почти поголовной гибелью. Иван Московский тут же оказался в Орде и вскоре, по примеру покойного брата, вернулся с татарским отрядом. Ордынцы, по словам летописи, «просто рещи, всю землю Русскую положиша пусту» — так каратели мстили за гибель своих соплеменников-насильников. Пострадали больше всего, конечно, тверские земли, да и другие тоже, но не московские. А Калита в награду получил Новгород и Кострому. Владимир, Нижний Новгород и Городец дали Александру Васильевичу, суздальскому князю. После его кончины (1332) Иван I Данилович стал полновластным владимирским князем. Добился он и казни в Орде Александра Михайловича. А из его столицы приказал привезти в Москву вечевой колокол, звавший тверичей к восстанию против Чол-хана.

Политику свою Калита точно, расчетливо сообразовывал со складывавшимися обстоятельствами. Его хитрость и жестокость — для политиков всех времен не редкость; поразительны его терпение, дальновидность, целеустремленность. «Смиренная мудрость» князя в Орде, куда он ездил на поклон весьма часто, льстивые речи и «многое злато и сребро» хану и ханшам, мурзам и прочим делали свое дело — там его слушали, ценили, любили. У себя же дома беспощаден был не только с князьями-соперниками, но и простолюдинами — «лихими людьми», «татями», подавлял всякое недовольство с гневом великим.

При всем том Калита сумел навести порядок во владимирско-московских землях. В них, наконец-то, воцарились мир и спокойствие: «Бысть оттоле, — говорит летописец, — тишина велика по всей Русской земле на сорок лет, и престаша татарове воевати землю Русскую». Несомненно, русские люди той поры благословляли промысел Божий и благодарили Калиту и его сыновей. Лишь при внуке Дмитрии Донском снова начались неприятности с соседями.

Калита достиг многого. Его власть признали князья ростовские и угличский, белозерскнй и галичский. Чтобы собрать полностью «дани-выходы» ордынские, он организовал поход на Новгород. Тяжело было платить «сребро» ханам, но зато плательщики вздохнули от «великой истомы, многих тягот и насилия татар». А у самого строгого и мудрого правителя скапливались деньги, кое-что прилипало к рукам и от тех, которые нужно было везти в Орду.

Дань для Орды все русские князья, собрав ее в своих землях, свозили Калите. Это дало ему еще один рычаг для усиления своей власти на Руси. Не меньшее значение, на этот раз в сфере не политической и финансовой, имел успех в области церковно-идеологической. Еще в конце предыдущего столетия киевский митрополит Максим, глава русской православной церкви, перенес свою кафедру во Владимир-на-Клязьме (1299). Жизнь заставила иерарха, как и многих южан, двинуться на северо-восток. Его преемник митрополит Петр частенько бывал в Москве, объезжая свои епархии. Калита сумел подружиться и с ним. Случилось так, что Петр здесь и скончался. Похоронили его в Успенском соборе Московского Кремля. Феогност, наследовавший митрополичью кафедру, совсем переселился в Москву — на подворье рядом с гробом чудотворца Петра, ставшего вскоре одним из самых чтимых на Руси святых угодников.

В глазах русских людей тех лет это событие, вне сомнения, — знамение Господне. Впрочем, не всем это понравилось, «иным же князем многим, — читаем в летописях, — немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуща». Это и понятно — значение Москвы еще более повысилось, поскольку она стала церковным, духовным центром всей Руси, что трудно было пережить соперникам и недоброжелателям Калиты. Именем Петра-митрополита русские клялись уже тогда, в XIV столетии; смотрели на него, как на своего печальника и защитника — ведь он ездил в Орду, чтобы умолять «царя» не обижать его паству. Столетие спустя после его кончины по Руси ходили о нем легенды, причем в тесной связи с Калитой. Святой отец Пафнутий боровский поведал однажды своим ученикам,

что московский князь видел сон — высокую гору, покрытую снегом; потом исчез снег, за ним — и сама вершина. Калита о смысле сновидения спросил у Петра, и тот пояснил:

— Гора — это ты, князь, а снег на горе — я, старик. Я умру раньше твоего.

Еще более колоритен рассказ Пафнутия о князе с его калитой, из которой он подал милостыню нищему. Тот, не удовлетворившись ею, подошел вторично, потом и «в третие». Каждый раз получал подаяние. Но в конце Иван Калита все-таки не вытерпел:

— На, возьми, несытые зенки!

— Сам ты несытые зенки, — услышал от нищего в ответ, — и здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь.

Легенда эта, окрашенная в благостные тона, любуется князем-нищелюбцем, отцом своих подданных. В стороне, конечно, остаются истинные черты правителя, скопидома, лукавца, хищника. Вполне очевидно, реальный его образ со временем поблек, оставалось то, что ценилось современниками и потомками, — его качества как устроителя порядка на Руси и в собственном хозяйстве, верного сына церкви и защитника внешних рубежей нарождавшегося государства. Ведь с Калиты великое княжение, все увеличиваясь в размерах и становясь государством Владимиро-Московским, а потом Московско-Владимирским, устойчиво, с редкими и недолгими перерывами, переходило в руки его прямых потомков, преемников.

Дети Калиты Семен Иванович Гордый (1340—1353) и Иван Иванович Красный (1353—1359) во всем придерживались курса, проводившегося отцом. По-прежнему ездили в Орду, ублажали ханов н мурз. Правда, добавилось хлопот на западных рубежах — приходилось отбивать натиск литовцев, шведов и рыцарей-ливонцев. Они разоряли Псковщину и Новгородчину, захватывали города — то Брянск и Ржев, то Орешек; возвращать удавалось не все. Литва натравливала на Москву ордынцев, предлагая совместные действия против нее.

По-прежнему великий князь заключал договоры с удельными, которые в своих владениях были полными хозяевами: «Тобе знати, — фиксирует договор Дмитрия Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, князем серпуховско-боровским (1388), — своя отчина, а мне знати своя отчина». Их вассалы-бояре имели право отъезда к другому правителю, сохраняя при этом свои владения в покинутом княжестве. Но постепенно и неуклонно удельные князья и бояре становились в отношения подчиненности к великому князю московско-владимирскому. Старейший среди князей, он, заканчивая земной путь, наибольшую часть своих владений завещает старшему сыну — «на старейший путь». Остальным детям, всем вместе взятым, доставалось намного меньше, чем их старшему брату-наследнику. Тем самым снова и снова укреплялось положение Москвы как центра объединения русских земель, закладывались основы преобладания ее правителя над другими князьями-честолюбцами. Действия князей-завещателей, их династические предвидения, понятные сами по себе, имели значение государственное — они приближали пору объединения разрозненных частей Руси. А это отвечало интересам и их самих, и подавляющего большинства подданных, вплоть до самых «мизинных».

§ 4. Куликовская победа

Преобладанию Москвы над другими центрами уже ничто не могло помешать. Когда умер Иван Иванович Красный, его сын Дмитрий остался 9-летним мальчиком. На владимирский стол заявил претензии Дмитрий Константинович, князь нижегородско-суздальский. Но и он потерпел поражение, смирился. А позднее, когда его юный соперник возмужал, выдал за него дочь Евдокию. Они превратились из врагов в союзников, причем тесть ходил «под рукой» зятя.

Прожив короткую жизнь, 39 лет, Дмитрий Иванович ус-Лел достичь необычно многого. Помимо новых земельных приобретений, он ведет долгую и успешную борьбу с Михаилом Александровичем, князем тверским. Тот, опираясь на помощь Ольгерда Гедиминовича литовского, женатого на его сестре, понуждает его к походам на враждебную Москву. Триж-

ды, с 1368 г ., с перерывами в два года, литовцы осаждают ее, но безуспешно. Каменные стены Кремля каждый раз выдерживают натиск.

Взаимные набеги разоряли грады и веси — и московские, и тверские. Михаил Александрович сумел дважды добиться в Орде ярлыка на великое княжение. Закончилось тем, что Дмитрий Иванович не пустил соперника во Владимир и организовал (1375) поход на Тверь, носивший по существу общерусский характер. К его войску подошли на помощь дружины многих князей-союзников. Месяц они осаждали Михайлову столицу. Войска из Орды и Литвы, на что надеялся тверской владетель, не пришли, и ему пришлось склонить голову перед врагом и соперником, как «брату молодшему» перед старшим.

25-летний московский князь, окруженный помощниками-боярами, с мудрым наставником Алексием, митрополитом русским, из бояр Тучковых, во всех этих событиях выступает лидером национального масштаба. Русь к этому времени укрепилась настолько, что бросает открытый вызов Орде. Там одна «замятия» сменяет другую, ханы меняются с быстротой головокружительной — более двух десятков с половиной за какие-нибудь два десятилетия, с 1357 г . до конца 1370-х годов. В силу входит очередной временщик — темник Мамай, гурген (зять) хана

Бердибека — внука Узбека. По своему произволу меняет он правителей Золотой Орды, которых русские летописцы с иронией именуют «мамаевыми царями». Орда, некогда всесильная, слабеет; на Руси видят это и используют к своей выгоде.

Еще за год до похода Дмитрия на Тверь нижегородцы перебили в своем городе прибывших туда татар вместе со «старейшиной» Сарайкой. Прислал их сюда Мамай.

Три года спустя (1377) войско Дмитрия Ивановича, московского князя, пришло к Казани, где обосновался один из ордынских князей, принудило его — дело неслыханное! — платить дань Руси. Полки великого князя бдительно охраняют московские рубежи, и ордынцы не осмеливаются идти туда, минуя Оку.

Правда, в том же году произошла осечка, и весьма неприятная. В нижегородские пределы незаметно, тайком прокрался Араб-шах (Арапша, по нашим летописям). О нем говорили, что его войско где-то далеко на юге. Русская рать не думала, что ордынцы близко. Стояла сильная жара, воины шли налегке, доспехи и оружие сложили на телеги. Бояре увлеклись винным питием, ходили, как осудительно пишут летописцы, «на Пиане, аки пиании», — события назревали на р. Пьяне. Здесь воины Араб-шаха стремительно ударили на русских. Захваченные врасплох, они потерпели полное и позорное поражение. Победители огнем и мечом прошлись по юго-восточным землям.

Мамай, реальный вершитель судеб Орды, мечтавший восстановить в полном объеме власть над Русью («как при Батые было»), в следующем году решил сделать еще одно «кровопускание» Руси. Посланное им войско, в несколько десятков тысяч человек, возглавил мурза Бегич, военачальник опытный и бесстрашный. Русскую рать повел на юг от Оки, в рязанские пределы, сам князь Дмитрий Иванович.

Противники встретились на р. Воже. Расположились на противоположных берегах. Долго стояли друг против друга. Наконец, московский полководец несколько отодвинул свои полки, приглашая Бегича к битве. Тот переправил конницу, и сеча началась. Дмитрий двинул вперед свой главный полк, а с обоих флангов ордынцев начали охватывать еще два русских полка. Врага, разбитого в прах, прижали к реке и почти полностью уничтожили. Погиб и Бегич. На следующий день победители сами перешли Вожу и, преследуя остатки войска, окончательно добили его, захватили большой обоз.

Летописцы живописуют ярость, охватившую Мамая при известии о гибели Бегича и войска. Два года собирает он новые силы со всей Орды, нанимает отряды генуэзцев из Крыма, отважных воинов с Северного Кавказа. Договаривается о совместном выступлении против Москвы с Ягайлом Ольгердовичем литовским. Ведет как будто и переговоры о том же с Олегом Ивановичем, князем рязанским; так, во всяком случае, в один голос сообщают промосковски настроенные летописцы. Но здесь все было непросто. Рязань, конечно, боялась и Москвы, и Орды, и Литвы — нелегко жить меж трех огней и не запалить свой дом! Олегу и

другим рязанским князьям, его предшественникам, не раз приходилось испытать удары и московских князей, и ордынских ханов. И теперь Олег лавировал, хитрил, выжидал: чья сторона сильнее, кто возьмет — Орда или Москва? Потому и засылал послов и на Волгу, и на Москву-реку.

Между тем Дмитрий Иванович собирал рати. Дружины шли со всех сторон — из собственно московско-владимирских земель и многих других. На врага встала почти вся Русь. Ее воинов, усилиями ремесленников и пахарей, хорошо вооружили, снабдили всем прочим для предстоящей смертной сечи с извечным врагом-насильником.

На Руси царила атмосфера национального подъема. Одно из сказаний о Мамаевом побоище в эпических, былинных тонах говорит об этом: «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу».

По преданию, правда, позднему, на битву с врагом Руси благословил князя Дмитрия и его воинство игумен Сергии Радонежский. Человек крайне непритязательный, скромный и трудолюбивый, он уже тогда имел огромный авторитет в народе. Мирил князей, ссорившихся между собой. Сострадал всем обиженным и убогим. Его слова и поступки становились известны по русским градам и весям, нравственное влияние старца благотворно воздействовало на всех, кого заботила судьба Руси. Этому же способствовали многие его ученики, основатели обителей в разных концах страны. Его твердая поддержка общенародных усилий в борьбе с Ордой многое значила в глазах народа, укреплении его духа, твердой решимости противостоять Мамаю, спасти Русь от страшной угрозы.

Дмитрий Иванович вел свое войско из Москвы к Коломне. Здесь, на Девичьем поле, сделал ему смотр. Затем, не переходя здесь Оку, чтобы не идти по рязанским владениям Олега Ивановича, пошел вверх по реке, ее северным берегам. У Лопасни переправился на южную сторону. По пути присоединились дружина Владимира Андреевича, князя серпуховско-боровского, другие отряды. Пришли из Литвы полочане и брянцы Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, враждовавших с Ягайлом.

Удивляет смелость маневров Дмитрия, глубина стратегического мышления его самого и других военачальников. Движение их ратей по сути дела выключило из предстоящей схватки военные силы Олега Ивановича, сохранившего нейтралитет до конца событий и как будто предупредившего Дмитрия о подходе Мамаевых сил. А марш от Коломны на запад и быстрое продвижение на юг от Оки к верховьям Дона пресекало пути объединения войск Ягайлы и Мамая. Русичи теперь, в какие-нибудь последние несколько лет, предпочитали не держаться за Окский рубеж, а смело шли вперед навстречу грозному и могучему противнику, жаждавшему реванша.

Русские полководцы, как и два года назад, хорошо организовали разведку — урок Пьяны пошел впрок. Мамай стоял на Воронеже. Оба войска двинулись навстречу друг другу к верховьям Дона. Здесь, у впадении в него р. Непрядвы, в ночь с 7 на 8 сентября, после споров и сомнений, Дмитрий с войском переправился через реку. Здесь расставил полки на широкой, слегка всхолмленной равнине — Куликовом поле. Оно замыкалось реками с разных сторон: с севера и северо-востока Доном, с северо-запада Непрядвой, с юго-запада Нижним Дубняком. С юга подошло войско Мамая, встало на Красном холме и вокруг него.

С обеих сторон насчитывалось, вероятно, не менее, если не более, 100—120 тыс. воинов. В центре позиции Дмитрий поставил большой полк — главные силы, по флангам — полки правой и левой руки, впереди — передовой, сзади — запасной. С востока позицию прикрывал засадный полк, скрыто поставленный в Зеленой дубраве, за р. Смолкой.

Мамай в центре держал пехоту. На флангах расположил конницу; ее маневрам, а на это ордынцы были большими мастерами, мешали реки, речушки и ручейки, рощи и лесистые овражки.

Битва, по преданию, началась единоборством: Пересвет, русский богатырь, и мурза Челубей, разогнав во весь опор лошадей, вонзили друг в друга копья, упали замертво.

Ураганом налетели ордынцы на передовой полк русских, вырубили его. Затем набросились на большой полк. Они рвались к знамени великого князя, под которым стоял боярин Михаил Бренок в доспехах Дмитрия. Боярин погиб, но полк устоял, держался неколебимо. Великий князь, сражавшийся в рядах передового полка, «прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился». Со всех сторон наседали на его ордынцы, «много по голове и по плечам и по животу... били и кололи и секли, но спасся он от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти». Князя спасли от гибели доспехи, согласно тому же рассказу, дошедшему в передаче XVI в. Его дважды сбивали с коня; он дрался то с двумя, то с тремя ордынцами. Весь израненный, избитый, Дмитрий еле добрался пешком до дерева. Под ним позднее и нашли его два костромича — «простых воя».

Не добившись, после «брани крепкой и сечи злой», успеха в центре русской позиции, где в большом полку сражались в основном ополченцы, Мамай направил удар на полк правой руки. Но и здесь русские стояли насмерть. Наконец, его конница яростно обрушилась на левый фланг русских. Он медленно отходил назад, ордынцы с воем и гиком рвались вперед, отбросили резервный полк и начали обходить с тыла русский центр. Это грозило окружением и разгромом. Наступили самые драматические минуты сражения.

Все это из Зеленой дубравы наблюдали воины засадного Полка. Они рвались в бой — ведь на их глазах гибли собратья, и, вот-вот, враг восторжествует окончательно. Но Дмитрий Михайлович Боброк, князь волынский, «мудрый и удалой воевода» (он был женат на сестре Дмитрия Ивановича), сдерживал их, ждал урочного часа. Он настал во второй половине дня, когда татары, одолевая русских, поворачивали налево, в обход их позиции, но и сами подставили свой тыл для удара, которого, конечно, не ждали.

— Час прииде и время приближеся! — услышали воины Боброка. — Дерзайте, братья и други!

Вихрем вырвалась свежая русская конница из засады, и ее удар по флангу и тылу ордынцев был так стремителен и страшен, что их ряды были сметены и разгромлены. Многие остались лежать замертво на поле боя, другие утонули в Непрядве, третьи, бросившись наутек к Красному холму, потоптали собственную пехоту. Удар засадного полка обеспечил перелом в ходе сечи, и все другие русские полки (то, что от них осталось) перешли в общее наступление. «И побежали полки татарские, а русские полки за ними погнались, били и секли. Побежал Мамай с князьями своими в малой дружине». Преследовали бегущего врага до р. Красивой Мечи, правого притока Дона. Разгром был полный, войско Мамая перестало существовать. Лишь немногие прибежали в Орду. Мамай же вскоре испытал новое поражение, на этот раз от Тохтамыша. Перебрался в Крым, и там, в Кафе (Феодосии) итальянцы, его бывшие союзники, убили некогда могущественного правителя Золотой Орды.

Восемь дней стояли русские на Куликовом поле, ставшем навеки символом русской славы и величия. Они оплакивали собратьев, отдавших жизнь за «други своя», за святую Русь, хоронили их. Десятки тысяч русичей остались лежать в этой земле; летописец называет имена некоторых из них; «прочих же князей и бояр, и воевод, и княжат, и детей боярских, и слуг, и пешего воиньства тмомочисленное множество избьено, и хто сможет их изчислити?»

По всей Руси праздновали великую и долгожданную победу над поработителями; «...По Русской земле, — говорит с гордостью и радостью автор «Задонщины», — распространилось веселие и отвага, и вознеслась слава русская».

Куликовская победа — событие для Руси переломное; а ее главный организатор, князь Дмитрий Иванович, приобрел, по словам Ключевского, «значение национального вождя северной Руси в борьбе с внешними врагами». Русь «под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством». Она вызвала национальный подъем во всех сферах жизни — ив хозяйстве, и культуре. Этому не могли помешать ни разорительный поход на Русь Тохтамыша, который сжег Москву (1382), ни другие карательные экспедиции ордынцев, ни продолжавшаяся, но в заметно ослабленных формах, их власть над Русью. С этих пор Орда неуклонно шла к своему распаду, закату; Русь же, наоборот, — к объединению сил и земель, окончательному освобождению от господства чужеземцев.

Умирая, Дмитрий Иванович Донской, не спрашивая согласия Орды, передает по наследству сыну Василию Московско-Владимирское великое княжество. Не прожив и четырех десятков лет, великий князь, человек набожный и добродетельный в семейной жизни, не умудренный книжным учением, но богатый жизненным опытом и воинскими подвигами, оставил потомкам благородный образ радетеля за Отечество, за землю Русскую, продолжателя дела Александра Невского и других воинских и политических руководителей, вставших во главе народных сил на защиту русских очагов и могил.

«Оже ны (нас. — *Авт* .) Бог избавит, ослобонит от Орды» — эти слова договора Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Храброго выразили заветные, неизбывные мысли и надежды всей Руси, и подвиг героев Куликова поля возвестил, что эти мечты сбудутся.

Глава 13. В борьбе за единство и независимость: Русь в конце XIV — середине XV в.

Завершалось XIV столетие. 19 мая 1389 г . после недолгой, но тяжелой болезни скончался великий князь Владимирский и Московский Дмитрий Иванович, уже вскоре получивший за свои ратные подвиги на Куликовом поле прозвище Донской. С ним уходила эпоха почти векового ожесточенного соперничества Москвы и Твери за великокняжеский стол во Владимире, эпоха первого прорыва к освобождению от ордынской зависимости.

Старший сын и наследник Дмитрия Донского, великий князь Василий действовал в заметно иных политических обстоятельствах, внутренних и внешних. Совсем непредсказуемыми оказались повороты политической биографии внука Дмитрия Донского, великого князя Василия II.

§ 1. Политическая карта Восточной Европы в конце XIV в. Два центра объединения русских княжеств

Вплоть до начала 60-х годов XIV в. крупнейшим (по территории) и сильнейшим (по материальным возможностям и военному потенциалу) государством Восточной Европы (а может быть, и Европы в целом) являлась Золотая Орда. Ее экономическая мощь зиждилась на огромных доходах в виде даней с покоренных народов, добычи и полона, захваченных в грабительских походах, баснословных барышах, полученных от международной, транзитной, главным образом, торговли. Торговый путь по Волге связывал ее одним концом с Ираном, Индией, иными странами Среднего Востока, а другим — с балтийско-ганзейской торговлей. Обустроенные караванные маршруты обеспечивали фактории Венеции и Генуи на Азовском и Черном морях товарами из Китая, Тибета, Западной Сибири, Средней Азии. Объемная торговля, дармовой труд захваченных в рабство ремесленников, огромные средства, выкачанные с подвластных земель, потребности государственного управления породили редкостное явление в кочевом по преимуществу обществе и государстве — интенсивное городское строительство. В среднем и нижнем течении Волги, в Подонье, в Крыму и на Северном Кавказе, в ряде иных областей (включая Сибирь) в эпоху расцвета Золотой Орды возникло великое множество огромных, средних, малых городов и поселков.

Периферийной автономной частью этого огромного государства были Северо-Восточная и Северо-Западная Русь, представлявшие комплекс княжеств и земель, подпавших

в зависимость от Орды в результате нашествия Батыя и последующих ордынских походов. Здесь важно отметить следующие обстоятельства. В годы могущества Золотой Орды внешнеполитические возможности определялись мерой автономности статуса того или иного княжения, его силой, характером межкняжеских отношений. За исключением западного направления, где русские земли противостояли экспансионистской восточной политике Ливонского ордена, Швеции, Литовского княжества.

В периоды кризиса ситуация могла меняться коренным образом. Собственно, критические положения уже не раз возникали в истории Орды, угрожая ее развалом. Слишком многочисленны и остры были этносоциальные и политические противоречия, пронизывавшие все общество. Подчеркнем только три фактора. Во-первых, неизбежное противоречие, заключенное в политически ведущей роли наиболее консервативного и уязвимого хозяйственного уклада — кочевого скотоводства. При все возрастающей роли чиновничества (сконцентрированного в городах), городов вообще, решающий голос принадлежал монгольской и кипчакской кочевой знати. Во-вторых, единство последней обеспечивалось только в рамках агрессивной и успешной внешней политики. Возможности ее проведения почти постоянно суживались. Наконец, в-третьих, слишком велика была разница между разными регионами Золотой Орды, в значительной мере механически объединенных в границах одного государства.

Наиболее рельефно все перечисленное сказалось в годы «великой замятны» XIV в. в Орде. За двадцать лет (1361 — 1381) на троне в Сарае сменилось более двадцати ханов, как правило, сосуществовало два центра с двумя ханами (границей между этими двумя Ордами служила Волга), фактическую независимость обрели еще несколько областей (Хорезм, бывшая Камская Булгария и т.п.). Были утрачены почти все территории к западу от Днепра. Оказалась подорванной вся система внутреннего управления.

Помимо прочего, к середине 70-х годов был утерян контроль над русскими княжествами. Именно этим воспользовался московский князь Дмитрий Иванович. Опираясь на свое положение владимирского великого князя, он сумел организовать антитверскую, антилитовскую, а чуть позднее и антиордынскую коалицию, сплотив под свои знамена подавляющее большинство русских княжений. Первые итоги были вполне впечатляющие. Был отбит прямой натиск Ольгерда на московские земли. Тверь признала в 1375 г . верховенство Москвы и «сступилась» ей владимирского стола. Наконец, победы при Воже (1378) и на поле Куликовом (1380) означали мощный подрыв военного потенциала самой могущественной, западной Орды, где фактически правил бекляри-бек Мамай.

В полной мере использовала ордынское ослабление Литва. Под руку великого князя Ольгерда (он разделил с Кейстутом направления деятельности, оставив за собой восточное и южное) перешла основная часть бывших древнерусских земель и княжеств на территории современной Белоруссии и Украины. К концу 60-х годов выработаны приоритеты в активно наступательной восточной политике Ольгерда. В силу этих и ряда иных объективных причин, субъективных факторов Литва становится вторым центром возможного притяжения для определенных политических сил в княжествах и землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Опора на союз с Литвой была длительное время одной из главных черт действии тверского великого князя, с конца XIV в. постепенно формируется пролитовская партия в Новгороде.

80-е годы привносят принципиальные перемены в очерченную выше геополитическую ситуацию. Прежде всего, хан Тохтамыш восстановил в 1381 г . государственное единство Золотой Орды, опираясь на поддержку Тимура и используя военно-кочевнический потенциал левого крыла (Кок-Орды) бывшего улуса Джучи. Тщательно подготовленный и весьма масштабный поход на Русь в 1382 г . привел к реставрации ее зависимости от Орды. Сразу же подчеркнем: в экономическом плане наложенные Сараем поборы были очень тяжелыми, но в политическом отношении хан не мог не считаться со сложившимся раскладом сил. Он сохранил владимирский стол за Дмитрием Донским, более того — фактически санкционировал переход территорий Владимирского великого княжения в вотчину великого кня-

зя. Именно этот факт зафиксировало завещание Дмитрия Донского, в котором он благословляет старшего сына и наследника помимо Москвы Владимирским великим княжением («своей отчиной»). Трудно думать, что такой принципиально важный шаг московский князь предпринял без предварительного одобрения со стороны сарайского властителя.

Соединение в руках представителя московского княжеского дома его собственных исконных владений и территорий владимирского стола оценивают обычно в плане резкого усиления материальной и военной мощи Московского княжества. Это верно.

Благодаря только данному факту Москва прочно заняла неоспоримую позицию регионального лидера.

Но не следует забывать и другого. Такое завершение московско-тверского соперничества имело далеко идущие политические следствия. На место своеобразной системы формального соподчинения русских княжеств, когда князь, занимавший ненаследуемый владимирский стол, был посредником в сношениях с Ордой в сборе и доставке ордынских даней, в организации и руководстве вспомогательными войсками и т.п., пришла совсем иная схема: совокупность равностатусных великих и просто княжеств, каждое из которых само по себе было связано с Сараем отношениями зависимости и подчинения. Оставим в стороне вопрос, привело ли это к усилению или ослаблению ордынской зависимости (боюсь, что любой ответ не будет обладать необходимой аргументацией). Куда важнее другое: перед Москвой теперь стояла задача выработки новых методов и способов объединения юридически равноправных государственных образований в условиях их принципиально одинаковой зависимости от Орды.

Столь же существенными оказались перемены в Литве. Смерть Ольгерда (1377) повлекла за собой всплеск длительной и острой дворцово-политической борьбы, сопровождавшейся убийствами, заговорами, казнями. Ни победа Ягайлы (он наследовал Ольгерду) над Кенстутом, ни соправление Ягайлы со Скиргайлом, ни наконец его женитьба на наследнице польской короны Ядвиге (Ягайло принял католичество и заодно поменял имя), сопровождавшаяся личной унией Польши и Литвы (1385), не привели к успокоению. Уния на деле оказалась попыткой Польши инкорпорировать Литву с предоставлением равных прав только перешедшим в католичество. Борьбу за восстановление государственной самостоятельности Литовского княжества возглавил Витовт (Витаутас), сын и наследник Кейстута. Только в 1392 г . был найден компромисс, удовлетворивший обе стороны. Великое княжение в Литве и в русских княжествах под ее эгидой передавалось Витовту вплоть до его смерти (после нее основная часть отходила Владиславу-Ягайле с наследниками, а некоторые земли — брату Витовта, Сигизмунду). Не просто реставрированное, но усилившееся Литовское княжество уже вскоре после 1392 г . резко активизировало свою восточную политику.

Для полноты картины добавим, что уже во второй половине 80-х годов бывший ставленник Тимура, хан Тохтамыш начал военные действия против среднеазиатских владений своего покровителя. Это сулило в ближайшем будущем серьезное столкновение державы Тимура с Ордой, о чем наверняка догадывался Василий I, проведший в ханской ставке не менее двух с половиной лет в качестве почетного заложника.

Такой оказалась геополитическая ситуация в первые годы правления нового московского князя, унаследовавшего трон в семнадцать с половиной лет.

§ 2. Между Сараем и Вильно: внутренняя и внешняя политика Василия I

Правление Василия I естественно распадается на два периода. Первый завершается на рубеже нового, пятнадцатого столетия. Второй охватывает оставшееся время. Василий Дмитриевич правил дольше своего отца и жил дольше его. На счету князя Василия I не было громких ратных побед, не заметно и крупных преобразований. Но именно ему принадлежат почин в присоединении крупного государственного образования Северо-Восточной Руси к Московскому княжеству и первый опыт в этом многотрудном, как оказалось, деле. На его плечи пала тяжкая забота упорного, последовательного противодействия восточной полити-

ке Витовта, тем более неблагодарной, что приходилось противостоять своему тестю. Наконец, именно в годы княжения Василия I были в полной мере осознаны уроки эпохи «бури и натиска» Дмитрия Донского, были сделаны соответствующие выводы, сложилась та социальная опора московской великокняжеской власти, которая вынесла главные политические и военные тяготы объединительных процессов. Первая четверть XV в. в истории древнерусской живописи и архитектуры — особое время редкостного подъема национального духа и нравственной силы.

Но по порядку. Первыми, естественными актами нового московского государя стали докончания с удельными князьями московского дома — князем Владимиром Андреевичем Серпуховским (одним из героев Куликовской битвы) и родным братом Юрием, удел которого был образован в соответствии с волей Дмитрия Донского. Не вдаваясь в детали, подчеркнем лишь два момента. Василий закрепил нормы взаимоотношений великого и удельных князей московского дома, выработанные еще его отцом (они, с одной стороны, закрепляли бесспорное политическое, военное и государственное первенство великого князя, а с другой — своеобразной коллективностью владений в Москве и ее округе обеспечивали единство действий с другими княжествами). С уделами младших братьев (Андрея и Петра) он явно не торопился с их реальным выделением по причине их малолетства.

В декабре 1390 г . в Москву прибыла невеста Василия I, княжна Софья, свадьба же состоялась 9 января следующего года. Впрочем, в этот момент судьба Витовта была далеко еще неясной, так что говорить о политических планах в этой связи было преждевременным. Наоборот, в конкретных условиях 1391 г . скорее Витовт мог ожидать реальной помощи от зятя, которая, впрочем, не потребовалась.

Лето 1391 г . — время первого крупного похода Тимура на Золотую Орду. В июне этого года в районе Самарской Луки его армия разгромила силы Тохтамыша, Впрочем, погром не был тогда доведен до конца и уже в следующем году Тохтамыш восстановил свою власть в Орде. Именно этот момент и использовал князь Василий Дмитриевич: он выкупил у явно нуждавшегося в средствах хана ярлыки на Нижегородско-Суздальское великое княжество, а также на Муром и Тарусу.

Характерная деталь: сам акт покупки ярлыка не представлял ничего принципиально нового, если только исключить факт наличия многочисленных представителей нижегородских Рюриковичей (ранее чаще выкупались выморочные владения). Но куда важнее другое: хотя хан и выделил «лютого» посла для сопровождения московского князя в Нижний Новгород, сама реализация ханского распоряжения целиком возлагалась на Василия 1, его аппарат, его воинские силы. Все прошло как по нотам — претензии московского князя получили поддержку на нижегородском вече, бояре же нижегородского князя, незадолго до того подтвердившие клятвой свою верность сюзерену, заявили о своем переходе («отъезде») на сторону великого князя.

Успех, достигнутый, по видимости, так просто, оказался недолговечным. В реальности соперничество за эти города и земли с суздальскими князьями растянулось на четверть века, сопровождаясь ожесточенной борьбой, грабежами, опалами, ссылками. Но и выделением временных уделов на территории Нижегородского княжения тем князьям суздальского дома, кто подтвердил свою лояльность московскому государю. Главный урок, учтенный московскими политиками, — необходимость замены хотя бы части прежних социальных связей (именно они обладают большой инерционностью) и опора новой власти на наиболее политически активные социальные группы.

Середина 90-х годов — критическое время в Восточной Европе. Весной 1395 г . начался роковой для Золотой Орды поход огромной армии Тимура. Разгромив в ожесточенном двухдневном бою на берегу Терека силы Тохтамыша (середина апреля 1395 г .), войска завоевателя принялись методически грабить и уничтожать золотоордынские города. Задача была тем более легко выполнимой, что по традиции они не имели крепостных сооружений (это почиталось несообразным воинской чести ордынцев). Раз за разом проутюжили отряды Тимура весь Северный Кавказ, Таманский полуостров, Подонье (дойдя до Ельца) и, наконец,

сердцевину городской жизни Орды — города Среднего и Нижнего Поволжья. Сокровища, накопленные ордынской знатью за полтора века, стали теперь легкой добычей воинов Тимура. За немногими исключениями, торговцы и ремесленники никогда уже не вернутся в разгромленные города. Самаркандский властитель не просто решительно подорвал экономическую мощь Золотой Орды, он во многом вернул ей первоначальный облик кочевого общества и государства. Только весной следующего года армия Тимура ушла через Дербент с неисчислимой добычей и десятками тысяч угнанных в рабство людей.

Погром, учиненный железным хромцом, таил непосредственную опасность для Руси. Всю вторую половину лета 1395 г . князь Василий Дмитриевич простоял с войском на берегу Оки, и только известие об уходе Тимура после погрома Ельца внесло успокоение в атмосферу тревожного ожидания горожан в Москве и других городах.

Другие тревоги, ясно обрисовавшиеся в том же 1395 г ., — возросшая активность восточной политики Витовта. Выразилось это в захвате Смоленска (обманом). Хотя московские князья не были в союзнических отношениях со смоленскими, угроза заключалась в самом факте приближения литовской границы. С присоединением Смоленского княжения к Литве последняя на длительном пространстве граничила теперь с Москвой. Это соседство (несмотря на, казалось бы, ближайшее родство) породило всего через четыре года едва не самую грозную опасность для Московского княжества.

Постоянно напряженными и часто враждебными были в эти годы отношения Москвы с Новгородом. В них вообще далеко не все ясно. Ликвидация Владимирского великого княжения вроде бы должна была усилить позиции в Новгороде московского князя. Он теперь безальтернативно занимал новгородский стол. На деле ситуация была обратной. Именно последнее десятилетие XIV в. — время окончательного оформления самостоятельных государственно-политических институтов в Новгороде. Это период постоянных конфликтов московских и новгородских властей почти в любой сфере контактов. 1393 год ознаменовался прямыми военными столкновениями: сила и удача оказались на стороне Москвы. Еще через четыре года московские войска с помощью местных жителей присоединили Двинскую землю. Но уже на следующий год Новгород восстановил контроль над богатым северным краем.

После очередного поражения в соперничестве за власть в Орде от хана Тимур-Кутлука Тохтамыш оказывается летом 1397 г . в Киеве с семьей, двором и сравнительно небольшим отрядом. Впрочем, он быстро пополнялся за счет татар, еще ранее попавших в Литву, за счет новых беглецов из Дикого Поля. Найдя приют в Литве, хан готовился к реваншу, заключив в следующем году союзный договор с Витовтом. Его суть заключалась (в изложении московских и тверских летописцев — последнее особенно ценно) в двух кратких, но весьма выразительных обязательствах. Союзники взаимно обязывались с помощью военной силы добиться посажения на трон в Сарае Тохтамыша и на трон в Москве «и на всей земле русской» — Витовта. Если к этому добавить Салинский договор Литвы с Орденом, имевший не только антипольскую, но, несомненно, и антирусскую направленность, то мера угрозы станет чрезвычайно высокой.

Именно это подвигло Москву и Тверь на заключение нового докончания 1399 г . Его главные особенности исчерпывались обязательством военной взаимопомощи в случае ордынской и литовской угрозы, а также юридическим признанием равного статуса договаривающихся сторон (договор 1375 г . исходил из первенствующей роли

Москвы, после 1382 г . эта норма утратила реальное значение, но вплоть до 1399 г . иных соглашений не было).

Кампания 1399 г . оказалась крайне неудачной для Витовта. Многочисленная армия, включившая едва не все ополчение Литвы, наемников «из немець», волохов, союзные силы от Ордена, иных стран, отряды Тохтамыша, потерпела 12 августа жестокое поражение в битве на р. Ворскле от явно уступавшей по численности рати хана Тимур-Кутлука. В бою пало около двадцати литовских князей (по преимуществу Гедиминовичей). Победитель взял выкуп с Киева. Поражение имело двоякие следствия. Оно окончательно предопределило судьбу Тохтамыша: через несколько лет он будет убит под Тюменью. Одновременно резко ослабло

давление Витовта на восток: ему понадобилось несколько лет для восстановления своего потенциала.

Так завершился — в целом удачно — первый этап правления Василия I. Он был сложным: непредсказуемость многих событий таила прямые угрозы для Московского княжества, слишком велика была мера неопределенности в сношениях и с Ордой, и с Литвой. Но был приобретен драгоценный опыт. А главное — именно в это время близится к концу формирование служилого московского боярства, завершалось его становление как прочной опоры московской великокняжеской династии. Его верность и надежность совсем скоро будут многократно проверены в тяжких испытаниях феодальной смуты второй трети XV в.

Второй период княжения Василия I начался относительно мирно, закончился же он тяжкими годами эпидемии чумы. Те же главные ориентиры внешней политики, те же соперники и почти те же союзники. Первый в это время критический момент в отношениях с Литвой наступил вскоре после окончательного присоединения к ней Смоленского княжества (1404). Василий I был вынужден оправдываться перед тестем за то, что Новгород принял последнего смоленского князя Юрия Святославича, передав ему в кормление 13 пригородов. Эпизод со Смоленском ярко выявил оборонительную и более слабую позицию Москвы по сравнению с Вильно: когда Юрий предложил перейти вместе со Смоленском на службу к московскому государю, тот отказался от этого предложения, «не хотя изменити Витовту». Однако, когда в 1406 г . литовские отряды без объявления войны напали на псковские крепости, московский князь вмешался в конфликт: он «разверже мир со князем Витовтем... псковские ради обиды». В Псков и Новгород были направлены крупные силы во главе с младшими братьями московского великого князя, вспыхнула открытая русско-литовская война.

Причины ее понятны. Псков и Новгород не просто давно и прочно входили в орбиту московских приоритетов: утрата московского влияния в них грозила крахом лидирующей роли Москвы вообще. Далее, оставалось неясным, на каком рубеже собирался остановить свою экспансию литовский князь. Поэтому, хотя почти все обстоятельства препятствовали участию Москвы в войне, Василий I рискнул пойти на нее. Московскому князю пришлось уступить Орде (незадолго до 1406 г . были возобновлены сношения с ней, а соответственно восстановилась уплата выхода), какие-то уступки были сделаны Твери (она находилась в союзных отношениях с Литвой). Как бы то ни было, князю Василию Дмитриевичу удалось выдержать три кампании против тестя в 1406—1408 гг. Ни в одном случае противники не рискнули на масштабное сражение, ограничившись длительным противостоянием (на р. Плаве, у Вязьмы, на р. Угре). В конце концов дело закончилось подписанием мира на прежних условиях, причем Витовт заключил в целом удовлетворительные для Москвы мирные договоры с Псковом и Новгородом (в 1407 и 1409 гг.).

Витовта вынудили к мирным переговорам внутренние распри (в те годы в Москве объявилось множество временных эмигрантов из Литвы, получивших в кормления лучшие города и волости) и надвигавшаяся война с Тевтонским орденом. Впереди уже слышались раскаты Грюнвальдской битвы. Василий I вообще стремился побыстрее закончить конфликт, зная об очередной смене власти в Орде: пришедшего ему на помощь на Плаве хана Шадибека (без сомнения, за особую и значительную плату) согнал с трона в Сарае ставленник ногайского князя Едигея хан Булат-бей.

Декабрь 1408 г . надолго врезался в память русских людей. Через 50, 70 и 80 лет русские крестьяне, давая показания в суде и желая определить время события, начинали отсчет с Едигеевой рати. По свирепости и четкости грабежа, количеству жертв, размерам полона, масштабам разорения набег Едигея сравним только с наиболее тяжкими нашествиями ордынцев XIII в. Летописец позднее горестно восклицал: один ордынский ратнк вел за собой в Орду сорок плененных в рабство русских. Появившись внезапно под стенами Москвы в конце ноября или самом начале декабря 1408 г ., в необычное для ордынских набегов время, войска Едигея всего лишь за три недели сожгли главные города и крепости Московского княжества (Коломну, Переяславль, Дмитров, Юрьев, Ростов, Серпухов, Звенигород, Мо-

жайск, Верею), Нижегородского края (сам Нижний Новгород, Городец, Курмыш), разграбили население главных волостей, едва не настигли спешно покинувшего Москву великого князя. Расположившись в селе Коломенском под Москвой, Едигей направил основные силы в загоны и одновременно послал распоряжение тверскому великому князю с приказанием доставить под стены Москвы пушки, тюфяки, самострелы. Князь Иван Михайлович выбрал здравую тактику проволочек, выступив в поход, но «увернувшись» с полпути (за что поплатилось население тверской Клинской волости, разоренной в отместку ордынцами).

Как бы то ни было, Москва устояла. В осаду село все окрестное население, серпуховской князь Владимир Андреевич, младшие братья Василия I — Андрей и Петр. Вскоре пришло известие о новой смуте в Орде, едва не приведшей к свержению теперь уже хана Булатбея, он срочно отзывал войска. Получив откуп в три тысячи рублей, ордынцы повернули домой, попутно разоряя местности.

Набег Едигея лишний раз показал, что независимо от правителя Орды и ее прогрессирующего развала надежды на автоматическое прекращение грабительских нахождений, избавление от экономических форм ордынской зависимости иллюзорны. Наоборот, отсутствие четкого государственного контроля над военными акциями, множественность соперничающих групп, каждая из которых стремилась к военной добыче как средству социального воспроизводства и достижения политического престижа, умножали опасность Орды для оседлых соседей. Василий I сделал надлежащие выводы: при очередной смене ханов в начале второго десятилетия XV в. он отправился в Орду.

Последние пятнадцать лет его жизни не богаты событиями. К концу его жизни основные территории Нижегородско-Суздальского княжества прочно вошли в состав московских земель. В 1417 г . вспыхивает очередной конфликт с новгородцами на севере, победителей в нем вряд ли можно отыскать. Судя по позднейшим сообщениям, немирье растянулось: великий князь захватил новгородские части в сместных (совместных) владениях Новгорода и Москвы, новгородцы присвоили себе «княжчины» в пятинах. На конфликт наложились семейно-политические распри. Поводом послу, жила одна клаузула завещания Дмитрия Донского, которая могла истолковываться неоднозначно. Подробнее мы скажем о ней ниже, сейчас же отметим три факта. В июле 1417 г . по дороге из Коломны в Москву умер старший тогда сын Василия 1, наследник и «зело превозжеланный ему» князь Иван. Московский князь провозглашает наследником родившегося в 1415 г . Василия, а в 1419 г ., при заключении докончания с младшим своим братом Константином, «восхоте подписати его под сыном». Константин отказался повиноваться, был лишен всего удела, но сумел с некоторыми боярами уйти в Новгород. Там он был принят с великой честью. Конфликт отрегулировали через некоторое время, но его причина осталась.

Здесь одна из главных пружин чрезвычайно лояльного отношения Василия I к Витовту. Когда псковичи трижды в 1423—1425 гг. били челом московскому князю о посредничестве в их конфликтах с литовским государем, Василий Дмитриевич не дал ответа ни на одну из этих просьб (удовлетворяя иные прошения псковичей). Не случайно, что именно Витовт фигурирует первым и главным попечителем малолетнего княжича в последней духовной Василия I. И уж совсем не случайно, что второй по старшинству сын Дмитрия Донского, князь Юрий Звенигородский, не давал никаких заверений старшему брату в вассальной верности его сыновьям (сначала Ивану, позднее — Василию). Острейший конфликт, теперь уже внутри самой великокняжеской семьи, назревал — речь шла о судьбах московского великокняжеского стола.

§ 3. Феодальная смута второй трети XV в. и кризис московской династии

Великий князь Василий Дмитриевич скончался 27 февраля 1425 г . Единственному его сыну было в тот момент неполных десять лет. Его старшему дяде, звенигородско-галичскому удельному князю Юрию Дмитриевичу, было 50 лет, и у него было трое взрослых или близких к взрослости сыновей. Свои претензии на великое княжение князь Юрий основывал на

завещании Дмитрия Донского. В нем говорилось, что в случае смерти князя Василия (старшего сына завещателя) «его удел» должен достаться следующему по старшинству живому сыну, а его владения поделит между другими братьями вдова князя Дмитрия.

Неясность этого текста очевидна. По распоряжению Дмитрия Василий, помимо основной части земель собственно Московского княжества, получал территории Владимирского великого княжения. Но о нем этот раздел молчит. Затем, было непонятным: оставалось ли в силе данное распоряжение при наличии у Василия сыновей, или же оно было действительным лишь при бездетной кончине Василия?

Как бы то ни было, позиция Юрия была хорошо известна. Митрополит Фотий сразу после смерти Василия I отправил к Юрию своего гонца с предложением приехать в Москву и целовать крест племяннику. В ответ князь Юрий отправился из столицы удела, подмосковного Звенигорода (легко доступного великокняжеским войскам) в далекий заволжский Галич. Оттуда он разослал грамоты по всем своим землям с приказом сбора ратных на военную службу. Из Москвы против него были отправлены войска во главе с тремя братьями — Андреем, Петром и Константином Дмитриевичами. Князь Юрий бежит в Нижний Новгород, куда повторно направляется с отрядами ратников князь Андрей. Но безрезультатно. Летом того же года активно вмешивается в события митрополит Фотий: в результате его неоднократных поездок, в том числе в Галич к Юрию, последний соглашается на перемирие. При этом князь Юрий отказывался от «подыскивания» великого княжения «собою». Законным оставался только вариант обращения в Орду, к хану. Но именно это было весьма проблематичным. И главное препятствие — вспыхнувшая эпидемия (скорее всего, черной оспы), поразившая двумя волнами в 1425—1427 гг. все княжества России и население Орды.

Болезнь опустошила целые районы, пострадали и княжеские семьи. В Твери за полгода последовательно скончались трое великих князей, в Московском княжестве из многочисленной когда-то семьи князя Владимира Андреевича Серпуховского в живых остались только его внук, Василий Ярославич и две его сестры. Вероятнее всего от эпидемии умер в 1428 г ., не оставив наследника, Петр Дмитриевич, дмитровский удельный князь. Эта смерть вновь обострила конфликт между московскими князьями: по завещанию Дмитрия Донского такие уделы должны были делиться между всеми братьями. В данном же случае Василий II (точнее, его правительство) присоединил Дмитровское княжество к своим землям. В новом докончании, заключенном в 1428 г ., князь Юрий признавал племянника «братом старейшим» (в таких терминах неравностатусного родства описывались вассальные отношения между великим князем и удельными правителями), но зато провозглашался принцип соблюдения норм духовной Дмитрия Донского (т.е. оставлялась возможность оспорить права Василия Васильевича). Вопрос о судьбе Дмитрова обходился молчанием.

Сдержанность Юрия нетрудно понять. Вокруг малолетнего племянника сплотились мощные силы: трое, а после 1428 г . — двое младших братьев Юрия (князья Андрей Можайский и Константин), вдова Василия I, великая княгиня Софья (она обладала властным характером и расчетливым умом, несмотря на вполне почтенный возраст), а главное, ее отец, великий князь литовский Витовт. Полностью на стороне Василия II был и митрополит Фотий. Наконец, собственно боярское окружение, состоявшее из представителей старомосковских родов и недавних, при отце Василия II, выезжих из Литвы. Галичскому государю необходимо было дождаться изменения ситуации в целом, провести большую подготовительную работу в Орде, прежде чем предпринять действенную попытку овладеть великокняжеским столом.

Благоприятные, казалось, условия сложились в 1431 г . В октябре 1430 г . в зените своего могущества, но не оставив наследника, умирает Витовт, установив ранее фактический протекторат над рязанскими князьями и в очередной раз совершив успешные в целом походы на Псков и Новгород (1426—1428). Вспыхнувшее почти сразу междоусобие (соперниками стали князья Свидрнгайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстутович) надолго отвлекло Литву от русских дел. В июле 1431 г . наступает черед проститься с этим миром для Фотия.

Руки у Юрия развязаны: в том же году сначала племянник (15 августа), а месяц спустя и дядя (14 сентября) отправляются в Орду к хану Улу-Мухаммеду за ярлыком на великое княжение.

Почти год пробыли соперники в Орде (это дорого обошлось всему населению Московского великого княжения): в ход были пущены интриги, подкуп, юридические и политические доказательства. Сопровождавший Василия II боярин Иван Дмитриевич Всеволож в финальной стадии споров нашел убийственный аргумент: князь Юрий ищет-де великокняжеского стола «мертвою грамотой» отца своего, Василий же претендует на него «по цареву жалованью, по... девтерем и ярлыком...» Дело было выиграно, хотя мощная поддержка Юрия со стороны временщика в Орде, князя Тегини, позволила компенсировать Юрию проигрыш главной ставки: Василию достался ярлык на великое княжение, Юрию — на Дмитров.

Князья еще не вернулись из Орды, когда в июне 1432 г . скончался в Можайске Андрей Дмитриевич, поделивший удел между двумя сыновьями: старшему, князю Ивану достались Можайск и Калуга, младшему, князю Михаилу — Белоозеро и Верея. В конце 1433 — начале 1434 г . умирает и Константин Дмитриевич, но уже до этого произошли необратимые события в развитии конфликта: пролилась кровь, едва ли не впервые внутри московской династии близкие родичи подняли оружие друг на друга. Пролог был завершен, начинался первый акт драмы.

5 октября 1432 г . специальный ордынский посол, царевич Мансырь-Улан посадил на великокняжеский стол Василия II. Вскоре после отъезда посла Юрий бежит из Дмитрова в Галич, Василий же сажает в Дмитрове своих наместников, устанавливая контроль над этим уделом. Той же осенью состоялось обручение Василия II с родной сестрой Василия Ярославича, княжной Марией Ярославной. Выбор был сделан матерью великого князя. Это событие, вроде бы нейтральное к спорам о старейшинстве среди потомков — наследников Дмитрия Донского, породило новый конфликт в политической элите Москвы. Дело в том, что боярин И.Д. Всеволожский прочил юному великому князю в жены (и как будто с его согласия) свою младшую дочь. Его неоспоримые заслуги в деле получения ярлыка в Орде давали, казалось бы, все основания для реализации его матримониальных планов. Они рухнули. Трудно сказать, чем руководствовалась Софья в своем решении, но будущее показало правильность ее выбора: Мария Ярославна оказалась верной спутницей Василия во всех его взлетах и падениях. Наверное, Софья понимала и опасность возможного раскола в московском боярстве. Выдвижение одного из них «по кике» (так будут говорить о подобных случаях потомки через 200 лет) грозило подорвать единство и складывавшуюся местническую иерархию важнейшей опоры московских князей.

Но в ближайшей перспективе такой поворот сулил немало осложнений. Так и случилось. Возмущенный Иван Дмитриевич сначала бежал к Константину Дмитриевичу в Углич. Не найдя там поддержки, он вскоре оказывается в Твери у великого князя Бориса Александровича, а через малое время в Галиче. Мы никогда не узнаем, что довелось выслушать бывшему фавориту от своего оппонента, можно сказать, смертельного врага. Конечно же, свой отъезд к Юрию Иван Всеволожский заранее обусловил предупредительными мерами. Почти наверняка он получил крупные пожалования и забвение всех проступков «по свой приезд». Весьма вероятно, что его информация о состоянии дел в Москве, его политический опыт подсказали князю Юрию конкретный план действий.

Как бы в унисон такому развитию событий на самой свадьбе великого князя (она состоялась 8 февраля 1433 г .) вспыхнула совсем не приличествующая этому торжеству ссора. На свадебном торжестве присутствовали старшие сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Кто-то из бояр опознал на старшем брате золотой пояс Дмитрия Донского, завещанный им старшему сыну и якобы подмененный, а позднее попавший по браку галичскому княжичу. По распоряжению Софьи пояс был публично снят с Василия Косого. Скандал получился полный. Кто бы ни задумал эту интригу (сама по себе история маловероятна), итог был впечатляющим: отошедшие было от отца галичские княжичи бежали к нему, пограбив по дороге Ярославль и ярославских князей, «ходивших под рукой» московского князя. Вдобавок, почти все вассалы московского государя разъехались после свадебных тор-

жеств (надо полагать, по своим вотчинам и по кормлениям). Вакуумом оперативно воспользовался Юрий: когда оскорбленные сыновья прибыли в Галич, он уже завершал сбор войск.

Стремительный поход стал полной неожиданностью для Василия II. Первые известия он получил в Москве от своего переяславского наместника, боярина П.К. Добрынского, когда войска Юрия были уже в Переяславле. Попытка завязать дипломатические переговоры провалилась. Собранные наспех отряды из членов государева двора, боярских послужильцев, москвичей оказались не просто плохо подготовленными к военным действиям, они еще продолжали «праздновать» княжескую свадьбу. Урок был суровым, а поражение на Клязьме 25 апреля 1433 г ., в немногих верстах от столицы, — полным. Василий II успел бежать с поля битвы (и впредь это ему удавалось не один раз): захватив мать, жену, походную казну, он отправился в Тверь, а оттуда в Кострому. Там его настигли и осадили посланные из Москвы отряды Василия Косого и Дмитрия Шемяки. Окончательное поражение — военное и политическое — казалось делом предрешенным. Но вскоре подоспевший теперь уже московский великий князь Юрий Дмитриевич повел себя согласно с духом и буквой своих представлений об отношениях в московском княжеском доме. Василий II добил ему челом через его фаворита, боярина С.Ф. Морозова, получил прощение и удел в Коломне — в полном соответствии с тогдашними представлениями о старшинстве и князей, и городов. В следующем, после Юрия, колене московской династии именно князь Василий Васильевич обладал правом родового старшинства. Коломна же была вторым по статусу городом (после Москвы) в собственно Московском княжении.

Результат оказался неожиданным для Юрия. В течение немногих недель масса служилых князей, бояр, детей боярских и (как говорит одна летопись) «всих дворян» согласно со статьей межкняжеских докончаний о праве свободного отъезда оказалась в Коломне. «Не повыкли галичьским князем служити» — так объяснил летописец причину масштабного отъезда. К этому следует добавить три наблюдения. Во-первых, Юрий проглядел реально уже возникшую разницу в престижности службы великому и удельному князю, чего почти не было в XIV столетии. Во-вторых, московская элита здраво понимала, что укрепление на великокняжеском столе галичского государя неизбежно повлечет перетряску устоявшейся служебно-местнической иерархии, поземельных отношений и т.п. Рассчитывать на самые первые позиции при этом не приходилось. Наконец, в-третьих, немаловажен фактор наследственности службы: два-три поколения московских бояр и детей боярских служили сначала Дмитрию Донскому, затем Василию I, ныне Василию Васильевичу. Как бы ни было, история с Коломенским уделом имела два последствия. Одно как будто незначительное: Василий Косой и Дмитрий Шемяка, обвинив Семена Морозова в потворстве Василию II и заговоре, убили его в кремлевских княжеских палатах. Впервые не на поле брани погиб активный участник замятии, знатная по происхождению и высокопоставленная личность. Второе следствие было принципиальным — Юрий отказывается от великого княжения, уступив стол и столицу племяннику.

Трудно сказать, преследовал ли Василия II рок или же он плохо извлекал уроки из случившегося. Как бы то ни было, очередное поражение московских войск от Василия Косого и Дмитрия Шемяки (княжичи после убийства С. Морозова бежали в Кострому, а при приближении московских отрядов стали отступать к Галичу) случилось на берегах р. Кусь 28 сентября 1433 г ., причем главный воевода, князь Юрий Патрикеевич попал в плен. В рядах рати княжичей оказались галичане и вятчане, которых послал им на помощь отец. Но это было нарушением докончания Юрия с Василием II, и последний не замедлил этим воспользоваться. Новая рать, во главе с самим великим князем, двинулась зимой 1433— 1434 г . к Галичу. Войска пограбил галичские волости, но сам город, в котором укрылись старшие сыновья Юрия, взять не смогли. Юрий в это время воевал вотчины и волости союзников — вассалов Василия — Ивана и Михаила Андреевичей. Нетрудно заметить, как стремительно усложняются события. Разовый вооруженный конфликт за несколько месяцев перерос в регулярные военные действия, охватившие несколько регионов Московского княжения — восточные (Кострома, Галич), северные (Белоозеро), западные (отъездные волости Можайска).

Усилилась ожесточенность политической борьбы: в канун зимнего похода Василий II приказал ослепить И.Д. Всеволожского (он отъехал к нему с семьей в Коломну скорее всего летом 1433 г .). В очередной раз конец кампании оказался плачевным для московского великого князя: в решающем сражении на р. Могзе в Ростовском княжестве 20 марта 1434 г . он терпит полное поражение. И бежит — сначала в Великий Новгород, затем в Тверь. И там, и там он был фигурой нежелательной. Лето 1434 г . застигает его уже в Нижнем Новгороде, в намерении искать помощи в Орде. Других сил у него не было. Юрий, после занятия Москвы, ссылает Софью и Марию в один из своих городов, захватывает казну Василия и занимает великокняжеский стол. Каким же он оказался великим князем?

У нас немного свидетельств о нем в этом качестве. А потому не удивительна разноголосица мнений об этом деятеле. Одни увидели в нем ярого сторонника удельно-княжеского сепаратизма, другие разглядели в Юрии бескомпромиссного борца с ордынской зависимостью, стремившегося к ускорению объединительных процессов. Наверное, обе позиции далеки от реальности. Князь Юрий вовсе не способствовал немотивированному увеличению уделов и не укреплял территориально уже существующие. Он скорее усиливал позиции великого князя по отношению к рязанскому государю, к удельным князьям московского дома. Впрочем, вряд ли здесь имелись принципиальные отличия. Равным образом, нет серьезных фактов об антиордынской политике Юрия. Напомним к тому же, что в канун нового витка борьбы за власть он составил завещание с вполне традиционным наделением уделами троих сыновей. Старший из них не получил большей части владений, все новоприобретенные территории аккуратно делились на троих наследников. Более того, именно младший сын, Дмитрий Красный приобретал более обширные и более безопасные земли. До новаторства князю Юрию было далеко — он действительно следовал традициям и реалиям эпохи Дмитрия Донского.

Впрочем, судьба не оставила князю Юрию даже небольшого времени. Его второе пребывание на великокняжеском столе длилось чуть более двух месяцев. Он лучше усваивал уроки, чем племянник и соперник, и кто знает, в каком направлении шла бы его эволюция. Конечно, на фоне личностей следующего поколения фигура Юрия выглядит заметно привлекательней. Крестник преподобного Сергия, донатор Троицкой обители (на его средства возвели Троицкий собор), фундатор Савво-Сторожевского монастыря (строительство в монастыре и в Звенигороде во многом шло за его счет), несомненный поклонник Андрея Рублева, последовательный покровитель Авраамия Чухломского (тот основал в его Галиче четыре монастыря), мужественный воин и удачливый полководец (мы не знаем ни одного его поражения), автор писем к Кириллу Белозерскому и адресат ответных посланий преподобного — в такие координаты вписывается, бесспорно, глубоко неординарная фигура Юрия. Если добавить сюда верность убеждениям и слову, отсутствие склонности к интригам — его личность приобретет дополнительную притягательную силу. Но не забудем — его верность традициям породила во многом саму феодальную смуту. Сколь ни были бы симпатичны черты его характера, разделим ответственность за ее начало: на долю князя Юрия придется едва ли не большая ее часть.

Опустилась завеса жизни Юрия, кончился и первый акт смуты. Второй начался сразу же, без перерыва. Он не был длительным. Расстановка лиц и сил оказалась следующей. В Нижнем Новгороде Василий II готовил себя к крайне нежелательной поездке в Орду. Посланные вдогон за ним с войсками Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный достигли Владимира. С Юрием в Москве оставался старший сын — Василий Косой. Он и провозгласил себя новым великим князем. Реакция не заставила себя ждать: ситуация изменилась на зеркально противоположную. В считанные дни младшие Юрьевичи заключают союз с двоюродным братом, признают его старейшим и соответственно — законным наследником стола в Москве. Их объединенные силы направляются к Москве, Василий Косой, прихватив отцовскую казну и городской припас, бежит к Ржеву. Затем Новгород и кружной маршрут (с грабежом местного населения, волостей великого князя, родного брата) в Кострому — через Мету, Бежецкий Верх, Заволочье. Москву вновь занимает Василий II, а Шемяка и Дмитрий Красный

уже официально получают обещанные в походе приращения их уделов. Шемяке достались к Рузе Углич и Ржев, Дмитрию младшему — к Галичу и Выш-городу — Бежецкий Верх. В конце 1434 г . Косой совершает стремительный поход к Москве, но великий князь был начеку. Бой произошел на р. Которосли в пределах Ярославского княжества и завершился поражением старшего Юрьевича.

Василий Косой бежит в Кашин и, получив помощь от тверского князя Бориса Александровича оружием, доспехами, снаряжением и организацией войск, захватывает изгоном Вологду, пленив нескольких видных воевод Василия II (они проведывали там возможные пути отступления Косого, но сами попались в ловушку). Затем военные действия переместились к северу. Здесь Василий Косой сначала громит войска Дмитрия Заозерского, а затем сам чуть не гибнет в середине апреля под Устюгом. Вернувшись к Костроме, он вновь копит силы и посылает за подмогой на Вятку. Но по предложению великого князя весной того же 1435 г . заключает с ним договор на условиях завещания Юрия, получив, правда, в добавку к Звенигороду Дмитров.

Передышка оказалась короче некуда. В новой части удела Василий Косой пробыл только месяц и, возвратясь в Кострому, разрывает мир с московским государем. Как только встал зимний путь, он двинулся к Галичу. Взяв его (Косой, скорее всего, пытался сделать из него свою опорную базу), старший Юрьевич устремился к Устюгу. После 9-недельной осады он берет город в начале марта 1436 г . и вешает московского наместника, митрополичьего десятинника. Посечены и повешены были многие устюжане в отместку за апрельские события предыдущего года. Еще одна, новая отметина усиления ожесточения борьбы. Ранее такого не случалось, столь знатных лиц не казнили таким способом и вообще предпочитали брать за них выкуп. Вскоре Косой получил нежданное и ценное подкрепление — к нему отъехал двор Дмитрия Шемяки во главе с Акинфом Волынским. Сам Шемяка неожиданно и вряд ли справедливо был задержан на Москве зимой 1436 г ., когда приехал пригласить Василия II на свою свадьбу. Его сослали под арест в Коломну, подозревая/в тайных сношениях с Косым. Как бы то ни было, московскому князю удалось на этот раз собрать войска коалиции князей — помимо московских войск, с ним шли рати Ивана Андреевича, Дмитрия Красного и, возможно, ярославских князей. Сражение состоялось 14 мая 1436 г . при р. Черехе, в Ростове. Уловка Василия Косого — он договорился о перемирии до утра, дождался, пока отряды великого князя отправятся для сбора кормов, а затем предпринял неожиданную атаку — не удалась. Войска Василия II успели собраться вновь, и в яростной сшибке тяжеловооруженной конницы перевес оказался целиком на стороне великокняжеских войск. Василий Косой был пленен, отвезен в Москву и там -21 мая ослеплен. Он прожил еще двенадцать лет, не принимая участия в политической борьбе. На радостях великий князь послал на Коломну за Шемякой и пожаловал его уделом в прежнем составе. Удел Василия Косого победитель присоединил к великому княжению.

Так завершился второй акт. В нем много сходства с событиями первого этапа, но немало и новизны. Междоусобие явно перехлестывало через границы собственно Московского княжества. Новгородские волости, тверские земли, ярославские территории все более вовлекались в нескончаемую череду походов, боев, отступлений, набегов и осад. Впервые тверской великий князь оказал прямое материальное и военное содействие по давно знакомому принципу: помогай слабейшему и истощай тем самым обоих соперников — своих потенциальных противников — в их взаимной борьбе. Нарастало ожесточение, жестокость конфликтов. Впервые был повешен Рюрикович, представитель черниговского княжеского дома, Г.Н. Оболенский. Впервые военное и политическое противоборство послужило причиной расправы над одним из главных действующих лиц, князем Василием Косым. Он не проявил военных способностей отца, хотя стремительности и скрытности его походов можно было позавидовать. Не обладал он и талантами дипломата или политического интригана — за два года своего премьерства он так и не обзавелся союзниками, хотя бы неверными. Лихие вятчане оставались единственной его внешней опорой: кое-кто из их предводителей пострадал

вместе со старшим Юрьевичем. Одного повесили в Москве, другого забили ослопами горожане Переяславля, иных убили еще ранее.

Не будем чрезмерно придирчивы к московским князьям. В соседней Литве картина была аналогичной. Смертельная схватка Свидригайло и Сигизмунда порождала столь же жестокий мир. О подозрительности и беспощадности Сигизмунда ходили легенды. Свидригайло сжег в июле 1435 г . митрополита Герасима, поставленного в Греции из смоленских епископов, заподозрив его в заговоре и тайных сношениях со своим врагом. В сентябре того же года тяжкое поражение Свидригайло в кровопролитном сражении на Свенте стоило жизни нескольким десяткам князей русских воеводств Литвы.

С лета 1436 г . наступила передышка. За вычетом одного эпизода — столкновения Василия II и Шемяки в 1441—1442 гг., которое, впрочем, не привело к военному столкновению, — она продлилась до лета—осени 1445 г . Однако и мирными эти годы не назовешь. Резкое ослабление военного потенциала Руси и очередное перераспределение власти в Орде и в Диком Поле резко усилили ордынское давление на Северо-Восточную Русь. Набеги и походы «скорых» ратей, постоянные нападения на пограничные районы, попытки прорыва в Центральные уезды стали едва ли не обязательной ежегодной опасностью. Наиболее драматические моменты связаны с откочевкой в район Белева в 1437 г . Улу-Мухаммеда, потерпевшего серьезное поражение от своих соперников. Василий II разумно решил избавиться от беспокойного и слишком близкого соседства, направив под Белев крупные силы во главе с Шемякой, младшим Дмитрием и собственными воеводами. Дело кончилось не просто конфузом, но тяжелым поражением 5 декабря 1437 г . русских войск, несмотря на начальные успехи (ордынцы сумели усыпить внимание воевод переговорами, а затем напали). Последствия не замедлили проявиться. В 1439 г . эти ордынцы безвестно оказались под Москвой, вынудив бежать из столицы великого князя. Ближайшие окрестности были разграблены, сожжена Коломна. Нераспорядительность военачальников и беззащитность порубежья надолго превратят многие уезды в районы с повышенной ордынской опасностью. Чуть позже Улу-Мухаммед откочует к востоку, «засев» ряд пограничных территорий в Нижнем Новгороде и постоянно угрожая русским землям в нижнем течении Оки во Владимиро-Суздальском ополье. Этот фактор станет весьма значимым к 1444—1445 гг.

Продолжали осложняться отношения с новгородцами. Поход зимой 1440—1441 г., хотя и принес весомую военную контрибуцию, никак не усилил позиций великого князя в Новгороде. Новое докончание повторило давно сложившийся образец соглашения, в реальности нарастало ослабление институтов княжеской власти в Новгороде, упрочились собственно новгородские органы управления, усиливались позиции литовской партии в новгородском боярстве. Новгородский архиепископ Евфимий II (он сыграл выдающуюся роль в развитии новгородской архитектуры, иконописи, художественных ремесел, обладал едва ли не решающим политическим влиянием) ставился в 1434 г . в Литве митрополитом Герасимом (это был единственный случай такого поставления). Впрочем, тому были реальные поводы.

Дело в том, что с 1431 г . кафедра митрополитов в Москве вдовствовала. Намерения московского великого князя поставить своего кандидата (а им был рязанский владыка Иона) не были поддержаны в константинопольском патриархате. Герасим считался в Византии митрополитом «всея Русии», а не только православных епископий в Литве. После его гибели в митрополиты на Русь был поставлен в 1436 г . Исидор. Прибыв в Москву в апреле 1437 г ., он уже в сентябре отправился в Италию на знаменитый Ферраро-Флорентийский собор, посвященный объединению католической и православной церквей. Затея, хотя она и была доведена до конца в 1439 г ., оказалась мертворожденной: и политические, и дипломатические, и конфессиональные интересы, лежавшие в ее основании, остались нереализованными. А самое главное — противниками унии было подавляющее большинство верующих и церковных людей как на Западе, так и на Востоке. Это станет ясным вскоре, но все же позднее. На самом же Соборе и по дороге в свою епархию (а ехал Исидор не торопясь) греческий ставленник на московской кафедре был весьма активен в пользу принятой унии. После соверше-

ния первой же литургии в Москве в Успенском соборе он был арестован по приказу Василия II, обличен и осужден на Соборе русских иерархов. Затем он бежит из заключения в Тверь, а оттуда в Литву. Активная роль защитника православия, хорошо исполненная московским великим князем, однозначно определила позицию большинства русских иерархов: свою поддержку, свои симпатии они отдали Василию II, что станет существеннейшим фактором в новом витке открытой междоусобицы.

Передышка способствовала дальнейшей консолидации московского боярства и служилых людей вообще вокруг сюзерена. Этому способствовали присоединение выморочных уделов к основной территории княжества и активная поземельная политика Василия II на этих территориях. При несомненной поддержке великого князя быстро растут вотчины московских феодалов в Суздале (в начале 40-х годов он передавался владетельным князьям), Звенигороде, Бежецком Верхе и т.п. Корпоративная сплоченность московского боярства станет решающим фактором политической борьбы на заключительном этапе феодальной войны середины XV в.

Провозвестником последнего акта стало наступление Улу-Мухаммеда. Зимой, в конце 1444 г . он засел в старом Нижнем Новгороде, захватил и разграбил Муром, отправил загоны на соседние волости. Василий II отправляется во Владимир, где концентрируются русские войска. Их действия зимой и в начале весны вполне успешны: они наносят поражения отрядам хана, отбирают у ордынцев полон и добычу, преследуют их до пограничья. Тем неожиданнее был исход летней кампании. В сражении у стен суздальского Спасо-Евфимиева монастыря уступающие по численности ордынские отряды под водительством ханских сыновей наносят решительное поражение русской рати. В плен попадают сам великий князь, его двоюродный брат князь Михаил Андреевич, множество видных бояр. Еще больше ратников пало на поле боя. Главная причина поражения — непредусмотрительность и тактические просчеты русского командования, скверная дисциплина в войсках, внутренние противоречия (Шемяка так «торопился», что оказался на месте после того, как все было кончено). Исход побоища — именно так оно именуется в летописном рассказе, — разом перечеркнул все позитивные, политические и социальные результаты передышки. Если добавить грандиозный пожар в Москве в августе того же года, выезд из города семьи великого князя — то все признаки глубокого общественного кризиса будут налицо.

В стране образовался вакуум власти. Ордынцы, ведя переговоры с пленным Василием II, одновременно послали на Русь посла к Шемяке. Скорее всего, параллельно они санкционировали реставрацию Нижегородско-Суздальского княжества во главе с князьями В.Ю. и Ф.Ю. Шуйскими. Известная несогласованность разных групп ордынцев, затянувшееся пребывание на Руси посла, отправленного к Шемяке, позволили Василию II добиться отпуска из плена на условиях выплаты огромной контрибуции под контролем ордынских отрядов. С ними он двинулся в свое княжество. Возвращение великого князя (семья и государев двор торжественно встретили Василия в Переяславле-Залесском, а по дороге его приближенным удалось перехватить возвращающегося к хану ордынского посла с послом Шемяки), история его моленной поездки в Троице-Сергиев монастырь, заговор Шемяки и Ивана Можайского, — все это требует многих страниц и руки романиста. Нам же важны основные факты и следствия.

Итак, активными участниками заговора были Шемяка, князь Иван Андреевич, некоторые московские гости и, возможно, отдельные бояре из числа великокняжеских. Скорее всего, об этих планах знал тверской великий князь, который мог опасаться неожиданных поворотов в политике ордынцев по отношению к Твери. Главный мотив заговорщиков — обвинения Василия II в «наведении» на Русь ордынцев, в желании раздать им волости, в огромной тяжести выкупа. Не приходится сомневаться, Шемяка использовал это в качестве ловкого пропагандистского приема. Но столь же несомненно, что подобные филиппики вызывали сочувственный отклик со стороны многих лиц. Действия заговорщиков оказались успешными: столица была захвачена в ночь на 12 февраля 1446 г ., в тот же день в Троице был арестован и срочно доставлен в Москву великий князь. В ночь с 13 на 14 февраля он был ос-

леплен. Немногим позднее его сослали с женой в Углич (удел Шемяки), а его мать, престарелую княгиню Софью (она уже перешагнула свое 75-летие) — в Чухлому. Весной того же года Шемяка добился выдачи малолетних сыновей Василия II, княжичей Ивана и Юрия, которых успели увезти из Троицы в суматохе ареста верные великому князю бояре. Осуществил эту миссию владыка Иона, но обещанные ему Шемякой условия не были соблюдены: новый великий князь отправил детей в заточение к отцу.

Князь Дмитрий Юрьевич щедро вознаградил своего союзника князя Ивана, ликвидировал восстановленное ордынцами Нижегородское княжество, вообще, видимо, не считал себя строго обязательными все обещания Василия II. Тем более, что в Орде Улу-Мухаммеда произошли важные события, связанные, в частности, с окончательным становлением Казанского ханства. Победитель русской рати Махмуд, убив отца, захватывает ханский трон, положив основание династии казанских властителей. Двое его братьев в результате конфликта отъехали на Русь, стремясь получить статус служилых князей еще у Василия II. Не видно и попыток Шемяки поддержать дробление великокняжеской территории на уделы. Ориентиры его политики вряд ли отличались принципиальным образом от таковых Василия II.

Но тем не менее ситуация летом 1446 г . напомнила чуть ли не в деталях события уже далекого 1433 г . Московские бояре и дети боярские (понимая под ними территориальные корпорации служилых людей всего великого княжения) не приняли нового московского государя. Можно строить догадки о конкретных мотивах в конкретных случаях, но уже в летние месяцы того же 1446 г . вспыхнула вооруженная борьба сторонников Василия II против Шемяки. Одним из центров сопротивления становятся пограничные земли Литвы (Брянск и ряд других городов), отданные новым литовским князем Казимиром IV Василию Ярославичу, «не восхотевшему служить» Шемяке. Трое князей Ряполовских предприняли попытку освобождения из заточения великого князя и его семьи. Она не удалась, но, разгромив последовательно два отряда сторонников Шемяки, верные Василию войска ушли в Литву. Массовый отъезд служилых продолжался, что вынудило Шемяку — под давлением церковного Собора — пойти на примирение с Василием Темным (это прозвище усвоено ему в исторической литературе именно в силу его ослепления). В сентябре 1446 г . Шемяка приезжает в Углич, освобождает великого князя из-под ареста и дает ему в удел далекую Вологду, взяв с него клятвенное обещание не домогаться более московского стола.

Пребывание Василия II в Вологде было непродолжительным. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон снимает с него крестоцелование Шемяке, и вскоре московский князь (явно по предварительной договоренности) оказывается со всей семьей в Твери. От тверского великого князя он получает всю необходимую помощь, а сам союз двух великих князей закреплен обручением их детей — княжича Ивана и княжны Марии. В Тверь к великому князю стекаются множество московских бояр и детей боярских, в то же время начинается поход из Литвы на Русь сторонников Василия II. К Шемяке князь Борис Александрович отправляет грамоту с требованием уйти с великого княжения на свой удел. Множественность угроз вынудила Шемяку к срочной мобилизации сил и обрекла его на пассивную тактику: более месяц его основные войска простояли на Волоке Ламском, пытаясь противодействовать и продвижению отрядов Василия II из Твери, и их соединению с его сторонниками в

Литве. Главным итогом стал массовый отъезд служилых из его рати, по преимуществу в лагерь Василия Темного.

25 декабря 1446 г . отряд М.Б. Плещеева захватывает Москву, Шемяка вскоре через Углич — Ярославль устремляется в Галич. Соединенные силы Василия II осаждают Углич (он был тогда хорошо укрепленной крепостью), берут его после продолжительной осады. 17 февраля 1447 г ., почти ровно через год после начала трагических событий, Василий Темный торжественно въезжает в Москву.

Итак, ослепленный московский государь вступал в свою полуразоренную столицу в канун своего 32-летия. Весной Шемяка все же отпустил великую княгиню Софью Витовтовну: Василий Темный поспешил встретить мать на дороге к Москве, в Троице-Сергиевом мо-

настыре. Летом того же года двоюродные братья заключили докончание, по которому «старейшинство» оставалось за Василием II. Определился ли тем самым окончательный исход противоборства? Отнюдь. Ближайшие месяцы показали, что Шемяка не оставил прежних планов. Прежде всего он попытался максимально раздвинуть рамк конфликта, натравливая против московского князя всех поте) циальных и реальных противников. Он не прервал своих отж шений с Новгородом и запугивал его правительство отрядам ордынских царевичей, служивших Василию II. Нового казан счого хана Махмуда (Махмутека) он «наводил» на Русь, ж пользуя его враждебные отношения к братьям, оказавшимся на службе в Москве. Традиционно на его стороне была Вятка еще не покинул Шемяку князь Иван Можайский. Вот он умел заранее оставить слабейшую сторону, но тогда, летом—осенью 1447 г ., еще не учуял грядущего поражения.

Как бы то ни было, но ареал непосредственных военных действий сместился к фамильным землям Шемяки и прилегающим уездам. Зимой—весной 1448 г . до крупных столкновений дело не дошло. Весной 1449 г . военные действия был ожесточеннее, инициатива первоначально была в руках Шемяки, но успеха он не добился. Василий II, собрав все сил и взяв с собой митрополита, других иерархов, направился Галичу. До решающего сражения дело не дошло, договорные грамоты закрепили первенствующую роль московского великого князя. Перешел на его сторону князь Иван Андреевич, получив за очередную смену сюзерена заметное приращение удела (Бежецкий Верх). Показательна роль церкви. Еще в декабре 1447 г . церковный Собор направил Шемяке специальное послание с резким осуждением его поступков и призывами к покаянию и примирению. Договор 1448 г . был зафиксирован в форме так называемых «проклятых грамот», с введением церковных санкций в случае его нарушения. Отсюда участие Ионы (а он был поставлен в митрополиты Поместным собором русских иерархов 15 декабря 1448 г .) и других владык в походе 1449 г . Не имевшее прецедентов, оно находит объяснение в предшествующих событиях.

Военные действия возобновились осенью 1449 г . Решающее сражение произошло в конце января 1450 г . под Галичем. Несмотря на широкое применение огнестрельного оружия, неблагоприятный рельеф местности (великокняжеские отряды под огнем поднимались в гору к стоящим под крепостными стенами войскам Шемяки) воеводы Василия II одержали полную победу. Чуть позже гарнизон и горожане Галича сдались прибывшему великому князю. Князь Дмитрий, отправивший еще осенью 1449 г . жену с детьми в Новгород, бежит на север, а затем присоединяется к семье. Он еще не покинул тропы войны, но после 1450 г . его походы напоминают набеги ордынских «скорых ратей», а ареал действий ограничен московскими и новгородскими волостями северного региона. Сюжет драмы близился к развязке.

Занавес опустился летом 1453 г . В начале июня скончалась великая княгиня Софья. Как знать, вспоминала ли она свадьбу 1433 г . и свое решение, смертельно оскорбившее старших Юрьевичей? Или перед ее глазами стояли месяцы и годы невольных скитаний и ссылки, трудно переносимые 'в ее преклонные годы? А спустя полтора месяца, 23 июля, прямо в Борисоглебский храм, где московский государь был на вечерне, доставили не терпящую ни малейшего отлагательства весть: «напрасною» смертью скончался в Великом Новгороде неустанный противник Василия Темного Дмитрий Шемяка. Совпадение места действия и информации было поразительным. Ослепленный в годину феодальной смуты своими близкими родственниками, московский государь узнал о смерти кровного брата и обидчика в храме, посвященном первым русским святым, Борису и Глебу, павшим в княжеском междоусобии за четыре с половиной столетия До того. Для людей знающих аналогия на этом не кончалась: по одному летописному рассказу, весьма вероятному, Шемяка был отравлен зельем, присланным из Москвы. В заговоре же против него участвовали кое-кто из новгородских бояр, стремившихся улучшить отношения с Москвой, а также люди из ближайшего окружения Шемяки. Святых князей-государей на Руси в середине XV в. не было.

§ 4. Северо-Восточная Русь в канун последней трети XV столетия

Развертывание острого политического кризиса порою сходно с течением тяжелой болезни. После долгого ухудшения, неоднократных возвратов приступов выздоровление нередко бывает стремительным. Так случилось и после прекращения войны за власть в московском княжеском доме. Уход со сцены единственного реального соперника Василия II Дмитрия Шемяки, который и сам постоял у кормила власти в Московском великом княжестве, и претендовал на этот стол как на наследственный, означал полную перемену обстоятельств. Исчезла почва для раскола в московском боярстве, служилых феодалов Московского великого княжения. Уже на заключительном этапе феодальной войны социальная база Шемяки была узкой. Параллельно сделали свой выбор в пользу Василия II политически значимые слои тех городов, которые в силу традиции и, возможно, иных причин поддерживали действия Юрия Дмитриевича и его сыновей. Как бы то ни было, консолидация вокруг победителя была стремительной, в считанные годы принципиально изменив всю геополитическую ситуацию на Руси.

Первый показатель — ликвидация большинства московских уделов. Нет ничего странного в том, что через год после смерти Шемяки пришел черед его «неоднословному» союзнику Ивану Андреевичу: летом 1454 г . московские войска заняли Можайск, сам же князь с семьей успел бежать в Литву. Но удивительно, через два года, вслед за походом на Новгород в 1456 г ., был арестован Василий Ярославич, родной брат жены Василия II и верный его вассал в самые трудные дни 1446 — 1447 гг. (в новгородской кампании он также участвовал и притом вполне действенно). Можно догадываться о конкретных мотивах его опалы, но очевиден один из приоритетов в межкняжеской политике московских государей: число уделов в московском доме подлежало сокращению, а главное — они не должны, по возможности, превращаться в наследственные. Не забудем, что в ходе феодальной войны были последовательно ликвидированыудельные княжения всех трех сыновей Юрия Дмитриевича. Подчеркнем также, что единственно сохранившийся удел Михаила Андреевича был незначителен по территории и не имел развитой структуры феодального землевладения, а соответственно — многочисленных вассалов. Важно также, что князь Михаил не удержал даже тех земельных приращений, которые он совсем нечасто получал от своего московского сюзерена. Таким образом, в составе и характере уделов московского дома произошли разительные изменения.

Задолго до своей смерти Василий Темный принял ответственные решения в отношении своих сыновей. К середине 50-х годов их было у него пятеро. Старший, наследник, князь Иван именуется великим князем уже в тексте докончания 1449 г . Василия II с одним из служилых князей. Во всех последующих межкняжеских договорах, заключенных московским государем, он фигурирует рядом с отцом в качестве великого князя. В 1451 г . он формально возглавил поход на север московской рати против Шемяки, а в следующем 1452 г ., когда ему было всего 12 с половиной лет, состоялась его свадьба. Вскоре после нее он становится не только формальным, но и реальным соправителем Московского великого княжения. Примечательный эпизод. Когда Василий Темный в 1460 г . отправился «миром» в Новгород, то великим князем в Москве остался Иван.

Отца сопровождали в поездке двое других сыновей, причем Юрий, следующий по старшинству за Иваном, представлял особу московского государя во Пскове. Собственно удела как такового у Ивана не было: он «соправительствовал», т.е. выполнял по мере необходимости и в зависимости от ситуации функции великого князя по управлению и суду так же, как и его отец. Удел получил в 1456 г . княжич Юрий. В него входили Дмитров и многочисленные села, завещанные ему княгиней Софьей из числа ее собственных приобретений. Самостоятельный политический статус второго сына надо объяснять династическими интересами фамилии (Юрий как бы страховал возможные удары судьбы по Ивану) и реальной геополитикой. Дмитров — пограничная с Тверью территория. Союз же с князем Борисом Тверским вовсе не ликвидировал объективных традиционных противоречий между Москвой

и Тверью, отягощенных почти вековым кровавым соперничеством. Предохранителем от возможных претензий Юрия на великокняжеский стол стало его безбрачие: ни при отце, ни после его смерти он так и не был женат. У Ивана же еще в 1458 г . родился наследник. Преемственность передачи великокняжеской власти была обеспечена.

Василий II не откинул за ненадобностью традицию наделения младших сыновей уделами. Она коренилась не только в сознании, но соответствовала бурному демографическому росту служилых феодалов, развитию частнофеодального землевладения. Но главная особенность его завещания 1461 г . — бесспорный, подавляющий перевес владений нового московского государя. Ивану III переходит великое княжение (а оно, напомним, к 1461 г . включало все территории собственно Московского княжества и великокняжеского стола во Владимире с включением ряда городов за годы феодальной смуты), все земли бывшего Нижегородско-Суздальского княжества с прибавлением Мурома, а также ряд владений князей Василия Ярославича и Ивана Андреевича. Остальныг сыновьям достаются части бывших уделов названных князей, а также Дмитрия Шемяки и младших сыновей Дмитрия Донского — Петра и Константина. Причем, вперемешку и обычно без общей границы разных частей удела. Таким образом, централизующая роль Московского великого княжества, неоспоримое значение его государя как единственного выразителя государственно-политических интересов подчеркивались в духовной Василия Темного самым наглядным образом.

Так обстояли дела внутри Московского княжества. Второй показатель успехов — усиление его позиций в рамках всей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Три направления политики были здесь ведущими — московско-рязанские, московско-тверские и московско-новгородские отношения. Рязанское княжество сравнительно давно было в сфере интересов Москвы: еще в 1449 г . рязанский великий князь именовал себя «молодшим братом» московского суверена. Весной 1456 г . князь Иван Федорович Рязанский умирает, завещав московскому князю восьмилетнего сына и свое княжение: княжича привозят в Москву (он пробыл в ней семь лет), в рязанские города отправлены московские наместники. И хотя Рязанщина последней будет поглощена Московским государством, она постоянно была под протекторатом Москвы.

Важной новостью в московско-тверском соглашении 1456 г . стала ясная формулировка военно-оборонительного союза против всех возможных внешних врагов, включая Великое княжество Литовское. Ведь еще по договору 1449 г . Василия Темного с Казимиром Тверь причислялась к княжествам, протекторат над которыми осуществлялся литовским господарем. В принципе, докончание 1456 г . зафиксировало равноправный статус сторон. К тому же, позитивные результаты внутренней централизации в Твери проявились раньше и были закреплены в деятельности князя Бориса Александровича. Упрочение политического значения и успехи в столкновениях с Новгородом за пограничные земли, несомненный культурный подъем, рост международного престижа — все это важные итоги долгого правления князя Бориса. Но даже в близкой перспективе потенциалы Москвы и Твери были несопоставимы. Давно ли Борис Александрович принимал гонимого и ослепленного московского князя в Твери? К 1456 г . о каких-либо его претензиях на общерусское лидерство в соперничестве с Москвой речи уже не шло. Речь могла лишь идти о сохранении самостоятельности в союзе с Московским княжеством или о возврате под руку литовских господарей. Точка выбора как будто уже была пройдена, брак же московского наследника с тверской княжной укреплял позиции Твери при сохранении союза (антиордынского и антилитовского) с Москвой.

Самой болезненной проблемой для Василия Темного был Новгород. Переживавший эпоху государственно-политического и культурного подъема «Господин Великий Новгород» (точнее говоря, большинство в его правящей элите) был с конца XIV в. последовательным противником Москвы как центра объединения. Их интересы сталкивались на севере, где московские князья пытались расширить свои промысловые районы, на территориях сместных владений в Вологде, Бежецком Верхе, Торжке, Волоколамске, наконец, собственно в Новгороде. Новгородское боярство в конце XIV—середине XV в. вело особо упорное наступление

на древние «киязщины», институты княжеского суда и управления. В результате произошло сокращение княжеских прерогатив, авторитета и доходов великого князя в Новгороде. Параллельно усилилось (и притом заметно) присутствие в Новгороде Литвы — литовские служебные князья получали в прокорм многие новгородские пригороды, дани с ряда волостей шли частью в Литву, на них распространялась судебная власть литовского великого князя и его наместников. Кроме того, при новгородском владыке Евфимии II несомненны теократические тенденции в государственно-политической эволюции Новгорода. Дело не только в несомненном и разностороннем культурном Ренессансе, неразрывно связанном с именем Евфимия. Укрепляются позиции владыки в светской сфере, его роль в социальной системе, военном потенциале Новгорода. То, что Евфимии II получил посвящение от митрополита в Литве, безвременье на московской кафедре после бегства Исидора не просто укрепляли фактическую автономность новгородской архиепископии. Они обостряли к тому же стародавние споры московской митрополии и новгородских владык по поводу пределов и форм митрополичьего суда. Наконец, многолетняя поддержка Новгородом Шемяки (хотя и в основном — пассивная) не могла не провоцировать московского великого князя.

Накопившиеся противоречия разрядились, естественно, в вооруженном противоборстве. В начале 1456 г . Василий II предпринял поход на Новгород как общерусскую военно-политическую акцию. Быстро выявилось превосходство Москвы. Сражение под Руссой в начале февраля, когда немногочисленный авангард московских ратей разгромил основные новгородские силы, продемонстрировало это с пугающей для новгородской элиты очевидностью. Еще в канун битвы бежала из Новгорода вдова Шемяки, скоропостижно умирает их дочь, жена князя А.В. Чарторыйского (он был на службе в Новгороде), сам князь отправляется во Псков.

Заключенное по инициативе новгородцев соглашение имело черты компромисса: основной документ повторял традиционный формуляр новгородско-княжеских докончаний, во второй же текст были включены положения, расширяющие прерогативы князя и укрепляющие ослабленные институты великокняжеской власти в Новгороде (его наместников, дворецких и т.п.). Правительство Новгорода было вынуждено уплатить Василию Темному огромную контрибуцию.

Ситуация не изменилась принципиальным образом: еще по московско-литовскому договору 1449 г . Новгород признавался находящимся под патронатом Москвы. Но обозначился решительный сдвиг в отношениях с Москвой, поражение 1456 г . усилило позиции промосковской партии. Поездка «миром» 1460 г ., случившаяся уже при новом архиепископе Ионе (Евфимий скончался в марте 1458 г .), подтвердила крепнущие позиции Василия II в Новгороде. Он, однако, сохранял в полной мере государственно-политическую автономность, практически — независимость. Основная борьба здесь была впереди.

По сравнению со временем Витовта произошли кардинальные перемены в отношениях с Великим княжеством Литовским. Там княжеские усобицы завершились раньше, чем в Северо-Восточной Руси. Но внутренние противоречия и 13-летняя война с Орденом (она велась главным образом силами Польского королевства), завершившаяся окончательно лишь осенью 1466 г ., надолго ограничили активность восточной политики Казимира IV (с 1445 г . он стал и польским королем). Собственно, к исходу 50-х годов большинство достижений Витовта здесь было утрачено. А это означало, что и Вильнюс перестал быть потенциальным центром государственно-политического объединения Северо-Западной и Северо-Восточной Руси по тому образцу, который реализовался в самом Великом княжестве Литовском. Впрочем, в отношении Пскова и Новгорода у литовской элиты сохранялись еще планы присоединения. Но главные события здесь были еще впереди.

Прекращение замятни на Руси не привело автоматически к уменьшению ордынской опасности. На протяжении 50-х годов набеги ордынских отрядов были регулярными. «Скорая рать» царевича Мазовши в 1451 г . на излете борьбы с Шемякой была особенно опасной. Москва чудом не была захвачена. Множественность политических центров в Поле — наряду с Крымским и Казанским ханствами, существовали Большая Орда, Орда царя Сеид-Ахмада

— не облегчала, а наоборот, усложняла и отражение «злых нахождений», и уплату выхода. Дань неизбежно шла по нескольким адресам, ее взимание или, наоборот, неуплата были практически непредсказуемы. Одним из результатов поражения 1445 г . под Суздалем стало невиданное до того на Руси явление: рождение ордынского ханства на территории собственно Руси. К середине 50-х годов Касимовское ханство стало реальностью московской жизни, хотя статус его владетелей как служилых князей московского государя вряд ли предусматривался первоначальными планами. Другой итог — постепенное запустошение пограничных земель Нижегородского края и постоянные угрозы набегов на Муром, Владимир, Суздаль. Наконец, Вятка, подчинившаяся великому князю лишь после двух крупных военных экспедиций 1458 и 1459 гг., стала объектом территориальных притязаний со стороны Казани. В целом, ситуация в московско-ордынских отношениях после феодальной замятии в московской династии скорее ухудшилась, чем улучшилась. И здесь окончательные итоги были впереди.

К 60-м годам многие герои уже сыгранной драмы ушли со сцены. Но кое-кто покинул ее немного позже. Борис Александрович умер в феврале 1461 г . В марте того же года скончался митрополит Иона, имевший бесспорный авторитет и всегда оказывавший поддержку московскому государю. Через год пришел и его черед. Умирал он тяжело, страдая от «сухотной» болезни (великому князю жгли «трут на многих местах» по его повелению). А незадолго до последних дней Василия Темного Москва содрогнулась от жестокой казни, произведенной по его приказу. В столице были пойманы дети боярские воровского князя Василия Ярославича, собравшиеся вызволить своего сюзерена из заточения в Угличе. Заговор стал известен, его участников арестовали, трех поименно названных заговорщиков и «иных многих» били, мучили, «коньми волочили по всему граду и по всем торгам». Затем им отсекли головы. Поразила не только жестокость, но время казней: они пришлись на Великий пост. Один из летописцев горестно замечал, что никогда ничего подобного не случалось «в русских князех». Но у эпохи усобиц и смуты свои нравственно-политические ориентиры. В эти годы, как мы видели, немало аморальных и безжалостных событий происходило впервые. Символично, что завещание Василия Темного писал дьяк Василий Беда — тот, кто доставил ему известие о смерти Шемяки. Напастей и бед на долю непримиримых соперников выпало свыше любой меры.

РАЗДЕЛ III. Становление Российского централизованного государства

Глава 14. Государь «всея Руси»

Так с определенного момента именовал себя великий князь Иван Васильевич, подчеркивая рождение единой территории полностью самостоятельного государства. В воскресенье же 28 марта 1462 г ., когда столица Московского великого княжения встречала нового единоличного правителя, до этого дня было еще далеко. Но, быть может, уже тогда, в первые часы бремени власти и личной ответственности, он сформулировал эти отдаленные и столь желанные цели? Навряд ли. И дело тут не в отсутствии необходимого опыта или широкого политического кругозора. К моменту смерти Василия Темного за плечами его старшего сына Ивана Васильевича был шестилетний стаж соправительства и рождение наследника-первенца. Так что все было при нем. На московский стол садился вполне зрелый правитель, много чего испытавший и повидавший в свои двадцать два года.

Дело в другом. У политиков-практиков — а Иван Васильевич был именно таковым — осознание стратегических целей происходит в конкретных, реальных задачах, обнаруживаемых в наличной ситуации, в просчете соотношения сил. То, с чем он имел дело в начале 60-х годов, мало подвигало к постановке удаленных, «идеальных» намерений. Иван III всегда двумя ногами стоял на почве политической ежедневности. Но из нее неочевидным и неприметным поначалу образом произрастали явления, приводившие к принципиальным переменам в границах страны, в строении государства.

Даже беглый взгляд подмечает разительные отличия в ритме, стиле, образах «государственной биографии» Ивана III и его отца (а иной жизни у них, собственно, не было). Василий Темный почти всю жизнь провел в борьбе за достижение, сохранение или возврат власти великого князя. Много лет подряд он наносил удары ближним и дальним родичам, мстил, ослеплял, казнил, был лишен зрения сам, подвергался заточению и гонениям, не один раз бывал обманут и обманывал сам. Накал соперничества, его театральная непредсказуемость, временная протяженность междоусобия — все это сближает события жизни Василия II с многоактными шекспировскими трагедиями-хрониками о войне Алой и Белой роз. Ничего подобного не углядеть в течении дел и забот Ивана III. Его жизни, его правам на московский трон никто всерьез не угрожает ни в стране, ни извне. Если продолжать литературные параллели, то перед нами монументальный, многосюжетный роман, в котором со смертью главного героя соединяются отнюдь не все концы и начала. И что важно — это объемное повествование. Сага не о Форсайтах, а о московском великом князе и его семье. Политику-практику нужна долгая жизнь, чтобы предчувствовать, а затем осознать и реализовать серьезные цели. Иван Васильевич, по меркам средневековья, прожил удивительно долго: без двух с небольшим месяцев 66 лет.

Пребывание Ивана III у власти удобно делится на три периода. Первый из них завершается событиями 80-х годов. Это время оказалось едва ли не самым опасным и трудным.

§ 1. Ханский «улусник» на пути к единому Российскому государству

Улусниками в кочевых империях обозначали автономных владетелей, пожалованных ханом землями и людьми. «Жалованье» оформлялось в виде специального ярлыка. Нужды нет, что хан невольно или добровольно учитывал наследственные права в рамках определенных княжеских династий. Легитимность власти князя (великого или удельного) придавало прежде всего ханское пожалование, ханский ярлык. Эволюция от улусника хана до «вольного», суверенного властителя — одна из главных событийных линий первого периода.

Опытный читатель удивится: как быть с теми расхожими в литературе взглядами, что Иван III занял великокняжеский стол «по благословенью» и распоряжению отца без всякой на то санкции из Орды. Доказывается это просто — летописи молчат о каких-либо акциях любого государства-наследника Золотой Орды в связи с вокняжением Ивана III в 1462 г . Но ведь те же летописи ничего не говорят о ханском пожаловании Василию II в 1425—1426 гг. великого княжения. Но мы-то точно знаем из тех же самых летописей, что выдача ханом ярлыка на стол во Владимире в указанное время имела место быть. Значит, редакторы летописных сводов могли сознательно опускать соответствующую информацию, и мы вправе подозревать осознанное умолчание применительно к событиям 1462 г .

Это доказательство от обратного. Поищем позитивные аргументы. Они существуют. В договорах 1473 г . Ивана III с родными братьями, Борисом Волоцким и Андреем Угличским, прямо говорится об уплате ими выхода в Орду (точнее — Орды) согласно распоряжению в духовной Василия Темного. Из докончаний 1473 г . не вполне ясны временные характеристики уплаты дани в Орду (давался ли выход «на все годы» или только за ряд лет), но не в том суть. Любой подобный платеж подразумевает наличие ханского ярлыка на княжение как юридического основания для взимания дани.

Текст Ермолинской летописи (на него мало обращали внимания) подтверждает правильность нашей догадки: Иван III получил ханский ярлык на великое княжение именно в 1462 г . В летописной статье этого года сначала кратко пересказывается распорядительная часть завещания Василия Темного в отношении всех его сыновей и жены. Затем следует особая фраза о том, что Иван Васильевич «седе на столе отца своего на великом княжении в Володимери, и на великом княжении в Новгороде Великом, и Нижнем, и на всей Русской земли». Удивительный текст. Абсолютно ясно, что в его основание не была положена соответствующая часть духовной Василия Темного — там упоминаний о Великом Новгороде вообще нет, а Нижний фигурирует среди владений, завещаемых Ивану III, но не обозначается в качестве великого княжества. С перечисленных единиц государственно-политического устройства в Орду шел особый выход в каждом случае (равно как с Твери, Ярославля, Рязани). Где должно было учитываться это обстоятельство прежде всего? В ханских ярлыках, а также в дефтерях, где подробно расписывались суммы с определенных городов и местностей. С большой долей уверенности мы можем предполагать, что процитированная фраза основана на ханских ярлыках, полученных

Иваном III (ярлык на стол во Владимире сопрягался с ярлыком на Великий Новгород).

Правильность такой интерпретации доказывается также одним фактом, мимо которого прошли почти все исследователи. В 1461 г . Казимир IV получил от крымского хана Хаджи-Гирая пожалование, освобождавшее целый ряд подвластных Казимиру городов и населенных пунктов от платежа регулярной дани в пользу хана. В перечне назван и Великий Новгород. Ярлык из Большой Орды Ивану III 1462 г . (вряд ли из Казани) и стал своеобразным ответом на это.

Иван III получил санкцию легитимности власти от хана Большой Орды Махмуда, в Орду должен был идти и действительно шел выход. По-видимому, не только Орда претендовала на дани с Москвы. После поражения 1445 г . что-то должны были регулярно платить казанскому хану. Вот здесь ранее и быстрее всего проявились скрытые противоречия.

Что порождало особенную остроту? Множество причин. В числе важнейших — территориальные и суверенно-политические претензии казанских властителей на некоторые нижегородские и вятские земли, на верховенство над Вятской землей в целом, регулярные набеги не только на пограничные районы, но и на исторический центр — Владимир, Суз-

даль, Стародуб Клязьменский. Московское правительство сразу попыталось перехватить инициативу глубоким вторжением русских сил с двух направлений. Несмотря на отдельные успехи, кампания 1467 г . тем не менее не принесла решительной удачи. Война растянулась на три года, причем порой русские рати дважды за год отправлялись к далекой Казани. Переломным стало лето 1469 г ., когда под водительством дмитровского удельного князя Юрия большая русская армия осадила Казань. Твердое и умелое руководство Юрия, перевес сил, отсутствие надежд на внешнюю помощь привели к заключению мира «на всей воле великого князя». Можно лишь догадываться, в чем она заключалась. Бесспорно, освобождался весь христианский полон, захваченный и уведенный казанцами. Конечно, речь должна была идти о свободе торговых поездок «на низ» по Волге российских купцов. Скорее всего, Казань отказалась от тех или иных территориальных претензий (показательно, что Вятка в течение войны соблюдала тщательный нейтралитет) и от уплаты в ее пользу каких-то даней. Успешный итог войны надолго, почти на десятилетие, обеспечил безопасность восточных границ.

Непросто складывались отношения в московском княжеском доме. Раньше обострения обычно возникали в канун ликвидации тех или иных уделов, во время перемены статуса каких-либо земель. Парадокс ситуации в 60-е годы заключался в том, что осложнения имели место во время образования удельных княжений, в соответствии с завещанием Василия Темного. Не вдаваясь в детали, отметим только неодновременность их реального выделения. Ядро удела князя Юрия существовало уже с 1456 г ., а в 1462 г . лишь расширилось в соответствии с пунктами духовной. Сразу же образовалось Угличское княжение Андрея Большого. Вскоре был сформирован удел князя Бориса. Но лишь около 1467 г . произошло наделение Вологдой с Кубеной и Заозерьем младшего сына Василия II, Андрея Меньшого. В целом, однако, распоряжения духовной были выполнены.

Важные перемены обозначались в отношениях с другими великими княжениями Северо-Восточной Руси. Правда, с Тверью был сразу подтвержден прежний равноправный союзный договор. Осенью 1463 г . был отпущен на Рязань великий рязанский князь Василий Иванович, проживавший после смерти отца на Москве. Патронат над этим государственным образованием со стороны Москвы был дополнен в 1464 г . браком рязанского князя с сестрой Ивана III Анной. Главной же новостью стало присоединение Ярославского великого княжения в 1463—1464 гг. Источники не сохранили многих деталей этого знаменательного события, но кое-что существенное нам известно.

Скорее всего, произошла индивидуальная и групповая продажа своих прав ярославскими князьями во главе с последним великим князем Александром Федоровичем с последующим подтверждением этой сделки в Орде. Ликвидацией государственно-политической самостоятельности дело не ограничилось. Началось длившееся несколько лет переустройство поземельных и служебных отношений. Это привело к образованию объемного фонда великокняжеских земель, к упрочению служебного статуса местных светских вотчин. Но главное — взамен рыхлого конгломерата ратей различных ярославских владетельных князей довольно быстро образовалась единая городовая (иначе — уездная) корпорация феодалов-землевладельцев. Верхушкой ее стала сословно-территориальная группа ярославских Рюриковичей. Эти изменения шли под бдительным надзором одного из самых доверенных лиц Ивана III — ярославского наместника князя Ивана Стриги-Оболенского. Результаты обнадеживали: в 1469 г . «ярославцы» вместе с другими уездными корпорациями участвовали в успешном походе на Казань. Можно сказать и так. В Ярославле опробовались рождавшиеся самой жизнью методы включения в единое государство бывшего ранее самостоятельным государственного организма — лишь с частичной ликвидацией прежних поземельных и служебных отношений.

Итак, собирание под рукой одного монарха независимых княжений и земель все более переходило в плоскость практических задач и шагов. Они были разными: формально равноправный союз с Тверью, патронат над Рязанским княжеством, ликвидация самостоятельности Ярославского княжения. Ни то, ни другое, ни третье не вызвало внешнеполитических

затруднений. Но был особенно болезненный нерв московской политики — это отношения с Новгородом. Здесь в начале 60-х годов слишком многое было зыбким и неопределенным.

Обострившиеся взаимоотношения с Новгородом Иван III унаследовал от отца. Московское посольство в Новгород в январе 1462 г . не дало результата. Вот почему архиепископ Иона отказался от поездки в Москву. Кончина московского правителя ничего не изменила. Большое новгородское посольство во главе с Ионой побывало-таки в Москве в начале 1463 г . и было встречено с почетом. Но, как меланхолично заметил новгородский летописец, «далече от грешник спасение»: договориться не удалось. Конфликт грозил перейти в открытую форму, а отсюда двойная миссия Новгорода в Литву в 1463 г .: к Казимиру и князьям-эмигрантам — Ивану Андреевичу Можайскому и к сыну Шемяки. Их призывали выступить на защиту Новгорода от великого князя, на что они дали согласие. Эпизод не получил развития, но явственно обнажил опаснейший аспект московско-новгородских противоречий — международный.

Как далеко могло зайти правительство Литвы? Политикам в Москве следовало учитывать противоречивые факторы. Самый важный из них — отказ Казимира подтвердить договор 1449 г ., в котором Новгород полагался находящимся «в стороне» московского государя. Иными словами, литовская элита в принципе возвращалась к ключевому пункту восточной политики Витовта — установлению патроната над Великим Новгородом. Это не значило, что в любой момент вооруженного конфликта Москвы с Новгородом Вильно готов к войне с Иваном III. Скажем, в 1463 г . следовало учитывать вовлеченность Польши в Тринадцатилетнюю войну с Орденом, недовольство Казимиром в правящих кругах Литвы. Раздавались голоса в пользу возрождения института особого литовского великого князя. В любом случае смена приоритетов порождала дипломатическую активность, Литва искала союзников против Москвы. Можно не сомневаться, что включение Новгорода в ярлык Хаджи-Гирая было подсказано литовской стороной.

Следующий кризис в московско-новгородских отношениях наступил в 1470 г . В начале ноября умирает архиепископ Иона, старавшийся компромиссами умерять остроту конфликтов. В ожесточенной борьбе за владычный престол выявились разные позиции, связанные с конфессиональными вопросами. Главная проблема — где и от кого принять поставление новому «нареченному» архиепископу: в Литве, от киевского митрополита Григория (несмотря на униатское прошлое, он был признан в качестве киевского митрополита тогдашним константинопольским патриархом) или в Москве, от митрополита Филиппа, поставленного Поместным собором русских иерархов. Для политиков в Москве (светских и церковных) намерение пролитовской партии Новгорода осуществить поставление в Киеве было едва ли не самым главным обвинением новгородцев.

Внешний ход событий, казалось, оправдывал самые мрачные предположения. Через несколько дней после кончины Ионы в Новгороде появился знатный Гедиминович, князь Михаил Олелькович. Позднее в Москве этот факт описали как шаг в наступлении короля против Новгорода и Москвы. Что вряд ли верно. Михаил не входил, скорее всего, в ближайшее окружение Казимира. Но значит ли это, что он не склонялся, подобно иным магнатам, к активизации восточной политики? Кроме дальних родственных связей с московской великокняжеской семьей, нет никаких указаний на его промосковские симпатии. В Новгороде он появился с вооруженным отрядом как литовский князь. Новгородцы не изгнали наместников Ивана III, но само пребывание Михаила в республике в качестве служилого князя объективно свидетельствовало об усилении литовского влияния в Новгороде

Той же осенью 1470 г . до Москвы дошли новости из Орды. Туда прибыл литовский посланник с предложением хаь Ахмаду о наступательном союзе против Москвы. В переговорах литовский дипломат не скупился на подарки ханскому окружению. То был один из первых шагов Литвы в натравливании Большой Орды на Московское княжество. Это о начало, помимо прочего, начало геополитических изменень в Восточной Европе. Казимир предпочитал добиться стратегического ослабления Москвы чужими руками.

Новгородско-московские антагонизмы нарастали. Был избран Фнлофей, сторонник умеренного курса в отношениях с Москвой. Новгородский посол запросил «опасную грамоту» на приезд Филофея. Грамота была дана, но в сопровождении «речей» великого князя, в которых он именовал Новгород своей «прародительской отчиной от первых князей». По возвращении посла в Новгород тезис вызвал открытое возмущение не только у литовской партии бояр, но и в широких слоях торговцев, ремесленников. Бурные собрания веча выявили преобладание тех групп населения, которые ориентировались на Литву. Попытки московского государя разрешить противоречия дипломатическими мерами не принесли желаемого. Филофей в Москву на поставление зимой—весной 1471 г так и не приехал.

Московскому великому князю оставалось или примириться с тогдашним соотношением сил в Новгороде, или изменить ситуацию военным путем. Учитывая отвлеченность Казимира династической борьбой в Центральной Европе, «некие зацепки» у хана, отрицательный резонанс, который вызвала бы чрезмерная уступчивость новгородцам, Иван III предпочел вооруженное разрешение конфликта. Впрочем, риск был немалый. Московские воеводы хорошо понимали все трудности, связанные с организацией летней кампании в Новгородской земле. Природно-климатические условия сильно затрудняли простое передвижение больших масс войск и их снабжение Примечательно то, как принимали решение. Оно исходило, можно не сомневаться, от великого князя и его ближайших советников. Для обсуждения специально созвали собрание представителей разных благородных сословий. Участвовали удельные владыки, братья московского государя, князья, митрополит и епископы, бояре, воеводы, воины. Именно к ним обратился с речью великий князь, получив советы и одобрение акции. Поход возводился в акт веры, главной его целью было якобы пресечение уклонения новгородцев в латинство.

Неточности, мягко говоря, в московской позиции несомненны, но и мотивы понятны. Требовалось доступное для многих и внушающее доверие объяснение военной акции, запланированной против своих же соплеменников-христиан. Ее масштабы впечатляли: были мобилизованы почти все военные силы Московского великого княжества, предусматривалось участие Твери, Пскова, Вятки. В авангардной рати князя Д.Д. Холмского насчитывалось до 10 тыс. воинов. С недельным интервалом после нее выступили в поход отряды князя И.В. Стриги-Оболенского, а затем — самая крупная армия, во главе с великим князем. Тверичи вошли в состав главной армии, псковичи наступали отдельно. Особые отряды (включавшие формирования с Вятки) были направлены в подвинские владения Новгорода. Военные действия сразу приобрели характер тотального столкновения.

Так оно и получилось. В отличие от войн с Казанью, на все понадобилось чуть более полутора месяцев, б июня из .Москвы отправился авангард, ему и довелось сыграть решающую роль в разгроме новгородских войск. Вскоре после взятия и разграбления Руссы в конце июня Холмский последовательно нанес поражение двум пешим новгородским отрядам. Затем, 14 июля, на берегах р. Шелони произошло решающее сражение: рать Холмского, многократно уступавшая по численности новгородскому войску, разгромила его полностью. В бою пали видные деятели Новгородской республики, несколько десятков посадников и бояр попали в плен, тысячи новгородцев были убиты и ранены. 27 июля в ожесточенном бою на Двине были разбиты новгородские отряды во главе с князем В.В. Гребенкой Шуйским. Всего лишь месяц реальных военных действий выявил полную неспособность Новгорода противостоять организованной армии.

Причин было множество. Лето 1471 г . обнажило стародавнюю новгородскую болезнь: структура и характер общегородского и частного светского землевладения не обеспечивали военный потенциал республики. Политического единства в армии не было: полк владыки отказывался воевать против великокняжеских войск, множество рядовых ратников попало в новгородскую армию насильственно. Иллюзорными оказались внешнеполитические расчеты (точнее — просчеты): никакой дипломатической поддержки, не говоря уже о военной акции, от Литвы не последовало. Вообще, никто не вмешался в процесс «наказания» Иваном III своей «отчины».

В день поражения на Двине в местечке Коростыне начались переговоры. Их процедура была унизительной для новгородской делегации, которую возглавил Феофил. Новгородцы били челом «о печаловании» боярам великого князя, те донесли их просьбу московским удельным князьям, а они, «печалуясь», и изложили моление новгородцев Ивану III. Главный итог Коростынского мира — долгая эпоха равностатусных отношений Новгорода с великими князьями безвозвратно ушла в прошлое. Новгородцы признали себя «отчиной» московского государя, любые обращения к Литве объявлялись незаконными, усилилась роль институтов княжеской власти в Новгороде: наместников и дворецкого. Но городцы утратили права на совместные владения с великим князем, на многие свои северные волости. При этом, правя особность государственно-политического устройства, его главные институты, социальная структура сохранились неизменными. Сношения с Литвой (реальные или только подозреваемые) трактовались после 1471 г . как изменнические на правовых основаниях. Добавим к сказанному казнь четырех новгородских посадников (Д И. Борецкого в их числе). Она была произведена по приказу Ивана III за три дня до начала переговоров без судебного разбирательства. Группу лиц из наиболее авторитетных фамилий отправили в заточение в Коломну. Присовокупим огромную контрибуцию, выплаченную Новгородом (свыше 16 тыс. руб.), немереную добычу, захваченную московскими и псковскими войсками. Только с учетом всего этого становятся осязаемыми размеры постигшей Новгород катастрофы. Собственно в 1471 г . политические судьбы боярской республики были предрешены.

Поход хана Большой Орды Ахмада на Русь в июле 1472 г . стал попыткой реализации антимосковского союза Литвы и Орды. Трудно сказать, подразумевал ли Казимир действительное участие литовских войск в войне против Москвы или он только провоцировал тотальный ордынский натиск против нее. События 1472 г . показали правильность последнего предположения. Отметим также неожиданность появления больших масс ордынцев вблизи русских рубежей: московские власти были явно застигнуты врасплох. Но даже в таких обстоятельствах складывавшаяся система порубежной службы сработала. На левый берег Оки быстро выдвинулись отряды удельных князей, великокняжеские рати, так что не слишком настойчивые попытки ордынцев форсировать реку были пресечены. Дело ограничилось разорением нескольких волостей на правобережье Оки и взятием сожженного Алексина. Затем последовало поспешное отступление, Ахмад не рискнул на генеральное сражение. Провал похода Ахмада стоил дорогого: труды Ивана III по созиданию единого государства получили тем самым подтверждение.

§ 2. Как «улусник» стал «государем всеа Руси» и «Русьских стран христианским царем»

«Христианским царем Русьских стран» называл Ивана III ростовский архиепископ и его духовник Вассиан. В тяжкие дни осени 1480 г ., когда судьба государства была на волоске, ростовский владыка укреплял решимость своего духовного сына в его противостоянии ордынскому хану (т.е. царю). А «улусником», притом непокорным, Иван III был именно для хана. Но все это случилось поздней осенью 1480 г ., нам же надо вернуться в 1472 г . Обратим внимание на малозаметный как будто бы факт: во время похода в обозе у хана находился московский посол. Из этого сообщения извлекается важная информация. Во-первых, это означает, что вплоть до 1471 г . между Ордой и Москвой поддерживался обмен посольствами. В соответствии с традицией русско-ордынских отношений это подразумевало уплату выхода и признание верховенства ордынского правителя. Еще существеннее другое: поход 1472 г . также не привел к перерыву привычных сношений. В 1472—1476 гг. налицо регулярные посольства в Москву и Орду. Московские политики опасались решительных шагов до окончательного решения проблем с Новгородом, до изменения ситуации в Восточной Европе. Ликвидация новгородской автономности прошла в два приема. В поездке «миром» в конце 1475—начале 1476 г . Иван III ввел прецедент княжеского суда над степенным посадником

по коллективному челобитью горожан двух улиц, укрепив авторитет княжеской власти. Толчок к решающим шагам дали события весны 1477 г . То ли по собственной инициативе, то ли по подсказке московских политиков новгородские послы на переговорах в Москве назвали Ивана III «государем», а не «господином» Великого Новгорода. Маловажное, казалось бы, различие имело принципиальное значение: признание титула «государь» значило уравнять Новгород с другими подвластными московскому великому князю областями. Когда этот факт стал известен в Новгороде из уст московских послов, он вызвал внутриполитический кризис. Была учинена расправа над несколькими боярами из «московской» партии, были изгнаны московские купцы, заявление новгородских послов о титуле было дезавуировано. Иван III решил покончить дело силой.

Новый общероссийский поход на Новгород начался в октябре 1477 г . Военных действий, строго говоря, не было. Войска взяли Новгород в плотную осаду с конца ноября, а уже 7 декабря начались переговоры. Московская позиция, заявленная одной из ближайших к Ивану III персон, князем И.Ю. Патрикеевым, была жесткой. Вечу, посадникам и вечевому колоколу — не быть, Новгород уравнивается в отношении к великокняжеской власти с иными частями Российского государства, подлежат розыску и конфискации в пользу государя бывшие княжеские вотчины в Новгородской земле. Практически все решающие требования были приняты новгородцами быстро. Торг шел по относительно второстепенным вопросам. Уладили и эти проблемы: великокняжеский фонд восстанавливался за счет вотчин архиепископа и кончанских монастырей, служба же ограничивалась собственно новгородскими и псковскими границами.

15 января 1478 г . состоялся парадный въезд в «свою отчину» «государя и великого князя всеа Руси» Ивана Васильевича. Он назначил четырех наместников (по два на каждую половину Новгорода — Софийскую и Торговую), по его приказу арестовали восемь бояр. Месяц провел торжествующий победитель в столице поверженной боярской республики, демонстрируя рачительное отношение хозяина к своей «отчине». 17 февраля 1478 г . Иван III отправился в Москву, за ним везли вечевой колокол — зримый символ государственной самостоятельности Новгорода.

В правовых понятиях Орды принципиальное изменение государственного статуса одного из подвластных столов (выход с которого учитывался отдельно) требовал безусловной санкции хана. У нас нет данных о том, что Иван III обращался по этому поводу к Ахмаду. Москвичи осенью 1480 г . были уверены в том, что великий князь вообще прекратил уплату дани в Орду и что это случилось незадолго до 1480 г . Но тогда выстраивается следующая логика политических действий московского государя. Окончательное включение Новгорода в Российское государство не повлекло немедленной реакции ни Литвы, ни Орды. Затем Иван III решил испытать на прочность саму Орду.

На рубеже 1478—1479 гг. в Крыму на ханском престоле в очередной раз утвердился Менгли-Гирай. История Крымского ханства в 60—70-е годы переполнена переворотами, внутренними усобицами, сложным лавированием между Османской империей и Литвой. Несколько раз сменяли друг друга на троне сыновья Хаджи-Гирая — старший Нур-Даулят и следующий по старшинству, Менгли-Гирай. При установлении протектората Османской империи над Крымом в 1475 г . последний был свергнут. Затем в борьбу вмешался хан Большой Орды Ахмад, в 1476 г . посадивший в Крым своего племянника Джанибека. Впрочем, уже в мае 1477 г . с помощью османов власть вновь захватывает Нур-Даулят. В свою очередь, недовольство крымской знати вынудило старшего сына Хаджи-Гирая к бегству в Литву, что привело на трон в третий и теперь последний раз Менгли-Гирая. Еще в 1474 г . он вел интенсивные переговоры с Москвой о союзе. В изменившейся ситуации крымский хан весной 1480 г . пошел на соглашение: главным «недругом» для Крыма назывался хан Большой Орды Ахмад (и Москва обязывалась помочь в случае нападения Большой Орды на Крым), а для Москвы — литовский великий князь Казимир (Крым должен был оказать военную помощь Москве в случае литовско-русской войны). Так образовались два противостоящих союза: Литва — Большая Орда, Москва — Крым.

Ближайшее развитие событий проявило международные противоречия, обнажило накопившиеся конфликты в России и поставило Ивана III перед самыми тяжкими проблемами за все время его правления. Внешнеполитические сложности стали ясными еще до того момента, как крымский хан принес присягу в соблюдении обязательств по договору перед московским послом в мае 1480 г . Интенсивный обмен посольствами между Вильно и Ордой состоялся в 1478—1480 гг. Был предварительно согласован срок начала военных действий против Руси — лето 1480 г ., и в обеих странах шла реальная подготовка к ним. Литва, в частности, намеревалась нанять в Польше отряды тяжеловооруженной конницы. Но самые серьезные намерения были у Ахмада: хан на протяжении многих лет пытался воссоздать Золотую Орду в ее прежних размерах. Он возглавил коалицию сил, разгромивших войска узбекского хана Шейх-Хайдера, и подчинил астраханского хана Касыма (племянника Ахмада). Ахмад вывел в Поле из Средней Азии многие кочевья примкнувших к нему племен, включая часть калмыцких улусов, временно посадил своего ставленника в Крыму. В его великодержавных планах Россия занимала, надо полагать, видное место. Совсем не случайно посол из Орды в Москве летом 1476 г . звал великого князя «ко царю в Орду» — речь шла о личном присутствии московского государя «при царском стремени». Налицо желание хана вернуться к архаичным и наиболее тяжким формам зависимости.

Поэтому сравнение начавшегося похода Ахмада на Русь с нашествием Батыя, пришедшее на ум московским политикам и зафиксированное летописцами, не было пропагандистским преувеличением. Намерения Ахмада грозили отбросить Русь на многие десятки лет назад. В самом начале 1480 г . обострились псковско-орденские отношения, так что Иван III, находившийся в январе 1480 г . в Новгороде, отправил во Псков своего воеводу с войсками. Конфликт не был улажен, он вновь обострился в конце лета. Нельзя говорить о наличии антирусского союза Ливонского ордена и Литвы, но что власти Ливонского ордена пытались использовать реальные затруднения великого князя и совершить агрессию против Пскова — несомненно.

Первые внутренние затруднения Ивана III стали очевидными осенью 1479 г ., когда произошло острое столкновение между митрополитом Геронтием и государем: он обвинил первосвятителя в неправильном обряде освящения Успенского собора. Митрополит отверг эти укоры, настаивая на неправомерности вмешательства Ивана III в эти дела. Споры происходили публично, что придавало им политическую окраску.

Еще ранее постепенно набрал силу конфликт между московским государем и его братьями, удельными князьями — Андреем Большим и Борисом. Главной причиной стало нежелание Ивана III делиться «примыслами». При этом братья подчеркивали исправность несения службы своими войсками: они участвовали в кампаниях против Казанского ханства. Большой Орды, дважды против Новгорода и т.п. Впрочем, конкретный предлог для открытого неудовольствия был иным: отъезд к Борису князя И.В. Лыко-Оболенского, великокняжеского наместника в Великих Луках. Великий князь неоднократно через послов требовал от брата возвращения Лыко, но получил отказ. Его настояния шли вразрез с нормами межкняжеских договоров. По приказу Ивана III Лыко был арестован в его вотчине и заточен в тюрьму. Это дало толчок к открытому мятежу братьев: 1 февраля 1480 г . Борис с семьей и всеми своими вассалами направляется к Андрею в Углич. Оттуда их объединенные войска направились к Ржеву. Известия о мятеже застали великого князя в Новгороде — там был третий узел внутренних осложнений.

В Новгород Иван III отправился в самую распутицу, в конце октября, далеко не разрешив своего конфликта с митрополитом. Пробыл там почти три месяца. Значит, причины поездки были очень серьезными. Скорее всего, дело было не просто в оппозиционных настроениях новгородского боярства. Арест Феофила ослабил позиции антимосковского движения. Информация о выступлении удельных князей вынудила государя срочно вернуться в столицу. Оказалось, что мятеж принял самые грозные очертания.

Удельные князья уклонились от собственно военных действий. Движение их войск к западной границе вызывало у Ивана III законные опасения другого рода: в какой мере их

действия были согласованы с Казимиром? По-видимому, на первом этапе мятежа Андрей и Борис искали опоры против старшего брата внутри страны — они явно хотели опереться на оппозиционные круги в Новгороде. Когда это не удалось, а трехраундные переговоры с Иваном III не дали результата, братья со своими войсками расположились в Великих Луках, отправив семьи в Витебск (его предоставил в качестве убежища Казимир). Литовский великий князь пытался взять на себя функции гаранта завещания Василия Темного и посредника в конфликте. В реальности же он укреплял позиции мятежных удельных князей. Понятно почему — весной 1480 г . его союзник хан Ахмад уже закончил приготовления к наступлению на Москву. Так переплелись в один клубок внутренние неурядицы и внешние угрозы.

По подсчетам венецианских дипломатов, в середине 70-х годов хан Большой Орды мог выставить войско численностью более ста тысяч воинов. Эту цифру надо увеличить: в поход на Русь Ахмад повел выведенные из Средней Азии улусы (включая калмыков), отряды Астраханского ханства. Стратегической целью хан поставил соединение с литовской ратью и только затем вторжение в центр страны. Начав кампанию, он отправил в Литву своего посла вместе с литовским посланником и стал медленно продвигаться к русским границам. В июле основные его силы кочевали в междуречье Северского Донца и Дона. Еще летом Ахмад регулярно высылал отряды к Оке, прощупывая крепость позиций русских войск на ее берегу, а заодно подвергая грабежу волости на правобережье Оки. «Разведка боем» выявила готовность русских отразить наступление ордынцев. Выдвижение «скорых воевод» по «первым вестям» произошло в конце мая, в начале июня отправились к привычному рубежу отряды из двух уделов, 8 июня выступил в поход великий князь Иван Иванович (старший сын Ивана III от первой жены) во главе основной армии. Центром расположения этих ратей стал Серпухов. Наконец, 23 июля на театр военных действий направился сам московский государь.

Убедившись в плотности обороны в среднем течении Оки, Ахмад в первой половине сентября направился к устью Угры, левому притоку верхней Оки, служившей тогда границей между Россией и Литвой. Хан все еще лелеял надежду на выступление Казимира, так что он шел навстречу его ратям. Хан полагал также, что изменение маршрута станет известным русской стороне не сразу, а перемещение больших масс войск Ивана III по лесистому левому берегу Оки не будет быстрым. Кроме того, сама Угра представлялась менее сложной для переправы больших масс конницы. Наконец, кочевая армия в принципе не могла долго находиться на одном месте.

Расчеты ордынского властителя не оправдались. Литва так и не начала войны против России, русские войска поспели к Угре пятью днями ранее ордынцев, а потому имели время для основательной подготовки к отражению их атак. Ранним утром 8 октября Ахмад перешел к решительным действиям: по его приказу главные силы Орды предприняли попытку форсировать Угру в ее нижнем течении. Сражение длилось несколько часов, продолжалось в последующие дни, но желанного для хана результата не было. Ордынские отряды пытались переправиться по перевозам выше по течению Угры, но везде они натыкались на крупные силы русской армии. Ее успех был обеспечен широким применением полевой артиллерии и огнестрельного оружия, удачным расположением войск, эффективным их маневрированием. Главные заслуги принадлежали виднейшему воеводе Московского княжества в 70—80-е годы XV в., князю Д.Д. Холмскому и великому князю Ивану Ивановичу Молодому.

Сам Иван III в эти тревожные дни находился в Москве, куда он приехал 30 сентября. Его уже ждали послы от мятежных братьев. Ни весной, ни летом они не сумели ничего добиться от старшего брата. Теперь же, в решающий момент противостояния Орде, не найдя поддержки внутри страны (их попытка обосноваться во Пскове была отвергнута псковскими властями), они были вынуждены идти на уступки. Иван III также склонялся к компромиссу: в преддверии главных событий он нуждался в полках удельных князей. Его обещания удовлетворили братьев. В дни, когда на Угре начался ледостав, Андрей и Борис со своими войсками влились в русскую армию. Почти двухнедельное пребывание великого князя в столице было вызвано еще и другими обстоятельствами. В окружении Ивана III вспыхнули с новой

силой споры о целесообразности решительного противостояния Орде. Кое-кто из политиков предпочел зависимость от Орды в прежнем виде риску тяжелого поражения.

Определенные резоны за такой позицией были: в 1480 г . прекрасно помнили поражения 1437 и 1445 гг., набег 1451 г ., а кто мог дать гарантии победного исхода в противоборстве с Ордой (тем более в союзе с Литвой), проявлявшей невиданную ранее настойчивость? Кампания длилась уже более трех месяцев. Обсуждения переросли узкие рамки великокняжеского совета: среди горожан начались волнения, порожденные и видимой нерешительностью великого князя, и отъездом его семьи с казной, и самим фактом споров в верхах. Последовавшие известия о начале решающих боев на Угре подтолкнули Ивана III: с собранными подкреплениями он срочно прибыл в Кременец, находившийся вблизи от главных сил.

Ордынцы не оставляли надежд на победу, но хан, тем не менее, приступил к переговорам. Быстро выявилась внутренняя слабость Орды: столь длительных операций ее войска в лесных районах Руси в XV в. не вели. Требования хана о явке «у своего стремени» самого Ивана III, а затем его сына или брата московской стороной были отвергнуты. На нее не подействовали угрозы хана о новом наступлении после того, к ак река окончательно замерзнет (это произошло в конце октября). В начале второй декады ноября хан начал отступление, предварительно тотально разорив территории в верховьях Оки, принадлежавшие тогда Литве. Он выместил на населении свой гнев на неверного, вторично обманувшего е го союзника. Русские войска успешно преследовали ордынцев, не позволив разграбить московские волости на правобережье Оки.

Значение событий 1480 г . было осознано в Москве далеко не сразу. Даже убийство хана Ахмада его врагами в Орде в январе 1481 г . не давало русским политикам полной уверенности в том, что долгой, тяжелой эпохе ордынской зависимости пришел конец. Формировавшееся Российское централизованное государство, наконец, обретало полную суверенность. Да и то сказать — само становление российской государственности было немыслимым без окончательной ликвидации подневольности Орде. Эта задача, равно как и задача включения Новгорода в состав Российского государства осмыслялись в 60—70-е годы XV в. как главные, фундаментальные цели российской политики. Об этом свидетельствуют официальные летописные рассказы и в особенности послание ростовского архиепископа Вассиана Ивану III 1480 г . Об этом же говорят сами действия московского правительства.

Все оставшееся прошло как бы по инерции. Братья действительно получили в феврале 1481 г . приращения к своим уделам (впрочем, серьезным оно было только у Андрея Большого, ему достался Можайск). Но они были вынуждены согласиться с новым принципом в их взаимоотношениях с государем: отныне любые прнмыслы великого князя не подлежали родственному разделу даже при активном соучастии удельных войск. В том же 1481 г . умер Андрей Меньшой, его удел был включен в состав Московского государства. В несколько приемов произошла ликвидация Верейско-Белозерского удела. Князь Михаил Андреевич умер в 1486 г ., завещав свои владения московскому великому князю.

Уделы родных братьев Ивана III имели разную судьбу. Борис скончался своей смертью в 1494 г ., разделив княжение между двумя сыновьями. После их кончины в начале XVI в. Рузский и Волоцкий уделы (последний уже при Василии III) поступили в распоряжение московского государя. Андрей Большой умер в ноябре 1493 г . в заточении, его сыновья были пострижены. Арест произошел двумя годами ранее, в сентябре 1491 г . Официальная причина опалы — неучастие Андрея и его войск в походе против сыновей Ахмада. Реальные же мотивы включали всю сумму неудовольствий и подозрений к нему великого князя. Как бы то ни было, к моменту подведения жизненных итогов Иван III оставил на политической карте страны только один удел из числа тех, которые он унаследовал.

В Рязани в январе 1483 г . произошла смена князей. Новый рязанский великий князь, которому было всего 15 лет, правил под контролем матери (родной сестры Ивана III), причем Рязанское княжение уже не имело прав на самостоятельную дипломатию. Оставалось последнее относительно независимое государственное образование в Северо-Восточной Руси — Тверское великое княжение.

Еще в конце 70-х годов произошел первый случай массового отъезда тверских бояр и детей боярских на службу к московскому князю. Выезжали тверичи целыми родами и семьями. Окончательный баланс подвели в 1485 г . Тверской князь Михаил Борисович предпринял попытку резкой смены внешнеполитической ориентации, замыслив женитьбу на внучке Казимира (это был его второй брак). Намерения его были жестко пресечены Москвой, причем по новому соглашению тверской князь признавал себя «молодшим братом» Ивана III. Тем не менее Михаил не прекратил сношений с Литвой, в чем его обвиняли московские власти. В августе 1485 г . начался поход московских войск против Твери. Собственно, военных действий практически не было: московская рать беспрепятственно осадила Тверь. 12 сентября Михаил бежит в Литву, на следующий день с депутацией от Тверского княжества было подписано соглашение, а 15 сентября состоялся торжественный въезд в Тверь Ивана III и Ивана Молодого. Тверское княжение было включено в состав единого Российского государства, но сохраняло при этом в первые годы определенную автономию. Тверским великим князем стал Иван Молодой (напомним, его матерью была родная сестра князя Михаила Борисовича), при нем существовали тверская Боярская дума, свой государев двор, обособленная в служебном отношении тверская корпорация служилых людей по отечеству. Не было и массовых переселений.

Иначе все происходило в Великом Новгороде. Там дело не ограничилось конфискацией половины вотчин владыки, крупнейших монастырей, казненных или попавших в опалу посадников и новгородских бояр. Оппозиционность новгородских землевладельцев представлялась Ивану III столь массовой и столь опасной, что он прибегнул к крайним мерам. Уже зимой 1483—1484 гг. началось массовое переселение новгородских бояр и житьих людей в центральные и Юго-восточные уезды страны, где они получали земли на поместном праве. В свою очередь, в новгородских пятинах испомещались представители служилых фамилий из центра страны, а кроме того боевые холопы попавших в опалу московских и новгородских бояр. К концу XV в. новгородская корпорация превратилась в наиболее многочисленную и едва ли не самую боеспособную часть российской армии.

И последнее. В 1489 г . состоялся поход больших сил на Вятку, итогом которого стало ее окончательное включение в состав Российского государства. Претензии Казанского ханства, оппозиция сепаратистски настроенной местной верхушки (по крайней мере, ее большинства) растянули присоединение этого региона на тридцать лет: вспомним экспедиции против вятских городов в конце 50-х годов. Иван III и здесь применяет уже испытанные способы укрепления московской власти: самые активные противники были публично казнены, многих вятчан, «лучших людей», переселили в уезды к юго-западу от Москвы. Все вятские города перешли под твердый контроль назначенных из Москвы наместников.

Коренные изменения произошли за первые тридцать лет правления Ивана III с политической картой Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Множественность политических рубежей и суверенитетов, пестрота форм государственного устройства — все это сменилось на глазах одного поколения современников быстро кристаллизующимся единством суверенной власти одного монарха, территории и границ, государственного и административного устройства. Титул «великий князь всеа Руси» Иван III употреблял в особенных случаях задолго до 1478 г . или 1485 г . по только после 1478, 1480 и 1485 гг. такое титулование московского государя приобрело всю полноту правовых и политических смыслов, которые сопрягались тогда с этим понятием. Страна обрела единство, монарха, самостоятельность и независимость. Впрочем, только что обретенный полный суверенитет необходимо было отстаивать и укреплять в очень сложной и переменчивой международной обстановке.

§ 3. Россия на периферии Европы и у ворот Азии

Вычленение дипломатической сферы из всего круга забот и дел Ивана III в определенной мере искусственно. В калейдоскопе событий внутриполитические проблемы переплетались с внешнеполитическими и порою трудно определить, какие из них были главенствующими в круговороте повседневности. Как бы то ни было, заметно преобладание внутренних задач в политике московского государя до середины 80-х годов и наоборот — превалирование внешнеполитических сюжетов в последний период правления Ивана III.

Сколь разительными были тут перемены, наглядно видно из простого сравнения международного горизонта Василия Темного и Ивана III. Если не считать послов из Большой Орды, Казанского ханства, Литовского княжества, то вряд ли Василий II общался с кем-либо из дипломатов европейского или азиатского зарубежья. Его главные контрагенты по переговорам — великие и удельные князья и их представители Северо-Восточной Руси, посольства из Новгорода, Пскова. Полной изоляции Руси от Европы, конечно же, не существовало. Достаточно напомнить связи Новгорода и Пскова (экономические, политические, культурные) с Ливонским орденом, ганзейскими городами, Швецией, а через них и с другими странами Европы. В этих сношениях московский великий князь выступал гарантом интересов двух названных боярских республик и преследовал собственные цели. При всем том горизонт русской дипломатии при Василии Темном крайне узок. С принципиально иной ситуацией имел дело его старший сын. Около полутора десятков европейских государств, около десятка азиатских, не считая прежних традиционных партнеров — вот ареал деятельности русских дипломатов в годы правления Ивана III. Именно тогда внешняя политика окончательно выделилась в специфическую и очень важную сферу государственного управления России, произошло громадное расширение объема международной информации и дипломатических отношений, их усложнение, а самое главное — постепенно определялись внешнеполитические приоритеты и национально-государственные интересы страны.

Специфические сложности быстрого и широкого включения России в международную жизнь Европы, Азии заключались еще и в том, что это происходило в эпоху первого этапа в складывании мировой системы. Она формировалась вокруг исходного ядра — передовых государств Западной Европы. Уплотнялась сама сеть международных связей, резко возросла их интенсивность, значимость для внутреннего развития каждого государства, включавшегося в эту систему. Заметно усложнились структура и формы международного общения. В новых условиях большие затруднения испытывали многие европейские страны. Что же говорить о новичке (пусть даже относительном), стремительно вовлеченном в водоворот международных союзов, дипломатических браков, интриг и канцелярской обыденности внешнеполитической практики? Тем не менее, успехи оказались внушительными, а сформулированные в последней трети XV в. цели российской дипломатии определяли ее деятельность в течение двух-трех столетий.

Главным было западное направление. Хотя в 60—70-е годы дело не дошло до войны с Литвой, именно пресечение попыток литовских политиков вернуться к восточной политике Витовта стало приоритетной целью московского великого князя. Включение Новгорода в состав единого государства потребовало почти двадцати лет, и все это время за спиной антимосковских сил в Новгороде вырисовывалась фигура литовского великого князя и польского короля Казимира. Его действиям вполне справедливо приписывали московские политики походы на Русь хана Большой Орды Ахмада в 1472 и 1480 гг. Противостоянием Литве и Орде объясняются поиски русскими дипломатами стратегического союзника. Неудача первых переговоров с Ментли-Гираем в 1474 г . проистекала как раз из того, что он не хотел указывать поименно главного «недруга» Ивана III, против которого он обязывался выступить в случае войны, — Литву. Весной 1480 г . договор был ратифицирован крымским ханом, но сработал он двумя годами позднее. 1 сентября, во время похода всех крымских сил на украинские земли Литвы, был взят и разграблен Киев. С осени 1482 г . и следует говорить об оси Москва — Бахчисарай, направленной против Вильно и Большой Орды.

Восточное направление московской политики выдвинулось на первый план в 1480 г . — в решающий момент борьбы за ликвидацию зависимости от Орды. Характерная ее деталь

— активно оборонительная позиция Руси. Нет и речи о дипломатическом или военном наступлении, Москва только отражает нашествие армии Ахмада. Позднее (как, скажем, в 1491 г .) Иван III выполнил союзные обязательства перед Крымом и направил свои войска против сыновей Ахмада. Особенная важность Казани в международном раскладе определялась для Москвы недавней историей, опасностью нередких набегов казанских ратей, задачами обеспечения условий для торговли русских гостей по Волге. Вот почему после успеха 1469 г . Иван III перешел позднее к политике укрепления своего прямого влияния в Казани. Междоусобная борьба сыновей казанского хана Ибрагима в середине 80-х годов дала повод Москве для вмешательства. В апреле 1487 г . русская армия под командованием Д.Д. Холмского направилась к Казани, 18 мая началась ее осада, а 9 июля город был взят. На ханский престол был посажен ставленник Москвы Мухаммад-Эмин.

С конца 60-х годов завязались активные связи Руси с рядом государств на Аппенинском полуострове. Поводом для них стали поиски второй жены для московского государя. От кого бы ни исходила инициатива брака Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог (по этому вопросу историки спорили и спорят), несомненен факт регулярных, интенсивных отношений Москвы с Римом, Венецией, Миланом. Превалировала экономическая составляющая, хотя собственно торговля была невелика по объему после того, как турки захватили все колонии Генуи в Крыму и установили свой протекторат над Крымским ханством. Для России главный интерес представляли «фрязские» специалисты и ремесленники. В несколько приемов русские послы заключили контракты и доставили в Москву десятки архитекторов, строителей, врачей, пушечных мастеров, ювелиров, мастеров денежного дела и литейщиков. Аристотель Фиораванти, Пьеро Антонио Солари, Алоизо де Каркано, Ламберти де Монтаньяно Альвизе, Паоло Дебоссис — вот только наиболее известные имена архитекторов и литейщиков, чей вклад в отечественную архитектуру и артиллерию очень велик. Московский Кремль и кремлевские соборы, Грановитая палата и церкви в столице за пределами кремлевских стен — это зримые до сих пор следы удивительно органического синтеза русского зодчества и итальянской архитектуры эпохи Возрождения. Панегирик Успенскому собору и его создателю Фиораванти вообще занимает совершенно особое место в русской хронографии.

Политический контекст русско-итальянских связей также несомненен. Римский престол путем брака Софьи и Ивана III пытался вернуться к проблеме унии католичества и православия, воздействуя на московского государя через его супругу. Затея не удалась. Позднее, на первый план выступает заинтересованность в вовлечении Руси в антитурецкий союз. Эта задача надолго стала одной из центральных в дипломатической игре римского первосвятителя и многих итальянских государств. Впрочем, попытки использовать Россию в этом плане предпринимались и ранее. Важнее, пожалуй, другое. С конца XV в. при различных итальянских дворах накапливается информация о России, постепенно распространившаяся в ряде стран Европы, включая тем самым страну в орбиту общеевропейского общения.

Казалось бы, ничего нового не могло произойти в отношениях со Швецией, Ливонией, Ганзой. Еще в последние годы правления Василия Темного Москва взяла под более плотный контроль эту сферу международных связей, все решительнее отстаивая интересы не только Новгорода и Пскова, но в целом общероссийские. Вся совокупность старых и новых проблем сводилась к пограничным конфликтам, к отражению периодических нападений Ливонского ордена, к охране имущественных и личных прав российских купцов, торговавших в Ливонии, к защите «русских купцов» и церквей в Дерпте, а также в Колывани (Таллине).

Все эти задачи были выполнены московскими дипломатами Особенно показательны события 1473—1474 и 1480— 1481 гг. В обоих случаях речь шла о крупных военных акциях Ордена против Пскова и соразмерных ответных действиях Москвы Показательно, что в 1473 г . московская рать, состоявшая из корпораций двадцати двух уездов страны, даже не успела начать кампании. Одно ее появление во Пскове поздней осенью 1473 г . вынудило и орденские власти, и дерптского «бискупа» приступить к переговорам. Заключенное в январе 1474 г перемирие (с Орденом — на 20 лет, с епископством — на 30 лет) включило в себя ряд новых статей, дававших известные преимущества псковским купцам (право розничной и гостевой

торговли и т.п.), а также подтверждало принадлежность спорных пограничных территорий Пскову. В преамбуле текста договора была сохранена формула о заключении мира по челобитью орденских властей, московскому же великому князю и его старшему сыну усваивался титул «господина нашого, государя... и царя всея Руси» (текст от имени псковских властей). Это один из первых примеров укрепления суверенитета Российского государства — в тексте международного соглашения признается развернутый титул московского монарха.

Договор 1474 г оказался непрочным. С конца 70-х годов наблюдается рост пограничных конфликтов, причем нападавшей стороной чаще выступали ливонцы. Москва не была заинтересована в войне, поскольку нуждалась в мире на западной границе для упрочения своих позиций в Новгороде (только что утерявшем свою независимость) и до разрешения противоречий с Ордой и союзной ей Литвой. Но вот орденские власти сполна воспользовались создавшейся ситуацией для подготовки крупномасштабной агрессии против Пскова. Военные и финансовые приготовления начались еще в 1479 г . По призыву орденских властей Ганзейский союз выделил заметную часть с доходов своих членов в Ливонии на ведение войны в течение пяти лет.

Первые стычки произошли зимой 1480 г ., когда Иван III находился в Новгороде: он был вынужден отправить на помощь псковичам часть своего двора с воеводой. Основные события развернулись во второй половине 1480 г . По подсчетам позднейших хронистов, магистр повел в поход армию в 100 тыс. воинов. Это многократное преувеличение, но несомненно, что под стенами Пскова в конце августа 1480 г . оказалась самая крупная в XV столетии ливонская армия. Несмотря на подавляющий перевес в живой силе, несмотря на значительную артиллерию, несмотря на неоднократные приступы ливонская армия не сумела взять ни Псков, ни Изборск. Поспешное отступление при известии о подходе к Пскову братьев Ивана III из Великих Лук со своими отрядами подчеркнуло полную безрезультатность акции магистра. Ответная карательная акция имела место в феврале—марте 1481 г . Во Псков прибыли объединенные силы из центральных уездов (более 20 тыс. воинов) и Новгородской земли. Русская армия взяла две крепости, заняла основную часть резиденции магистра — Феллин (получив за отказ от штурма замка выкуп в две тысячи рублей), разорив обширные области в Ливонии. Орден не мог продолжать войну, Москва же не была заинтересована в земельных приобретениях в Ливонии В итоге в сентябре 1481 г . стороны заключили перемирие на 10 лет. Повторив в главном договор 1474 г ., докончание включило новые статьи, укреплявшие позиции русских купцов: орденские власти в пределах своей компетенции гарантировали безопасность морской торговли русских купцов, а также поддержание порядка, охрану русских купцов и православных церквей не только в Дерпте, но и в других городах Ливонии. Московские политики взяли твердый курс на обеспечение полного равенства прав российского купечества в балтийской торговле. Этой главной задачей диктовался пересмотр некоторых статей в Новгородско-Ганзейском договоре 1487 г ., а в особенности практика регулирования торговых отношений новгородскими наместниками. Самые дискриминационные моменты отменялись решениями наместников, причем юридически только в отношении русских участников сделки. Арест и казнь двух русских гостей в Ревеле (вряд ли справедливая) вызвали длительный и острый конфликт с Ганзой. Окончательное урегулирование отношений произошло лишь во втором десятилетии XVI в.

Что важно. В период первой русско-литовской войны 1492—1494 гг. московскому правительству удалось избежать создания антирусской коалиции на западе и более того — добиться разъединения усилий Ливонии и Ганзы. В 1493 г . с Ливонией был заключен новый договор, подтверждавший условия и нормы перемирия 1481 г . Конфликт с Ганзой в следующем году не вызвал перехода орденских властей на открыто враждебные по отношению к России позиции. То был несомненный успех русской дипломатии.

Цели русской политики в этом регионе отчетливо выявились в двух событиях. В 1492 г . на берегу Наровы, напротив орденской крепости Нарвы стремительно возводится пограничная русская крепость Ивангород. В ней как бы символизировалось устремление России к расширению и упрочению связей по Балтийскому морю. На следующий год был заключен

союзный договор с Данией, имевший в системе международных обязательств России такое же стратегическое значение в данном регионе, как докончание Ивана III с крымским ханом Менглн-Гираем.

Война со Швецией была частью балтийской политики Ивана III. Мы замечаем важные перемены в ее мотивах и способах проведения: она несомненно становится активной. Намеревались решить две задачи. Во-первых, вернуть захваченные Швецией у Новгорода еще в первой четверти XIV в. три погоста на Карельском перешейке. Во-вторых, воспрепятствовать планам правителя Швеции Стена Стуре, стремившегося к антирусскому союзу с Ливонским орденом. В сентябре 1495 г . русская армия направилась из Новгорода к Выборгу. Началась осада, шведский гарнизон был в критическом положении, но тем не менее крепость устояла. Ивану III, который в ноябре 1495 г . в последний раз побывал в Новгороде, не довелось торжественно въехать в побежденный город. Военные действия продолжались. В первые месяцы 1496 г . русские рати прошли огнем и мечом по южной, отчасти и центральной Финляндии, вернувшись с большой добычей. Позднее в том же году состоялся поход в северные и центральные районы Финляндии. Хотя шведские силы были стянуты к театру военных действий, хотя там находился и сам правитель, до крупных сражений дело не дошло. Впрочем, шведы под водительством Свана Стуре (племянника правителя) нанесли неожиданный и очень болезненный удар совсем в другом месте: их отряд в 6 тыс. воинов на 70 судах в августе 1496 г . взял Ивангород и сжег саму крепость. Война грозила перерасти в затяжную, в чем обе стороны заинтересованы не были. В начале 1497 г . было подписано перемирие сроком на шесть лет.

Неудачи в восточной войне стали одной из причин острого кризиса и временного отстранения от власти Стена Стуре. Датский король, являвшийся формальным главой Шведского королевства (между Данией и Швецией существовала государственная уния) и поддержанный Государственным советом Швеции, восстановил на время свои полномочия в реальности. Московские политики, опираясь на договор 1493 г ., попытались добиться поставленной задачи дипломатическим путем. По ряду причин этого не получилось.

Балтийскому вопросу еще предстояло через полвека стать центральным в русской внешней политике. Пока же на первый план выдвинулись иные приоритеты. Главным препятствием даже во внутренних конфликтах — идет ли речь о Новгороде, Твери, удельных князьях — нередко была Литва. Конечно, нацеленность Казимира и его многочисленных сыновей на центральноевропейские троны, известная подмена национально-государственных интересов Польши и Литвы фамильно-династическими сдерживала активность восточной политики Литвы. Казимир вообще был более польским королем, чем великим князем литовским, что постоянно порождало почти нескрываемое недовольство в Литве. В 70— 80-е годы, бесспорно, ухудшились социальные и конфессиональные условия жизни православной шляхты и даже знати в Великом княжестве Литовском. А это имело два печальных — с точки зрения эффективности восточной политики Литвы — следствия. Прежде всего, возврат к приоритетам политики Витовта не объединял более все благородные сословия Литовского княжества. Соответственно падал интерес Казимира и его ближайшего литовского окружения к твердости и последовательности в отношениях с Россией. Во-вторых, с 70-х годов XV в. постепенно растет эмиграция православной знати из Литвы на Русь. Такие отъезды давали порой законный предлог Москве для военных акций.

По опыту, информированности, наработанной практике, широте привычных связей дипломатию и дипломатов Казимира нельзя даже рядом поставить с их российскими коллегами. Последние, не получив, можно сказать, даже среднего образования, были разом брошены в водоворот почти одномоментно расширившихся международных связей страны. Но вот парадокс: дипломатическое обеспечение первой русско-литовской войны в конце 80-х — начале 90-х годов XV в. выиграли куда менее опытные московские политики.

Главным было обнаружить общий интерес в совокупности дипломатических приоритетов, реально совпадающий у партнеров. В сношениях с Великим княжеством Молдовой (они установились на рубеже 70—80-х годов), с Венгерским королевством (они известны с

начала 80-х годов), с Империей (официальные контакты начались в 1488 г .), в привычных отношениях с Крымским ханством и еще рядом государств таким интересом стала антнягеллонская направленность. Конечно, существовало еще множество вопросов, представлявших взаимный интерес. Конечно, удельный вес и контекст антиягеллонского фактора был сугубо индивидуален и к тому же изменчив. К примеру, после смерти Матьяша Хуньяди в 1490 г . соперничество Габсбургов с Владиславом Ягеллоном, чешским королем, за Венгрию резко усилило их заинтересованность в союзе с Москвой. Однако урегулирование этой проблемы Пресбургским миром (ноябрь 1491 г .) привело к заметному охлаждению связей Империи с Россией. Правитель Молдовы Стефан Великий в конце 80-х годов был вы-"Ужден даже пойти на временный патронат Польши в интересах антиосманской борьбы, сохранив при этом заинтересованность в договоренностях против Казимира.

России не удалось создать широкой антилитовской коалиции. Но важнее другое. В стратегическом плане активное взаимодействие Руси с Крымом с учетом почти постоянного турецкого нажима оказалось намного результативнее союза Литвы с Ахмадом, а после 1481 г . с его сыновьями. Казимиру не удалось ни изолировать Русь от Крымского ханства, ни создать антирусский союз в Прибалтике.

Конфликт долгое время находился в стадии мелких пограничных столкновений. Интенсивнее всего с 1487 г . они шли в районах Торопца, Ржева, Вязьмы и особенно в верховьях Оки, где находились владения верховских служилых князей. Они, по характеристике русских дипломатов, «служили на обе стороны». Здесь с 1487 г . воевали между собой родственники: князья Воротынские, Одоевские, Мезецкие. В 1489 г . случился уже массовый отъезд князей с «вотчинами» к Ивану III. Дипломатические шаги (несмотря на вооруженные конфликты стороны регулярно обменивались посольствами) оказались неэффективными. В 1492 г . Москва перешла к решительным действиям. В результате походов крупных сил ей удалось овладеть, помимо верховских княжеств, Мценском, Любутском, Серпейском, Рогачевом и т.д. Успеху русских ратей способствовала смерть Казимира в июне 1492 г . и разделение тронов: королем в Польше стал Ян Ольбрахт, великим князем литовским — его родной брат Александр. Зимнее наступление в начале 1493 г . привело к взятию русскими Вязьмы, Опакова и т.д. Все попытки Александра получить действенную военную помощь в Польше оказались бесполезными. Последовавшие переговоры привели к заключению мира в 1494 г .: Москва сохранила за собой почти все приобретения, по инициативе литовской стороны заключался брак между дочерью Ивана III Еленой и Александром. Каждая из сторон, естественно, преследовала собственные интересы: Иван III видел в дочери будущую опору православных в Литве, канал воздействия на литовских политиков; Александр же усматривал в браке способ решения многих спорных проблем.

Уже вскоре была отправлена назад в Россию сопровождавшая Елену свита, жалобы же русских послов на «приневоливание» московской княжны к переходу в латинство едва ли не рефреном повторяются из года в год. Иллюзорными оказались надежды Александра: его брак вовсе не приостановил активности московской политики. В определенном смысле ситуация ухудшилась, поскольку пример вероисповедных затруднений у самой великой княгини подталкивал православную знать к большей оппозиционности. Вообще заметную роль в усилении напряженности в Литве сыграл новый киевский митрополит Иосиф Болгаринович (с мая 1498 г .), бывший смоленский епископ. Он был ревностным и к тому же весьма деятельным сторонником Флорентийской унии. Значительная волна недовольства стала заметной буквально в первые же месяцы его пастырской деятельности. Одно из последствий не замедлило проявить себя: где-то в конце 1499 — начале 1500 г . переходит на службу к Ивану III князь С.И. Бельский с вотчиной. Полной фантастикой стало решение потомков злейших врагов московской династии и эмигрантов из России: по конфессиональным мотивам выразили желание перейти под руку московского государя князь Семен Иванович Стародубский (сын князя Ивана Андреевича Можайского; Стародуб был центром его обширных владений в Литве) и новгород-северский князь Василий Иванович Шемячич (внук Дмитрия Юрьевича Шемяки; Новгород-Северский был центром его большого удела в Литве). Сведе-

ния об этом поступили в Москву в апреле 1500 г ., но тайная переписка по этому поводу происходила значительно ранее. В мае Иван III направляет в Литву гонца с «разметной» грамотой: началась новая русско-литовская война.

Ее международные условия были, пожалуй, менее благоприятны для России, чем в конце 80-х — начале 90-х годов XV в. Молдавия перешла под совместный патронат Польши и Литвы (1499). Отношения с Габсбургами у Ягеллонов на тот момент были урегулированы. Более того, Литва пыталась создать широкую антирусскую коалицию в Прибалтике. Большой не получилось, равно как не вышло переманить на литовскую сторону Крымское ханство. Тем не менее союз с Ливонским орденом был близок к подписанию, Александр продолжал надеяться и на Шах-Ахмада с его Ордой. Но почти все его расчеты оказались опрокинутыми благодаря, во-первых, переходу на русскую сторону упомянутых служилых князей, а во-вторых, быстрым и решительным действиям русских войск.

Кампания 1500 г . была проведена блестяще. Русская армия действовала на трех направлениях. Первых больших успехов достигла юго-западная группировка: уже в мае пал Брянск, переход же С.И. Стародубского и В.И. Шемячича означал передачу почти десятка крепостей в междуречье Десны и Днепра. Тогда же под руку Москвы отдались князья Трубецкие (из Гедиминовнчей) и Мосальские (из Рюриковичей). Часть сил, включая полки вновь перешедших князей, была затем направлена в помощь ратям, действовавшим на западном направлении. Здесь и произошли решающие события, определившие не только исход кампании, но и войны в целом.

Первым успехом здесь было взятие Дорогобужа где-то в первой половине июня 1500 г . Затем в район действий выдвигается большая армия во главе с князем Д.В. Щеней (она состояла из полков всей Тверской земли и отрядов несколы ких центральных уездов). На берегах речки Ведроши в середине июля состоялось решительное сражение между главными силами Литовского княжества во главе с гетманом князем К.И. Острожским и русской ратью. Начало сражения осталось за литовцами: им удалось разбить русские передовые отряды. Несколько дней противники провели в ожидании и разведке. Наконец, 14 июля гетман перешел в наступление, переправившись через речку. Сражение длилось почти шесть часов и завершилось полной победой русской армии благодаря умелому использованию засадного полка. Сам гетман, множество мелких и крупных литовских военачальников, рядовых шляхтичей попало в плен (около 500 человек); было убито, по русским данным, несколько тысяч литовцев. Следствия не замедлили проявиться. 9 августа пал Путивль, мощная крепость, находившаяся под непосредственным контролем литовского государя (наместник, князь Б.И. Глинский, попал в плен). В тот же день был взят Торопец войсками, действовавшими на северо-западном направлении. В ближайших планах Ивана III был зимний поход на Смоленск при поддержке крымского хана. Но этот замысел остался нереализованным: помешала суровая и снежная зима.

Весна и лето 1501 г . принесли новые осложнения. Главное из них заключалось в наконец-то осуществившемся союзе Ливонского ордена и Литвы: в соответствии с соглашением магистр фон Плеттенберг планировал совместное наступление на Псков. Но военного взаимодействия в очередной раз не получилось. Александру было не до войны — в середине июня 1501 г . умер польский король (его брат) Ян Ольбрахт, сеймовая сессия должна была начаться в августе. Поэтому на долю орденских сил объективно выпала задача максимально связать военную активность русской стороны. Еще зимой 1501 г . в Москву прибыли послы от Владислава Чешского и Яна Ольбрахта, настаивавшие на возврате захваченных литовских территорий и начале мирных переговоров. Первое было решительно отвергнуто русскими политиками, второе предложение было приемлемым. Трудно сказать, сколь информирован был об этом ливонский магистр: его акция по существу должна была подкрепить слабые позиции Литвы.

Впрочем, решительного успеха Орден не достиг. Хотя в сражении на Серице в конце августа 1501 г . ливонцы одержали несомненную победу, никаких реальных выгод они не добились. Взятую крепость (Остров) они были вынуждены оставить, Изборск вообще устоял,

о походе же на Псков речи уже не было. Ответный рейд русских сил состоялся осенью — сильному погрому подверглась территория Дерптского епископства. Сражение под Гельмедом было скорее выиграно ратью

Ивана III, но и это не имело серьезных следствий. В начале 1502 г . магистр нанес два удара: один под Ивангородом, второй — в направлении Пскова. Ни тот, ни другой не принесли решающего успеха.

Затишье 1501 г . на литовском театре сменилось в следующем году явным ухудшением обстановки для Александра. В июне 1502 г . Менгли-Гирай нанес решающее поражение Большой Орде, после чего она перестала существовать как государственное образование. В августе последовал большой набег на правобережные украинские земли. Единственным утешением для Александра стала неудача московской армии под Смоленском. Правда, русские временно захватили Оршу и подвергли разорению пограничные литовские волости. Но этим дело и ограничилось. В конце октября осада со Смоленска была снята. Действия на Ливонском фронте в сентябре 1502 г . принесли еще одну неудачу московским ратям, но это не изменило общей картины. По разным причинам стороны стремились к заключению мира. Весной 1503 г . было заключено перемирие на шесть лет с Литвой и на такой же срок с Ливонским орденом и Дерптским епископством. Последнее соглашение почти полностью восстанавливало довоенное положение дел. Перемирие же с Литвой практически закрепило за Москвой все ее литовские приобретения.

Из последних внешнеполитических событий при жизни Ивана III следует отметить антимосковские действия летом 1505 г . казанского хана Мухаммад-Эмина (арест посла, купцов и т.п.). Конфликт объяснялся многими причинами. Этот несомненный неуспех московских политиков тем не менее весьма красноречив. Вспомним, с чего начиналось правление Ивана III? Одной из главных задач тогда, в 60-е годы, была ликвидация последствий поражения 1445 г . под Суздалем в русско-казанских отношениях. Что теперь? Неудачей признается ситуация, при которой казанский хан освобождается от прямой зависимости от московского государя, а был он «под его рукой» почти двадцать лет.

Еще один взгляд на восток. С конца 80-х годов известны сношения Руси с рядом государств в Средней Азии, Закавказье. Еще ранее фиксируются оживленные связи с государством Ак-Коюнлу (на территории современного северного и Центрального Ирана), ногайскими владетелями и мирзами на правобережье и левобережье Нижней Волги. Вообще, заметно стремление московских политиков содействовать росту восточной торговли, обеспечивая мерами дипломатического свойства безопасность Волжского торгового пути. Активно защищает правительство интересы русских промысловиков на Волге, прежде всего рыболовов. Видимо, уже в последний период княжения Ивана III в Москве начинают осознавать важность геополитического единства Волжского пути. В 1496 г . устанавливаются дипломатические и торговые отношения с Османской империей.

Трудно переоценить значение эпохи Ивана III во внешнеполитической истории России. Страна стала важным элементом восточно- и североевропейской подсистемы государств. Западное направление становится — и притом надолго — ведущим в русской дипломатии. Внутренние сложности Литовского княжества, особенности курса Казимира Старого были прекрасно использованы московским правительством: западная граница была отодвинута на сотню с лишним километров, практически все Верховские княжества и Северская земля (захваченные в свое время Литвой) перешли под власть Москвы. Важной и самостоятельной частью русской внешней политики стал балтийский вопрос: Россия добивалась гарантий равных условий — правовых и экономических — участия русских купцов в морской торговле. Связи с Италией, Венгрией, Молдовой обеспечили мощный приток в страну специалистов разного профиля и многократно расширили горизонт культурного общения.

После свержения зависимости от Большой Орды и ее окончательной ликвидации Россия объективно становится сильнейшим государством в бассейне Волги по экономическому, демографическому и военному потенциалу. Ее намерения не ограничены традиционными пределами. Вслед за новгородцами XII—XIV вв. отряды русских войск, артели купцов и

промысловиков приступают к освоению бескрайних просторов Урала и Зауралья. Совершенный в 1499 г . поход на Югру, на земли нижней Оби обозначил цели и ориентиры московской экспансии на восток. Рождавшееся Российское государство прочно вошло в сложную систему международных отношений.

§ 4. Дела семейные, государственные, державные

Течение российской политики зависело порой от мало предсказуемых поворотов в политической элите московского общества, от сложных взаимоотношений в великокняжеской семье. Последнее было вызвано особенными обстоятельствами. В 1467 г ., в дни, когда великого князя не было в столице, умирает его первая жена, дочь тверского великого князя Мария Борисовна. Ее смерть, возможно, не была естественной. Второй брак в таких условиях был неизбежен: великому князю в тот момент не было и 28 лет. В литературе спорят, по чьей инициативе возникла идея женитьбы московского государя на представительнице императорской византийской фамилии Палеологов. Зоя (в России ее звали Софья) была племянницей двух последних императоров и дочерью их родного брата, морейского деспота Фомы Палеолога. Она никогда не жила в Константинополе, с 1465 г . находилась в Риме. Обмен посольствами происходил несколько лет, окончательное решение было принято лишь в 1472 г . В ноябре того же года она вместе с послом Ивана III и папы римского прибыла в Москву. Во временном деревянном здании Успенского собора (он в это время перестраивался) 12 ноября состоялось бракосочетание московского государя с византийской деспиной. Факт вторичной женитьбы и то, что избранницей стала представительница императорской фамилии, породили множество следствий, но еще больше мифов.

Большинство из них повествует об исключительном влиянии Софьи на мужа при решении политических вопросов. Еще в начале XVI в. в придворном окружении бытовала легенда о том, что именно великая княгиня подсказала Ивану III, как удалить ордынского посла из Кремля, чем способствовала ликвидации зависимости. Рассказ не имеет никаких оснований в реальных источниках. То, что мы наверняка знаем о Софье (быть может, за вычетом нескольких последних лет), показывает нормальный ход жизни великокняжеской семьи, где функции жены ограничивались рождением и воспитанием детей (мальчиков лишь до определенного возраста), некоторыми хозяйственными вопросами. Показателен текст Контарини, венецианского посла в Ак-Коюнлу, особыми обстоятельствами оказавшегося в Москве осенью 1476 г . Он попадает к ней на прием только по инициативе и по разрешению великого князя. В разговорах с Иваном III какого-либо влияния Софьи на мужа не видно. Да и сам прием у великой княгини был сугубо протокольным, подробнее и заинтересованнее повествует венецианец о своих беседах с великим князем (Софья на них не присутствовала). Выделяйся хоть как-то положение, стиль поведения московской великой княгини, вряд ли бы наблюдательный дипломат упустил такую деталь. Ведь знает же он о неприязни княжича Ивана Ивановича к Софье и то, что из-за этого княжич в немилости у отца.

В Успенском летописце рассказывается о том, как в 1480 г . Софья «бегала» с детьми на Белоозеро, какие насилия творила ее свита над местным населением. Здесь она выглядит весьма неприглядно, хотя понятно, что решение о поездке было принято не ею. Подробно говорят летописи об опале на нее великого князя в 1483 г . Когда Иван III хотел одарить свою сноху, жену старшего сына, драгоценностями первой жены, то выяснилось, что Софья раздарила значительную их часть своей племяннице (она вышла замуж за князя Василия Верейского и бежала с ним в Литву) и брату. Новая опала подстерегала Софью на исходе XV в., когда неприязни и противоречия в великокняжеской семье переросли в крупнейший политический конфликт.

Предыстория его такова. Софья исправно исполняла главную функцию — она родила Ивану III пятерых сыновей и нескольких дочерей. Ее первенец появился на свет 25 марта 1479 г . Этот факт, равно как окончательное подчинение Новгорода и завершение строитель-

ства Успенского собора знаменовали важнейшие заключительные события великокняжеской летописи в редакции 1479 г . Но соправителем у отца, пока еще формальным, был Иван Иванович: с момента своей гражданской зрелости (а для великих князей она наступала рано) в 1471 г ., когда ему исполнилось 13 лет, он уже носил титул великого князя. Печальный опыт былой княжеской смуты учитывался.

После 1480 г . Иван Иванович, прекрасно проявивший себя при отражении полчищ Ахмада на Угре, стал реально исполнять функции великого князя-соправителя при отце. Тверь после присоединения долго сохраняла особенный, полуавтономный статус, существовали своя Боярская дума, свой государев двор, собственное дворцовое ведомство, особая организация военной службы. Некоторые из этих особенностей Тверской земли дожили до середины XVI в. Собственный же великий князь фиксируется только дважды. Г первый раз сразу после 1485 г ., когда Иван Иванович совмещал функции великого князя-соправителя при отце и великого князя тверского. В таком статусе князь Иван Иванович и умер в марте 1490 г .

Еще 10 октября 1483 г . у него родился сын Дмитрий. Рано или поздно перед Иваном III должен был встать вопрос о том, кто станет наследником престола. В 90-е годы ситуация оставалась напряженной. Дмитрий еще был мал, Василий же, который был старше на четыре года, «припускался» к государственному управлению (в той же Твери), но именовался только с княжеским титулом.

Все разрешилось на протяжении нескольких лет на рубеже XVI столетия. Первыми в опалу попали Софья и Василий. Княжич Дмитрий-внук в феврале 1498 г . был торжественно коронован в Успенском соборе Кремля из рук Ивана III («при себе и после себя») великим княжением Владимирским и Московским. Это был акт выдающегося значения, что подчеркивалось особым чином священнодействия митрополита (так, в частности. Иван III назывался православным царем и самодержцем). Принципиальная новизна заключалась в том, что легитимность власти российского монарха отныне была самодостаточной: наследование ее по прямой нисходящей мужской линии и божественная санкция обеспечивали ее полную суверенность. Недаром еще в 1488 г . Иван III в ответ на предложение имперского посла Н. фон Поппеля о возможном даровании ему от императора королевского титула, отвечал: «Мы Божьей милостью государи на своей земли изначала от Бога». В предисловии к новой Пасхалии митрополит Зосима именовал Ивана III в 1492 г . самодержцем и сравнивал его с новым Константином, а Москву называл новым Константиновым градом. Впрочем, еще осенью 1480 г . ростовский архиепископ Вассиан, укрепляя дух мужественного противостояния Ивана III хану, обращался к нему так: «великий христианский царь Русьских стран».

С этой традицией церковных текстов, подчеркивавших не столько политический суверенитет московского правителя (но и его тоже), сколько его роль защитника православного христианства, корреспондирует дипломатическая документация. Именно в ней ранее всего должны были отразиться претензии московского князя на международное признание своего государственно-политического статуса. Договоры с Ливонским орденом, Дерптским епископством, Ганзейским союзом, документация по сношениям с Империей и Венгрией дают вполне ясную картину. Во-первых, московский государь усваивает себе титул царя (кайзер по-немецки), который признается, как правило, полномочными представителями названных стран. В этой формулировке заключен также общерусский характер титулатуры московского государя. Трудно сказать, в какой мере правители и власти западных государств понимали, что тем самым в определенной степени формируются международно-правовые основания для претензий Москвы на древнерусские земли и города в составе Великого княжества Литовского. Позднее литовские великие князья протестовали порой против подобной практики соглашательства. Естественно, литовские политики не признавали такой титулатуры за московским великим князем. В дипломатической переписке они доказывали незаконность титулов московского монарха главным образом тем, что еще недавно он был ханским холопом.

Понятно, что международно-правовой статус Российского государства — а это прежде всего статус его монарха — определился далеко не сразу. То был длительный процесс, ко-

торый не завершился и к концу жизни Ивана III. Именно в этой сфере постепенно нарабатывается комплекс государственно-правовых идей, обосновывающих ранг и статус монарха России. Скорее всего, начальное ядро государственно-политической теории возникло в связи с подготовкой к коронации 1498 г . Согласно этой теории, московская династия через прародителя Рюрика восходила к римской императорской фамилии, а кроме того, унаследовала путем передачи инсигний и прерогативы императорской власти от византийской династии. Поэтому тексты чина венчания Дмитрия-внука не были полной сенсацией в мире государственно-правовых идей. Принципиальной новостью был сам факт венчания: с точки зрения государственного права именно в этот момент Россия стала в полной мере наследственной монархией, с собственным источником легитимности.

Историческое значение события не совпало с реалиями жизни. Первый венчанный суверенный монарх России, соправитель при своем деде, недолго удержался на московском троне. Жестокая борьба «партий» Дмитрия-внука и князя Василия завершилась победой последнего. Правда, не сразу. Сообщения источников скупы, и историки вряд ли когда-нибудь узнают наверняка о мотивах предпочтений Ивана III, о составе «партий», их ориентации. Почтенный возраст московского государя провоцировал разделение придворных по принципу верности одному из двух возможных наследников. Немаловажное значение при этом имела внешнеполитическая нацеленность «партий». Но никак нельзя преувеличивать значимость всего этого. Мощный ограничитель был налицо — Иван III был действующим правителем, что не могло не учитываться теми, чьим умом, опытом, руками реализовывались все властные функции московского монарха.

Следует, пожалуй, подчеркнуть два обстоятельства. Прежде всего, это большая ожесточенность конфронтации. Опала на Софью и Василия была связана с так называемым заговором В. Гусева. Наказания для верхушки заговорщиков (все они были членами государева двора, а кое-кто принадлежал к высшей знати) были жестокими: шестерых предали смерти, в том числе четвертованием. Очень многие оказались в тюрьме, были сожжены ведуньи, вхожие в покои Софьи. В январе 1499 г . опала разразилась вообще над первыми лицами страны. Князь Иван Юрьевич Патрикеев входил в тройку наиболее влиятельных лиц в стране. Многолетний наместник в Москве, едва ли не главное действующее лицо в столичных боярских судебных инстанциях, владелец бесчисленного множества вотчин, он был насильственно пострижен вместе с двумя сыновьями, один из которых также уже был на первых ролях. Его зять, князь С.И. Ряполовский (младший) был казнен 5 февраля 1499 г . А ведь он принадлежал к знатной фамилии стародубских Рюриковичей, его отец и дяди были в числе вернейших сторонников Василия Темного, именно они спасли в феврале 1446 г . малолетних княжичей Ивана и Юрия от рук заговорщиков. Чуть позже в опалу попали князь В.В. Ромодановский (близкое к Ивану III лицо) и А. Коробов. Несомненно, соперничество разных группировок сопровождало все правление Ивана III, а не только последние годы. Но мы ничего не знаем о массовых казнях знатных лиц в предшествующие годы. Из Великого Новгорода были выселены многие сотни бояр и житьих, но немногие из них были казнены. Так что борьба за наследование престола и впрямь была опасной для жизни всех ее участников, в том числе и самих претендентов. Дмитрий-внук, арестованный в 1502 г ., из тюрьмы уже не вернулся — он умер в феврале 1509 г ., проведя в «железах» последние три с лишним года заточения.

Вторая особенность политических коллизий последних лет Ивана III, как бы противоречащая первой, — поиск форм политического сосуществования обоих претендентов на наследство. Княжич Василий провел в заключении более года, при своем возвращении на государственное поприще он получает титул великого князя, но лишь применительно к Новгороду. Именно в этих пределах он соправительствует со своим отцом. Это означало сужение территориальной компетенции Дмитрия-внука, но сам его статус соправителя формально не был еще поколеблен и был выше статуса Василия. Летом 1501 г . Василий получает в управление Тверское великое княжение и, возможно, некоторые другие территории. Но единственным соправителем при отце он становится лишь через два дня после ареста Дмитрия-внука, когда 14 апреля 1502 г . был венчан на великое княжение Владимирское, Москов-

ское, Новгородское, Тверское (наверняка по образцу церемонии 1498 г .). В течение трех лет московский государь пытался создать сложную равновесную систему соправительства, не устраняя окончательно ни одного из двух наследников, используя при этом государственно-политические традиции и реалии в структуре Российского государства (и Новгород, и Тверь самостоятельные государства в недалеком прошлом, сохраняли в то время черты автономного устройства). Это подчеркивает, что правление Ивана III — время поиска, время проб и ошибок в формировании структуры государственно-политического устройства.

Можно ли в этой цепи событий провести четкую границу между частной жизнью семьи Ивана III и его государственным бытием? Навряд ли. Наследственная монархия (не ограниченная ясными формулами конституционного устройства) вообще имеет неустранимый патримониальный привкус. Он может быть выражен слабо или же, наоборот, преобладать, но он есть всегда. В России, только что освободившейся от ордынской зависимости, с только что установленными государственными границами, с меняющейся сословно-групповой структурой и системой социальных связей в привилегированных слоях, с рождающимися на глазах институтами государственного центрального управления и его аппарата — этот признак монархического устройства был резко выражен. Практически все, даже малозначимые события в великокняжеской семье становились фактами публичной жизни. Так было и с брачными проектами относительно великого князя Василия: в 1499 г . у русских дипломатов возник план его женитьбы на датской принцессе Елизавете. Осуществление этого намерения, бесспорно, укрепляло позиции России в Прибалтике и могло разрешить вопрос о трех карельских погостах. Предложение не вызвало, однако, большого интереса у датской стороны; тем более, что принцесса вскоре была обручена с бранденбургским курфюрстом. В 1503 г ., после подписания перемирия с Литвой, Иван III через свою дочь, великую княгиню литовскую, пытался выяснить возможность брака Василия с одной из дочерей сербского деспота Иоанна, умершего в конце 1502 г . Но и эта акция не имела следствий. Три дочери Иоанна уже были замужем. Брачные наметки относительно Василия демонстрируют нерасторжимость интересов великокняжеской семьи и государства, резко раздвинувшийся горизонт внешнеполитических связей России. Но также и то, что она только еще вписывается в сложную систему общеевропейских контактов.

Выделим те сферы государственного строительства, где семейный контекст малозаметен. Символично принятие осенью 1497 г . первого общероссийского правового кодекса. Историческое значение Судебника 1497 г . как раз и заключалось в том, что нормы процессуального, гражданского, а отчасти административного права Московской земли были систематизированы и распространены на всю территорию государства. В нормах и статьях Судебника мало новизны, в нем даже не отразились важные реалии нового государственного устройства. Главное было в другом — в унификации правовых установлений, в упорядочивании самого процесса судопроизводства и порядка функционирования судебных инстанций — в центре и на местах. Московское право, по преимуществу в том виде, в каком оно складывалось на протяжении конца XIV—XV в., сведено теперь воедино, стало общероссийским правом. На местах правовые установления фиксировались уставными наместничьими грамотами, иными аналогичными текстами. Они основывались на Судебнике 1497 г ., но были самодостаточны как для тех, кто управлял, так и для тех, кем управляли. Общероссийское право по преимуществу продолжало функционировать как совокупность текстов документов, каждый из которых был территориально ограничен. И здесь мы видим признаки только еще становящегося централизованного государства.

О каких институтах умолчали авторы Судебника 1497 г .? О двух центральных ведомствах, истоки которых уходят в более раннее время, но ставших именно в последней трети XV в. общероссийскими ведомствами. Речь идет о великокняжеских Казне и Дворце (с определенного момента — совокупности Большого и областных дворцов). В деятельности этих учреждений отчетливо проявились общегосударственные функции, связанные с взиманием и контролем над поступлением денежных и натуральных налогов и оброков, с контролем над оборотом земель, прежде всего конфискованных и переходивших в фонд великокняжеских

владений, с контролем над функционированием системы кормлений, с контролем над несением военной службы основной массой уездного дворянства. Почему о них ничего не сказал законодатель, в общем понятно: он преследовал иные цели и центральные ведомства интересовали его только под углом зрения судебных функций. А в этом отношении дворецкие и казначеи не отличались принципиально от тех, кого Судебник именует боярами: и те, и другие обладали правом боярского суда.

Именно эти учреждения стали колыбелью великокняжеских канцелярий. В них формировались кадры управленческого аппарата — дьяков и подьячих. Если при Василии Темном известны немногие подобные лица, то за годы правления Ивана III счет идет уже на десятки. Какого они происхождения, эти люди, в руках у которых оказались многие важные нити государственного управления и контроля, государевы доходы и расходы, воеводские и наместничьи назначения? Обычно, вслед за князем Андреем Михайловичем Курбским, в дьяках и подьячих видят по преимуществу выходцев из «людского всенародства», главным образом из поповских детей. Им-то книги, документы, гусиное перо с чернильницей были куда сподручнее, чем сабля, шлем и воинский доспех. Это не совсем так, а в определенные моменты — во многом не так. Среди дьяков нередко преобладали выходцы из служилых детей боярских центральных уездов В складывавшейся структуре чинов государева двора то был путь довольно быстрого повышения социального статуса этих фамилий

Эпоха Ивана III — время становления еще одного важнейшего государственного института России, Боярской думы. Нередко то, что известно об этом важнейшем органе государственного быта страны в XVII столетии, переносят на более ранние времена. Это просчет. Конечно, совет при любом монархе существовал в России (как и в других средневековых странах) издревле. К середине XV в. сложилась многовековая традиция, определявшая процедуру работы этого института. Но именно в годы княжения Ивана III поменялось слишком многое. При нем возникло и укрепилось узкое значение самого термина «боярин», т.е. официального с момента получения пожизненного статусного ранга члена совета при великом князе Нам неизвестно, как происходили пожалования в бояре при Иване III, но какая-то процедура утвердилась. Дума постепенно приобретала черты представительности от разных слоев формировавшейся тогда аристократии. В персональном ее составе это реализовывалось в двух планах: ведущим был фамильно-родовой, менее существенным — территориальный.

Уже тогда Дума обрела внутреннюю структуру. Помимо высшего думного чина существовал более низкий — окольничие. Для решения конкретных вопросов Дума выделяла (по распоряжениям великого князя) временные комиссии. Обычно речь шла о международных переговорах или судебном разбирательстве: нескольким боярам в Москве как высшей судебной инстанции докладывались дела, предварительно разбиравшиеся судьями низшей инстанции. Функции и прерогативы Думы расширялись по мере усложнения в дифференциации задач государственного управления. Он постепенно превращается в «соправительствующий» орган при монархе в едином государстве. Потому, кстати, и была столь болезненной опала князей Патрикеевых и Ряполовских в 1499 г . Важно, что Дума становится ядром сословной организации благородной части общества. В государевом дворе, который переживал при Иване III существенные изменения, она стала высшей его частью, задававшей тип связей в рамках этого социального института (в нем объединялась аристократическая и политическая элита российского дворянства). Дума также — ядро совещательных органов широкого состава, созывавшихся великим князем в канун решительных событий.

Обязательными участниками широких совещаний при Иване III были виднейшие представители русской церкви, объединенные в рамках важнейшего ее института — Поместного собора. Эти регулярно собиравшиеся собрания всех иерархов российской церкви (после окончательного отпадения православных епархий в Литве — канонические и государственные границы совпали), виднейших представителей монашества и белого духовенства имели предметом обсуждения собственно церковные вопросы. На них происходили

избрание и поставление московских митрополитов и епископов на освободившиеся кафедры. Проблемы евангелизации и катехизации общества (важнейшие функции христианской церкви) приобрели во второй половине XV в. особое значение. Прежде всего потому, что перед многими российскими жителями, вовлеченными в торговлю, политику, жившими в крупных городах, буквально на глазах решительным образом менялась картина мира. Он оказался намного больше и намного сложнее привычных для удельной Руси представлений. В этом большом мире должна была найти свое особенное место Россия как православная страна.

Один из вызовов этого быстро расширяющегося мироощущения — еретические умствования лиц, тесно связанных с интеллектуальными занятиями. В новгородском и московском еретических кружках оказались представители белого приходского духовенства, немногие монахи, кое-кто из бояр, приказные, торговцы, ремесленный люд. Сомнению подвергались, а в чем-то отрицались (основываясь на ветхозаветной традиции) важнейшие догматы православия. Московские еретики исповедовали более умеренные взгляды, но зато каким был их состав: видные представители приказной элиты, дьяки братья Курицыны, в том же числе священники из кремлевского духовенства, крупные купцы-гости. Несомненна их связь с окружением великого князя Ивана Ивановича, а после его смерти — Дмитрия-внука и вдовы князя Ивана, великой княгини Елены Стефановны. Сам державный привечал некоторых лиц, взгляды которых отличались по меньшей мере неортодоксальностью. Вот почему борьба с еретиками была и длительной, и упорной, а в финале — неожиданно жестокой.

Толчок к ней дал новгородский архиепископ Геннадий (до поставления — архимандрит московского Чудова монастыря и очень близкое к Ивану III лицо). Тем не менее его попытки придать искоренению ереси общерусский размах, поразить суровостью наказаний долгое время не давали результата. Лишь после смерти митрополита Геронтия, при новом московском первосвятителе Зосиме (его, кстати, самого позднее обвинили в еретичестве, хотя вряд ли основательно) в октябре 1490 г . был созван церковный Собор с участием самого великого князя и ближайших его советников. Взгляды еретиков были осуждены, некоторые новгородские священники, перебравшиеся в Москву, были извергнуты из сана, аресту подверглось довольно много лиц. Но великий князь скорее всего отказался от светского преследования осужденных (как то было принято в практике православных государств), отослав их к новгородскому владыке. Тот устроил позорное шествие, часть еретиков была подвергнута пыткам (от которых некоторые умерли), а затем сосланы в заточение. Неутомимым обличителем московских еретиков стал архимандрит Иосиф Волоцкий. Его многолистные послания с резким осуждением еретических воззрений прошумели в 90-е годы на всю страну. Волоцкий игумен рассылал их множеству иерархов и видных монахов. Решительный поворот произошел после окончательного падения Дмитрия-внука и его матери, смерти виднейшего дьяка и дипломата Федора Курицына (ок. 1500—1501 г.) и начавшейся болезни самого Ивана III. На соборе 1504 г . еретики были осуждены вновь, а в декабре того же года запылали клетки с осужденными на льду Москвы-реки и Волхова — около десятка виднейши представителей ереси были сожжены. В их числе известны дьяк Иван Курицын, сын боярский Д. Коноплев, юрьевски архимандрит из Новгорода Кассиан и другие, менее известные лица. Никогда в истории России не было столь жестоких расправ по такого рода делам. Это вызвало явное неудовольствие и среди белого духовенства, и в монашествующей среде.

Впрочем, расхождения между двумя течениями духовенства обозначились намного ранее. Обычно их условно обо: начают как нестяжателей и иосифлян, поскольку идейно главой последних признавался Иосиф Волоцкий, выходцы н его обители составили костяк данной церковной «партии». Основанием для споров было главным образом глубоко различное понимание условий и назначения монашеской жизни. Нестяжатели усматривали в уходе из мира способ индивидуального нравственного совершенствования и личного спасения: общественные функции монастырей, по преимуществу скитов, отступали на второй план. Вот почему для них не имели существенного значения проблемы материального обеспечения, владение же недвижимой собственностью (землей), в особенности населенной крестьянами,

признавалось крайне нежелательным — это так или иначе обращало монашествующих к мирским страстям, к господству над себ подобными, к пагубному для монаха стяжанию — земли, д« нег, богатств, имущества и т.п. Источник существования дл нестяжателей — руга от государства, личный труд, дары и подаяния. Для Иосифа монастырь был местом спасения монахов в силу суровости устава обители и дотошного его исполнения, в силу отсутствия личной собственности монахов (не считая скромных предметов личного обихода). Монастырь несет общественные функции в очень широком диапазоне, а потому необходимо нуждается в крепком хозяйственном обеспечении. Данное или пожертвованное в монастырь дано Богу, а потому ни при каких условиях не может быть отобрано. Поражает быстрый рост вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря, четкая организация его хозяйственной жизни, детальный «тариф» монашеских услуг — за разные виды поминания, погребение и т.п. Собор 1503 г . подтвердил «недвижность» церковной земельной собственности, сузив здесь возможности светской власти.

Здесь был один из главных пунктов противоречий между светской и церковной властью. Эти противоречия, а они не один раз и по разным поводам проявлялись в правление Ивана III, были наиболее политизированной сферой церковной жизни. В самом общем виде, то был вопрос о превосходстве церковной власти над светской или наоборот. В принципе для христианина ответ не так уже затруднителен: вневременное, небесное и духовное, конечно же, превосходит тленное, земное и материальное. Первый ряд понятий сопрягался с церковью, второй — с миром вообще (человеческим обществом) и светской властью в частности. Но принцип довлеет в абстрактных суждениях, на практике важны реальные соотношения. А они были таковы, что и в политическом, и в экономическом плане православная церковь как общественный институт решающим образом зависела от государства, особенно учитывая известную аморфность православных церковных институтов.

Впрочем, в конкретных условиях второй половины XV в. ситуация была несколько иной. Автокефалия русской церкви, утвердившаяся благодаря митрополиту Ионе, сыгравшему очень важную роль в окончательной победе Василия Темного, сильно укрепила авторитет московских митрополитов вообще. Позднее он усилился в связи с конфессиональным обоснованием включения Новгорода в состав Российского государства (в 1471 и 1478 гг.), окончательной ликвидации зависимости Руси от Большой Орды (в 1480 г .), западной внешней политики (русско-литовские и русско-орденские войны). Митрополит Филипп стал инициатором возведения нового здания Успенского собора Кремля, символизировавшего единство православной Руси как царства и патронат Богородицы над ним. Вот почему столкновения Ивана III с Митрополитом Геронтием, приобретшие большой общественный резонанс, дважды заканчивались поражением и покаянием державного. Вот почему Иван III в конце 90-х годов публично каялся на церковном Соборе в том, что он «своею неосторожею уморил» в заточении родного брата Андрея. Вот почему Иосиф Волоцкий, недовольный позицией великого князя в отношении еретиков, позволял себе публичные суждения об истинных и неистинных носителях верховной власти, отказывая последним в праве требовать повиновения от подданных и предоставляя самим подданным право не подчиняться таким тиранам.

Публичное учительство державного его духовными пастырями еще было умеренным. Здесь, как и во многих других областях, эпоха Ивана III была переходной. Ни нестяжатели, ни иосифляне не праздновали еще победы ни в церкви, ни в обществе. Принципы отношений иерархов православной церкви и монархов постепенно нарабатывались. Кстати, это во многом объясняет уникальный полифонизм русского летописания той эпохи. Удивительное разномыслие и богатство взглядов, позволяющих порой объемно воспроизвести даже подспудное течение политической жизни.

Иван III серьезно заболел на рубеже 1504—1505 гг. Еще в 1504 г . началось выделение уделов старшим после Василия сыновьям уходящего государя. На протяжении года он постепенно отходил от дел, а зарубежные информаторы сообщали наперебой о его тяжкой болезни. Уходили в небытие и близкие к нему лица. В апреле 1503 г . скончалась Софья, в

январе 1505 г . в заточении умерла Елена (Елена Волошанка — дочь молдавского господаря Стефана Великого), мать Дмитрия-внука. При жизни отца, но вряд ли при его участии, великий князь и государь всея Руси Василий Иванович сочетался браком с Соломонией Сабуровой, из старомосковского боярского рода. Первый камень в основание продолжения династии был положен.

Что оставалось за плечами уходящего государя? Итог его деяний можно определить через напрашивающееся сравнение. В середине 80-х годов началась перестройка всех крепостных сооружений Московского Кремля, его центральной части — государевой резиденции и ряда соборов, перепланировка всего центра города. Через три с небольшим года после смерти Ивана III его наследник въедет в новый дворец, но строительство в Кремле и вокруг него продлится еще не одно десятилетие. Что важно? Принципиально существенно, что главные цели и задачи стройки были определены при Иване III, при нем был выполнен основной объем работ. Точно так же обстоит дело с обществом и государством. И здесь еще многое в социальном и государственно-политическом устройстве страны осталось незавершенным. Многое тут закончат реформы середины XVI в. И тем не менее состоялось главное — был сделан решительный шаг в созидании единого централизованного Российского государства.

Глава 15. Россия в XV — середине XVI в.: страна и общество

Рождение Российского централизованного государства происходило в кровавых схватках внутренних усобиц, в жестком противостоянии большинству соседей. Россия обретала свое место в мире, свое геополитическое пространство в изнурительной борьбе с Большой Ордой, Казанским, а с начала XVI в. и Крымским ханствами, Литовским княжеством. Ливонским орденом, Шведским королевством. Становление крупных и национальных государств неотрывно от долгой череды длительных войн и кратких перемирий. Так было всегда, так разворачивались события и в России, и вокруг нее. Своеобычность нарождавшейся российской государственности (ее истоки обретаются именно там — в последней трети XV — начале XVI в.) заключалось в ином. Подчеркнем только три существенно важных в геополитическом измерении обстоятельства.

Прежде всего, протяженность и распахнутость легко доступных границ. На востоке, юге, западе Россия попеременно, а порой одновременно враждовала с государствами кочевников, полукочевников и оседлых обществ, притом сильнейшими в регионе. Литва в конце XV в. также боролась порой на два фронта, но она не знала такого числа врагов. Противостояние ратям «дочерей» Золотой Орды и одновременно европейски организованным армиям с запада сильно влияло и на социально-политические структуры, и на организацию военного дела в России.

Во-вторых, очень рано и вполне отчетливо проявился конфессиональный компонент международного противостояния России. Его значимость не нужно преувеличивать (вовсе не им определялись конкретные дипломатические и военные цели), но нет оснований и преуменьшать. Важно отметить, что в выборе между исламом и католичеством «предпочтение» отдавалось последнему: борьба с «латынством» на шкале ценностей русских политиков це-

нилась выше. В десятилетия, когда Россия стремительно вовлекалась в несравненно более широкий контекст политических, социальных, экономических, культурных контактов прежде всего с европейскими странами, резкая конфессиональная обособленность русского православия заметно влияла на формы и интенсивность таких связей.

Наконец, в-третьих, Российское централизованное государство стало таковым, лишь сбросив тяжкую зависимость — политическую и экономическую — от Орды. Максимальное сближение во времени этих двух фактов удивительно и едва ли не уникально. Как это происходило в XV в. на стремнине исторического развития, в круговерти политической и военной борьбы, рассказано в предшествующих главах. Теперь пристальнее приглядимся к тому, что оставалось за авансценой действа истории, что составляло ее глубинные, неспешно разворачивавшиеся процессы.

§ 1. Природная среда и хозяйственное пространство земледельца

Первые ассоциации, возникающие во все времена при упоминании о России, — бескрайность пространств и многолюдство населения. Если первое приложимо к концу XV — началу XVI в. с оговорками, то второе попросту ошибочно. При Василии Темном подвластная ему территория отличалась скромностью размеров: западная и южная границы отстояли от Москвы на 110—190 км, немногим дальше пролегали северные рубежи и лишь к юго-востоку и востоку счет шел на многие сотни верст. Впрочем, там само понятие границ размывалось неясностью принадлежности ряда районов. К началу 20-х годов XVI в., когда под рукой московского великого князя оказались вся Северо-Восточная и Северо-Западная

Русь, Смоленщина и Северщина, ряд регионов в Среднем Поволжье, Российское государство действительно стало крупнейшим в Европе по площади. Но не забудем: оно и тогда было более чем в два раза меньше европейской части бывшего СССР.

На этой территории Российского государства к середине XVI в. проживало, по наиболее обоснованным подсчетам, около 6,5 млн. человек, при этом средняя плотность в целом по стране составляла 2,3 чел. на 1 км ^{2} . Для сравнения: в исторических областях Польши этот показатель был равен 21 человеку на 1 км ^{2} . Во Франции в 60—80-х годах XVI в. он чуть не дотягивал до 30 человек на 1 км ^{2} . Даже в самых освоенных областях России и в момент кульминации длительного экономического прогресса — в 40—50-е годы XVI в. — средняя плотность населения колебалась в пределах 3—5 человек на 1 км ^{2} , лишь в исключительных, наиболее благоприятных случаях поднимаясь до 7—10 человек. Разница, как видим, велика. Она воочию демонстрирует ограниченность возможностей российских крестьян, поскольку численность рабочих рук на единицу территории определяла в первую очередь успехи земледелия.

Но если бы все беды российской деревни исчерпывались неудовлетворительной демографией. Природно-климатические факторы также в целом были неблагоприятными. Ареал пашни лежал в России примерно между 54° и 60—61° северной широты и лишь с присоединением Северщины несколько отодвинулся к югу: Путивль и Чернигов располагались немного к северу от 51° северной широты. Для сравнения: житница Франции, ее центральная и северная части находятся между 46°—49° северной широты. Сумма плюсовых температур в освоенных районах была такова, что севернее 60° вызревали лишь скороспелые сорта ячменя, некоторые огородные культуры. Южнее 60° в принципе возделывались многие злаковые, технические и садово-огородные культуры, но во многих районах это было сопряжено с немалым риском. Умеренно-континентальный климат характеризовался тогда вполне достаточным уровнем осадков, порой их было слишком много. Засухи были нечасты, они редко упоминаются в летописях. Зато в них регулярно сообщается о сильных заморозках в конце весны — начале лета, раннем выпадении снега осенью, сильных морозах зимой.

Здесь многое объясняется рельефом Русской равнины: она не знает гор, ее просторы распахнуты к побережью морей Ледовитого океана, откуда вторгались в самое неподходящее для пахаря время массы холодного воздуха. Неблагоприятным для земледельца было

соотношение зимы и теплых периодов: к северу от линии Калуга — Нижний Новгород снег лежал, как правило, около полугода. В результате цикл сельскохозяйственных работ (не считая молотьбы) сжимался до 5—5,5 месяцев — со второй половины апреля до середины — конца сентября. В странах Западной и Центральной Европы этот цикл занимал 9—10 месяцев. Понятны основные следствия. Во-первых, жителям России для работы и для простого поддержания жизнедеятельности требовалось намного больше затрат пищи и энергии. Во-вторых, российский крестьянин вынуждался природой максимально концентрировать трудовые усилия, особенно в пиковые моменты. Это весенняя пахота и сев (яровых), сенокос и заготовка кормов в середине лета, уборка урожая в конце лета — начале осени, осенняя пахота и сев озимых примерно в те же сроки. Зимой, в рамках аграрного цикла, готовились лишь новые участки под освоение с помощью подсечно-огневой системы (подрубали и частью ошкуривали деревья и т.п.). Земледелец Западной Европы тот же или несколько меньший объем трудовых затрат распределял намного равномернее.

Но и этим не завершался перечень трудностей русского крестьянина. Границы земледелия России лежали в подзонах южной тайги, хвоино-широколиственных и широколиственных лесов. Лишь на крайнем юго-западе и юге в ареал осваиваемых земель включались отдельные участки лесостепи. Но большая часть территорий располагалась к северу от линии Калуга — Нижний Новгород (не менее 85—90% всей площади тогдашнего государства), в первых двух подзонах. Здесь преобладали земли с пониженной биологической продуктивностью. Господствовали подзолистые почвы (главным образом суглинки и песчаные), реже встречались дерново-подзолистые и дерново-карбонатные (темноцветные и светлые). Последние, равно как и аллювиально-луговые, были заметно плодороднее, но распространены они были в так называемых опольях (Владимиро-Суздальском, Переяславском, Ростовском, Угличском, Костромском), а также в речных и приозерных равнинах. Эти земли были освоены земледельцами с древности. В эти наиболее развитые районы Северо-Восточной Руси были направлены главные удары полчищ Батыя, позднее они много раз подвергались разорению .от «скорых ратей» Орды. Тогда, в середине XIII в., как мы уже знаем, российский пахарь приступил к интенсивному освоению водоразделов, «черных» многоверстных лесов в западных и северо-западных районах междуречья Оки и Волги, в Заволжье. Земли были здесь заметно скуднее, зато безопаснее. Кроме того, требовалась кооперация труда немалых коллективов на начальном этапе колонизации для сведения многовековых лесов. А они покрывали здесь почти все территории, даже сейчас они занимают в целом ряде областей Заволжья от 40 до 55% всей площади. Если добавить сюда многочисленные болота и озера (кое-где они составляют до 15% всей территории), реки и речушки, многочисленные трудности российского земледельца станут, можно сказать, осязаемыми.

К югу от средней Оки, в подзоне широколиственных лесов и в отдельных местностях лесостепи, климат, рельеф и почвы заметно благоприятствовали земледельческому труду. Неистощившееся еще естественное плодородие серых лесных почв и оподзоленных или выщелочных черноземов приводило к урожаям, удивлявшим даже европейских наблюдателей в начале XVI в. Сезон сельскохозяйственных работ был здесь длительнее более чем на месяц, мера лесистости и характер лесов не требовали столь больших единовременных затрат труда в начальном освоении. Подсчитано по данным XVII в., что аналогичная и даже большая урожайность зерновых (ржи, овса, пшеницы) достигалась в уездах к югу от Оки вдвое меньшими затратами труда, чем в центральных и северных. На юге ограничивались однократной пахотой. Севернее, в центральных и заволжских уездах, «двоение паренины» (под озимь) не было редкостью. В ряде северных местностей особо тщательная обработка скудного плодоносящего слоя почвы производилась порой трижды, а в исключительных случаях и четыре раза (это зафиксировано источниками XVII в.). Нетрудно вообразить огромный объем труда, который крестьяне должны были затратить в краткий, пятимесячный цикл сельхозработ. Требовались, стало быть, и максимальная концентрация трудовых усилий, и очень большая их интенсивность.

Что же мог противопоставить сложным и тяжелым обстоятельствам российский крестьянин? Сметку, выносливость, наработанную веками привычку к тяжелому труду, опыт личный и многих поколений предков, взаимопомощь и кооперацию труда в семье, деревне, общине. Кое-что из сказанного следует пояснить. Опыт российского земледельца накапливался веками и непосредственно передавался от поколения к поколению. Он фиксировался в народных календарных приметах аграрного года, в практических знаниях, навыках, приемах труда. Он овеществлялся в орудиях труда, постепенно усовершенствующемся наборе инструментов, в жилых и хозяйственных постройках, в разводимых породах рабочего и продуктивного скота, в ассортименте и способах возделывания зерновых, технических, огородных культур. Непрерывность трудовой деятельности, накопление умений и результатов труда — одно из решающих условий подъема аграрного производства в стране, внутренней, а частично и внешней колонизации в интересующую нас эпоху.

К этому времени — XV—XVI вв. — земледелие на северо-востоке и северо-западе Руси насчитывало не менее пяти веков. Начиналось оно с подсечно-огневой системы, требовавшей огромных затрат труда и приносившей высокий или удовлетворительный урожай в течение немногих лет. Судя по соотношению озимых и яровых зерновых культур уже к XI—XII вв. относятся первые шаги пашенного зернового земледелия с двух- или трехпольным севооборотом. Трехполье стало господствовать не позднее второй половины XV в. Оно не приносило высоких разовых урожаев, которые удавались на «лядинах», «гарях», «росчистях», «притеребах», «суках» (все эти термины связаны с использованием подсечно-огневой системы). Но при прочих равных условиях трехполье обеспечивало среднедостаточную урожайность в длительные временные периоды при некоторой экономии труда и куда более эффективное использование земель, доступных тогда для крестьянина. Именно трехполье обеспечило быстрый экстенсивный рост земледелия в XV — середине XVI в. в большинстве регионов страны.

Широкое распространение трехпольного севооборота повлекло за собой многие изменения. Преобразился ассортимент зерновых: соединение ржи (единственной озимой культуры) и овса (он преобладал в яровом клину) стало классическим сочетанием, своеобразным символом российского земледелия. Практически вышла из хозяйственного оборота полба, заметно сократился удельный вес других культур в яровом клину — пшеницы, ячменя, проса. Довольно широко распространилась успешно растущая на кислых почвах гречиха, обладавшая ценнейшими питательными свойствами. Требовательные к почвам и труду технические культуры (конопля, лен) возделывались или на приусадебных, или на особых полевых участках. С трехпольем связано также более четкое пространственное разделение полевых тех огородных культур, которые выращивались не только рядом с усадьбой, но и на удалении от нее (капустники, pern ща). Вообще ареал возделываемых земледельцами культу насчитывал свыше 30 наименований.

Маломощность гумусного слоя диктовала меры по поддержанию плодородия почв. Наиболее эффективным был унавоживание. Не позднее XIV в. обязанность крестьян вывозить навоз на господские поля зафиксирована документами. В XVI в. такие упоминания в отношении крестьянски наделов и доменов собственников земли нередки. Наверняк уже тогда были известны эффективные нормы и способы унавоживания. Но вряд ли когда-либо эти нормы соблюдались — работа была тяжелой, самого же навоза, как правило, не хватало. Поэтому использовались другие приемы восстановления плодородия: часть введенной в хозяйственный оборот земли регулярно запускалась в перелог, вновь распаханные земли обрабатывались как «пашня наездом», удваивался ротационный цикл (т.е. все поля делились пополам и тем самым увеличивалось время пребывания участков под паром). Погодные напасти преодолевались обычно изменением пропорций в севообороте: вымерзание озимых вело к увеличению ярового клина, с засухой боролись расширением посева озимых, сокращая пар.

Довольно разнообразным был набор пахотных орудий. Множественность видов сох (коловых, двух- и трехзубых) была связана и с локальными особенностями, и с неодинако-

выми их функциями. Именно в XIV—XVI вв. соха российского земледельца приобретала новые детали и устройства, постепенно превратившие ее в орудие плужного типа: полицу и отрез. Не позднее конца XVI в. в документах называется соха-косуля, уже соединившая в себе преимущества сохи и плуга. Впрочем, в ряде регионов использовались плуги и рала. Совершенствуются в это время и многие другие привычные орудия труда крестьян: с XVI в. известны косы-литовки и т.д.

Неблагоприятные природно-климатические условия сказывались и на животноводстве. Суровый климат заставлял по полгода держать скот в особых помещениях, заготавливать на это время много кормов. Сенокос и все связанные с ним работы были едва ли не самыми трудоемкими в годовом цикле крестьянских забот. Луга, особенно заливные, высоко ценились уже в XV в., а конфликты из-за покосов случались довольно часто. Наличие отхожих пожен — рядовой факт в крестьянском хозяйстве. Равно как и выпас скота на запущенных в перелог землях, на пожнивных полях. Последнее особенно характерно для многодворных поселений, где использовался принудительный севооборот.

Но даже при таком скрупулезном использовании сенокосных угодий, при том что на корм скоту зимой шли солома, мякина и многое другое (рабочих лошадей перед весенней пахотой подкармливали овсом), твердых гарантий в устойчивости животноводства не было. Именно потому качественный состав того, что содержал крестьянин, не отличался разнообразием, скромными были размеры этого стада. Для указанного времени нет даже отрывочных прямых сведений. По немногим, более поздним сообщениям, по косвенным показаниям документов можно высказать предположения. Правилом, к примеру, считалось иметь одну рабочую лошадь на одного полного (взрослого) работника, причем, когда наблюдались большие отработки в пользу государства и сеньора (ямская повинность, строительные и ремонтные работы, заготовка и возка дров и т.п.), разделяли «страдных» и используемых на этих издельях лошадей. При взрослой лошади были один-два жеребенка разного возраста. Сюда следует добавить одну, реже двух коров (с телятами), несколько овец, кур и другой птицы. Свиней в деревне почти не держали: они требовали много кормов, были требовательны к уходу. Овец содержали на выпасе дольше других животных, зимой им было достаточно элементарного легкого загона. От овец получали мясо, сыры, шерсть, кожу и овчину; от свиней же только мясо, сало и невысоко тогда ценившиеся кожи.

В конце XV — середине XVI в. конское поголовье в России в значительной мере пополнялось извне. В годы мирных отношений *с* Ногайской Ордой тамошние купцы приводили на продажу десятки тысяч лошадей ежегодно. Кобылы ногайской породы были самыми дешевыми на российских рынках в первой половине XVI в. Конечно, было и собственное коневодство: большие стада боевых, выездных и рабочих коней содержали в дворцовом хозяйстве, во владениях богатых землевладельцев, монастырей и т.д. Второе, о чем не надо забывать, — мелкость скота, отсутствие у него ярко выраженных породных качеств. По данным археологии, коровы XV—XVI вв. были мельче самой малорослой породы XIX в. (мещерской).

И третье. Конечно, без лошадей (а в опольях — без волов) крестьянское пашенное хозяйство было попросту немыслимо. Обязательной частью натурального оброка (владельцу земли) и кормов (в пользу местных администраторов) были продукты животноводства: мясо, сыры, масло, яйца, шерсть и изредка кожи. Само собой, без молока не обходилась ни одна крестьянская семья, а мясо, хотя и нечасто, разнообразило белковую составляющую ее пищевого рациона. Но важно, что при потребности в деньгах крестьянин отправлялся на ближнее или дальнее торжище прежде всего с теми же продуктами животноводства или скотом. Хлеб, а он «всему голова», продавался если не в последнюю, то в предпоследнюю очередь. Совсем не случайны устойчивые пережитки верований в одного из главных божеств славянского языческого пантеона. Белее был покровителем домашнего скота и одновременно считался хранителем, споспешником богатств. Вот эта связь между успехами в разведении домашних животных и имущественным благополучием крестьянского двора сохранилась в немалой мере в культе священномученика Власия, «скотьего угодника».

Деньги приносили и иные занятия земледельца — промыслы и деревенские домашние ремесла. Их роль в балансе трудовой деятельности крестьянской семьи в России была очень весомой. Этому во многом способствовали многообразие природно-климатических зон (от субарктической тундры до лесостепи), неисчислимое множество рек и водоемов, едва ли не богатейшая в Европе фауна и разнообразнейшая флора. Среди промыслов назовем ранее всего рыболовство, охоту и бортничество с делавшим первые шаги пасечным пчеловодством. Первенство здесь было, конечно, за ловлей рыбы, восполнявшей недостаточность пищевого рациона трудового люда в первую очередь. Рыбы ценных и редких пород потреблялись знатными, состоятельными людьми и были одной из экспортных статей. Очень высоко на европейских и азиатских рынках ценились добываемые на северо-востоке Руси хищные птицы, а главное — меха. Россия стала чуть ли не монопольным поставщиком ценнейших шкурок, прежде всего соболя, еще с XV в. Меха других животных (от белки и горностая до рыси и медведя) расходились во множестве по стране и вне ее. Мед и воск находили широкий сбыт как в самой России (из меда готовили самые распространенные тогда хмельные напитки), так и в европейских странах. Наконец, повсеместно были распространены все ремесла, связанные с обработкой дерева. В России было столько плотников, сколько насчитывалось мужицких рук. Нехитрый инвентарь, простейшую деревянную посуду, немудрящую обстановку в крестьянской избе, жилые и хозяйственные постройки, лапти — все это и многое другое изготовляли едва ли не все взрослые земледельцы. Уже на рубеже XV—XVI вв. выделяются районы со специализацией в этой сфере: посуда из Калуги, сундуки и поставцы из городов Верхнего Поволжья, жилые и хозяйственные срубы оттуда же и ряда центральных уездов были известны во многих областях. Производство срубов было стандартизировано и, можно сказать, поставлено на поток: вот почему так быстро отстраивались русские города после частых и весьма губительных пожаров.

Наконец, лес — это смолокурение (опять-таки экспортный товар), производство поташа, заготовка дров и древесного угля для железоделательного и кузнечного промыслов, солеварения, производства селитры и пороха, бытовых нужд и т.п.

Показательно, что производство железа в сыродутных домницах, развитое в ряде регионов страны, сосредоточивалось в сельской местности и было прочно связано с полнокровным крестьянским хозяйством. Доход от железа не превышал 20—30% в общей сумме всего произведенного в крестьянском дворе. Менее очевидна связь земледелия и солеварения, хотя последнее только в немногих пунктах было привязано к городским центрам добычи. И здесь возможная кооперация труда заключается в том, что наибольшие затраты труда по заготовке дров приходились на зимний период. Вообще, желание максимально использовать все ресурсы рабочей силы в крестьянской семье, включая женщин, стариков, подростков, во многом объясняет распространенность домашних ремесел и промыслов.

§ 2. «Золотой век» российской пашни: крестьянин в контурах двора, деревни, общины

Мы уже не раз упоминали главную ячейку аграрной жизни любого средневекового государства — крестьянский двор. Именно дворохозяйство было главной единицей обложения налогами, платежами, оброками и повинностями со стороны государства, владельцев вотчин и поместий. Что представлял он собою в XV — середине XVI в. в экономическом отношении? Кое-что было сказано выше (тяглый и продуктивный скот), теперь назовем два других главных показателя потенций двора земледельца — обеспеченность землей (надел) и семейно-демографический состав.

В распоряжении ученых для конца XV в. есть массовые сведения о крестьянах Новгородской земли и отрывочные сведения по центральным уездам. Средний крестьянский надел в разных районах Новгородчины колебался в пределах от 7—9 до 15—17 десятин в трех полях, а в отдельных дворцовых, светских и церковных владениях центра страны — от 8—10,5

до 15—20 десятин. И хотя, помимо пара, скорее всего учитывалась резервная, пущенная в перелог пашня, цифровые показатели наделов того времени намного превосходят таковые в XVII—XIX вв. В распоряжении главы дворохозяйства находились также приусадебная земля, нередко особые участки под огородами (капустники и репища), сенокосные угодья. Нормальным считалось соотношение 5:1 — на пять десятин пашни одна десятина покосов. Но именно здесь уже в те времена обозначилась в ряде регионов недостаточность таких угодий. Одной из главных причин было непропорционально большее закрепление за светскими и духовными сеньорами лугов и пожен. Мы не знаем о фактах вненадельной аренды пашни крестьянами, зато известны далеко не единичные случаи съема ими за деньги покосов. В качестве общинника каждый дворохозяин обладал правами на хозяйственное пользование лесными угодьями, рыбными ловлями, рощами и лесными покосами.

О населенности крестьянских дворов известно только по новгородским источникам: на рубеже XV—XVI вв. на один двор приходилось 1,3 взрослого женатого мужчины (порой – до 1,6 человека). Это значит, что в каждом третьем новгородском крестьянском дворе (а иногда — во втором) вели общее хозяйство сложные крестьянские семьи. Они состояли или из родительской семьи и неотделенного женатого старшего сына, или же из семей неразделившихся братьев. Впрочем, преобладала малая индивидуальная семья двухпоколенного, реже трехпоколенного состава, которая в среднем могла насчитывать от 5 до 9 душ обоего пола, включая детей.

Крестьянское дворохозяйство — циклично. Только что выделившаяся и севшая на надел семья обладала минимумом трудовых и иных возможностей. При нормальных обстоятельствах она достигала максимума состоятельности и экономической мощи в годы, когда подрастающие сыновья входили в мужичью пору, но еще не уходили из родительской семьи. Следовавшие за женитьбой большаков их выделы в отдельные дворы вновь уменьшали потенции отцовского хозяйства, сыновье же только начинало вставать на ноги.

Жили крестьяне в селах, сельцах, слободах, деревнях, починках, если к ним добавить пустоши, селища, печища, то мы практически исчерпаем список обитаемых и заброшенных поселений. Современные ассоциации могут помешать верному пониманию типов поселений и сети расселения в ту пору. В принципе, дворность всех видов поселений была тогда значительно меньше, чем в XVII—XIX вв. Но — в сопоставимых границах — заметно больше была плотность поселений.

Села обычно насчитывали сравнительно немногие десятки дворов, чаще всего в пределах от 15—20 до 30—35. Встречались единичные исключения. В селе Климентьевском, под-монастырском Троице-Сергиевой обители, в конце XV в. было свыше 130 тяглых крестьянских дворохозяйств. Подобные огромные по тогдашним меркам поселки встречались очень редко, — на речных путях и больших дорогах, связанных с внешней торговлей, в зонах устойчивых промыслов и т.п. Кроме размеров, село, как правило, было центром светской, монастырской или дворцовой вотчины. В них находились церкви и фокусировалась жизнь прихода. Они располагались по преимуществу в староосвоенных районах с благоприятными ландшафтными условиями; в округах городов. Села выступали обычно средоточием комплекса поселений: к нему тянули (как тогда выражались) деревни, починки, пустоши — порой десятками. В таком качестве село являло себя и центром крестьянской общины.

Слободы, деревни, починки отразили кардинально важный этап в экономической истории страны: эпоху «великих расчисток» лесов под пашню (название даем по аналогии с такими же процессами в Западной и Центральной Европе XI— XIII вв.). Этимология и семантика слов прямо свидетельствуют об этом. Слободами именовали в XIV—XVI вв. крупные поселки, а чаще совокупности малодворных поселений, куда призывались на льготу из-за рубежа крестьяне. Получали слободчане в большинстве случаев судебный иммунитет, подчиняясь слободчику (лицу, которое по поручению того или иного владетельного князя «осадил» эту слободу). Обретались слободы по преимуществу в порубежных районах. Слобода для земледельца понималась двояко: во-первых, это полная или частичная, но на опре-

деленный срок, свобода от налогов и повинностей; во-вторых, свобода от постоянного судебно-административного контроля со стороны местных властей.

Еще выразительнее в этом плане деревня и починок. Эти термины, скорее всего, и появились в XIV в. Этимология «деревни» ведет к глаголу «драть, деру» и существительному «дерть», означавшему «новь, целину». «Разодранная» из-под леса пашня, крестьянский двор с подобным участком земли — вот первые значения слова «деревня». Это уже обжившись, «расставившись» новыми дворами, полями, «притеребами», пожнями и угодьями, она обретает статус самого распространенного сельского поселения. В таком селении совсем нечасто можно встретить одно дворохозяйство, но и деревни с полутора десятками дворов были редкостью. От 3—4 до 7—8 дворов — вот преимущественный показатель дворов российских деревень в разных регионах в ту эпоху. Многое здесь диктовалось почвами, микрорельефом местности и т.п. Существенным фактором была социальная среда: тип землевладения, устойчивость земледельческой культуры, размеры наделов, обеспеченность угодьями и т.д. При прочих равных обстоятельствах именно в малодворных деревнях обеспечивались наивысшие размеры крестьянских наделов.

Починок — как поселение, сигнализирующее о самом первом шаге земледельческой культуры в данном месте, — сменяет в этом качестве деревню. Его происхождение прозрачно: от глагола «почать, почну», т.е. начинать. Обычно в них было 1—3 крестьянских двора, и главное отличие починка от деревни заключалось в том, что починки не были внесены в налоговые кадастры. Пустоши, селища, печища обозначают разные стадии запустения. От сравнительно недавнего (обрабатывавшаяся ранее земля еще учитывалась как перелог в трех полях) до теряющегося в памяти насельников, когда лишь следы порушенной печи напоминали о былом освоении участка.

Запустевшие поселения и земли — неизбежный спутник средневекового аграрного производства, когда каприз погоды или военная фортуна могли на годы прервать нормальное течение жизни. Преобладала, однако, в XIV—XVI вв. неуклонная, хотя и не без спадов, внутренняя колонизация. Ареал окультуренных земель, соотношение пашни и леса, достигнутое к 50-м годам XVI в., сохранялось в главных своих показателях вплоть до новой волны сведения лесов в центральных областях уже в конце XVII—XVIII в. Особенно быстрым и устойчивым экономический рост деревни был во второй половине XV — середине XVI в. Численность населения, плотность поселений в ряде новгородских регионов за полтора десятилетия в конце XV в. возросла на 15—25%. Привычными стали тогда судебные поземельные конфликты. Споры на меже умножились потому, что в результате росчистей вошли в тесное соприкосновение разные владения. Даже запустевшая земля представляла тогда значимую хозяйственную ценность. В документах XV — середины XVI в. на многие десятки и сотни сел, деревень, починков приходятся немногие, считанные пустоши. Яркое свидетельство несомненных, весьма масштабных успехов внутренней колонизации. Истина и в том, что темпы и условия расчисток (социальные, политические, экономические) были приемлемы, по крайней мере отчасти выгодны для крестьян. Сфера приложения их труда расширялась. Чем, кстати, не замедлили воспользоваться владетельные и великие князья, сократив сроки налоговых льгот для вновь поселившихся на пустых землях земледельцев с 10—15 (так было в XV в.) до 3—5 лет (так стало в XVI в.).

Никогда ранее и никогда позднее на Руси не было столь многочисленной, столь плотной сети расселения. Первый английский мореход, посетивший Россию в 50-е годы XVI в., был удивлен числом и многолюдностью поселений вдоль торговой дороги от Ярославля до Москвы. В наиболее освоенных районах, там, где позволял микрорельеф местности и где процесс окультуривания новых земель или заброшенной пашни не ушел еще в прошлое, деревни и починки нередко располагались друг от друга в пределах 1,5—2 — 4—5 км. Иногда можно было докричаться из одной деревни в другую. С 70—80-х годов XVI в. началось сокращение населенных пунктов. В последней трети XVII в. отчетливо проявилась новая их устойчивая конфигурация. Считается, что тогда в сопоставимых границах и с примерно рав-

нозначным ареалом обрабатываемых земель цифра обитаемых сел, деревень, слобод была меньше на 30—40% аналогичного показателя на середину XVI в.

Обобщенным показателем уровня сельского хозяйства всегда была урожайность. Сколь-нибудь объемных данных о ней во второй половине XV в. нет. В литературе же налицо резко отличающиеся точки зрения. С учетом успехов внутренней колонизации (осваиваемые земли не успели еще истощиться), с учетом благоприятных в целом природных и социально-политических факторов следует признать более близкой к реальности оценку средней урожайности (так, кстати, считали и правительственные чиновники в XVI в.) по ржи сам-3 — сам-4, по овсу — сам-2,5 — сам-3,5 с заметным повышением в ряде уездов к югу от Оки (Ряэанщина, Северщина). Это, в принципе, соответствует европейским показателям в схожих регионах и в эпоху экстенсивного земледелия.

Итак, по комплексу экономических примет столетие с 60—70-х годов XV в. и до начала 60-х годов XVI в. можно полагать «золотым веком» российской деревни. «Большие расчистки» и стали скрытым от поверхностного взгляда основанием прогресса страны. Успехи московских великих князей базировались во многом на усилении военного потенциала. Последнее было немыслимым без стремительного роста российского служилого дворянства и при Иване III, и при Василии III. Увеличение численности благородных ратников обеспечивалось умножением объемов всего производимого российскими мужиками. Последнее же было достигнуто в результате значительного расширения ареала обрабатываемых земель, заметного демографического подъема в деревнях, развития в них промыслов.

Другой пример — каменное строительство. Возведение крепостных, культовых, дворцовых, частных сооружений из камня и кирпича имело место в зримых масштабах именно во второй половине XV — первой трети XVI в. До этого времени (если, конечно, не принимать во внимание Великий Новгород и Псков) каменная архитектура была редкостью. Великолепный комплекс Московского Кремля — первый зримый плод и начавшегося подъема деревни, и освобождения страны от ордынской зависимости.

Но не забудем сказанного в начале главы. Вся совокупность природных факторов заметно лимитировала хозяйственные потенции российских земледельцев. Показательно, что, несмотря на мощную концентрацию средств и ресурсов, строительство Кремля в Москве длилось четверть века, а с учетом нового здания Успенского собора — почти сорок лет. База экономического роста российской деревни была в целом узкой, размеры прибавочного продукта крестьян оставались весьма ограниченными.

§ 3. Российский крестьянин: образы социального бытия

В отечественной мысли есть вечные темы. Судьбы российского крестьянства в его социальном и этнокультурном аспектах из их числа. Очень скудны документальные «остатки», нарративные тексты о земледельцах за XIV—XVI столетия. Бедность источников нередко пытались компенсировать множественностью концепций. Вот почему столь разнообразны вариации на тему «типических представителей» сельского люда в ученых и публицистических трудах. Представляли в качестве господствующего типа арендатора-наймита, лишенного прав на землю, не обремененного излишней собственностью и легкого на подъем. Так думали одни ученые. Другие усматривали решающие особенности крестьянского статуса в сильном ограничении его свободы, в начавшемся еще до Судебника 1497 г . закрепощении. Третьи исследователи полагали главной фигурой российских земледельцев крестьянина черной или черносошной волости, т.е. территорий, находившихся под непосредственным управлением представителей княжеской власти. Правда, сам статус черносошных крестьян трактовался неодинаково. Кто-то видел в них собственников земли и промысловых угодий, своеобразный питательный бульон для экономического расслоения и первых явлений раннебуржуазного толка в жизни страны. Другие же усмотрели в феномене черносошных земель своеобычный факт разделенной собственности: феодального государства в лице великого

князя и волостной общины. Невозможно на немногих страницах описать все дискуссии на эту тему. Столь же нереально изложить свои взгляды с подробной аргументацией. Важно указать на решающие доводы в спорах о статусе разных категорий крестьян, ведущую тенденцию в изменениях их правового положения. Этим не исчерпывается бытие крестьянина в обществе: мы ознакомились с усредненными экономическими характеристиками его дворохозяйства, но их нужно вписать в социальную среду. Как взаимодействовали крестьяне с государством и его представителями, с церковными и светскими собственниками имений, какую роль играла во всем этом община и какова была ее структура? Наконец, что оставалось, собственно, у крестьян после того, как они рассчитывались с государством и господами? Вот вопросы, на которые необходимо получить ответы.

В XIII—XV столетиях (как, впрочем, и ранее) сельское население России обозначалось в документах, юридических памятниках множеством терминов. Одни из них подсказывают происхождение данной группы, другие несут на себе отпечаток локального распространения, третьи фиксируют те стороны их статуса, которые проявляются лишь в определенных правовых ситуациях. Наконец, четвертые свидетельствуют об устойчивых особенностях в их экономическом бытии. Конечно, все эти термины не застывали в своем первоначальном значении. Некоторые из них превращались постепенно в обозначение той или другой категории сельского люда по комплексу ведущих признаков. Отдельные примеры тому мы приведем позже. Сейчас же подчеркнем иное. Самое поразительное в пестром сонме слов, соотносившихся современниками с людьми сохи, косы и топора, — отсутствие обобщенного понятия, в котором бы сливались локальные, владельческие, ситуационные, экономические отличия всех групп земледельцев. Или иначе: крестьяне тогда не назывались крестьянами, что автоматически присуще российскому сознанию более позднего времени. Причем, дело не в том, что само слово не было известно на Руси. Отнюдь, оно было прекрасно знакомо с рубежа X—XI вв., но только в главном и изначальном смысле. Хрестианин — человек, исповедовавший христианскую религию и состоявший членом христианской (православной в России) церкви.

Мы точно знаем, когда это слово существенно расширило свое содержание: с последних десятилетий XIV в. оно стало прилагаться к деревенскому люду, причем подразумевались два смысловых уровня. Во-первых, крестьянин — непосредственный сельский производитель. Во-вторых, это такой производитель, который не находится в холопской зависимости от любого собственника земли из числа светских лиц («холопы на пашне» были постоянной, но малочисленной группой сельского населения). На протяжении XV в. расширяются сферы применения термина «крестьянин, крестьяне», так что к рубежу следующего, XVI столетия он господствует в источниках.

Что стояло за этими, казалось бы, сугубо лингвистическими переменами? Очень многое, ибо смена социальной терминологии сигнализирует о важных подвижках в жизни общества. Несомненно, что проявление нового смысла у термина «крестьянин» было обязано успехам русской церкви в евангелизации сельских жителей. Без этого отождествление абсолютно господствовавшей по численности сельской части российского населения с адептами христианской веры было немыслимым. Так сказались духовно-нравственные перемены в обществе. Прозрачны государственно-политические мотивы: сообразно территориально-политическому объединению шла постепенная унификация сословных статусов, а значит, унифицировалась система терминов. Своеобразная стандартизация терминологии происходила, конечно же, постепенно. Но вот о чем обычно забывают, так это о социально-психологических мотивах.

Действительно, в ту эпоху в общественном сознании любого уровня (от мудрствующего до обыденного) сетка сословных понятий в редких случаях была нейтральной. Понятия оценивались или со знаком плюс, или со знаком минус. Любое значение термина «крестьянин», любой оттенок его смысла воспринимался тогда положительно. Поэтому закрепление этого слова за основной массой сельского люда означало усиление позитивных моментов в восприятии обществом всех групп земледельцев. Правда, если не будет доказано, что ранее

рубежа XV—XVI вв. совокупность терминов, описывавших сельских производителей, расценивалась позитивно. Но это совсем не так. Есть термины, нейтральные по оценочной шкале («люди черные, тяглые», «сельчане», «деревенщики» и т.п.) и даже слегка окрашенные положительно («старожильцы»). Но куда длиннее перечень слов, несомненно воспринимавшихся в обществе со знаком минус. Амплитуда была значительной: от бранно-презрительного «смерда» до снисходительно-сочувственных «сирот». А в промежутке — многочисленные или малолюдные «закупы», «закупные наймиты», «наймиты-челядины», «половники», «половники в серебре», «третники», «люди юрьевские рядовые», «ордынцы», «люди численные» и т.д. Различия в происхождении этих понятий не заслоняли объединяющего момента: их престижность в общественном мнении несомненно была со знаком минус.

Негативная оценка проистекала из их неполноправия как сельских производителей. Владельческие права на обрабатываемую землю у представителей данных групп были малы, так как надел предоставлялся им сеньорами. Формы их личной зависимости были более тяжелыми, поскольку они основывались не только на зависимости по земле. Как правило, такие земледельцы получали крупную ссуду при заведении хозяйства — деньгами, рабочим скотом, семенами. Это и определяло дополнительные моменты в их личной зависимости, связанные с большими затруднениями в прекращении этих отношений. Мера их эксплуатации была обычно выше, чем у крестьян, не бравших подобной подмоги. Наконец, некоторые из этих групп земледельцев не несли государева тягла в полном объеме или же несли его в специфической форме. Этот факт самым выразительным образом оттеняет их сословную ущербность по сравнению с теми сельскими производителями, которые платили все положенные налоги, пошлины, натуральные взимания и отбывали все предписанные повинности. Скорее всего, в их жизни иной была роль общины. Закуп, половник и прочие подобные им земледельцы вступали в отношения зависимости от собственников земли в индивидуальном порядке, эти отношения не опосредовались крестьянским миром. Конечно, такой производитель втягивался в общий ритм хозяйственных и социальных забот общины, которая была в этом заинтересована. Но это происходило далеко не сразу, на протяжении длительного времени. В данном перечне есть крестьяне, оброки и повинности которых были специфически связаны с зависимостью Руси от Орды: они обеспечивали проезд и пребывание в стране представителей ханской власти.

В приведенных выше нейтральных и позитивных терминах зафиксированы другие прослойки крестьян XIII—XV вв. Объединяющие их признаки — наследственная, прочная связь с наделом и большие владельческие права на него; полнокровное участие во всех сферах жизни общины; вообще полнота обязанностей и прав тяглых земледельцев. Данные признаки заметно разнились у черных (государственных) и владельческих крестьян, но куда важнее само наличие у них этих черт. Возьмем, к примеру, владельческие права на надел. Они связаны с традиционными представлениями крестьян о трудовой заимке как естественном, неоспоримом основании права на дворовой участок, надел с передачей их по наследству и при определенных условиях с правом распоряжения (обмена, продажи). Последнее хорошо прослеживается в актах черносошных крестьян XV—XVI вв. Известны также отдельные аналогичные примеры в светских вотчинах. При переходе в черную или дворцовую волость крестьянин порой как бы прихватывал с собой надел, исходя, надо думать, из таких воззрений. Что и порождало, в частности, судебные конфликты.

Не менее выразительна ситуация, когда старожилец возвращается в вотчину, где он ранее проживал. В таких случаях сокращался срок льготы по сравнению с теми земледельцами, которые призывались впервые. Обычно это трактуется двояко: объясняются возможные мотивы уменьшения льготы, сам же возврат старожильца рассматривается как усиление его прикрепления к земле. Это неверно. Акт возвращения доброволен, он не сопровождался мерами принуждения. В льготных жалованных грамотах, на наш взгляд, фиксируется именно право старожильца вернуться на свой надел. Иными словами, даже сравнительно длительное отсутствие не разрывает окончательно владельческой связи крестьянина с его наделом, ограничивая тем самым распорядительные права сеньора. Те же старожильцы, участвуя в про-

цессах в качестве знатоков границ владений, выступают не только как индивидуальные лица. Они суть представители той или другой общины и так или иначе отстаивают ее интересы.

Итак, термин «крестьянин» обнимал собой практически всю совокупность прежних понятий, содержательно ближе всего к терминам «люди волостные», «старожильцы», «люди тяглые» и т.п. Последовательное сопоставление прежних и новых понятий подтверждает, таким образом, уже сформулированный тезис. Смена терминов отразила повышение социального престижа крестьянства в обществе, прежде всего за счет отмирания или резкого сужения области применения негативно окрашенных слов (смерды, закупы, половники, сироты и т.п.) и позитивной оценки тяглого крестьянина-общинника, как в рамках черной волости, так и частного имения.

Но, быть может, более уважительное отношение общества к крестьянину сопрягалось с объективным ухудшением его правового статуса и экономического положения? Многие историки, к примеру, полагают, что первый принципиальный шаг в закрепощении крестьян был сделан в Судебнике 1497 г . и даже ранее. Что с этой эпохи началось наступление на права крестьян, усиление их эксплуатации. В этом есть доля истины, но в целом с ними трудно согласиться.

Юридический статус крестьян фиксировался и общегосударственными нормативами (не только Судебником, но и официальными актами), а также обычным правом (общинным и вотчинным). Неверно усматривать главный, если не единственный показатель закрепощения в ограничениях перехода. Необходимо доказать усиление эксплуатации (вотчинно-поместной и государственной), нажим на владельческие права крестьян, их правоспособность. Разве это происходило в XV — середине XVI в.?

Начать с того, что крестьяне индивидуально и в составе общины оставались субъектами права, а не его объектом, и в таком качестве судились сеньориальным или государственным судом. В эти десятилетия сокращался судебный иммунитет феодалов, а значит, по большему кругу дел высшей уголовной юрисдикции владельческие крестьяне подлежали именно государственному суду. Судебник 1497 г . зафиксировал процессуальное равенство черных крестьян и рядовых феодалов в двух отношениях. Они были равноценными свидетелями при признании обвиняемого татем (т.е. вором), существовал единый срок давности для возбуждения иска в поземельных делах. Наконец, Судебник 1497 г . закрепил присутствие судных мужей из «лучших, добрых» крестьян на суде у кормленщиков. Судебник 1550 г . не внес тут никаких принципиальных перемен.

Ни Судебник 1497 г ., ни текущая практика, ни обычное право не знают ответственности крестьян собственным имуществом за несостоятельность своего сеньора. И наоборот — за гражданские возмещения и уголовные штрафы крестьянин отвечает по суду сам (в ряде случаев, с помощью общины и поруки). Его господин, участвуя в совместном суде, лишь ответствен за исполнение решения и может получить часть судебных пошлин. Наконец, не только черносошные, но и владельческие крестьяне по мере становления органов местного суда и управления (губные избы и т.п.) еще с 30-х годов XVI в. активно привлекались в исполнительный аппарат этих институтов, формировавшихся на базе представительства от локальных сословных групп.

Наивно думать, что перемена жительства была для крестьян регулярным и желанным занятием. Если не возникали исключительные обстоятельства, земледелец предпочитал оставаться на месте. При крайней сжатости цикла сельскохозяйственных работ, их интенсивности время перехода определялось практическими соображениями весьма жестко: конец осени — начало зимы. Любой другой промежуток грозил невосполнимыми упущениями в ведении хозяйства. Кроме того, именно в этот период имели место основные выплаты по отношению к казне и собственнику земли. Так что Судебник 1497 г ., фиксируя время перехода неделей до и неделей после Юрьева дня осеннего (26 ноября по старому стилю), не вводил никаких новостей. Относительной новизной было установление уплаты пожилого для всех разрядов крестьян — ранее подобная пошлина взималась лишь с некоторых групп с повышенной личной зависимостью.

Важно не забывать, что законодатель имел в виду лишь глав дворохозяйств: на подраставших или взрослых сыновей, живших с отцом, норма не распространялась. Судебник не предусматривал никаких органов надзора за правильным выполнением этих норм. Подразумевалось, что возможные нарушения должны становиться предметом гражданского иска и состязательного процесса. И еще одно существенное обстоятельство: правовые и документальные тексты конца XV — середины XVI в. не используют в отношении крестьян слово «бегство». Крестьяне «уходят», «сходят», «выходят», но не «бегут». В предшествующий период «бежали», т.е. незаконно уходили от сеньоров, закупы (кроме двух оговоренных случаев), половники и некоторые иные подобные им категории.

Итак, анализ правового поля жизнедеятельности крестьян не дает оснований полагать, что их положение в этой сфере заметно ухудшилось. Наоборот, следует признать ведущей тенденцией в XV — середине XVI в. определенное улучшение их юридического статуса. Прежде всего за счет изживания более архаичных групп с ясно выраженной личной зависимостью и меньшими владельческими правами. Но также и за счет численного расширения и, что, пожалуй, важнее, укрепления правового положения слоя полнонадельных крестьян-тяглецов, глав дворохозяйств и семейств, полноправных членов общин (волостных или владельческих), субъектов права.

Но, быть может, заметно усилился нажим на крестьянское хозяйство в названный период, что повлекло за собой экономический спад в деревне? Действительно, в ряде регионов налицо в течение длительного времени заметное запустошение — в Нижегородском крае, в южных районах Вятской земли и т.п. Но решающая причина тут — регулярные набеги отрядов из Казанского ханства. Разорение центральных уездов, Рязанщины летом 1521 г . стало следствием опустошительного похода крымской рати. Случались также периодические недороды из-за капризов погоды. При всем том, целостная картина состояния аграрного производства несомненно позитивная. Одно из выразительных доказательств тому — господство средне- и многопосевных крестьянских хозяйств в малодворных поселениях Новгородчины (до 90%). Отрывочные сведения по центральным уездам также свидетельствуют о преобладании подобных дворов. Заставить крестьян обрабатывать большие наделы на невыгодных для них экономических условиях — невозможно, особенно при отсутствии эффективных средств внеэкономического принуждения. Неуклонно расширялась внутренняя колонизация, быстро переводились впервые запущенные в пахоту земли в состав тяглонадельных. И в этом случае земледелец должен был оценивать ситуацию как приемлемую, как хотя бы отчасти выгодную для себя.

Итак, совокупный нажим государства и собственников земли пока не останавливал хозяйственной инициативы крестьян. Значит ли это, что в сфере налогов, повинностей, частнофеодальной ренты не было никаких изменений? Конечно же, нет. Одно предварительное уточнение. Вплоть до середины XVI в. налоговый пресс государства (после ликвидации зависимости от Орды) шел по двум линиям. Дань, другие ведущие налоги, повинности общегосударственного масштаба (ямская гоньба, строительство крепостей и т.п.) платились и отбывались центральным государственным органам. Второй канал взиманий с тяглецов — их платежи и службы в пользу представителей великокняжеской власти на местах. Одни из них обладали административно-судебными полномочиями на длительный срок (наместники, волостели, великокняжеские тиуны), другие выполняли разовые специализированные поручения (данщики, писцы, сборщики посохи и т.п.). И те, и другие были кормленщиками, поскольку сами получали деньги и продукты с тяглецов за выполняемую работу.

Не видно увеличения ставок традиционных налогов и сборов. Размеры положенных кормленщику и его аппарату (состоявшему из собственных холопов-послужильцев) взиманий оставались принципиально на одном и том же уровне на протяжении полутора столетий. Равно как судебные пошлины и штрафы. Аналогичным образом не видно резкого увеличения ставок дани и иных налогов в пользу государства. Но изменения и определенное усиление налогового гнета имели место. Просто их проявления следует искать в другом. Не повышались нормы старых сборов, зато возникали новые поборы и взимания. Умножались

виды косвенного обложения — внутренних пошлин на торговлю, на занятия промыслами. В руки центральных ведомств переходили питейные сборы. Заметно возросла тяжесть повинностей в пользу государства, особенно в 30—40-е годы XVI в. Наконец, возросло само число судебных пошлин и штрафов. Ну и, конечно, злоупотребления властью, особенно со стороны кормленщиков. Они были очень широко распространены, особенно в 30—40-е годы XVI столетия. Государство уплотняло сеть разнообразнейших платежей, постепенно уменьшало долю государственно-корпоративных поступлений, шедших прямо в карман кормленщикам, но пока не поспевало полностью за возросшими экономическими потенциями крестьянского хозяйства.

Не заметно резкого роста частнофеодальной ренты. Преобладал натуральный оброк, причем обе его формы — издолье и посп (т.е. фиксированные размеры зерна и некоторых иных продуктов) — не имели ярко выраженного превосходства. В издолье занимали первое место плательщики четвертого и пятого снопа, более тяжелые формы встречались реже. Но даже те, кто отдавал каждый второй сноп, не уплачивали половины от всего произведенного. Барщинные отработки были распространены, но тяжесть их была невелика. Полевая барщина была малообременительной (в светских имениях барский клин обрабатывали холопы на пашне), крестьян привлекали к сенокошению, транспортной и строительной повинностям. Денежная рента присутствовала почти повсеместно, но только в двух новгородских пятинах ее доля в совокупной ренте достигала 20—27%. В принципе же она была невелика, но уже различимы тенденции к ее повышению. По приблизительным, достаточно грубым подсчетам среднее крестьянское хозяйство отдавало от 20 до 30% своего совокупного продукта, причем возможные доходы от промыслов и иных подобных занятий учтены в этих подсчетах минимально. После вычета возмещения семян и иных производственных расходов, пищевых потребностей семьи крестьянина и скота, периодических затрат на жилые и хозяйственные постройки, орудия труда и т.п., при урожае сам-2,5 — сам-4 простое воспроизводство оставалось вполне устойчивым, позволяя даже иногда некоторые накопления, а в отдельных случаях — расширенное воспроизводство. Государство и феодалы пока еще не изымали у крестьян все, что находилось за пределами минимальных хозяйственных и житейских потребностей. Крестьянство в целом к середине XVI столетия поднакопило «жирок» и ресурсы.

Велика роль общины. Она воздействовала на крестьянское землепользование (пахотные наделы, огородные участки), контролировала использование сенокосных угодий, промысловых территорий, озер и рек. Общинные власти были в постоянном контакте с собственником земли, с кормленщиками и их людьми, с присылавшимися из столицы представителями центральной власти. Бесспорно, община в немалой мере гарантировала экономические и социальные аспекты жизнедеятельности своих членов. Типичной была община-волость (как правило, черносошная, но и владельческая тоже), имевшая двухуровневую структуру. По мере развития феодального землевладения получают распространение владельческие общины, как правило, менее крупные. Подчеркнем два обстоятельства. Даже при полном поглощении черной волости вотчинами и поместьями сохранялись некоторые общеволостные функции, в частности, связанные с разверсткой налогов и выполнявшиеся с участием представителей тяглецов. Во-вторых, общинные структуры использовались государством при формировании аппарата новых местных органов, базировавшихся на принципе представительства от локальных групп местного люда. Таким образом, расширялись функции общин, они включались в процесс управления на низшем уровне, но одновременно усиливалась их зависимость от государства.

На последнем этапе складывания Российского централизованного государства образ крестьянина-тяглеца выглядит внешне вполне благопристойно. В нем разгладились черты архаичных, довольно жестких форм зависимости, трудом земледельца и промысловика был создан материальный фундамент политических успехов, его экономическое положение и юридический статус в целом улучшились. Однако стали обрисовываться контуры грядущего исторического выбора — между крепостническим и некрепостническим развитием страны и общества. Это было, правда, в неблизкой, объективной перспективе, актуальными же были

задачи завершающих преобразований (государственных, политических, военных, социальных) в построении централизованной государственности.

§ 4. «Гость» и ремесленник в российском городе

Ушла в далекое прошлое Киевская Русь, представлявшая, по заинтересованному мнению викингов-варягов, «страну городов». В начале XVI столетия на огромной территории рождавшегося централизованного государства по одному из подсчетов (скорее всего несколько завышенному) было разбросано около 130 поселений городского типа. Это весьма негусто для таких пространств. Это совсем немного, если исходить из потребностей аграрного и ремесленного производства. Это очень мало с учетом протяженности границ и потребностей в обороне. Это явно недостаточно с точки зрения административного управления страной.

Как группировались города до середины XVI в.? Российское государство унаследовало естественно сложившееся в XIII—XV вв. их расположение под влиянием могучего ордынского фактора (отлив горожан с юга и юго-востока, запустение целого ряда городов), владетельных амбиций и внутренних усобиц, экономических потребностей (возникновение городов в зонах колонизации, на важнейших речных торговых путях), наконец, оборонных нужд. Так, в Новгородской и Псковской землях довольно многочисленные каменные города-крепости были сосредоточены вдоль северо-западных, западных и южных границ. Планомерное обустройство восточного, южного, западного порубежья началось в Российском государстве во второй четверти XVI в. и продолжалось, по мере роста его территории, на протяжении веков. Нетрудно заметить сгущения в размещении городских центров. Они концентрировались по верхнему и среднему течению Волги, в междуречье Оки и Волги, особенно по рекам Москве, Клязьме, Оке, вдоль главных дорог.

Доля городского населения была невелика и намного меньше, чем в развитых странах Западной и Центральной Европы-. Правда, в Новгородской земле горожане составляли около 9% всего населения, причем и сам Новгород, и Старую руссу даже по европейским меркам следует отнести к числу крупных и средних городов: в Великом Новгороде насчитывалось более 32 тыс. горожан, в Руссе — свыше 10 тыс. Столь «приличный» процент горожан следует объяснять позициями Новгорода в торговле между Русью и Европой: он в многом монополизировал в ней роль посредника и сам выставлял на экспорт богатства своих северных владений. Большие объемы торговли (город был стапельным пунктом Ганзы) требовали развитых ремесел и многих людей по обслуживанию торговли. Связи с Ливонией и Литвой подпитывали благополучие и демографический рост во Пскове. В целом по России доля городского населения была заметно ниже. В 70-е годы уже XVII в. считалось, что за вычетом феодалов и духовных лиц непривилегированные горожане составляли чуть более 7% трудового населения страны. Для первой половины предыдущего столетия этот показатель следует уменьшить не менее чем в полтора раза.

Итак, городов было немного, их размещение оказалось неравномерным, доля городского населения была небольшой. Но и этого мало — крайне неравноценными оказались городские поселения по численности. В Новгородской земле на два «нормальных» города приходилось до десятка крепостей-городов, в которых население исчислялось немногими сотнями. Так же обстояло дело и в других регионах. Весьма скромная цифра крупнейших (Москва справедливо причислялась к выдающимся по численности городам Европы) и крупных городов (Тверь, Ярославль, Вологда, Кострома, Нижний Новгород, Смоленск, Коломна, Рязань и некоторые другие) вобрала подавляющую часть горожан. Это имело немаловажные экономические, социальные и отчасти политические следствия.

Каков был статус российских городов и трудового их населения? Вопрос очень труден (прежде всего из-за крайней ограниченности источников), ответы же на него предлагаются весьма различные. Первое, что необходимо отметить, — тяжкое наследие ордынской

зависимости. Дело не только в массовом и неоднократном погроме и разорении русских городов, не только в массовом уводе ремесленников и торговцев, но и в том, что город изначально стал главным объектом эксплуатации со стороны ханской власти. Великие и удельные князья на Руси так или иначе унаследовали эти права Этим во многом и объясняется тот факт, что городская земля тяглых горожан была государственной собственностью — аналогично черным сельским волостям.

В городе, естественно, сосредоточивалось не только ремесленное и торговое население. С момента зарождения классовых обществ городские поселения органично сосредоточивали функции политического и экономического господства над деревней, соответственно в них концентрировалась политическая и социальная элита общества. Первой оседлостью новгородских бояр стала городовая усадьба, а не сельская резиденция. Близкие явления имели место в городах Северо-Восточной Руси. Но с XIII—XIV вв. исторические пути северо-запада и северо-востока Руси в этом пункте разошлись. В Новгороде и Пскове окончательно сложился своеобразный тип боярского корпоративно-городового государства (княжеская власть до середины XV в. имела минимальное значение). В княжествах северо-востока наоборот к исходу XIV столетия сошли на нет политические институты феодальной элиты в городе, автономные по отношению к княжеской власти (институт тысяцких и т.п.). Это не значит, что феодалы забросили свои дворы в городах, переместившись в сельские вотчины. Совсем нет. Городские, «осадные» дворы феодалов — важный компонент в социальной топографии российского города. Суть в другом: эта элита оказалась отключенной в политическом плане от тяглого городского населения. Городом ведал, судил черных горожан, следил за крепостными сооружениями, правильным сбором торговых пошлин и питейных доходов княжеский наместник, выражавший политическую волю н хозяйственные интересы своего сюзерена (не забывая о собственном кармане и статусе), но не местной феодальной элиты. Логика борьбы в XIV—XV вв., кстати, нередко предполагала назначение во вновь завоеванный центр не местного человека.

Означает ли сказанное, что в городе полностью отсутствовали институты самоуправления? Отнюдь. Доподлинно известно о городских ополчениях, именно горожан, а не уездных корпораций служилых феодалов. В летописных известиях упоминаются городские житницы и некоторые иные постройки общественного характера. Все это требовало организации и управления. Хорошо знакомы по сведениям конца XIV—середины XVI в. формы сословной группировки горожан по роду их занятий. Мелкие торговцы, ремесленники, огородники, лица, занятые обслуживанием торговли и транспорта, объединялись в XVI в. по территориальному признаку в сотни и полусотни. Возможно, что и в предшествующее время дело обстояло таким же образом. По крайней мере, известны сотники и десятские во многих городах. В любом случае, однако, в основании таких образований лежал территориальный, а не профессиональный принцип. Ремесленных цехов Россия в чистом виде тогда не знала.

Зато русское общество было хорошо знакомо с профессиональными организациями крупных купцов. Они вели торговлю в масштабах страны, нередко заграничную, объединяясь в особые корпорации гостей и суконников. Эти лица обладали большими привилегиями, и по ряду пунктов их статус сближался с положением боярства. Недаром переход из одной группы в другую случался и в XV, и в XVI столетиях. Вот представители гостей и возглавляли институты самоуправления тяглых горожан. Наверняка мы об этом знаем для первой половины XVI в., но, судя по косвенным указаниям, эта практика возникла не позднее середины XV столетия. Можно наметить функции таких институтов. С точки зрения государства, важнейшая заключалась в исправном платеже налогов и отбывании повинностей (строительных, городовых и т.п.). Надзирали за этим особые представители княжеской власти, но разверстка между сотнями и внутри них отдавалась в руки самоуправления. Управление общественными зданиями и страховыми запасами, благоустройство улиц и дорог, контроль за участием горожан в военных действиях при осаде или же в княжеском походе, наконец, контроль за тем, чтобы посадская земля не выбывала из тягла — таков вероятный круг забот городского самоуправления.

В чисто политическом плане тяглые горожане не имели легальных способов воздействия на княжескую власть. Это совсем не значит, что они не имели политических позиций и не влияли на ход политической борьбы. Воздействовали и притом порой весьма существенно. Напомним только несколько эпизодов. В 30—40-е годы XV в. позиция москвичей не раз влияла на исход столкновений соперничавших князей. Возмущение горожан подтолкнуло Ивана III к продолжению решительной борьбы за ликвидацию зависимости от Орды осенью 1480 г . Наконец, московское восстание 1547 г . дало толчок к началу реформ середины XVI в. В кризисные моменты течения политической жизни горожане оказывали заметное воздействие на исход столкновений. В том числе и потому, что города были главной ареной политической борьбы князей и княжеств.

Еще до реформ середины XVI в. в строе управления городской жизнью намечаются перемены. У великокняжеских наместников в ряде городов изымаются некоторые дела, связанные с военно-оборонительными и финансовыми функциями. Они передавались городовым приказчикам, назначавшимся великим князем, обычно из числа местных феодалов.

Обеспечивали ли наличные города достаточный уровень ремесленного производства? И да, и нет. Утвердительный ответ покоится на том, что постепенное сложение и развитие местных и областных рынков имело место в XV—середине XVI в. и, конечно, совсем не завершилось в это время. Важное значение имела межобластная и особенно внешняя торговля. Число и специализация городских ремесел в целом обеспечивали сельчан необходимым набором предметов производственного и бытового назначения. Но сеть городов была столь редкой (в Западной Европе средние расстояния между средними и малыми городами измерялись в 15—20 км), что крестьянам для покупок и продаж в городе необходимо было преодолевать многие десятки, а порой и сотни верст. Отчасти это восполнялось увеличением внегородских рядков, слобод, посадов с еженедельным или менее частым торжищем, отчасти же — развитием деревенских ремесел в крестьянской семье.

Профессий в городах насчитывалось несколько десятков. Хорошо были представлены производство пищевых продуктов, обработка кож и пошив обуви, все связанное с конским обиходом, кузнечные и ювелирные ремесла, монетное дело, производство высококачественной и массовой посуды, строительных материалов, столярное ремесло, строительное дело и т.п. Особо следует выделить производство оружия. Защитный доспех, рубящее, колющее, метательное оружие, большие луки, разнообразнейшие наконечники стрел (включая бронебойные), арбалеты — все это, изготовленное искусными русскими ремесленниками, пользовалось очень большим спросом и внутри, и вне страны. Недаром данная продукция относилась к «заповедным товарам», которые запрещалось продавать южным и восточным соседям. В конце XV в. в Москве возникла государственная мануфактура по изготовлению пушек, пищалей и другого огнестрельного оружия. В целом страна покрывала свои нужды в вооружении, военном снаряжении собственным производством. Однако опыт первой половины XVI в. выявил здесь немало узких мест. Одни .касались организации армии вообще и, в особенности, вооруженной огнестрельным оружием пехоты (см. ниже). Другие прямо вытекали из ограниченных возможностей ремесла, промыслов в стране, подразумевая важность совершенствования профессионального мастерства, увеличения ввоза необходимых материалов, орудий труда и т.п. Отсюда жесткая потребность не просто в сохранении, но в расширении экономических связей со странами Западной и Центральной Европы. Всего лишь один пример. Россия той эпохи не имела месторождений цветных и благородных металлов, серы, железо добывали только из бедных болотистых руд. Разного рода оружие, серебряная монета, сукно массовых, недорогих сортов — все перечисленное было очень важными статьями российского импорта в морской и сухопутной торговле. Зависимость страны в этом пункте имела стратегическое значение и осознавалась еще Иваном III. Но решающие шаги в данном направлении были еще впереди. К обсуждению острых проблем торговли, войны и мира власть еще привлечет российских купцов и ремесленников. Пока же, по словам приметливого имперского посла барона С. Герберштейна, дважды посетившего Россию при Ва-

силии III, «простой народ и слуги по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы есть дело господское...»

§ 5. Воины и управители: российская знать и дворянство на переломе эпох

Заголовок параграфа нуждается в небольшом пояснении. Уже говорилось о служилом боярстве эпохи Дмитрия Донского и Василия I, верностью и службой которого была обеспечена победа Василия Темного в смертельной схватке за власть. Естествен вопрос: в чем же тут перелом эпох? Его надо искать позднее. Что такое дворянство и знать в конце XIV — середине XV в. при всей условности этих понятий? Прежде всего, это совокупность разделенных государственными границами ассоциаций представителей благородных сословных групп во главе с владетельными (великими, удельными, служилыми) князьями. Каждая ассоциация в любом княжении описывалась сначала словосочетанием «бояре и вольные слуги», а с 30-х годов XV в. — «бояре и дети боярские».

Здесь необходим небольшой комментарий. Ошибкой будет думать, что термин «боярин» и в XIV и, скажем, в XVI в. имел одинаковую смысловую нагрузку. В XVI в. боярин — член совета при великом князе, которому этот чин «сказывался» официально. Среди всех лиц, принимавших по праву участие в заседаниях этого совета, бояре занимали первое место, их число (в каждый данный момент) было ограниченным. В XIV — середине XV в. бояр относительно много. Их отличия от вольных слуг не описываются во всех деталях, но главное ясно. Боярин, во-первых, знатное по происхождению и значимое по службе предков лицо. Во-вторых, это человек зрелого возраста, собственник вотчин, обладающий и городской оседлостью в столи.це княжества. Он может входить, а может и не входить в совет при князе, но характер его службы — военной и управительской — соответствует его происхождению и статусу. Его отношения с князем носят индивидуальный характер, хотя и вписаны в контекст служебно-фамильных связей всего боярства.

Происхождение вольных слуг не столь однозначно, их служба князю и статус чаще определяются в составе аналогичной группы. Живя постоянно в городе, они не всегда, видимо, обладали значимой земельной собственностью, характер их служб был рангом ниже.

Что объединяло и тех, и других? Некое единство прав и обязанностей. В обязанностях — верная служба сюзерену «конно и оружно», «куда пошлет». В понятие военной служ бы входила также обязанность «сесть в осаду» в том городе, в округе которого у боярина или слуги располагалась вотчина. Права распространялись на материальное вознаграждение, на соучастие в управлении совокупностью тяглых людей данного княжества, возможность беспрепятственного отъезда к иному князю без потери вотчин, на включение в институт социальной организации подобных лиц — государев двор.

Понятие «государев двор» имело несколько значений. Но ведущее из них в это время — совокупность бояр и вольных слуг, связанных с князем-сувереном вассально-служебными отношениями. Более узко под двором понимали тех из них, которые в силу разных причин постоянно или периодически находились при князе. Включение в состав двора, судя по всему, было пропуском в систему кормлений, с помощью которой, собственно, и осуществлялось все управление княжеством. Иными словами, иерархически выстроенная ассоциация феодалов («бояр и вольных слуг») во главе с князем и была государственным аппаратом данного княжения. В качестве наместников, волостелей, княжеских данщиков, писцов, тиунов, праведчиков фигурировали сообразно своему происхождению, статусу, заслугам и притом в очередь бояре и слуги. В рамках этой социальной структуры элитных слоев, государственного управления теснейшая переплетенность, взаимообусловленность власти и собственности сверхочевидны. Мы вправе говорить о государственно-корпоративной собственности ассоциаций бояр и вольных слуг во главе с монархами-князьями на все тяглые земли в городах и сельской местности, а в определенном смысле — и на самих тяглецов, горожан и крестьян. Конечно, в наиболее отчетливом виде отношения этой формы феодальной собственности (государственно-корпоративной) проявлялись на черносошных (черных)

тяглых землях города и деревни. Но она — эта форма — охватывала и частные (светские и духовные) вотчины с владельческими крестьянами. В той мере, в какой они привлекались к отбыванию повинностей в княжеских селах. В той мере, в какой они были подведомственны управлению и суду кормленщика, а не их сеньора. В той мере, в какой эти владельческие крестьяне платили в государеву казну дань, иные платежи, включая выход в Орду.

Вообще, и сеньориально-вотчинные, и государственно-корпоративные отношения собственности взаимно обременены схожими чертами. Вотчинник в своем владении — государь, обладающий публично-правовыми прерогативами. Но выразительнее другая сторона сравнения. Вот кормленщик «наезжает» на управляемую территорию. Кто же его сопровождает, кто осуществляет повседневность суда и управления — вызывает в суд участников разбирательства, берет по них поруки, контролирует проведение судебных поединков, осуществляет исполнение судебных решений? Холопы-послужильцы (российские мннистериалы) своих господ — те же лица, которые управляют от имени господина в его собственных вотчинах, участвуют с ним в военных походах и т.п. Они собирали натуральное обеспечение (корма) для господина и себя с подвластного населения. В XV в. в спокойных районах и в спокойные годы кормленщик пребывал в резиденции наместника или волостеля лишь время от времени: военная служба была важнее. В такие периоды его замещал тиун, из числа все той же группы боевых холопов-послужильцев. В пользу наместника население отбывало ряд повинностей (строительство и ремонт двора). Если же вспомнить о насилиях наместников вполне сеньориального толка, то искомый вывод рядом: государственно-корпоративная собственность действительно обладает многими чертами из арсенала сеньориально-вотчинной собственности.

Что отразила смена терминов «бояр и вольных слуг» на «бояр и детей боярских»? Немногое — принципиальных перемен пока нет, — но показательное. Прежде и ранее всего — факт облагораживания того многочисленного слоя, который обозначался ранее как «вольные слуги». Несомненно, что «дети боярские» ближе к боярам по всем смысловым оттенкам. Конечно, речь идет в первую очередь не о возрастных отличиях. Сам термин «дети боярские» оказался настолько удачным, что он закрепился на два с лишним столетия вперед для обозначения уездного дворянства. Второе обстоятельство — новое словосочетание прояснило уже отмеченную эволюцию термина «боярин»: в последней трети XV в. это слово чаще употребляется в том узком его значении, которое закрепилось за ним в XVI в.

В ряде жалованных грамот, в летописных известиях эта нерастыкующаяся пара понятий обрастает третьим термином — «княжата», так что перечень благородных групп теперь выглядит следующим образом: «бояре, княжата и дети боярские». Синхронно и, может быть, чуть ранее в княжеских договорах возникают «служилые князья». В обоих случаях перед нами следы начавшейся принципиальной эволюции князей-суверенов. Первый их шаг по лестнице, ведущей вниз,— утеря статуса удельного князя и обретение ранга служилого князя. Две особенности выразительно рисуют разницу: служилый князь теряет вотчину при отъезде к иному суверену; подобно боярину и сыну боярскому он отправляется на службу, «куда пошлет князь великий». Но отношения великого князя со служилым князем индивидуальны, последний в своих землях пользуется всеми судебно-административными и податными правами, он имеет вассалов и т.п. Еще один шаг вниз по той же лестнице — появление территориальных княжеских корпораций как особых групп в составе государева двора. Их главное отличие — монарх строит отношения с ними не на индивидуальной, но корпоративно-групповой основе. К концу XV в. эта сословная группа, состоящая из ряда территориальных корпораций, вполне сложилась.

Последняя ступенька в этой недлинной лестнице — дворянин с княжеским титулом входит в состав той или иной страты государева двора или же какой-либо территориально-уездной корпорации.

Эволюция статуса княжеских фамилий лишь небольшая часть куда более массивных подвижек в служилом сословии. Первая из них — стремительный демографический рост. Второе обстоятельство — важные изменения в земельном обеспечении служилых людей по

отечеству со стороны государства. Третий пункт — характер иных способов материального вознаграждения. Четвертый момент — существенные изменения в формах социальной организации и социальной мобилизации.

По косвенным данным, демографический рост дворянства в целом, начавшись в 60—70-е годы XV в., продолжался вплоть до последней трети XVI в. Его источниками были не только естественный прирост, но пополнение за счет холопов-послужильцев, части горожан, эмигрантов из соседних стран. Быстрое увеличение численности и ухудшение генеалогического состава дворянства неизбежно привели к росту напряженности.

Одна из точек напряженности — неодинаковость принципов в земельном обеспечении. Условное землевладение (крайне неустойчивое) много старше первых поместий конца XV в. Но из условных владений только поместья превратились в конце XV в. сначала в значимый, а позднее в ведущий фактор светского землевладения вообще. В 30—40-е годы XVI в. нарастало не только неравенство в поместных «дачах», но сословно и фамильно маркированное неравенство в пожаловании вотчин. К середине века эти противоречия обострились. Сильно затрагивало интересы служилых дворян неравенство тяжести службы.

И в начале XVI в., и в середине столетия дети боярские делились на тех, кто «емлет кормление», и тех, кто «емлет государево денежное жалованье». Последние относились к неродовитым и наименее престижным группам. Но кормлений на всех уже не хватало. Здесь проходил второй разлом интересов всей массы детей боярских. К тому же было неравенство условий получения: самостоятельно у кормленщиков, с ясной перспективой злоупотреблений, и через государеву казну у остальных — нерегулярно, но строго по нормам.

В последней трети XV в. вполне обозначились главные контуры стратификации дворянства. Государев двор включал теперь не почти всех вассалов того или иного суверена, но генеалогическую и выдвинувшуюся по службе элиту. Сама элита была неравноценной, вот почему не позднее 90-х годов XV в. начинает усложняться структура двора. Нормы местничества возникли многим раньше этого времени, но сфера их бытования была по неизбежности ограниченной. Сейчас для ее функционирования открылись просторы: требовалось согласовать взаимные претензии множества фамилий и родов из разных регионов. Структура двора предусматривала тогда разного рода автономные институты.

Начавшимся системным переменам в дворе соответствовали изменения в устройстве служилого дворянства. За основу — с учетом опыта и традиций — был взят принцип территориально-уездной корпорации. Но слишком велики были различия между отдельными корпорациями, неодинаков был статус членов даже одной и той же корпоративной группы (в его главных основаниях), не определен механизм социальной мобилизации. А главное, не было единства в учете тяжести службы и материального обеспечения.

Теперь наложим эти в общем понятные и естественные в процессе развития противоречия на реальный ход событий. Из 35 последних лет правления Ивана III мирными были не более 10—12. Это не считая обязательных выдвижений дворянских отрядов в весенне-летний период в крепости на южные и западные границы. Та же ситуация в правление Василия III: 18—20 лет приходятся только на крупные походы и масштабные военные действия. Сложно в таких условиях провести единую и последовательную линию преобразований в социальном, материальном, организационном устройстве дворянства. Ее и не было в качестве разработанного и реализуемого проекта. Изменения шли естественным путем, опираясь на традиции, с учетом новых реалий, методом проб и ошибок. При этом накапливание последних почти неизбежно. Что и порождало дополнительную напряженность между элитой и основной массой служилых людей, между разными уездными корпорациями детей боярских. Начавшиеся перемены требовали логического завершения.

Осознавали ли себя все названные прослойки и группы чем-то единым? В совсем немногих пунктах. Практика закрепила сознание, что только несущие «ратную, смертную службу» имеют право на земельные владения с крестьянами. Исключения здесь были немногочисленны. И второе. Тот же барон Герберштейн, рисуя нравственно-психологический облик представителей дворянства, заметил: «Как бы ни был беден боярин, т.е. знатный

человек, он все же считает для себя позором и бесчестием работать собственными руками». Понимание своей функции в обществе — защищать всех и соуправлять всеми тяглецами — прочно укоренилось в сознании большинства детей боярских в качестве престижной и очень значимой жизненной установки.

Много ли их было? Некоторые иностранцы насчитывали к середине XVI в. до 200 тыс. Это большое преувеличение. Скорее всего, их насчитывалось (с семьями) порядка 120—150 тыс. или 2—2,5% от численности всего населения. Совсем немного, исходя из военных потребностей, но в меру хозяйственного подъема и экономических возможностей производителей.

§ 6. Молящиеся у престола: общественная роль русской церкви

24 августа 1481 г . митрополит Геронтий отправился из Успенского собора в Симонов монастырь, оставив в кафедральном храме святительский посох. Так он протестовал против вмешательства Ивана III в сугубо внутренние вопросы церкви.

Конфликт вспыхнул осенью 1479 г ., когда великий князь обвинил митрополита в недопустимой ошибке при освящении нового здания Успенского храма. За грехом, по мнению Ивана III, последовало наказание: сентябрьский пожар уничтожил едва ли не половину построек в Кремле. Споры осенью 1479 г . не дали результата. Но последовали события в Новгороде, мятеж братьев, «нахождение» полчищ орды т ского хана Ахмада в 1480 г . Как будто потухший костер конфронтации вновь разгорелся летом 1481 г ., когда великий князь запретил освящать построенные на его средства две церкви сообразно правилам митрополита. Это переполнило чашу терпения Терентия, тем более, что все «эксперты» были на его стороне. Ссора стала публичной, приобрела политический характер. Столкновения Ивана III с Геронтием уже случались, но это было самым длительным и острым. Великий князь дважды пытался кончить дело компромиссом. Не вышло. Пришлось подчиниться настояниям митрополита и отправиться лично в монастырь (почти как императору Генриху IV в Каноссу) с челобитьем к Геронтию о его возвращении на кафедру, обещая слушаться «речей» святителя.

Прошло сорок с небольшим лет. В декабре 1521 г . митрополит Варлам добровольно, а фактически по желанию великого князя Василия III съехал все в тот же Симонов монастырь, а чуть позднее был отправлен в ссылку. Причины недовольства державного наверняка неизвестны. Скорее всего, его возмутило то, что митрополит печаловался за лиц, попавших в опалу после летней катастрофы 1521 г . Кстати, в глазах тогдашних людей это было нравственной обязанностью в общественном служении святителя. Времена, однако, стали другими. В очень важной сфере существования церкви — в отношениях носителей светской и духовной власти — произошли существенные изменения.

В каждой христианской стране средневековья духовным лицам отводилась теоретически первая позиция. К примеру, в сословных собраниях им полагалось первое место. Их труд — молитва за всех мирян перед Всевышним — почитался самым важным. Церковь осуществляла (чудесным образом) связь верующих с Богом, с одной стороны, а с другой — олицетворяла царство Божие в мире сем. Устремленная в идеале к небу, она своей организацией, разнообразием функций, всей деятельностью была укоренена на земле и среди людей. Россия не была исключением. Правда, между теорией и практикой (опять-таки повсеместно и неизбывно) образовывался зазор. В сближениях и расхождении тогдашних идеальных моделей и реальных процессов отчетливее всего можно разглядеть историю церкви.

Первый вопрос — структура русской православной церкви и материальные основания ее деятельности. Если исключить православные кафедры Великого княжества Литовского, канонически подведомственные по традиции Московской митрополии (именно она была единственной наследницей Киевской митрополии), то можно насчитать девять епископий на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Это — Новгородская (с XII в.) и Ростовская (с первой трети XV в.) архиепископии, Рязанская, Суздальская, Тверская, Коло-

менская, Пермская, Сарская и Подонская епископий, а также митрополичьи десятины (т.е. территории, которыми в церковном отношении митрополит управлял наподобие других владык). Никаких серьезных перемен в границах территорий кафедр в XV — середине XVI в. не происходило. Лишь сарский владыка в середине XV в. вынужденно перебрался в Крутицы под Москвой, да новые приобретения России на Севрщине в конце XV — начале XVI в. оказались в Суздальской епископий.

Поражают размеры территорий большинства кафедр: они просто несопоставимы с аналогичными показателями епископий в восточных патрнаршествах. Впрочем, не забудем о малой плотности населения в стране. Но вот приходы несомненно и довольно быстро росли сообразно успехам колонизации. Уплотнялись приходы в городах — об этом можно заключить на основании растущего храмового строительства, особенно в Великом Новгороде, Москве, Пскове. Но не только. Еще в XIV в. большинство небольших центральнорусских городов обзавелось городскими соборами, что предполагает наличие и приходских церквей. Бурное развитие монастырской жизни также способствовало росту числа храмов. Разраставшаяся сеть соборных и приходских церквей была и предпосылкой, и самым выразительным проявлением успехов в деле евангелизации. Церквей в XV — середине XVI в. насчитывалась, возможно, уже не одна тысяча.

Факт существенный и многослойный. С этого времени следует полагать воздействие иерархов на мысли, настроения, социальное поведение прихожан достаточно эффективным. Церковь естественным образом становилась значимой и автономной от светских властей силой во многих сферах жизнедеятельности. Чему способствовала и упрочившаяся материальная самостоятельность. Ведь что значил в этом плане рост числа приходов? Увеличение доходов епископа и институтов епископального управления. В пользу кафедры шла церковная дань со священников, диаконов, отчисления за обряды и таинства, ряд иных взиманий. Епископ и его представители судили церковных лиц в духовных делах, а в идеале — вообще по подавляющей части дел. Другое дело, что текущая документация XV—XVI вв. показывает, сколь далек был идеал от мирских реалий: в светских делах с участием представителей духовенства преобладал, увы, княжеский суд. Наконец, владыки вершили суд по делам о преступлениях против нравственности, по спорам о наследовании над всеми мирянами. Как и в светском суде, все этапы процесса, составление и заверение документации сопровождались уплатой пошлин и штрафов.

Включенность владык в земные заботы видна из самого устройства епископального управления. В середине XIV — середине XVI в. штаты этого управления пополнялись за счет светских феодалов — бояр, детей боярских и т.п., — находившихся в служебно-вассальных отношениях с той или другой кафедрой. Именно они оказывались на постах владычных наместников, десятинников, заезщиков и т.п. Митрополичьи и епископские бояре составляли по преимуществу судебную курию при иерархе. Особая стать у Новгородской архиепископ и и с конца XIV в.: в структуре ее органов, объеме функций, характере деятельности ряда владык (в середине XV столетия) различимы признаки теократизма.

Другой источник материального обособления церкви — ее землевладение. Оно возникло еще в эпоху Киевской Руси, но со второй половины XIV в. темпы его роста стали ощутимыми. Митрополичья кафедра, некоторые епископии превратились в очень крупных феодальных вотчинников. В заметных размерах земельной собственностью были обеспечены некоторые соборные храмы. В обычных же приходах дело обстояло иначе. Помимо выплат и натуральных поступлений от прихожан, причту полагался сравнительно небольшой надел, который обрабатывался силами семьи.

Со второй половины XIV в. быстро росла земельная собственность монастырей. Порой даже говорят о монастырской революции. Это слово вряд ли уместно. Но несомненно, что образ монастырской обители разительно изменился. На смену господствовавшему ранее городскому или пригородному монастырю келлиотского, «особного» жития с немногочисленной группой монашествующих приходит «ушедшая от мира» обитель, которой основатель предписывает строгий устав общежитийного монастыря с довольно большим

контингентом монахов и послушников. Уход от мирян в чащобный ненаселенный лес вряд ли стоит понимать буквально: от ближайших поселений старцев отделяли порой совсем немногие версты и нечасто — десятки верст. Монастыри возникали в зонах начавшейся колонизации, когда они сами как бы намечали ее направления. В других случаях основатели обители следовали за земледельцами.

Вряд ли уместно сейчас говорить о всех мотивах и следствиях этого очень важного явления русской жизни. В нем сплелись многие факты социальной, хозяйственной, политической, нравственной и культурной жизни. Тяжкая рука Орды над Русью при хане Узбеке (вторая четверть XIV в.) подталкивала к уходу из мира в стремлении путем личного нравственного самосовершенствования и служения Богу обрести спасение. Уходили чаще из городов, так как в них в том или ином виде концентрировалось ордынское присутствие. Кровавое соперничество русских князей порождало крайнюю непредсказуемость социального бытия тогдашних привилегированных групп. И это способствовало уходу в «молебное служение» представителей благородных от рождения лиц.

Конечно, основание массы новых обителей в сельской местности базировалось и сопровождалось развитием монастырей в городах. Последние подготовили нравственную и умственную почву. Всплеск монастырской жизни отчасти проявил пробуждение национального духа. Всем хорошо известные имена олицетворяют этот процесс — митрополит Алексий и Сергий Радонежский. Сергий, его ученики, ученики его учеников дали начало более чем трем десяткам обителей во многих областях страны. Но были и иные лица, вставшие во главе этого движения в других регионах. Таковы, к примеру, суздальский владыка Дионисий и основатель знаменитого суздальского Спасо-Евфимиева монастыря — Евфимий, фактические современники Сергия.

За полтора века жизни общежительные обители реализовали несколько вариантов внутреннего устройства, форм и способов связи с внешним миром. К началу XVI в. постепенно сформировались и выразили себя текстом две позиции. В одном случае речь идет о маленькой обители (ските) или узком их сообществе, где немногие и сильно продвинувшиеся на пути спасения старцы учительствуют в отношении небольших групп учеников и нерегулярно появляющихся мирян. «Моления за мир» — очень значимая часть их забот. Не менее важно их самосовершенствование и индивидуальное спасение. Они не отвергают любой земельной собственности у церкви но прямо порицают владение вотчинами, населенными крестьянами. Обычно их называют нестяжателями.

Другой вариант — обустроенная, крепко стоящая в хозяйственном плане обитель. Она бросается в глаза издали своими кирпичными (реже деревянными) стенами с надврат ными церквами. За оградой — комплекс культовых, жилых и хозяйственных здании. Рядом зачастую расположены пруд и сад, подмонастырское село, монастырская и крестьянская пашня. Как правило, это только центр владений. У одних таких обителей обнаруживаются немалые вотчины в двух-трех соседних уездах, у других владения раскиданы по десяткам уездов. В чем побудительные мотивы таких процессов? Прежде всего, в таких монастырях намного ярче выявлена функция моления и заступничества, особенно за усопших. Обычай поминальных вкладов в монастыри широко распространился с XIV в. При затрудненности денежного обращения гораздо чаще давали вклады землей и натуральными продуктами с условием внести родителей и близких родственников в синодики. Регулярные моления иеромонахов и просто монахов за персонально названных лиц должны были благотворно сказаться на потусторонних судьбах умерших. Для представителей знати и вообще элиты становятся типичными захоронения в притворах монастырских церквей или рядом с ними Подобные обители намного успешнее нестяжательских скитов выполняли функции общественного призрения и благотворительности (монастыри обычно содержали больницы, богадельни, гостиницы). Кроме того, такие монастыри объективно служили целям накопления общественного богатства, используемого властью в кризисные времена. Подобные, хозяйственно обустроенные, с четким уставом обители были приемлемым и надежным прибежищем для знатных лиц, принимавших постриг. По имени Иосифа

Волоцкого это течение в монашестве и церкви вообще именуют обычно иосифлянским.

Общежительные монастыри быстро стали рачительными хозяевами. Успехи определяли корпоративный их уклад, неотчуждаемость недвижимости, запрет на изъятия светскими властями вотчин согласно постановлениям Вселенских соборов, прагматизм и большие возможности в управлении имениями.

Нередко считают, что владычные кафедры, монастыри, соборы владели в первой половине XVI в. третью феодальной земельной собственности. Это сильное преувеличение. Трудно назвать реальную цифру. В любом случае, однако, церковные земли стали значимым, а порой болезненным для светских феодалов фактом действительности. Возникали, а частью реализовывались идеи частичных конфискаций, первых запретов на дальнейший рост вотчин монастырей. Но тогда еще и речи не было о секуляризации.

Концентрация материальных средств в монастырях быстро и ярко проявила их культурно-образовательную функцию. Она тесно связана с внутренним распорядком жизни. Ежедневный цикл служений требовал полного собрания богослужебных книг, сборников поучительного характера, кратких и пространных редакций житий (отрывки из них читались на трапезах) и т.п. Переписывание и сличение книг стало одним из важных видов монашеских послушаний, равно как и написание икон. Концентрация людей хотя бы элементарно грамотных, накопление традиций в изготовлении рукописных книг, фиксация сначала только местных, а затем и общероссийских событий в особых летописцах, составление сборников энциклопедического характера, наконец, появление различных полемических сочинений — вот основные области книжного и культурного дела в жизни монастырей. Сохранившиеся собрания рукописей Троице-Сергиева, Кирилло-Бело-зерского, Спасского Ярославского, Иосифо-Волоцкого, Соловецкого монастырей дают наиболее объемные представления о книжности XIV — середины XVI в.

Обозначившаяся материальная независимость церкви (точнее сказать, в ряде случаев — материальная автономность от светской власти) — важный этап в становлении сословной организации русского духовенства. Еще один признак этой тенденции — своеобразная наследственность статуса белого духовенства. В православии был обязателен брак для священников и диаконов. Их сыновья, скорее всего, наследовали социальную позицию и сан родителя (рукоположение владыкой не было, конечно, автоматическим). Ряды монахов пополнялись в немалой мере за счет вдовых священников (второй брак был для них запрещен), особенно после постановлений церковного Собора 1503 г .

Существеннейший признак сословности духовенства — самоорганизация церкви. С этим дело обстояло сложнее. Прокламированный святительский суд над всеми церковниками — скорее желаемый идеал, но отнюдь не будни реальной жизни И официальные документы, и наблюдения иностранных путешественников свидетельствуют о практике светского суда по делам светской юрисдикции над лицами духовного звания. Второй пункт этой проблемы — порядок замещения кафедр и игуменские назначения. И в том, и в другом случаях решающее слово оставалось за носителями светской власти. Начнем с епископских кафедр. Конечно, поставление владык было прерогативой московского митрополита и только в совершенно исключительных случаях (к примеру, когда митрополия «вдовствовала») могли обратиться к равностатусному лицу. Но вот ведь что характерно. До ликвидации государственной самостоятельности Твери, Рязани, Новгорода, Ростова вакансии на эти кафедры замещались почти исключительно представителями местного духовенства. Решающая роль принадлежала, конечно, местным же великим и просто владетельным князьям. В Великом Новгороде процедура избрания жеребьевкой одного из трех кандидатов вообще превратилась в одну из главных процедур новгородских институтов власти. Это происходило на городском вече с участием посадников, тысяцких, Собора местного духовенства.

Московский митрополит до середины XV в. назначался и ставился константинопольским патриархом. Затем, начиная с Ионы, Поместным собором русской церкви. Но уже при поставлении Зосимы в конце XV в. (не исключено, что и Терентия) главное решение прини-

мал великий князь. Произвол светских властей (объективно мотивировавшийся конъюнктурно-политическими соображениями) при сведении с кафедры митрополита Даниила в 153S г., а немногим позднее Иоасафа, — показал крайнюю нежелательность подобных действий. Церковь теряла роль арбитра и института, способного внушить соперничающим партиям идею компромисса. Для православия вообще характерна известная рыхлость церковной организации по сравнению с жестко структурированной католической церковью. Это как бы подталкивало государей не просто покровительствовать и охранять церковь, но вмешиваться в ход внутрнцерковных дел.

Еще нагляднее это прослеживается в отношении монастырей. Опять-таки в идеале они канонически подведомственны местному епископу. Но то в теории. На практике замещения освободившихся должностей игумена или архимандрита были почти целиком в руках того или иного князя. Это непростая сфера взаимоотношений светской и духовной властей, в которой сталкивались их интересы. Но именно здесь хорошо различимы признаки превращения русской православной церкви в государственно-национальную. В XV—XVI вв. данный процесс охватил разные уголки Европы.

Прежде всего, даже начало автокефалии церкви означал разрыв с Константинопольским патриархатом, в чьем каноническом ведении находилась московская кафедра. Случилось это после ареста митрополита Исидора, последнего ставленника патриарха в Москве. Приказ об аресте от имени великого князя воспоследовал сразу по завершении им литургии в Успенском соборе, которую он совершал в соответствии с принятой на Феррaро-Флорентийском соборе унией католической церкви и православной. Исидор показал себя ревностным ее сторонником. Ему дали возможность бежать в Тверь в том же 1441 г ., откуда он вскоре удалился в Литву. В течение некоторого времени сама кафедра в Константинополе была занята приверженцами унии, в 1453 г . столица Византийской империи пала, оказавшись под властью турок-османов. Все это сделало невозможным восстановление канонического и юридического верховенства патриархата над Москвой. Первым московским митрополитом, избранным и поставленным на Поместном соборе российских иерархов в 1448 г ., был Иона. Он сам успел указать перед смертью на своего кандидата, процедура выборов Филиппа и Геронтия не вполне ясна (с точки зрения участия в них великого князя). Позднее именно его решение было определяющим, хотя формальный выбор и само поставленне происходили на Поместном соборе владык русской церкви.

В 1459 г . совпали канонические пределы московской митрополии с политическими границами рождавшегося Российского централизованного государства. Это произошло в результате окончательного обособления в самостоятельную митрополию православных епископств Великого княжества Литовского. Московская митрополия была единственной наследницей бывшей Киевской митрополии, так что новое учреждение митрополичьей кафедры в Киеве было произведено под политическим давлением Казимира IV. С тех пор территориальные границы прерогатив московских святителей менялись лишь с изменением государственных границ России. Заметим попутно, что с сугубо формальной точки зрения несовпадение церковных и государственных рубежей сохранялось недолгое после 1459 г . время — пока не ушла в небытие государственная самостоятельность Новгорода, Твери, Рязани.

В тяжкие и кровавые годы усобицы в московском княжеском доме упрочилась тесная связь между московскими первоиерархами и московской правящей династией. Ни князь Юрии Дмитриевич, ни его сыновья — князь Василий Косой и Дмитрий Шемяка — не получили церковной санкции своих претензий на великокняжескую власть. Особенно велики заслуги митрополита Ионы — благодаря его усилиям неудачливый в делах и в бою Василий II добился все же окончательного успеха. И что, пожалуй, важнее. Иона, Филипп, Геронтий, ростовский владыка Вассиан постепенно формировали и формулировали (в текстах и на практике) политическую доктрину Российского государства как полностью суверенного христианского православного царства. Понятно, что акцент делался на вероисповедном компоненте, что ликвидация зависимости от Орды и ханов описывалась в терминах борьбы с

«незаконным» исламом, конфликты же с Литвой — как противостояние схизме католичества.

После 1453 г . все более стал осознаваться факт единственности России как православного государства. На этом во многом зиждились представления — и мудрых книжников, и простецов — о России как о «святой земле». С этим стали соотносить и другие факты духовно-церковной жизни, прежде всего разрастание монастырей. Постепенное вызревание идей этого круга имело разноплановые последствия. Начинают смещаться также акценты в характере поведения церкви. Если традиционно в столкновениях с иными конфессиями русская церковь занимала скорее активно-оборонительные позиции, то в первой половине — середине XVI в. различим переход к наступательности. Не след этому удивляться. Это вполне соответствовало духу эпохи в Европе и на Ближнем Востоке, реалиям международных отношений, возможностям и целям российской дипломатии. В то же время сама церковь нуждалась в реформировании многих сторон своей внутренней жизни, взаимоотношений с властью и обществом. Одним из самых острых вопросов, как показал опыт последних двух десятилетий XV в., могло стать покровительство великого князя и близких к нему лиц еретическим течениям. Тогда церковь справилась с ситуацией огромным напряжением сил. В середине XVI в. вновь обозначились признаки подобного кризиса.

Глава 16. Два лика грозного царя: Россия в эпоху реформ и контрреформы середины XVI в.

В общественном сознании эпитет «грозный» неотторжим от имени российского монарха, первого в истории страны венчанного царя Ивана IV Васильевича. Изредка это прозвание давали его деду, первому «великому князю всея Руси» Ивану Васильевичу. Совершенно определенно бывал грозен, а порой лют Петр I, первый полноправный российский император. Но ни народная память, ни ученые труды не удержали за ними этого сурового и мрачного определения. Очевидны те события, после которых прозвище намертво приросло к имени царя Ивана. Разгул его массовых казней, опустошивших города и села России, пришелся, главным образом, на опричные и первые послеопричные годы. Эти годы занимают около трети того времени его царствования, когда Иван IV по возрасту реально исполнял функции монарха. Однако именно они врезались в память подданных «удобь подвижного» на опалы монарха, зарубежных современников, близких и далеких потомков. Российские авторы «бунташного столетия» видели одну из главных причин великой Смуты начала XVII в. во «вражьем разделении» общества и страны в годы опричнины. Ученые-историки XIX—XX вв. усматривали в ней то торжество беззакония и деспотического самодержавия, то неизбежную, «прогрессивную» в основе политическую борьбу за единство и централизацию государства. «Спокойные» же времена правления Ивана IV оставались в тени.

Но разве истинно и справедливо такое соотношение? Ведь именно в период реформ середины XVI в. уже территориально и политически единая Северо-Восточная и Северо-Западная Русь по всем решающим признакам превратилась в то, что ученые XIX в. предпочитали называть Московским Царством. Реформы на полтора столетия определили механизм функционирования российского общества и тенденции в его последующей эволюции. Какие

причины и мотивы обусловили начало преобразований? Ответ надо искать прежде всего в событиях и процессах первой половины XVI в. Обратимся к ним.

§ 1. В канун царского венчания: политическая борьба и кризис власти в 20—40-е годы XVI в.

Эпоха Василия III на первый взгляд представляет почти идиллически спокойную картину политической и социальной жизни по сравнению с последовавшим царствованием Ивана IV. И современники, и потомки видели в ней прежде всего продолжение тех процессов, которые были начаты при Иване III. И в этом утверждении немалая доля справедливости.

Действительно, старший сын Ивана III и Софьи Палеолог как бы шутя, без особого напряжения и резких мер завершил территориальное объединение Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. В 1510 г . прекратилось автономное государственное бытие Пскова, причем вся псковская элита была перемещена в центральные и юго-восточные уезды страны. В 1521 г . закончилась «самостоятельная» жизнь Рязанского великого княжения, которое, впрочем, находилось под реальным контролем Москвы еще с 60-х годов XV в. В смутные события лета 1521 г . (о них речь впереди) последний рязанский князь (близкий родственник московского государя) бежит из-под ареста в столице в родные места. Но вот что характерно: даже острейший кризис не дал ему сколь-нибудь серьезного шанса вновь закрепиться в наследственном владении — он находит убежище и скорое забвение в Литве.

Василий III продолжил дело отца в отношении старых и новых уделов. Первых, впрочем, досталось на его правление совсем немного. Волоцкое княжество Федора Борисовича в 1513 г . перешло в руки московского государя как выморочное. То же произошло с Калужским и Угличским княжениями: вслед за кончиной князей Семена (1518) и Димитрия (1521) владения унаследовал их старший родной брат, Василий III. Младший сын Ивана III, Андрей получил от брата завещанный отцом удел только в 1519г., когда ему шел уже 29-й год. У Василия III случались острые конфликты и с Юрием (вторым по старшинству сыном Ивана III от Софьи, главой Дмитровского удела), и с Семеном. Но эти столкновения никогда не превращались в открытое политическое противоборство. При наличии наследника у Василия III никто из братьев ни формально, ни реально не мог претендовать на московский трон. И хотя проблема сына-наследника оказалась для Василия III неожиданно острой, но даже до рождения Ивана IV на долю Юрия оставались лишь надежды ожидания.

Не случайно и то, что большинство братьев Василия III остались холостяками. Московский монарх совсем не стремился к наследственным уделам. Только князю Андрею — и то на 43-м году жизни, когда великий князь уже обзавелся двумя сыновьями — было позволено жениться. Припомним теперь и другие обстоятельства. По традиции удельные князья не обладали никакими внешнеполитическими прерогативами. Иван III наделил своих младших четырех сыновей намного скупее, чем то сделал в свое время Василий Темный. Удельные князья начала XVI в. были лишены полномочий чеканить свою монету, их имущественные права на часть доходов с Москвы и на владения в столице были ограничены. В их княжествах значительные слои местных феодалов служили великому князю, собственно удельные отряды исправно несли службу в составе российских ратей. Вот почему ни удельные князья, ни стоявшие за их спинами вассалы не представляли фактом своего существования прямой угрозы единству страны.

Ничего не меняли здесь вотчины служилых князей. Как и удельные, они имели собственных вассалов, обладали фискальными и судебными правами над тяглым населением княжения, выдавали жалованные грамоты. Они посылали на военную службу по распоряжению великого князя своих ратников отдельными полками. Их владения, как правило, были наследственными, но скромными по размеру. В центральных, юго-восточных и верхневолжских уездах служилых князей ко времени правления Василия III уже не осталось, за единичными и притом не из местных родов исключениями. Их было немало в юго-западном пограничье. Крупнейшие служилые княжества принадлежали потомкам эмигрантов из Мо-

сквы, — князьям В.С. Стародубскому (внуку И.А. Можайского) и В.И. Шемячичу (внуку Дмитрия Шемяки). Первое из них досталось Василию III в 1518г. как выморочное, княжение же Шемячича было ликвидировано после его ареста весной 1523 г .

Легкость, с которой великий князь решал упомянутые конфликты, демонстрирует обширность личной власти московского монарха. Недаром один из его придворных роптал в частных беседах на то, что великий князь не любит противоречащих ему, а все дела решает, «запершись сам-третий у постели». В унисон этому австрийский барон Герберштейн был поражен тем «рабством», которым российский государь «одинаково гнетет» и самых знатных лиц страны, и рядовых Дворян. Было бы ошибкой, однако, думать, что его личная власть была абсолютно неограниченной. Помимо письменного права, существуют правовые обычаи и традиции, закрепленные практикой политической жизни. Именно в годы правления Василия III совет при монархе (Боярская дума) обретает в полной мере характерные для XVI—XVII столетий черты. Дума становится соправительствующим при монархе органом единого государства, обладая законосовещательными, судебными и координирующими в сфере дипломатии, военного и административного управления функциями. Пожалования в думный чин осуществлял великий князь. Но его предпочтения ограничивались естественно сложившимся представительным характером совета. Великий князь подвергал опале отдельные персоны, целые группы знатных воевод, но в совете почти всегда были представлены князья суздальские, ярославские, оболенские, ростовские, стародубские, тверские (все — Рюриковичи, как и московская династия), князья Гедиминовичи и старомосковские с XIV в. боярские роды (Захарьиных-Юрьевых, Морозовых, Плещеевых, Челядниных и т.п.).

Важные изменения претерпел государев двор. В удельную эпоху он объединял почти всех феодалов того или другого княжения. Уже при Иване III ситуация стала кардинально меняться: в государев двор включалась (на разных основаниях и в разной форме) главным образом элита — высшая и средняя. Этот порядок закрепился в правление Василия III. Боярская дума была наиболее значимой частью государева двора, структура которого (дворовые чины и сословно-статусные группы двора) начала усложняться, а численность возрастать. Здесь и возникали главные разломы соперничества благородных сословий России.

Первый из них — борьба родственно-клановых по преимуществу группировок знати за влияние на великого князя, за наиболее значимые позиции в Думе, во дворе, в командовании войсками, в управлении на местах. Именно в этой среде получила распространение практика местничества. Назначения на важные военные и гражданские должности соподчиненных лиц регулировались происхождением и значимостью службы их предков. Монарх не мог в противоречии со складывающимися правилами выдвигать фаворитов — их путь наверх мог быть только в обход той системы государственных учреждений и постов, где норм местничества избежать было нельзя.

Политические амбиции, престижность, материальные мотивы порождали противоречия и борьбу внутри знати. Но в отличие от предшествующей эпохи принципиально изменился ее статус по отношению к носителю высшей государственной власти: вассальные связи (как правило, персональные) уступали место унифицированному подданству. Это, а также наследственность статуса должны были скреплять формирующуюся московскую аристократию общностью корпоративных интересов, потенциально оппозиционных монархической власти. Отчасти так оно и было, вот почему и Иван III, и Василий III легко могли менять лиц, но не принципы существования знати в государстве. И все же — особенно в сравнении с Великим княжеством Литовским — московская аристократия обладала заметно меньшим политическим весом. Объяснений тут будет немало. Существенно, что российская знать как сословная группа не имела права решающего голоса в налоговой системе — этот важнейший рычаг был целиком в руках монарха и его окружения. Принципиально и то, что почти все земли и княжения включались в состав единого государства в результате военных акций или политического давления. Поэтому, как правило, оказывались разрушенными или сильно подорванными прежние социальные связи местной верхушки со служилыми землевладельцами; за спиной московских аристократов не было иной вооруженной силы, кроме

собственных военных холопов-послужильцев. Вот почему внутренние конфликты в среде знати выливались в форму дворцовой борьбы.

В годы правления Василия III ясно обозначился еще один разлом противоречий, — между элитой и служилыми детьми боярскими. Они, несомненно, были обязаны прежде всего экономическим и социальным факторам: слишком несоразмерным тяжести интенсивной военной службы было обеспечение рядовых дворян землей и деньгами. Явное неравноправие наблюдалось в способах и размерах пожалований.

Элита, верхушка наследственного провинциального дворянства получали кормления (с практически неограниченными возможностями для злоупотреблений), значительная часть служилого люда пробавлялась денежным жалованьем из казны, весьма скромным и выплачивавшимся на протяжении всей служебной биографии всего несколько раз. Члены государева двора владели, как правило, наследственными вотчинами, куплями, а также поместными землями, притом в разных уездах страны. Рядовая мелкота служила обычно с некрупных поместий и была лишена или утратила земли на вотчинном праве. Более того, значительная часть небольших поместных владений не обладала широким судебно-административным иммунитетом. Так что и сами помещики, и зависимые от них крестьяне подпадали под юрисдикцию наместников и волостелей. Если к сказанному добавить противоречия между служилым дворянством разных регионов, то картина социальных напряжений в господствующем классе будет почти полной.

Противоречия в среде «благородных сословий» вовсе не означали их автоматической трансформации в факты политической борьбы. Сцена политического действа при Василии III несколько увеличилась, поскольку в нее оказались вовлеченными более широкие круги государева двора. В этом раскладе сил великий князь был искушен: на рубеже двух столетий он блестяще завершил «академическое образование» в данной области. Полученных тогда умений, наработанного опыта за первые годы правления с лихвой хватило до конца жизни. Случайно или нет, но практически постоянно в опале были персоны из ведущих родов титулованной и нетитулованной знати, притом так, что соотношение сил разных кланов существенно не менялось. До поры до времени разрешались и социальные неудовольствия: фонд поместных раздач в центральных и поволжских уездах как-то незаметно, но постоянно рос. Острых проявлений борьбы за власть в годы правления Василия III не видно. И тем не менее два обстоятельства сулили перспективу грядущих потрясений.

Самая болезненная точка — длительное отсутствие наследника. Василий III женился впервые, как мы уже знаем, в сентябре 1505 г . на Соломонии Сабуровой, представительнице старого боярского рода. Брак оказался неудачным в главном предназначении: детей у супругов не было. В первой половине 20-х годов проблема наследника у монаршей четы обострилась до предела. События лета 1521 г . наглядно показали, сколь переменчива фортуна и даже суверену не дано знать его ближайшей судьбы. При отсутствии наследника главным претендентом на московский престол автоматически становился князь Юрий. С ним у Василия III отношения сложились неприязненные: известно, что и сам удельный князь, и его окружение были под бдительным присмотром осведомителей. Переход к Юрию высшей власти в стране вообще сулил масштабную перетряску в правящей элите России. Ведь за Юрием в столицу потянулось бы из Дмитрова и его окружение.

Единственным выходом из создавшейся ситуации для Василия III стало расторжение брака с Соломонией. Обсуждение этого вопроса началось за несколько лет до осени 1525 г . и, возможно, по инициативе некоторых членов Боярской думы. По строго соблюдавшейся традиции второй брак православного христианина в России становился возможным только в двух случаях: смерти или добровольного ухода в монастырь первой жены. Соломония была здорова и, вопреки официальным сообщениям, не собиралась добровольно перейти в обитель «невест Христовых». Опала на нее и насильственный постриг в конце ноября 1525 г . завершили этот акт семейной драмы, надолго расколовший русское образованное общество.

1525 год был насыщен тяжелыми событиями разного рода. В январе—феврале по политическим мотивам состоялись следствие, суд и казни ряда лиц из придворного окружения,

был привлечен и знаменитый ученый монах с Афона Максим Грек \Триволис), осужденный в мае — и вряд ли справедливо — уже церковным соборным судом якобы за еретические ошибки. Затем из-за засухи многие районы постиг неурожай. В таком контексте недобровольный постриг Соломонии только обострил общественную реакцию.

В январе 1526 г . великий князь, которому вот-вот должно было исполниться 47 лет, сочетался вторым браком с молодой княжной Еленой Глинской «лепоты ради лица и благообразия возраста, наипаче же целомудриа ради». Ее отца не было в живых, а родной дядя, знаменитый на всю Европу воин, послуживший Германской империи, Ордену, Литве и России, князь Михаил Глинский находился в заточении. Фактический правитель при литовском великом князе Александре, он был отстранен от власти Сигизмундом I. Неудачный заговор против него заставляет Глинского в 1508 г . бежать в Россию со всеми родственниками, друзьями, подручными шляхтичами. Он был душой русских походов 1512—1514 гг. на Смоленск, претендуя как будто на особый статус Смоленщины в составе России под своей властью. Василий III решил иначе, князь Михаил был арестован, уличен опять-таки в заговоре и в намерении бежать — теперь уже в Литву. Брак племянницы помог ему выйти из политического небытия.

Второй брак также не сразу имел счастливый исход. Долгожданный наследник появился на свет лишь в 1530 г ., 25 августа, в день апостолов Варфоломея и Тита (юродивый Дементий предрекал Василию III, что у него родится «Тит — широкий ум»), отмеченный, по свидетельству новгородской летописи, небывалой грозой. Крещен был ребенок в Троице-Сергиевом монастыре игуменом Троицкого монастыря в Переяславле Даниилом и двумя старцами — троицким Ионой Нуриевым и волоцким Кассианом Босым и наречен во имя усекновения главы Иоанна Предтечи Иоанном. Так в блеске молний и раскатах неудачного похода русских ратей на Казань страна обрела будущего государя, первого российского царя Ивана Васильевича. Поход на Казань упомянут не случайно. Второе обстоятельство, грозившее России крайними затруднениями, заключалось в принципиальном ухудшении геополитического положения страны.

До сентября 1514 г . дипломатия России развивалась успешно сообразно задачам, сформулированным еще в конце XV в. Главным был конфликт с Литвой. Как и ранее, наступающей стороной была Россия, пытавшаяся использовать в своем интересе вероисповедные и политические конфликты в правящих кругах Литвы. Взятие Смоленска в конце июля 1514 г . стало пиком российских успехов. 8 сентября московские рати потерпели жестокое поражение от литовских войск, причем в плен попало несколько сотен дворян, включая главных воевод и многих знатных лиц. Победа литовцев под Оршей сразу и притом резко ослабила позиции России. Впрочем, ситуация начала постепенно меняться в неблагоприятную для России сторону еще до осени 1514 г .

Успехи на западе обеспечивались во многом безопасностью южных и юго-восточных границ России. Но после окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г . союз с Россией потерял для Крыма былую притягательность. Хотя престарелый хан Менгли-Гирай не перешел сам к вражде с Москвой, он уже не всегда полностью контролировал ситуацию: в 1508 и 1512 гг. крымские царевичи с большими отрядами нападали на русское пограничье. Смерть давнего союзника Ивана III в апреле 1515 г . стала точкой отсчета в смене курса крымских ханов. Менялась ситуация и в Казани. Посаженный «из рук» московского государя Мухаммад-Эмин уже в 1505 г . спровоцировал антирусское выступление. Позднее отношения были урегулированы, но позиции антимосковской «партии» в Казани при поддержке Крыма заметно усилились, особенно после смерти в декабре 1518 г . Мухаммад-Эмина, на котором прекратилась династия местных ханов.

Ареал дипломатических контактов на западе при Василии III расширился, а главное, они приобрели более регулярный характер, прежде всего в сношениях с Империей, Данией, Тевтонским орденом. Главная стратегическая задача — действенный союз против Литвы и, соответственно, Польши — выполнена не была. Предварительный текст договора с Империей был дезавуирован императором в конце 1514 г . К тому же, после Венского конгресса

1515 г ., на котором Габсбурги урегулировали главные конфликты с Ягеллонами, принципиально изменилась геополитическая ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе. Империя теперь стала посредницей в русско-литовских переговорах, склоняясь более к поддержке литовской стороны. Ее интерес заключался не просто в переключении главных усилий России на юг: существенно важным было втянуть ее в открытую конфронтацию с Османской империей. Но это вовсе не входило в число реальных российских интересов.

В целом безрезультатными для России оказались соглашения с Тевтонским орденом. Впрочем, здесь, быть может, российская сторона не была пунктуальна в выполнении всех своих обязательств. Как бы то ни было, союзные договоренности с Данией (в 1516 г . и в конце 20-х годов) не были также реализованы. В 20-е годы XVI в. стали регулярными и интенсивными связи России с Ватиканом. Это, кстати, отразилось в несомненном интересе европейских ученых и политиков к далекой христианской державе. Никогда ранее не писалось и не издавалось так много разного рода сочинений о России, притом сочувственных к ней, что вполне объяснимо. За активностью «римского архиепископа» проглядывались вполне весомые политические и конфессиональные мотивы. Вновь реанимировалась идея унии, животрепещущая для Рима в период первых, отозвавшихся по всей Европе шагов протестантизма. И, конечно, римский первосвященник не менее Габсбургов и других монархов был кровно заинтересован в активном вовлечении России в антиосманский союз. Это было сверхактуально, что показало полное поражение венгров от турок под Мохачем в августе 1526 г .

К тому же у России были, как будто, свои причины откликнуться на призывы к борьбе с исламской угрозой. В конце 10-х годов нападения с юга стали частыми. В самом начале 1521 г . в Казани произошел переворот: московский ставленник, касимовский хан Шах-Али был свергнут, трон занимает Сахиб-Гирай, младший брат крымского хана Мухаммад-Гирая. Все началось с болезненных, но по большому счету не опасных набегов отрядов из Казани, а завершилось катастрофой в июне—июле 1521 г . Крымская рать во главе с ханом форсировала Оку, разбила одни московские войска и обошла другие, ворвавшись в самый центр страны. Грабежу подверглись ближайшие к столице села, монастыри, сам Василий III бежал из Москвы в Волоколамск. Страхи были так велики, что даже в Пскове ждали татар. Великий князь был вынужден дать обязательство с собственной подписью об уплате выхода в Крым. Только хитростью этим документом удалось овладеть наместнику в Рязани у возвращающегося хана. Материальный урон, особенно по числу уведенных в плен и затем проданных в рабство русских людей, был чудовищен.

Не замедлили и политические результаты: в опалу попали почти все главные воеводы, здесь и завязка последнего конфликта с Шемячичем. Не сразу были оценены стратегические последствия, а они были тяжелы. Прежде всего, Россия лишалась свободы рук на западе — ее усилия здесь отныне лимитировались степенью военной угрозы с юга и востока. Во-вторых, существенно изменился уровень затрат на военно-оборонительные акции по южной и восточной границам. Теперь одна или две рати из пяти полков каждая ежегодно находились в крепостях южного порубежья с весны и до поздней осени. В-третьих, выяснилось, что тесный военный союз Крыма, Казани и Ногайской Орды представляет грозную опасность для России, даже для ее независимости. Объективно в спектре международных интересов России главными стали отношения с государствами-наследниками «злыя мати Золотой Орды». На десятилетия и века вперед эта многотрудная и очень дорогая забота потребовала огромных затрат на военные цели, терпеливой и последовательной дипломатии, неуклонной колонизации, крепкостоятельства и веры в успех.

Конечно, цели в отношении Крыма и Казани различались. Наступление на Крым было тогда немыслимым. Необходимо было сочетание активной обороны и искусной дипломатии, что было особенно трудным: крымские правители уверенно полагали, что в Казани должен находиться представитель только их династии. Казанское ханство обладало меньшим потенциалом, чем Крым, было достижимо для русских ратей. Задачей российских политиков становилась поддержка прорусски ориентированной местной элиты, правление московского

ставленника на ханском престоле, наряду с укреплением восточных границ. По записям разрядных книг (они фиксировали военные назначения по всему государству) почти физически ощущаешь, как прогибались под набегами казанских ратников линии крепостных гарнизонов в этих регионах. Если, к примеру, в 1519г. упомянуты воеводы лишь в Мещере, то после 1521 г . фигурируют обычно пять-шесть крепостей с поименно названными военачальниками. Масштабные походы русских армий (на судах и конных) на Казань в 1524 и 1530 гг. оказались в целом безрезультатными. После первого не произошло серьезных политических перемен в Казани, перевод международного торга из-под Казани в Нижний Новгород завершился провалом. В 1531 г . произошла смена ханов: московский ставленник Джан-Али (младший брат Шах-Али) занял казанский трон и усидел на нем до 1535 г . Но не следует обольщаться. При нем, к примеру, московские дипломаты тщетно добивались возврата нескольких десятков пищалей, которые были утрачены в дни осады 1530 г . Власть Джан-Али была непрочной. С Казанью Василию III явно не везло.

В таких условиях идти на риск открытой конфронтации с «блистательной Портой», как того добивались западные дипломаты, при далеких и ненадежных союзниках было бы верхом безумия. В Стамбуле находился один из рычагов, пусть и сомнительный, воздействия на Бахчисарай (крымский хан, как известно, был вассалом султана). Кроме того, это привело бы к активному вмешательству Турции в дела всего региона в стремлении создать под своей эгидой мощное исламское образование с антироссийской направленностью.

Василий III неожиданно и тяжко заболел поздней осенью 1533 г ., во время традиционного охотничьего объезда. Он умер в своих покоях в Кремле в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г ., на 55-м году жизни. Его наследнику шел только четвертый год, великой же княгине было вряд ли более 25 лет. Так нежданно остро возникла проблема преемства верховной власти. Хотя, казалось бы, московский государь подготовился к этому еще в августе 1531 г ., когда наследнику исполнялся год. Тогда в связи с этим в Новгороде и Москве воздвигли обетные деревянные храмы (они строились за один день), братья Василия III, удельные князья Юрий и Андрей подписали новые договора, в которых обязались «не искать» под Василием III и его сыном великого княжения, юному великому княжичу приносилась присяга. Но теперь, вослед за кончиной великого князя началась борьба за власть. Обязательства стоили немного, уже через неделю по решению Боярской думы был арестован Юрий — он стал переманивать на свою сторону бояр. Вообще, совет при государе (мы сейчас не говорим об изменениях в его составе) оказался эффективным государственным институтом. 30—40-е годы XVI в. изобиловали непримиримыми политическими столкновениями — проигравшие, как правило, довольно быстро завершали земной путь в заточении. Случился даже мятеж старицкого удельного князя Андрея в мае 1537 г . И тем не менее все эти внутренние конфликты не поставили ни разу под сомнение территориальную и государственную целостность страны. За исключением попытки Андрея никто не покушался формально на прерогативы малолетнего великого князя Ивана IV. Более того, в годы так называемого боярского правления (этими словами историки традиционно обозначают данное время) не просто продолжено многое из того, что начинали Иван III и Василий III (в частности, были уточнены нормы испомещений служилых людей). Кое-что в государственном строительстве было начато заново. В ряде уездов вводились местные органы (губные избы), которым передавались из-под юрисдикции кормленщиков-наместников и волостелей дела о разбоях. Здесь предвосхищались два элемента будущих перемен: сокращались судебные функции кормленщиков по делам высшей юрисдикции, новые учреждения комплектовались на принципах представительства от местных сословных групп, дворянства в первую очередь.

Противоречия, несомненно, обострились. Ожесточенная борьба шла за представительство в Боярской думе, за прямое влияние на мальчика-государя, особенно после неожиданной смерти Елены Глинской в апреле 1538 г . (ее, возможно, отравили), за престижные и материально значимые наместничества. Усилились местнические споры, возросла бесконтрольность в земельных и иных пожалованиях. Так обстояли дела в элите. Куда опаснее было постоянно растущее недовольство правящими группами со стороны общества. Жалобы на

насилия кормленщиков выплеснулись на листы летописей и публицистических сочинений. Максим Грек создал — на века вперед — словесный образ России в виде женщины в черном вдовьем платье, сидящей на распутье дорог и окруженной дикими зверями. Имя ей — царство, но правят и властолюбцы и славолюбцы, которые совсем не пекутся благе подданных. Такой неутешительный взгляд на ход дел в единственном православном государстве разделялся многими мудрствующими. Но и для рядовых воинников, а также простецов характерна неудовлетворенность сложившимис порядками. Это прямо выразилось в ряде документов, выступлений дворян, горожан, имевших несомненную политическую окраску.

И было еще малоприятное обстоятельство — дальнейшее ослабление международных позиций России. В «незнаменитой» войне с Литвой в 1534—1537 гг. пришлось уступить кое-какие города и территории. Но главное — понадобились большие материальные и людские ресурсы для укрепления крепостей по западной границе. В годы правления Елены Глинской крепостное строительство вообще приобрело особый размах, что, однако, не гарантировало военных успехов. Правда, широковещательный поход крымского хана Сахиб-Гирая летом 1541 г ., целью которого, по его заявлению, было «пленить» всю землю Русскую, а самого великого князя «впрячь в соху и заставить сеять золу», провалился. Но главной болью, основной заботой стала Казань, после того как в 1535 г . был убит московский ставленник. Практически замерли отношения с теми европейскими странами, с которь ми ранее они шли интенсивно. Взаимосвязь внешнеполить ческой слабости и внутренних напряжений стала очевидностью.

§ 2. «Казанская война» и начало реформ

В истории многих стран начало преобразований шло параллельно с войнами, нередко неудачными. Именно в такие моменты обществом особо остро ощущалась необходимост перемен. В судьбах России такое повторялось не единожды в первый раз в середине XVI в. Войну с Казанью обычно относят к 1545—1552 гг.: весной 1545 г. имел место первый после 1530 г. поход большой русской армии под Казань, с последним походом она пала 2 октября 1552 г. Первые шаги реформ по традиции датируют 1547—1551 гг.: венчание Ивана IV царским титулом в январе 1547 г. и начало кардинальных изменений в системе органов местной власти в 1551 г. Но прежде о причинах решительного конфликта с Казанью и его длительности. Тут не все ясно.

Джан-Али, ориентировавшийся на Москву, был убит в сентябре 1535 г. Трон перешел к Сафа-Гираю. Еще в годы своего первого правления в Казани (1524—1531) он отличался ярко выраженной антирусской направленностью. После его второго воцарения открытая враждебность усилилась. С осени 1535 г. возобновились набеги по всему периметру юго-восточных и восточных границ России. Загонные отряды казанцев проникали порой очень глубоко, особенно на территории лесного Заволжья и Вятки. К чему приводило постоянное давление, известно. Русские земледельцы вынужденно ушли из наиболее плодородных южных земель Нижегородского края, хотя соха землепашца провела здесь первые борозды еще во второй половине XIV в. Вообще, темпы колонизации в левобережном Поволжье (от Костромы до Балахны и Нижнего Новгорода), на юге Вятской земли замедлились. Резко возросла интенсивность дворянской военной службы. С 1537 г. разряды ратей пятиполкового состава во Владимире стали привычным делом, порой подобные назначения случались дважды за год. В 5—7 городов этого пограничья воеводами крупных гарнизонов регулярно посылались знатные лица. Тем не менее, оборонительная тактика в условиях близости ханства желаемых результатов не давала. Если к цене оборонных усилий приплюсовать цену уведенных в полон русских людей, то становится ясной истинная стоимость враждебного соседства Казани. Полагали, что к 1551 г. во всем ханстве было свыше 100 тыс. пленных из России. А сколько их было продано на невольничьи рынки в Крыму, Персии, Средней Азии? Порой возражают: не надо сближать оседлую и сельскую Казань с кочевыми по преимуще-

ству Крымом и Ногайской Ордой, у политических элит этих государств были разные интересы и цели. К тому же, Казань не представляла стратегической угрозы для Российского государства. Все дело, наоборот, в экспансионизме последнего, в его стремлении захватить новые земли и установить контроль над Волгой. В таком подходе верность некоторых посылок оборачивается неполнотой и ошибочностью выводов. Разберемся. Прежде всего, возникает вопрос: находился ли ранее бассейн Волги под одной властью? Несомненно. Это имело место в эпоху расцвета Золотой Орды, в первой половине XIV в. Конечно, ее властители контролировали все течение Волги — от истоков до устья — поразному. Но самоочевидно, что геополитическое единство бассейна Волги стало тогда фактом государственно-политического бытия. Притом это единство реализовывалось, помимо политического, на уровне культурно-цивилизацнонных контактов, на уровне мировой торговли. Раз возникнув, подобные данности не уходят в небытие. Важно понять, сколь актуальными такие цели, как установление контроля над Волгой и присоединение новых земель, были для властителей и политиков в XVI в.

Надо сразу исключить из возможных соискателей Казанское и Астраханское ханства, Ногайскую Орду. Их потенциал не позволял замахиваться на цели стратегического порядка в регионе, к тому же все они держали под контролем важные участки торгового пути, извлекая из этого немалые выгоды. Другое дело — Крым. Его правители и стоящая за ними Османская империя включали в приоритеты внешней политики укоренение протектората над всеми тюркскими государствами Поволжья. Конечно, эти цели были среди жизненно важных интересов Крыма, а для Стамбула они находились не на первом, и даже не на втором-третьем местах. Что не мешало послам Турции в Москве заявить еще в 20-е годы XVI в. о верховных правах султана на ханства в этом регионе. С наступательной политикой в Поволжье у Крыма была сцеплена активная антирусская направленность. В головах крымских ханов в XVI в. возникали порой заманчивые планы политического и экономического господства над Москвой. Задумки не оставались бесплодными мечтаниями: и 1521, и 1541 гг. показали это с устрашающей очевидностью. Спасало то, что у Крыма не хватало мощи и последовательности. К тому же, противоречия разных линий

Чингизидов оказались неизбывными. Крым не стал объединителем, ни тем более центром прорастания новой кочевой империи. Для Российского же государства геополитическая целостность Поволжья стала актуальной тогда, когда обнаружилась невозможность решить назревшую проблему традиционным способом — закреплением трона в Казани за московским ставленником.

Далее. Без сомнения, потенциал Казанского ханства не таил смертельной угрозы для России. Отчасти верно и то, что элита оседлой, земледельческо-промысловой по преимуществу Казани отличалась от элиты в Ногаях и Крыму, где полностью господствовало или преобладало кочевое скотоводство. Но на первых ролях во всех этих странах, включая Казань, были представители четырех-пяти кыпчакских родов, чьи ценности и образ жизни были унаследованы из быта Золотой Орды. И для казанских князей, мирз, уланов военная добыча была престижной, материально значимой и привычной частью повседневного существования. Главным «полем» для подвигов в этой сфере была Россия. Вслед за крымским ханом Мухаммад-Гираем казанские «вышние люди» имели право сказать: «Не велишь пойти на московского и волошского, — чем быть сыту и одету?» Правда, с двумя оговорками. До Молдавского княжества они не добирались, а для набегов на русские земли позволения султана им не требовалось. И еще одно обстоятельство. Не нужен был формальный союз для естественно получавшейся координации военных усилий противников России. Кочевники из Ногай и Крыма предпочитали для набегов позднюю весну — лето, реже — осень. Оседлым ратникам из Казани вполне подходили поздняя осень и зима. Россия в 30—40-е годы истощала свои оборонные ресурсы в постоянном перемещении сил между двумя распахнутыми границами — южной и юго-восточной. Переход к решительным действиям в этой ситуации назревал. Зададим попутный вопрос: разве брань с Казанью ведет отсчет с 1545 г.? Отнюдь, необъявленная война началась по инициативе Сафа-Гирая десятилетием раньше.

В 1545 г. московские рати дошли до Казани, нанесли поражение противнику, но решительной победы не одержали. Впрочем, факт появления под стенами столицы мощной армии стал неожиданностью. Обострилась внутренняя борьба, так что в начале 1546 г. СафаТирай был низложен. Вторичное появление на казанском троне Шах-Али оказалось непродолжительным, в конце лета 1546 г. в Казани вновь правит Сафа-Гирай, который опирался не только на приведенных из Крыма лиц, но и на самую сильную группировку в Ногаях во главе с князем Юсуфом. Главный итог этого междоусобия в том, что обнаружилась невозможность консолидации казанской элиты на пророссийской основе.

Раскол в правящих кругах обострился в результате казней Сафа-Гираем своих противников, кое-кто из знати отправился в эмиграцию — в Москву, вскоре чуваши на правобережье Волги отправили в Москву послов с просьбой о принятии их в подданство. Этим был вызван зимний поход 1547 г. рати во главе с будущим главным героем взятия Казани, князем А.Б. Горбатым-Шуйским.

С поздней осени 1547 г. берут отсчет «царские» походы на Казань. То, что русские полки возглавил сам государь, подчеркивает первостепенность «восточной политики» России и значимость казанской проблемы. Эта акция, несомненно и многообразно, связана с начавшимися изменениями в обществе, социальными потрясениями в стране. Напомним их. Мужание юного великого князя не привело к стабильности в правящей верхушке. Наоборот, появились дополнительные факторы политической неопределенности, обязанные свойствам характера Ивана IV и смене влияний на него разных лиц. Немотивированные опалы и казни 1545—1546 гг. (к тому же, как правило, внесудебные), открытые проявления недовольства тяглыми горожанами, пищальниками подвигли элиту на нестандартные решения. Необходимо было укрепить авторитет верховной власти, превратив ее в центр консолидации. Для этого (скорее всего по инициативе митрополита Макария) в январе 1547 г. Иван IV венчался царскими регалиями. Изменение ранга московского монарха (царский титул тем самым приравнивался к «царским» династиям Чингизидов, императорскому роду Габсбургов и т.п.) имело несомненную двуединую направленность: внутреннюю и внешнюю. Второй шаг — резкая смена в поведенческом стиле монарха: его женитьба (в феврале 1547 г.), прекращение казней и пыток (после лета 1547 г.), регулярное личное участие в управлении, отправлении правосудия, значимых военных операциях. Потрясением для Ивана IV, его окружения и вообще знати стало выступление московских горожан вслед за катастрофическим пожаром в столице летом 1547 г., в огне которого погибли множество горожан. Шокирующим стало не просто убийство близких родственников государя (из клана Глинских, холопы которых, по слухам, подожгли Москву), но и то, что столица какое-то время находилась под контролем тяглых горожан-мужиков. При подобных обстоятельствах победа над традиционным и опасным врагом стоила дорогого. Однако она в 1547 г. обошла русские войска стороной. Соображения стратегического порядка (охрана южных границ летом) подвигли московских воевод на зимний поход. Но сказались неожиданные оттепели и недостаточность огнестрельного оружия. Царь вернулся из похода, не перейдя границ своего государства.

Зимний поход 1549/50 г. готовился намного тщательней, притом в условиях уже начавшихся реформ. Благоприятствовали, казалось, и события в Казани: в марте 1549 г. умер давний враг Москвы Сафа-Гирай, ханом был провозглашен его маленький сын Утямыш. Фактическим правителем стал знатный воин из Крыма Кучан. На этот раз основные силы армии во главе с Иваном IV подошли к Казани. Но даже многочисленная артиллерия (ей при подготовке похода уделялось особое внимание) не принесла успеха — неожиданная распутица, «великая мокрота» не позволили ее применить, да и вообще превратили в бессмыслицу любую попытку штурма. Двойная неудача подвигла московское правительство на принципиальное изменение плана войны и ускорила уже начавшиеся реформы. Главное, как всегда, — финансы. Тут было много новостей. Первая из них больно ударила прежде всего по монастырям: в 1548—1549 гг. началась, а в 1550—1551 гг. была проведена отмена финансовых изъятий (привилегий) на уплату основных налогов и разнообразных проездных и торговых

пошлин. В Судебнике 1550 г. тарханы (т.е. освобождение от части или всех платежей в пользу государства) были отменены, в мае 1551 г. была проведена перерегистрация всех жалованных грамот с отметкой об упразднении этих льгот. Вторая новость — не менее, если не более важная — увеличение ставок одного из главных поземельных налогов («ямских денег») и перевод на деньги трудовых повинностей тяглых людей в пользу государства. В результате платежи на единицу облагаемой пашни возросли в номинальном выражении в 6,5 раз, а с учетом падения стоимости денег — почти в 3,5 раза. Таковы расчеты на примере новгородских и северных областей России. Вряд ли точно так же происходило в других регионах. Но заметное и резкое повышение денежной части государственного налогового пресса — несомненно. Правители решили в централизованном порядке использовать возросшие за десятилетия платежные способности крестьянского двора.

Второе направление — реформы управления. На местах развернулась полным ходом губная реформа, начатая еще в конце 30-х годов. Еще более важным стало ограничение судебных прерогатив кормленщиков: из-под их юрисдикции были выведены все служилые люди по отечеству. Это произошло, несомненно, в результате давления уездного дворянства, что проявилось на заседаниях первого Земского собора, в феврале 1549 г. В его работе, скорее всего, приняли участие думные чины, многие члены государева двора более низких рангов и, видимо, немногие провинциальные дети боярские. Событие привело к двум важным следствиям. Первое — дальнейшее укрепление дворянского представительства на местах, постепенная замена кормленщиков органами власти, сформированными по принципу представительства от местных сословных групп. Первые факты такого рода относятся к 1551 г. Другой итог — расширение деятельности судебных инстанций в Москве, в том числе с личным участием царя. На 1548—1549 гг. приходится также окончательное становление целого ряда центральных ведомств-приказов (в том числе Посольского), разрастание функций канцелярий Большого дворца и Казны.

Третья область перемен (ради чего многое и делалось) — преобразования в армии и военном строительстве. Это улучшение обеспечения поместного ополчения. Это формирование особых стрелецких войск в качестве постоянных контингентов пехоты (отчасти конницы), вооруженных огнестрельным оружием. Они обеспечивались коллективно землей, городскими дворами (не облагавшимися тяглом), небольшим денежным жалованьем, сохраняя право на мелкую торговлю и ремесло. Увеличился артиллерийский парк, обслуживавшие пушки и пищали пушкари были выделены в особую группу служилых людей «по прибору». В последнем походе на Казань упорядочили местнические счеты между полковыми воеводами.

Крайне важно — начавшиеся реформы уже на первых шагах отличались отчетливой правовой направленностью. Летом 1550 г. был принят царем и Думой Судебник, вобравший в себя (в отличие от довольно архаичного Судебника 1497 г.) нормы всех основных разделов тогдашнего права. Принципиальным нововведением было прокламирование в заключительных статьях двух норм: непрерывности развития законодательства, а также публичного характера вступления в силу Судебника. Уже в 1551 г. уставные грамоты, дававшиеся новым институтам власти на местах, «подписывались под Судебник», тогда же появились новые уложения, приписывавшиеся к кодексу. Параллельно возник кодекс, всесторонне регулировавший большинство сфер деятельности российской церкви. Так называемый Стоглав (Стоглавник) был утвержден на заседаниях Поместного собора русской церкви при активном участии царя, бояр и ряда лиц из состава государева двора в феврале—мае 1551 г. На нем же был одобрен Судебник 1550 г. Налицо комплексность реформ, тесное взаимодействие с церковными иерархами, тенденция к единству всех групп «благородных сословий». На этом благоприятном фоне наступил черед решающей фазы в наступлении на Казанское ханство. Принципиальж изменилась стратегия. В 1551 г. на правом берегу Волги почти напротив устья Казанки менее чем за месяц на крутом холме была возведена Свияжская крепость. Так возникла операционная база русской армии. Вся правобережная часть ханства оказалась теперь под контролем Москвы. Менее прогнозируемым был другой результат:

очередные «разборки» в казанской элите привели к поражению «крымской» партии и возобладанию «московской группы». Малолетний хан (5 лет от роду) с матерью, знаменитой ханшей Сююн-бике, были выданы российским властям. Правитель Кучан со своим отрядом пытался бежать, но был перехвачен русскими дозорами на Каме, доставлен в Москву и там казнен. В августе 1551 г. в третий раз ханом становится Шах-Али. Надежды казанской знати на возвращение с его помощью правобережья оказались тщетными, зимой в очередной раз начались казни его противников. В ее кругах возник проект перевода ханства под московскую власть с полным сохранением прав и отношений собственности, а также очень широкой автономией. Под давлением русских дипломатов Шах-Али пошел на это. Однако, когда посланные из Свияжска воеводы оказались перед Казанью, ее ворота были уже закрыты. Произошел переворот. Позднее ханом в Казани стал Ядыгар (из астраханской династии), большую помощь оказали ногаи во главе с

Юсуфом, отправилось за помощью посольство в Крым. Решительное столкновение стало неизбежным. В этот раз были учтены практически все возможные факторы. «Плавная» или «судовая» рать по полой, весенней воде была направлена в Свияжск (здесь по весне началась цинга) с продуктами, боеприпасами, частью артиллерии. Параллельно шло формирование основной армии и вспомогательных отрядов, взявших под контроль бассейн Камы. В июне большая часть сил главной армии выдвигается в крепости по Оке. И не зря. Крымская рать во главе с новым ханом Даулят (Девлет)-Гираем, усиленная корпусом янычар с артиллерией (султан ссудил хану отряд, направлявшийся на иранский фронт военных действий), обрушилась на южное пограничье. Расчет был прост: при отсутствии больших русских сил провести стремительный поход в сердце страны. В ином варианте — задержать русскую армию на южном порубежье и тем самым сорвать ее наступление на Казанский юрт. Хитроумный маневр крымского хана оказался безуспешным: имитировав движение к рязанской украйне, он затем неожиданно повернул на запад, вышел к Туле и осадил ее. Неоднократные попытки штурма оказались безрезультатными, подход крупной русской рати вынудил хана к быстрому отступлению. Гнавшимся за ним русским отрядам удалось отполонить русских пленников, им достались турецкие пушки и верблюды. Путь к Казани был чист, руки Ивана IV развязаны. Несмотря на неравенство сил, сопротивление Казанского ханства было длительным и ожесточенным. Сначала были разбиты отряды, действовавшие в тылах осаждавших войск. Хотя кремль Казани был деревянным, долго не удавалось произвести в нем больших разрушений. Даже подрыв подземного хода к источнику воды не поколебал решимости осажденных. В конце сентября была взорвана часть крепостных стен, 2 октября после многочасового штурма город пал. Казанское ханство прекратило существование. Взятие Казани стало вехой во внутреннем развитии России, в укреплении ее международных позиций. Последнее проявилось не сразу. Завоеванный край содрогался в ожесточенном вооруженном сопротивлении еще несколько лет. Так что Казанская война стоила стране более 20 лет почти непрерывных военных усилий. Затем сработал принцип домино: в 1554—1556 гг. было завоевано Астраханское ханство, со второй половины 50-х годов Ногайская Орда перешла на статус вассальной зависимости от России, тогда же были добровольно включены на правах полной автономии башкирские земли. Под эгидой Москвы оказалась вся Волга, от истоков до устья. У страны появилась заметно большая свобода рук на южном и западном направлениях.

Завоевание Казани было принципиально важным в оформлении государственно-политической идеологии России как православного христианского царства. Победа над конфессиональным и традиционным противником не могла не рассматриваться как символ особого благоволения Бога, как знак избранности православного царя и его народа. Победа над исламским царством в годы неоспоримого могущества Османской империи расценивалась по особому счету и в России, и в Европе. Иван IV теперь и формально имел все основания на царский титул — «под ним» были теперь два царства — что нашло немедленное отражение в титулатуре. Несомненно позитивное воздействие Казанского взятия на консолидацию пра-

вящих кругов, феодального класса в целом. Открывались новые возможности в проведении реформ, радужные перспективы на международной арене.

§ 3. «Избранная рада» и Российское централизованное государство

Для человека, знакомого с текстами документов 50-х годов XVI в., словосочетание «Избранная рада» звучит необычно. Термин, однако, давно прижился в научной, да и популярной литературе. Говорят нередко о правительстве «Избранной рады», хотя подобное сочетание суть тавтология. Князь Андрей Курбский, уже будучи в эмиграции, изобрел «Избранную раду» как привычное для шляхетского уха Великого княжества Литовского понятие. Если сделать его кальку на тогдашний русский язык, то получим ближнюю думу или ближний совет при царе. Итак, что происходило с обществом и государством в эпоху «Избранной рады»?

Центральной реформой стала отмена кормлений и создание взамен их принципиально новых органов местной власти. Казалось бы, за что такая честь пусть важным, но всего лишь на уровне городов, волостей, уездов переменам? Оказалось, однако, что это повлекло за собой изменения во всех важнейших сферах жизни общества, на всех уровнях государственного устройства. В проведении реформы (к ней приступили в 1551 г .) случилась задержка. Необходимость массовых наград после взятия Казани повлекла широкую раздачу кормлений практически по всем уездам. Возвращение к начатому произошло в масштабе почти всей страны в 1555—1556 гг. Итак, в чем суть и последствия земской — так ее чаще всего называют в литературе — реформы?

Прежде всего, она означала повсеместную отмену кормлений. Отдельные исключения, которые имели место, не в счет. Возникающие органы власти кардинально отличались от прежних по способу комплектования: они были выборными, а не назначаемыми из центра; соблюдался принцип представительства от локальных сословных групп. В уездах с развитым феодальным землевладением во главе таких институтов стояли выборные головы или старосты из местных и, как правило, отставленных от службы детей боярских. В ближайшей перспективе вместо возможных двух-трех голов («излюбленных», «судейских», «губных») оставался один, в руках которого концентрировались все функции управителя и судьи. Его аппарат состоял из дьячка (подьячего) и целовальников из местных крестьян. Если в уезде были черносошные волости с собственным самоуправлением, оно было подконтрольно старосте в уезде.

Там, где государственное крестьянство численно преобладало (к примеру, в северных районах), в городах, где тяглых посадских людей считали хотя бы немногими десятками, выбирали земских старост, обычно из зажиточной верхушки. А в помощь — земского дьячка и целовальников. В больших уездах система самоуправления была двухуровневой: уезд — волость.

Новые институты власти на местах получили функции административного управления и суда. Первое включало все подлежащие регулированию стороны жизни, но прежде всего — раскладку, сбор и отправку в столицу налоговых сумм. Они же отвечали за исправное отбывание государевых повинностей. Новые органы осуществляли реализацию поступивших из центра распоряжений. В сфере суда они обладали заметно меньшими прерогативами. Хотя судейским, губным и земским старостам были подведомственны в первой инстанции некоторые уголовные дела высшей юрисдикции, они подлежали контролю столичных инстанций. В принципе произошло перераспределение судебных прерогатив в пользу Москвы. Становление представительных институтов на местах имело оборотной стороной усиление контроля со стороны центра. Это не могло не повлечь перестройки московских учреждений, что диктовалось также разраставшимися государственными потребностями.

Естественной основой для рождения новых ведомств стали Большой и областные дворцы, Казна (ее роль особенно велика), боярские комиссии. Хотя первые приказы появи-

лись ранее 50-х годов XVI в., реальное их рождение как системы управления происходило в эпоху Избранной рады. Обычно говорят о приказах трех видов. В первую группу входили учреждения с функциональными по преимуществу прерогативами в масштабах государства. Так упоминавшийся Посольский приказ ведал дипломатическими сношениями. Поместный — учетом земель, контролем над их оборотом, обеспечением поместьями служилых дворян, составлением исходной базы для государева фиска. В Разрядном приказе были сосредоточены функции по организации военного дела и воинской службы благородных сословий. Аналогичные задачи в отношении служилых людей по прибору исполняли возникшие немного позже Пушкарский и Стрелецкий приказы. Несколько приказов заведовали сбором прямых и косвенных налогов (Казна, приказ Большого прихода) и др. Сыском и судом по делам высшей уголовной юрисдикции ведал Разбойный приказ (он был верхней инстанцией для всех местных судов). В Холопьем приказе велся учет и осуществлялся контроль над всеми сделками с холопами.

Приказы второго вида надзирали в административно-управленческом и судебном планах над определенными территориями и отдельными разрядами населения. Такими были, по ряду функций, Большой и областной дворцы. В них и боярских судебных комиссиях судились обычно служилые люди по отечеству. Немногим позднее известны так называемые судные приказы — в них вершился сословный дворянский суд. Тяглое население (городское и сельское) ведалось в особых учреждениях (впоследствии именовались приказами-четвертями): они, в частности, были высшей судебной инстанцией по гражданским и иным делам для земских судов. В столице тяглецы посадов и сотен управлялись и судились Земским приказом.

Оформились приказы, обязанные существованием разнообразию потребностей царского двора. Принадлежавшие государю на правах личной собственности вотчины управлялись Большим и областными дворцами, а отчасти Казной. Но были и специализированные учреждения, в функции которых входило обеспечение двора едой, медом и винами, поддержание в надлежащем порядке всего того, что связано с царскими конюшнями, охотой, одеждой.

Серьезные перемены в структуре центральных органов государственного управления шли в русле изменений, начавшихся еще в конце XV в. В 50-е годы XVI в. они были ускорены и заметно углублены отменой кормлений, введением институтов самоуправления на местах. Их воздействие было и прямым, и опосредованным. Таким же было их влияние на налоговую систему. В число весомых прямых налогов, взимавшихся в Казну, вошла подать, заменившая платежи и поборы в пользу кормленщиков. В центральные ведомства отсылались судебные пошлины, взимавшиеся при решении дел излюбленными головами и земскими судейками. Содержание же новых учреждений на местах обеспечивалось особыми денежными сборами в их пользу.

Отмена кормлений стала важным шагом в кристаллизации сословной структуры российского общества. Принципы комплектования местных органов подталкивали локальные сообщества к оформлению сословной самоорганизации. Особенно нагляден пример со служилыми людьми по отечеству. Господствующий класс становился единым по следующим важным признакам: в правилах материального обеспечения (наделение поместьями и выдача денежного жалованья через государственные кассы; отличия в размерах и регулярности выдачи не имели принципиального значения); в юридическом статусе (подсудность монарху или приравненному к нему суду); в нормах военной службы. Последнее определялось специальным уложением, принятым в 1556 г . Это не просто совпадение с завершающими шагами земской реформы: налицо внутренне обусловленная связь. Теперь с каждых 150 десятин возделываемой земли феодал должен был выставить одного полностью экипированного конного воина.

Формировавшаяся с конца XV в. двухчастная структура светских феодалов обретала теперь законченные черты. Государев (царский) двор имел разветвленную систему статусных рангов и групп, объединенных в три категории: думных чинов, московских чинов, вы-

борных дворян («выбор из городов»). Последние были промежуточным слоем между основной массой уездных детей боярских (в их среде они составляли верхушечную группу) и членами государева двора (внутри его структуры они занимали низшую ступень, не считая такой группы, как жильцы). Эпоха преобразований проявила себя в полноте учетной документации. В середине 50-х годов были составлены государев родословец (фиксировал генеалогический состав основной части государева двора), официальная разрядная книга (в ней учтены все значимые, в том числе и в местническом отношении, воинские назначения, свадебные разряды и т.п.), разные учетные списки членов государева двора. К их числу относилась «Тысячная книга», в которую были внесены разбитые на 3 статьи дворовые, не имевшие подмосковных владений, что затрудняло их службу. Ученые много спорили о том, были ли реализованы предписания указа 1550 г . о наделении поместьями под Москвой этих лиц («тысячников»). По последним наблюдениям, большинство из них получили такие владения.

Провинциальное служилое дворянство фиксировалось иными документами, в основание которых была положена связка территориально-владельческой оседлости и службы. Сам по себе этот принцип не нов, но с отменой кормлений внутреннее единообразие дворянских организаций несомненно возросло. В 1555—1556 гг. состоялись грандиозные смотры почти всех уездных корпораций с целью выявления качества службы каждого дворянина в соответствии с уже известными нормами. Персональный состав каждого «служилого города» фиксировался в десятнях. В зависимости от служебных заслуг и стажа, происхождения и родственных связей, материального положения и состояния здоровья дети боярские подразделялись в десятнях на несколько статей, начиная с выборных дворян.

Отмена кормлений развеяла последние скрытые следы вассальных связей между монархом и феодалами. Безраздельно господствуют отношения подданства, военная служба становится прежде всего обязанностью любого представителя «благородных сословий». Административно-управленческие и судебные функции постепенно закрепляются за определенным слоем господствующего класса — верхними группами государева двора, главным же образом за «крапивным племенем» дьяков и подьячих. Так начала формироваться российская, по преимуществу столичная бюрократия.

Сословное обособление служилых людей по отечеству продвинулось в середине XVI в. далее других слоев российского общества. В том же направлении шли процессы у верхушки купечества (оно обособилось в три сословные группы), служилых людей по прибору (они объединялись несением военной службы, освобождением от тягла, групповым обеспечением денежного и поземельного жалованья), тяглых горожан. Своеобразна позиция крестьянства — в его юридическом статусе и экономическом положении не видно как будто серьезных перемен. Резкое возрастание денежной части государственного налогового бремени не сказалось на нем сразу серьезным образом.

Завершилось формирование вооруженных сил России. Их основу составляло поместное ополчение, включавшее всех годных к службе дворян с нормированным числом боевых холопов-послужильцев. Заметной по численности частью армии стали стрельцы, служилые казаки, пушкари, воротники. Значительная роль «наряда» (артиллерии) в завоевательных походах общеизвестна. Приборные служилые люди составляли основу постоянных гарнизонов в пограничных крепостях. Немалыми тысячами исчислялись контингенты легкой кавалерии. В них включались служилые татары (в основном казанские; касимовские татары воевали под командованием собственного хана), чуваши, марийцы, мордва и т.п. На особых основаниях и притом редко в военных действиях в составе российских сил участвовали отряды ногай. Наконец, вспомогательные части формировались за счет посошных людей, собранных по особой разверстке с тяглого сельского люда. Они обеспечивали транспортное обслуживание армии на марше, инженерно-осадные работы и т.п. Такую структуру вооруженные силы сохраняли более столетия, лишь дополняясь после Смуты отрядами наемников и первыми, еще неустойчивыми полками иноземного строя.

Осталась на том же уровне интенсивность законодательства. Объем новых узаконений за 50-е годы XVI в. не уступал, пожалуй, объему Судебника 1550 г . Основные нововведения

— в разделах уголовного и процессуального права (существенно меняется, в частности, характер доказательной базы), в установлениях о земле (в том числе о закладе вотчин) и о владении холопами. Но главная сенсация в другом. Невиданный размах приобрели процессы кодификации права, что было вызвано изменениями в системе судопроизводства, в структуре центральных ведомств. На протяжении 5—б лет было составлено свыше десятка «судебных книг» (уставных или указных книг), принадлежавших отдельным приказам, включая судные боярские комиссии. Содержание этих юридических руководств соответствовало прерогативам учреждений, но что очень важно — они переписывались для нужд местных институтов власти, становились доступными в широкой среде пользователей права.

Несомненно, преобразования конца 40-х — начала 60-х годов имели комплексный, программный и структурный характер. Были сформулированы определенные направления и последовательность реформ (на начальном этапе несомненна их спонтанность), они охватили основные сферы общества и государства, серьезным изменениям подверглись отношения и институты, а не отдельные учреждения. Налицо преемственность с тем, что развивалось в конце XV — первой трети XVI в. Но далеко не все из принципиальных перемен середины XVI в. имеет прямые истоки в предшествующей практике. Отмена кормлений — яркий пример тому. Подчеркивание возврата к порядкам «дедовых и батьковых уставов» оправдано лишь отчасти. Нередко за этим скрываются стереотипы средневекового мышления: новое — целенаправленно и неосознанно — облачалось в старое, привычное одеяние.

Конфессиональные приметы вообще пронизывают и содержание многих перемен, и их словесное истолкование. Мирское (т.е. общественное) устроение рассматривалось как путь к воплощению нравственных требований «светлой веры» в правильно организованном православном царстве. Недаром в «судебные книги» были включены нормы о церковных наказаниях за лжесвидетельство. Не случайно возникли правовые сборники, куда вошли и светское законодательство, и нормы церковного права. Церковный собор утвердил не только царский Судебник, но и формуляр уставных земских грамот. В самой же работе Стоглавого собора активное, деятельное участие приняли царь и члены Боярской думы. В практике 40—50-х годов совместные заседания церковных иерархов со светскими «синклитами» были заурядным фактом. Если православный идеал симфонии светской и церковной властей осуществлялся когда-либо в России, то эпоха «Избранной рады» была к нему ближе всего.

Выразителен культурно-идеологический контекст преобразований. Это были годы реализации грандиозных замыслов. «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария — полный свод рекомендованных к чтению богобоязненным христианам сочинений, обращавшихся в русской рукописной традиции. Включая жития всех русских святых, в том числе канонизированных на Соборах 1547 и 1549 гг. 12 огромных томов, по одному на каждый месяц. Три редакции «Летописца начала царства» — панегирик правлению Ивана IV, начиная с венчания и вплоть до победоносного начала Ливонской войны (30—40-е годы описывались не столь радужно). «Книга степенная царского родословия» — монументально-историческое сочинение на тему всемирной роли Российского православного царства, происхождения царствующей династии (естественно, от императора Августа и его брата), преемства московскими государями наследия Древней Руси. И одновременно — история святости и служения российской церкви. История в лицах — монархов, иерархов, святых. «Домострой», вобравший в себя поучения о священническом строении, наказы о мирском и домовном устроении. Стоглав, регламентировавший богослужебную практику белого духовенства и все устройство монастырской жизни. Наконец, комплекс росписей и икон, иконография сюжетов которых была задана той же установкой: воплотить феномен российской государственности и церкви в рамки всемирной истории от сотворения мира. То же стремление к упорядочиванию, к универсализму (конечно, в меньших масштабах) проглядывает в отмеченных памятниках: государевом родословце, государевой разрядной книге, Судебнике 1550 г ., последовавших за ним судебных книгах центральных ведомств. Что отнюдь не отменяет, а наоборот усиливает их прагматическую нацеленность.

Эпоха реформ породила особый и притом распространенный тип «воинника — администратора—дипломата», постоянно интересующегося и живо откликающегося на современные достижения ума и веры. Алексей Адашев — редактор-составитель и возможный автор «Летописца начала царства», государевых родословной и разрядной книг, ряда узаконений и некоторых правовых руководств. Человек аскетического стиля жизни и нелицемерного благочестия. И.М. Висковатый — фактический глава Посольского приказа, полемист-начетчик, попытавшийся доказать неканоничность некоторых росписей и икон при восстановительных работах, которые велись по инициативе и под надзором митрополита Макария. Его умствования сверхортодоксального свойства были отклонены на церковном Соборе, а его инвективы в адрес духовенства были осуждены. Взгляды же Матвея Башкина, царского дьяка, а позднее дворового сына боярского, были осуждены как еретические. Наконец, два имени, чей авторский пыл пришелся на последующие годы, а кругозор и стиль сформировались, бесспорно, по преимуществу в эпоху «Избранной рады». Это князь Андрей Курбский, полагавший себя учеником Максима Грека и оставивший множество сочинений разных жанров, отменно изысканных по композиции, по языку, по стилю. И, конечно же, царь Иван, автор множества темпераментных посланий и ряда богослужебных текстов. Он был «добре навычен божественным и святоотеческим писаниям», но вряд ли выделялся этой приметой из окружения знати старшего и среднего поколений.

Многих из них Курбский награждал эпитетами, подразумевавшими и начитанность, и душевную склонность к правильному ходу суждений. Адресатами посланий иерархов и мудрствующих лиц нередко были вельможи. Что подразумевает их способность воспринять содержание текста, обращенного к ним. «Мужи разумные и совершенные, предобрые и храбрые, в военных и земских вещех по всему искусных» — не недостижимый идеал для Курбского, но кадровая реальность (употребим этот современный оборот из-за его смысловой выразительности) 50-х годов XVI в. Налет идеализации у князя присутствует, но в принципе он был прав. Всего несколько имен. Блестящие полководцы, «искусные в советах и управлении» князья А.Б. Горбатый-Шуйский, М.И. Воротынский, Д.И. Немой-Оболенский, М.П. Репнин, В.С. Серебряный, сам князь Андрей Михайлович и немало иных. Опытные администраторы, искусные дипломаты, отнюдь не чуждые бранной славы — И.П. Федоров, князь Д.И. Курлятев, Д.Р. Романов-Юрьев, В.М. Юрьев. И, конечно, Алексей Адашев — не фаворит-временщик, отталкивающий от кормила управления всех иных и жадно распоряжающийся попавшей в руки властью. И тем более не глава правительства, точнее — Боярской думы. Но — главный движитель намеченных реформ, рабочий координатор правительственной деятельности Думы, Казны, иных центральных ведомств, фактический глава внешней политики в течение ряда лет. Он задавал идеологические установки в текстах и в свершениях. Но — в сотрудничестве с большим числом авторитетных и влиятельных лиц, в кооперации усилий с теми, кто по заслугам и великим трудам (как и сам Алексей Адашев) сделали удивительные карьеры на ниве управления. Достаточно назвать имена И.М. Висковатого, И.Г. Выродкова, Н.А. Курцева, Х.Ю. Тютина, занявших посты глав Казны, ведомств областных дворцов, приказов. Их происхождение в лучшем случае не поднималось выше весьма скромно-дворянского, а в других случаях уходило в «городское всенародство». Обилие талантов, их заметность — лучшее свидетельство эффективности курса в 50-е годы.

Ошибочно думать, что в эпоху преобразований соперничество придворных партий кончилось. Отнюдь. Какая-то борьба шла вокруг Судебника и Стоглава, возможно, по поводу целей восточной политики в 1549—1552 гг. Острый кризис вспыхнул в марте 1553 г ., в дни тяжкой болезни царя. Реальное ожидание его кончины привело к расколу правительствующего окружения: одни присягали сыну царя, «пеленочнику» Дмитрию (он родился в день взятия Казани, 2 октября), другие, опасаясь возможного всевластия родственников царицы Анастасии (Юрьевых, Романовых-Юрьевых, Яковлей), обращали свои симпатии в сторону удельного князя Владимира, двоюродного брата Ивана IV. Это событие долго будет будоражить воображение царя. В конце 1554 — начале 1555 г . были отстранены от активного участия в правительственной деятельности Романовы, Юрьевы, некоторые близкие к ним лица

попали в опалу (Головины, Н.А. Курцев). Но ни в одном случае не было заключений, а тем более казней, опальные сохраняли в полной мере гражданскую дееспособность. Политическая борьба велась, как бы сейчас сказали, цивилизованными методами.

Рубеж 50 — 60-х годов — апогей успехов «Избранной рады». Активная наступательная политика на юге (особенно в 1556—1560 гг.) привела к неслыханной новости: крымский хан не рисковал удаляться от Перекопа, пытаясь отразить болезненные удары некрупных отрядов по Крыму с разных направлений. Русская сабля — казачья и служилого дворянина — впервые засверкала на крымской земле. Вырисовывались перспективы, так и нереализовавшиеся, антикрымского союза под эгидой России. Русско-шведская война 1554—1557 гг. выявила несомненное превосходство российской армии, не приведя, однако, к значимым результатам Начало войны *с* Ливонским орденом принесло блистательные успехи. Но именно тогда наступил разрыв царя с главными советниками.

Конкретные причины опалы на Адашева и близких к нему лиц вряд ли когда станут известными. В любом случае важнее сейчас понять, почему она стала возможна. В модели политического устройства, провозглашенной реформаторами, центральное место занимал благочестивый христианин, справедливый правитель, храбрый воин и последовательный защитник всех православных — богоизбранный монарх-самодержавец. Таким и предстает Иван IV по заказу Адашева в летописных известиях о взятии Казани, в изложении текста уложения об отмене кормлений.

Соправительствующая роль Думы, политическое значение мудрых советников и умелых исполнителей оставались за кадром идеальной фигуры монарха. Гарантией служила традиция, разумное согласие между государем и его советом. В этой конфигурации политических сил и влияний очень важной была роль церкви как арбитра в конфликтных ситуациях. Правом и обязанностью первосвятителя были наставления монарху и печалование перед ним за опальных. Подчеркнем сейчас огромное значение деятельности Макария в этом плане — его решающий вкладе формирование культурного контекста времени уже был отмечен. Митрополита с полным основанием можно считать одним из архитекторов плана реформ.

Однако других, институционно закрепленных инструментов воздействия на царя — за вычетом прямого мятежа — не существовало. Прототип земских соборов, имевший место в феврале 1549 г ., не получил тогда развития. Успехи «Избранной рады», политическое согласие и баланс в элите (Дума в начале 60-х годов имела самый большой и самый представительный состав) делали, скорее всего, излишним наличие представительного института в общегосударственном масштабе. Тут и находился слабейший пункт Адашева и его сторонников. Царь решил править сам. В 1560 г . Адашев был сослан в Ливонию, заочно подвергнут суду и признан виновным по вздорным обвинениям (традиционная норма, однако, была соблюдена). Он умер вскоре в ссылке. К власти возвращались родственники только что скончавшейся первой супруги царя (Анастасия умерла 7 августа 1560 г .), хотя многие посты занимали еще политики прежнего созыва.

Легкость падения Адашева свидетельствовала как будто о слабости всего свершенного реформаторами. Но это не так. Главные учреждения и институты, сословная структура и ее основания, характер права, основные регламентирующие нормы пережили и опричнину, и самого Ивана IV. Позитивный смысл остался на века за первой половиной правления Ивана IV.

§ 4. Опричнина и «вражье разделение» общества

Опричное устроение было введено в феврале 1565 г . и отменено осенью 1572 г . До последнего вздоха царя Ивана оставалось еще почти двенадцать лет. Впереди было много событий, но этот краткий — даже по меркам его царствования — период навсегда определил точку отсчета в оценке Ивана IV.

В последние десятилетия фактические знания о событиях 1565—1572 гг. сильно расширились, но опричнина по-прежнему пребывает в разряде загадок. Концепция, сводящая ее

к борьбе со Старицким уделом, новгородским сепаратизмом и церковью как объективными противниками централизации, мало кем разделяется. Стремление увидеть в ней сверхжесткий путь централизации можно принять, если только закрыть глаза на политическую форму ее осуществления. Непротиворечивое объяснение этого феномена сейчас вряд ли возможно. Но вот что реально — описать логику политических явлений в сцеплении внутренних и внешних факторов.

Значение последних несомненно возросло с конца 50-х годов. Завоевание Казани и Астрахани, подавление восстаний 50-х годов в Поволжье лишь временно сняли остроту в отношениях с Крымом и Турцией. Тем не менее, Россия втянулась в русско-шведскую, а затем в Ливонскую войну. Она продолжалась 25 лет, и страна успела повоевать с сильнейшими государствами Северной и Центральной Европы. В этой войне была судьба царя Ивана: он пережил ее окончание всего лишь на семь месяцев.

Что стояло за вторжением российской армии в январе 1558 г . в Ливонию? Разведем реальные причины и формальные поводы. К последним трудно было придраться. На переговорах 1554 г . ливонцы гарантировали уплату юрьевской дани за все просроченные годы и обязались не заключать с Сигизмундом II союзных соглашений. Ни то, ни другое не было выполнено.

Сложнее с истинными мотивами. Надо отказаться от идей освобождения Россией народов Прибалтики из-под немецкого владычества. Антинемецкие выступления и восстания имели место в первом периоде Ливонской войны, и русские политики порой использовали их. Но менее всего они руководствовались национально-освободительными интересами аборигенов. Собственный геополитический интерес России заключался в прорыве к балтийской торговле, в активном участии в разделе территорий «больного человека» региона — Ливонского ордена. Его прогрессирующий распад был очевидностью для всех политиков Балтийского региона. Россия находилась в наименее выгодном положении — она была отделена от стапельных торговых портов, признанных Ганзой. Политические, торговые интересы вполне осознавались в Москве. Реальные факты в конце 40-х — начале 50-х годов наглядно показали, что ливонские власти. Империя готовы зайти очень далеко в своем стремлении отсечь Россию от связей с Европой по Балтике. Если добавить стратегические выгоды Северной и Центральной Прибалтики, возможности испомещения дворян, если не забыть о конфессиональной окраске (торжество православия), то перечень действительных причин можно закрыть.

Итак, временно нет проблем на юге и востоке, с Литвой перемирие до 1562 г ., путь в Ливонию открыт. Уже первые столкновения выявили слабость Ордена: за 50 с лишним лет, со времени войны с Орденом Ивана III ситуация изменилась кардинально. В январе—феврале погромам подверглись Восточная Ливония и центральные районы. В мае взята Нарва (ее жители сохранили самоуправление, получили от царя свободу веры и право на беспошлинную торговлю в России), в июле — Юрьев (Дерпт). В зимнем походе конца 1558 — начала 1559 г . русские рати достигли окрестностей Риги. В Марте 1559 г . было подписано перемирие на полгода. Попытки России найти вариант вассальной зависимости Ордена не удались, в борьбу же подключились соседи. Дания захватила Эзель, Сигизмунд II взял Орден под свой протекторат. Итоги прояснились в следующем году: в феврале пал Мариенбург, в августе воевода князь В.И. Барбашин-Шуйский разгромил орденское рыцарство, чуть позже взят Феллин. Подвел черту 1561 год: в июне рыцарство Северной Эстонии и город Ревель присягают шведскому королю, под Ригой стоят литовские войска. По Виленскому договору (ноябрь 1561 г .) Ливонский орден прекратил существование, его территория передана в совместное владение Литвы и Польши, последний магистр получил от Сигизмунда II Курляндское герцогство. Вместо слабого противника перед царем оказались теперь три сильных государства, впрочем, с трудно примиримыми противоречиями. Выбор был сделан в 1562 г . Иван IV пошел на перемирие со Швецией, взял курс на соглашение с Крымом. Свобода рук позволила подготовить грандиозный поход русской армии во главе с царем в Литву зимой 1562/63 г. Главная его цель была достигнута: в феврале 1563 г . пал Полоцк, стратегически

важная крепость в верхнем течении Западной Двины. На этом список удач был исчерпан на несколько лет вперед.

Страна воевала практически без перерыва уже четверть века. Нарастала напряженность в правительственной среде. Регулярные опалы вновь прошлись по редевшим рядам активных деятелей 50-х годов. В 1562 г . были сосланы знаменитый воевода князь М.И. Воротынский и его младший брат, в 1563 г . в тяжкое заключение попал не менее известный И.В. Шереметев-Большой. В те же годы был насильственно пострижен один из лидеров «Избранной рады» князь Д.И. Курлятев (с сыном), мать В.А. Старицкого, сам удельный князь уже несколько месяцев находился под следствием. Начались серийные казни — из-за подозрений в измене «всеродно» изгубили Адашевых и их родичей. В 1564 г . придворный мир содрогнулся. В конце января были убиты на улице князья М.П. Репнин и Ю.И. Кашин, отличившиеся при взятии Полоцка. Это была не казнь — расправа. Повод был «достойным». Репнин наотрез отказался надеть маску и принять участие в царском разгуле, напомнив Ивану IV, что подобное препровождение времени неприлично для православного монарха. В минуту гнева царь вспомнил об этом. Где-то летом того же года по приказу Ивана IV псари задушили Д.Ф. Овчину-Оболенского. Этот факт привел к солидарному выступлению думных лиц и иерархов: они просили прекратить позорные расправы.

Еще раньше, в конце апреля царь получил чрезвычайно болезненный удар: из Юрьева сбежал в Литву друг его юных лет, когда-то очень близкий к нему Андрей Михайлович Курбский. В присланном вскоре послании он менее всего пытался оправдать себя. Отнюдь, он обвиняет царя в измене заветам Бога, принципам поведения православного монарха, которым он следовал в прежние годы, когда у него были мудрые советники: «в православии пресветлый явившийся», Грозный теперь «сопротнвным обретесь». Главное доказательство — необоснованные и жестокие казни, пролитие неповинной, «святой» крови бояр. Ответ не замедлил. Царь тоже не оправдывался, но обвинял. Боярские измены — вот первопричина всех просчетов и ошибок, их самовольство (а к этому бояр привели Адашев с Сильвестром) означало «снятие власти» с самого царя. Он горько замечал: «Словом яз был государь, а делом ничего не владел». А ведь от прародителей он избран Богом на царскую степень, а потому волен казнить и миловать «своих холопей». У него лишь один судья, и тот не на земле, а в небесах — Бог.

Обострение внутриполитической ситуации происходило на фоне военных неудач. В январе 1564 г . 20-тысячная русская армия потерпела унизительное поражение от куда меньшего литовского отряда на Уле. В июне последовало новое поражение под Оршей. А в сентябре случилось то, чего Грозный избегал даже в страшных снах. Наступление крупных сил Литвы в трех направлениях на западной границе было скоординировано с большим ханским походом. Последнее было совершенно неожиданным: в феврале хан дал клятву перед русскими послами. Не было информации из Крыма, не сработала пограничная стража. Обошлось, к счастью, сравнительно малой кровью. Выграбив ряд территорий Рязанщины и не преуспев в попытках взять город, хан удалился с полоном, не собрав даже всех загонных отрядов. Не добились многого и литовцы: 32-тысячное войско так и не сумело взять Полоцк. Для царя было ясно: подобное не могло произойти без разветвленной измены. Пора было переходить к решительным мерам, о чем ему многократно говорил старший Басманов.

В декабре в столице и в Подмосковье происходили немыслимые события. В начале месяца поезд из нескольких сотен саней с царской семьей, всем ее имуществом, всей государственной казной и всей святостью московских церквей выехал из столицы. Его сопровождали несколько сотен вооруженных дворян (также с семьями и имуществом). Довольно долго царь перемещался по дворцовым селам столичного уезда и лишь на исходе месяца обосновался в Александровской слободе, дальней подмосковной резиденции. В Москву доставили два послания. Иерархам, боярам, дворянам, приказным царь объяснял отъезд их «великими изменами» при полной невозможности их пресечь: каждая его попытка «понаказать» виновных оказывалась безрезультатной из-за вмешательства владык и думных бояр. Вот почему он покидает врученный ему от Бога престол и направляется туда, где его и семью уст-

роит Бог. Совсем иное заключала грамота горожанам: царь уверял в полном отсутствии гнева на них, во всем виноваты бояре-изменники. После переговоров в слободе с делегацией из Москвы Грозный смилостивился. Он вернется на трон при исполнении трех условий: казни изменников по своему усмотрению, введении опричнины для обеспечения царского обихода и безопасности, выплаты на «подъем» (на первоначальное устройство) остальной частью страны (земщиной) 100 тысяч рублей — огромной суммы по меркам того времени. Возвращение царя в столицу в феврале 1565 г . не обошлось, конечно, без репрессий. Их было совсем немного, но зато какие. Был казнен с сыном едва ли не самый блестящий военачальник середины XVI в., человек большого ума и непререкаемого авторитета А.Б. Горбатый-Шуйский.

Что значило введение опричнины? В свой удел царь взял многие уезды на западе, юго-западе и в центре страны, наиболее лакомые дворцовые владения и богатые северные регионы (Подвинье, Поморье, Вологда), часть территории Москвы. Опричный корпус насчитывал тысячу специально отобранных дворян, получивших поместья только в опричных уездах, все земцы должны были быть выселены из них. Позднее численность опричников увеличилась в несколько раз, территория опричнины расширилась. В опричнине были своя Дума, свой двор, свои приказы. Земская дума и приказы полностью отключались от любого воздействия на опричнину. В свою очередь, царь, устранившись от текущего управления (оно было за Земской думой и центральными ведомствами), сосредоточил в своих руках контроль над дипломатией и важнейшими делами. Тяготы войны лежали опять-таки на земщине, опричники знали только две обязанности — охрану царя и его семьи, сыск и выведение изменников.

Кто был включен в состав «кромешного войска» (так назвал его Курбский), кто вошел в элиту, опричный двор Принципиального отличия от земщины не заметно. И все же дворовые опричники, как правило, из незаметных ранее отраслей ряда родов, из младших линий родословных фамилий. Широко представлены старомосковные нетитулованные и притом не первостепенные дворянские фамилии. На первых ролях были отец и сын Басмановы, князь Афанасий Вяземский, Г. Ловчиков и т.п. Важно было и другое — опричники отсекались от любых родственных и дружеских связей в земщине.

Вдумаемся в смысл новаций. Укрепление самодержавной власти Иван Грозный производит странным образом, выделяя третьестепенный по традиционной шкале удел. Ведь опричниной в XIV—XV вв. называли вдовий удел, выделявшийся помимо, опричь других княжений и уделов. Это первый парадокс. Второй парадокс в том, что именно опричной части страны усваивается политически и социально первенствующая роль. У нее есть и своя столица — Александровская слобода, и ее филиал — опричный двор в Москве, за Неглинкой, напротив Кремля (он был отстроен к 1567 г .). В этом третий парадокс царя, устроившего сложную систему значений-перевертышей.

Если бы дело ограничилось этим. Увы! Учреждение опричнины ознаменовалось ссылкой в Казань «в опале» нескольких сотен дворян. Большинство из них принадлежало к ведущим княжеским домам — Ярославским, Ростовским, Стародубским, Оболенским. Их родовые земли были конфискованы и пошли в раздачу. На новом месте их ожидали поместья скромных размеров. Так царь опробовал еще один вариант разделения элиты (передача бывших вотчин новым помещикам). К весне 1566 г . всеобщее неудовольствие опричниной усилилось. Иван IV искал компромисса, особенно после добровольного ухода с митрополии Афанасия (он наследовал Макарию). Ссыльные в Казань были прощены, им компенсировались их владения. Возникла также потребность определиться в отношении Литвы — ее власти предлагали мир или длительное перемирие на условиях статус-кво.

Еще один парадокс опричнины — первый полный по составу (включая представителей от купцов) Земский собор 1566 г . Он не был совещанием правительства со своими чиновниками (депутаты избирались, правда, из числа дворовых в Москве), и его роль вовсе не сводилась к единодушному одобрению позиции царя. Он действительно нуждался в мнениях сословий — продолжать ли войну с Литвой или мириться? Поддержка Собора, возможно,

стала результатом ожиданий земщины, что царь распустит опричнину в условиях общественного согласия. Надежды не оправдались, а выступление против опричнины нескольких сотен дворян было подавлено, трое предводителей (участников Собора) были казнены. Удалось также царю сравнительно безболезненно поставить, нового митрополита — соловецкого игумена Филиппа (из рода Колычевых), уговорив его снять требование об отмене опричнины и взяв обязательство не вступаться в нее. На этом сравнительно спокойный период опричнины завершился, с 1567—1568 гг. маховик репрессий и террора стал раскручиваться с ужасающей быстротой.

Поводом стал донос, видимо В.А. Старицкого, о заговоре в его пользу с конюшим боярином И.П. Федоровым во главе. Заговорщики якобы собирались выдать царя Ивана Сигизмунду II во время боевых действий. Все это сомнительно. Оппозиционные разговоры, какие-то списки возможных сторонников Старицкого, какие-либо наметки действий против опричнины — вот что в лучшем случае было представлено царю в виде обширного и опаснейшего для него заговора. Царский поход в Ливонию был отменен, Грозный срочно вернулся в столицу. Там, в конце 1567 г . были произведены первые казни. Вакханалия расправ, чудовищных репрессий началась в 1568 г .

Обозначим основные вехи 1568 г . — опричные отряды перемещаются по многочисленным вотчинам И.П. Федорова, громя усадьбы, конфискуя его имущество, казня многочисленных близких к нему лиц, боевых и приказных холопов, крестьян. Итог «малой войны» — около 500 казненных самыми разнообразными способами. В ее финале престарелый боярин (опытнейший администратор и неподкупный судья), якобы покушавшийся на трон, получил от своего монарха последнюю «награду»: царь сам заколол его кинжалом.

Смерч репрессий пронесся над страной в 1569—1570 гг. Они начались летом 1569 г ., в дни пребывания Грозного в Вологде, но особенный размах получили с октября. Были убиты Старицкий со второй женой и детьми от этого брака, все его окружение, его мать-монахиня с ее боярынями и десятки лиц, прикосновенных к «заговору с целью отравления» Ивана IV. В декабре открылась уже не малая, вполне «нормальная» война царя против своих подданных: Грозный отправился с опричниками выводить измену из Новгорода. Уже по дороге, «на заказе» число жертв достигло многих сотен, но то, что творили опричники в Новгороде и окрестностях на протяжении пяти недель, с трудом поддается описанию. Людей самых разных сословий — от новгородских приказных, местных дворян, бояр новгородского архиепископа до крестьян близлежащих сел — вешали, топили в прорубях в Волхове, рубили топорами, секли саблями, расстреливали из пищалей, травили медведями, сжигали в домах. По минимальным подсчетам, жертв было около 3 тысяч, а скорее всего — в полтора-два раза больше. От этого погрома Новгород не оправился. Царь подозревал новгородцев в изменнических сношениях с Сигизмундом II. Тотальное разрушение оказалось в глазах царя лучшим средством борьбы. Начавшийся разгром Пскова был остановлен — Грозный был суеверен, предсказание же юродивого грозило его жизни. Грабежи опричников (под видом конфискации) приняли чудовищные размеры. По дороге в Новгород в тверском монастыре был задушен Малютой Скуратовым митрополит Филипп. Митрополит открыто возвысил свой голос против опричных безумств еще весной 1568 г . Летом конфликт первоиерарха с царем обострился еще более. Филипп удалился с кафедры, пытаясь тем самым воздействовать на царя и общественное мнение. Это привело к его аресту, затем состоялся неправедный суд: по указке царя владыки низвергли митрополита, отправив его в заточение. Там он через год нашел свой конец от рук главного опричного палача.

Опричные пляски смерти продолжались. Летом—осенью 1570 г . в три приема казнили на одной из главных площадей столицы цвет приказной бюрократии. Казначей Н. Курцев, глава Посольского приказа, печатник И. Висковатый, первые дьяки большинства центральных ведомств и сотни менее значительных лиц подверглись самым мучительным, изощренным публичным пыткам, когда быстрая смерть была благом. Заодно опричники довершили казни новгородцев, псковичей, иных лиц, арестованных и доставленных сначала в Александровскую слободу, а затем в Москву. Мужественный голос Филиппа был услышан: вместо

молений о пощаде царь услышал от обреченных на мучительную смерть страшные в своей справедливости слова обличения.

В тот же 1570 г . произошло закономерное: опричное чудовище начало пожирать своих. По обвинению в изменнических связях с новгородцами были казнены А.Д. Басманов, А. Вяземский и еще несколько высокопоставленных опричников первого призыва. По одной версии Басманов был зарезан сыном Федором по приказу царя. На первые роли в опричнине (если не считать князей Шуйских, Трубецких, не имевших реального веса) выдвинулись Малюта Скуратов-Бельский, его дальний родич Васюк Грязной, М.А. Безнин и другие подобные лица, находившиеся до введения «вражьего разделения» в лучшем случае в статусе выборных дворян.

Международное положение страны в последние годы опричнины постоянно ухудшалось. 1568 год знаменует грань открыто враждебной политики Османской империи и Крыма против России. Заключаются мирные соглашения Турции и Крыма с Польшей и Литвой, крымские рати возобновляют систематические набеги на русское порубежье. 1569 год принес первый военный конфликт с султаном: турецкий экспедиционный корпус с артиллерией и 40-тысячной конницей из Крыма предпринял попытку захватить Астрахань. Несмотря на многократное превосходство сил, длительную осаду русский гарнизон устоял. Но более выразительного примера наступательной враждебности с юга придумать было трудно. В 1570 г . крымские рати последовательно разоряют Рязанщину и Каширский уезд.

Военные действия на западном фронте велись вяло, но наступательной стороной были литовцы, которым в 1568— 1569 гг. удалось взять небольшие крепости. Принципиально важное событие, резко изменившее потенциальное соотношение сил, произошло в марте 1569 г .: Польша и Литва заключили Люблинскую унию, родилось единое государство Речь Посполитая. В ближайшей перспективе царю могли противостоять объединенные силы литовцев и поляков. Наконец, в сентябре 1568 г . был свергнут шведский король Эрик XIV, на союз с которым Иван Грозный сделал едва ли не основную ставку. Крупный поход на Ревель и долгая его осада в конце 1570 — начале 1571 г . не принесли желанного результата. Надежды на датский флот не оправдались, в декабре 1570 г . Дания вообще заключила мир со Швецией. На переговорах с последней русские политики упустили момент, когда была возможность получить Ревель посредством соглашения — новый шведский король Юхан III отчаянно нуждался в мире. Весной же 1571 г . ситуация кардинально изменилась. В мае состоялся поход всех крымских сил во главе с ханом. Предатели из числа детей боярских южных уездов «подвели» вражескую армию и обеспечили переправу через Оку в практически неохраняемом месте. Царь с корпусом опричников едва ускользнул от столкновения с крымской ратью. Хан расположился у стен столицы, поджег ее слободы, за несколько часов грандиозный пожар уничтожил Москву. Потери среди жителей были огромны. На обратном пути крымчаки разграбили более 30 городов и уездов, в рабство было уведено более 60 тыс. русских пленников. Осенью того же года на приеме крымских послов Иван IV вырядился в простую сермягу, чтобы продемонстрировать, насколько он разорен.

Двухлетний мор и неурожаи довершали безрадостную картину. Беглецы в Литву считались уже сотнями. Кризис армии в условиях опричных репрессий был очевиден. Отмена опричнины была тем шагом, который давал хоть какую-то надежду обществу. Победа русской объединенной армии под командованием М.И. Воротынского над крымскими войсками летом 1572 г . в упорном многодневном сражении невдалеке от столицы спасла страну от двух бедствий сразу. Не оправдались планы Девлет-Гирая установить традиционные формы зависимости Руси. Опричнина же изжила себя полностью. Царь, дожидавшийся исхода в Новгороде, куда он вывез и всю казну, осенью 1572 г . запретил употреблять даже само слово «опричнина».

Итак, завершилась первая, семилетняя фаза царских экспериментов с властью. За это время не было издано ни одного указа, который бы сохранила правовая традиция. Нет новаций в сфере государственного устройства, если не считать за него использование старой формы уделов совсем в иных целях. Даже лица опричников не поражают генеалогической

непривычностью: они узнаваемы и известны. И выразительны. Адашев, Горбатый, Шереметев, Воротынский, Курлятев, Макарий — вот ряд «Избранной рады». Басмановы, Вяземский, Ловчиков, Скуратов, Грязной, архиепископ Леонид (главный исполнитель на судилище над Филиппом) — герои опричнины. Ее эволюция укладывается в промежуток между двумя именами: А.Д. Басманова (при всей моральной нечистоплотности, он был выдающимся воеводой) и Малюты Скуратова, прославившегося неумолимостью в сыске и расправах и престижными брачными связями дочерей (среди его зятьев — Б. Годунов, князь Д. Шуйский). Впрочем, две новости налицо. Самодержавие без границ требовало тысячи жертв, режим террора и репрессий мог существовать только при натравливании одной части политически значимых сословий на другие. Это единственное, в чем царь преуспел.

Он не отказался и позднее от столь полюбившихся ему приемов управления. В 1572—1575 гг. не было разделения территории страны, но существовали два двора — земский (общегосударственный) и государев. Стоит ли спрашивать, кто из них имел все преимущества? В 1575 г . три волны казней и расправ обезглавили особый двор царя, вновь прошлись по Новгороду (в изменниках оказался Леонид, тогдашний новгородский архиепископ). В итоге царь устроил новое, теперь уже совсем фарсовое разделение страны и общества, вновь сопровождавшееся «перебором людишек». Великим князем он провозгласил крещеного Чингизида Симеона Бекбулатовича (российского царского титула он не получил), а себе отвел позицию московского удельного князя. Впрочем, уже через год Симеон получает в удел Тверь, царь же возвращается к практике двух дворов.

В 70-е годы Иван IV пытался всячески укрепить и расширить русские владения в Ливонии. Попытки создания вассального герцогства во главе с датским королевичем в конечном итоге оказались безуспешными. В 1577 г . царь в последний раз напрягает силы страны для, казалось бы, решающего удара. Войска берут множество малых и средних крепостей, под российский контроль попадает почти вся территория к северу от Западной Двины, за исключением Ревеля и Риги (с округами). Казалось, желанная цель достигнута, в Вольмаре царь пишет и отсылает едкое послание Курбскому. Одержанные победы — знак покровительства Бога и соответственно доказательство его правоты.

Радость оказалась преждевременной и преувеличенной. Его победам способствовали внутренние противоречия в Речи Посполитой, связанные с длительным отсутствием короля после бездетной смерти в 1572 г . Сигизмунда II. Французский принц лишь ненадолго задержался на берегах Вислы, царь отказался от российской кандидатуры на освободившийся трон (своей или сыновей), выставив неприемлемые условия. Королем избирается блестящий полководец, трансильванский воевода Стефан Баторий. Ему понадобилось три года, чтобы урегулировать внутренние конфликты и подготовить общество к войне с Россией. Он начал ее в 1579 г . Вопреки представлениям Грозного Баторий не ввязался в действия в самой Ливонии. Кампания 1579 г . завершилась взятием сильно укрепленного Полоцка, поход 1580 г . — Великих Лук. В обоих случаях сопротивление было отчаянным, но полевые русские силы не отваживались на открытое сражение. Целью кампании 1581 г . был Псков. Шведским войскам, начавшим действия против России еще в конце 70-х годов, удача улыбнулась лишь на волне успехов Батория. Отвлечение русской армии на противодействие полякам позволило шведам захватить Нарву, ряд иных ливонских крепостей, а также русские крепости в Новгородской земле. Россию спас героизм воинов и воевод: тяжелейшая шестимесячная оборона Пскова вынудила Батория пойти на мирные переговоры. В январе 1582 г . было заключено перемирие между Россией и Речью Посполитой, в августе 1583 г . — между Россией и Швецией. Завершилась Ливонская война, а 18 марта 1584 г . закончил свой земной путь царь Иван Васильевич Грозный. Трудно сказать, что будет ему предъявлено на Страшном суде, но в памяти потомков счет составлен.

Итак, об итогах. Вся вторая половина его правления — безумный эксперимент царя с целью определить, существуют ли на земле пределы его самодержавной власти. Вот результаты. В хозяйственном отношении (за исключением юго-западных и юго-восточных уездов) страна была разорена. По официальным сведениям, пашня, облагаемая налогами, уменьши-

лась в новгородских пятинах более чем на 90%. В несколько раз сократилось число населенных пунктов — сел, деревень. Главной приметой аграрной жизни стала пустошь. Сильно уменьшилось трудовое население. При этом налоговый нажим государства (на резко уменьшившийся тяглый надел) почти не изменился в сравнении с годами максимального подъема. Ответ крестьян был очевиден: побеги (в том числе на окраины страны), сокращение надельной пахоты, увеличение вненадельной аренды, рост населенности пока еще сохранившихся дворов. В такой ситуации логичен шаг правительства — введение режима заповедных лет, когда отменилась норма о крестьянском переходе. Вот тогда, в самые последние годы царствования Ивана Грозного, был сделан первый реальный шаг к становлению крепостничества. Положение в городах было не лучше, падение внутренней, отчасти внешней торговли было болезненным.

В глубоком кризисе находилась вся поместная система, а соответственно и русская армия. Массовые репрессии до предела обострили внутрисословные противоречия в дворянстве, между ним и знатью. В таких условиях о прочности ратных полков, боевом духе приходилось только мечтать. К тому же под пресс казней и расправ попали многие блистательные воеводы (тот же М. Воротынский погиб от пыток через год после своей победы над ханом).

Ливонская война была проиграна. Все завоеванное пришлось вернуть, шведы захватили четыре русские крепости. Гигантские усилия всей страны оказались затраченными впустую. На востоке и юге ситуация смотрелась симпатичней, но чего стоили крымский тайфун 1571 г ., восстания в Поволжье в начале 70-х годов и начале 80-х. Единственное отрадное пятно на этом фоне — продвижение в Сибирь, поход Ермака.

Царь завершал земные расчеты, унося один пагубный для него грех. С канонической точки зрения все грехи христианских душ, не покаявшихся и не принявших причастия перед смертью, переходят на того, по чьему произволу это произошло. Все казни и расправы Грозного совершались без разрешения на покаяние и причастие изменникам. Весь этот страшный груз, по представлениям того времени, лег на душу царя. По меркам современности никак не могут быть оправданы массовые казни многих тысяч людей, находящиеся за границами тогдашнего права и бессмысленные с точки зрения результата.

Страшный удар царь нанес себе и династии. В дни осады Пскова, в очередном приступе гнева он смертельно ранил старшего сына, царевича Ивана. Неполноценность Федора, второго сына от Анастасии (в том числе и как продолжателя династии), уже тогда была очевидна. Права же на трон царевича Дмитрия, рожденного седьмой женой почти через год после смерти царевича Ивана, были крайне сомнительны. Царь собственной рукой подрубил корни династии, того, что составляло предмет его безмерной гордыни. Он, по собственному разумению, был царь по достоянию и наследованию предков, по поставлению Бога.

И последний штрих. Весьма правдоподобно, что царь умер, отравленный своими последними фаворитами, Б.Я. Бельским и Б.Ф. Годуновым. Если это так, то рожденная его беспредельным властолюбием опричнина в лице своих ярких представителей погубила своего создателя. Но вот что важнее. Безумства царя Ивана не поколебали принципиально институтов социальной организации, политических форм, государственного устройства России. В исторической перспективе вторая половина правления Ивана IV — кровавый зигзаг самодержавной монархии, когда она живет в тоталитарно-репрессивном режиме. Этот зигзаг вовсе не выражает сути того государственно-политического и социального устройства, которое сложилось в стране в 50-е годы XVI в. Налицо тяжкая болезнь, но не нормальное, естественное функционирование российской государственности.

Глава 17. Русская культура второй половины XIII—XVI в.

Страшный урон нанесло «Батыево нахождение» развитию культуры Руси, материальной и духовной. Сожженные города и селения, храмы и крепости, запустевшие пашни, гибель ремесленных мастерских и увод в плен их хозяев — из тех, кто остался в живых; безвозвратная потеря выдающихся творений иконописцев, зодчих, авторов летописных сводов и житий святых, повестей и сказаний, русских и иноземных — таков был печальный итог кровавого смерча, обрушившегося на русские земли. Б.А. Рыбаков в книге о ремесле Древней Руси убедительно показал гибельные последствия монголо-татарского погрома для ее судеб: многие ремесла пришли в упадок; некоторые из них возродились только в конце XIV—XV в. По наблюдениям М.Н. Тихомирова, переписка книг, тоже почти прекратившаяся после нашествия народов «незнаемых», начинает налаживаться в XIV в. Широко известен факт замирания каменного строительства, которое снова ведется в Новгороде и Пскове, Твери и Коломне лишь с конца XIII — начала XIV в.

Повседневные потребности и заботы заставляли русичей после иноземного вторжения браться за топор и соху. На место сожженных изб и хоромов ставились новые, распахивались пашни. Там, где возможно, возобновляли работу ремесленники. Жизнь, несмотря на горькие потери и новые кровопускания ордынцев, требовала свое, и потомки тех несчастных, что погибли в тяжкую годину ордынского нашествия или пострадали от него, но остались в живых, могли одно-два столетия спустя с гордостью сказать, что Русь выстояла, более того — окрепла материально, политически, духовно.

§ 1. Просвещение. Накопление знаний

Русь отнюдь не была сплошь неграмотной. Знание письма, счета требовалось во многих отраслях хозяйственной и иной деятельности. Берестяные грамоты Новгорода и других центров, различные памятники письменности (летописи, повести и т.д.), надписи на ремесленных изделиях (монеты, печати, колокола, предметы вооружения, ювелирного дела, художественного литья и др.) говорят о том, что грамотные люди никогда не переводились на Руси, причем не только в среде монахов, но и ремесленников, купцов. Имелись они и среди бояр и дворян. Состоятельные люди вели письменный учет в своих хозяйствах; от XVI в. сохранились различного рода учетные книги, документы духовных обителей — монастырей, копии с документов более ранних времен.

В распоряжении ученых, несмотря на все потери Батыевой эпохи и более поздних ордынских «ратей», имеется все же немало рукописного материала за XIV—XVI вв. Это — документы (духовные грамоты, договоры великих, в том числе московских, и удельных князей, хозяйственные акты русской митрополии, епископских кафедр, монастырей), жития святых, летописи и мн. др. Появляются руководства по грамматике, арифметике, лечению травами (азбуковники, травники и др.).

Накапливались практические наблюдения, знания по строительной технике (необходимы были при возведении зданий), динамике (расчеты дальности полета камней, ядер из стенобитных и прочих приспособлений; из пушек, которые появились в конце XIV в.), прикладной физике (чеканка монеты, литье пушек, сборка и починка часовых механизмов), прикладной химии (изготовление красок, чернил), арифметике и геометрии (описание земель, торговые дела и пр.).

Описания явлений природы (затмения, землетрясения и т.д.) довольно часты в летописях. Пользовались популярностью переводные сочинения — «Христианская топография»

Козьмы Индикоплова (путешественника VI в.), «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Громник» и др. Астрономические наблюдения приводятся в русских рукописных сборниках; медицинские — в тех же летописях (описание болезней). А сборник XV в., вышедший из Кирилло-Белозерского монастыря, включил комментарии Галена, римского ученого II в. н.э., к сочинению Гиппократа, древнегреческого «отца медицины» (V—IV вв. до н.э.). Выдающееся для своего времени значение имела «Книга сошному письму» (середина XIV в.) — в ней описаны способы исчисления земельных площадей и налогов с них.

Круг географических знаний расширяли русские путешественники. Они оставили описания своих странствий. Таковы новгородец Стефан, побывавший в Константинополе (середина XIV в.); Григорий Калика (вероятно, посетил тот же город в XIV в.; позднее, под именем Василия Калики, стал новгородским архиепископом); дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима (Константинополь, Палестина; 1420 г .); суздальский инок Симеон (Феррара, Флоренция; 1439 г .); знаменитый Афанасий Никитин, тверской купец (Индия; 1466—1472 гг.); купцы В. Позняков, Т. Коробейников (святые места, вторая половина XVI в.). Русские люди, проникавшие на север, в Сибирь, составляли описания, «чертежи» увиденных земель; послы — статейные списки со сведениями о зарубежных государствах.

Этапное значение имело появление в России книгопечатания. Еще Иван III пытался наладить это дело — пригласил печатника Варфоломея Готана из Любека. Но тогда ничего не удалось сделать. Лишь в середине XVI в., при Иване Грозном, началось печатание книг, сначала — так называемой безвыходной печати (с 1550-х годов), потом — с выходными данными. Первая такая книга — «Апостол», изданный 1 апреля 1564 г . Иваном Федоровым, дьяконом церкви в Московском Кремле. Два года спустя он и его помощник Петр Мстиславец уехали в Литву. Сначала Федоров работал в белорусском Заблудове, затем — на Украине, во Львове (до кончины в 1583 г .). Здесь он издал тот же «Апостол», первый печатный букварь — «для пользы русского народа». А в Москве продолжатели его дела, сыгравшего огромную роль в дальнейшем развитии просвещения, опубликовали около 20 книг богословского содержания.

§ 2. Фольклор. Литература

После монголо-татарского нашествия тема борьбы с ненавистной Ордой становится ведущей в устном народном творчестве. Старые персонажи в новых редакциях былин, новых былинах спасают Киев от ордынских туменов (былина об Илье Муромце и Калине-царе), избивают ордынских придворных (былина о женитьбе князя Владимира), побеждают ордынцев в состязаниях (былина о Добрыне и Василии Казимировиче). Герои былин отказываются везти в Орду дань, как приказывает князь Владимир («Не желаем везти от тебя данипошлины»; последние именуются также «выходами княженецкими»). Илья Муромец, выходец из народа, выражает в былинах его интересы, прежде всего русского крестьянства.

В текстах конца XV—XVI в. Добрыня Никитич не только не везет дань Батуру Батвесову, но требует от него платить дань Руси — так изменилась обстановка после 1480 г ., когда Русь окончательно сбросила ордынское иго.

Та же антиордынская тема разрабатывается в литературе XIV—XV вв. С нею тесно связана другая — тема киевского и владимирского наследия, необходимости объединения русских земель. После Батыева нашествия составляются повести и сказания — о разорении Рязани, Евпатии Коловрате и мн. др.; позднее — о

Куликовской битве («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» и пр.), нашествии Тохтамыша на Русь в 1382 г . Эти и многие иные сочинения включают в летописные своды. Летописание, после спада второй половины XIII в., набирает силы в XIV в., особенно в XV в. Своды, в начале которых обычно помещают «Повесть временных лет» и тем самым подчеркивают идею преемственности в развитии Руси, ее культуры с киевских времен, составляются в разных центрах. А те старались укрепить свою независимость (Новгород Великий, Рязань и др.), утвердить себя в роли политического лидера — объединителя земель

Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (Тверь, Нижний Новгород, Москва). Постепенно на первое место в области летописания, да и культуры в целом, выдвигается Москва. Первые летописные своды возникают здесь в XIV в. А в начале следующего столетия составляется большой свод при митрополите Киприане. За ним следует вереница сводов XV—XVI вв. — от свода митрополита Фотия до больших сводов времени Ивана III, Василия III и Ивана IV (Вологодско-Пермский, Воскресенский, Никоновский и мн. др.). Эту работу, колоссальную по объему и значению, венчает Лицевой свод — та же Никоновская летопись, дополненная 16 тыс. миниатюр! Они сопровождают текст с древнейших времен до Ивана Грозного; рисунки, продолжая традиции более ранних лицевых сводов и будучи основанными на них, — своего рода «окно в прошлое» Руси, России.

Враждебные по отношению к Москве позиции отразили некоторые летописи Твери, Новгорода Великого и др.

Обзор всемирной истории давали Хронографы XV— XVI вв.

«Жития» князей, иерархов церкви, причисленных к лику святых, прославляют их деятельность (Дмитрий Донской, Сергий Радонежский, Стефан Пермский и др.). Для «житийной» литературы характерны панегирический стиль, торжественный, порой тяжеловесный язык. В то же время в ней встречаются живые, реалистические описания жизни монастырей, их обитателей.

Имели хождение переводные литературные сочинения; из них, а также различных сборников (например, «Пчела» — свод афоризмов знаменитых авторов) образованные русские люди черпали мысли, изречения Демокрита, Аристотеля, Менандра и других мудрецов, писателей.

В сочинениях религиозных вольнодумцев-еретиков XIV—XVI вв. (они не сохранились, их содержание реконструируют по сочинениям оппонентов—ортодоксов, постановлениям церковных Соборов) проповедуются смелые суждения о необходимости «дешевой» церкви, ненужности церковных таинств (причастие и пр.). икон. Оспаривали они тезисы о троичности Бога, непорочном зачатии. Писали о равенстве людей, народов, вер. А Феодосии Косой, смелый вольнодумец середины XVI в., обосновывал «рабье учение» с его коммунистическими идеалами в духе Томаса Мюнцера. Он пытался воплотить их в жизнь в рамках общины единомышленников.

Эти реформационные, гуманистические в основе своей идеи были задушены в начале и середине XVI в., когда еретиков, преданных анафеме, сжигали на кострах, ссылали, лишали церковного сана.

Примечательная черта XVI в. в области литературы — расцвет публицистики. Авторы слов, посланий, поучений, трактатов развивают идеи централизации, усиления великокняжеской, царской власти, роли церкви, о положении крестьянства и др.

Окольничий Ф.И. Карпов, живший при Василии III, считал, что светская власть должна основывать свои действия на «законе» и «правде», подчинять «злых, которые не хотят излечиться и любить Бога». В реальной жизни он видит совсем другое:

— Понял, какими вредными и неугодными путями, хромыми ногами, со слепыми очами ныне ходит земная власть и весь род человеческий.

— В наши времена начальники не заботятся о своих подвластных и убогих, но допускают, чтобы их притесняли несправедливые приказчики,'которые не заботятся о том, чтобы пасти порученное им стадо, но заставляют жить в тяжких трудах и терпении.

Ему вторит Максим Грек (до пострижения — Михаил Триволис), его современник, знаток античной философии, литературы. Афонский монах, приехав в 1518 г . в Россию в качестве переводчика, так в ней и остался. Ученый инок тоже полагает, что светская власть должна покоиться на правде, милости («правдою и хорошими узаконениями благоустроить положение своих подданных»), согласовывать пожелания духовенства, боярства, воинства-дворянства.

Максим Грек и князь Вассиан Патрикеев, из нестяжателей, обличают монастыри за жажду накопительства, ростовщичество, спекуляцию хлебом и прочие грехи. «Ради имений

и славы», — писал В. Патрикеев, — монахи забывают о Христовых заветах; плохо относятся к своим крестьянам:

— Убогую братью, живущую в наших селах, всячески оскорбляем.

Он же призывает к соблюдению евангельских принципов:

— Не подобает монастырям владеть селами.

— Сел не держать, не владеть ими, но жить в тишине и безмолвии, питаясь трудом своих рук.

Отношение монахов к крестьянам возмущает и М. Грека: они «истязают их бичами за большие процентные долги, которые они не в состоянии уплатить; или же лишают их свободы и записывают себе навсегда в рабство; или, лишив их имущества, изгоняют бедных с пустыми руками из своих мест».

Он тоже против того, чтобы монастыри имели села и, тем самым, зависимых крестьян. В послании об Афонской горе пишет о монастырских старцах, которые живут своим трудом.

В середине и третьей четверти столетия выступает со своими сочинениями целая плеяда публицистов. И.С. Пересветов осенью 1549 г . подал предложения о проведении реформ молодому царю Ивану IV Грозному. Изложены они в форме челобитных и сказаний о взятии Магмет-салтаном Царьграда. Он — убежденный сторонник сильной самодержавной власти в России. Монарх должен опираться на сильное и постоянное войско, ибо «воинниками он силен и славен». «Вельмож» нужно держать в повиновении, страхе:

— Царю нельзя быть без грозы; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы.

Для проведения успешной внешней политики (ее задачи, в частности, — присоединение Казани, освобождение славян от турецкого ига) необходимы нововведения — денежное жалованье «воинникам» — опоре царя и его политики; централизация финансов, суда. Будучи гуманистом, он, как Карпов и др., — противник холопства, поборник «правды» в деятельности людей («Бог не веру любит, [а] правду»), книжного учения, философской «мудрости». Монарх, по его представлению, должен быть мудрым, сильным человеком, а государство — светским и суверенным.

Ермолай-Еразм, священник кремлевской церкви, иосифлянин по убеждениям, противник нестяжателей и еретиков, предлагает облегчить положение крестьян (например, заменить все их повинности одним оброком — пятой частью урожая). «Больше всего полезны, — убежден ученый монах, — пахари, их трудами созидается главнейшее богатство — хлеб».

Из убеждения в необходимости «праведного стяжания» (т.е. прибыли) исходит Сильвестр, протопоп Благовещенского собора в Московском Кремле, духовник царя, одно время очень близкий к нему (1550-е годы). Идеи эти развиваются в

«Домострое» — своде житейских, моральных правил, поучений, который он редактировал.

Мысли о сильной самодержавной власти, централизации характерны для ряда летописных, повествовательных памятников: Летописца начала царства царя Ивана Васильевича (50-е годы), Лицевого свода (60—70-е годы), «Степенной книги» (1562—1563 гг., вышла из кружка митрополита Макария), Казанской истории (60-е годы). Макарий и его книжники составили «Великие Четьи-Минеи» — грандиозный свод из «житий» русских святых, богословских сочинений, церковных уставов.

Несомненно, самые выдающиеся публицисты опричной поры — не кто иной, как сам царь Иван Грозный и его оппонент князь Андрей Михайлович Курбский. Первый из них в послании ко второму защищает незыблемые, с его точки зрения, устои «самодержавства», по существу — деспотии восточного склада. Князь, бежавший из России в Литву от репрессий, развязанных мнительным и жестоким царем, разоблачает его поведение, террористические методы правления в целом. Царь, упрекая Курбского за измену, исходит из принципа: миловать, мол, своих подданных-холопов царь волен, да и казнить тоже. Его оппонент, не прием-

ля царской «лютости», считает, что монарх должен править вместе с «мудрыми советниками», слушать их, а не быть неограниченным самовластцем-тираном.

С осуждением говорится о действиях Василия III в пору окончательного присоединения Пскова к России (1510) в Летописном своде 1567 г . Корнилия, игумена Псково-Печерского монастыря; об опричниках-душегубах — в новгородских летописях (например, о погроме Новгорода в 1570 г .).

Патриотизмом и гордостью пронизана «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» (1580-е годы, автор — Василий, псковский иконописец). В самом конце века появляются повести о царе Федоре Ивановиче (автор одной из них — патриарх Иов).

§ 3. Живопись

Эпоха национального подъема времени Куликовской победы, включившая и годы подготовки к отпору извечному врагу (60-е и 70-е годы XIV в.), и время после подвига русичей в ожесточенной схватке с Мамаем, вызвала к жизни небывалый расцвет культуры. Ярче всего он выразился в живописи — фресковой, иконописной. Выдающееся место в ней заняла новгородская школа. Это — фрески XIV в. на евангельские сюжеты церквей Федора Стратилата, Спаса на Ковалеве, Михайловской в Сковородском монастыре, Благовещенской на Городище, Рождественской на кладбище и др. Одни из них привлекают монументальностью, торжественностью; другие — мягкостью, лиричностью. То же можно сказать и о новгородских иконах.

Мощная кисть Феофана Грека (Гречина) прославила новгородское и московское искусство. В Новгород он приехал в 1370-е годы. До этого работал в Константинополе, Галате, Халкидоне, Кафе. В его творчестве сплавились византийские и русские черты живописного мастерства. Он оказал несомненное, и большое, влияние на русских живописцев. В Новгороде он расписывал фресками церкви Преображения на Торговой стороне, Спаса на Ильине. Из его школы вышли мастера, работавшие над упомянутыми выше фресками церквей Федора Стратилата, а также Успения на Болотове, иконами «Донская богоматерь», «Спас». Его манера письма обладает удивительной, завораживающей внутренней силой, глубоким психологизмом, смелостью и уверенностью рисунка. Недаром современники отмечают, что работал он свободно, легко: находясь на подмостках и создавая свои гениальные фрески, он одновременно беседовал со многими посетителями, которые стояли внизу, с восхищением наблюдая за тем, что возникало на их глазах.

Разговаривая с ними, Феофан в то же время «обдумывал высокое и мудрое»; «чувственными же очами разумными разумную видел доброту».

В 1390-е годы Феофан Грек переехал в Москву. Здесь он расписывал кремлевские храмы — церковь Рождества Богородицы и придел Лазаря к ней (вместе с Симеоном Черным), соборы Благовещенский (вместе с Прохором с Городца и Андреем Рублевым), Архангельский.

Для Благовещенского собора в Нижнем Новгороде великий живописец создал иконостас; сохранилась, к сожалению, лишь его часть. А московские росписи совсем не дошли до нас.

Известность и признание, которые Феофан получил на Руси, засвидетельствовал Епифаний Премудрый, известный автор «житий» святых, в том числе Сергия Радонежского. Он пишет о художнике, как «изографе нарочитом и живописце изящном во иконописцах», «преславном мудреце», «философе зело хитром». А на одной из летописных миниатюр Гречин изображен за работой.

Его младший современник Андрей Рублев, величайший русский живописец средневековой Руси, родился в 1360-е или 1370-е годы, скончался около 1430 г . Его судьба тесно связана с двумя обителями — Троице-Сергиевой и московской Андрониковой. В первой из них он был «в послушании» у преемника Сергия Радонежского — игумена Никона; вероятно,

работал в иконописной мастерской. Затем перешел в Москву, и здесь расписывал, вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца, Благовещенский собор в Кремле (в летописях известие об этом — под 1405 г .; это — первое упоминание о нем). Три года спустя он, уже в содружестве с близким ему Даниилом Черным, трудится над росписями Успенского собора во Владимире. Следующие его творения — фрески и иконы Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (середина 1420-х годов), в конце жизни — фрески Андроникова монастыря.

Рублеву или его ученикам приписывают и другие работы, например, в Звенигороде к западу от Москвы — росписи алтарных столбов Успенского собора на Городке, алтарной преграды Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря. Предания говорят и о многих других фресках и иконах, как будто им же написанных. Но это весьма проблематично. Во всяком случае нельзя не видеть, что имя Рублева, его мастерство приобретали большую популярность, которая сохранилась и в более поздние времена.

Самое прославленное произведение Рублева — «Троица» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Образы трех ангелов, явившихся Аврааму, написаны в благородных античных традициях, с безупречной изящностью, мягкостью, лиризмом. В иконе проявился истинно национальный русский гений — ее гармоничность, нежность, прозрачность красок, поэтичность и душевность отразили лучшие черты национального характера, лиричность русской природы. То же можно сказать об иконе «Спас» из Звенигорода и других работах гениального мастера. Простота, ясность, мягкость красок, образов, идеи мира, гуманности, источаемые его иконами и фресками, делают творения Рублева высочайшими образцами живописного мастерства, национального духа русского народа эпохи собирания земель вокруг Москвы, открытой борьбы с Ордой, складывания великорусской народности.

Иконы и фрески Рублева, он сам упоминаются в летописях. Иконы его дарили друг другу знатные люди. А Стоглавый собор 1550 г . постановил: «Писати иконописцем иконы... как писал Андрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы».

Писание икон в XV в. стало занятием многих людей, и они широко распространялись по всей Руси. Их сюжеты оставались традиционными — сцены и персонажи Ветхого и Нового Завета. Но нередко появляются и светские мотивы. Мастера пишут на иконах природу, городские здания и, что еще интересней, реальных людей. Так, на иконе «Молящиеся новгородцы» изображены боярин и его семья, всего девять фигур. На другой — новгородцы и суздальцы той поры, когда они сражались друг с другом на Ждане горе (1135). Иконопись Новгорода XV в. переживала расцвет; она привлекает яркостью красок, точной и тонкой прорисовкой фигур.

Московская живопись отмечена немалыми достижениями к концу XV столетия. Связано это с творчеством выдающихся мастеров — Дионисия и его школы. Он сам и его помощники украшали фресками соборы Иосифо-Волоколамского, Пафнутьево-Боровского, Ферапонтова (под Вологдой) монастырей и др. Их же трудами создан иконостас Успенского собора в Московском Кремле. В изображении Богородицы, считавшейся покровительницей Москвы, других персонажей библейской истории поражают яркая красочность, декоративность, которые потом надолго станут отличительными чертами русской иконописи XVI—XVII вв. Творения Дионисия, «хитрого» (искусного), по словам летописца, мастера, и других художников пронизаны атмосферой победного ликования, торжественности, уверенности. Они ярко отразили свое время — завоевание независимости от Орды, объединение русских земель и создание единого могучего государства во главе с Москвой.

На рубеже XV—XVI столетий, с одной стороны, определяется преобладание московской живописной школы в России; с другой — усвоение ею традиций местных школ, которые постепенно нивелировались под влиянием общерусского культурного центра, каким стала Москва с ее мастерами, идеями, устремлениями. Парадность, торжественность, праздничность, ликующая возвышенность не могли не трогать сердца русских людей того славного и сложного времени. Но нарастали, и тогда, и позднее, черты официозности, возвеличения

самодержавия. С этим причудливо сочетались черты реализма, пробивавшиеся сквозь толщу догматических, консервативных устоев в живописи, как и в целом в культуре. Например, в росписях царских палат, сделанных после «великого» московского пожара 1547 г . (а наблюдал за работой сам царский духовник Сильвестр), преобладающее место заняли не церковные, а светские, в том числе исторические, темы. Подобные «вольности» вызвали протест поборников старины, традиционалистов. В частности, влиятельный царский дьяк И. Висковатый (глава Посольского приказа) возмущался тем, что Бог Саваоф и иные «духи» изображены на фресках по-земному, как обычные люди. Но его не послушали.

В середине века, после взятия войсками Ивана Грозного Казани, появилась икона «Церковь воинствующая», посвященная этому важному событию. На ней изображен юный царь, скачущий с алым знаменем во главе своих ратников. Многие «земные» сюжеты художники запечатлели на миниатюрах — в «Четьях-Минеях» митрополита Макария, Лицевом летописном своде, «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова.

Красочность и тщательная проработка деталей, изящество и тонкость рисунка характерны для икон «строгановской школы». Ее представители (Прокопий Чирин, Никифор Савин и др.) работали в Москве, но часто выполняли заказы сольвычегодских богачей Строгановых. Их произведения, яркие, красочные, миниатюрные, напоминают ювелирные изделия. Они оказали в последующем большое влияние на развитие русского искусства; например, ее традиции до сих пор сохраняют мастера Палеха.

В целом живопись конца XV—XVI в. дала русскому искусству немало — мастерство в рисунке, яркость красочной гаммы, радостное ощущение бытия, подъем национального духа. Но одновременно наблюдаются известный отход от могучих образцов Андрея Рублева и Феофана Грека, снижение богатырского «дыхания» искусства эпохи Куликовской битвы. При этом поступательное развитие живописи подготовило его будущие успехи.

§ 4. Архитектура

В зодчестве происходят те же процессы, что и в живописи. После его захирения в конце 1330-х—1340-х годах, оно возрождается полстолетия спустя или даже позднее. В конце XIII—XIV в. построили, например, белокаменную Городищенскую церковь под Коломной; в Москве, при Иване Калите, — соборы Успенский, Архангельский, Спаса на Бору, церковь-колокольню Иоанна Лествичника. Как правило, небольшие по размерам, московские храмы развивали традиции владимиро-суздальской архитектуры. Расписывали их русские мастера: Архангельский собор — «русскыя писцы..., в них же бе старейшины и началници иконописцем Захарья, Иосиф, Николае и прочая дружина их» (1344); церковь Спаса на Бору — «мастеры старейшины и начялницы быша русстии родом, а гречестии ученицы: Гойтан и Семен, и Иван, и прочий их ученицы и дружина» (1345—1346).

На смену деревянным стенам и башням Московского Кремля при великом князе Дмитрии Ивановиче пришли белокаменные (1367). Митрополит Алексий возвел каменные собор и трапезную Чудова монастыря в том же Кремле. В конце этого и начале следующего столетия появляется довольно много храмовых сооружений — в Андроникове, Вознесенском, Симонове и других монастырях, кремлевская церковь Рождества Богородицы.

Соборы, церкви строятся и в других городах — Твери, Звенигороде, Нижнем Новгороде, Рязани, Коломне и т.д.; особенно много — в Новгороде Великом. Новгородские бояре и купцы, люди богатые, именитые, заказывают постройку церквей, дают деньги. Восхищение современников и потомков вызывали и вызывают церкви Николы на Липне (1292— 1294), Благовещения на Городище (1342—1343), Спаса в Ковалеве (1345), Успения на Волотовом поле (1352), Федора Стратилата на ручью (1360—1361), Спасо-Преображения на Ильине улице (1374). Некоторые из них разрушены во время Отечественной войны и позднее восстановлены, но, к сожалению, не все. Новгородские сооружения отличаются, с одной сторо-

ны, строгостью, сдержанностью пропорций; с другой, — наличием декоративных деталей, наружной фресковой росписи на фасадах, абсидах.

Немалое церковное строительство велось и во Пскове. Здесь же, а также Порхове, Яме, Копорье, Орешке возводили и крепостные сооружения, своего рода каменные замки.

Много строили в Новгороде XV в. Именно тогда при архиепископе Евфимии (вторая четверть — середина столетия) появились в кремле Грановитая палата, часозвоня, двухэтажный дворец самого владыки. Еще раньше (1302) начали строить детинец — каменную крепость, стены которой несколько раз перестраивались позднее вплоть до конца столетия, когда Новгород вошел уже в число московских владений. Появились и каменные дома-палаты для бояр (в том числе — дом Марфы-Посадницы, жены И. Борецкого).

Новгородские, московские и иные зодчие нередко строили по старым образцам, например XII столетия. При этом новгородские заказчики стремились подчеркнуть и сохранить «старину и пошлину» своего города и земли, московские исходили из идеи общерусского единства, несомненно при этом, — под главенством своего государя.

Самым выдающимся достижением русского зодчества рубежа XV—XVI в. стало возведение зданий Московского Кремля. Старые, обветшавшие постройки заменили новыми; это — Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы; храм-столп Ивана Великого. Для торжественных приемов построили Грановитую палату. Целый комплекс зданий составил дворец великого князя. Наконец, появились новые крепостные стены и стрельницы (башни).

Кремлевское строительство, обширное и выдающееся по своему значению (в плане и архитектурного мастерства, и оборонительных потребностей, и повышения престижа народившейся России, «государя всея Руси» Ивана III), — дело рук русских мастеров (из Москвы, Пскова, Твери, Ростова и других городов) и итальянских архитекторов: Аристотеля Фиораванти, Алевиза, Марко Руффо, Пьетро Солари, Марка Фрязина и др. Их труд и достижения — сплав национальных русских и итальянских традиций в архитектуре.

Естественно, с еще большим размахом строили в XVI в. По всей стране возводили много церквей, соборов. Некоторые из них заняли выдающееся место в отечественной и мировой архитектуре. Такова, например, знаменитая церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой (теперь — в черте города). Она построена (1532) по случаю рождения у великого князя Василия III сына Ивана, будущего царя Грозного. Образцом послужили старинные деревянные церкви шатрового стиля («на деревянное дело»). Как чудо воспринимали ее современники: «Бельма чудна, — записал пораженный летописец, — высотою и красотою, и светлостию, такова же не бываша преже сего в Руси». Такое же отношение к этому сказочному сооружению сохранили и потомки; известно, например, что в восхищении созерцал ее Гектор Берлиоз три столетия спустя. Столь же сказочным видением выглядит Покровский собор, или храм Василия Блаженного, на Красной площади в Москве, величайший памятник шатровой архитектуры, по существу — комплекс из девяти церквей. Строили его русские зодчие.

В разных концах обширного уже тогда государства растут крепости, опоясывающие, словно ожерелье, его центральную часть, столицу Москву. То же — по русскому пограничью. Защитниками России с юга стали крепости в Туле, Коломне, Зарайске; с востока — в Нижнем Новгороде; с севера — в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях. Крепостные, помимо прочих, функции имели московский, новгородский, псковский и иные кремли. В столице, помимо кремлевских, соорудили стены Белого города (зодчий Федор Конь, строивший и в Смоленске) — по нынешнему Бульварному кольцу; Деревянного города, или Скородома (современное Садовое кольцо; 1580-е—1590-е годы).

§ 5. Прикладное искусство

В XIV в. возрождаются и набирают силы различные отрасли прикладного искусства. Это — украшение жилищ (изб, теремов) деревянной резьбой, роспись глиняной посуды, изготовление окладов рукописных книг, миниатюр к их текстам и др. Правда, многое не дошло до нас по разным причинам (пожары, хищения ордынцев и пр.), но кое-что сохранилось. Например, к 1339 г . относится «Сийское Евангелие», переписанное «в граде Москове»; в 50-е годы два мастера — Иоанн Тетеша и Лукьян — делают такую же работу, переписывают два Евангелия. Многие книги изготовляют в XIV—XV вв. в монастырях Троице-Сергиевом, Андроникове, Кирилло-Белозерском, Симонове и т.д.

Тверской мастер Прокопий, по заказу своего великого князя, пишет миниатюры к рукописи сочинения византийского хрониста Георгия Амартола. Лицевые (иллюстрированные) рукописи делали новгородские мастера; это — «Милятино Евангелие», «Пролог», «Апостол» (вторая половина XIII в.). Им свойственны тератологический («чудовищный») стиль, бытовые детали (изображения воинов, гусляров, крестьян, охотников, скоморохов и др.). Жители новгородской Людогощинской улицы заказали и поставили в церкви Флора и Лавра деревянный крест с прекрасными резными надписями и изображениями (1359). Делали и резные кресты из камня. Высоким мастерством отличаются серебряные кубки, сосуды новгородских бояр; имена их сохранила резьба на этой посуде.

Высокого совершенства достигают мастера сканого (филигранного), чеканного, литейного, ювелирного дела, шелкового шитья. Резчиками по дереву славился в XV—XVI вв. Троице-Сергиев монастырь. Сохранилась пелена для этой обители, вышитая Софьей Палеолог, женой Ивана III (1494). Из мастерской Елены Волошанки, жены его сына Ивана Ивановича Молодого, вышла пелена с рисунком, на котором изображен молебен 8 апреля 1498 г .; на нем присутствовали Иван III и его великая княгиня, сын Василий и внук Дмитрий. В XVI в. приобрели известность художественные вышивки из мастерской княгини Евфросинии Старицкой.

Расцвет переживали искусство басменного тиснения, скани, эмали. Ювелиры создавали изумительные по красоте и изяществу изделия из золота (например, золотое блюдо царицы Марии Темрюковны, подаренное ей Иваном Грозным в 1561 г .).

§ 6. Быт

Быт жителей Руси, России отличался устойчивостью. Но отнюдь не затхлым консерватизмом, вековечным застоем, как иногда изображалось в литературе. Русская деревянная изба, к примеру, столетиями не меняла облик, сохраняла свои конструктивные и функциональные черты, особенности. Это говорит о том, что исстари обитатели Восточной Европы нашли наилучшее их сочетание в тех природных, в частности климатических условиях, в которых они проживали. То же можно сказать о многих приспособлениях, предметах домашнего обихода наших предков.

Подавляющее большинство жилищ той поры — полуземляночные и наземные (срубные, стоявшие на земле) избы. Полы в них — земляные или деревянные. Часто имелись подклети — нижние помещения для скота, вещей. В таком случае саму избу, стоявшую над подклетью, наверху (на горе), именовали горницей; горницу с «красными» окнами, которые пропускали много света, — светлицей. Наконец, у наиболее зажиточных людей, у знати имелся третий ярус — терем. Естественно, размеры избы, резьба на ней и проч. зависели от положения хозяина — бедняка или богатея.

Некоторые люди, из особо знатных, имели дома из нескольких срубов, с переходами, лестницами, крылечками, резными украшениями. Такие постройки, прежде всего у князей и бояр, напоминали дворцы большего или меньшего размера.

Разной была и обстановка в доме. У тех, кто победней, — деревянные столы, скамьи, лавки вдоль стен. У богатых — те же предметы, еще табуретки, покрытые красивой резьбой, живописью; на них — подушки, валики; к ногам ставили маленькие скамеечки. Освещали избы лучинами, которые вставлялись в печную расщелину или металлический светец. У за-

житочных завелись сальные свечи с подсвечниками, деревянными или металлическими, которые стояли на столах. Иногда встречались серебряные «шандалы», те же подсвечники, или светильники с растительным маслом.

Князья, бояре, купцы ходили в длинных, до пят, одеждах с вышивками и драгоценными каменьями; бедняки — в простых рубашках с поясом, коротких одеждах — из домотканого сукна, беленого холста. Зимой простонародье носило медвежьи шубы («нетуть беды ходити хотя и в медведине», по словам Нифонта, новгородского епископа); его обувь — лапти из лыка. У богатых — шубы из дорогих мехов, кожухи, опашни, однорядки для мужчин; те же шубы и опашни, а также кортели, летники, телогреи — для женщин; все это — из иноземных атласа, бархата, камки, сукна; украшались они соболями, каменьями, жемчугом. К богатым одеждам питали склонность и монахи. В одном духовном завещании (1479) говорилось об их «неправедном житии», запрещалось «ни немецкого платиа носити, ни с пухом шуб носити».

Митрополит Даниил (первая половина XVI в.) укоряет молодых вельмож, которые коротко стригут волосы, бреют или выщипывают усы и бороду, красят щеки и губы, как женщины, и тем нарушают обычаи русской старины. То же — с одеждой и обувью, чересчур, на его взгляд, роскошными и к тому же неудобными (от красных сапог, очень тесных, этим щеголям приходится «великую нужду терпети»). Под одежду они подкладывают деревяшки, чтобы казаться выше ростом. А женщины сверх меры белят и красят лицо, «чернят глаза»; брови выщипывают или наклеивают другие, «выспрь (вверх. — *Авт.)* возводяще»; голове под убрусом придают (расположив соответствующим образом волосы) круглую форму.

Посуда бедняков — из дерева (бочка, кадь, ведро, корыто, ночва — лоток, чум — ковш, кош — корзина, чашка, ложка), глины (горшок, черпачок, корчага — большой сосуд); кое-что, но немногое — из железа и меди (котлы для варки еды, кипячения воды). У богатых — те же предметы, но больше — металлических, вплоть до (у князей, бояр) золотых и серебряных; к тому же разнообразнее (кроме названных, — кубки, братины, чарки, солонки, достаканы, уксусницы, перечницы, горчичницы; для винного пития — турьи рога в серебре).

Простой люд ел преимущественно ржаной хлеб, богатые — из пшеницы. Вкушали просо (пшено), горох, овес (из них делали каши, кисели); из овощей — капусту, репу, морковь, огурцы, редьку, свеклу, лук, чеснок и др. Мясо больше было на столах богачей; у бедняков — рыба. Употреблялись молочные продукты, растительное и животное масло. Соль была дорогой.

Дома изготовляли напитки — хлебный квас, пиво, мед. Как сладкое, «на заедки» употребляли яблоки, груши, вишни, сливы, смородину, лесные орехи.

Богачи, вельможи питались более разнообразно и обильно. К тому, что названо выше, можно добавить дичь, редкую в рационе бедняков; это — журавли, гуси, перепела, лебеди. В числе посуды великих князей московских упоминаются «лебединые», «гусиные» блюда. Тот же митрополит Даниил пишет о «многоразличных трапезах», «сладких снядях» у богатых людей, «хитрости» (мастерстве) их поваров. На пирах, помимо своих напитков, богачи смаковали вина «заморские».

Мирские пирушки, складчины устраивали, по случаю церковных праздников, поминок, крестьяне в деревнях, ремесленники в городах. На них, как и на пирах у богачей, участников застолий развлекали музыканты, певцы и плясуны. Подобные «бесовские» игрища вызывали возмущение церковников, обличавших «веселие многое» со «смехотворцами», «праснословцами» и «сквернословцами». Знатный человек, по Даниилу, «сбирает» «позорище (зрелище. — *Авт* .) , играниа, плясаниа». Даже в кругу семьи его волей появляются «скомрахи, плясцы, сквернословци»; тем самым хозяин «погубляа себе и дети, и жену, и вся сущая в дому. паче потопа оного».

Другие пастыри говорят и пишут о простонародье, которое любит глядеть на подобные «позорный игры» не в домах, а «на улице». Особое ожесточение вызывало у них то, что во время церковных праздников «простцы» ведут себя, как язычники в древние времена.

Памфил, игумен псковского Елеазарова монастыря, в послании к псковским властям во главе с наместником (1501) призывает их положить конец святотатству: «Егда бо приходит великий праздник, день Рождества Предтечева, и тогда во святую ту нощь мало не весь град взмятется и взбесится... Стучат бубны и глас сопелий и гудут струны; женам же и девам плескание (ладонями. — *Авт* .) и плясание»; поют «всескверные песни».

Осуждают они и «ристание конское», охоту («ловы») знатного вельможи. «Кый же ли — обращается к нему митрополит Даниил, — прибыток ти есть над птицами дни изнуряти? Каа же ти нужа есть псов множество имети?» Все эти «утешения суетные» лишь отвлекают людей от дела, в том числе богоугодного — церковных обрядов, молитвенного бдения. Но народ, простой и богатый, продолжал ходить на такого рода развлечения. Известно, например, что царь Иван Грозный любил скоморохов — «веселых людей», собирал их, вместе с медведями, в столицу; сам участвовал в «игрищах» — плясках на пирах, одевал вместе с другими «машкеру».

В XVI в. быт в основном сохранял прежние черты. Появлялись и новые — пряности в богатых домах (корица, гвоздика и др.), лимоны, изюм, миндаль; колбаса, которую ели с гречневой кашей. Распространилась мода на тюбетейки (тафьи), осужденная Стоглавым собором. Больше строили каменные жилые дома, хотя основная их масса оставалась деревянной. Увлекались русичи игрой в шашки и шахматы.

Глава 18. Смута начала XVII в. и исторические судьбы России

То, что происходило в стране в первые два десятилетия XVII в., навсегда врезалось в ее историческую память. То была череда невиданного и немыслимого ранее. Никогда раньше политическая борьба за власть в государстве не становилась обыденным делом рядовых дворян и тем более социальных низов. Никогда раньше ожесточение схваток за первенствующие позиции в обществе не доходило до систематического преследования, а временами — истребления верхов низами. Никогда раньше на царский трон не посягали беглый расстрига из заурядной дворянской фамилии, бывший холоп, бедный школьный учитель из Восточной Белоруссии. Никогда раньше наследственная самодержавная монархия не превращалась в монархию выборную, и никогда раньше в стране не существовало параллельно несколько центров во главе с мнимыми или реальными монархами, претендовавшими на общегосударственную власть. Никогда раньше не была столь реальной угроза утраты Россией государственной самостоятельности, расчленения ее территории между соседними и вовсе неближними странами.

Классическое время совершенно невероятных прежде ситуаций: в одном сражении, в одной схватке смертельными врагами оказывались соседи и родные братья, отцы и дети. Логика непримиримого соперничества разводила по разным вооруженным лагерям лиц, чья корпоративная и родовая солидарность не вызывала ранее и тени сомнения. Рушились принципы верной службы под присягой. После завтрака в Москве разворотливый деятель мог оказаться к ужину в Тушине, поцеловав крест царю «Дмитрию Ивановичу» (Лжедмитрию II), а в ближайшие дни повторить сей маршрут в обратном направлении с принесением новой

присяги царю Василию Ивановичу (Шуйскому). И так не один раз. Бывало, что представители одной фамилии служили одновременно двум, а то и трем государям, взаимно подстраховывая «политические риски», свои и родичей. Знатные люди из московской элиты в царствование Василия Шуйского отправляли из осажденной Москвы теплые послания Яну-Петру Сапеге. Все бы ничего: один аристократ пишет другому. Если только не забыть, что в момент переписки Сапега стоял во главе самых боеспособных сил Тушинского лагеря и был занят «богоугодным» делом — осадой Троице-Сергиева монастыря. Поистине все смешалось, все смутилось тогда во дворцах и домах российских. Столь всеохватный раскол в обществе имел корни во всех сферах жизни страны. Как виделись они современникам и как видятся они исследователям сейчас, спустя четыре столетия?

§ 1. Россия на рубеже двух столетий: кризис общества и государства

Участники событий начала XVII в . объясняли все беды и напасти Смутного времени Божьим наказанием. Два греха вменялись особенно. Первый — убийство 15 мая 1591 г . в Угличе по приказу Бориса Годунова «царственной отрасли» — царевича Дмитрия. Второй — «избрание» самого Бориса Годунова на царство Земским собором в феврале 1598 г . после смерти 7 января того же года последнего представителя московской династии, царя Федора Ивановича. Обирание Бориса было вдвойне греховным: на престоле оказывался не просто «погубитель царского корени», но «самовластный восхититель» трона. Ведь согласно тогдашних представлений царя выбирали не представители сословий, а Бог: участники Земского собора своей позицией как бы фиксировали проявление Божьей воли. Но она никак не могла предпочесть Бориса, а потому и не было процедурно правильного избрания

Нет нужды, что такое объяснение вступало в явное противоречие с фактами конца XVI в., а еще больше с реальным течением дел в Смуту. Подобные истолкования были хороши своей универсальностью. Они «удобно» объясняли почти любой поворот в ходе событий начала XVII в. Притом прекрасно увязывались с моральным осуждением «вражьего разделения» страны в годы опричнины. Вызванный ею кризис в правящей элите, спровоцированное ею прекращение династии, социальные взрывы низов, покусившихся на верховную власть, «конечное» разорение российского царствия — такой представлялась цепь причин и следствий эпохи Смуты авторам и публицистам первой половины XVII в. Понятно, до обирания нового царя, Михаила Романова, на котором и остановился, по их мнению, Божий выбор. Концепция оказалась живучей. Строго говоря, даже в классическом сочинении С.Ф. Платонова о Смутном времени, опубликованном в начале XX столетия, сохранена эта схема. Естественно, в научной интерпретации и с подробной аргументацией.

Советская историография по преимуществу исходила из политизированного и марксистского понимания Смуты как крестьянской войны в органической или чисто событийной связи с интервенцией Речи Посполитой и Швеции. Сейчас речь о другом — о причинах и поводах. Тут многое зависело от того, как понимали исследователи суть крестьянской войны. Те, кто видел в ней (по аналогии с Германией в 1525 г .) неудавшуюся попытку раннебуржуазной революции, искал генезиса капитализма в стране и, как правило, находил. Правда, эти работы не получили широкого признания у специалистов. Они скорее свидетельствовали о большом желании разглядеть в фактах товарно-денежных отношений (вполне свойственных зрелому феодальному обществу) более высокую стадию исторического процесса. Но было и рациональное зерно: формулировалась проблема альтернативности исторического развития.

Другие ученые расценивали крестьянскую войну или восстание как спонтанный ответ низов на усиление крепостничества. Его законодательное оформление, его ужесточение — главная причина потрясений начала XVII в. Но вот истоки закрепощения понимались различно. Кто-то делал упор на становление барщинно-феодальных хозяйств на исходе XVI в. Другие видели в государстве главного виновника роста эксплуатации непосредственных производителей. Третьи объясняли резкое возрастание внеэкономического принуждения ог-

раниченными возможностями крестьянских хозяйств в силу природно-климатических условий России. Упрочение крепостнического режима признавалось главным, но не единственным фактором выступлений черного люда. Речь шла также об иных политических, социальных, межрегиональных противоречиях. Спору нет, кризис, открытым проявлением которого стала Смута, имел структурный характер. Он охватил главные сферы жизни государства, отразив существование разнонаправленных и разностадиальных тенденций в стране.

Открывшийся на рубеже 60 — 70-х годов XVI в. хозяйственный кризис достиг апогея в 80-е годы. Он поразил почти всю территорию страны, за вычетом некоторых регионов на юге, а отчасти и севере. Убыль тяглого населения в Новгородчине составила по сравнению с началом XVI в. около 80% и еще больше в сопоставлении с серединой столетия. Эпоха «великих расчисток» и экономического подъема сменилась годами упадка, неурожаев и крайней неустойчивости и барских, и крестьянских хозяйств. Столь же печальное зрелище являли собой центральные, восточные и западные уезды.

С начала 90-х годов можно говорить о некотором оживлении. Впрочем, положение крестьянских дворохозяйств оставалось трудным. Нагляднее всего это видно по тяжести совокупной эксплуатации производителей. Прямых свидетельств о ней совсем немного, но есть возможность единичных сопоставлений. В результате выясняется, что формально в конце века уровень платежей и повинностей с единицы налогообложения (тяглого пахотного надела) был примерно таким же, как в начале 50-х годов XVI в. Но тогда речь шла о много- или среднепосевном крестьянском хозяйстве в условиях все еще продолжавшегося экономического подъема. На исходе столетия перед нами почти сплошь маломощные дворохозяйства, резко сократившие площади наделов. Налицо чувствительное утяжеление эксплуатации крестьян государством и феодалами. Важно и то, что в совокупной феодальной ренте государственно-централизованной принадлежали теперь ведущие позиции, она преобладала среди денежных обязательств крестьянского двора. Царские подати, царево тягло называли современники чаще других в качестве причины запустения.

Собственно, это и было одним из ответов крестьян на создавшуюся ситуацию: их уход и побеги в последней трети XVI в. приобрели массовый характер. Направлялись они туда, где природа была милостивее, а правительственный контроль менее обременительным, — в южные уезды. Там местная администрация была, конечно, не столь эффективна, как в старо-освоенных регионах. К тому же она была заинтересована в притоке рабочих рук, а потому сквозь пальцы смотрела на нарушение правовых норм. Все это вполне объясняет повороты правительственной политики в отношении крестьянства. На смену режиму заповедных лет, когда были запрещены переходы крестьян с правом бессрочного их сыска и возврата на прежнее место поселения, пришло законодательство «сыскных лет». Согласно этим нормам, беглые крестьяне подлежали розыску и возвращению в течение 5 лет (ноябрьское Уложение 1597 г .). Важно, что сыск производил сам бывший владелец, при невозможности решить конфликт полюбовно, он вчинял гражданский (а не уголовный) иск тому, у кого нашел пристанище его крестьянин. Новому владельцу не угрожали штрафы за сам факт приема чужого земледельца. И еще — в законе шла речь только о тяглых главах дворохозяйств.

Таким рисуется правовой режим закрепощения на исходе XVI в. — его компромиссность между интересами фиска (срывать крестьянина со вновь заведенного хозяйства было невыгодным и государству, и феодалам тех регионов, куда шли беглые) и разными группами дворянства несомненна. Отчасти это соответствовало желанию к перемене мест части крестьянской массы. Но вряд ли для крестьян наиболее болезненным в становлении крепостничества был факт отмены права перехода: сильнее его социальные и материальные интересы затрагивало изъятие почти всего прибавочного, а временами и необходимого труда в условиях низкой хозяйственной конъюнктуры. Тем самым менялся в определенной мере адрес его недовольства — им становилась центральная власть. Кроме того, казалось бы, простое сокращение размеров надела оборачивалось на деле заметным уменьшением прав крестьян на наследственный надел.

В годы экономического регресса проявился и иной вариант преодоления затруднений. Стратегия крестьян выражалась в том, что основные или значимые усилия выводились за пределы государственного налогообложения. В этом были заинтересованы и помещики. Происходило это по преимуществу двумя способами. Во-первых, возрос удельный вес всякого рода промысловых и домашних занятий. Во-вторых, что важнее, в земледелии резко увеличилось значение аренды. В конце XVI в. это была по преимуществу аренда земель соседних феодальных собственников или же из государственного фонда поместных пустошей. Такие пахотные земли и угодья облагались заметно меньшими платежами в пользу казны, владельцы же арендованной пашни взимали в свою пользу не слишком тяжелый оброк из доли урожая. В редких случаях как будто можно говорить о «предпринимательской» аренде — крестьяне или небольшие группы крестьян арендуют весьма значительные по площади земли и платят при этом за аренду деньги. В таких фактах нацеленность производства на рынок несомненна. Известны также единичные факты, когда помещики пускали в аренду чуть не все свои земли, включая домен.

Все эти явления фиксируют в реальном течении жизни тенденции некрепостнического развития на экономическом уровне. В этом их исторический смысл. В тот же круг включаются районы новой колонизации, где возникавшая структура феодального землевладения была плохо обеспечена рабочими руками зависимых крестьян и в то же время было довольно широко представлено казенное оброчное крестьянство. К некрепостническому варианту развития по преимуществу тяготело черносошное крестьянство северных и восточных регионов, ясачное население Среднего Поволжья. При том, конечно, что крепостнический нажим государства имел место по отношению к черносошным и ясачным крестьянам.

Именно поэтому мы вправе рассматривать Смуту и как отражение в реалиях социальной, политической борьбы двух подспудных, экономических направлений развития общества. Надо только помнить о совсем неодинаковом удельном весе тенденций крепостнической и некрепостнической эволюции. Не приходится сомневаться — первая была намного мощнее и распространеннее второй. Показательно, к примеру, что аренда почти не обеспечивалась официальным правом. Отсутствие собственного хозяйства у помещиков вело, как правило, к конфискации поместья у данного владельца. В жизни и в правительственных намерениях немудрящее хозяйство рядового служилого дворянина рассматривалось в качестве минимальной гарантии материального обеспечения его службы. Здесь был едва ли не ключевой пункт всего социального устройства: перестройка владельческих и хозяйственных отношений в России на некрепостнической основе должна была предполагать синхронные, принципиальные перемены в строении армии. Подчеркнем малую вероятность такого варианта развития.

Тем не менее в обществе были силы помимо крестьянства, объективно заинтересованные в подобном повороте. Это различные разряды приборных служилых людей (стрельцов, служилых казаков, пушкарей и т.п.), население южной пограничной зоны вообще. Здесь, в районах новой колонизации социальная размежеванность местного общества была мало заметна по сравнению со староосвоенными районами. Противоречия между этим регионом и центром превалировали над внутренними конфликтами. К тому же, сюда стекались наиболее активные в социальном и хозяйственном плане элементы российского общества. Пограничье делало привычным обращение к оружию в затруднительных случаях. Суровость обстановки породила особенный тип крестьянина, горожанина, служилого человека.

Наконец, в несомненной оппозиции к власти находилась значительная часть горожан. Это порождалось традиционным набором: тяжелым налоговым прессом, произволом местных властей, непоследовательностью правительства в своей городовой политике.

Теперь о политических мотивах Смуты. Их следует сгрул пировать следующим образом. Прежде всего, это противоречия, вызванные борьбой за власть в элите московского общества. Мы помним, что смерть Ивана Грозного была внезапной, а потому остается неясным состав регентского совета при Федоре Ивановиче. Важно другое. Во-первых, еще до официального венчания Федора из Москвы в Углич был удален с матерью и почти всей родней по-

луторагодовалый царевич Дмитрий. Помимо прочего это означало падение политической роли клана Нагих. Гибель царевича в мае 1591 г . оказалась «неслучайной случайностью». У Бориса Годунова в этот момент не было непосредственной заинтересованности в смерти Дмитрия. Но условия жизни царственного отпрыска, больного эпилепсией, были таковы, что трагический для царевича и Нагих исход был предрешен.

Во-вторых, к 1587 г . ожесточенная придворная борьба выявила бесспорного победителя: Борис Годунов стал фактическим правителем государства. Необычность ситуации была в частности в том, что ему в этом качестве были приданы некоторые особенные функции. На практике это означало умаление соправительствующей роли Боярской думы и не могло не породить глубоких противоречий в верхних слоях государева двора. Другое дело, что относительно успешный ход дел в 90-е годы XVI в., в первые два года XVII в. не создавал возможностей для открытого проявления этого смертельного соперничества.

В-третьих, гибель Дмитрия в 1591 г ., бездетная смерть Федора в 1598 г . означали прекращение наследственной династии московских Рюриковичей. Обоснование легитимности власти нового монарха и основываемой им династии нуждалось в свежих принципах. Уже при коронации Федора в мае 1584 г . был собран Земский собор с выборными представителями с мест, прежде всего от провинциального дворянства. На нем, конечно, не избирали Федора — по праву наследования и Божьего благословения он и так обладал всей необходимой легитимностью своих прав монарха. Представители сословий как бы засвидетельствовали процедуру коронации и нормального перехода высшей власти к новому ее носителю. Теперь, в 1598 г . избирательный Земский собор стал как бы рупором проявления божественного выбора. Естественно, в тогдашних текстах обосновывалось избрание Бориса прежде всего предпочтением высших сил, но также и вполне реальными мотивами: его превосходными качествами правителя, результатами его деятельности по управлению страной, его родством (через сестру, жену царя Федора) с ушедшей династией. Понятна отсюда большая активность патриарха Иова и всего Освященного собора в деятельности Земского собора 1598 г . Как бы то ни было, консолидация элиты, основной массы служилого дворянства вокруг фигуры Годунова в 1598 г . несомненна. При всем том вновь избранный царь не обладал авторитетом и преимуществами наследственного монарха. И в процедуре избрания, и в отношениях с привычными институтами социального и политического устройства существовал некий зазор, который мог поставить под сомнение законность нахождения на троне Бориса Годунова. Правда, это могло случиться при особенном стечении обстоятельств. Первое из них — рождение массового представления о наличии законного претендента на царский престол. Первые элементы легенды о царевиче-избавителе появились еще в середине 80-х годов, когда в Москве начали ходить толки о подменах рождавшихся мертвыми детей у царицы Ирины. В начале XVII в. эта легенда получила широкое хождение не только в столице, но и в отдаленных уголках страны.

Второе и решающее условие — резкое обострение всех социальных противоречий, всех политических напряжений в стране. Что и случилось в 1601 —1603 гг. Тогда Россию поразили невиданные по масштабам неурожаи и голод. Три подряд неурожая (ими не были затронуты только южные пограничные уезды) в условиях общей нестабильности крестьянских хозяйств привели к обвалу экономической жизни и социального устройства. Умерших от голода считали сотнями тысяч, цены на зерно подскочили в десятки раз, большое число поместий было на грани полного разорения. В таких условиях не приходилось долго ждать социального взрыва. И он последовал.

§ 2. Была ли Смута первой гражданской войной в России?

Противоборство одних подданных бывшей Российской империи с другими в начале XX в. сами участники кровавой резни обозначили как гражданскую войну. России начала XVII в. такая терминология была незнакома, современники нашли иное емкое слово — Смута. Есть ли научные основания причислять ее к гражданским войнам? Какой смысл надобно

вкладывать в еще недавно широко распространенное понятие крестьянской войны и как оно соотносится с гражданской войной? Прежде чем дать ответы на эти вопросы, обратимся к реальному ходу событий.

Первый сигнал прямой угрозы правительству Годунова прозвучал в 1602 г . Массовые разбои во многих областях страны приобрели такой размах, что потребовалась отправка особых воинских отрядов во главе с членами государева двора. Очередной взрыв социальных движений подстерегал царя Бориса в следующем году. В конце лета на некоторое время оказалась парализованной Смоленская дорога, важнейшая коммуникация от столицы к западной границе. Там действовали отряды беглых холопов под водительством Хлопка. Власти были вынуждены прибегнуть к использованию крупных сил. Приказ (полк) московских стрельцов под командованием окольничего И.Ф. Басманова (авторитетного члена Боярской думы) в длительном и ожесточенном бою разбил повстанцев, в нем получил смертельные ранения сам царский воевода. Все взятые в плен холопы (а среди них наверняка преобладали боевые холопы) были казнены. Но многие (современники считали их тысячами) бежали на юг. В те же летние месяцы 1603 г . произошло одно из ключевых событий Смуты: легенда о царевиче-избавителе обрела реального носителя имени. В Брагине, владении князя А. Вишневецкого, один из служителей (он бежал из России годом с лишним ранее) объявил себя чудесно спасшимся «царевичем Дмитрием», сыном Ивана Грозного. Царственность его происхождения подтвердили русские эмигранты. Вскоре в пограничных крепостях России появились подметные листы. В них говорилось о спасении царевича благодаря Божьему покровительству, о законных правах на московский престол. Закончилось краткое «разбойное» вступление, начался первый акт Смуты.

Казалось бы, о чем речь? С одной стороны, обширнейшее царство с огромной армией, опытным в делах правления монархом, царство, находящееся в тот момент в мирных отношениях со всеми соседями. С другой, — никому неизвестная личность, которая могла опереться разве что на несколько сотен шляхтичей и слуг, входивших в клиентеллу князя Адама. Даже учитывая все тяжелейшие последствия голода в России, даже принимая во внимание традиционные связи Вишневецких с запорожскими казаками и то, что «царевич» пожил у них, не приходилось говорить сколь-нибудь серьезно об осуществимости похода на Москву. Тем не менее акция состоялась. Еще фантастичнее ее финал — 30 июня 1605 г . в Успенском соборе Кремля имела место быть коронация претендента. Российское государство получило нового монарха — царя Дмитрия Ивановича. Кем же он был и каким образом сумел достичь явно недоступной цели?

Не будем повторять множества догадок о том, кто скрывался под именем царевича Дмитрия Угличского. Надо также отвергнуть встречающийся до сих пор взгляд на претендента, как на истинного сына Ивана IV. Рассказ о спасении полон совершенно невероятных фактов, далек от российских реалий. Точно установлено лингвистами, что человек, объявивший себя царевичем, был русским по происхождению. Тогда остается давно известный вариант: на трон московских Рюриковичей претендовал Григорий Отрепьев. Впервые об этом заявило правительство царя Бориса, высшие иерархи русской церкви во главе с патриархом Иовом в 1604 г . Несмотря на все политические пертурбации последующие официальные кремлевские власти придерживались этой версии. Хотя могли усвоить царю Дмитрию иные генеалогические корни.

Отрепьевы принадлежали к провинциальному дворянству и были особой ветвью старинной фамилии Нелидовых. Отец Григория, стрелецкий сотник, рано погиб в пьяной драке, оставив сиротой малолетнего сына. Тот несколько лет добровольно служил во дворах аристократов, в том числе у одного из Романовых. В 1600 г . состоялось большое «дело» Романовых: по обвинению в покушении на здоровье царя Бориса были арестованы, а затем сосланы в опале все члены семьи и родственного клана. Его глава, Федор Никитич Романов, был пострижен в монахи под именем Филарета. Скорее всего в связи с этим круто изменилась судьба Отрепьева: ставши послушником, он быстро сменил несколько монастырей, ока-

завшись в результате в кремлевском Чудове монастыре, а вскоре — в ближайшей свите патриарха Иова.

Самозванец (теперь мы его так можем называть с полным основанием) обладал выдающимися способностями, обширной, но традиционной на Руси начитанностью, острым умом, емкой памятью и почти гениальной приспособляемостью к любой ситуации. В Речи Посполитой он последовательно прошел круги православной знати и монашества, антитринитариев и покровительствующим им аристократов, пожил на Запорожской Сечи, а через князя А. Вишневецкого попал к тем представителям польских католиков-магнатов, которые ориентировались на короля Сигизмунда III. В руках опытного политика, воеводы Юрия Мнишка, обладавшего разветвленными бранно-родственными связями, не вполне ясные мечтания Лжедмитрия I стали приобретать очертания вполне реального предприятия. Он очень удачно выбрал линию поведения: внимательного слушателя, усердного ученика, любезного (но без чрезмерной почтительности) царевича в изгнании. Правила этикета он усваивал на лету. А главное — вполне «искренне» обещал ключевым фигурам то, чего они хотели. Королю — пограничные области России и активное участие в войне против Швеции. Ю. Мнишку и его 16-летней дочери Марине — богатства кремлевской казны, уплату немереных долгов будущего тестя и снова территории России и т.п. Не суть важно, что принятые обязательства противоречили друг другу. Папе — через его нунция и польских иезуитов — он обещал введение католичества в России и уж во всяком случае свободу католической пропаганды, участие в антиосманском союзе, свободу действий в России Ордена иезуитов и т.д. Для убедительности он тайно перешел в католичество весной 1604 г . В итоге он получил политическую и моральную поддержку Рима, скрытую политическую и экономическую помощь от короля и ряда магнатов. Правда, цифры не впечатляли: к исходу лета 1604 г . воеводе удалось собрать под знамена московского царевича не более 2 тыс. наемников — конницы и пехоты.

Небольшое отступление. Скрытость королевской поддержки (она не была секретом ни для оппозиции, ни для русского правительства) объяснялась дипломатическими обстоятельствами. К 1604 г . клубок противоречий в треугольнике Речь Посполитая — Россия — Швеция достиг почти предельной остроты. Конечно, все завязалось еще в период Ливонской войны. Но конкретную расстановку сил определила смерть Стефана Батория и победа в 1587 г . в избирательной борьбе, переросшей в прямые военные столкновения, шведского королевича Сигизмунда (его мать была из династии Ягеллонов). Главным его соперником был австрийский эрцгерцог Максимилиан, серьезным претендентом одно время был царь Федор. Затем Москва поддержала австрийского принца. В Австрийской империи Россия пыталась обрести возможного стратегического союзника против Речи Посполитой, включая минимально приемлемое решение балтийского вопроса. Смерть шведского короля Юхана III в 1593 г . грозила польско-шведской унией с явной антирусской направленностью. К этому моменту уже завершились военные действия в победоносной русско-шведской войне 1590—1593 гг. — были возвращены все отторгнутые Швецией в конце Ливонской войны русские крепости и территории. Подписанный в 1595 г . мир вместе с тем имел явно невыгодные и неравноправные моменты в отношении русской торговли и вообще связей через Балтику (вот почему он и не был ратифицирован в Москве). Но именно тогда герцог Карл был провозглашен правителем Швеции.

Итак, между Карлом и Сигиэмундом вспыхнула бескомпромиссная борьба, обостренная конфессиональным фактором (Сигизмунд, ярый сторонник контрреформации, был неприемлем для протестантского общества Швеции), столкновением двух государств из-за Прибалтики и соперничеством близких родственников. Борьба быстро переросла в военные действия, сторонники Сигизмунда были вытеснены сначала из Швеции, затем Финляндии, а в 1600 г . вспыхнула война за прибалтийские земли. России предстоял окончательный выбор.

Здесь и обнаружились просчеты отечественных дипломатов. Они отождествили личную политику принца Максимилиана с правительственной и недооценили нежелание шведского правительства поступаться чем-либо в балтийском вопросе. Россия пошла в 1601 г . на

длительное перемирие с Речью Посполитой и попыталась сформировать антишведскую коалицию. Но и здесь не удалось достичь желаемого. Окончились безрезультатно попытки заговоров в пользу России в Нарве. Страна осталась без явных и влиятельных союзников.

Второе, о чем следует сказать, — позиция вольного казачества на Дону и в Запорожье. И там, и там Лжедмитрий нашел полную поддержку, хотя мотивы были неодинаковы. Донское казачье войско стало враждебным московскому правительству в ответ на антиказачьи репрессии: по всему южному порубежью Борис Годунов ввел жесткий запрет на торговлю с казаками запрещенными товарами и вообще на приезд казаков в пограничные крепости. Преследования были вызваны нападениями казаков на Крым. На Дону Самозванец приобрел самых верных и воинственных сторонников. Запорожье вообще имело за плечами опыт самозванчества: в 70 — 80-е годы XV! в. из его среды не единожды выходили претенденты на трон в Молдавском княжении. Были и актуальные мотивы: поражение казачества в восстании С. Наливайко привело к сокращению реестра и уменьшению его прав в Речи Посполитой вообще. Активное участие в авантюре Лжедмитрия в случае успеха помимо материальных выгод предполагало укрепление положения казачества. Вот почему к моменту пересечения претендентом русской границы украинских (пока еще не запорожских) казаков в его войске было значительно больше, чем наемников. Чуть позднее, уже на русской территории в его лагерь прибывают основные части донских казаков. На исходе 1604 г . к Лжедмитрию пришли главные силы запорожцев со своей артиллерией.

Поразительная вещь — Самозванец приобрел множество крепостей и стойких сторонников самим фактом своего появления на российской земле. Время и место его похода (в юго-западном пограничье) оказались неожиданностью для правительства: его передовым отрядам и имени царевича сдались Чернигов, Путивль и множество других крепостей. Схема повторялась из раза в раз: появление отряда сторонников царевича (чаще всего станицы донских казаков) под стенами города быстро приводило к восстанию против воевод местных жителей и гарнизона, аресту годуновских военачальников и их отправке к Лжедмитрию. Там, где столкнулись с крупными силами стрельцов, спешно отправленных из Москвы, — успеха не было. Мало что переменила победа Самозванца в первом сражении с основной царской армией. Разве что большинство наемников во главе с Ю. Мнишком отправилось восвояси: на очередном сейме преобладали противники восточной политики короля, а посему опасались сеймовых репрессий в отношении польских участников похода. Но еще удивительнее — решительная победа царских воевод над ратью Лжедмитрия 20 января 1605 г . под Добрыничами не повлекла перехода местного населения на сторону правительства. Наоборот: в Путивле формируется областной представительный орган — совет — от местных сословных групп. От их имени отправляется в Речь Посполитую посольство к Сигизмунду с просьбой о помощи. По решению этого совета «со всех без омены» собирается тяжелый экстраординарный налог на уплату жалованья ратным людям. Кризис, а затем и развал царской армии, осаждавшей несколько месяцев небольшую крепость Кромы (в ней засел незначительный отряд донских казаков), смерть Бориса Годунова, наконец, всеобщее восстание во всем южном пограничье и антиправительственное выступление в столице 1 июня 1605 г . (в его ходе были убиты царь Федор Борисович и его мать) довершили дело: Лжедмитрий выиграл борьбу за престол.

Было ли все это актом гражданской войны? Несомненно. Налицо раскол общества и территории на два лагеря с двумя центрами — Москвой и Путивлем. Налицо вооруженная борьба за верховную власть, параллельные и соперничающие институты государственного управления. Во время пребывания Самозванца в Путивле в феврале—мае 1605 г . при нем функционировали собственная Боярская дума, свой орган представительства от местных сословий, свои приказы и дьяки. Из Путивля Лжедмитрий рассылал воевод по городам.

Труднее дать ответ на следующий вопрос — можно ли приведенные факты классифицировать как проявление крестьянской войны? Прежде всего, ратные силы претендента черпались по преимуществу из местных мелких дворян, местных же служилых приборных людей, местных горожан (их было совсем немного) и местного крестьянства — оброчног

(черносошного) и дворцового. И, конечно, вольные казаки Дона. Участие крестьянства было широким и активным: это прямо подтверждает погром и массовые казни, учиненные царской ратью в Комарицкой волости. Косвенно об этом свидетельствует хронология событий — главные из них пришлись на месяцы, свободные от основных сельскохозяйственных работ. Именно в крестьянской среде утопия о царевиче-избавителе получила самое широкое хождение. Показательно, что одним из первых указов нового царя было освобождение Северщины от государственных налогов на 10 лет. Бесспорно, что более всего здесь выиграли крестьяне: дворяне (со своей запашки) и приборные служилые прямых налогов в казну не платили. Наконец, по мнению политиков из правительства царя В. Шуйского, победу Самозванца во многом обеспечили «суровые севрюки-мужики». Несомненна также авангардная роль вольных казаков и едва ли не решающее их значение в военном успехе. Итак, по масштабам вовлеченности в ход борьбы, по составу антиправительственного лагеря описанное выше подпадает под ряд признаков крестьянской войны. Другое дело, что осознание собственных интересов (ближайших и отдаленных), осознание своей особности от других сословных групп Северщины было у крестьян слабым в силу относительной неразвитости противоречий в данном регионе. Все специфически крестьянские устремления как бы растворялись в нарочито туманных и неопределенных обещаниях милостей от нового царя. Специально «антифеодальной» направленности никак не разглядеть в калейдоскопе событий. Впрочем, а была ли она свойственна вообще крестьянским выступлениям в том догматическом понимании, которое показательно для ряда работ советского периода? Навряд ли. Итоговый вывод прозвучит так: перед нами акт несомненной гражданской войны, в которой обнаруживаются характеристики, сближающие ее с крестьянской войной. Трудно предположить обратное в стране, где крестьянство составляло более 90% всего населения.

«Царь Дмитрий Иванович» усидел на троне чуть менее года. Его политика носила явно компромиссный характер. Сознательно он избрал образцом в стиле правления период Избранной рады. Была произведена массовая раздача денежного жалованья служилому дворянству и увеличены поместные оклады. Стимулировались поездки за рубеж купцов. Была начата проверка прав собственности в конфликтах между церковными вотчинами и дворцовыми владениями, а также черносошными землями. Готовился новый законодательный кодекс, причем в нем обобщалось законодательство за вторую половину XVI в. Он намеревался собрать выборных представителей от уездных дворянских корпораций с изложением нужд. Показательно, что при нем не видно сколь-нибудь массовых репрессий. Суд над Василием Шуйским (тот организовал заговор сразу же вслед за прибытием Самозванца в столицу) происходил на соборном заседании, и его вина была доказана публично. Шуйский, приговоренный к смертной казни, был помилован и отправлен в ссылку. Впрочем, и оттуда он был скоро возвращен. Вообще в его короткое царствование вместилось немало новаций. Особенно в том, что касается личного участия монарха в управлении, судопроизводстве, в военных учениях и играх. Самозванец решительно отказался от исполнения обещаний Речи Посполитой. Он не собирался помогать Сигизмунду в войне против Швеции и тем более отдавать западные области страны. Равным образом не было и речи о каких-то больших земельных пожалованиях невесте и ее отцу. Единственное, от чего он не отступился, так это от денежных выплат Мнишку (правда, в заметно уменьшенном объеме). Он потерял интерес к долгим беседам с сопровождавшими его иезуитами, но часто общался со своими секретарями из поляков и украинской шляхты, многие из которых были протестантами. Несомненно его стремление к большей открытости страны, к расширению политических, торговых и культурных связей.

В этом движении внутренней политики, вполне хаотичном, явно заметна тенденция к консолидации общества. Не исключено, что, удержись Самозванец у власти, быть может, реализовался бы вариант постепенного преодоления раскола общества путем компромиссов. Впрочем юный и не слишком опытный царь допустил несколько ошибок. Прежде всего у него так и не состоялась опора в верхушке политической элиты. Совсем немногие в Думе были его явными сторонниками, равно как и в верхних стратах государева двора. Далее. Служилое

дворянство по хозяйственным и социальным мотивам жаждало мира — после трех голодных лет и почти целого года мобилизации на южную границу и военных действий в 1604—1605 гг. Лжедмитрий объявил о походе на Крым: еще в зимние месяцы в южные крепости свозились пушки, пищали, боеприпасы, продовольствие. Весной состоялся призыв на службу. Ошибкой были свадебные торжества в мае 1606 г .: на них съехалось свыше 2000 человек из Речи Посполитой в надежде на материальное вознаграждение. Такого ранее не бывало. Развязное поведение шляхтичей, их служителей вызвало с первых дней столкновения с москвичами. Надлежащего судебного разбирательства не было. Спровоцированное этим восстание москвичей против подданных Речи Посполитой прикрыло боярский заговор на жизнь царя. Удалось и то, и другое. Несколько дней труп Самозванца с маскарадной маской на лице лежал на Красной площади. Сначала его закопали за городской чертой, но возникшие толки о спасении царя, о явлениях вблизи его могилы изменили «меру пресечения». Тело выкопали, сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад. Не только потому, что он явился с запада, но главным образом вследствие традиционных воззрений православных: на западе находился ад, туда его душе и следовало направиться.

Второй акт Смуты открылся избранием на царство Василия Шуйского, главы заговора. Представитель рода нижегородско-суздальских Рюриковичей, он входил в круг наиболее могущественной аристократии страны. Его политическая биография была полна взлетов и падений. Его моральный облик вполне виден из сопоставления трех фактов. В 1591 г . он возглавил от Боярской думы специальную комиссию, признавшую ненасильственный, случайный характер смерти царевича Дмитрия. В 1605 г . он свидетельствовал москвичам о его спасении в 1591 г . В 1606 г . именно по его инициативе царевич Дмитрий был канонизирован в качестве святого страстотерпца как невинно убиенный от царя Бориса. На юге избрание Шуйского было воспринято как узурпация власти одним из ненавистных бояр. Говорили о незаконной процедуре. Это не совсем верно. Известно, что в дни коронации Шуйского имел место Земский собор, на который выбирало своих представителей уездное дворянство (в частности, из Смоленска). В середине лета юг вновь заполыхал: комбинация антиправительственных сил повторилась теперь в увеличенном масштабе.

В литературе 1606—1607 гг. характеризуют чаще всего как восстание под руководством И. Болотникова. Их полагают обычно или самой крестьянской войной, или ее апогеем. Нет нужды в пересказе хода событий, важна их логика. Обычно все восстание делят на три этапа. Первый — лето— начало декабря 1606 г .; второй — декабрь 1606 г . — май 1607 г .; третий — май — октябрь 1607 г . На первом формируются две большие повстанческие армии (каждая из них в лучшие дни насчитывала десятки тысяч повстанцев) в районе Кром и Ельца. Противостояние правительственных войск и повстанцев заканчивается примерно в середине августа отступлением первых. Повстанцы во главе с веневским сотником И. Пашковым из Ельца направляются в Рязанский край. Возникает соединенная рать, во главе которой становятся — после Пашкова — П. Ляпунов и Г. Сумбулов, с отрядами рязанских дворян. Параллельно восстание охватывает нижегородско-арзамасский регион, активное участие в нем принимают местные дворяне, служилые приборные люди, дворцовые крестьяне. В осаде оказываются Нижний Новгород и Муром. Рать Пашкова и Ляпунова в первой декаде октября возобновляет поход к столице. В конце второй декады пала Коломна, 25 октября разбиты отборные царские отряды под с. Троицким, в конце месяца повстанцы уже под Москвой.

Несколькими днями позднее к Москве подошла армия во главе с И. Болотниковым, проследовавшая через Калугу — Малый Ярославец — Пахру. Посланные из нее отряды подняли восстание в уездах к западу, северо-западу и северу от столицы. Началась полуторамесячная осада столицы.

Само восстание началось под лозунгом восстановления на троне чудесно спасшегося от боярского заговора царя Дмитрия. Фундаментальная слабость была, однако, в том, что носителя имени не было. Существовала некая личность у супруги арестованного Ю. Мнишка, выдававшая себя за царя Дмитрия Ивановича. По некоторым предположениям то был Миха-

ил Молчанов, довольно близко стоявший к Самозванцу. Именно он вручил распоряжение о воеводской власти И. Болотникову, который возвращался из турецкого плена кружным путем. Реальным политическим центром был Путивль, где распоряжался князь Г. Шаховской, один из вдохновителей восстания и «всей крови заводчик». Но воеводы повстанческих армий не слишком были склонны считаться с центром, где отсутствовал истинный монарх. Не очень они считались и друг с другом. Поэтому не приходится говорить о реальной координации действий. К тому же репрессивные моменты ярко проявились там, где действовал Болотников, и почти незаметны в полосе движения Пашкова. Конечно, казнили не за принадлежность к дворянству, а за измену царю Дмитрию. Пашков же плененных воевод и знатных лиц отсылал в Путивль. Как бы то ни было, внутри командования объединенных сил повстанцев под стенами столицы нарастали противоречия. Они завершились переходом на сторону Шуйского в середине ноября рязанских дворян во главе с П. Ляпуновым, а в дни решающих боев в начале декабря 1606 г . — И. Пашкова со своими отрядами. Повстанцы были разбиты в тяжелых трехдневных боях и отступили к Калуге и Туле.

Второй этап характеризуется динамическим равновесием. Из Путивля в Тулу прибывает новая рать во главе с новым самозванцем, «царевичем Петром Федоровичем» (Илейкой Муромцем), вобравшая в себя терских и донских казаков, казачьи станицы с Украины и Запорожья. В это время на русской территории оказывается целый ряд отрядов воинских людей из пограничных воеводств Речи Посполитой, призванных на помощь царевичем Петром. Основные силы болотниковцев были осаждены в Калуге. Несколько крупных сражений в конце зимы—весной 1607 г . имели переменный успех. Однако в начале мая повстанцы наносят царским войскам решительное поражение невдалеке от Калуги, правительственная рать отступает от ее стен. Все крупные отряды повстанцев соединяются в одну рать в Туле.

Полная мобилизация всех военных ресурсов правительством Шуйского (Сигизмунд в то время был занят военными действиями в Польше против восставшей шляхты ряда воеводств) позволила ему перейти в стратегическое наступление. Прежде, в кровопролитном бою была парирована попытка конной рати повстанцев с артиллерией прорваться к Москве. Любопытно, что ею командовали И. Болотников (в качестве главного воеводы) и князь А. Телятевский, бывший его хозяин (Болотников до пленения крымскими татарами был боевым холопом-послужильцем у князя). С большим трудом царским воеводам удалось разбить конные отряды болотниковцев. Со второй декады июня 1607 г . начинается почти четырехмесячная осада Тулы огромной царской армией. Только начавшийся голод и затопление крепости (в результате устройства запруды на р. Упе) вынудили повстанцев сдать ее в начале октября. Условия сдачи были почетны. Аресту подверглись только предводители восстания, основная же масса осажденных была отпущена.

Так закончилось восстание Болотникова, завершилась, по словам одного современника, «сия же горькая скорбь, не бысть такова николи же...». Трудная победа над болотниковцами сулила, казалось, желанное успокоение общества Шуйский не рискнул продолжить кампанию. Полного замиренья не наблюдалось. В Поволжье ряд районов отказывал в повиновении. Да что там отдельные уезды — вся Северщина по-прежнему не признавала власти царя. И все же радость правителя была велика. Она пролилась на командный и рядовой состав царской армии выплатами денежного жалованья, ростом поместных окладов, пожалованиями части поместий в вотчину, повышением рангов дворовым и пожалованиями в дворовые чины городовых дворян. По их челобитьям возвращались из опал те, кто участвовал на стороне повстанцев на ранних этапах борьбы. Василий Иванович Шуйский не забыл и себя. В январе 1608 г . он переезжает в новый дворец в Кремле. В том же месяце 56-летний царь сочетался браком с юной княжной из рода князей Буйносовых-Ростовских. Через две недели был повешен на Серпуховской дороге, за стенами города «царевич Петр». Незаконный сын муромского посадского человека, наймит на Волге, холоп, а перед превращением в сына царя Федора служитель терского казака, он отличился особой свирепостью в расправах с плененными сторонниками Шуйского. Болотникова сослали в Каргополь. Примерно через

полгода он был ослеплен, а вскоре его утопили. Суровый и жестокий к врагам, он обладал несомненными военными талантами и был непреклонен в исполнении задуманного.

Несомненно взрывное расширение территории, где шло вооруженное противостояние двух лагерей. Более половины территории европейской части России было охвачено гражданской войной. Очень важно, что она распространилась на стратегически значимые области — Центр, Среднее Поволжье, западный регион.

Усложнилась социальная структура повстанческого лагеря. В активную борьбу против Шуйского вступили многие народности Поволжья. Гораздо заметнее, чем ранее, удельный вес служилого дворянства. В военных действиях против правительственных войск участвуют такие мощные и влиятельные корпорации, как рязанская, арзамасская и т.п. Как и прежде, в среде повстанцев много приборных служилых людей, боевых холопов. Заметно шире и разнообразнее представлено в повстанческих силах крестьянство. В борьбу втягивается владельческое крестьянство центральных уездов. И еще одна очень важная на перспективу особенность — специфическая роль вольного казачества. Отдельные его станицы перестают рассматривать свое участие в вооруженной борьбе на основной территории страны как временное. Естественным ходом дел они превращаются в один из главных элементов расстановки сил в обществе. Наконец, привлечение отрядов из Речи Посполитой (казаков, шляхты, наемников) было заурядным фактом.

Многие признаки указывают на резкое ужесточение борьбы. Возьмем, к примеру, военный аспект. Около полутора десятков крупных боев и сражений (в отдельных случаях многодневных), многомесячные осады Москвы, Калуги, Козельска, Нижнего Новгорода, Тулы, многоверстные марши и походы зимой, в весеннюю распутицу, в жаркие дни лета. Мобилизация всего военного и экономического потенциала. Воюющие армии насчитывали десятки тысяч ратников, под Тулу было собрано явно более 100 тыс. воинов. В социальном плане — налицо самые масштабные и самые изощренные казни за все годы Смуты. Прежде всего это характеризует действия повстанцев. Как правило, наказания носили публичный и устрашающий характер. Конечно, в вину воеводам и дворянам вменялась измена «истинному царю Дмитрию Ивановичу», что было вполне логичным в условиях гражданской войны. Но здесь несомненно присутствуют компоненты социальной ненависти низов к верхам. Не зря подметные листы болотниковцев были обращены по преимуществу к холопам, городской черни с призывами разделить господские богатства, барских жен и дочерей, их дома. Иначе говоря, признаки «классической» крестьянской войны (в марксистском понимании) выражены здесь куда определеннее, чем в 1604—1605 гг. Другой вопрос — насколько это понятие помогает лучше проявить специфические аспекты происходившего по сравнению с понятием гражданской войны.

Появление и гибель первого Самозванца сопровождались всплеском международного интереса к тому, что разворачивалось на просторах России. Восстание Болотникова такой популярностью не пользовалось. Но именно оно продемонстрировало всю глубину кризиса общества и государства заинтересованным соседям. Правда, Сигизмунду III прежде надо было справиться с собственными неурядицами. Его немного опередили те, кто уже не раз пересекал русскую границу в надежде на поживу. Так родилась авантюра второго Самозванца. На исходе лета 1607 г ., еще до падения Тулы, в пограничном Стародубе объявилась персона, которую словно бы вынудили признаться, что он-то и есть спасшийся царь Дмитрий Иванович. Его подлинность тут же удостоверили московские приказные лица. Так, при еще незавершенном втором действии, завязалась интрига следующего акта Смуты.

§ 3. Политические центры эпохи Смуты и «конечное разорение Московского царства»

Множественность центров власти в стране была свойственна Смуте на всем ее протяжении. Вот зима—весна 1605 г .: Москва и Путивль — две резиденции; одна — царствующего монарха, другая — претендента. Восстание Болотникова: с местопребыванием царя

Василия Шуйского все ясно — Москва. Сложнее дело в повстанческом лагере: реального носителя имени царя Дмитрия долго нет, Путивль сохраняет значение оппозиционного центра, но только регионального. Именем царя распоряжается И. Болотников, а значит, ставка перемещается вместе с ним: Калуга — с. Коломенское (под Москвой) — Калуга — Тула. Но не было, однако, и намека на действительно столичные функции. И что важно — и правительственный, и повстанческий лагеря наглядно демонстрируют рыхлость управленческих рычагов, слабость центральной власти.

Ситуация существенно меняется с появлением второго Самозванца. Скорее всего он был русским по происхождению, рано попавшим в восточные воеводства Литовского княжества (ныне земли Восточной Белоруссии), став бродячим школьным учителем. Первыми приложили руку к сотворению нового царя Дмитрия местные шляхтичи. Кое-кто из них сопровождал Лжедмитрия I на заключительном этапе его похода на Москву. После появления и объявления Самозванца в Стародубе (уже в России) дело продолжил И.М. Заруцкий, казачий атаман родом из Тернополя. Он побывал в крымском и турецком плену и давно был вовлечен в российские дела. В Стародубе он оказался не случайно: предводители повстанцев направили его из Тулы к границе для сбора сведений о местонахождении и планах «царя Дмитрия».

Шуйский после сдачи ему Тулы, во-первых, распустил почти всех взятых в плен рядовых повстанцев, а во-вторых, прекратил крупные операции, отложив восстановление власти над Северской землей на весну—лето следующего года. Летом же 1607 г . Сигизмунд III наносит силам рокошан решительное поражение, так что осенью немалое их число оказалось на восточном порубежье Речи Посполитой — с оружием, но без занятий. Вот почему Лжедмитрий II, направившийся в сентябре к Туле, а в октябре стремительно бежавший поближе к границе, сильно нарастил свой потенциал за время зимовки под Орлом. К весне его рать насчитывала от 20 до 30 тыс. человек, и состояла она по преимуществу из бывших болотниковцев (во главе с Заруцким) и польских наемников — во главе с гетманом Ружинским, Лисовским и другими предводителями крупных, средних и мелких отрядов. В двухдневном бою под Волховом (30 апреля — 1 мая 1608 г .) Лжедмитрий разбил правительственную армию под командованием царского брата князя Д.И. Шуйского. Через месяц с небольшим он уже под Москвой. Вскоре в стране возникла вторая столица в считанных верстах от стен Москвы — резиденция «царя Дмитрия Ивановича» расположилась в с. Тушине. Отсюда и обыденное определение Самозванца — «Тушинский вор». Так впервые в Смуту возникло два параллельно существующих государственно-политических центра.

В Тушине довольно быстро сложилось все, что было пристойно для столичной резиденции. При царе функционировали Боярская дума, государев двор (с почти полным набором чиновных групп дворовых), приказы, Большой дворец, казна и иные учреждения. Конечно, на высоких постах оказывались незнатные, а порой и вовсе «беспородные» люди. Тот же Заруцкий получил чин боярина, главы Казачьего приказа и стал командующим всех отрядов и станиц казаков. Но в Думе у Самозванца заседали Рюриковичи (князья Засекины, Сицкие, Мосальские, Долгоруковы и т.п.), Гедиминовичи (князья Трубецкие), аристократы с Северного Кавказа (князья Черкасские), представители старомосковских боярских фамилий (Салтыковы, Плещеевы). Ему служил касимовский хан. С осени 1608 г . Тушино получило своего «названного» патриарха: был привезен из Ростова местный митрополит Филарет (в миру Федор Романов, получивший эту кафедру в последние недели царствования первого Самозванца). Его положение было весьма двусмысленным, он наверняка был прикосновен ко многим эпизодам политической жизни, но внешне отстранялся от суеты мира и по позднейшей характеристике не «преклонился ни на десно, ни на лево». При всем том важнейшие военные и материальные решения принимались верхушкой польско-литовских наемников. Первоначально главенствовал гетман Ружинский, с появлением Я.П. Сапеги (близкого родственника литовского канцлера Льва Сапеги), приведшего корпус из семи с лишним тысяч воинов, возникло своеобразное двоевластие. Впрочем, Сапега предпочитал бранные труды и

раздолье российских просторов тесноте Тушина. Он возглавил все действия в центре страны, осадив с конца сентября 1608 г . Троице-Сергиев монастырь.

С мая по ноябрь 1608 г . успехи тушинцев стремительно нарастали. На исходе лета произошло еще одно важное событие, которое придало Самозванцу дополнительную легитимность: «царь Дмитрий Иванович» вновь обрел «свою» венчанную и коронованную в мае 1606 г . жену. По соглашению лета 1608 г . польская сторона обязывалась вывести всех наемников — подданных Речи Посполитой с территории

России в обмен на отпуск русским правительством всех задержанных и сосланных поляков. Включая семейство Мнишков. Воевода вступил в сношения *с* Тушином, еще находясь в ссылке в Ярославле. Было условлено, где и как тушинцы смогут перехватить отправленных из Москвы к западной границе пленников. Все так и произошло. На людях была радостная встреча насильственно разлученных супругов, в тайне же состоялось венчание Марины с новым носителем имени «царя Дмитрия» (по католическому обряду). С этого момента царица Марина Юрьевна навсегда связала свою судьбу не только со вторым Самозванцем, но и с исходом войны.

Как бы то ни было, положение Василия Шуйского оставалось печальным. Москва, собственно, находилась в блокаде — лишь отчасти открытыми оставались дороги через Коломну на Рязань и Владимирская. Растущая хлебная дороговизна (особенно весной 1609 г .) была, пожалуй, более грозным оружием, чем сабли и пушки Тушина. Все междуречье Оки и Волги (за небольшими исключениями) признавало власть тушинского царя. В Среднем и Нижнем Поволжье от имени царя Дмитрия распоряжались в Астрахани, Свияжске. Арзамасе и т.п. Почти все южное порубежье традиционно подчинялось царю Дмитрию, а в Рязанском крае верный Шуйскому П. Ляпунов контролировал лишь крупные крепости. На северо-западе за Шуйским оставалась Новгородская земля, Псков же довольно быстро присягнул Лжедмитрию. Большинство небольших крепостей и сельские территории на западном пограничье также подчинялись Тушину, но Смоленск и его округа сохранили верность царю Василию. Наконец, тушинские отряды проникли в Заволжье и далее на север. Поздней осенью 1608 г . самозванцу присягнула Вологда, а в ней были собраны налоги почти со всего севера, товары заморской торговли через Архангельск и меховая казна из Сибири. Доставка всего этого в Тушино означала бы почти автоматически финансовый крах правительства Шуйского.

Исход войны и в начале XVII в. решали не столько победы на поле брани, сколько финансы и материальное обеспечение. Тушинские власти не располагали эффективными органами управления на местах, тяглецы же здраво, но лукаво ожидали немедленной реализации обещаний Лжедмитрия — милости, облегчения тягостен и т.п. Так что сбором денег на жалованье наемникам из Речи Посполнтой и столовых запасов им. кормов лошадям пришлось заняться самим тушинским отрядам. Это помимо «естественной» добычи в результате военных действий. Понятно, что в удаленные районы (на Северщину, в Арзамасский край и т.п.) тушинцы непосредственно не добирались. А оттуда поступало столько, сколько считали правильным местные политические лидеры. Возмещать приходилось за счет уездов центра. Партии польской шляхты и их служителей (лахолков) делали это столь профессионально, что от «нормальных» грабежей такие поборы отличало лишь наличие легальных полномочий. Стоит ли удивляться, что немногих месяцев тушинского управления вполне хватило для начала спонтанной борьбы против тушинцев. Эта борьба почти сразу приобрела в немалой мере качество национально-освободительной: в Заволжье и центральных уездах действовали по преимуществу польско-литовские отряды. Если летом—осенью 1608 г . территория, подконтрольная Шуйскому, сжималась наподобие шагреневой кожи, то в конце 1608 — начале 1609 г . процесс пошел в обратном направлении. Спасли ценности, казну, товары и в Вологде — тушинских приказных быстро выставили из города. К весне 1609 г . движение ополчений северных и заволжских городов неуклонно сокращало пространство власти Тушина.

Впрочем, возможности таких городовых ополчений были ограничены. На севере и северо-востоке практически не существовало дворянских уездных корпораций. Не было там

больших гарнизонов из приборных служилых людей. Дворянские корпорации многих центральных уездов утратили боеспособность. Необходимо было прибегнуть к внешней помощи. Коль скоро Речь Посполитая отказалась от подписанного ее послами соглашения, оставалась Швеция. Февральский договор 1609 г ., заключенный от имени царя его родственником М.В. Скопиным-Шуйским, предусматривал предоставление Швецией России значительного войска наемников в обмен на крепость Корелу с уездом. Весной войска начали прибывать в Новгородскую землю, в мае начался поход армии Скопина и почти синхронно — рати Ф.И. Шереметева из Среднего Поволжья.

Умелые действия Скопина принесли летом значительные успехи. Были очищены все уезды и города по Волге и начато продвижение к Москве по Ярославской дороге. В конце 1609 г . рати Скопина и Шереметева (освободил Владимиро-Суздальскую землю) соединились в Александровской слободе, в конце января 1610 г . была полностью снята осада с Троице-Сергиева монастыря, а немногим позднее взят Дмитров. В апреле Москва встречала колокольным звоном своих освободителей.

Впрочем, к этому моменту уже не Лжедмитрий II представлял главную опасность. Двухполюсная структура гражданской войны превращается в трехполюсную. Главный фактор таких изменений — открытое вмешательство Речи Посполитой, а позднее и Швеции во внутренние усобицы России.

Вторжение большой армии во главе с Сигизмундом произошло в сентябре 1609 г . Мотивы короля нетрудно угадать: здесь сплетались личные, политические, конфессиональные и территориальные интересы. Собственно сам факт похода в Россию и осады крепости Смоленск означал полномасштабные военные действия, но не содержал ответа об их целях. Обработка шляхетского общественного мнения началась давно. Выразительный штрих — в том же 1609 г . в Вильно увидела свет брошюра, в которой Россия приравнивалась к Америке: ее необходимо завоевать так же, как испанцы завоевали ацтеков. Это будет нетрудно сделать, ибо русские якобы ничем не лучше в военном плане туземцев Америки. Их плодородные земли следует раздать шляхтичам. Участие многочисленных отрядов в российских событиях укрепило мнение о фундаментальных слабостях соседа-соперника. Поэтому, несмотря на незавершившуюся войну со Швецией в Прибалтике, сейм вотировал налоги на поход в Россию. Король приложил много усилий с целью перетянуть основные силы наемников из Тушина в свой лагерь. Так что уже осенью 1609 г . вполне обозначился кризис Тушинского лагеря. В конце декабря 1609 г . Лжедмитрий бежит в Калугу, куда устремляются казачьи станицы, отряды приборных служилых, дворянские сотни южных корпораций. Позднее, в феврале туда же бежит Марина. В январе—феврале имели место стычки и бои между поляками и русскими тушинцами. Русские тушинцы-аристократы из двух маршрутов — в Москву или в Калугу — предпочли третий: в королевский лагерь под Смоленск.

Там в феврале 1610 г . был заключен договор о предварительном избрании на русский трон сына Сигизмунда, Владислава, причем основное содержание статей соглашения сводилось к четкой регламентации деятельности нового царя в условиях полного сохранения московского социального и государственно-политического устройства, православной веры и т.п.

Итак, весной 1610 г . в стране было уже три центра, имевшие хотя бы формальные права на власть — Москва, Калуга, королевский лагерь под Смоленском. Весной—летом ведутся вялые военные действия между Лжедмитрием II и польскими отрядами. Но главный узел должен был разрубиться в столкновении армии Шуйского с королевской ратью. Смерть Скопина в апреле 1610 г . (по очень вероятной версии он был отравлен на крестинах) привела к смене командования. Русские войска с отрядами наемников из Швеции выступили к Смоленску, имея во главе царского брата, бездарного Дмитрия. В очередной раз проявилась его нераспорядительность. Правда, в этот раз ему противостоял один из лучших польских военачальников, коронный гетман С. Жолкевский. Он нанес внезапный удар по не развернувшейся полностью в боевые порядки русской армии и сумел предварительно склонить к измене основные силы наемников. Поражение при с. Клушине было катастрофическим: правительство Шуйского за несколько часов лишилось почти всей армии и значительных

средств. К Москве устремились силы Лжедмитрия II из Калуги и корпус Жолкевского. 17 июля 1610 г . царь Василий Шуйский в результате заговора был сведен с престола и насильственно пострижен в монахи. Высшую власть взяла на себя Боярская дума, за которой не было сколько-нибудь реальных сил. Падение режима Шуйского, казалось бы, упрощало ситуацию.

Собственно, на выбор Думе, наличному составу государева двора, добравшимся до Москвы после Клушина дворянам и стрельцам, горожанам предстали два варианта. Самозванца не хотело подавляющее большинство, поэтому переговоры с его сторонниками клонились к размену правителей: москвичи сводят с трона Шуйского, бывшие тушинцы — своего царика. Оказался, однако, обман: на новом туре переговоров москвичам предложили в цари Тушинского вора как лучший вариант. Параллельно шли переговоры с Жолкевским. Заключенный с ним в августе договор признавал факт избрания русским царем Владислава, причем крестоцелование на его имя началось едва ли не на следующий день после подписания. Ограничительные нормы были, пожалуй, еще более четко разработаны и дотошной регламентацией максимально гарантировали сохранность московских порядков во всех сферах жизни, включая церковь и веру. Некоторые несогласия не были преодолены (важнейшее — об обязательном переходе Владислава в православие). Их разрешение отложили до прямых переговоров с королем.

Существенно, что статьи августовского договора обсуждались на заседаниях импровизированного Земского собора. Именно соборной делегации (представителей от сословий насчитывалось несколько десятков, а с сопровождающими лицами — несколько сот человек) во главе с Филаретом и боярином В.В. Голицыным поручили провести переговоры с Сигизмундом, поддерживая постоянную связь с Думой, патриархом Гермогеном, членами Собора. На этом фоне глобальных решений внешне не слишком заметно происходили как будто обыденные, вызванные простой целесообразностью события: польские войска сначала были впущены в город, а в сентябре — в Кремль. Фактически это означало установление контроля польского коменданта над деятельностью всех институтов власти. Нетрудно понять, были ли у Сигизмунда в такой ситуации желания к переговорам. Конечно, нет. Наоборот, он полагал неверной тактику и уступки Жолкевского. Прежде всего он видел себя на московском троне и в соответствии с давними планами во главе государств, объединенных унией (России отводилась второстепенная, подчиненная роль). И, естественно, он желал восстановить справедливость и вернуть Литовскому княжеству его исконные земли — Смоленск ранее всего. Вот почему, несмотря на настояния русских послов, осада Смоленска продолжалась. Русские же политики и простецы никак не могли взять в толк: почему король воюет землю, монархом которой должен стать его сын.

В итоге уже к началу следующего года главные послы вместо стола переговоров оказались под арестом, а затем и в заключении. В столице же власть полностью перешла к польскому коменданту Гонсевскому и тем русским, которых направил в Москву Сигизмунд. В декабре 1610 г . погибает Лжедмитрий II. Патриарх Гермоген, вступивший в конфликт с польскими властями в Москве, в декабре 1610 — январе 1611 г . рассылает грамоты по многим городам с призывом к освобождению столицы и отказу от присяги Владиславу. Власти берут под стражу его резиденцию, а в середине марта вообще отправляют Гермогена в заключение в Чудов монастырь. Арена кажется полностью расчищенной для Сигизмунда. Правда, почему-то никак не сдается Смоленск, не желая признать нового царя. В Калуге царица Марина рожает сына Ивана («царевича Ивана Дмитриевича»), которого отдает под покровительство и защиту горожан Калуги. К тому же и военные отряды — вполне солидные — из Калуги никуда не делись. Королем был резко недоволен в Рязани П. Ляпунов, а в других городах множество воевод, приказных, местные сословия. Но нет у них объединяющего начала, а противоречия между вчерашними врагами — социальные, политические — не исчезли.

Все логично в подобных выкладках, за единственным исключением: общее желание к изгнанию захватчиков оказалось сильнее, пусть временно, прежних раздоров. Сформирован-

ные почти в двадцати городах отряды с конца зимы подтягиваются к столице. Там, несколько опережая события, 19 марта вспыхивает восстание москвичей против поляков. Тяжелые бои шли два дня, и только после поджога домов и строений в Китай-городе (пожар выжег почти всю застройку Китай-города) гарнизону удалось подавить выступление горожан. Именно это событие (столица являла собой очень печальное зрелище) было обозначено как «конечное разорение Московского царства».

Тем не менее в ближайшие дни после восстания к Москве подступили все отряды. Встала задача организационного оформления первого земского ополчения. Высшая власть — законодательная, судебная, отчасти исполнительная — принадлежала Совету ополчения, своеобразному Земскому собору. Руководство текущим управлением лежало на трех лицах: боярах и воеводах Д.Т. Трубецком и И.М. Заруцком, думном дворянине П.П. Ляпунове, а также вновь создаваемых ведущих приказах. В приговоре ополчения от 30 нюня подробно расписывался порядок земельного устройства дворян, их денежного жалованья и гораздо меньше говорилось о казачестве. Теперь же речь шла об очень важном элементе общественной структуры: в балансе военных сил, спектре политических притязаний и социальных предпочтений вольному казачеству принадлежали важные позиции. Именно в рамках первого ополчения оно приобретает новые черты: отдельные станицы и отряды образуют некое военно-организационное единство. Конфликт Ляпунова с казаками наглядно проявил глубину социальной розни казачества и дворянства, высветив особенности устройства казаков. Ляпунов трижды вызывается на «великий круг» и появляется лишь на третий раз. Показательна публичная процедура обвинения и хотя бы формально соблюденная возможность Ляпунову ответить на обвинения. Наконец, казнь осуществлена коллективно. Все эти признаки (вне зависимости от того, сколь справедливым было обвинение) указывают на войсковую организацию вольных казаков.

Убийство Ляпунова привело к массовому отъезду из-под Москвы дворян и даже приборных служилых. Этому способствовало и отсутствие единого плана восстановления государства. Приговор об обращении за военной помощью в Швецию в обмен на возможное призвание одного из двух сыновей короля Карла IX был, скорее, тактическим ходом. Если продолжить цепь неудач, то итоги к исходу лета 1611 г . будут совсем незавидны: после очередного штурма польских войск в июне пал Смоленск; опираясь на приговор Совета ополчения и позицию местной верхушки, шведские войска вошли в Новгород, а затем оккупировали новгородские земли, зафиксировав в договоре право шведского королевича на русский трон или на Новгородскую область. Наконец, кризис в казачьих таборах под Москвой достиг угрожающего уровня.

Теперь вспомним. В Московском Кремле в осаде сидят польская администрация, войска и Боярская дума, представляя власть Владислава. Второй и главный центр этой власти перемещался вместе с королем, который прихватил с собой в качестве трофея-символа своих побед братьев Шуйских. Под Москвой сохранялось правительство первого ополчения, авторитет которого реально мало кто признавал на местах. В Новгороде Великом правила шведская администрация. Это не считая множества региональных центров (вроде Пскова, Путивля, Казани, Арзамаса и т.д.), которые практически не подчинялись никому. Именно в тот год собравшиеся в волостном кабаке мужики избирали своего «мужицкого царя». Ничего удивительного: двумя годами ранее на просторах страны казачьи отряды водили более десятка «царевичей», носивших столь «привычные» для царской фамилии имена — Лавер, Осиновик, Брошка. Процесс территориального распада и политического разложения, казалось, достиг той черты, после которой уже нет возврата к единству общества и государства.

§ 4. Восстановление единой государственности в России и последние раскаты Смуты

Осенью 1611 г . в Нижнем Новгороде началось движение, которое постепенно консолидировало большинство сословий России в намерении реставрировать в стране самостоя-

тельную национальную монархию. Под воздействием грамот Гер-могена и старцев Троице-Сергиева монастыря сформировалась политическая платформа: не брать царем Ивана Дмитриевича (сына Марины), не приглашать на русский престол любого зарубежного претендента, первая цель — освобождение столицы с последующим созывом Земского собора для избрания нового царя. Не менее существенно, что во главе ополчения встали стольник князь Д.М. Пожарский и нижегородский староста К. Минин. Помимо корпораций Среднего Поволжья, местных приборных служилых ядро второго ополчения составили дворяне Смоленской земли, оставшиеся без имений и средств существования. Тяжелый экстраординарный побор, собранный с горожан и сельчан по инициативе Минина, обеспечил финансы на первом этапе. Самому походу предшествовала интенсивная переписка с региональными советами множества городов России.

Многое в организации и намерениях второго земского ополчения противоречило порядкам и целям первого. Вот почему был выбран кружной маршрут движения: вверх по Волге до Ярославля. Все города и уезды по дороге присоединялись к ополченцам. Упредив действия казаков первого ополчения, отряды второго появились в Ярославле ранней весной уже как общероссийская сила. Несколько месяцев пребывания в этом городе окончательно оформили устройство второго ополчения. Так возник еще один политический центр в стране. Здесь не было ничего принципиально нового. Высшая власть принадлежала Совету ополчения. Но мы точно знаем, что реальные выборы в него происходили. Что депутаты съезжались в Ярославль. Известно, какие сословия были представлены: белое духовенство, служилые дворяне, приборные люди, горожане и, важная новость, — черносошные и дворцовые крестьяне. Понятно почему: в общем деле надо было объединить главных тяглецов и воинов. Добавим, что посошные от крестьян и горожан играли во время Смуты все более заметную роль.

В Ярославле были восстановлены основные приказы: сюда из-под Москвы, из провинции стекались опытные приказные, умевшие поставить дело управления на добротную основу. Руководители ополчения всерьез занялись дипломатией. Несколько месяцев совместной работы доказали взаимодополнение руководителей ополчения: опытный и удачливый воевода, человек твердых убеждений, Пожарский возложил текущее управление на Минина, обеспечившего главный нерв — финансы и снабжение.

Угроза прорыва армии во главе с литовским гетманом К. Ходкевичем к польскому гарнизону в Москве вынудила предводителей ополчения ускорить поход к столице. В свою очередь это вызвало кризис внутри первого ополчения. Заруцкий во главе нескольких тысяч казаков, захватив по дороге из Коломны Марину с сыном, направился в Рязанский край. Оставшиеся станицы и дворянские отряды под предводительством Трубецкого сначала соблюдали нейтралитет. Лишь в критические моменты сражения с отрядом Ходкевича в конце августа они приняли участие в действиях против его сил. Акция последнего в главном не удалась. Гарнизон в Кремле остался без продовольствия, припасов и резервов. Его судьба была предрешена: 27 октября два полка польского гарнизона сдались, Москва была освобождена. Попытка Сигизмунда небольшими силами переломить ход событий оказалась запоздавшей: короля остановили под Волоколамском. Узнав о сдаче гарнизона, он повернул в Польшу.

Еще в сентябре началось постепенное слияние обоих ополчений. Вслед за взятием Москвы в ней сформировались объединенный Совет (с его санкции выдавались значимые жалованные грамоты) и приказы. Требовалась перестройка военной организации и прежде всего перерегистрация казачьих отрядов. Это вызвало недовольство с их стороны. В декабре основная часть дворян разъехалась по имениям, так что в столице численно преобладали казаки. Первые грамоты с призывом избирать депутатов на Земский собор были направлены по городам вскоре после очищения столицы. Сроки работы Собора переносились не один раз. Но в первой декаде января 1613 г ., до подъезда депутатов из ряда городов, заседания Собора открылись в Успенском соборе Кремля. Предварительно были определены нормы представительства от городов и групп населения. По сравнению с Советом второго ополчения осо-

бой новизны не было. Полагалось 10 человек от города при сохранении того перечня сословий, по которому призывали в Совет ополчения, включая черносошных крестьян. Традиционные и ведущие курии Собора — Освященный собор, Дума, дворовые московские чины (включая приказных), сохранили свою роль.

Понадобилось (и не раз) специальное решение о том, что кандидатуры иностранного происхождения не будут рассматриваться, равно как и кандидатура сына Марины. Всего на январских обсуждениях фигурировало около десятка имен, представлявших цвет российской титулованной аристократии. Наиболее серьезными казались шансы князя Д.Т. Трубецкого. По утверждениям современников, он потратил огромные суммы на прямой и косвенный подкуп казачьих станиц. Тем не менее его претензии были блокированы, а расчеты на активные неформальные действия казаков оказались ложными. Когда отбор кандидата зашел в тупик, вновь возникло имя шведского королевича Карла-Филиппа (его старший брат Густав-Адольф уже правил Швецией после смерти отца). Как будто такой маневр предпринял Пожарский. Его имя также фигурировало среди претендентов, но не пользовалось большой популярностью. Не сложно понять, почему. В качестве компромисса возникли фигура 16-летнего Михаила Романова, сына митрополита Филарета (он находился в Польше в заключении). Под сильным давлением казаков кандидатура Михаила была специально обсуждена на ряде соборных совещаний и получила предварительное одобрение 7 февраля. В его пользу было родство с последней династией (царь Федор Иванович по матери, Анастасии Романовне, приходился двоюродным братом Филарету), юный возраст (что предполагало его безгрешность перед Богом и незамазанность в событиях Смуты), слабость родственного клана (после опалы 1600 г . он так и не поднялся высоко в годы Смуты), широкие связи его отца (в среде московского боярства, высшего духовенства, разных кругов тушинцев). В плюс пошло и заключение Филарета: он страдал за правое дело, отстаивая национальные интересы. Все названное по-разному учитывалось различными лицами. Но в итоге почти все сложилось в пользу Михаила, которого к тому же активно проталкивали казаки. Хотя и был взят перерыв в две недели для того, чтобы лучше разузнать приемлемость кандидатуры Михаила на местах. Специально посланные лица удостоверили согласие с этим решением. 21 февраля торжественный акт окончательно подтвердил выбор нового российского царя.

Впереди еще были уговоры матери Михаила, впереди еще был переезд из Костромы (где состоялось наречение на царство Михаила в присутствии и при участии делегации Собора) в столицу по дорогам, полным опасностей «нормальной» Смуты. Но главное уже состоялось — страна обрела законного монарха. Или, как выражались казаки, «кому мочно служити и кто будет нас жаловать».

Часто в описании Смуты на факте избрания Михаила ставят точку. Это неверно. Хотя бы уже потому, что без международного урегулирования нельзя было считать гражданскую войну законченной.

Это подтверждают и иные факты. Начнем с обычно незамечаемого. Чисто крестьянские движения и выступления скорее свойственны началу и финальному периоду Смуты, чем ее апогею. На излете противоборства Тушина и Москвы летом—осенью 1609 г . движение дворцовых крестьян на Рязани и в Подмосковье чуть не перекрыли единственный канал поступления зерна в столицу. В 1610—1611 гг. заметны факты партизанской борьбы крестьян против любых воинских станиц, склонных пополнять свои запасы за счет крестьянского добра. Функция самообороны, в том числе порой против представителей любой власти, стала одной из важнейших в заботах волостных общин черносошных крестьян. После 1614 г . эта черта ярко проявилась в большинстве уездов и волостей Севера. «Выбивали из волости» они не только непрошеных гостей типа казаков, литовских воинских людей, но и правительственных сборщиков налогов, в том числе экстраординарных (с 1613 по 1619 гг. прошло семь сборов пятой деньги — масштаб и тяжесть обложения трудно вообразить). Антиналоговые выступления в регионах, где хотя бы отчасти поддерживалось хозяйствование на пашне, были достаточно обычным делом.

Еще важнее движения и восстания казачества. В 1612— 1618 гг. только крупных выступления казаков насчитывается около десятка. Заруцкий попытался в 1612 г . на окраинах Рязанщины повторить уже привычную комбинацию антиправительственных сил из мелких дворян, приборных служилых, вольного казачества и некоторых групп крестьянства. Что важно — в его распоряжении был реальный и вполне законный претендент на российский трон (сын Марины от Лжедмитрия И). И тем не менее его затея в основном не удалась. Уже к весне 1613 г . стало ясным, что он не найдет поддержки у этих групп местного населения. Дальнейшее было агонией. После поражения под Воронежом летом 1613 г . от правительственной армии он бежит в Астрахань. Попытки создать здесь очаг казачьего движения или же отдаться под покровительство персидского шаха оказались безрезультатны. Летом 1614г. его, Марину с сыном арестовывают на Яике. Той же осенью Заруцкий и малолетний Иван были казнены в Москве, а Марина Мнишек (она пожертвовала всем, включая сына, ради честолюбивой мечты стать российской царицей) умерла в следующем году в заключении.

Еще не отгремели последние стычки с Заруцким, как вспыхнуло восстание казаков, получившее по имени его предводителя в 1615 г . название «восстание Баловня». Относительное обилие источников помогает хорошо разглядеть в нем признаки, свойственные почти всем казачьим выступлениям на излете Смуты. По составу — это чисто казачьи выступления, как правило, с большим числом участников. Но лагерь повстанцев был крайне неустойчив, и амплитуда колебаний численности была очень велика. Обычно несколько десятков станиц образуют войско ради достижения конкретных целей. Причины чаще всего связаны с тяготами или неудачами на царской службе и почти всегда с попытками администрации раэбора станиц. Казачество свято сберегало принципы, характерные для вольных казаков: вне зависимости от происхождения и срока поступления в казаки нет выдачи ни казаков, ни чур; контроль над персональным составом станиц только в руках станичного атамана. Третье требование было общим для всех служилых — справедливое и своевременное вознаграждение за службу. Наконец, отмена запретительных мер на торговлю казаков своей добычей Не видно каких-либо далеко идущих политических лозунгов, они возникают лишь в качестве угрозы на переговорах с чиновниками (поход на Москву с целью прямого обращения к царю, переход в Литву на службу).

Восстания казаков тех лет всегда связаны с массовыми грабежами и разбоями по маршруту движения. Менее всего они руководствовались чувством классовой солидарности или социальной справедливости. Крестьянское добро становилось их добычей чаще просто потому, что крестьянских дворов даже в годы запустения было куда больше, чем дворянских усадеб. Но вот что бросается в глаза: за Смуту антидворянский дух казачьих движений усилился. Антидворянская, антимонастырская направленность вполне различима в годы восстания Болотникова. Ее грубые черты куда резче проявились во время Тушина и еще более заострились в период чисто казачьих выступлений. В принципе это объяснимо. Самоорганизация вольного казачества на основной территории государства, осознание им собственных интересов как военно-служилого сословия, пытающегося втиснуться в традиционную (хотя и расшатанную) сетку сословных статусов, неизбежно приводили к оценке дворянства как опаснейшего конкурента и врага. Если добавить чувства, рожденные происхождением (из крестьян и холопов прежде всего), то весь букет антидворянских эмоций и действий будет нагляден. Немотивированные убийства и грабежи дворян, дворянских недорослей, дворянских усадеб нередко поминаются в те годы.

Особая опасность восстания Баловня проистекала из незащищенности столицы в момент появления в начале июля 1615 г . казачьего войска (до 5 тыс. казаков и чур в более чем 30 станицах). Почти три недели шли переговоры, перемещения лагеря казаков, поблажки и запреты в торговле и т.п. Когда подтянулись войска, то обманным путем удалось отсечь от войска предводителей и неожиданно напасть на таборы казаков. Они не выдержали атаки и ударились в бегство. Преследование продолжалось десятки верст, в крепости по маршрутам их отступления были направлены распоряжения об арестах, казнях казаков. Сам Баловень с 36 товарищами был повешен в Москве, десятки других — в крепостях. Сотни были убиты

«на бою», многие сотни просидели в тюрьме до амнистии 1619г. Никогда более войско вольных казаков не достигало таких размеров, и никогда беспомощное правительство не находилось столь длительное время в столь унизительном положении.

Последний поход Владислава в Россию в 1617—1618 гг. сопровождался переходом части казаков на его сторону и сложными переменами в устройстве русского казачества. Подчеркнем, что раз за разом появляются как грибы после летнего дождя войсковые формы выступления вольных казаков: заугорское войско, вязниковское войско и т.п. Последнее особенно интересно — казаки возвели крепкий острог, расписали сельскую округу по приставством-станицам, регулярно собирали войсковой круг, решая множество вопросов и среди них главный — с кем из правительства и на каких условиях следует договариваться.

То были последние аккорды казачьих выступлений и заключительные раскаты социальных движений в Смуте. В дни осады Москвы Владиславом осенью 1618 г . из столицы через пролом в стене ушел в Вязники крупный казачий отряд. Удалось вернуть далеко не все станицы. И в те же дни Боярская дума приняла приговор, устранивший большинство претензий казаков к правительству. На все прежде бывшее оно закрывало глаза. Началось массовое испомещение верстанных казаков, получавших поместья по индивидуальным окладам и денежное жалованье. Такая практика не была новостью, но в это время она приобрела особый размах. Всего в 20-е годы считалось более полутора тысяч таких казаков, происходивших, как правило, из вольного казачества конца Смуты. Неверстанные казаки (также обычно из вольного казачества) получали небольшие поместья по коллективным нормам. Их было еще больше. Если первые через одно-два поколения слились с провинциальным дворянством, то для вторых такой способ мобилизации был редок. И в 20-е, и в 40—50-е годы XVII в. казачество — теперь уже не вольное, а крепко встроенное в сословную решетку общества — составляло важный элемент государственной армии.

§ 5. Последствия Смуты и международное положение России в канун Тридцатилетней войны

«Гражданская война» как понятие включает в себя весь комплекс внутренних и внешнеполитических событий, в том числе внешние вмешательства. Открытая агрессия Речи Посполитой против России продолжалась с 1609 по 1613 г ., а затем в 1617—1618 гг. Швеция приступила к захвату российских земель в 1611 г . Если действия на Карельском перешейке, в Новгородской земле были удачны для шведов, то их попытки захватить Кольский полуостров, Заонежские погосты и южное Беломорье завершились провалом. Такой же результат имело наступление на Тихвин. В 1615 г . сам Густав-Адольф предпринимает осаду Пскова, оказавшуюся безуспешной. Стремительное приближение общеевропейского конфликта заставило его искать мир на восточном порубежье. Неоконченная война с Речью Посполитой в Прибалтике и незавершенный конфликт с Данией, расширение связей с государствами антигабсбургской ориентации торопили короля в этих поисках. Вполне осознанное и заинтересованное посредничество Голландии и Англии довольно быстро вывело на результат. Швеция оставила за собой Ижорскую землю, Карелу с уездом, были сохранены все условия Тявзинского мира, гарантирующие полный контроль над русской торговлей по Балтике. Но Новгородская земля возвращалась России, а Карл-Филипп полностью отказывался от любых претензий на российский трон. То были главные условия обширного договора России и Швеции, известного как Столбовский мир. Заключен он был в феврале 1617 г .

Из событий, повлиявших на шведскую решимость к миру с Россией, следует указать на все усиливавшееся политическое сближение австрийских и испанских Габсбургов с Сигизмундом III — для него сравнение с Филиппом II было едва ли не самым дорогим комплиментом. И параллельно — оформление противоположной коалиции (франко-англо-голландский союз 1610 г . и шведско-голландский союз 1612 г .) наряду с усилившимся расколом по конфессиональному признаку германских государств (создание Евангелической

унии в 1608 г . и Католической — в 1609 г .). Важно, что и Империя, и Речь Посполитая ко второму десятилетию XVII в. урегулировали свои отношения с Османской империей и Крымом.

В принципе нуждалась в свободе рук и Речь Посполитая. Но слишком дороги были Сигизмунду III его планы полного подчинения Российского царства. Интересно, что в момент, когда кое-кто в Европе счел эти замыслы польского короля весьма убедительными, возникли разные проекты оккупации севера России в Англии. Сейм 1616 г . вотировал последний поход королевича Владислава в Россию в погоне за троном. Было задумано наступление двух армий: Владислава — по западной дороге, запорожского гетмана Сагайдачного — с юго-западной окраины России. Походу предшествовали безуспешные попытки русской армии взять Смоленск и столь же неудачные попытки переговоров при посредстве Империи. Роль посредника представители императора выполнили очень своеобразно: они вполне официально не признали Михаила русским царем (для них им оставался Владислав). Понятно, что дело кончилось ничем. Новый же всплеск войны лишь подчеркнул бесперспективность дальнейшей интервенции. Правда, войска Сагайдачного прошлись огнем и мечом по едва ли не самому благополучному региону страны. Урон юго-западных и южных уездов был огромен. Тем не менее 1 декабря 1618 г ., после неудачного штурма Москвы, в деревеньке Деулино неподалеку от Троицкого монастыря было подписано перемирие на 14,5 лет. Его условия были крайне тяжелыми для России: она уступала Речи Посполитой Смоленск с уездом, Себеж с округой, Чернигов, Новгород-Северский, Дорогобуж и ряд иных городов. В ряде мест граница вернулась на рубежи 90-х годов XV в. Но самое существенное — Владислав не отказался от своих прав на русский трон. Важным пунктом соглашения был размен пленных — в Россию должны были вернуться все оставшиеся в живых члены Великого посольства, попавшие в плен при взятии Смоленска и в последнюю кампанию (в том числе, отец царя Михаила, митрополит Филарет).

Сказать, что последствия Смуты были тяжелейшими для поступательного развития страны, будет, пожалуй, слабо. Здесь положены иные определения — катастрофические из их числа. О непосредственных международных следствиях сказано, но учтем: после Смуты место России в системе европейских политических и экономических связей стало во многом иным. Геополитические основы сохранялись, да силы и военный потенциал страны были совсем другими. Южная граница, к примеру, была просто распахнута. Учтем и такое обстоятельство: долгие годы насилий и грабежей, олицетворявшихся во многом с действиями иноземных войск, не могли не усилить ксенофобии в русском обществе. Если объективное развитие интенсифицировало взаимосвязи России с европейскими государствами, то горький опыт Смуты во многом влиял на способы и формы контактов. Обособление по конфессиональным мотивам также усилилось и притом весьма чувствительно. В сношениях с рядом государств (прежде всего с Империей и ее союзниками) наступил вообще длительный перерыв. В Европе, расколовшейся в канун Тридцатилетней войны на два лагеря, Россия естественным ходом событий была вовлечена в антигабсбургскую коалицию. Но в рамках этого лагеря она оказалась на его периферии. Потребовалась половина столетия, чтобы преодолеть самые негативные последствия Смуты в международном положении России, но только при Петре I был решен балтийский вопрос.

В экономическом плане Смута была долговременным, мощным откатом назад и деревни, и города. Мерзость запустения — это словосочетание было буквально приложимо к огромным областям страны. Минимально необходимые средства извлекались из податного люда (и не только из него) тяжелейшими экстраординарными платежами. Ряд сборов стал вноситься в натуре. То, что было с налогами, с поступлениями в казну, с хозяйством вообще в середине XVI в., могло почитаться в конце Смуты недостижимым идеалом. В целом, более или менее реальное восстановление аграрного производства произошло в середине — третьей четверти XVII в.

В круговерти гражданской войны, в толще социальных конфликтов и политических противоречий угадываются контуры явлений, коррелирующих с тенденцией некрепостниче-

ского развития. Вольное казачество в качестве военного сословия с традиционным обеспечением в виде приставств-кормлений — явление, не нуждающееся в крепостном режиме. И наоборот, начавшаяся трансформация верстанных казаков в помещиков — путь к развитию с крепостнической ориентацией. Фактическая отмена любых запретов на переходы крестьян — реалии социальных неустройств Смуты. Но когда стали преодолевать первые и самые тяжкие экономические ее следствия, первое, за что ухватилось правительство в 20-е годы, — восстановление сроков сыска крестьян и принципиального запрета права их перехода. Если в процессе гражданской войны некоторые тенденции и явления некрепостнического свойства проявились резче и сильнее, то экономические и социальные результаты Смуты усилили факторы крепостнического порядка. Только две группы событий не были обременены, пожалуй, интенсивной крепостнической ориентацией. Смута подтолкнула процессы внешней колонизации, особенно промысловой. В общем балансе несомненно возрастание хозяйственного и социального значения черносошного севера; но ему сколь-нибудь развитые формы крепостничества были просто не по плечу.

И еще. Никогда раньше и никогда позднее, вплоть до 1861 г ., Россия не знала такого всплеска в деятельности институтов представительства от сословных групп. Почти постоянно функционирующие Земские соборы (в том числе, советы ополчений), с резко расширившимся составом, с усилением принципа реальных выборов и заметно возросшими прерогативами, включая ряд функций исполнительной власти. На протяжении почти десяти лет Земские соборы фактически обеспечивали и контролировали поступление экстраординарных сборов («пятой деньги»). Наконец, областные (городовые) институты представительства местных сословных групп в таком виде были вообще новостью. Пока еще во многом загадка, почему сословия на местах решили, что участие в подобных органах есть новая, для них обременительная служба, а не удовлетворение своих групповых и корпоративных интересов. И почему, соответственно, замирает деятельность этих представительных институтов в центре и на местах в XVII в.

Гражданская война начала XVII в. переполнена насилием и смертями. Недаром она открывает столетие, прозванное в России «бунташным». Стоит ли Смуту благодарить за это. за то, что невысокая тогда цена человеческой жизни деваль вировалась многократно? Признаем ли мы теперь за доведенной до конца классовой борьбой значение «локомотива истории»? Навряд ли. Если только не считать гор трупов, влекомых этим локомотивом.

Были ли возможности у общества в ходе Смуты соскочить с этого дьявольского круга пляски смерти? Пожалуй, да и притом дважды. В первый раз ошибки Лжедмитрия I, узко понятый интерес и спесивость боярской элиты помешали успешному поиску компромиссного развития. Вторично, когда Сигизмунд III не осознал правоты позиции Жолкевского и Великого посольства. Возможно, наиболее болезненные итоги Смуты были бы необязательны, реализуйся тот вариант, который предлагала российская сторона. Нетерпение немедленного результата затмило способность к анализу у Сигизмунда. Кстати, сама Речь Посполитая в среднесрочной перспективе больше проиграла. чем выиграла. Но это станет ясным позднее.

Бесспорно, Смута обострила патриотическое осознание самостоятельной исторической судьбы России всеми сословиями. Даже в запредельные периоды социального хаоса и политического развала естественно возникшая тяга к восстановлению государственной самостоятельности и единства оказалась сильнее тенденций к распаду общества во всех сословиях, во всех регионах страны. Правда, и цена за это была уплачена великая. Потенциальный раскол общества окончание гражданской войны с повестки дня окончательно не сняло — социальные потрясения XVII в. свидетельствуют об этом недвусмысленно. Преодоление последствий Смуты в экономике, внутреннем развитии, внешней политике, в прогрессе цивилизации заняло жизни двух-трех поколений

Очень важно то, что в социальном разрезе вектор эволюции стал определенно более крепостническим, хотя понадобилось столетие, чтобы процесс закрепощения достиг логического и юридического завершения. В культурно-цивилизационном плане резко усилилась замкнутость страны, хотя ориентация на изоляционизм не стала в обществе абсолютно гла-

венствующей. И здесь переход в новое качество произошел спустя столетие. Наверное, можно сказать и так: на протяжении века Россия преодолевала последствия Смуты с тем, чтобы разродиться в начале XVIII в. реформами Петра Великого.

Глава 19. Государство после Смуты

Уже русские историки XIX в. разрабатывали концепцию «новой истории» в истории России, ее начала с XVII в. (С.М. Соловьев. Б.О. Ключевский и др.). В частности, Ключевский ее признаки видел в появлении новой династии, расширении территории страны (Русь Малая, Русь Белая, Новороссия, Сибирь), образовании нового строя общества во главе с дворянством как новым правительственным классом, в зарождении обрабатывающей фабрично-заводской промышленности. Этот период он доводит до середины XIX в.

§ 1. Первые Романовы

...Весенняя Москва, с буйным цветением яблонь и вишен в боярских усадьбах, с раннего утра 2 мая 1613г. встречала, взбудораженная и многолюдная, торжественное, пышное шествие — при стечении больших толп народа в Москву из костромской глуши возвращался Михаил Федорович Романов. Недавний пленник поляков, засевших в Кремле, теперь садился на престол «прародителей своих».

Новый монарх именовал себя внуком царя Ивана IV Грозного и племянником царя Федора Ивановича. Родство, действительно, существовало, но по женской линии. По .мужской же линии Михаил Федорович был внуком боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родного брата Анастасии Романовны, первой жены царя Грозного. С Никиты Романовича началась, ответвляясь от Захарьиных-Юрьевых, фамилия Романовых. Он снискал ласковостью и добрым характером расположение простого народа, воспевшего его в песнях той поры. Сын Никиты Романовича Федор Никитич Романов, отец царя Михаила, унаследовал эти черты родителя. Родился он около 1554—1555 гг. Происхождение от древнего московского рода Кошкиных, родственные связи, добрая слава покойной тетки и отца, хорошее по тому времени образование (знал даже латынь) и начитанность, красивая внешность и веселый нрав сделали его известным при дворе, в народе. С середины 1580-х годов он становится боярином. После кончины царя Федора Ивановича боярин — один из претендентов в русские цари. Ф.Н. Романов отличался немалым честолюбием, властностью. Но о московском престоле мечтали и другие честолюбцы, в том числе Годунов, шурин царя Федора.

Борьба за власть, то скрытая, то явная, привела в конце концов к пострижению Романова (1601), удалению его в один из северных монастырей. Бурные события Смуты имели для Федора Никитича, в монашестве Филарета, последствия благоприятные — он стал сначала ростовским митрополитом, потом патриархом, правда только «тушинским» в глазах многих. Вернувшись из польского плена шесть лет спустя после избрания сына Михаила царем, он возглавил не только русскую православную церковь, но и по существу управление всем государством. Его, как и сына, официально именовали «великим государем».

Филарет наметил и проводил в жизнь программу мер по государственному управлению. По его инициативе осуществляли учет земельного фонда в стране, «дозоры» — описания запустевших селений, земель; вводилась «живущая четверть» («дворовая четверть») как единица податного обложения. Принимались меры по упорядочению судопроизводства, уменьшению произвола властей, на местах и в центре.

В этом духе Земский собор 1619 г . по докладным «статьям» Филарета принял приговор с программой мер. Постепенно они осуществлялись. Наибольшее внимание он уделял делам не церковным, а государственным, мирским. Авторитет его был очень велик; его ум, знания, опыт приносили немалую пользу. В церковной жизни со времени Смуты царили неустроение, насилие, мздоимание. Филарет привел церковь к порядку и спокойствию. Заботился о печатании богослужебных книг.

Не имея богословского образования, он проявлял в церковных делах известную и вполне понятную осторожность. Принимал меры против нравственной распущенности, религиозного вольнодумства. Для управления патриаршим домом, хозяйством при нем появляются патриаршие приказы (судный, церковных дел, казенный, дворцовый). В конце жизни Филарет выступает инициатором русско-польской (Смоленской) войны 1632—1634 гг., неудачной для России. В разгар осады Смоленска он скончался (1 октября 1633 г .).

Его сын не обладал талантами отца. Скорее напоминал своего покойного двоюродного дядю царя Федора и хлипким здоровьем, и набожностью. Родился он 12 июля 1596 г . Его матерью была Ксения Ивановна Шестова, дочь незнатного костромского дворянина. Во время ссылки родителей он жил на Белоозере с теткой княгиней Черкасской, с 1603 г . — в Клину, где находилась родовая вотчина Романовых, вместе с матерью. Затем, с воцарением Лжедмитрия I, сын с матерью приехали к главе семьи. В 1610 г . мать и сын снова расстались с Филаретрм, которого в составе посольства отправили в Польшу, и он пробыл там, фактически в плену, девять лет.

Михаил Федорович жил в Московском Кремле с матерью. Освободило их оттуда Второе ополчение в ноябре 1612 г ., и они уехали в Кострому. Земский собор 1613 г . избрал Михаила Романова на русский престол. Его кандидатуру поддержали духовенство, бояре, дворяне, казаки, посадские люди. Один из участников собора, боярин Ф.И. Шереметев, его родственник, сказал как будто: «Миша Романов молод, разумом не дошел и нам будет поваден». Молодому Романову было тогда лет 18. Его избрание тем не менее имело большое политическое значение — для национальной целостности России, спасения ее государственного суверенитета. В более зрелых летах, судя по всему, он «до разума» так и «не дошел». Без Боярской думы и Земского собора, особенно же — без отца, не решал никаких важных дел.

Первый Романов пережил личную драму, для него, несомненно, очень тяжелую. И здесь столкнулся с властным характером, на этот раз не отцовским, а материнским. Ксения Ивановна, теперь — старица Марфа, имела, как и муж, немалое влияние при дворе, но в иной сфере — в придворных отношениях, интригах, в личной жизни сына-монарха. Пришла пора ее Мишеньке, а ему исполнилось 20 лет, жениться. Устроили, как исстари повелось, смотр невест, и царь выбрал Марию Хлопову, дочь дворянина И. Хлопова. Ее объявили царской невестой.

Но начались происки Салтыковых, мать которых, старица Евникия, была приближенной старицы Марфы. Своенравная царская родительница не дала сыну своего благословения, а он, будучи по характеру человеком тихим и робким, слушался ее во всем. Невесту, обвиненную в неизлечимой болезни, удалили от двора, сослали в Тобольск, а затем — в Верхотурье.

В сентябре 1624 г . Михаил Федорович женился, по благословению родителей, на княжне Марии Владимировне Долгорукой. Брак оказался неудачным. Царь не хотел этой женитьбы. Его чувство к Хлоповой так и не остыло — в начале 20-х годов он снова заявил о желании иметь ее женой и опять уступил матери, не давшей своего согласия. Долгорукая заболела (о ней тоже говорили, что ее испортили «лихие люди») и три с половиной месяца

спустя умерла. Через год царь вступил во второй брак — с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, матерью будущего царя Алексея.

Царь Михаил скончался в ночь на 13 июля 1645 г ., оставив, помимо сына Алексея, дочерей Ирину, Анну, Татьяну; в раннем возрасте умерли сыновья Иван, Василий, дочери Пелагея, Марфа, Софья, Евдокия.

Царь Алексей Михайлович родился 19 марта 1629 г . До пяти лет воспитывался в окружении царских «мамок», затем «дядьками» — боярином Б.И. Морозовым, В.И. Стрешневым и др. Один из них Морозов, «западник» XVII в., сторонник нововведений, сделал так, что и царевич, и его приближенные-стольники, а их у него было человек с 20, стали щеголять в немецком платье.

На 14-м году жизни его объявили народу. К тому времени он прошел курс наук, полагавшихся тогда человеку не только грамотному, но и, в известной степени, образованному. Царем стал в 16-летнем возрасте. Монарх мягкий и «гораздо тихий», по отзыву Г. Котошикина, его современника, был смолоду добродушным, благочестивым и богобоязненным человеком. Он истово и серьезно относился к своим обязанностям государя: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду». Но властность старался соединить со смирением и кротостью: «Лучше слезами, усердием и низостью (смирением. — *Авт.*) перед Богом промысел чинить, чем силой и славой (надменностью. — *Авт.*)» .

Когда царю пришла пора жениться, собрали (1647) до 200 невест во дворец; выбранной оказалась дочь Р. Всеволожского. Но вскоре поползли слухи: она-де страдает падучей болезнью (эпилепсией), и ее отставили, родственников выслали из столицы. Поговаривали, что случившееся — интрига, идущая от Морозова. В начале 1648 г . сыграли сразу две свадьбы — царь Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской (16 января), а Б.И. Морозов — на ее сестре Анне Ильиничне (десять дней спустя). Царские и морозовские родственники и свойственники приобрели большое влияние при дворе.

В правление царя Алексея произошло немало важных событий. Были приняты меры по экономическому развитию России, укреплению ее государственности. Расширились территориальные пределы (воссоединение Левобережной Украины и Киева, присоединение Сибири). Ряд крупных народных восстаний доставил немало хлопот правительству, господствующему классу, велись войны с Польшей, Швецией.

Во всех делах, начинаниях царь Алексей Михайлович продолжал, с одной стороны, традиции старой Руси, с другой — не чурался новшеств, более того — стремился к ним, понимая, что Россия сильно отстала от европейских стран во всяких мастерствах, просвещении и военном деле. Отсюда — приглашения иноземцам приезжать в Москву на службу.

Современники прозвали его «тишайшим царем». Действительно, в быту, придворных отношениях он был, как говорится, гневлив да отходчив. Мог наказать палкой или пинками, обругать кого угодно, вплоть до своего тестя — боярина И.Д. Милославского. Такие сцены были не редкостью, но на жизнь приближенных, их имущество царь не посягал. Более того, проявлял сердечность, мог попросить прощения у обиженного им человека, старался примириться с ним. По отношению же к «подлым людям», поднимавшимся на мятежи против своих обидчиков, бывал, и не раз, беспощаден, отнюдь не «тишайшим».

Царь Алексей был внимательным и рачительным хозяином в своих дворцовых владениях. Он немало писал. Сочинил, например, устав сокольничей службы, поскольку очень любил охоту с соколами; пытался сочинять историю военных походов своего правления.

Современники говорят о нем: царь отличается полнотой фигуры, даже тучностью; имеет низкий лоб, белое лицо с красивой бородой, пухлые и румяные щеки, русые волосы. Черты лица, мягкие глаза выдают в нем кроткую натуру.

Алексей Михайлович был женат два раза. От первой жены, Милославской, умершей в марте 1669 г ., имел 13 детей: Дмитрия, Евдокию, Марфу, Алексея, Анну, Софью, Екатерину, Марию, Федора, Феодосию, Семена, Ивана, Евдокию. От второй жены, Натальи Кирилловны

Нарышкиной — трех детей: Петра, Наталью и Федора. Многие из них рано умирали или были недолговечны.

§ 2. Боярская дума и Земские соборы

Монарх в руководстве страной опирался прежде всего на Боярскую думу — высший совет из первенствующих членов. В XVII в. число ее членов постоянно возрастало. Как и прежде, самый важный и престижный чин — боярский — царь жаловал представителям более чем двух десятков наиболее знатных родов, из Рюриковичей, Гедиминовичей (все они — князья, подчас, до 4/5 членов Думы), старомосковских боярских родов.

Следующий чин — окольничий; до половины из них — князья, остальные — потомки московских бояр. Среди думных дворян князей не было. В основном они — из рядовых дворян; как правило, выбивались в люди благодаря личным заслугам, верной и долгой службе государю. Думные дворяне — своего рода дворянско-«демократический» элемент Боярской думы. Как и думные дьяки, составляющие четвертый думный чин. Обычно они — выходцы из дьяков, подьячих; ими становились те же дворяне, но иногда и представители низших сословий. Думные дворяне, особенно же думные дьяки — люди, обладавшие административным опытом, приказные дельцы, опора царской власти в делах повседневного управления. Дьяки докладывали в Думе обсуждавшиеся вопросы, формулировали ее решения. По своему составу Дума в течение всего столетия оставалась аристократической. Но все более пополнялась людьми не очень знатными или совсем незнатными. Ее численность постепенно увеличивалась; например, в конце 70-х годов в ней было около 100 человек.

Дума заседала в столице или вне ее (когда царь ездил по подмосковным имениям или монастырям). Она разбирала наиболее важные вопросы жизни страны — войны и мира, принятия нового закона и введения новых налогов и др.; но нередко и менее важные: спорные вопросы из приказов и жалобы отдельных лиц (например, местнические споры). Председательствовали в Думе царь или, по его поручению, кто-либо из знатных бояр. Решения (приговоры) Думы имели характер закона, его разъяснения или распоряжения по конкретному вопросу.

Наряду с «большой» Боярской думой существовала Дума малая, «ближняя», «тайная», «комнатная» — группа из наиболее доверенных лиц царя. Вместе с думцами в нее могли входить и нечлены Думы; все зависело от воли государя. Роль ее возрастала; «большой» же Думы, наоборот, падала.

Еще быстрее сходят с исторической авансцены Земские соборы. Правда, после Смуты их роль сильно возросла. В условиях разрухи правительство молодого Романова вынуждено было искать опору у «всей земли».

Характерная черта Земских соборов после Смутного времени, почти всей первой половины XVII столетия, — сильно выросшее представительство низших сословий. Соборные депутаты получали от избирателей «полные и крепкие достаточные приказы», т.е. наказы, представляли интересы своих сословий, своего «мира» и могли говорить об их нуждах «вольно и бесстрашно». В начале правления царя Михаила Земские соборы, по существу, превратились в орган распорядительной власти, в котором большую, даже решающую роль играли представители дворянства и посадских людей. Впрочем, Собор свои функции, такие важные и нужные для страны, выполнял с соизволения и по указаниям верховной власти, которая была сильно озабочена тем, чтобы после страшного разорения побыстрее «земля устроить».

Земские соборы при Михаиле созывали часто, чуть ли не ежегодно. Первое время они по-своему выражали волю «всей земли». Но позднее, когда возвратился из польского плена патриарх Филарет, отец царя, когда образовалось постоянное правительство, роль соборных депутатов стала сводиться к возбуждению ходатайств перед верховной властью.

Некоторые русские люди, умевшие наблюдать и думать, уже тогда мечтали о совершенствовании выборного представительства. Стряпчий Иван Бутурлин, к примеру, составил в 1634 г . любопытный проект преобразования Земского собора. Он предложил, чтобы все депутаты были выборными, в том числе и люди московского чина. Срок их полномочий он хотел ограничить годом, не более, или же отдать этот вопрос на усмотрение избирателей («как городом выберут»). Сам Собор должен был, по его убеждению, функционировать постоянно. Бутурлинский проект, отмеченный довольно высоким уровнем политической мысли, предусматривал превращение Земского собора в своего рода постоянный парламент. Замыслы автора не прошли, конечно; высшая власть не хотела иметь под рукой такой беспокойный (постоянный!) орган.

Земский собор с самого начала был обречен на прозябание, на роль послушного орудия в руках самодержавия. Во-первых, большая часть крестьянства (крепостного) была отстранена от представительства на Соборах. Во-вторых, созывались они, лишь когда в них нуждалась верховная власть.

Земские соборы в России как орган сословного представительства не стали законодательным учреждением в полном смысле слова. Лишь иногда Земский собор составлял приговор, который имел силу закона, и только в том случае, если в его работе принимала участие Боярская дума во главе с царем.

После 1653 г ., когда Земский собор вынес решение о принятии Левобережной Украины и Киева в российское подданство, деятельность этого сословно-представительного учреждения, по сути дела, прекращается. Правительство иногда созывает выборных от какого-либо одного сословия, и подобные комиссии рассматривают по его поручению различные вопросы. Формирующаяся абсолютная монархия уже не нуждается в подобном органе управления. Главной ее опорой выступают бюрократия и армия.

§ 3. Приказы

В области управления правительство шло по пути бюрократической централизации. В XVII в. приказная система стала гораздо более разветвленной и громоздкой, чем в предыдущем столетии. С расширением территории, усложнением и оживлением государственной жизни число центральных ведомств быстро росло. В XVII в. существовало до 80—90 приказов, но постоянных — вдвое меньше; остальные возникали по мере надобности и, просуществовав год — другой, исчезали.

Между приказами отсутствовало четкое разделение функций. Одни ведали какой-либо отраслью управления в масштабе всей страны. Другие могли заниматься теми же делами на определенной территории. Чересполосица, запутанность в приказном управлении сильно мешали делу. Приказы, с одной стороны, полностью подчинялись царю и Боярской думе, не имели никакой самостоятельности в решении дел; с другой — давили, как пресс, на органы местного, в том числе и особенно выборного управления.

Ряд приказов имел общегосударственную компетенцию. Это в первую очередь группа административных учреждений. Первое место среди них принадлежало Разрядному приказу, или Разряду. Он разряжал, или наряжал, т.е. распределял, назначал служилых людей по отечеству — дворян и детей боярских — на службу по военному, гражданскому и придворному ведомствам. Поместный приказ ведал поместными и вотчинными землями центра Европейской России, где располагались земельные владения феодалов. Он наделял дворян землей, в соответствии с «окладом», назначенным Разрядом. Ямской приказ обеспечивал организацию ямской гоньбы — почтовой связи для нужд государства. Казенным каменным строительством, заготовкой для него материалов занимался Приказ Каменных дел. Три приказа ведали финансами. Приказ Большого прихода собирал через своих представителей на местах таможенные доходы, наблюдал за мерами длины и веса. Приказ Новой четверти, или Новая четь, ведал кабацкими соборами в Москве и южных городах, вел борьбу с незаконной продажей вина и табака. Приказ Большой казны имел широкие полномочия: в его подчинении были

казенная промышленность и торговля, чеканка монеты, а с 1680 г . таможенные и кабацкие сборы.

Некоторые приказы занимались судебными делами. Разбойный разбирал дела об убийствах, разбоях, кражах по всей стране, кроме Москвы; Земский ведал уголовными делами, а также осуществлял полицейские функции в столице. Суд над отдельными группами населения или на определенной территории вершили другие приказы. Политические, должностные преступления тоже разбирались в разных учреждениях.

Компетенция нескольких приказов носила областной характер. Пять из них, так называемые четверти — Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская (Нижегородская) и Устюжская — собирали налоги, осуществляли управление и суд на определенной территории. Всем Поволжьем, землями бывшего Казанского и Астраханского ханств управлял Приказ Казанского дворца. Он же ведал землями Сибири, присоединение которой началось с конца XVI в. и продолжалось в следующем столетии. В 1637 г . для управления Сибирью учредили специальный Сибирский приказ. В него поступал ясак — налог мехами или деньгами.

В Челобитенном приказе судились начальники, дьяки, подьячие, сторожа самих приказов. Он же выступал в роли высшей апелляционной инстанции по судебным делам всех остальных приказов. Приказ как бы стоял над другими учреждениями. Сходные, но более широкие функции имел Приказ тайных дел, контролировавший деятельность всех государственных учреждений, послов, воевод; ему же подчинялось все хозяйство царской фамилии. Существовал он, правда, недолго: с 1654 до смерти Алексея Михайловича (1676).

В 1621 г . возник Приказ счетных дел, который проверял доходы и расходы всех приказов. Это учреждение, как и приказы Тайный, Челобитенный, осуществляло надзор, контроль за другими приказами.

Особое место занимала группа дворцовых приказов, ведавших обслуживанием царского семейства и двора. Приказ Большого дворца управлял дворцовым хозяйством в столице, дворцовыми волостями и селами по всему государству. В Казенном приказе (дворе) хранилась вещевая казна монарха. В Конюшенном приказе наблюдали за царскими конюшнями и мастерскими, изготовлявшими кареты, сани, упряжь для царских выездов.

Внешнеполитические функции были прерогативой Посольского приказа. Он же собирал со всей страны налоги на выкуп пленных: полоняничные деньги. Ему подчинялись донские казаки, служилые татары, перешедшие на русскую службу после присоединения Поволжья, Приуралья и Сибири, а также учреждения, которые власти создавали для управления присоединенными к России землями: приказы Малороссийский, Велики я России, княжества Смоленского и др.

Обороной государства, а это тоже функция внешнеполитического характера, занималась группа военных приказов, одновременно имевших и некоторые внутриполитические функции. Разрядный приказ, главный из них, руководил военными операциями. Другие приказы — Стрелецкий, Пушкарский, Иноэемский, Рейтарский и Казачий — ведали специальными родами войск.

Единства в распределении дел между приказами не существовало. Вся эта громоздкая махина с трудом поддавалась контролю верховной власти.

В последней четверти столетия стало почти обычаем объединять приказы в группы. Одну из них составляли Посольский, Новгородский, Владимирский, Галицкий, Устюжский, Малороссийский, Великия России и Смоленский. В другую входили Большой приход, Большая казна и Новая четь. В третью — Костромская четь и Стрелецкий. В четвертую — Пушкарский и Рейтарский. Это были опыты, попытки не очень удачного упрощения громоздкой приказной машины. Они подготовили реформу центрального управления, проведенную при Петре.

§ 4. Местное управление

Основной территориально-административной единицей был уезд. Его формирование восходит к временам окончания феодальной раздробленности, когда в единое государство включались отдельные княжества и их уделы. Из них и выросли уезды, различавшиеся и размерами и численностью населения. Они делились на станы и волости.

Уже к концу XVI в. в ряде пограничных городов и уездов, где требовалась сильная власть, появились воеводы, и не только в роли военачальника, водителя «воев», ратников, полков, но и главного администратора и судьи по гражданским и уголовным делам. Он отвечал за поступление всех сборов, выполнение казенных служб, всяких повинностей; имел полицейские функции. С начала XVII в. воеводская власть постепенно и довольно быстро распространяется на всю страну. Она охватывала все слои и все дела уездного общества и означала оттеснение «земского начала», местного самоуправления (земские и губные избы, введенные в середине XVI в.), усиление бюрократического начала.

Управление огромной страной с ее более чем 250 уездами, а в восточных районах их размеры были очень велики, представляло большие трудности. Этим вызвано формирование более крупных территориально-административных единиц, так называемых разрядов. Уже в предыдущем столетии формируются группы городов, где ставились гарнизоны и полки для защиты пограничных областей от нападений воинственных соседей. Прежде всего это «Береговой разряд», линия городов-крепостей по берегу реки Оки, на которые опирались войска для борьбы с нашествиями крымских и ногайских татар. Центром береговой линии был Серпухов. К югу от Оки сложился Украинный, или Тульский, разряд — пограничный военно-административный округ.

Поскольку граница отодвигалась все дальше на юг, значение Тульского разряда постепенно падало. Центром южной обороны стала Белгородская засечная черта с центром в Белгороде. Здесь в 1663 г . возник Белгородский разряд, или Белгородский полк, которому подчинялись несколько десятков городов и уездов. Два года спустя власти организовали Севский разряд для защиты юго-западного пограничья от Крыма и Речи Посполитой.

Охрана западной границы лежала на Смоленском разряде (организован после взятия Смоленска в 1654 г .), северозападной границы — на Новгородском (упоминается в источниках с 1656 г .). К концу столетия появляются разряды Московский, Владимирский, Тамбовский, Рязанский, Казанский (с центром в Симбирске); сибирские: Тобольский, Томский, Енисейский, Ленский (центр — Якутск); главным из них был Тобольский, а сам Тобольск считался «стольным градом» всей Сибири.

Разряды-округа, несмотря на то, что их воеводы имели разную компетенцию, а ряд внутренних округов (Московский и др.) был ликвидирован, сыграли существенную роль в организации пограничной обороны, в улучшении административного управления на местах. По сути дела, разряды подготовили появление петровских губерний — промежуточного звена между центральным и уездным звеньями управления.

§ 5. Законы

Активизировалась после Смуты законодательная деятельность. Законодательная работа осуществлялась Боярской думой и Земским собором во главе с царем. Принятые ими решения, постановления, приговоры существенно дополнили «новоуказные статьи» второй половины XVI в., накопившиеся после Судебника 1550 г . Когда в ходе Московского восстания 164S г. дворяне и посадская верхушка поставили вопрос об упорядочении управления, в том числе и о составлении нового свода законов, в распоряжении властей, согласившихся с этим требованием, оказался обширный материал из «новоуказных статей».

Составление свода поручили комиссии из пяти человек — бояр князей Одоевского (глава комиссии) и Прозоровского, окольничего князя Волконского, дьяков Грибоедова и Леонтьева. «Приказ князя Одоевского» и составил «Соборное уложение». С начала октября его текст читали членам Земского собора: высшему духовенству, думным и выборным лю-

дям. В январе следующего года «Уложение» утвердили на Соборе, потом отпечатали в московской типографии и разослали по учреждениям всей страны.

Помимо русских судебников, новоуказных статей, использовали византийскую Кормчую («законы греческих царей»), Литовский статут 1588 г . Составители «Уложения» и выборные (около 300 человек) Земского собора в ходе подготовки, чтения и обсуждения кодекса предлагали новые статьи.

«Соборное уложение» 1649 г . — заметный шаг вперед в развитии отечественного законодательства. «Уложение» — кодекс феодального права. Важное место в нем заняли вопросы охраны чести и здоровья царя, царской власти, представителей государева двора и церкви. Оно вводит в связи с этим понятие государственного преступления, за которое полагалось жестокое наказание. «Уложение» исходит из монопольного сословного права феодалов на землю и крестьян. Но предусматривает и их обязанность служить с поместий и вотчин. Глава XI — «Суд о крестьянех» — детально трактует вопрос о крестьянской крепости по писцовым, переписным, отдельным и отказным книгам. Среди ее постановлений — отмена «урочных лет», штраф за укрывательство беглых. Глава XIX — «О посадских людех» — узаконивает конфискацию белых слобод и мест на посадах, возвращение в тягло посадских людей-закладчиков. Ряд глав предусматривает порядок рассмотрения судебных дел, систему наказания за служебные преступления с целью устранения злоупотреблений приказных деятелей, воевод и их помощников.

В целом «Соборное уложение» стояло на защите интересов самодержавной монархии, господствующего класса феодалов, узаконив окончательное оформление крепостничества и тенденции перехода к абсолютизму в государственно-политической жизни России.

§ 6. Государство и церковь

Большие богатства, накопленные иерархами, церквами и монастырями — земли и тысячи крестьян, промыслы и деньги, огромное идеологическое влияние в обществе обусловили рост политических притязаний церкви. Ее руководители нередко вмешивались в решение вопросов внутренней и внешней политики страны.

Крепнущее русское самодержавие, особенно в эпоху складывания абсолютизма (вторая половина XVII в.), не могло с этим мириться. Отсюда идут разногласия, стремление светской власти ограничить рост монастырского землевладения, а также судебные и фискальные иммунитеты духовных пастырей. В этом были заинтересованы и власти с их курсом на централизацию, и феодалы, зарившиеся на богатые земельные владения белого и черного духовенства, с неодобрением следившие за их увеличением.

Разногласия между церковной и светской властью, которых не было при двух великих государях — царе Михаиле и его отце — патриархе Филарете, разгорелись в правление их сына и внука — царя Алексея Михайловича.

К середине XVII в. выяснилось, что в русских богослужебных книгах, которые переписывались из столетия в столетие, накопилось много описок, искажений, изменений. Переписчики, используя тексты ветхих рукописей, не все могли прочитать в испорченных текстах, кое-что дописывали по памяти, домысливали, поправляли и тем самым нередко искажали слова, смысл переписанного.

То же происходило в церковных обрядах. Многие знающие литургию люди осуждали многогласие во время церковных служб. Последние шли долго и утомительно, согласно церковному уставу, и священники пошли по пути весьма своеобразному: читали сами свою молитву и не возбраняли, чтобы в это же время дьячок читал свою, а хор пел псалмы. Одновременное чтение и пение наполняли церковь шумом, разноголосицей. Прихожане не могли ничего разобрать, выражали недовольство.

Обычай креститься двумя перстами, шедший от отцов и дедов, согласно утверждению многих прихожан, тоже был ошибочным, греховным: нужно-де класть крест тремя перстами.

Все сие не к лицу русской православной церкви, Москве — «третьему Риму», хранительнице высочайших духовных ценностей восточного православия.

Одни говорили, что нужно исправить богослужебные книги и обряды, примеряясь к старым, древнерусским образцам, решениям Стоглавого собора, утвердившего в середине прошлого столетия незыблемость обрядов русской церкви. Другие считали, что в самих старинных русских рукописях много описок и ошибок, посему образцами могут служить только греческие оригиналы, с которых давно, во времена Древней Руси, делались русские переводы.

На исходе четвертого десятилетия из Киева, по приглашению, прибыли в столицу ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. Посмотрели русские книги, «ужасошася» и засели за благое дело — исправление книг, смущающих людей православных, вводящих их во искушение и грех.

Тогда же сложился в Москве кружок «ревнителей древлего благочестия». Они тоже кручинились по поводу неисправностей книг и обрядов, а также разгульной и пьяной жизни монашеской братии. Кружок ревнителей возглавил Стефан Вонифатьев — царский духовник, протопоп Благовещенского собора, что стоит в Кремле рядом с царскими чертогами. В кружок входили окольничий Федор Михайлович Ртищев — царский любимец, человек ласковый и тихий, умный и просвещенный; Никон — к тому времени архимандрит столичного Новоспасского монастыря; Иван Неронов — протопоп Казанского собора, земляк Никона; дьякон того же Благовещенского собора Федор. И провинциальные пастыри, протопопы — Аввакум из Юрьевца Поволжского, Даниил из Костромы, Лазарь из Романова, Логгин из Мурома и проч.

Все они — люди незаурядные, энергичные; Никон, Неронов, Аввакум — прирожденные ораторы, послушать их проповеди стекались не только толпы простых прихожан, но и знатные люди, бояре, даже сам царь-батюшка. Большинство ревнителей считало, что богослужебные книги и обряды надо исправлять по старым русским рукописям и решениям Стоглавого собора. Только Вонифатьев и Ртищев соглашались привлечь греческие рукописи.

Патриарх Иосиф и созванный им церковный Собор (февраль 1649 г .) не поддерживали ревнителей. Они же, ничтоже сумняшеся, явочным порядком ввели у себя на службах единогласие. Тишайший, как прозвали царя, сочувствовал им, поддерживал. Но не во всем, поскольку убежден был, что исправлять книги следует по греческим образцам.

Ревнители благочестия, стоявшие за древнерусские образцы, знали, конечно, что они переведены с греческих книг. Но сделано-де это было давно, во времена Древней Руси и политически самостоятельной Византии. После же ее падения и захвата турками (1453) книги, которые продолжали печатать греки, их вера исказились; в отличие от России, «их книги все растленны суть и римских ересей (от католичества. — *Авт.*) наполнены».

Но при изучении древнерусских рукописных книг выяснилось, что в них нет одинаковых текстов, тоже немало описок, ошибок, исправлений малопонятных слов, терминов. Власти решили пойти на поклон к греческим оригиналам и ученым монахам. Всю работу возглавил Никон, член кружка ревнителей, в свое время никому не известный крестьянин, потом священник Нижегородского уезда, монах Соловецкого монастыря, игумен Кожеозерского монастыря в Поморье. Фанатическая вера, большой ум, решительный характер, слава оратора, проповедника, впадавшего в состояние экстаза, вдохновения, к тому же — «чудотворца», провидца и целителя сделали его имя известным, и не только в церковных кругах. На него обратил внимание Алексей Михайлович.

В 1646 г . Никон приехал в Москву. Шесть лет спустя, после смерти Иосифа, он стал патриархом Московским и всея Руси. Алексей Михайлович, возложивший надежды на сильного духом и телом Никона, поручил ему проведение реформы в церкви, которая, как он не без основания полагал, не всем придется по нраву.

Никон быстро забыл своих друзей из кружка ревнителей, их, и свое в том числе, недоверие к ученым грекам и киевлянам и перешел на грекофильские позиции. Спустя полгода с

небольшим новый патриарх разослал память по всем церквам: отныне земные поклоны заменить поясными, а двоеперстие — троеперстием.

Тем временем ученые богословы заново перевели с греческого богослужебные книги. От старых книг, по которым служили в середине века, они отличались немногими уточнениями, исправлениями. Например, вместо «певцы» в новых стояло слово «песнопевцы», «вечного» — «бесконечного», «молюся» — «прошу» и так далее. Ничего существенного новые книги, которые по повелению Никона отпечатали и рассылали по церквам, не вносили; основы православия, догматы религии остались неприкосновенными.

С отступлениями от обрядов тоже оказалось не так, как думали ревнители благочестия: они исходили не от русской, а от греческой церкви.

Проведение реформы началось, и Никон вложил в это свои недюжинные способности, железную волю, фанатизм, нетерпимость к инакомыслящим. Но столкнулся с противником, равным себе. Против него выступили бывшие соратники и друзья по кружку ревнителей «древлего благочестия». Возглавил их протопоп Аввакум, во всем похожий на Никона, — человек страстный и горячий, фанатичный и нетерпимый. Ревнители пишут царю, возражая против реформы. Но их не слушают. Свои проповеди и призывы сохранить «древлее благочестие» они обращают к широким слоям верующих столицы, а потом и других городов, уездов.

Аввакум, глава ревнителей, яростно спорит с Никоном, обличает во весь голос его сторонников — никониан.

Никон, столь же неуживчивый, непреклонный и беспощадный, в отличие от Аввакума, получил власть. Да и какую! Необъятную! Не довольствуясь положением духовного владыки, что давало ему в руки почти неограниченные возможности по духовному ведомству, он властно вмешивался в дела мирские: во время отлучек царя возглавлял все правительственные дела, указывал боярам, игнорировал и оскорблял их. Собор, им созванный (1654), одобрил реформу, но с условием: привести нынешние обряды в соответствие с древней церковной практикой, греческой и русской.

Сторону ревнителей принимали многие знатные и богатые бояре, церковные иерархи, крестьяне и посадские люди. Первые опасались крайнего усиления власти царя и патриарха, ущемления своих прав и привилегий. Вторые видели в ревнителях людей, протестующих против власть имущих, от которых шло угнетение простого народа, социальных низов; под «религиозной оболочкой» здесь, как это нередко бывало, скрывался антифеодальный протест, выражались оппозиционные настроения.

Одно время надеялись, что их поддержит Алексей Михайлович. Он поначалу стоял в стороне от реформы, проводимой Никоном. Но сочувствовал ей, поддерживал патриарха, и Аввакум в нем разочаровался, перестал считать «благочестивейшим и православнейшим» царем. С монархом разошелся во взглядах и патриарх Никон. Непомерные гордость и властолюбие столкнули его не только с вельможами, светскими и духовными, которыми он помыкал, но и с царем. Он всю жизнь был убежден, что духовная власть, священство выше светской власти, царства: «Яко же месяц емлет себе свет от солнца, такожде и царь поемлет посвящение, помазание и венчание от архиереа».

Государь не мог долго сносить патриаршие претензии, выходки второго «великого государя», к тому же претендовавшего на политическое первенство. Недовольство царя нарастало. Он перестал посещать службы, которые вел патриарх, приглашать его на приемы во дворце. Обидчивый и гневливый Никон не выдержал — на одном из богослужений в Успенском соборе отказался от патриаршества и покинул столицу. Уехал в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь под Истрой. Никон ждал, что царь будет умолять его вернуться в Кремль. Но тот и не думал это делать. Церковный собор (1660) лишил Никона патриаршего сана. Стали звать «вселенских патриархов» в Москву для суда над Никоном, но те не торопились: большинство их сочувствовало взглядам русского владыки. Только в 1666 г . явились два патриарха, а два других прислали своих представителей. Начался суд, на который под охраной стрельцов привезли и Никона. Сам Алексей Михайлович говорил о его тяжкой

вине: «Самовольно и без нашего царского величества повеления церковь оставил и патриаршества отрекся».

Патриархи поддержали русского царя; сказались старые традиции византийской церкви, подчинявшейся императорской власти, зависимость патриархов, живших под гнетом турецких султанов, от московской «милостыни», присущая им осторожность в отношениях с мирскими владыками.

Свергнутого патриарха сослали в Ферапонтов монастырь, потом перевели в Кирилло-Белозерскую обитель, где он и скончался в 1681 г . В этом же году окончил свой земной путь и Аввакум, его фанатичный противник. Церковный Собор 1666—1667 гг. проклял всех противников реформы. Собор приговорил отдать сторонников Аввакума в руки «градских властей». Неумолимый закон привел в огонь и Аввакума, и других подвижников древнего благочестия, и многих их сторонников и последователей, которых с того памятного Собора стали именовать расколоучителями, раскольниками.

Собор 1666—1667 гг. и положил начало расколу в русской православной церкви. Старообрядцы, противники церковной реформы, тянули к старине, выступали против любых нововведений в церковно-обрядовой, литургической сфере. В глазах обиженных, угнетенных, среди которых были распространены подобные взгляды, решающее значение имело противостояние расколоучителеи властям, не только церковным, но и мирским, гражданским, их выступление против государства. Поддержали раскол и представители знатных, богатых фамилий — боярыня Ф.П. Морозова, прославленная В.И. Суриковым, ее сестра княгиня Е.П. Урусова (обе умерли от голода и пыток в Боровской земляной тюрьме), князья Хованский, Мышецкий и др.

Народные недовольство, протест принимали разные формы — открытые восстания (Соловецкое 1668—1676 гг., движение раскольников во время Московского восстания 1682 г ., на Дону в 70—80-е годы и др.), уклонение от повинностей, неподчинение властям, наконец, самосожжения («гари») и запощевания (голодная смерть). Подсчитано, например, что только за 20 лет (1675—1695) в 37 «гарях» добровольно лишили себя жизни до 20 тыс. раскольников.

В преследовании раскольников одинаково жестоко действовали царская и церковная власти. Согласие между ними сохранялось почти до конца столетия. Но все изменилось, когда Петр I реально взял власть в свои руки. При жизни матушки он еще сдерживался, хотя нередко не считался с иерархами, открыто называл монахов бездельниками. Когда же она скончалась, открыто показал свое истинное отношение к церковникам.

После взятия Азова Петр устремил свой зоркий глаз на церковь: потребовал от нее отчеты о доходах, заставил строить на свои средства корабли, запретил возводить в монастырях новые корпуса, а тем из иерархов, кто имел поместья, платить жалованье.

В 1700 г . умер патриарх Адриан. Нового патриарха, которого ждали верующие, так и не назначили. Вместо него Петр ввел новую должность — местоблюстителя патриаршего престола, который имел только функции духовного пастыря. А имущество церкви поступило в Монастырский приказ во главе с И.А. Мусиным-Пушкиным, лицом светским. Доходы от него шли в царскую казну. По сути дела, Петр провел частичную секуляризацию, продолжил попытки своих предшественников и предвосхитил полную секуляризацию, объявленную Екатериной II в 1764 г .

§ 7. Преемники царя Алексея

Последняя четверть столетия — время правления детей Алексея Михайловича — царей Федора, Ивана, Петра и дочери — регентши Софьи, их помощников, сотрудников. Самым бесцветным из царских детей, ввиду слабого здоровья, был Иван Алексеевич, самыми даровитыми — царевна и особенно младший сын покойного монарха. Старший сын Федор имел некоторые качества, ценные для правителя, но не успел их проявить в должной мере, так как царствовал недолго и умер молодым.

Родился он 30 мая 1661 г ., царем стал, не достигнув 15-летнего возраста — с 29 января 1676 г . Он — сын царя Алексея Михаиловича от первой жены — Марии Ильиничны Милославской. С его воцарением к власти пришли Милославские и их сторонники. Лишились ее Нарышкины, родственники второй жены царя Алексея — Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I.

В числе воспитателей, учителей юного царевича был знаменитый просветитель, богослов, ученый Симеон Полоцкий, из белорусов. Федор Алексеевич, помимо грамоты и прочего, изучил латинский и польский языки. Царь не отличался хорошим здоровьем. Его молодость, робость в делах стимулировали борьбу придворных группировок за власть, влияние. Правительству царя Федора в 70-е годы пришлось решать сложные вопросы в области внешней политики, связанные с украинскими делами, отношениями с Польшей, Турцией и Крымом.

При нем предприняты реформы в области внутреннего управления. Так, по всему государству провели общую перепись населения (1678). Потом провели налоговую реформу (1679—1681). Правительство приняло меры для упорядочения вотчинного и поместного землевладения, торговли иностранных купцов в России. Все казенные сборы, дела по местному управлению сосредоточили в руках воевод (1679). Отменили местничество (1682). В области военного управления, воинского устройства некоторые реформы подготовила и провела особая комиссия во главе с боярином В.В. Голицыным. Родственные приказы объединялись под руководством одного начальника; так достигалась некоторая централизация управления.

При царе Федоре принимались меры по искоренению раскола (церковный Собор 1681 г . и др.). При нем была высказана мысль о заведении Академии. Так основали Славяно-греко-латинскую академию в 1687 г . Печатались книги церковного и светского содержания.

Федор Алексеевич был женат первым браком на Агафье Семеновне Грушецкой, девушке, вероятно, польского происхождения. Бракосочетание состоялось 18 июля 1680 г . 11 июля 1681 г . она родила ему сына Илью, но через три дня умерла, 20 июля умер царевич. Вторым браком Федор Алексеевич женился на Марфе Матвеевне Апраксиной; венчание состоялось 15 февраля 1682 г ., за два с половиной месяца до кончины царя, не дожившего один месяц до 21-летнего возраста.

Его смерть послужила сигналом для сильного восстания в Москве, в ходе которого царями провозгласили Ивана и Петра Алексеевичей, регентшей при них — Софью Алексеевну. Реально государством управляло в 1682—1689 гг. правительство Софьи — Голицына.

Царевна Софья к моменту провозглашения регентшей имела неполных 25 лет (родилась 17 сентября 1657 г .). Она — дочь царя Алексея Михайловича от первого брака. Получила при дворе хорошее для того времени образование, училась у просветителей Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина. Современники отмечают ум, честолюбие, энергию царевны.

После кончины брата-царя и майского восстания в Москве Софья возглавила придворную партию Милославских и их сторонников, пришедших к власти. Она направляла действия нового правительства, которое возглавил князь ВВ. Голицын. Умело, последовательно она овладела положением в столице; с помощью дворянского войска, собранного вокруг Москвы, заставила осенью того же года восставших капитулировать.

Софья и ее правительство продолжали политику предшественников. Они организовали два похода на Крым (1687, 1689), нанесли несколько поражений ханским войскам. Были ослаблены позиции Турции, которая вела военные действия против союзников России по антитурецкой «Священной лиге» — Австрии, Польши, Венеции. С Речью Посполитой заключили «Вечный мир» (1686), окончательно закрепивший за Москвой Левобережную Украину и Киев. Переговоры с Китаем по поводу спорных земель в Приамурье завершились заключением (уже после падения Софьи) Нерчинского договора (1689).

Во внутренней политике проводились мероприятия по увеличению землевладения, прав и привилегий дворян, усилению крепостного права (сыск беглых), преследованию раскольников.

В августе 1689 г . правительство Софьи пало. Петр I заключил ее в келью Новодевичьего монастыря. Девять лет спустя восставшие московские стрельцы прочили ее, в случае успеха своего дела, в правительницы государства. Разгром восстания, последовавший за ним «стрелецкий розыск» означали для Софьи еще большее ухудшение ее и без того тяжелого положения — ее постригли в монахини под именем Сусанны в том же монастыре, в котором она жила до своей кончины (3 июля 1704 г .). В далекой ссылке оказался Голицын. Выдающийся государственный деятель, реформатор, один из предшественников Петра I, он оказался во враждебном ему лагере.

Родился Голицын в 1643 г ., происходил из рода Гедиминовичей, потомков великого князя литовского Гедиминаса. перешедших на русскую службу в конце XIV в. В детстве и юности князь получил хорошее образование — от домашних учителей познал не только чтение и письмо, но и «свободные мудрости»; он был человеком книжным, начитанным в богословии, истории, философии, астрономии, медицине. Читал и свободно говорил по-гречески и на латыни, польском и немецком языках. Князь собрал большую библиотеку. С 1658 г . началась его служба при дворе — как стольника царя Алексея Михайловича. Как и ряд других деятелей, его современников, князь был сторонником контактов с иноземной культурой, ее представителями внутри страны и за рубежом, преобразований в самой России.

С воцарением Федора Алексеевича (январь 1676 г .) начинается его возвышение. Он становится боярином, исполняет чрезвычайные поручения правительства на Украине, способствует смещению П.Д. Дорошенко, гетмана Правобережья, сторонника Турции, и занятию Чигирина — его ставки. Во время русско-турецкой войны 1677—1678 гг. возглавляет корпус в составе армии Г.Г. Ромодановского, ведшей бои за Чигирин. По возвращении из второго Чигиринского похода князь возглавляет Владимирский судный приказ. Он вынашивает замыслы реформ; его идеи — справедливое налогообложение крестьян, регулярная армия, прежде всего из дворян, правый суд. В стране провели общее описание земель, дворов (1678—1679), налоговую реформу (1679—1681), военно-окружную реформу (1680) — к пограничным округам-разрядам добавили еще несколько. Снизили численность дворянского ополчения с 37,5 тыс. (1651) до 16 тыс.; полков же нового строя увеличили (до 80% численности русской армии): рейтар — с 1,5 до 30,5 тыс.; солдат насчитывалось 61 тыс. Стрельцов стало 55 тыс. Проводятся другие реформы — в армии ввели ротную систему (1681). В январе 1682 г . отменили «враждотворное местничество», сильно вредившее при служебных назначениях. В проведении этих мер активно участвовал Голицын.

Как глава внешней политики России, он вел переговоры с иностранными послами, вникал во все детали международной обстановки, отношений с воинственными соседями — Турцией и Крымом. Польшей и Швецией. Ему удалось продлить Кардисский мир (1661) со Швецией, заключить после Долгих и трудных переговоров «Вечный мир» с Речью Посполитой.

Голицын приглашает в Россию сотни специалистов из-за границы, и они впоследствии принимают участие в проведении петровских преобразовании. В крымских походах 1687 и 1689 гг. Голицын был главнокомандующим.

С падением Софьи и приходом к власти Нарышкиных он оказался в ссылке на севере, его лишили чинов, имущества. Там он и умер (1713).

Несомненно, наиболее выдающийся из многочисленных детей царя Алексея — младший из его сыновей Петр, будущий первый император всероссийский. Он появился на свет 30 мая 1672 г . В неполные четыре года потерял отца. Вместе с новым царем Федором, как сказано выше, Милославские и их родственники, свойственники и сторонники стали у кормила власти. Матушка Петра Наталья Кирилловна, боярин А.С. Матвеев, ее воспитатель и фактический глава правительства до конца января 1676 г ., их сторонники вынуждены были отойти в тень. Матвеев же оказался в ссылке.

Младший царевич с матушкой проживали по-прежнему в Кремле. Царь Федор заботился о Петре, своем крестнике, и под присмотром старшего брата ему назначили в учителя Н.М. Зотова — подьячего из Приказа Большой казны. Царевич выучил с ним чтение и письмо. Часослов и Псалтырь, Евангелие и Апостол. Читали они вместе книжки с кунштами (картинками, рисунками), в том числе летописи и хронографы.

После кончины царя Федора (27 апреля 1682 г .) и провозглашения 10-летнего Петра царем последовали грозные события — восстание в Москве (середина мая), провозглашение первым царем Ивана Алексеевича, Петр стал вторым царем, Софья — регентшей при них. Ее фактическое правление государством продолжалось семь лет. Эти годы — время почетной ссылки царицы Натальи и ее сына Петра в селе Преображенском. Правда, второй царь иногда присутствовал в Кремле на приемах иностранных послов и других торжественных церемониях.

Подраставший мальчик-царь был занят другим — своими «потешными робятками» (сокольники, кречетники и прочие, оставшиеся от отца, любившего охоту), изучением всякого рода математических наук, разного оружия, маневрами и фортификацией, строительством кораблей и штурмом крепостей в окрестностях Преображенского и Семеновского.

События «заговора Шакловитого» (начало августа 1689 г .) закончились полной победой Петра над «зазорным лицом» — Софьей, ее заточением в Новодевичий монастырь. Власт снова оказалась в руках Нарышкиной «партии». Правда, наряду с Петром царем оставался и Иван Алексеевич (до свое кончины в 1696 г .). По слабости здоровья, по слабоумию он в дела не вмешивался. Петра же управление государством не очень-то интересовало. Как и раньше, он продолжал «Марсовы потехи», теперь — с гораздо большим размахом (десятки тысяч солдат и стрельцов). Привлекал на службу иностранных специалистов, собрал вокруг себя сотни, тысячи людей, в том числе — будущих генералов, адмиралов и проч.

Середина 90-х годов стала временем практической проверки достижений и честолюбивых устремлений Петра в годы «Марсовых потех». Два Азовских похода (1695—1696), несмотря на первоначальную неудачу, привели к успеху — к России перешел Азов, турецкая крепость, запиравшая выход из Дона в Азовское и Черное моря. А на следующий год началось знаменитое «Великое посольство» Петра I (1697— 1698) — молодой царь и его помощники, сотрудники из русских и иноземцев, пребывание в Западной Европе посвятили изучению ее опыта в делах кораблестроения и кораблевождения, организации фабрик и заводов, ремесел и художеств. Первым, самым любознательным учеником был Пётр Михайлов — так, по его желанию, называли царя во время посольства. Инкогнито никого не ввело в заблуждение, и при европейских дворах с любопытством и ожиданием, порой снисходительно-высокомерно наблюдали за московитом, варваром из далекой, обширной и богатой страны.

«Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую» — этот девиз, достойный и благородный, русский монарх в полной мере осуществил во время поездок по европейским государствам. И он сам, и его сотоварищи многое почерпнули из того, что увидели и услышали, что потом постарались применить у себя на родине. Правда, не удалось добиться помощи в войне России с Турцией, даже у союзников по антитурецкой «Священной лиге», в первую очередь у Австрии. В Западной Европе складывался новый баланс сил, замышлялись, в связи с приближением войны за испанское наследство, новые политические комбинации, союзы держав. С интересами России, в связи с ее замыслами в Черномории, не очень-то считались.

Не закончив посольства (не состоялась поездка в Венецию, которая была союзницей по «Священной лиге»), Петр, получивший известие из Москвы о стрелецком восстании, быстро вернулся в столицу. Там он начал с экзотического обрезания бород у старозаветных московских бояр, введения нового, более удобного европейского платья. Тяжелейшее впечатление у современников и потомков оставил страшный «стрелецкий розыск» участников восстания, подавленного до возвращения монарха в Россию. Дикий разгул пыток, многие сотни казненных, в том числе руками царственной особы и ее ближайших сподвижников, —

таков был итог вакханалии расправ, организованных человеком, не сумевшим и не хотевшим понять истинные, обоснованные причины выступления стрельцов.

Тогда же начались первые реформы Петра по перестрой ке управления государством — замена Боярской думы «конзилией министров», упразднение одних приказов и введени других, общее их сокращение, перестройка управления городов, их торгово-ремесленного населения. В чем-то продолжал начатое предшественниками, в чем-то предвосхищая будущие, но более масштабные преобразования.

Поняв, что его дипломатические и военные замыслы на юге неосуществимы, он переносит внимание на север. На Балтике Русь, Россия имела давние интересы. От нее оттеснили Русское государство шведские и ливонские властители. Началась Северная война, в которой Петр показал все свои незаурядные, выдающиеся способности государственного деятеля, полководца, флотоводца, дипломата.

§ 8. Народное хозяйство — от упадка к подъему

Потрясения Смутного времени надолго запомнились российскому люду. Разоренные, разграбленные города и селения. их обезлюдение (гибель одних, бегство на окраины дру гих), запустение пашенных земель, упадок ремесла торговли — таковы были печальные итоги «Великого литов ского разорения» для хозяйства страны, особенно центральных и южных ее уездов. Источники того времени, документальные и литературные (летописи, повести, сказания) заполнены описаниями бедственного положения россиян. Правительство, сильно обеспокоенное всем этим, посылает по стране «дозорщиков», и те выявляют масштабы разорения, выявляют «пусто» и «жило», определяют тем самым платежеспособность оставшихся жителей, перспективы восстановления жизнеспособности всех отраслей хозяйства.

Как и всегда водилось на Руси, после нашествий иноплеменных или стихийных бедствий русские люди начинали с возведения сожженных домов, возделывания заброшенных пашен, которые «лесом поросли». Постепенно жизнь налаживалась, входила в прежнее русло.

Сельское хозяйство . С конца 10-х — начала 20-х годов, после Столбовского мира и Деулинского перемирия, изгнания шаек мародеров-интервентов, окончания действий повстанческих отрядов, русские люди приступают к восстановлению нормальной хозяйственной жизни. Оживает Замосковный край — центр Европейской России, уезды вокруг русской столицы, на западе и северо-западе, северо-востоке и востоке. Русский крестьянин продвигается на окраины — к югу от реки Оки, в Поволжье и Приуралье, в Западную Сибирь. Здесь возникают новые поселения. Крестьяне, бежавшие сюда из центра от своих владельцев — помещиков и вотчинников, монастырей и дворцового ведомства или переведенные в эти места, осваивают новые земельные массивы, вступают в хозяйственные, брачные, бытовые контакты с местным населением. Налаживается взаимный обмен опытом хозяйствования: местные жители перенимают у русских паровую систему земледелия, сенокошение, пасечное пчеловодство, соху и прочие приспособления; русские, в свою очередь, узнают от местных жителей о способе долгого хранения необмолоченного хлеба и многое другое.

Сельское хозяйство восстанавливалось не скоро, причинами того были маломощность мелких крестьянских хозяйств, низкая урожайность, стихийные бедствия, недороды. Развитие этой отрасли хозяйства сильно и долго тормозили последствия «литовского разорения». Об этом говорят писцовые книги — поземельные описи того времени. Так, на 1622 г . в трех уездах к югу от Оки — Белевском, Мценском и Елецком — у местных дворян сидело на землях 1187 крестьян и 2563 бобыля, т.е. безземельных или совсем маломощных бобылей было вдвое больше собственно крестьян. Земледелие, испытавшее крайний упадок в начале столетия, приходило в прежнее состояние очень медленно.

Это отражалось на экономическом положении дворян, их служебной пригодности. В ряде южных уездов многие из них не имели земли и крестьян (однодворцы), а то и усадеб.

Некоторые же из-за бедности становились казаками, холопами у богатых бояр, монастырскими служками или. по словам тогдашних документов, валялись по кабакам.

К середине столетия в Замосковном крае около половины земель, местами и более половины, писцы относят к категории «живущей», а не пустой пашни.

Главный путь развития сельского хозяйства этого времени — экстенсивный: в хозяйственный оборот земледельцы включают все большее количество новых территорий. Быстрыми темпами идет народная колонизация окраин.

С конца 50-х — 60-х годах переселенцы во многом числе идут в Поволжье, Башкирию, Сибирь. С их приходом земледелием начинают заниматься в тех местах, где его раньше не было, например, в Сибири.

В Европейской России господствующей системой земледелия было трехполье. Но в лесных районах Замосковного края, Поморья, да и в северных районах южной окраины применялись подсека, перелог, двухлолье, пестрополье. В Сибири на смену перелогу во второй половине века постепенно пришло трехполье.

Больше всего сеяли рожь и овес. Далее шли ячмень и пшеница, яровая рожь (ярица) и просо, гречиха и полба, горох и конопля. То же — в Сибири. На юге пшеницы сеяли больше, чем на севере. В огородах выращивали репу и огурцы, капусту и морковь, редьку и свеклу, лук и чеснок, даже арбузы и тыкву. В садах — вишню, красную смородину, крыжовник (крыж-берсень), малину, клубнику, яблони, груши, сливы. Урожайность была невысокой. Часто повторялись неурожаи, недороды, голод.

Основой развития животноводства являлось крестьянское хозяйство. Из него феодалы получали тяглых лошадей для работы на своих полях и столовые запасы: мясо, живую и битую птицу, яйца, масло и проч. Среди крестьян имелись, с одной стороны, многолошадные, многокоровные; с другой — лишенные какого-либо скота. Скотоводство особенно развивалось в Поморье, на Ярославщине, в южных уездах.

Рыбу ловили везде, но особенно в Поморье. В северных районах, Белом и Баренцевом морях ловили треску и палтуса, сельдь и семгу; промышляли тюленей, моржей, китов. На Волге и Яике особую ценность представляли красная рыба, икра.

В натуральном сельском хозяйстве господствовало мелкое производство. Отсюда — плохая обеспеченность крестьянина продовольствием, хронические голодовки. Но уже тогда рост общественного разделения труда, хозяйственная специализация отдельных районов страны способствовали увеличению товарного обращения. Избыток хлеба, поступавшего на рынок, давали южные и поволжские уезды.

В ряде случаев царь, бояре, дворяне, монастыри расширяли собственную запашку, занимались наряду с этим предпринимательской деятельностью и торговлей.

Промышленность . В отличие от сельского хозяйства, промышленное производство продвинулось вперед более заметно. Самое широкое распространение получила домашняя промышленность; по всей стране крестьяне производили холсты и сермяжное сукно, веревки и канаты, обувь валяную и кожаную, разнообразную одежду и посуду, вышивки и полотенца, лапти и мочало, деготь и смолу, сани и рогожи, топленое сало и щетину, многое другое. Через скупщиков эти изделия, особенно холсты, попадали на рынок. Постепенно крестьянская промышленность перерастает домашние рамки, превращается в мелкое товарное производство. По этому пути идут мастера по изготовлению ярославских холстов, важских сукон, решминских рогож, белозерских ложек, вяземских саней и т.д.

Среди ремесленников наиболее многочисленную группу составляли тяглые — ремесленники городских посадов и черносошных волостей. Они выполняли частные заказы или работали на рынок. Дворцовые ремесленники обслуживали нужды царского двора; казенные и записные работали по заказам казны (строительные работы, заготовка материалов и др.); частновладельческие — из крестьян, бобылей и холопов — изготовляли все необходимое для помещиков и вотчинников. Ремесло в довольно больших размерах перерастало, прежде всего у тяглецов, в товарное производство. Но в разных отраслях это протекало по-разному.

Издавна существовавшая в стране металлообработка была основана на добыче болотных руд. Центры металлургии сложились в уездах к югу от Москвы: Серпуховском, Каширском, Тульском, Дедиловском, Алексинском. Другой центр

— уезды к северо-западу от Москвы: Устюжна Железнопольская, Тихвин, Заонежье.

Квалифицированных кузнецов власти не раз вызывали в Москву; они же выполняли на месте заказы из столицы. Когда в 1689 г . построили новый Каменный мост на Москве-реке, из Нижнего вызвали кузнеца Дмитрия Молодого «для дела к мосту резцов железных».

Крупным центром металлообработки выступала Москва — еще в начале 40-х годов здесь насчитывалось более полутора сотен кузниц.

В столице работали лучшие в России мастера по золоту и серебру. Центрами серебряного производства были также Устюг Великий, Нижний Новгород, Великий Новгород, Тихвин и др. Обработкой меди и других цветных металлов занимались в Москве, Поморье (изготовление котлов, колоколов, посуды с расписной эмалью, чеканкой и др.).

Металлообработка в значительной степени превращается в товарное производство, причем не только на городских посадах, но и в деревне, черносошной и частновладельческой.

Кузнечное дело обнаруживает тенденции к укрупнению производства, применению наемного труда. Особенно это характерно для Тулы, Устюжны, Тихвина, Устюга Великого. Из тульских кузнецов вышли крупнейшие металлозаводчики XVIII в. Демидовы и Баташовы, Мосоловы и Лугинины. Разбогатевшие кузнецы, имевшие по нескольку кузниц, эксплуатировали наймитов — молотобойцев и др., занимались торговлей железными и иными товарами.

Аналогичные явления, хотя и в меньшей степени, отмечаются в деревообработке. По всей стране плотники работали в основном на заказ — строили дома, речные и морские суда Особым мастерством отличались плотники из Поморья. Изделия из дерева, мочало, рогожи, смола, даже дома и мелкие суда продавались на рынке.

Во многих уездах северо-запада Европейской России (Псков, Новгород Великий и др.) специальностью местного населения стали посев и переработка льна и конопли. Помимо холстов, делали канаты и прочие судовые снасти, крашенину.

Крупнейшим центром кожевенной промышленности был Ярославль, куда из многих уездов страны поступало сырье для выделки кожаных изделий. Здесь работало большое число мелких «заводов» — ремесленных мастерских. Хорошие дубленые кожи выделывали в Вологде, кожи и сафьяны — в Казани. Обработкой кожи занимались мастера из Калуги и Нижнего Новгорода. Ярославские мастера-кожевники использовали наемный труд; некоторые «заводы» перерастали в предприятия мануфактурного типа со значительным разделением труда (дуботолки, гладильщики, подошевники, строгальникн и другие узкие специалисты).

Скорняки, обрабатывавшие дорогие меха (соболя, бобра, куницы, белки, песца и др.), выполняли, как правило, заказы. Те же, кто работал с дешевым сырьем (овчинники и др.), выходили на рынок. Наибольшее количество скорняков трудилось в Москве (центром промысла была Панкратьевская слобода). В скорняжном деле тоже начали применять наемный труд, выделялись предприниматели.

В немалом числе поступали на рынок изделия из шерсти: сермяжные сукна и валяная обувь, колпаки и плащи (епанчи). Производились они и в городе, и в деревне, распространялись по всей стране. Крупным центром валяных изделий выступал Углич.

Сальными свечами славилась Вологда, мылом — Кострома и Ярославль.

Дворцовые ремесленники проживали почти только в одной Москве. Оружейное, золотое, серебряное, полотняное производства переросли из ремесла в мануфактуру.

Мастер как самостоятельный производитель-ремесленник имел учеников. По «житейской записи», последние рядились на учебу и работу у мастера лет на пять-восемь. Ученик жил у хозяина, ел и пил у него, получал одежду, выполнял всякую работу. По окончании обучения ученик какой-то срок отрабатывал у мастера, иногда «из найма». Ученики, которые

приобрели необходимый и значительный опыт или прошли испытание у специалистов, сами становились мастерами.

Пополнение корпуса ремесленников производилось и за счет вызова посадских людей из других городов в Москву на постоянную или временную работу. Для нужд казны, дворца из других городов высылали в столицу оружейников и иконописцев, серебряников, каменщиков и плотников.

Приказ Каменных дел ведал казенными каменщиками, кирпичниками, подвязчиками (они ставили «подвязи» — леса при возведении зданий). Жили они в особых слободах Москвы и городов Замосковья. Среди них имелись «каменных дел подмастерья» — производители, руководители работ, архитекторы; рядовые каменщики и ярыжные (чернорабочие) Из подмастерьев, по существу архитекторов XVII столетия, получили известность Антип Константинов — строитель Золотой, Казенной и Проходной палат Патриаршего двора в столичном Кремле; О.М. Старцев, возводивший митрополичьи палаты (в том числе «Крутицкий теремок») на Крутицком подворье.

О прочности и красоте московских каменных зданий свидетельствуют современники. Один из них, архидиакон Павел Алеппскии, сопровождавший антиохийского патриарха Макария (побывал в русской столице в 1655—1656 гг.), не скрывает своего восхищения: «Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество».

Мануфактуры . Заметный рост русского ремесла в XVII в., превращение значительной его части в мелкое товарное производство, укрупнение, использование наемного труда, специализация отдельных районов страны, появление рынка рабочей силы создали условия для развития мануфактурного производства.

Увеличилось число мануфактур — крупных предприятий, основанных на разделении труда, остающегося по преимуществу ручным, и применении механизмов, приводимых в движение водой. Это свидетельствует о начале перехода к раннекапиталистическому промышленному производству, сильно еще опутанному крепостническими отношениями.

В это время расширяли старые мануфактуры, например. Пушечный двор — построили «кузнечную мельницу», чтоб «железо ковать водою», каменные здания (вместо старых деревянных). В Москве же появились две казенные пороховые мельницы. Продолжали работать мастерские Оружейной, Золотой и Серебряной палат, швейные мануфактуры — Царская и Царицына мастерские палаты. Появились ткацкая мануфактура — Хамовный двор в Кадашевской слободе (Замоскворечье), шелковая — Бархатный двор (довольно быстро заглохла). Эти мануфактуры были казенными или дворцовыми. На них применялся принудительный труд. Связей с рынком они не имели.

Другая группа мануфактур — купеческие: канатные дворы в Вологде, Холмогорах (возникли в XVI в.), в Архангельске (в XVII в.). Это были сравнительно крупные предприятия, только на Вологодском работало около 400 русских наемных рабочих. Холмогорский двор давал столько канатов, что ими можно было оснастить четвертую часть кораблей английского флота, в то время одного из самых крупных в мире

Под Москвой появился Духанинский стекольный завод Е. Койета, выходца из Швеции. Его посуда шла во дворец и на продажу. Наиболее важные районы мануфактурного производства складываются на Урале, в Тульско-Каширском районе, Олонецком крае.

Уже в 20-е годы казна пыталась строить небольшие заводы по обработке металлов на Урале, в районе Томска. Но отсутствие дешевой рабочей силы помешало этому.

В следующем десятилетии, после открытия медных руд в районе Соликамска, построили Пыскорский медеплавильный завод, первый в России. В плавильне установили мехи, которые приводились в движение от мельничных водяных колес. Завод давал несколько сот пудов меди в год. В конце 40-х годов его закрыли — истощились запасы руды. В середине 60-х годов по той же причине прекратил работу медеплавильный завод в Казани. Первые медеплавильные заводы, построенные казной в Онежском крае, получили в эксплуатацию иностранцы. Однако вместо выплавки меди, которую наладить не удалось, они, используя опыт местных мастеров, организовали три вододействующих железоделательных завода.

Под Тулой три таких же завода построил в 1637 г . А.Д. Виниус, голландский купец. Он замыслил завести в России мануфактуры капиталистического типа. Но большие расходы вынудили его привлечь в компанию датчанина П. Марселиса и голландца Ф. Акему, которые вскоре захватили дело в свои руки и отстранили Виниуса. Они укрупнили и реконструировали тульские заводы, построили четыре новых в Каширском уезде. На тульских выплавляли чугун и железо, на каширских происходила их обработка, и изготавливаемая продукция шла на удовлетворение потребностей внутреннего рынка.

В 60-е годы на всех тульско-каширских заводах трудились 56 иноземцев и 63 русских мастера и подмастерья; все они, за единичным исключением, работали по найму. Подсобные же черные работы — добычу руды, заготовку угля, доставку их к заводам — выполняли крестьяне Соломенской дворцовой волости, которую попросту приписали к тульским предприятиям, т.е. принудительно заставляли крестьян работать на заводах в порядке исполнения повинности. К каширским заводам тоже приписали волость с крестьянами.

Таким образом, на этих заводах, а в конце столетия на металлургических заводах А. Бутенанта в Олонецком крае использовался труд как вольнонаемных, так и принудительный. Появление таких заводов — значительный шаг вперед в истории русской промышленности: и в плане увеличения производства (на заводах Тулы и Каширы выплавляли несколько десятков тысяч пудов чугуна и железа в год), и широкого разделения труда (изготовление, к примеру, карабина или мушкета проходило ряд производственных процессов у мастеров различных специальностей), и применения механизмов, использовавших силу падающей воды.

По примеру заводов Внниуса — Акемы стали заводить подобные предприятия русские бояре (И.Д. Милославский, Б.И. Морозов в Оболенском, Звенигородском, Нижегородском уездах), использовавшие труд крепостных. Возникали другие заводы, чугуноплавильные и железоделательные, принадлежавшие купцам, разбогатевшим мастерам (например, Никите Демидову в Туле и др.). Они использовали наемный труд.

Мануфактурам принадлежала ведущая роль в производстве оружия. В изготовлении же сельскохозяйственных орудий, предметов бытового обихода с ними успешно конкурировали мелкие крестьянские промыслы и городские ремесленники. Удовлетворением нужд государства в укреплении его обороноспособности занимался Пушечный двор (отливка пушек).

Огнестрельное и холодное оружие делали в Московской Оружейной палате — мануфактуре рассеянного типа (мастера работали в помещении палаты и на дому), в отличие от Пушечного двора — мануфактуре централизованного типа (только в помещении двора).

Монетные дворы относились к типу централизованных мануфактур. На новом Монетном дворе изготовлением медной монеты было занято до 500 человек.

Организатором текстильных мануфактур тоже выступал государев «дворец» — управление царским дворцовым хозяйством. Так, Кадашевская дворцовая слобода изготовляла бельевые ткани на государев обиход. Полотно поставляли дворцовая Тверская Константиновская слобода в Хамовниках под Москвой, дворцовые села Брейтово и Черкасове в Ярославском уезде. Отдельные сорта тканей вырабатывали на дому.

В XVII в. возникло до шести десятков различных мануфактур; не все они оказались жизнеспособными — до петровского времени дожили едва ли не меньше половины. Неудивительно применение здесь крепостного труда. Более показательно постепенное расширение вольнонаемного труда как на мануфактурах, так и на водном транспорте (Волжский, Сухоно-Двинскнй и другие пути), соляных промыслах Тотьмы, Соли Вычегодской и Соли Камской (в последней к концу века насчитывалось более 200 варниц, добывавших ежегодно до 7 млн. пудов соли), на рыбных и соляных промыслах Нижней Волги (в конце века в Астрахани и ее окрестностях только в летнее время трудилось несколько десятков тысяч наемных рабочих).

В наймиты шли посадские люди, черносошные и частновладельческие крестьяне, холопы, в том числе и беглые, всякий вольный, гулящий люд. Крестьяне, как правило, отходили на временные заработки, возвращались к своему хозяйству. Среди других немалое число

людей кормилось только работой по найму; из них уже тогда начала формироваться категория более или менее постоянных наемных работников, своего рода российский предпролетариат.

К XVH в., таким образом, относится начальный этап мануфактурного производства, первоначального накопления, формирования предпролетариата и предбуржуазии: «капиталистов-купцов». Из крупных купцов вырастают предприниматели, занимающиеся, например, солеварением: Г.А. Никитников и Н.А. Светешников, В.Г. Шорин и Я.С. Патокин, О.И. Филатьев и Д.Г. Панкратьев, братья Шустовы и др. С XVI в. набирали силу Строгановы, с конца XVII в. — Демидовы.

Торговля . XVII век — важнейший этап в развитии рыночных торговых связей, начало формирования всероссийского национального рынка. В торговле хлебом в роли важных центров выступали на севере Вологда, Вятка, Великий Устюг, Кунгурскии уезд; южные города — Орел и Воронеж, Острогожск и Коротояк, Елец и Белгород; в центре — Нижний Новгород. К концу столетия хлебный рынок появился в Сибири. Соляными рынками были Вологда, Соль Камская, Нижняя Волга; Нижний Новгород служил перевалочно-распределительным пунктом.

В пушной торговле большую роль играли Соль Вычегодская, лежавшая на дороге из Сибири, Москва, Архангельск, Свенская ярмарка под Брянском, Астрахань; в последней трети века — Нижний Новгород и Макарьевская ярмарка, Йрбит (Ирбитская ярмарка) на границе с Сибирью.

Лен и пеньку сбывали через Псков и Новгород, Тихвин и Смоленск; те же товары и холсты — через Архангельский порт. Кожами, салом, мясом торговали в больших размерах Казань и Вологда, Ярославль и Кунгур, железными изделиями — Устюжна Железнопольская и Тихвин. Ряд городов, прежде всего Москва, имели торговые связи со всеми или многими областями страны. Немало посадских людей составляли особый «купецкий чин», занимаясь исключительно торговлей. Зарождался класс купечества — предбуржуазии.

Господствующее положение в торговле занимали посадские люди, в первую очередь гости и члены гостиной и суконной сотен. Крупные торговцы выходили из зажиточных ремесленников, крестьян. В торговом мире выдающуюся роль играли гости из ярославцев — Григорий Никитников, Наде я Светешников, Михайло Гурьев, москвичи Василий Шорин и Евстафий Филатьев, дединовцы братья Василий и Григорий Шустовы (из села Дединова Коломенского уезда), устюжане Василий Федотов-Гусельников, Усовы-Грудцыны, Босые, Ревякины и др. Торговали разными товарами и во многих местах; торговая специализация была развита слабо, капитал обращался медленно, свободные средства и кредит отсутствовали, ростовщичество еще не стало профессиональным занятием. Разбросанность торговли требовала много агентов и посредников. Только к концу века появляется специализированная торговля. Например, новгородцы Кошкины вывозили в Швецию пеньку, а оттуда ввозили металлы.

Большие размеры приняла в городах розничная торговля (в торговых рядах и шалашах, с лотков, скамей и вразнос) Посадские мелкие торговцы ходили по уездам с кузовом, наполненным различными товарами (коробейники); продав их, покупали у крестьян холсты, сукна, меха и прочее. Из среды коробейников выделились скупщики. Они осуществляли связь крестьян с рынком.

Внешнеторговые операции с западными странами велись через Архангельск, Новгород, Псков, Смоленск, Путивль, Свенскую ярмарку. Вывозили кожи и зерно, сало и поташ, пеньку и меха, мясо и икру, полотно и щетину, смолу и деготь, воск и рогожи и др. Ввозили сукна и металлы, порох и оружие, жемчуг и драгоценные камни, пряности и благовония, вина и лимоны, краски и химические товары (купорос, квасцы, нашатырь, мышьяк и др.), шелковые и хлопчатобумажные ткани, писчую бумагу и кружева и т.д. Таким образом, экспортировали сырье и полуфабрикаты, импортировали изделия западноевропейской мануфактурной промышленности и колониальные товары. 75% внешнеторгового оборота давал Архангельск — единственный и к тому же неудобный порт, связывавший Россию *с* Западной

Европой. В восточной торговле первенствующую роль играла Астрахань. За нею шли сибирские города Тобольск, Тюмень и Тара. Казна и частные торговцы вели операции со странами Средней Азии и Кавказа, Персией и империей Великих Моголов в Индии. С конца XVII в., особенно после заключения Нерчинского договора (1689), развиваются торговые связи с Китаем.

Конкуренция иностранных купцов на внутреннем рынке вызывала коллективные протесты менее богатых русских торговцев. В 20 — 40-е годы они подавали челобитные, жаловались, что от своих промыслов «отбыли и оттого оскудели и одолжали великими долги». Требовали ограничить операции иноземцев, а тех, кто несмотря на запреты русских властей вел розничную торговлю, высылать из страны.

Наконец, в 1649 г . английским купцам запретили торговлю внутри страны, потом всех их выслали. Причину в указе объяснили просто и бесхитростно: англичане «государя своего Карлуса короля убили до смерти». В Англии произошла революция, и ее участники во главе с Оливером Кромвелем казнили своего монарха, что в глазах русского двора было проступком явно предосудительным и непростительным.

По Таможенному уставу 1653 г . в стране ликвидировали многие мелкие таможенные пошлины, оставшиеся со времен феодальной раздробленности. Взамен ввели единую рублевую пошлину — по 10 денег с рубля, т.е. 5% с покупной цены товара (1 рубль = 200 деньгам). С иноземцев брали больше, чем с русских купцов. Новоторговый устав 1667 г . еще более усилил протекционистские тенденции в интересах русского торгово-промышленного сословия.

Глава 20. Социальные противоречия и потрясения

Гражданская война в России начала XVII в., составной частью которой стала цепь народных восстаний (Хлопка, Болотникова и др.), открыла целую эпоху мощных социальных потрясений. Вызваны они были усилением натиска феодалов, государства на народные низы, прежде всего окончательным закрепощением крестьянства, основной массы населения России. Логика, диалектика истории, помимо прочего, состоит в том, что укрепление государства — результат трудовых и ратных усилий народных низов — сопровождается ухудшением положения последних, усилением давящего на них пресса всяких податей, барщинных и иных повинностей.

Всякое действие порождает противодействие, в том числе и в обществе, во взаимоотношениях классов и сословий. Во всяком обществе не могут не возникать социальные противоречия, которые, в свою очередь, в периоды крайнего их обострения порождают столкновения интересов, стремлений. Они принимают разные формы — от ежедневной борьбы (невыполнения или плохого выполнения повинностей, борьбы в судах за землю) до открытых восстаний, вплоть *д* наивысшей их формы — гражданских войн больших масштабе!

XVII столетие в истории России современники недаро назвали «бунташным веком». Еще одна гражданская война (Разинское восстание), сильные городские восстания, особенно в Москве — святая святых самодержавия российского, выступления раскольников, множество местных, локальных движений. Социальные потрясения охватили страну от ее западных

рубежей до Тихого океана, от северной тайги до южных степей. Современники-иностранцы не только с удивлением наблюдали за разливом народных мятежей в России, соседней Украине (Б. Хмельницкий), но и сопоставляли их с аналогичными событиями в Западной Европе (народные восстания в Англии, Франции, Нидерландах, Германии XVI— XVII вв.).

В основе всего этого — «усиление социального неравенства», которое «еще усилилось нравственным отчуждением правящего класса от управляемой массы» (В.О. Ключевский). С одной стороны, обогащение правящей элиты, бояр и других думцев, верхушки провинциального дворянства, столичной и местной бюрократии (приказной и воеводский аппараты), с другой — социальная приниженность крепостных крестьян и холопов. Эти два социальных полюса — крайние точки, между которыми лежали другие, промежуточные слои, положение которых варьировалось в зависимости от статуса в иерархической системе государства.

§ 1. Сословия

Бояре и дворяне. Среди всех классов и сословий господствующее место безусловно принадлежало феодалам. В их интересах государственная власть проводила меры по укреплению собственности бояр и дворян на землю и крестьян, по сплочению прослоек класса феодалов, его «одворянению». Служилые люди по отечеству оформились в XVII в. в сложную и четкую иерархию чинов, обязанных государству службой по военному, гражданскому, придворному ведомствам в обмен на право владеть землей и крестьянами. Они делились начины думные (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки), московские (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы) и городовые (дворяне выборные, дворяне и дети боярские дворовые, дворяне и дети боярские городовые). По заслугам, по службе и знатности происхождения феодалы переходили из одного чина в другой. Дворянство превращалось в замкнутый класс — сословие.

Власти строго и последовательно стремились сохранить в руках дворян их поместья и вотчины. Требования дворян и меры властей привели к тому, что к концу века свели разницу между поместьем и вотчиной к минимуму. В течение всего столетия правительства, с одной стороны, раздавали феодалам огромные массивы земель; с другой — часть владений, более или менее значительную, перевели из поместья в вотчину. Переписные книги 1678 г . насчитали по стране 888 тыс. тяглых дворов, из них около 90% находилось в крепостной зависимости. Дворцу принадлежало 83 тыс. дворов (9,3%). церкви — 118 тыс. (13.3%). боярам — 88 тыс. (10%). более же всего дворянам — 507 тыс. дворов (57%).

В XVII в. немалое число худородных дворян проникли в столичные сферы — по родству с царем, фавору, заслугам на бюрократическом поприще. Бурный и неспокойный XVII век во многом потеснил старую аристократию.

Большие земельные владения с крестьянами принадлежали духовным феодалам. В XVII в. власти продолжали курс своих предшественников на ограничение церковного землевладения. «Уложение» 1649г., например, запретило духовенству приобретать новые земли. Ограничивались привилегии церкви в делах суда и управления.

Крестьяне и холопы . В отличие от феодалов, особенно дворянства, положение крестьян и холопов в XVII в. существенно ухудшилось. Из частновладельческих получше жилось крестьянам дворцовым, хуже всех — крестьянам светских феодалов, особенно мелких. Крестьяне работали в пользу феодалов на барщине («изделье»), вносили натуральный и денежный оброки. Обычный размер «изделья» — от двух до четырех дней в неделю, в зависимости от размеров барского хозяйства, состоятельности крепостных (богатые и «семьянистые» крестьяне работали больше дней в неделю, «скудные» и «одинокие» — меньше), количества у них земли. «Столовые запасы» — хлеб и мясо, овощи и фрукты, сено и дрова, грибы и ягоды — возили на дворы к владельцам те же крестьяне. Плотников и каменщиков, кирпичников и живописцев, других мастеров дворяне и бояре брали из своих сел и деревень. Крестьяне работали на первых фабриках и заводах, принадлежавших феодалам

или казне, изготовляли на дому сукна и холсты и т.д. и т.п. Крепостные, помимо работ и платежей в пользу феодалов, несли повинности в пользу казны. В целом их обложение, повинности были тяжелее, чем у дворцовых и черносошных. Положение зависимых от феодалов крестьян усугублялось и тем, что суд и расправа бояр и их приказчиков сопровождались неприкрытыми насилиями, издевательствами, унижением человеческого достоинства.

После 1649 г . широкие размеры принял сыск беглых крестьян. Тысячами их хватали и возвращали владельцам.

Чтобы прожить, крестьяне шли в отход, в «батраки», на заработки. Обедневшие крестьяне переходили в категорию бобылей.

У феодалов, особенно крупных, было много холопов, иногда по нескольку сот человек. Это — приказчики и слуги для посылок, конюхи и портные, сторожа и сапожники, сокольники и «певчие ребята». К концу века произошло слияние холопства с крестьянством.

Снизился средний уровень благосостояния русского крепостного крестьянства. Сократилась, например, крестьянская запашка: в Замосковном крае на 20—25%. Одни крестьяне имели полдесятины, около десятины земли, у других и того не было. А у зажиточных случалось по нескольку десятков десятин земли. Они брали на откуп господские винокурни, мельницы и др. Выходили в торговцы и промышленники, подчас весьма крупные. Из крепостных Б.И. Морозова вышли, например, ставшие подрядчиками-судовладельцами, а затем крупными солеторговцами и рыбопромышленниками Антроповы. А Глотовы, крестьяне кн. Ю.Я. Сулешева из села Карачарова Муромского уезда, стали богатейшими купцами первой половины столетия.

Лучше жилось государственным, или черносошным, крестьянам. Над ними не висел дамоклов меч непосредственного подчинения частному владельцу. Но они зависели от феодального государства: в его пользу вносили налоги, несли разные повинности.

Посадские люди . Процесс восстановления, возрождения затронул после Смуты и ремесло, промышленность, торговлю в городах. Здесь тоже начались сдвиги, не очень крупные и решительные по масштабам, но весьма заметные.

К середине столетия в стране числилось более 250 городов, а дворов в них, по неполным данным, — более 40 тыс. Из них в Москве 27 тыс. дворов. Принадлежали они ремесленникам и торговцам (8,5 тыс.), стрельцам (10 тыс.), боярам и дворянам, церковникам и богатым купцам.

Крупные города располагались на важных торговых путях по Волге (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Астрахань), Двине и Сухоне (Архангельск, Холмогоры. Соль Вычегодская, Устюг Великий, Вологда, Тотьма), к югу от Москвы (Тула, Калуга), на северо-западе (Новгород Великий, Псков), северо-востоке (Соль Камская). В них насчитывалось более 500 дворов в каждом. Многие средние и мелкие города были, по существу, крепостями (в южных, поволжских уездах), но и в них постепенно появились посады — предместья, населенные торгово-ремесленным людом.

Население городов в первой половине столетия выросло более чем в полтора раза. Несмотря на скромную долю торговцев и ремесленников в общем количестве жителей России, они играли весьма существенную роль в ее хозяйственной жизни. Среди посадских людей мы видим русских и украинцев, белорусов и татар, мордву и чувашей и т.д.

Ведущий центр ремесленного, промышленного производства, торговых операций — Москва. Здесь в 40-е годы работали мастера металлообработки (в 128 кузницах), мехового Дела (примерно 100 мастеров), изготовления различной еды (около 600 человек), кож и кожаных изделий, одежды и головных уборов, много другого — всего, что нужно большому многолюдному городу.

В меньшей, но достаточно заметной степени ремесло развивалось и в других городах России. Значительная часть ремесленников работала на государство, казну. Часть ремесленников обслуживала нужды дворца (дворцовые) и живших в Москве и других городах феодалов (вотчинные ремесленники). Остальные входили в посадские общины городов, несли (тянули, как тогда говорили) различные повинности и платили налоги, совокупность кото-

рых называлась тяглом. Ремесленники из посадских тяглецов от работы по заказу потребителя зачастую переходили к работе на рынок, и ремесло, таким образом, перерастало в товарное производство. Появилась и простая капиталистическая кооперация, применялся наемный труд. В наемники к разбогатевшим кузнецам, котельникам, хлебникам и другим шли бедные посадские люди, крестьяне. То же происходило на транспорте, речном и гужевом.

Развитие ремесленного производства, его профессиональной, территориальной специализации вносит большое оживление в хозяйственную жизнь городов, торговые связи между ними и их округами. Именно к XVII в. относится начало концентрации местных рынков, складывания на их основе всероссийского рынка. Гости и другие богатые купцы появлялись со своими товарами во всех концах страны и за ее рубежами. В годы Смуты и после нее они не раз ссужали власти деньгами.

Богатей из купцов, ремесленников, промышленников заправляли всем в посадских общинах. Перекладывали главную тяжесть сборов и повинностей на посадскую бедноту — мелких ремесленников и торговцев. Имущественное неравенство приводило к социальному; рознь между «лучшими» и «меньшими» посадскими людьми не раз давала о себе знать в повседневной жизни городов, особенно во время городских восстаний и гражданских войн «бунташного века».

В городах издавна проживали на дворах и в слободах, принадлежавших боярам, патриарху и прочим иерархам, монастырям, их крестьяне, холопы, ремесленники и пр. Занимались они, помимо обслуживания владельцев, и торговлей, ремеслами. Причем, в отличие от посадских тяглецов, подати не платили и повинности в пользу государства не несли. Это освобождало принадлежавших боярам и монастырям людей, в данном случае — ремесленников и торговцев, от тягла, «обеляло» их, по тогдашней терминологии.

Посадские люди на Земских соборах, в челобитных требовали вернуть всех людей, занимающихся ремеслом и торговлей, в посадские общины, к посадскому тяглу.

§ 2. Народные восстания

Балашовское движение . Положение социальных низов в обстановке тяжелых поборов и повинностей послесмутной поры было очень нелегким, их недовольство вырвалось наружу в годы Смоленской войны (1632—1634), когда они громили дворянские имения в районе военных действий и в соседних уездах. Наиболее мощные народные движения начались в середине столетия.

Соляной бунт . В 1648 г . вспыхнуло движение, получившее в источниках и в дооктябрьской историографии название «соляного бунта». Восстание началось 1 июня, когда Алексей Михайлович возвращался с богомолья из Троице-Сергиева монастыря. В городе его встретила большая толпа москвичей и приезжих. С криками окружили карету царя и жаловались на Л.С. Плещеева, начальника Земского приказа, ведавшего управлением столицы. Царь поехал дальше. Восставшие пытались подать челобитную царице. Но стрелецкая охрана разогнала их, арестовав при этом 16 человек. Это привело в ярость народ, и в царскую свиту полетели камни. На следующий день состоялось шествие в Сретенский монастырь. Повстанцы потребовали у царя освободить арестованных, дать отставку Плещееву, прекратить притеснения и взяточничество приказных людей. После молебна царь возвратился в Кремль. Вслед за ним туда вошли несколько тысяч восставших. К движению присоединились стрельцы и холопы. 2 июня и на следующий день восставшие перешли от требований и угроз к действиям: пострадали десятки дворов московских бояр и дворян, дьяков и богатых купцов. Н. Чистого, который был известен в народе как беззастенчивый взяточник, инициатор огромного налога на соль, введенного за несколько лет до восстания и отмененного за полгода до него, восставшие изрубили, бросив тело на кучу навоза.

Вынужденный под напором стихии народного движения уступить, Алексей Михайлович приказал «всему народу выдать головою» Плещеева. Палач вывел его из Кремля, и толпа буквально растерзала «бургомистра». 4 июня продолжались погромы дворов знатных и бога-

тых людей. Восставшие потребовали выдачи Траханиотова — начальника Пушкарского приказа, 5 июня они его казнили. Народ требовал выдачи главы правительства боярина Морозова для расправы. 12 июня отряд дворян и стрельцов выехал из Москвы, чтобы конвоировать Морозова, отправленного в ссылку.

Дворяне и верхи посада, используя сложившуюся обстановку, растерянность и ослабление правительства, подали Царю челобитную. В ней выдвигались требования упорядочения судопроизводства, правильного ведения всех дел в приказах, созыва Земского собора для разработки нового «Уложения».

Власти созвали Земский собор, принявший решение подготовить новое «Уложение». Волнения в столице не прекращались до конца года. Правительству удалось к этому времени стабилизировать положение.

Под влиянием событий в Москве в южнорусских городах наиболее сильные движения произошли в Курске, Козлове, Ельце, Ливнах, Валуйках, Чугуеве и других; на севере — в Сольвычегодске, Устюге Великом. В Сибири — в Томске, Енисейском остроге, Кузнецке, Верхотурье; они продолжались и во второй половине XVII в.

Два года спустя после восстаний в Москве и других городах поднимаются на борьбу посадские и иные люди Пскова и Великого Новгорода — против спекуляции хлебом, дороговизны, голода.

« Медный бунт ». Мощное, хотя и скоротечное восстание вспыхнуло в Москве — «медный бунт» 25 июля 1662 г . Его участники — столичные посадские люди и часть стрельцов, солдат, рейтар московского гарнизона — предъявили царю Алексею Михайловичу свои требования: снижения налогов, сильно возросших в связи с войнами с Польшей и Швецией, отмены медных денег, вылущенных в огромных количествах и приравненных к серебряным. К тому же, на рынке появилось много фальшивых денег. Все это привело к сильному обесцениванию медной монеты, дороговизне, голоду.

Во всех своих невзгодах, страданиях простой люд обвинял И.Д. Милославского, царского тестя и главу правительства, других бояр, богатых купцов В.Г. Шорина и др.

Разговоры о предстоящем выступлении против бояр-«изменников», властей в Москве велись еще весной. А за несколько дней до бунта на площадях и улицах появились «воровские листы» — прокламации с обвинениями по адресу тех же бояр и гостей и призывами к восстанию. Жаловались составители «листов» на медные деньги, высокие цены на соль и прочее, на насилия и взяточничество бояр-«изменников», требовали их наказания. Требования низов, отразившиеся в «листах», сводились к снижению налогов, прекращению злоупотреблений администрации, богачей, их наказанию.

Подготовленное заранее выступление началось рано утром 25 июля. Многие тысячи москвичей слушали чтение «воровских листов» на Лубянке, Красной площади. До 4—5 тыс. восставших с «листами» и челобитной пошли в село Коломенское, где находился царь со двором. А в столице начались погромы дворов бояр, гостей, приказных начальников.

В Коломенском восставшие, ворвавшиеся через ворота, сломив сопротивление стрелецкой охраны, вручили свои требования царю Алексею. Алексей Михайлович и бояре уговаривали восставших, призывали проявить терпение, «упрекали» за «мятежное» поведение, обещали расследовать вину «изменников», уменьшить налоги. В ходе дальнейших разговоров их сумели убедить, и один из восставших «с царем бил по рукам». Участники движения, цариста по своим убеждениям и иллюзиям, успокоились и направились в Москву. На полпути их встретила новая толпа москвичей, шедших в Коломенское. Обе партии повстанцев объединились и направились к царской резиденции. Их уже было до 9—10 тыс. человек. На двор к царю они пришли опять «силно», т.е. преодолевая сопротивление охраны. Вели переговоры с боярами, «сердито и невежливо» разговаривали с царем. Снова требовали бояр «для убийства». Алексей Михайлович «отговаривался» тем, что будто бы едет в Москву для розыска. Восставшие угрожали царю: «Будет добром нам тех бояр не отдашь, и мы *у* тебя учнем имать сами по своему обычаю!»

К этому времени в Коломенское по приказу царя уже были стянуты войска (от 6 до 10 тыс. человек). Алексей Михайлович «закричал и велел» стрельцам, придворным и холопам «побивать» восставших, «сечь и рубить без милости, имавши их, вешать... и в реках топить и в болотах». Началась кровавая и беспощадная расправа. Было убито или арестовано не менее 2,5—3 тыс. человек (убитых насчитывалось, по данным некоторых документов, немногим менее тысячи человек).

В начале 1663 г . отменили медные деньги, откровенно мотивируя эту меру желанием предотвратить новое «кровопролитие» — «чтоб еще чего меж люд ми о денгах не учинилося», царь велел их «отставить».

§ 3. Восстание Степана Разина

Введение в действие нового кодекса законов, «Соборного уложения» 1649 г ., жестокий сыск беглых, рост налогов на войну накаляли и без того напряженное положение в государстве.

Войны с Польшей и Швецией разоряли основную часть трудовых слоев населения. В эти же годы не раз случались неурожаи, эпидемии. Ухудшилось положение служилых людей по прибору — стрельцов, пушкарей и др. (введение налогов на занятия ремеслом и торговлей, уменьшение жалованья, насилие командиров), «ясачных людей» (нерусских Поволжья и других районов). Многие бежали на окраины, особенно на Дон. В казачьих областях с давних пор вошло в обычай не выдавать беглецов. «С Дону выдачи нет», — с гор. достью отвечали местные казаки царским воеводам и агентам при малейшей попытке организовать перепись беглых, вернуть их помещикам.

Основная масса казаков, особенно новоприхожих беглецов, жила бедно, скудно. Земледелием казаки не занимались. Жалованья, которое получали из Москвы (хлеб, деньги, сукна, оружие, припасы к нему), не хватало. Чтобы прожить, устраивали походы «за зипунами» — за добычей — на Волгу или «за море». Царские власти, русские феодалы с опаской и недовольством следили за Доном и другими казачьими областями. Их опорой становились домовитые, богатые казаки, вступавшие в сговор с московскими боярами.

Область Войска Донского к середине столетия с трех сторон — севера, запада и востока — окружали царские владения. Походы на Волгу становились трудней, по реке ставилось все больше сильных крепостей, городов, выход и Каспий преграждала Астрахань с мощным кремлем и сильным гарнизоном. В 1660 г . турки перегородили цепями Дон у Азова, и возможность вырваться на азовские и черноморские просторы почти исчезла.

К середине 60-х годов положение на Дону ухудшилось до крайности. Здесь скопилось большое количество беглых. Начался голод. Первая вспышка недовольства произошла в 1666 г . — до 700 донских казаков пришли с Дона к Туле. Предводитель казаков В.Р. Ус послал в Москву станицу (посольство) с просьбой принять их на царскую службу, чтобы они могли прокормиться. Но им отказали.

Мирный вначале поход перерос в восстание — к казакам присоединились несколько тысяч крестьян, холопов Подмосковья, ближнего и дальнего. Против повстанцев выслали войско князя Ю.Н. Борятинского. Усовцы ушли к себе на Дон, с ними бежали многие русские холопы и крестьяне, готовые, как и многие их собратья, подняться на борьбу против угнетателей. Впоследствии усовцы влились в повстанческое войско, которое возглавил Степан Тимофеевич Разин (род. ок. 1630 г .).

С.Т. Разин, как и его отец (выходец, вероятно, с воронежского посада), принадлежал к домовитому казачеству. К началу восстания немало повидал и испытал. Трижды бывал в Москве, а однажды — ив Соловецком монастыре. Его отличали смелость и сноровка, умение руководить людьми в военных предприятиях, вести переговоры по важным делам. Беспокойную, свободолюбивую натуру, пытливый ум С. Разина путешествия и походы, общение со многими людьми обогатили знаниями о жизни, страданиях угнетенных, о притеснениях бояр. Жестокость властей испытала и семья С. Разина. В 1665 г . казнили его старшего брата

Ивана. Он возглавлял полк донских казаков, участвовавший в войне с Польшей из-за Украины. Осенью донцы запросились домой, но их не отпустили. Тогда они ушли самовольно. Главнокомандующий боярин князь Ю.А. Долгорукий, человек жестокий и беспощадный, распорядился казнить командира.

Обстановка на Дону накалялась. Количество беглых увеличивалось. Противоречия между бедными и богатыми казаками усиливались. В 1667 г ., с окончанием войны с Польшей, на Дон и в другие места хлынули новые партии беглых.

Разин возглавил движение, поднял на борьбу сотни, тысячи недовольных и угнетенных. К нему и его сподвижникам ранней весной 1667 г . идут массы бедных казаков, готовых к походу на Волгу и Каспийское море, У Паншинского городка, на островах («буграх»), у переволоки на Волге, устраивают лагерь. Разинский отряд увеличивается до тысячи человек. Разинцы собирают лодки, оружие, продовольствие, всякие припасы. В середине мая его отряд переорался с Дона на Волгу.

Действия восставших с самого начала их похода на Дон и Волгу, помимо чисто «разбойных» моментов (грабежи и расправы), отличают четкие и ясно выраженные антифеодальные черты: расправы над богатыми казаками, купцами, приказчиками, борьба с царскими ратниками, включение в отряд освобожденных от неволи ссыльных, а также недовольных своим положением работных и других людей.

У Разина было уже 1,5 тыс. человек, когда отряд проплывал мимо Царицына. Он стремился быстрее вырваться с Волги на Каспии, чтобы оттуда идти на Яик. Мимо Черного Яра, Астрахани, разгромив несколько астраханских отрядов, вышел в море, затем поднялся по реке Яик к Яицкому городку и взял его.

Московские власти, с одной стороны, посылают против «воров» войска, меняют астраханских воевод; с другой — «милостивую грамоту» Разину с обещанием прощения, если он вернется на Дон, «от воровства отстанет». Но он и его ватажники отказались от «милости».

Зиму 1668 г . разницы провели в Яицком городке. Разбили трехтысячный отряд Я. Безобразова, вышли в Каспийское море. У Астрахани разгромили отряд Г. Авксентьева. Разинцы плывут вдоль южного и западного берега моря. У них — десятки стругов с пушками и припасами. Они грабят торговые суда, владения шамхала Тарковского и шаха персидского, освобождают немало русских пленников, разными путями и в разное время попавших в эти края. Многие гибнут в боях, от болезней и голода. Так проходят лето и осень 1668 г ., потом зима и весна следующего. Разин ведет переговоры с шахом, которому предлагает принять его с казаками на службу, а за это дать землю для поселения где-нибудь на Куре. Шах, получив грамоту от царя из Москвы, переговоры прекращает, а казаков-повстанцев казнит. Под Рештом большое войско шаха неожиданно нападает на лагерь разинцев. Казаки в ходе ожесточенного сражения несут большие потери. Потом мстят шаху, предают огню и мечу Ферахабад (Фарабат), Астрабад и другие города и селения.

Зимуют разницы у Миян-Кале, в юго-восточной части Каспия, терпят холод и голод. Весной 1669 г . перебираются к западному побережью. Два месяца отдыхают на Свином острове. Здесь летом происходит ожесточенное морское сражение, поредевший разинский отряд наголову разбивает войско Мамед-хана (3,7 тыс. человек на 50 судах). После этой блистательной победы Разин и его казаки, обогащенные сказочной добычей, но крайне истомленные и изголодавшиеся, берут курс на север. 22 августа они появляются в Астрахани, и местные воеводы, взяв с них обещание верно служить царю, сдать все суда и пушки, отпустить царских служилых людей, пропускают их вверх по Волге на Дон.

Астраханские жители, прежде всего беднота, с восторгом встретили разинцев, овеянных славой дальних походов и сражений и щедро оделявших дарами многих бедных людей. Разин за две недели успел многое — он не только пировал, ходил в гости и вел переговоры с воеводами, но, и это главное, общался с жителями, узнавал их настроения, обещал освободить «от ярма и рабства боярского». Он задумывал новый поход, на этот раз против «бояр».

В начале октября Разин вернулся на Дон. Здесь установилось двоевластие. Делами в Войске Донском по-прежнему управляла казацкая старшина в Черкасске. Но находившийся в Кагальнике Разин не считался с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым, своим крестным отцом, и всеми его помощниками. Мятежный атаман, по существу, блокировал Черкасск.

«Бездомовные», «голутвенные люди» тянутся со всех сторон к Разину. Тот собирает, покупает оружие и припасы к нему, хлеб и лодки. Численность разинского войска быстро растет с 1,5 до 4—5 тыс. человек. Предводитель делает все энергично и в тайне от врагов. Но вскоре, проведя необходимую подготовку, уже не скрывает своих планов: «Итить мне Волгою з бояры повидатца!», «И нам бы всем постоять и изменников из Московского государства вывесть и чорным людем дать свободу». Его призывы и стремления затрагивали главное в жизни крепостного люда, сердцевину феодальных отношений — существование или уничтожение крепостной зависимости.

Разинское войско — 7 тыс. повстанцев— 15 мая 1670 г . вышло на Волгу выше Царицына. С помощью его жителей они взяли город. Около него разбили тысячный стрелецкий отряд И. Лопатина. Затем последовали победа над царским войском под Черным Яром, штурм и взятие Астрахани (22 июня). Здесь войско Разина выросло до 13 тыс. человек. 20 июля Разин с 11 тыс. повстанцев покинул Астрахань, оставив в городе 2 тыс. Их цель — поход вверх по Волге, потом — на Москву. Одновременно посылались отряды на Дон, Северский Донец. В середине августа Разину без боя сдаются Саратов и Самара Разницы вступают в районы с обширными феодальными владениями и многочисленным крестьянским населением. Обеспокоенные власти стягивают сюда многие дворянские, стрелецкие, солдатские полки.

Разин спешит к Симбирску — центру сильно укрепленной засечной линии городов и крепостей. В городе гарнизон в 3—4 тыс. ратников возглавляет родственник царя по жене И.Б. Милославский. К нему на помощь прибывает 31 августа князь Ю.Н. Борятинский с двумя полками рейтар и несколькими дворянскими сотнями.

Повстанцы подошли 4 сентября. Два дня — 5 и 6 сентября длился бой. Разин штурмовал острог на склонах «Венца» — симбирской горы. Началось, как и в других городах, восстание местных жителей — стрельцов, посадских людей, холопов. Разин усилил натиск и ворвался в острог буквально на плечах разгромленных полков Борятинского, который бежал к Тетюшам. Милославский отвел свои силы в кремль. Обе стороны понесли немалые потери, повстанцы пленили до 300 человек.

Именно в это время пламя восстания охватывает огромную территорию: Поволжье (не только Нижнее, но и Среднее н Верхнее), Лесное Заволжье, многие южные, юго-восточные, центральные уезды России, Слободской Украины, Дон. Основной движущей силой становятся массы крепостных крестьян. Активно участвуют в восстании городские низы, работные люди, бурлаки, служилая мелкота (городовые стрельцы, солдаты, казаки), представители низшего духовенства, всякие «гулящие», «бездомовные» люди. В движение включаются чуваши и марийцы, мордва и татары.

Разосланные Разиным и другими предводителями прелестные грамоты поднимали на борьбу новые массы угнетенных. По сообщению современника-иностранца, в это время — разгар движения — в нем участвовало до 200 тыс. человек. Много дворян было убито, сожжены их имения. Повстанцы используют имена царевича Алексея Алексеевича и бывшего патриарха Никона, как бы находящихся в их рядах, желая таким образом придать видимость законности восстанию, они расправляются со многими дворянами.

Главное повстанческое войско (20 тыс.) в сентябре и начале октября осаждало Симбирский кремль.

Напуганные размахом движения, власти мобилизуют новые полки. Царь Алексей Михайлович главнокомандующим назначает боярина князя Ю.А. Долгорукого, опытного полководца. Тот выезжает на новый театр военных действий и делает своей ставкой Арзамас. Сюда стягиваются царские полки, по пути отбивая нападения повстанческих отрядов. Обе стороны несут немалые потери. Однако Долгорукий медленно и неуклонно преодолевает со-

противление храбрых, но слабо организованных и плохо вооруженных повстанцев. Постепенно перевес оказывается на его стороне. В начале октября под Симбирском войско Разина терпит поражение. Раненого Разина товарищи вынесли с поля боя, погрузили в лодку и рано утром 4 октября отплыли вниз по Волге. Несмотря на катастрофу под Симбирском и ранение Степана Разина, восстание продолжалось всю осень и зиму 1670/71 г.

Каратели жестоко расправились с восставшими. В одном Арзамасе было казнено до 11 тыс. человек, и город в эти месяцы, по отзывам современников, напоминал «преддверие ада». Всего каратели, как сообщают некоторые современники, убили, замучили до 100 тыс. повстанцев.

В начале 1671 г . основные очаги движения были подавлены. Но почти весь год продолжала сражаться Астрахань. 27 ноября пала и она.

Степана Разина схватили 14 апреля в Кагальнике домовитые казаки во главе с К. Яковлевым. Вскоре его привезли в Москву и после пыток казнили на Красной площади, причем бесстрашный предводитель в свой последний, смертный час «ни единым вздохом не обнаружил слабости духа».

По ожесточенности столкновений, противостояния двух враждебных лагерей Разинское восстание стало одним из самых мощных народных движений «бунташного века».

§ 4. Восстания в Москве

Самым крупным движением в конце столетия стали Московские восстания 1682 и 1698 гг. Первое из них отличалось длительностью и упорством.

После смерти царя Федора 27 апреля 1682 г . выступили стрельцы и солдаты Московского гарнизона. Их отчасти поддержали московские низы, особенно раскольники. Стрельцы, будучи частью русской армии, несли охрану Кремля, следили за порядком в столице, подавляя при случае народные волнения, выступления против властей, знати. За свою службу получали жалованье, но выдавали его нерегулярно и к тому же с середины XVII в. уменьшили вдвое. Чтобы прожить, стрельцы с разрешения властей занимались торговлей и ремеслом, что давало некоторый доход, с которого их заставили платить налоги (до этого их освобождали от подобной тяготы).

Нарастающее недовольство стрельцов (как и солдат, пушкарей и прочих мелких служилых людей) усугубили насилия, вымогательства, взятки приказных и военных начальников — руководителей Разрядного, Стрелецкого и других приказов, которые ведали военным делом, стрелецких и солдатских полковников. Стрельцы уже зимой и весной 1682 г . не раз жаловались на полковников, но безрезультатно. Разъяренные отказами правительства Нарышкиных, пришедших к власти с воцарением 10-летнего Петра I, ухудшением своего положения, стрельцы собирались на тайные сходки и открытые совещания, обсуждали свои требования. Составляли списки лиц, допускавших злоупотребления, чтобы потом с ними расправиться. 30 апреля они предъявили правительству ультиматум: выдать на расправу 16 военных командиров. Царица-регентша Наталья Кирилловна и ее помощники, растерявшиеся и бессильные, уступили— этих начальников сняли с постов, били кнутом. Власти надеялись, что теперь все успокоится. Срочно вызвали из ссылки А.С. Матвеева, который возглавлял правительство в конце жизни царя Алексея. Нарышкины рассчитывали на то, что по приезде в Москву он наведет порядок. Но эти надежды не сбылись.

Восставшие стрельцы и солдаты по заранее намеченному плану пришли в Кремль и начали расправы. 15—17 мая были убиты Матвеев, отец и сын Долгорукие, несколько Нарышкиных, стрелецких начальников, приказных дьяков. Восставшие овладели положением в столице, диктовали свою волю правительству. Конец весны, лето и начало осени 1682 г . прошли под знаком политического всесилия восставших стрельцов и их сторонников. Стрелецкое войско в Москве стали именовать «надворной пехотой», в честь их заслуг (во время событий 15—17 мая) на Красной площади соорудили «столп» (обелиск). Стрельцы получили задержанное за многие годы жалованье, подарки; с их бывших полковников взыскивали,

подчас с помощью батогов, удержанные со стрельцов и солдат деньги (по составленным заранее спискам) и возвращали обиженным.

При всей силе в первые недели и месяцы движения повстанцы оказались и не могли не оказаться очень слабыми в политическом плане — на непосредственную власть они не претендовали, поскольку править просто не умели. Князья Хованские, отец и сын, знатные Гедиминовичи (потомки великого князя литовского Гедиминаса), возглавили Стрелецкий приказ и некоторые другие учреждения и оказались как бы во главе стрельцов-повстанцев.

На самом деле Хованские, конечно, отнюдь не предводители восстания; цели его участников, в первую очередь стрельцов — выходцев из народных низов (крестьян, ремесленников, холопов), были им чужды. Попросту водоворот событий, бурных и драматичных, захватил этих охотников до власти, денег, привилегий, и они волею судеб оказались в одной лодке с социально чуждыми им людьми, пытались опереться на них в борьбе за власть.

Это им не удалось: выиграли регентша Софья и боярин князь В.В. Голицын, ставший по ее указанию главой правительства, канцлером. Новые правители, используя авторитет царской власти, правительственную машину, которая оказалась в их руках, а не Хованских, политически попросту бездарных, в конце концов овладели положением. Собрали дворянское войско, сосредоточив отдельные его полки в разных городах Подмосковья, и заставили осенью того же года восставших капитулировать.

Попытка четырех московских стрелецких полков 16 лет спустя организовать новое восстание закончилась их полным поражением от правительственных войск под стенами Воскресенского монастыря (под Истрой, к западу от столицы). В ходе «стрелецкого розыска» сотни мятежников казнили. Петр, не хотевший учесть их бедственное положение (они голодали, нищенствовали на пути из недавно взятого Азова к западной границе России), жестоко отомстил тем, кого ошибочно считал слепым орудием царевны Софьи, всем Милославским, которые были его заклятыми врагами.

16 московских стрелецких полков Петр приказал раскассировать; стрельцов вместе с семьями выслали в разные города и там записали в посадские люди (ремесленники, торговцы). Эту операцию в народе назвали «стрелецким разорением».

Глава 21. Внешняя политика: войны, расширение границ

XVII столетие в сознании современников и историков, можно полагать, стало своего рода феноменом — страна, оправившись после страшных потрясений и разорений Смутного времени, заметно продвинулась вперед. И не только в возрождении хозяйства и культуры. Поражали воображение успехи на полях сражений, в дипломатии; но это — во второй половине века. В первой его половине случались осечки, поражения, прежде всего из-за слабости России, не успевшей еще накопить силы после Смуты. Продвижение же в Сибирь, в страну «незнаемую», по ее бескрайним пространствам, при бездорожье и малонаселенности, продолжалось без перерыва все столетие. Это была эпоха великих русских географических от-

крытий, сделавших для мировой науки известными огромные массивы земель и морей от Урала до Тихого океана.

Как и в предыдущее столетие, перед страной стояли все те же задачи в области внешнеполитической: возвращение древнерусских земель, обретение выходов к Балтийскому и Черному морям, продолжение борьбы с ханствами — преемниками Золотой Орды (Крымским и Сибирским) и стоявшей за ними могущественной Турцией. Выполнить все эти задачи для России было не по силам; но кое-что, и немало, она сделала.

Первую попытку взять реванш над Речью Посполитой, сыгравшей неприглядную роль во время Смуты, московские политики предприняли менее полутора десятилетий спустя после ее окончания. Целью войны было возвращение Смоленской земли, захваченной поляками в начале XVII в.

§ 1. Русско-польская (Смоленская) война

Вернувшийся из польского плена в 1619г. Филарет энергично взялся за внешнеполитические дела.

Речь Посполитая входила в то время в коалицию католических государств во главе с Габсбургами — правителями Священной Римской империи. Швеция и Турция, члены антигабсбургской коалиции, втягивали в нее Россию. Обе они в начале 20-х годов вели войну против Польши.

Польские правящие круги не оставляли планов нового похода на Москву. Они надеялись на помощь венского двора. Но Габсбурги ничем не могли помочь: им пришлось в это время подавлять начавшееся в 1618 г . восстание в Чехии, которую Австрия пыталась полностью подчинить.

В том же году развязали войну с Габсбургами германские князья. В нее вступили Англия, Голландия, Дания, Франция, Швеция и другие государства Европы, боровшиеся против имперских притязаний австрийских правителей. На стороне последних воевали испанские Габсбурги, пытавшиеся сломить республику северных провинций Нидерландов.

В ходе Тридцатилетней войны, продолжавшейся до 1648 г ., Россия оказывала экономическую помощь антигабсбургской лиге, снабжала хлебом Данию и Швецию, вела переговоры о союзе против Империи и Речи Посполитой со шведским королем, турецким султаном, трансильванским князем. Одновременно правительство готовилось к войне: Пушкарский приказ резко увеличил производство оружия и припасов, делались большие закупки за границей. Приводили в порядок крепости по западному пограничью. В начале 30-х годов появляются полки нового строя: пехотные (солдатские) и конные (рейтарские, драгунские). По всей стране собирали хлеб для служилых людей, увеличивали налоги — прямые и чрезвычайные.

В апреле 1632 г . в Речи Посполитой умер король Сигизмунд III, и разгорелась обычная для времени бескоролевья борьба за власть. В июне Земский собор в Москве решил начать войну с Польшей за Смоленск. Туда в конце лета двинулось русское войско боярина М.Б. Шеина. В декабре оно вышло к Смоленску.

России приходится воевать против Польши в одиночестве: ни Швеция, ни Турция в войну не вступили. К тому же, в Речи Посполитой избирают королем давнего претендента на московский престол — Владислава, сына Сигизмунда III. Он энергично готовится к борьбе на востоке.

Шеин держал Смоленск в осаде всю зиму. Весной начал обстрелы, штурмы. Но они не принесли удачи. К лету 1633 г . началось дезертирство — бежали дворяне из южных уездов, донские казаки, на землю которых все чаще нападали крымские татары. Несмотря на запреты султана, подстрекаемые поляками крымцы громили южные русские земли, доходили до Московского уезда.

В конце августа к Смоленску пришел Владислав с 15-тысячным войском. Часть, своих сил ему удалось провести в осажденный город. На этот раз в окружении оказалось войско

Шеина. Русский командующий тщетно ждал подкреплений. В начале 1634 г . король предложил начать переговоры, и Шеин вынужден был согласиться. Вскоре заключили перемирие: по его условиям Шеин вывел из окружения остатки своей армии, всего 8 тыс. человек, артиллерию и запасы оставил королю.

Мирный договор заключили в Поляновке (июнь 1634 г .). Владислав отказался от претензий на русский престол. Но Польше возвращались все города и земли, захваченные в ходе войны русскими. Она же получала 20 тыс. рублей. Лишь город Серпейск Москве удалось сохранить из всего завоеванного. Смоленская война окончилась неудачно. Россия еще была слаба, чтобы вернуть утерянные земли.

§ 2. Укрепление южных границ. «Азовское сидение»

В 30—40-е годы правящие круги проводят энергичные меры по укреплению южных границ от нападений крымских и ногайских ханов. Крымское ханство, один из преемников Золотой Орды, захватило за это время в плен до 200 тыс. русских, ставших рабами крымских, турецких и прочих владельцев. В виде «поминок» (подарков) хану и его приближенным Москва истратила огромные средства — до одного миллиона рублей.

Захватчики разоряли, сжигали города и селения, угоняли скот, увозили имущество. Страна периодически несла колоссальный урон. Чтобы снять эту угрозу, власти укрепляют Тульскую засечную черту, строят южнее старой новую — Белгородскую. Возводят до трех десятков городов: Ефремов, Козлов, Коротояк, Тамбов, Чугуев, Яблонов и др.

Войско Донское, находившееся рядом с южными уездами, активизировало борьбу с крымцами, ногайцами и другими кочевниками, перешло к прямым действиям против владений Османской Турции. В устье воспетого казаками Тихого Дона Ивановича стояла сильная турецкая крепость Азов. Турки называли ее Садд-уль-ислам — Оплот ислама.

В 1637 г . отряд атамана Михаила Татаринова из нескольких тысяч человек с четырьмя пушками захватил грозную твердыню, на башнях которой стояло до 200 пушек. Успех пришел к ним после взрыва из подкопа крепостной стены и смелого натиска.

Пять лет продолжалось знаменитое «Азовское сидение», воспетое в песнях и легендах, повестях и сказаниях. Султан Ибрагим I прислал к Азову огромную армию и флот, всего до 200 тыс. человек, сто стенобитных орудий. С турками прибыли специалисты по осадному делу из Западной Европы. В Азове же сидело менее 5 тыс. казаков. Возглавлял их атаман Осип Петров.

Летом 1641 г . началась осада. Обстрелы перемежались яростными штурмами янычар. Казаки, укрываясь в шанцах, отбивали атаку за атакой, всего 24 приступа. Делали подкопы под земляные валы, которые турки Гусейна-паши насыпали около крепостных стен, и взрывали их.

Турки потеряли здесь до 30 тыс. человек. Погибло до половины казаков, но они стойко держались. Наступала зима, янычарам грозил голод, они сами были готовы к бунту. Гусейн-паша прекратил осаду. Казаки послали в Москву своих представителей, просили включить Азов в число русских владений и прислать войско.

Царь Михаил созвал Боярскую думу, потом Земский собор. Вопрос об Азове — это вопрос об отношениях с Турцией: взять его под «государеву руку» означало войну с могущественным противником. Нужны ратники, запасы, деньги, и все это — в очень большом количестве. Недавний афронт под Смоленском был свеж в памяти. Правительство поняло, что в этой обстановке удержать Азов будет невозможно, и приказало казакам оставить его, что они и сделали. Московские власти уладили конфликт с Турцией.

§ 3. Воссоединение Украины с Россией

Лишь в середине столетия появилась возможность воссоединить часть древнерусских земель, входивших некогда в состав Киевской Руси, потом захваченных Польшей и Литвой (с 1569 г . —двуединая Речь Посполитая).

Значительная часть украинской и белорусской шляхты приняла католичество или униатство, ополячилась, чтобы сохранить и увеличить свои привилегии. Но простой люд упорно сопротивлялся, хранил язык, веру, обычаи предков, тянулся к своим братьям по происхождению, языку, вере — к русским, к Москве. Народные низы вели постоянную борьбу с угнетателями — панами, их управителями, арендаторами, корчмарями, ростовщиками. Опорой всех холопов стала Запорожская Сечь — вольное казачество, обосновавшееся в низовьях Днепра, в районе порогов.

Часть казаков, наиболее крепких, богатых, с 70-х годов XVI в. зачислили на службу польскому королю, внесли в реестр (список). Но большинство запорожцев составляли нереестровые.

Магнаты и шляхтичи владели огромными имениями, выжимали все соки из своих подданных. Князьям Острожским принадлежали 80 городов и местечек, 2760 сел, Вишневецким — 40 тыс. крестьянских и мещанских дворов (характерно название их владений — Вишневеччина), Конецпольский только на Брацлавщине (Правобережная Украина) имел 170 городов и местечек, 740 сел. В их владениях, помимо крепостных крестьян и мещан (от Micro — город), т.е. ремесленников и торговцев, жили городовые казаки, мелкие землевладельцы и др. Украинских мещан притесняли в ремесленных и торговых делах, что вынуждало их переходить к земледелию, бежать в Запорожье, степи, в Россию.

В конце XVI — первой половине XVII в. по Украине прокатилась волна крестьянско-казацких восстаний. Их участники выступают против панско-шляхетского гнета, за сохранение родного языка, обычаев предков, за православную веру.

Самое мощное из них — восстание на Украине и в Белоруссии, начавшееся в 1648 г . Оно вылилось в национально-освободительную и антифеодальную войну обоих народов против панско-шляхетского гнета, за социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Россией. Она носила всенародный характер. В общенациональный блок вошли крестьяне, мещане, рядовые казаки — главная движущая сила восстания, затем — средние слои ремесленно-торгового населения городов, реестровое казачество, казацкая старшина, мелкие украинские феодалы, духовенство.

Возглавивший движение Богдан Хмельницкий, сам немало потерпевший от польских властей, в конце января собрал в низовьях Днепра отряд в 300 повстанцев и неожиданно напал на Запорожскую Сечь, разгромив стоявший там польский гарнизон. Реестровые из гарнизона перешли на его сторону. Казаки избрали Хмельницкого кошевым гетманом Войска Запорожского, и вскоре началось его победное шествие по Украине.

Для подавления восстания в район Черкасс и Корсуня прибыла регулярная армия Н. Потоцкого, коронного гетмана, и М.Калиновского, польного гетмана. Против повстанцев действовали военные отряды магнатов. Хмельницкий собирал в Сечи силы. Союз с крымским ханом Ислам-Гиреем, прислабшим на помощь пятитысячный конный отряд, обеспечил гетману тыл. Весной он вышел из Запорожья на север.

Хмельницкий одержал блестящие победы над коронными войсками Речи Посполитой у р. Желтые Воды (19 апреля 1648 г .), под Корсунем (17 мая). Тогда же, в мае, он занял Белую Церковь, Киев и другие города. По всей Украине поднимался на борьбу народ, вдохновленный его победами. От рук повстанцев пали многие помещики, арендаторы, управляющие, ростовщики, корчмари.

В сентябре 1648 г . Хмельницкий одержал еще одну победу над поляками. Две армии встретились у Пилявец, к северо-западу от Винницы. Поляки вдвое превосходили по численности повстанцев. Польская армия снова потерпела сокрушительное поражение. Повстанческая армия двинулась на запад, взяла Львов. От поляков были освобождены Подолия и Волынь. Началось восстание в Белоруссии. Но наступала зима, разразилась эпидемия чумы. Хмельницкий согласился на предложение польского короля Яна-Казимира о перемирии и

отвел свою армию в Поднепровье. В конце декабря победители торжественно въехали в Киев. На Украине Хмельницкий в начале 1649 г . устраивает новое управление: делит ее территорию на полки во главе с полковниками; в их руки передает всю военную и гражданскую власть.

Польское правительство к лету собрало коронную армию из 200 тыс. человек. Ее разделили на три части — две из них поставили в Подолии и на Волыни; третья, основная, во главе с королем должна была выйти из Польши.

Главное повстанческое войско Хмельницкого вышло на запад. Вместе с ним двигалась орда Гирея. Поляки собрали в Збараже до 60 тыс. воинов. В конце июня сюда подошли главные силы Хмельницкого. Под стенами города они разгромили лучшие полки польских гетманов. 7 июля Збараж был взят штурмом.

К Збаражу приближались основные польские силы Яна-Казимира. Хмельницкий в конце июля с лучшими полками стремительно пошел навстречу королю и встретил его в 50 верстах от Збаража у города Зборов. Здесь 5 августа началось ожесточенное сражение. Повстанцы расчленили польскую армию на три части и начали ее истребление. В этот день поляки потеряли 11 тыс. убитыми и 18 тыс. пленными, 57 пушек. На следующий день битва возобновилась, польскую армию ожидала катастрофа. Но крымский хан потребовал прекратить сражение и заключить мир с королем, угрожая объединить свои и польские силы против Хмельницкого.

8 августа 1649 г . стороны заключили Зборовский мирный договор — «Декларацию». Согласно его условиям реестровое войско увеличивалось до 40 тыс. человек. Оно размещалось в трех воеводствах — Киевском, Брацлавском и Черниговском, которые подчинялись гетману Хмельницкому. Польским войскам там пребывать запрещалось.

Но Украина по-прежнему оставалась под властью Польши. Народные низы выражали недовольство условиями договора. Оно еще больше усилилось, когда польские паны начали возвращаться на Украину и расправляться с повстанцами. В 1651 г . снова разгорелись крестьянские восстания в Подолии и на Волыни, Белоруссии и Смоленщине. Но главная повстанческая армия в июне 1651 г . из-за измены союзника — крымского хана — потерпела поражение под Берестечком на р. Стырь, к северо-востоку от Львова.

По Белоцерковскому договору 18 сентября 1651 г . казацкий реестр уменьшался вдвое, до 20 тыс. человек. Под властью гетмана оставалось только Киевское воеводство, он лишался права сношений с иностранными государствами, в том числе с Крымским ханством; должен был подчиняться власти польского коронного гетмана. Положение украинского народа в конце этого и первой половине следующего года было очень трудное. Выручила Россия, правительство которой разрешило свободно и беспошлинно покупать хлеб и соль, помогло Хмельницкому вооружением.

В конце мая 1652 г . на Батогском поле на правом берегу Южного Буга, юго-восточнее Винницы и Брацлава, произошло сражение повстанческой армии и отборного 50-тысячного войска Калиновского, продолжавшееся два дня. Польская армия перестала существовать. Шляхта бежала с Украины. Все Правобережье оказалось во власти повстанцев. По полководческому искусству, мужеству армии современники сравнивали победу Хмельницкого под Батогом с победой Ганнибала под Каннами в 216 г . до н.э. Восстание на Украине вспыхнуло с новой силой. Отряды повстанцев действовали уже на собственно польской территории.

В начале октября 1653 г . польский король собрал 80-тысячную армию у Жванца, южнее Каменец-Подольска. Сюда же пришел Хмельницкий с 60-тысячным войском. Гетман окружил врага. И снова измена крымского хана спасла польскую армию от полного уничтожения; в ней осталось 50 тыс. воинов. Жванецкий договор восстановил условия Зборовского мира.

К этому времени Земский собор, созванный в Москве, вынес (1 октября 1653 г .) решение *о* воссоединении Украины с Россией и начале войны с Польшей. 8 января 1654 г . при большом, стечении народа Богдан Хмельницкий провозгласил в городе Переяславе акт о

воссоединении Украины с Россией. Все участники Рады приняли присягу: «Быти им з землями и з городами под государевою высокою рукою навеки неотступным».

«Статьи Богдана Хмельницкого», вскоре подписанные в Москве, перечисляют права и привилегии Войска Запорожского, казацкой старшины, украинской шляхты, крупных городов — значительно более широкие по сравнению с теми, которыми они пользовались при господстве Речи Посполитой. На Украине сохранялись выборное гетманское управление, военно-административные местные органы во главе с полковниками. Численность казацкого войска определили в 60 тыс. человек. Все управление Украиной подчинялось верховной власти царя.

Объединение двух братских народов освободило значительную часть Украины от национального и религиозного гнета польских магнатов, шляхты, от угрозы со стороны Турции. Русские и украинцы объединяли свои силы в борьбе с внешними врагами. Создавались условия для национального развития.

§ 4. Война России и Украины с Речью Посполитой

Воссоединение Украины с Россией означало войну с Речью Посполитой. Длилась она почти полтора десятилетия; случались и победы и поражения. Положение осложнялось борьбой за власть после смерти Богдана Хмельницкого (27 июля 1657 г .), изменами части казацкой старшины, украинской шляхты. Ставший гетманом после Богдана его войсковой писарь Иван Выговский заключил в Гадяче договор о переходе Украины под власть Польши (1658), жестоко подавлял направленные против его изменнического курса восстания. Но народ не принял договор, и Выговский бежал в Польшу.

На Раде в Переяславе гетманом избрали молодого Юрия Хмельницкого — сына Богдана. Принятые на ней же Переяславские статьи 1659 г . подтвердили условия мартовских статей («Статьи Богдана Хмельницкого»). Кроме того, увеличивалась численность русских войск на Украине, а царские воеводы получали право контроля над казацкими военачальниками.

На следующий год на Украину пришло большое польское войско. Объединенная русско-украинская армия Шереметева и Юрия Хмельницкого потерпела тяжелое поражение под Чудновом, юго-западнее Житомира. Гетман, в отличие от великого отца, человек слабый, малоопытный, заключил договор с Польшей и признал ее власть над Украиной. Это соглашение отверг украинский народ, и гетмана Юрия, по существу, лишили власти над Левобережьем. Но на Правобережной Украине он сумел удержаться. Там стояли войска Речи Посполитой.

Вскоре польские власти сменили гетмана — посадили в 1663 г . своего ставленника Тетерю А в конце года ввели войска на Левобережье. Под Глуховом и Новгород-Северским русские и казацкие полки разгромили поляков. На Правобережье разгорелись восстания. Тетеря, по примеру Выговского, бежал к своим покровителям, в Польшу. Его место занял Петр Дорошенко — ставленник казацкой старшины. Он освободил Правобережье от польских войск. Но его попытка подчинить своей власти и Левобережье окончилась неудачей — народ выступил против.

На «Черной Раде» (в ней, помимо старшин, участвовало много черни — представителей рядового казачества, крестьян мещан) в Нежине гетманом избрали И. Брюховецкого (июнь 1663 г .).

Изнурительная война, истощившая обе воюющие стороны, закончилась в 1667 г . перемирием, заключенным в Андрусове. По его условиям, Россия возвращала себе Смоленскую и Северскую земли, завоеванные в ходе войны; за ней же закреплялась Левобережная Украина, а на Правобережье

— Киев и некоторые другие небольшие анклавы на берегу Днепра. Запорожье ставилось под власть обоих государств. Польша и Россия обязались давать совместный отпор нападениям крымцев и турок.

Используя борьбу за власть в украинской верхушке, Турция заняла Правобережную Украину. По Бучачскому договору 1672 г. Речь Посполитая уступила султану Подолию и другие земли.

§ 5. Русско-турецкая война. Чигиринские походы

Правобережное казачество, недовольное сотрудничеством гетмана П. Дорошенко с турками и крымцами, оказывает на него сильный нажим, и тот заявляет себя сторонником : России (1676). А в следующем году огромная турецко-татарская армия вторгается на Украину. Начинается открытая война между Россией и Турцией, первая в истории их отношений за два столетия.

Русско-украинская армия Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, нового гетмана, насчитывала 60 тыс. человек; противник имел вдвое больше. Турки стремились захватить Киев и Чигирин — политический центр Украины. Объединенные русско-украинские полки разгромили под Бужином турок и татар.

Летом 1678 г . султан направил к Чигирину 200-тысячную армию. Ей противостояло 120-тысячное русско-украинское войско. После ожесточенных уличных боев гарнизон оставил город. Но сражение главных сил русских и украинцев с турками заставило врага отступить к Бугу.

В 1681 г . Россия заключила с Крымом Бахчисарайский Договор. Султан ратифицировал его. Согласно условиям договора, устанавливалось перемирие на 20 лет; Турция и Крым признали переход к России Левобережной Украины и Киева. Южная Киевщина, Брацлавщина, Подолия остались под властью султана и гетмана Правобережной Украины.

Австрия и Польша, поняв опасность турецкой угрозы, через два года заключили оборонительный антитурецкий союз. Тогда же под Веной они разгромили большую турецкую армию Кара-Мустафы. После этой победы Речь Посполитая возвратила себе Правобережную Украину. В 1684 г . образовалась «Священная лига»: против Турции объединили свои усилия Австрия, Польша и Венеция. В одном из пунктов договора говорилось о привлечении в нее всех христианских государей, «преимущественно царей московских» (напомним, что в те годы Россия имела двух царей — Ивана и Петра Алексеевичей и сестру-регентшу Софью при них).

Союзники усиленно приглашали Россию вступить в лигу. Москва соглашалась при условии окончательного урегулирования отношений с Речью Посполитой. Начались, и снова в Андрусове, переговоры, долгие и мучительные. Главным камнем преткновения был Киев, который поляки никак не хотели уступать.

Давление Австрии, неудачи в войне с Турцией заставили Речь Посполитую пойти на заключение мира. В 1686 г . польские послы подписали в Москве «Вечный мир» с Россией. За ней закреплялись Левобережье и Киев, она выплачивала денежную компенсацию Польше за бывшую столицу Древней (Киевской) Руси, разрывала отношения с Турцией и Крымом, вступала в направленный против них союз. Запорожскую Сечь объявили владением России.

§ 6. Крымские походы

Год спустя после заключения «Вечного мира» Россия, во исполнение обязанностей по «Священной лиге», начала войну с Крымским ханством — турецким вассалом и давним врагом России. 50-тысячную армию возглавил князь В.В. Голицын. В мае 1687 г . она подошла к р. Конские Воды. Вскоре, у р. Самары, к ней присоединилась 50-тысячная армия гетмана И. Самойловича. По Днепру плыл на судах отряд Г. Касогова к крепости Кизи-Кермен. В походе участвовали и донские казаки атамана Ф. Минаева.

Обстановка складывалась как будто благоприятная —-турки ие могли оказать помощи Крыму, так как воевали с Австрией, Польшей и Венецией. Но войска Голицына попали в

очень затруднительное положение. Стояло жаркое лето. Не хватало воды, продовольствия, фуража. Крымцы к тому же выжгли степь от Конских Вод до Перекопа. Сражений не было, а потери росли — не выдерживали и люди, и кони. Пришлось отступать. Через полтора года весной начали новый поход. Провели подготовку — сбор денег, ратников. На р. Самаре построили Новобогородицкую крепость, чтобы закрыть пути крымским вторжениям на Украину.

К тому времени сильно ослабли позиции Османской империи. Союзники России по «Священной лиге» разгромили турецкие войска в Венгрии, Далмации, Морее. Белград пал под ударами австрийской армии. В самой Турции возмущенные войска свергли султана Магомета IV.

В феврале 1689 г . русско-украинская армия В.В. Голицына (112 тыс. человек) снова двинулась степями к Перекопу. Хан выставил 250-тысячное войско. В середине мая начались ожесточенные сражения, разбитые крымцы отступали. Но опять началась жара, возобновились тяготы первого похода. После неудачных переговоров с ханом, который предлагал соглашение на условиях Бахчисарайского мира 1681 г . (Голицын не согласился с ними), русское командование начало отвод войск.

Оба похода видимой удачи не принесли. Русско-украинские военные силы подходили к Крыму, но на полуостров вступить не смогли. Немалыми были потери. Все же значение походов, и немалое, в том, что впервые за два столетия (после свержения ордынского ига) Россия предприняла два больших выступления против Крымского ханства. Крымцы испытали чувства страха и горечь поражений. Их военные силы не могли оказать помощь потерпевшей неудачи Турции.

Австрия и Венеция получили от России помощь и смогли ею неплохо воспользоваться. Россия продемонстрировала свою возросшую военную мощь. Характерно, что в Стамбуле, получавшем вести о подходе больших русско-украинских армий к Крыму и турецким владениям в Северном Причерноморье, не раз возникала паника: «Русские идут!»

В Москве постарались, особенно регентша Софья, изобразить оба похода как великие победы, каковыми они не были.

Царь Петр Алексеевич даже не хотел однажды принять Голицына, вернувшегося из похода. Но, несмотря на крайнюю свою нелюбовь к сестре и ее таланту-канцлеру, он после их свержения продолжил ту же политику в южном направлении Правда, внес в нее некоторые изменения.

§ 7. Азовские походы

Петр замышлял поход не прямо против Крыма, через бесконечные степи, а несколько левее, по Дону, к его устью — турецкой крепости Аэову. К нему толкали царя, помимо прочих обстоятельств, и настойчивые требования Австрии и Польши.

20 января 1695 г . всем служилым людям объявили указ: собираться для похода на Крым под начальством боярина Б.П. Шереметева. Его войско двинулось по Днепру к его низовьям. Будущий фельдмаршал захватил четыре турецких крепости на Днепре, две из них разрушил, в двух других оставил русские гарнизоны.

Основные события развернулись восточнее, на Дону. Для похода к Азову выделили 31 тыс. человек, отборные русские полки. Часть войск — Головина и Лефорта — водным путем (по Москве-реке, Оке, Волге, Дону), другая — войско Гордона — по суше 29 июня подошли к Азову. Осада его длилась три месяца и лавров русскому оружию не принесла. Причинами этого были отсутствие единого командующего (Головин, Гордон и Лефорт враждовали между собой, поэтому войска действовали разновременно) и флота (турки без помех подвозили морем подкрепления и продовольствие).

В действиях русской артиллерии не хватало мощи и силы. Организовали два штурма — 5 августа и в конце сентября, но успеха не добились. Осаждавшие понесли большие поте-

ри. Плохая подготовленность похода, поспешность штурмов, непредусмотрительность и неумение в ряде случаев (с флотом, минными подкопами, управлением войсками) заставили Петра отдать в начале октября приказ об отступлении.

«Поход о невзятии Азова» — так сам царь называл первый поход. Он принял немедленные меры: все сухопутные войска поручил командующему, генералиссимусу А.С. Шеину; будущий флот — адмиралу Лефорту, уроженцу славной сухопутной Швейцарии. Петр устроил верфи в Воронеже и окрестных местах. К началу апреля было изготовлено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и 1300 стругов.

К Воронежу стянули до 40 тыс. солдат и стрельцов. 3 мая суда с войсками направились по Дону к Азову. Здесь их дожидалась помощь — донские и запорожские казаки.

В конце мая русская армия пришла к своим прошлогодним шанцам. Обновив их, начали бомбардировку Азова. Вокруг города 12 тыс. человек возвели земляной вал выше крепостных стен. На Дону действовала русская флотилия — сначала казаки на небольших судах уничтожили турецкие корабли, разгружавшиеся у стен крепости; потом русская эскадра вышла в море и не пропустила турецкие корабли с пехотой, продовольствием и снаряжением к осажденной крепости. Турецкий гарнизон капитулировал.

Победителям досталось 136 пушек. 19 июня русские вошли в разрушенную крепость. Азов стал базой, опорным пунктом России на южных рубежах.

§ 8. Присоединение Сибири

Сибирские земли протянулись от Урала до Тихого океана на 8500 км , здесь проживало немногим более 200 тыс. человек (один человек на 75 кв.км). По языку население делилось на несколько групп. В уральскую входили угрофинноязычные ханты и манси; ненцы, селькупы и другие с самодийскими языками; в алтайскую группу — тюркоязычные татары, киргизы, якуты и др., монголоязычные буряты, дауры и др., тунгусо-маньчжуроязычные эвенки, нанайцы и др.; в палеоазиатскую группу — чукчи (луораветланы), коряки (нымыланы), ительмены (камчадалы) и др. Особое место занимали эскимосы, кеты и айны. Промышляли сибирские народы добычей пушнины, били зверя, птицу и рыбу. Жили племенами, родами, большими и малыми семьями. Враждовали между собой из-за промысловых угодий. В Барабинской степи было развито скотоводство; земледелие (у татар, бурятов и др.) — слабее. В горных местах выплавляли из руды железо. У сибирских народов господствовали родовые, патриархально-феодальные отношения, анимизм, шаманизм. Платили ясак более сильным соседям. Обменивались изделиями своих промыслов.

Межродовые и межплеменные раздоры и войны, грабежи, превращение пленников в рабов, набеги соседних государств и племен, превращение ряда племен в кыштымов (данников) постоянно нарушали обычное течение жизни коренных обитателей Сибири. Поэтому их переход в российское подданство произошел довольно быстро, в течение одного столетия Это немного, учитывая огромные расстояния, трудности передвижения (от Урала до Тихого океана по рекам и волокам тогда добирались за три-четыре года), малочисленность русских отрядов, сопротивление в некоторых случаях местного населения.

Впервые русские столкнулись с Сибирским ханством в XV в. В конце XVI в. оно было разгромлено русскими отрядами. В Сибири появляются городки, основанные русскими (Тюмень, Тобольск, Обский, Березов, Верхотурье, Сургут, Томск и др.).

В Сибирь шли не только служилые люди воинского чина, ватаги охотников, скупщики пушнины, но и крестьяне, искавшие свободную обетованную землю.

Русские землепроходцы и мореходы уже к середине столетия достигли берегов Тихого океана. В 1648 г . холмогорец ФА. Попов и казак С. Дежнев открыли пролив между Азией и Америкой. Дежнев — руководитель экспедиции — зазимовал в низовьях Анадыря, а в 1649 г . в его среднем течении основал Анадырский острог. Здесь встретились Дежнев и который пришел сюда сухим путем, через Становой хребет. Первый вернулся на Колыму, второй от-

правился к рекам Пенжине и Гижиге и вышел к Охотскому морю (1651). Попов оказался на Камчатке, куда приплыл по Тихому океану в 1648 г . В конце столетия экспедиция В. Атласова (1697—1699) положила начало продвижению на Камчатку и Курильские острова, а также в Америку.

В середине века русские появляются и на Амуре. Идут сюда из Енисейска и Красноярска к Байкалу, в Забайкалье или с севера, со стороны Лены и Якутска. В 40-е годы в Приамурье побывали отряды В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова. Здесь появляются русские городки, зимовья, слободы: Албазинский (1651), Кумарский (1654), Косогорский (1655), Нерчинский (1658). Приамурье входит в состав владений России. Здесь ее проникновение встречает недовольство, сопротивление правителей Маньчжурии, Китая, хотя эти земли им не принадлежали.

К концу столетия русские владения на севере и востоке подошли к естественным рубежам — кромке Ледовитого и Тихого океанов. На юге продвижение, встретившись с противодействием киргизских и джунгарских, маньчжурских и китайских феодалов, приостановилось на линии Курган—Кузнецк—Красноярск—Селенга—Аргунь — устье Амура.

Управлением Сибирью ведал в Москве сначала Посольский приказ, потом Приказ Казанского дворца. А в 1637 г . создали специальный Сибирский приказ.

Воеводы с промышленниками собирали с местного населения (со взрослых мужчин) ежегодную подать — ясак. Правительство, с одной стороны, стремилось остановить произвол воевод, управителей по отношению к ясачным людям, предотвратить их обнищание и разорение; с другой — строго и неукоснительно требовало полного сбора ясака, недоимок. Рост эксплуатации, притеснений, насилий вызывал протест местных жителей. Одни бежали в глухие места, другие отказывались платить ясак, убивали представителей царской администрации. Наконец, поднимались на открытую борьбу. с середины и до конца столетия по Сибири прокатывается волна восстаний, в которых, наряду с русскими, нередко вместе с ними, участвовали и нерусские народы.

В Сибири оседали русские, украинцы, литовцы и др.: служилые, посадские, крестьяне, а также гулящие, набродные, нищие. В конце столетия в Сибири посадских было 2500 человек, военно-служилых — раз в пять больше. Чтобы увеличить пашню под зерновые, власти принудительно переселяли сюда поморских крестьян, набирали вольных («охочих») людей, сажали на землю ссыльных. Кроме них здесь оседали в поисках землицы и воли бежавшие крепостные. В Сибири не прижилось помещичье землевладение. Но появилось монастырское — к концу столетия духовным обителям принадлежало 1,5 тыс. крестьянских дворов.

К тому же времени в Сибири насчитывалось 25 тыс. русских семей, из них— 11 тыс. крестьянских. Именно на их плечи легла забота о снабжении местного населения хлебом. Русские налаживали связи с местными народами, обменивались навыками в хозяйстве и быту. Взаимно обогащали друг друга знаниями в языках, обычаях, преданиях, изделиях хозяйственного обихода, прикладного искусства.

Присоединение Сибири — поворотный момент в судьбах местных народов. Они многое узнали, приобрели (земледелие, сенокошение, обработка металлов, защита от воинственных соседей).

Глава 22. Русская культура в XVII в.

XVII столетие в истории русской культуры, как и в целом для истории России, — начало нового периода. В это памятное, переломное время появляются первые ростки секуляризации в духовной жизни общества — обмирщения культуры, сознания индивидуума и коллектива, сообщества. Человек в бурные годы Смуты, народных мятежей и войн, продвижения в Сибирь и на Дальний Восток сознает себя как личность, свою важную роль в судьбах страны, в истории. На ее авансцену выходят, помимо царей и полководцев, немало людей незнатных, худородных — мелких дворян, посадских и служилых, казаков и крестьян. Из их среды — прославленные на всю Россию Иван Болотников и Кузьма Минин, Иван Балаш и Степан Разин, патриарх Никон и его неистовый оппонент — протопоп Аввакум, многие другие.

Подобные явления — симптомы эпохи, заметно отличающие ее от «досмутного» времени.

§ 1. Просвещение

Во времена Василия III, Ивана Грозного, Федора Ивановича грамотных можно было сыскать преимущественно среди лиц духовного или приказного сословия; в XVII в. их уже Немало среди дворян и посадских людей. Даже среди крестьян черносошных, отчасти среди крепостных и даже среди холопов имелись грамотеи — старосты и целовальники, приказчики и писцы. Но, конечно, подавляющая масса крестьян — люди неграмотные.

В целом процент грамотных по стране, хотя и медленно, увеличивался. Еще в первой половине столетия многие городские воеводы из-за неграмотности или малой грамотности шагу не могли ступить без дьяков и подьячих, своих подчиненных по воеводской избе — центру уездного управления. То же самое можно сказать и о многих дворянах, которых посылали из Москвы описывать и межевать земли, «сыскивать» беглых, чьи-либо упущения, преступления и т.д. Во второй половине столетия на воеводствах сидели люди, как правило, грамотные; это прежде всего представители думных и московских чинов. Среди уездных дворян грамотных было немного.

Немало грамотных имелось в посадах. Занятия ремеслом и торговлей, разъезды по делам требовали знания письма и счета. Грамотные люди выходили и из богатых, и из бедных слоев. Довольно часто как раз малый достаток стимулировал стремление к знанию, грамоте. «У нас — говорили, например, жители поморского Яренска, — которые люди лутчие и прожиточные, и те грамоте не умеют. А которые люди и грамоте умеют, и те люди молотчие». В Вологде для многих обедневших посажан умение писать — способ добыть хлеб насущный: «А кормятся на Вологде в писчей избушке площадным письмом посацкие оскуделые люди». В Устюге Великом таким путем добывали средства существования 53 площадных подьячих из местных посадских людей. Десятки и сотни таких же грамотеев трудились на площадях других городов.

Грамоте посадские и крестьяне учились у «мастеров» из священников и дьяконов, дьячков и подьячих, прочих грамотных людей. Нередко обучение грамоте строилось на началах обычного ремесленного ученичества, по «ученической записи», соединялось с обучением торговле, какому-либо ремеслу. К примеру, К. Буркова, мальчика из посажан Устюга Великого, матушка отдала (конец столетия) для обучения грамоте и кружевному делу Д. Шульгину — тяглецу столичной Семеновской слободы.

Обучались мужчины. Грамотных женщин было очень немного; они — из царского дома и высшего сословия, как царевна Софья и некоторые другие. Учили прежде всего элементарной азбуке по азбуковникам, печатным и рукописным. В 1634 г . был опубликован и в течение столетия неоднократно переиздан букварь В. Бурцева. На книжном складе московского Печатного двора в середине века лежало около 11 тыс. экземпляров бурцевского букваря. Стоил он одну копейку, или две деньги, весьма дешево по тогдашним ценам. Тогда же

издали грамматику Мелетия Смотрицкого, украинского ученого (по ней потом учился Михаил Ломоносов). В конце столетия напечатали букварь Кариона Истомина, монаха Чудова монастыря Московского Кремля, а также практическое руководство для счета — таблицу умножения — «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякия вещи». За вторую половину столетия Печатный двор напечатал 300 тыс. букварей, 150 тыс. учебных псалтырей и часословов. Бывало, за несколько дней раскупались тысячные тиражи таких пособий.

Многие люди учились по рукописным азбукам, прописям и арифметикам; последние имели подчас весьма экзотические названия: «Книга сия, глаголемая по-эллински, или по-гречески, арифметика, а по-немецки альгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость» (альгоризм — название, идущее от имени Ал-Хорезми, великого ученого средневековой Средней Азии, родом из Хорезма).

Значительно расширился круг чтения. От XVII в. сохранилось очень много книг, печатных и особенно рукописных. Среди них, наряду с церковными, все больше светских: летописей и хронографов, повестей и сказаний, всякого рода сборников литургического, исторического, литературного, географического, астрономического, медицинского и иного содержания. Многие имели различные руководства по измерению земель, изготовлению краски, устройству всяких сооружений и др. У царей и знатных бояр имелись библиотеки с сотнями книг на разных языках.

Среди тысяч экземпляров книг, изданных московским Печатным двором, более половины составляли светские. Увеличилось число переводных сочинений: в XVI в. известно всего 26 названий; в XVII в. — 153, из которых к числу религиозно-нравственных относится менее четырех десятков. Остальные, более трех четвертей, светского содержания.

В деле просвещения русских немалую роль сыграли ученые украинцы и белорусы. Одни из них (И. Гизель и др.) присылали свои сочинения в Москву, другие (С. Полоцкий, А. Сатановский, Е. Славинецкий и др.) переводили, редактировали книги, создавали свои произведения (вирши, орации, проповеди и др.), многие были в России учителями.

Приезжало в Россию много иноземцев, сведущих в разных областях научных, технических знаний. На окраине Москвы они жили в Немецкой слободе, которую столичные жители прозвали Кукуем (Кокуем): то ли потому, что обитатели ее кукуют по-кукушечьи, непонятно; то ли потому, что на кокуи, т.е. игрища (вечера с танцами), собираются. Смотрели на них с жадным любопытством (многое было необычно для русского человека: те же танцы, курение, свободная манера общения мужчин и женщин) и страхом (латыны какникак, от греха недалеко!). Среди приезжих было немало людей знающих и добросовестных. Но большей частью — всякие проходимцы, искатели наживы и приключений, плохо знающие свое ремесло, а то и вовсе неграмотные. От иноземцев русские перенимали знания и навыки в области архитектуры и живописи, обработки золота и серебра, военного и металлургического производства, в иных ремеслах и художествах. Обучались языкам — греческому, латинскому, польскому и проч.

Обучение с помощью учителей на дому или самообразование перестало удовлетворять насущные потребности. Встал вопрос о заведении школ. Молодые люди, особенно из столичных, уже посмеивались над своими учителями: «Враки они вракают, слушать у них нечего. И себе имени не ведают, учат просто; ничего не знают, чему учат».

Окольничий Федор Михайлович Ртищев, любимец царя Алексея Михайловича, человек влиятельный, в разговорах с царем убедил его посылать московских юношей в Киев: там в коллегиуме научат их всяким ученостям. Пригласил из украинской столицы ученых монахов. Они должны обучать русских в Андреевском монастыре, им основанном, славянскому и греческому языкам, философии и риторике, другим наукам словесным. Любознательный окольничий ночи напролет проводил в беседах с киевскими старцами, изучал под их руководством язык Гомера и Аристотеля. По его же настоянию молодые дворяне проходили курс наук у приезжих профессоров. Некоторые делали это охотно, из любви к знанию, изучали греческий и латынь, хотя и опасение имели: «в той грамоте и еретичество есть».

Все описанное происходило в 40-е годы. Лет двадцать спустя прихожане церкви Иоанна Богослова в Китай-городе подали челобитную с просьбой открыть им при церкви школу наподобие братских училищ на Украине, а в ней «устроение учения различными диалекты: греческим, словенским и латинским». Власти согласились: заводите «гимнасион», «да трудолюбивые спудеи радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости».

Возможно, тогда появились и некоторые другие, ей подобные школы. Известно, что в 1685 г . существовала «школа для учения детям» в Боровске, около торговой площади.

В Москве, на Никольской улице построили особое здание для школы. Открыли ее в 1665 г . при Заиконоспасском монастыре (точнее — Спасском монастыре за торговым Иконным рядом). Во главе поставили самого мудрого Симеона Полоцкого. Собрали учеников из молодых подьячих разных приказов. В их числе оказался и Семен Медведев из Приказа Тайных дел, впоследствии монах Сильвестр, ученый и писатель, автор прекрасного исторического и публицистического труда о регентстве Софьи. В то время молодой Семен и его сотоварищи изучали латынь и русскую грамматику, ибо приказы нуждались в образованных чиновниках — подьячих.

Через пятнадцать лет устроили школу при Печатном дворе. При открытии школы в ней было 30 учеников, взятых из разных сословий и учившихся греческому языку; через три года — уже 56, еще через год — на десяток больше. А 166 учеников постигали премудрости и сложности славянского языка. 232 ученика в школе — немало для XVII столетия!

В 1687 г . открыли Славяно-греко-латинское училище, впоследствии названное академией. По «привилегии», давшей программу образования, оно должно было стать не только церковным, а общим. Здесь постигали «семена мудрости» из наук гражданских и церковных, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия», т.е. всю схоластическую школьную премудрость, идущую от средневековья; весь школьный цикл от низших до высших классов, начиная с грамматики и кончая философией (метафизической и натуральной), этикой и богословием. Училище было одновременно высшим и средним учебным заведением. В соответствии с уставом, в училище принимали людей «всякого чина, сана и возраста». В будущем государственные должности могли получить только выпускники школы, за исключением детей «благородных»: их «порода» считалась достаточной гарантией успешной службы на государственном поприще.

На училище, или академию, возлагали немалые надежды. И потому наделили деньгами и всякими льготами, иммунитетами: профессоров и учащихся, за исключением уголовных дел, подчинили суду собственной училищной юрисдикции, «блюстителя» же (ректора) — суду патриарха. Приказы не могли входить в их тяжебные дела и проступки. Училище получило библиотеку.

Первые преподаватели, профессора были греки: братья Лихуды, Иоанникий и Софроний. Учеников для них взяли из школы Печатного двора. В первый год их было 28, на следующий — 32. Шли сюда и отпрыски московской знати, и дети приказных дельцов. Полдюжины учеников ходили в лучших; в их числе — Петр Васильевич Посников, сын дьяка Посольского приказа, ставший доктором медицины Падуанского университета в Италии.

Лихуды составили учебники грамматики, пиитики, риторики, психологии, физики, других предметов. Сами же учили всем наукам, греческому и латинскому языкам. Через три года лучшие питомцы переводили книги с обоих языков. Обучение шло очень хорошо. Но против братьев выступил влиятельный недоброжелатель светского образования патриарх иерусалимский Досифей. Его интриги и наветы закончились для Лихудов печально — их отстранили от любимого дела. Но его продолжили их русские ученики, особенно успешно Ф. Поликарпов и И.С. Головин.

Новшества в деле просвещения, образования затронули Москву и лишь отчасти — другие города. Вне столицы грамотность распространялась в Поморье, Поволжье и некоторых других областях. Уделом основной массы крестьян и посажан оставалась неграмотность.

Просвещение, как и многое другое, было привилегией феодалов, духовного чина и богатых торговцев.

§ 2. Научные знания

Русские славились как мастера обработки металла, литейного дела. Источники часто упоминают о «пищалях винтовальных» — нарезных ружьях, о пищалях с механизированным клиновидным затвором. В 1615 г . русский мастер изготовил первую пушку с винтовой нарезкой. Хорошо в России отливали колокола, большие и малые, славился по всей стране их «малиновый звон». По сообщению Павла Алеппского, царь пожелал иметь в Москве большой колокол. Иностранцы соглашались отлить его, назначили срок — пять лет. Но местный мастер за один год изготовил колокол в 12,5 тыс. пудов!

Столь же успешно и надежно владели русские мастера строительной техникой, возведением деревянных н каменных зданий, светских и церковных. Особо следует сказать о крепостных стенах: точные расчеты высоты и толщины позволяли обходиться без контрфорсов, что широко практиковали зодчие в Западной Европе.

При устройстве водяных мельниц и, что особенно показательно и важно, железоделательных и иных мануфактур использовали водяные двигатели. Уже тогда мехи у домен и тяжелые молоты, ковавшие железо, использовали энергию воды.

Русские пишут практические руководства, в которых обобщают накопленный опыт, дают наставления по описанию земель («Книга сошного письма», 1628—1629 гг.), подъему соляного раствора с большой глубины (начало XVII в., автор — «трубный мастер» Семен изТотьмы), военному делу («Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» Анисима Михайлова), по изготовлению красок, олифы, чернил и др. Подобные пособия давали начатки знаний по геометрии и геологии, физике и химии, баллистике и иным наукам. В травниках, своего рода лечебниках, описывались свойства разных трав, давались рекомендации по лечению ими болезней.

Знание астрономии было необходимо для хозяйственной, в том числе торговой, деятельности: для суточного исчисления времени, определения дней переходящих церковных праздников. В России имели хождение рукописи астрономического характера. Прежде всего — переводы и компиляции иностранных трудов. Из них читатель мог узнать об основах геоцентрической системы Птолемея. В середине столетия и 70-е годы появились переводы трудов западноевропейских авторов с изложением гелиоцентрических воззрении Николая Коперника.

Расширялись географические знания, представления о России, ее территории и проживающих на ней'народах, обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока.

Уже в конце XV и XVI столетии в России составляются чертежи и карты. На рубеже XVI и XVII вв. появилась общая карта государства, основанная на чертежах отдельных его регионов. Этот «Старый Чертеж» не сохранился. В 1627 г . составили «Новый Чертеж» земель между Доном и Днепром, так называемого Поля, вплоть до Черного моря, и «Книгу Большому Чертежу»: перечень городов России, расстоянии между ними с краткими сведениями этнографического, географического характера. Последний труд в течение столетия неоднократно дополнялся новыми сведениями. В начале столетия карту России составил царевич Федор, сын Бориса Годунова. Но она не сохранилась.

Географические сведения «поверстных книг», которые изготовляли в Ямском приказе, давали ямщикам возможность исчислять прогоны. В них были перечислены дороги от Москвы в другие города и уезды, селения по пути следования, расстояния между ними. Упоминались и важнейшие города за рубежом.

В Посольском приказе хранились материалы со сведениями об окрестных странах: наказы послам, отчеты последних — статейные списки. В Сибирский приказ поступали отписки, сказки русских землепроходцев и мореходов, бороздивших сибирские и дальнево-

сточные просторы, прилегающие к ним моря и океаны; статейные списки посольств к кочевым народам.

Сведения о Сибири и Дальнем Востоке, их соседях, речных и морских путях, собранные русскими людьми, во многом обогатили мировую географическую науку. Иностранцы и в России и вне ее всякими путями, законными и незаконными, жаждали получить материалы Посольского и Сибирского приказов. Так или иначе они становились известными в Европе, и ряд авторов использует русские материалы в своих трудах, картах. Чертеж России Федора Годунова положен в основу карты Восточной Европы, сделанной Гарритсом. Следы использования тех же материалов можно найти в сочинениях голландца И. Массы, англичанина С. Коллинса, шведа И. Кильбургера, француза Ф. Авриля и многих других. Среди этих книг особо следует выделить «Северную и Восточную Татарию» Николая Витзена, амстердамского бургомистра, изданную в 1692 г .

Еще большее распространение получили исторические сочинения — летописные своды, повести, сказания и другие памятники предшествующих столетий. В XVII в. к ним прибавились многие новые летописи и хронографы, повести и сказания. Обоснование прав М.Ф. Романова на царский престол — главная задача «Нового летописца» (1630) и его продолжений. После него был составлен ряд других летописных сводов. В частности, в 1652 г . появился свод патриарха Никона, в 1686 г . — свод по случаю заключения «Вечного мира» с Речью Посполитой. Эти и другие летописные труды, составленные в Москве, носят сугубо официозный характер. В других (летописи сибирские, белорусско-литовские, северо-русские и проч.) нет прямой зависимости от официальной точки зрения, но н они, конечно, проникнуты той же феодальной, дворянской идеологией.

Помимо сочинений, которые продолжают летописную традицию, в XVII в. появляются исторические сочинения нового типа, переходного от летописного жанра к своего рода монографическому или обобщающему. К первому типу можно отнести труд Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве». Это единый и подробный рассказ о конце правления царя Федора Алексеевича, московском восстании 1682 г . и начале регентства Софьи Алексеевны. Изложение доведено до 1684 г .

В конце 70-х годов, четыре года спустя после выхода в Киеве, в Москве опубликовали «Синопсис» Иннокентия Гизеля, украинского ученого, архимандрита Киево-Печерского монастыря. В нем дан обзор, краткий и популярный, русской истории с древнейших времен до той эпохи, когда жил и писал его автор. Позднее его переиздавали десятки раз, настолько он стал популярен как пособие для чтения.

§ 3. Фольклор. Литература

Общественный подъем эпохи Смуты и последовавших за нею событий обусловил расцвет устного народного творчества.

В конце века в России побывал Ф. Балатри, известный на своей родине, в Италии, певец. Ему, видимо, понравились русские песни, и одну из них, плясовую, он записал, причем латинскими буквами:

Ай, сорока-белобока
Стала с дружком танцевать,
А ворона, стара жона,
Пришла тотчас помешать.

Широкое хождение имеют сказки — волшебные, бытовые, героические; былины о богатырях киевской поры; исторические песни о царевне Ксении и полководце Скопине-Шуйском, об «Азовском сидении» и Стеньке Разине. Особенно хороши песни о Разине — народном заступнике:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича
По прозванию Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедныих,
Добрых молодцев, людей беглыих;
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички.

Образ Стеньки Разина, которого ни пуля не возьмет, ни пушечное ядро не тронет, вырастает в песнях и преданиях, сказках и легендах до размеров былинных. Народная фантазия то переносит его под стены Казани, и он помогает ее взять Ивану Грозному; то делает славного Илью Муромца его есаулом; to объединяет воедино двух Тимофеевичей — Ермака и Разина.

Многие из пословиц и поговорок того времени дожили до нашего времени, например: «Баснями соловья не кормят», «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Некоторые пословицы и поговорки отражают прошлое, не столь уж давнее: «Аркан не таракан: хошь зубов нет, а шею ест» (об ордынской неволе), «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» (об отмене Юрьева дня по указу царя Федора Ивановича). Многие посвящены природным явлениям, наблюдениям над сменой времен года, погоды. Народная мудрость, вековой опыт, острый взгляд русского человека отразились в них в полной мере. Другие столь же метко смеются над неправедными судьями и попами — стяжателями и пьяницами, богачами-эксплуататорами.

В духовных стихах и плачах, народных драмах скоморохов народ выражал свое отношение к окружающей его действительности, свои заветные мысли, чувства, надежды.

Народный дух, нередко протестующий, критическое восприятие существующих порядков, здравый, реалистический подход к объяснению действительности прорываются все явственнее в литературу. Последняя вместе с другими явлениями общественной, духовной жизни ярко отражает рост национального самосознания народа, идейные противоречия, противоборство разных социальных сил. Многое всколыхнули все те же Смута и народные восстания, «Азовское сидение» и «Сибирское взятие».

События начала века подвигли взяться за перо князей и бояр, дворян и посадских людей, монахов и священников. Авраамий Палицын в «Сказании» подробно рассказывает о «разбойничестве» первых лет нового века, восстании Болотникова, борьбе с самозванцами и интервентами. Подчеркивает при этом роль своей обители, где служил келарем, Троице-Сергиева монастыря. Другие авторы — дьяк И. Тимофеев во «Временнике», И.М. Катырев-Ростовский, родовитый князь, многие известные и анонимные составители повестей и сказаний, слов и видений — взволнованно говорят о Смуте. В объяснении ее причин, наряду с божественным промыслом (наказание-де за грехи наши), все чаще пишут о людях, их замыслах и поступках, порицают их: одних за нарушение справедливости (например, убийство царевича Дмитрия происками Годунова), других — за «безумное молчание» в связи с этим, третьих («рабов» господских) — за непослушание и «мятеж».

А некоторые высказывают вольнодумные мысли. Молодой князь И.А. Хворостинин, отпрыск знатного рода, начитавшись латинских книг, начал хулить отеческие порядки, мечтал убежать в Литву или Рим, с презрением относился к обрядам православной церкви. Дошел до того, что не ходил к заутрене и обедне, запретил ходить в церковь своим холопам, не захотел христосоваться с самим государем, которого звал не царем, а «деспотом русским»! Князь «в разуме себе в версту не поставил никого», а о своих согражданах говорил со многою укоризною: «В Москве людей нет, все люд глупый, жить не с кем: сеют землю рожью, а живут все ложью».

Участники похода Ермака составили «Казачье написание». Инициативу похода они отводят самим казакам, а не Строгановым. Оно ярко рисует их среду с ее демократизмом и

вольнолюбием. Федор Порошин, беглый холоп, ставший подьячим Войска Донского, создает в 40-е годы «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». С ее страниц встает эпопея героической борьбы донцов с турками в ходе взятия и защиты Азова (1637—1642). Впитавшая в себя фольклорную и книжную традиции «Повесть...» стала одним из лучших литературных памятников эпохи. Патриотичность, яркий язык, эпичность и драматичность повествования сделали ее очень популярной у читателей.

По-прежнему русские люди любили читать жития святых — Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и многих других. Жития распространялись в тысячах списков. Составляются жития и в XVII в., появляются новые святые подвижники, и церковь благосклонно расписывает их беспорочную жизнь, подвиги и чудеса, с ними связанные. Но, что показательно для эпохи, появляются также жития-биографии не церковных, а гражданских лиц. Муромский дворянин Каллистрат-Дружина Осорьин пишет «Житие Юлиании Лазаревской», прославляет в нем свою родную мать. «Сказание о явлении Унженского креста» посвящено Марфе и Марии, двум сестрам, их жизни, дает яркие зарисовки быта, обычаев русских людей. Старый жанр начинает перерастать в бытовую повесть. А «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» — талантливая и яркая автобиография, острая, полемическая и живая; по словам М. Горького — «непревзойденный образец пламенной и страстной речи бойца». «Просторечие», яркость зарисовок, наглядность образов, индивидуальная манера письма делают «Житие» новаторским произведением, несмотря на консерватизм взглядов автора-старообрядца. Аввакум сознавал значение того, что он делает: «И аще что реченно просто, и вы не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго».

Столь же яркое явление русской литературы этого времени — сатирические повести и сказания. Демократические по духу, они пародируют церковную литературу и обрядность, приказное делопроизводство, высмеивают попов и судей неправедных. Их авторы вышли из приказной и духовной среды, но из низших слоев. Отсюда их близость к народу, его просторечию, бытовым сценам повседневной жизни, критический взгляд на явные противоречия социальной жизни. Таковы «Азбука о голом и небогатом человеке», герой которой, разорившийся человек, «меж двор» скитается; «Служба кабаку» — пародия на церковную службу, написанная в Сольвычегодске в середине века и направленная против царевых кабаков, пьянства. Пародию на суд и судей-взяточников искусно сплетает повесть о «Шемякином суде»; на духовенство — «Сказание о куре и лисице», «Сказание о попе Савве и великой его славе», «Калязинская челобитная». Мздоимство и жадность всей этой братии, пьянство и распущенность нарисованы метко и остроумно, живым языком, с пословицами и скоморошьими прибаутками.

Сатирические мотивы характерны и для бытовой повести. В повести о Карпе Сутулове, богатом и славном госте, его жена Татьяна ловко и остроумно высмеивает архиепископа, попа и других сердечных воздыхателей. Купчиха весело и фривольно издевается над ними, особенно духовными особами. «Повесть о Горе-Злочастии» говорит о незавидной судьбе молодого и самоуверенного человека, который, пренебрегая мудрыми наставлениями родителей, пустился в веселую, разгульную жизнь и дошел до нищеты, душевного опустошения. Аналогичная жизненная ситуация в «Повести о Савве Грудцыне», занимательной и живой, наполненной подробностями из народного быта.

Большое хождение получила литература переводная, прежде всего западная, светская. Русские книжники переделывали подобные произведения на свой лад. Большой известностью пользовались повести о Еруслане Лазаревиче и Бове-королевиче с их авантюрно-галантными, рыцарскими «гисториями» и ряд других сочинений.

В литературе XVII в. появляются новые черты демократизма и светскости: демократический писатель и читатель (из посадских, приказных людей и др.), внимание к личности героев, их душевным переживаниям, отход от религиозных догм; новые жанры — светская повесть, драма, стихи с их бытовыми, сатирическими, любовными мотивами. Но все эти чер-

ты означают лишь первые шаги нового. В основном литература продолжает старые традиции.

§ 4. Архитектура

Сочетание народных традиций и новых тенденций характерно и для русской архитектуры XVII в. Она во многом продолжала линию русского деревянного зодчества. Деревянное строительство по-прежнему доминировало над каменным по всей стране, в том числе и в столице.

Деревянное зодчество, теснейшим образом связанное с потребностями жизни народа, его быта, обычаев, отличалось реализмом и функциональной целесообразностью. Основные элементы деревянного дома — квадратный сруб (клеть) с подклетью для хозяйственных помещений, кладовых, сени между клетями, крыша, двери и окна — устойчиво бытовали столетиями, перешли и в каменные здания.

Русские плотники и каменщики работали с большой изобретательностью и художественной выдумкой. Их постройки отличались прочностью и конструктивным совершенством.

Деревянные церкви и крепостные стены, башни используют принципы квадратной, прямоугольной, крестообразной, восьмигранной клети для основного здания; высокой двускатной или «кубоватой» крыши, шатра, одно- и пятиглавого завершения. Немало таких церквей сохранилось в Архангельской, Мурманской, Калининской и других областях. Прекрасным образцом деревянной жилой архитектуры стал дворец в Коломенском (lo67—1668), разобранный «за ветхостью» столетие спустя, при Екатерине II. Современники прозвали его восьмым чудом света. Своей сказочностью и красотой, разнообразием форм и богатством резных узоров, яркими красками и позолотой он поражал воображение, напоминал драгоценную и уникальную игрушку.

Каменное зодчество, прерванное Смутой, возрождается с 20-х годов. В Москве восстанавливаются стены и башни Кремля; над главными его воротами, Спасскими, возводят красивую шатровую надстройку, и силуэт башни, строгий и суровый, становится совсем иным, праздничным и торжественным. К тому же на верху башни появляются куранты.

Одна за другой по всей стране строятся шатровые церкви и соборы: Архангельский собор в нижегородском кремле (1631), церковь Покрова в Медведкове — имении князя Д.М. Пожарского (20-е годы), Успенская «Дивная» церковь в Угличе (1628) и др. В них заметно стремление к нарядности и декоративности, камерности и интимности. Эти черты постепенно нарастают и в культовом, и в гражданском зодчестве. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на трехэтажные «терема» Московского Кремля, выстроенные Антипом Константиновым, Баженом Огурцовым, Третьяком Шарутиным и Ларионом Ушаковым; церкви Ильи Пророка, Иоанна Предтечи в Ярославле, московские — Троицы в Никитниках, Рождества в Путниках; Вознесенскую в Великом Устюге; митрополию в Ростове (ошибочно именуется Ростовским кремлем) и многие, многие другие.

В городах богатые бояре, дворяне и купцы строят каменные палаты, все более «узорочные», особенно во второй половине столетия. Таковы дома думного дьяка Аверкия Кириллова, бояр Голицына и Троекурова в Москве, Коробова в Калуге, Иванова в Ярославле и т.д. А построенные в конце века для царской семьи пышные «чертоги» Троице-Сергиевой лавры предвосхищают дворцы следующего столетия.

В XVII в. оформляются знаменитые комплексы Троице-Сергиевой лавры, Иосифо-Волоколамского, Новодевичьего, Симонова, Спасо-Евфимиева и многих других монастырей.

К концу столетия складывается стиль «московского», или «нарышкинского», барокко, пышный и величавый, парадный и исключительно нарядный. В Нарышкинских палатах на Петровке в Москве, церквах в Филях, Троице-Лыкове, Уборах под Москвой, Успенском соборе в Рязани и многих других используются башенный тип постройки, сочетание красного

кирпича для основной кладки и белого камня для отделки. Здания отличаются изяществом и разнообразием декоративного убранства.

В архитектуре заметны стремление к светскости, реализму, использование народных традиций, идущих из глубины веков.

§ 5. Изобразительное искусство

Те же черты можно отметить и в живописи. Как и в архитектуре, здесь русский национальный стиль вырабатывает новые черты, формы. Дальнейшее развитие получает строгановская школа с ее мелким, каллиграфическим письмом, тончайшей прорисовкой деталей. Прокопий Чирин, Никифор Савин, Емельян Москвитин — наиболее замечательные ее представители, работавшие в Москве, часто писавшие иконы по заказу Строгановых. Утонченность исполнения, красочность икон восхищали современников. Павел Алеппский, побывавший в русской столице в середине века, убедился в этом: «Иконописцы в этом городе не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку в мастерстве: они изготовляют образки, восхищающие сердце зрителя, где каждый святой или ангел бывает величиной с чечевичное зернышко или с османи (мелкая монета. — *Авт.*) . При виде их мы приходили в восторг. Мы видели маленькую икону из трех дощечек, то есть с дверцами: фигуры ангелов на ней величиною с мух, работа — изумительная. Жаль, что люди с такими руками тленны!»

В творчестве Симона Федоровича Ушакова (1626 — 1686), мастера царской Оружейной палаты, крупнейшего русского художника, и других мастеров намечается стремление к реализму. Он имел учеников — Ивана Максимова, Михаила Милютина и многих других. Вокруг него собралась большая группа художников Оружейной палаты. Один из них, Иосиф Владимиров, написал «Послание» к Ушакову (1664) — своего рода теоретический трактат с обоснованием реализма в живописи: близости к природе, необходимости того, чтобы искусство стремилось к красоте и свету, не подавляло, а радовало человека. «Премудрый художник что видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах и согласно слуху или видению уподобляет». В «Слове к люботщателем иконного писания» С.Ф. Ушаков, отвечая Владимирову, своему другу, проводит те же принципы реализма, живости, точности, «зеркальности» изображения.

Реалистические тенденции в сочетании с яркими, жизнерадостными мотивами и красками русские мастера проводили и при росписи церквей. Фрески церквей Троицы в Никитниках (возможно, их авторы — Владимиров и Ушаков) в Москве, Ильи Пророка в Ярославле (Гурий Никитин, Сила Савин «со дружиною») и многие другие поражают красочностью и богатством композиций, изобретательностью и оптимизмом, народным духом и обилием бытовых деталей.

В иконах Ушакова явственно проступает «плотский» характер изображаемых лиц — Иисуса Христа и других, хотя и сохраняются традиционные композиция, плоскостная трактовка фигур. Особенно это заметно в «Нерукотворном Спасе», «Древе государства Российского». Его стиль продолжили и развили ученики, сподвижники и современники — смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий, армянин Иван (Богдан) Салтанов, их русские ученики Иван Безмин, Карп Золотарев и другие.

Новое направление, несмотря на протесты, противодействие церковников: патриархов, с одной стороны,и раскольников — с другой, развивалось и в дальнейшем.

Черты реализма появляются и в портретном жанре. Если парсуны (портреты) царя Федора Ивановича (1600), князя М.В. Скопина-Шуйского (1610) сделаны в обычной иконописной манере, то более поздние, середины и второй половины века, говорят о стремлении к портретному сходству, реалистическому письму. Таковы портреты царей Алексея (С. Лопуцкий), Федора (И. Богданов), патриарха Никона (И. Детерсон и Д. Вухтерс). На иконах появляются реалистические пейзажи (например, у Тихона Филатьева, конец XVII в.), изображения зданий.

§ 6. Театр

Театр возник при дворе, и он должен был противостоять скоморошьему лицедейству, народному театру Петрушки вместо народных сцен — пьесы на библейские, историко-героические темы; вместо народного языка, подчас резкого, грубоватого и фривольного, — напыщенный, тяжеловесный язык с ложной патетикой.

Царь Алексей Михайлович по инициативе боярина А.С. Матвеева поручил в 1672 г . организацию театра Иоанну Готфриду Грегори, пастору лютеранской церкви из Кокуя. Он набрал труппу из 60 иноземцев, потом появились актеры из русских и вскоре начали играть на немецком и русском языках пьесы на библейские темы; об Эсфири («Артаксерксово действо»), Товии, Юдифи и Олоферне. В ходе постановки пьес разыгрывались шутовские вставки — интермедии с «дурацкой персоной» и импровизированным диалогом, что вводило в спектакль живую русскую речь, народную драматическую традицию. После кончины царя (1676) театр закрыли, и он более не возобновлял свои постановки.